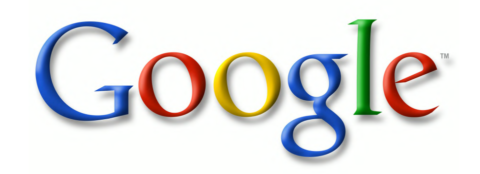

B 1,100,255

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ 189

189

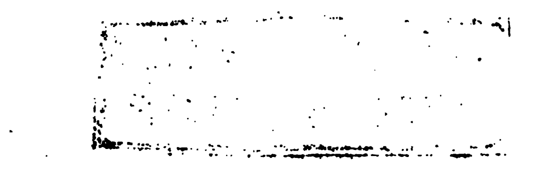
ТОМЪ СТО ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТЫЙ

1887

МАЙ

СОДЕРЖАНІЕ:

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. Катковымъ

189

ТОМЪ СТО ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТЫЙ.

МОСКВА
Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)
1887

ЭКСПРЕССІЯ

или

ВЫРАЖЕНІЕ ЧУВСТВА У ЧЕЛОВѢКА И ЖИВОТНЫХЪ

Предлагаемая здѣсь статья Н. Я. Данилевскаго предназначалась имъ для втораго тома его „Дарвинизма", какъ *одна изъ главъ* имѣвшихъ общее заглавіе: *Происхожденіе человѣка.* Подъ этимъ заглавіемъ впереди всего долженъ былъ идти разборъ Дарвинова *Descent of man;* предварительная работа для этого разбора уже была кончена, то-есть на поляхъ книги Дарвина и на отдѣльныхъ листкахъ были сдѣланы полныя и точно выраженныя замѣчанія на всю книгу; но авторъ не начиналъ связнаго изложенія своей критики, поджидая полученія изъ-за границы книгъ которыя считалъ нужнымъ принять во вниманіе. Послѣ разбора *Descent of man* долженъ былъ идти разборъ *Expression of the emotions.* Эта книга была также испещрена замѣчаніями, и такъ какъ тутъ все нужное оказалось у автора подъ руками, то онъ сталъ писать ея разборъ. Сперва онъ списалъ и подробно изложилъ отдѣльныя замѣчанія на всю книгу по порядку страницъ; потомъ изъ этихъ замѣчаній составилъ статью, слѣдуя въ ней уже логическому ходу своего анализа и своей мысли, и наконецъ сталъ переписывать эту статью, давая ей при этомъ окончательную отдѣлку. Такъ онъ работалъ, исчерпывая разбираемую книгу до дна и давая строгій порядокъ своимъ аргументамъ. Къ несчастію, одна лишь предлагаемая здѣсь глава нашлась вполнѣ оконченною и даже наполовину переписанною.

Н. С.

3 мая.

I. Общій взглядъ на ученіе объ экспрессіи и характерѣ его направленія.

За особый рядъ доказательствъ происхожденія человѣка отъ животныхъ предковъ должно еще считать тѣ объясненія которыя даетъ Дарвинъ такъ-называемой *экспрессіи* * или выраженію ощущеній и чувствованій у человѣка и животныхъ, изслѣдованію коихъ именно съ этой точки зрѣнія онъ посвятилъ особое сочиненіе: *The expression of the emotions in man and animals.* Хотя это сочиненіе имѣетъ и вполнѣ самостоятельное значеніе, какъ опытъ объясненія тѣхъ тонкихъ измѣненій претерпѣваемыхъ чертами лица отъ сокращенія и ослабленія нѣкоторыхъ мускуловъ, и тѣхъ положеній тѣла и частей его которыя сами по себѣ не имѣютъ никакой опредѣленной цѣли и потому совершенно безсознательны и составляютъ лишь символъ внутренняго состоянія души, однакоже не можетъ подлежать сомнѣнію что общая тенденція этого сочиненія клонится къ тому чтобы служить подпорой воздвигнутаго Дарвиномъ теоретическаго зданія. Это,

* Слову *экспрессія*, кажется мнѣ, должно дать въ настоящемъ случаѣ преимущество предъ соотвѣтствующимъ ему русскимъ словомъ *выраженіе*. Хотя я и считаю вообще что употребленіе иностранныхъ словъ вмѣсто русскихъ составляетъ большой недостатокъ современнаго слога, но есть однакоже случаи когда введенное въ рѣчь иностранное слово имѣетъ преимущество предъ передающимъ его словомъ русскимъ, хотя бы оно было и правильно составлено и общеупотребительно; именно когда слову придается научный, техническій, строго опредѣленный и ограниченный смыслъ, когда слово есть терминъ. Слово роднаго языка такъ-сказать прозрачно, этимологическій смыслъ его ясенъ, и потому значеніе его то болѣе обширно, то болѣе тѣсно чѣмъ тотъ строгій смыслъ который долженъ имѣть научный терминъ, а это придаетъ ему почти всегда нѣкоторый ложный для даннаго случая оттѣнокъ. Таковы будутъ, напримѣръ, переводы словъ *географія*, *геометрія* этимологически имъ соотвѣтствующими: землеописаніе, землемѣріе. Такъ и терминъ *выраженіе* имѣетъ гораздо болѣе обширный смыслъ и, кромѣ признаковъ обнаруженія чувствъ чертами лица и тѣлодвиженіями или жестами, значитъ и просто *слово*. Поэтому мысль будетъ иногда точнѣе выражена словомъ *экспрессія* чѣмъ словомъ *выраженіе*, именно будетъ избѣгнута всякая двусмысленность.

впрочемъ, признаетъ и самъ Дарвинъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Мы видѣли что изученіе теоріи экспрессіи подтверждаетъ, въ извѣстномъ ограниченномъ размѣрѣ, заключеніе что человѣкъ произошелъ отъ нѣкоей низшей формы животныхъ... Хотя, сколько я могу судить, въ такомъ подтвержденіи едвали предстояла и надобность.“ *

Правда что съ точки зрѣнія Дарвина и убѣжденнаго дарвиниста изученіе экспрессіи у человѣка и животныхъ мало можетъ прибавить доказательной силы тѣмъ фактамъ и выводамъ на которыхъ построено ученіе о происхожденіи организмовъ путемъ подбора и употребленія или неупотребленія органовъ; но за то, съ другой стороны, тонкія черты экспрессіи могутъ имѣть не малую силу и значеніе какъ явленія несогласныя если не съ ученіемъ о происхожденіи организмовъ вообще путемъ медленнаго и постепеннаго пріобрѣтенія признаковъ или характеровъ, то съ примѣненіемъ его къ происхожденію человѣка. Такъ и понимали это многіе ученые трактовавшіе объ этомъ предметѣ. Знаменитый Белль, который, хотя и имѣлъ на этомъ поприщѣ нѣкоторыхъ предшественниковъ, но, по словамъ самого Дарвина, „не только положилъ основаніе этому предмету, какъ отрасли науки, но и воздвигъ благородное зданіе“, ** по его же словамъ, „желалъ очевидно провести сколь возможно широкое различіе между человѣкомъ и низшими животными, а потому утверждалъ что у низшихъ созданій нѣтъ иной экспрессіи кромѣ той которая можетъ быть болѣе или менѣе ясно отнесена къ дѣйствіямъ ихъ воли или необходимыхъ инстинктовъ.“ „И еслибы“, продолжаетъ онъ „сэръ-Чарлзъ Белль былъ спрошенъ о выраженіяхъ любви и привязанности у собакъ, онъ безъ сомнѣнія отвѣчалъ бы что это животное было создано со спеціальными инстинктами приноровившими его къ обществу человѣка“. *** Отвлекаясь немного отъ настоящаго предмета, я скажу что, по моему мнѣнію, влагаемый Дарвиномъ въ уста Беллю отвѣтъ и былъ бы совершенно правильнымъ, въ томъ смыслѣ что какъ всякое отдѣльное животное, во всѣхъ частяхъ своихъ, такъ и взаимное отношеніе всѣхъ членовъ животнаго царства и вообще

---

* Darw. *Express. of. the emot.*, pag. 367.
** Ibid., pag. 2.
*** Ibid., pag. 11.

всей природы, должны были быть цѣлесообразно предусмотрѣны. Иначе (обращаясь спеціально къ собакамъ) почему бы только одно это животное оказалось пригоднымъ къ тому чтобы быть товарищемъ и другомъ человѣку? На это могъ бы послѣдовать отвѣтъ: потому что, пріобрѣтя одного такого товарища, человѣкъ перестал бы стараться о пріобрѣтеніи другихъ,—отвѣтъ совершенно въ духѣ Дарвина, толкующаго подобнымъ образомъ отсутствіе полезныхъ растеній въ странахъ населенныхъ совершенными дикарями. Но вѣдь люди жили въ разныхъ странахъ, окруженные разными животными. Какъ же разныя племена не попытались надъ разными видами, разными родами? Но, при всѣхъ попыткахъ, пригодными оказались однѣ собаки; а если это такъ, то не прямое ли изъ этого заключеніе что это и есть единственное приноровленное для сего животное?

Но какъ бы тамъ ни было, то-есть, далъ ли бы Белль предполагаемый Дарвиномъ отвѣтъ или нѣтъ, ясно то что знаменитый анатомъ и физіологъ, основатель научнаго ученія объ экспрессіи, видѣлъ въ ней одно изъ доказательствъ кореннаго различія между человѣкомъ и животными, проявляющагося и въ этой особенности его строенія. Это выражалъ онъ еще яснѣе, говоря что „наши личные мускулы суть чистое орудіе выраженія“ (purely instrumental in expression), или суть спеціальные снаряды единственно для той цѣли предназначенные, * что̀, однакоже, конечно не вѣрно.

И другаго знаменитаго зоотома и физіолога, также написавшаго книгу объ экспрессіи, Грасіоле, Дарвинъ упрекаетъ за то что тотъ никогда по ея поводу не размышлялъ объ эволюціи, то-есть за то что онъ находилъ возможнымъ объяснять различныя выраженія лица и жестовъ не прибѣгая къ этому, по мнѣнію Дарвина, не только всеобщему, но и единственному объясняющему началу.

Также и Дюшенъ, изучавшій совершенно особымъ способомъ роль каждаго мускула въ игрѣ экспрессіи, гальванизируя ихъ въ отдѣльности или по группамъ у живаго человѣка и подражая этимъ различнымъ выраженіямъ лица, говоритъ: „Такимъ образомъ, Творецъ не имѣлъ здѣсь надобности заботиться о требованіяхъ механики; онъ могъ по своей премудрости, или — да позволятъ мнѣ это выраженіе—по

* Darw. *Express*, pag. 10.

Божественной фантазіи, привести въ дѣйствіе тотъ или другой мускулъ, одинъ или нѣсколько разомъ, когда хотѣлъ чтобы характеристическіе признаки страстей, даже самыхъ мимолетныхъ, были преходящимъ образомъ написаны на лицѣ человѣка. Когда этотъ языкъ физіогноміи былъ созданъ, Ему было достаточно, чтобы сдѣлать оный всеобщимъ и неизмѣннымъ, дать каждому человѣческому существу инстинктивную способность всегда выражать свои чувства сокращеніемъ тѣхъ же мускуловъ." * Мильнъ-Эдвардсъ выражается объ этомъ предметѣ такъ: „Эти обнаруженія не предполагаютъ вмѣшательства ни ума, ни даже воли, и могутъ быть слѣдствіемъ первоначальныхъ (originelles) соотношеній между душевною силой и мускульною системой, аналогичныхъ съ тѣми отъ коихъ происходятъ нервныя рефлективныя дѣйствія. Какъ нѣкоторыя чувственныя впечатлѣнія, опредѣленныя внѣшними дѣятелями, могутъ возбуждать въ организмѣ нѣкоторые спеціальные акты, то или другое движеніе, напримѣръ чиханіе или тошноту, точно такъ и душевное ощущеніе или мысль могутъ привести въ дѣйствіе возбудительно-двигательную силу, и производимые такимъ образомъ эффекты могутъ измѣняться, смотря по природѣ причиняющихъ ихъ ощущеній или мыслей." Или еще яснѣе: „Въ человѣческомъ родѣ эти экспрессивныя явленія, не имѣющія въ себѣ ничего условнаго, и которыя суть *послѣдствія природы нашего организма*, состоятъ главнымъ образомъ въ движеніяхъ лица, жестахъ и нечленораздѣльныхъ крикахъ. Они происходятъ отъ предустановленной гармоніи ** между физіологическими свойствами различныхъ частей нашего тѣла и могутъ совершаться автоматически, безъ вмѣшательства воли или ума" ***. Соглашаясь далѣе что нѣкоторые инстинкты могутъ быть результатами наслѣдственно переданныхъ привычекъ, онъ все же утверждаетъ что „при настоящемъ состояніи науки ничто не даетъ намъ права думать что всѣ способности этого рода родились такимъ образомъ, и что ни одна изъ нихъ не происходитъ отъ первоначальнаго устройства

---

* Darw. *Express*, pag. 11—12.

** Едва ли нужно оговариваться что нѣтъ надобности понимать это выраженіе въ Лейбницевомъ смыслѣ.

*** M. Edw. *Leçons sur la Phys. et l'Anat*, comp. t. XIV, pag. 95, 96.

организма, аналогичнаго съ тѣмъ отъ котораго зависитъ то или другое рефлективное дѣйствіе“ *.

Оставивъ въ сторонѣ способъ выраженія которымъ эти различные авторы высказали свою мысль, мы найдемъ у нихъ то общее что всѣ они предполагаютъ извѣстное предустроеніе организма, отъ чего бы оно ни происходило, прямо и непосредственно ведущее къ разнымъ экспрессіямъ чувства. Белль думалъ что самыя орудія экспрессіи лица, то-есть многочисленные подкожные мускулы сообщающіе ему выразительную подвижность, составляютъ исключительное достояніе человѣка и не имѣютъ никакого иного назначенія кромѣ сообщенія лицу выразительности. Мнѣніе это конечно не вѣрно, потому что у высшихъ обезьянъ имѣются всѣ тѣ же личные мускулы что̀ и у человѣка, и потому что особыя употребленія независимыя отъ экспрессіи могутъ быть указаны съ большою вѣроятностью почти для всѣхъ личныхъ мускуловъ **. Дюшенъ видѣлъ въ игрѣ физіономіи особое предустановленное сочетаніе мускульныхъ движеній (хотя бы самыя орудія этихъ движеній и не были свойственны одному человѣку) строго и спеціально соотвѣтственное душевнымъ движеніямъ, что̀ достигается посредствомъ особаго инстинкта которымъ одаренъ человѣкъ. Грасіоле и Мильнъ Эдвардсъ относятъ экспрессію къ нѣкоторому первоначальному непосредственному предустроенію частей нашего организма, аналогичному съ тѣмъ отъ котораго зависятъ разныя рефлективныя движенія, какъ напримѣръ чиханіе, движенія, которыя вѣдь не могутъ же быть результатомъ привычки индивидуальной или наслѣдственно переданной, ибо, какъ говоритъ Моудзлей, котораго никто не заподозритъ въ идеализмѣ: „въ устройствѣ спиннаго мозга животнаго всажена (implanted) способность къ такимъ движеніямъ ради самосохраненія, способность которая наслѣдуется какъ часть его природы, и *безъ которой оно едвали бы могло прожить и одинъ день*“. ***

---

* M. Edw. *Leçons sur la Phys. et l'Anat.*, comp. t. XIV, pag. 127.

** Darw. *Expr.*, pag. 10.

*** Maudsley. *Body and mind*, pag. 10. Къ этому Моудзлей дѣлаетъ, правда, удивительное примѣчаніе: „Мудро или не мудро, смотря по обстоятельствамъ, потому что рефлективныя движенія, которыя обыкновенно производятъ полезный результатъ, могутъ, при измѣненныхъ обстоятельствахъ болѣзни, причинять и большое зло, становясь даже причиной жестокихъ страданій и мучительнѣйшей смерти.“

Значеніе придаваемое экспрессіямъ различными знаменитыми авторами, занимавшимися ихъ объясненіемъ, показываетъ что съ точки зрѣнія Дарвина было весьма важно дать всѣмъ или по крайней мѣрѣ большей ихъ части истолкованіе болѣе сообразное съ началами его ученія, то-есть вывести ихъ изъ пріобрѣтеній привычкою, передаваемыхъ наслѣдственно и укрѣпляющихся, фиксирующихся, чрезъ посредство подбора, или употребленія и неупотребленія. Съ этой только точки зрѣнія предстоитъ и намъ разсмотрѣть этотъ предметъ, то-есть разсмотрѣть въ какой мѣрѣ дѣйствительно требуется прибѣгать для его объясненія къ *помощи привычки* и наслѣдственности (само собою разумѣется помимо и сверхъ общаго унаслѣдованія строенія организма), какъ основанныхъ на пріобрѣтеніи чего-либо полезнаго и укрѣпляемыхъ путемъ подбора или упражненія, что̀, конечно, можетъ имѣть мѣсто только для полезнаго.

Примѣръ лучше всего объяснитъ какъ смотритъ на этотъ предметъ Дарвинъ и въ чемъ, по моему мнѣнію, заключается его ошибка.

Грасіоле говоритъ, (§ LIX): „Когда органъ чувствъ бываетъ возбужденъ и какимъ-либо образомъ приведенъ въ движеніе, смежные органы могутъ двигаться симпатично и повторять аналогическія движенія, каждый въ сферѣ его собственной дѣятельности. Такъ, уши какъ бы слушаютъ когда на дѣлѣ только одинъ глазъ дѣйствуетъ; ноздри совершаютъ нѣкоторыя движенія когда вкусъ смакуетъ какое-нибудь деликатное ощущеніе.“ Въ объясненіе сказаннаго онъ приводитъ примѣръ цитованный Дарвиномъ: „Молодая собака съ прямыми ушами, которой хозяинъ издали предлагаетъ кусокъ аппетитнаго мяса, съ жадностію устремляетъ глаза на этотъ предметъ, слѣдуя за всѣми его движеніями, и между тѣмъ какъ глаза смотрятъ, оба уха подаются впередъ, какъ еслибъ этотъ предметъ могъ быть слышенъ.“ * Дарвину объясненіе это кажется недостаточнымъ, симпатія между смежными органами ему не нравится, и онъ говоритъ: „Здѣсь, вмѣсто того чтобы говорить о симпатіи между ушами и глазами, кажется мнѣ

Странное дѣло! Съ какихъ поръ судятъ о мудрости строенія по рѣдкимъ и притомъ ненормальнымъ исключеніямъ, когда оно таково что безъ него и дня нельзя было бы прожить!

* Gratioleto *De la physionomie*, pag. 211, 212 и 213.

проще полагать что такъ какъ собаки, въ теченіе многихъ поколѣній, пристально всматриваясь въ какой-либо предметъ, навостряли на него и уши чтобъ ощутить и всякій звукъ, и наоборотъ, внимательно смотрѣли въ сторону всякаго звука къ которому прислушивались, то движенія этихъ органовъ твердо сопряглись (associated) между собою чрезъ долго длившуюся привычку.“ * Но въ самомъ ли дѣлѣ это проще, и объясняется ли тутъ что-либо болѣе чѣмъ у Грасіоле? Не раждается ли тутъ вопросъ: да отчего же уши и глаза дѣйствовали такъ когда еще привычки не было? Надо вѣдь показать и причину самой привычки, а причина, это и есть то что̀ Грасіоле называетъ симпатіей. Если уши и глаза могли, когда еще не было привычки, вмѣстѣ и одновременно устремляться на предметъ возбуждавшій ощущеніе собственно чрезъ посредство только одного изъ этихъ органовъ чувствъ, то почему не могутъ они дѣлать этого же самаго и теперь, по той же прямой и непосредственной причинѣ которой повиновались прежде? Что̀ объясняетъ намъ тутъ привычка сверхъ того что̀ объясняется симпатіей, когда и сама привычка въ концѣ концовъ подводится подъ ту же симпатію или подъ ту же причину, какъ бы мы ее ни назвали? Дѣло въ томъ что вниманіе единой души направляетъ всѣ органы и особенно находящіеся въ ближайшемъ соотношеніи на одну точку, а это и называетъ Грасіоле весьма мѣтко и обозначительно симпатіей. Вѣдь чтобъ образовалась привычка, эти движенія глазъ и ушей должны были многое множество разъ согласоваться въ своихъ движеніяхъ, а не то чтобы разъ согласоваться, а разъ нѣтъ, ибо въ этомъ послѣднемъ случаѣ никакой привычки не образовалось бы. Но если первоначальная причина этого повторительнаго согласованнаго дѣйствія произведшаго привычку, а слѣдовательно причина самой привычки, дѣйствовала столь однообразно и постоянно какъ еслибы сама была слѣдствіемъ привычки, то почему и теперь ей также точно не дѣйствовать? А тогда чего же еще надо? Не очевидно ли послѣ этого что тутъ ни въ какой наслѣдственно передаваемой привычкѣ нѣтъ надобности? И зачѣмъ прибѣгать къ ней когда она ничего большаго намъ не объясняетъ? Вѣдь то что̀ объясняетъ данное дѣйствіе, объясняетъ и самую привычку. Такимъ образомъ,

* Darw. *Expr*.. pag. 7.

открывается что это понадобилось Дарвину только для того чтобы дѣйствія и теперь совершаемыя, и всегда совершавшіяся собаками отнести къ ихъ прародителямъ какъ нѣчто тѣми благопріобрѣтенное и потомкамъ переданное, между тѣмъ какъ очевидно что тутъ все, *насколько оно вообще объяснимо*, объясняется какъ для настоящаго, такъ и для прошедшаго времени, все тѣмъ же прямымъ и непосредственнымъ вліяніемъ или воздѣйствіемъ той связи которая лежитъ въ самомъ строеніи различныхъ частей организма.

Этимъ примѣромъ ясно указывается тенденція Дарвинова сочиненія объ экспрессіи, и мы увидимъ что онъ постоянно употребляетъ все тотъ же въ сущности пріемъ для достиженія все той же цѣли. Взглянемъ теперь на то что̀ ему было нужно чтобы провести эту тенденцію въ возможно полномъ и широкомъ размѣрѣ, и какъ онъ этого достигаетъ. „Даже такія слова", говоритъ Дарвинъ, „какъ: *нѣкоторыя движенія служатъ средствомъ экспрессіи*, могутъ ввести въ заблужденіе, ибо въ нихъ предполагается что такова была ихъ первоначальная цѣль, ихъ первоначальный предметъ; но кажется что это рѣдко бывало или даже никогда ни бывало: эти движенія или имѣли съ самаго начала какую-нибудь прямую пользу, или были косвеннымъ эффектомъ возбужденнаго состоянія чувствилищъ (sensorium)." * Таковы два начала принятыя Дарвиномъ (развитыя имъ, какъ увидимъ, въ три объяснительные принципа). Но второе начало, которое есть главное, если не единственное, ведетъ къ тому заключенію что этотъ эффектъ можетъ точно также происходить и теперь какъ происходилъ и прежде (какъ мы видѣли на анализѣ глазъ и ушей собаки по Грасіоле). Первое же начало необходимо предполагаетъ что дабы дойти до теперешняго состоянія, когда прямая польза движенія исчезла и это движеніе стало уже чистою экспрессіей, оно должно было перейти черезъ фазисъ привычки, происшедшей отъ частаго намѣреннаго повторенія его и чрезъ дальнѣйшій фазисъ наслѣдственной передачи этой привычки, послѣ чего она уже сохраняется и тогда когда полезное значеніе ея совершенно утратилось. Такимъ образомъ, экспрессіи подводятся подъ излюбленное Дарвиномъ начало наслѣдственной передачи полезнаго пріобрѣтенія, будетъ ли то посредствомъ

* Darw. *Expr.*, pag. 357.

подбора, или посредствомъ употребленія и неупотребленія органовъ, смотря по обстоятельствамъ. И вотъ онъ старается сколько возможно умалить роль втораго начала, какъ безполезнаго для его ученія, и усилить роль перваго. Размышляя подъ вліяніемъ этой тенденціи, онъ впадаетъ, какъ увидимъ, во множество натяжекъ, почти по всѣхъ частныхъ примѣрахъ своихъ объясненій; теперь же разберемъ лишь общее его положеніе.

Онъ говоритъ: „Бо́льшая часть движеній экспрессіи должны были быть пріобрѣтены постепенно, сдѣлавшись въ послѣдствіи инстинктивными.“ * Но, по всѣмъ вѣроятіямъ и аналогіямъ, такъ дѣло именно и не могло происходить. Экспрессіи столь же свойственны человѣку (и другимъ животнымъ) изначала, и въ этомъ смыслѣ не только *врождены*, но и *прирождены* ему, какъ и другія инстинктивныя или рефлективныя движенія: хожденія, ѣды, питья (жеваніе, глотаніе), дыханія, сосанія (грудными дѣтьми). Это не мѣшаетъ нѣкоторымъ изъ нихъ быть лично усовершаемыми практикой и нѣкоторымъ обученіемъ (какъ при хожденіи), но совершенно однакоже не такимъ какъ обученіе чтенію, письму, танцамъ, фехтованію или игрѣ на музыкальномъ инструментѣ, гдѣ все изучается съ начала до конца, какъ нѣчто совершенно новое, а только доставленіемъ мускуламъ случаевъ дѣйствовать сообразно ихъ природѣ и укрѣпленіемъ ихъ. Общая, независящая отъ обученія, способность понимать значеніе разныхъ экспрессій, однимъ словомъ прирожденность ея, которую признаетъ и Дарвинъ, между прочимъ на основаніи наблюденій надъ собственными новорожденными дѣтьми, также говоритъ въ пользу прирожденности и самихъ экспрессивныхъ движеній, то-есть въ пользу того что это суть двѣ стороны одного и того же процесса. Предположить же что и способность распознавать значеніе экспрессій также получилась чрезъ наслѣдственную передачу нѣкотораго постепенно пріобрѣтеннаго знанія, обратившагося въ привычку чрезъ частое повтореніе въ длинномъ ряду поколѣній, очевидно невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, никакое другое знаніе (то-есть самое содержаніе знанія, а не способность къ нему) такимъ образомъ не передается; иначе мы вѣдь должны были бы врожденно понимать свой отечественный

* Darw. *Expr.*, pag. 35.

языкъ, такъ какъ безчисленныя поколѣнія научились понимать значеніе его звуковъ. И тутъ должна бы чрезъ это пріобрѣстись привычка и пріобрѣтенное передаваться унаслѣдованіемъ.

Углы рта опускаются, брови морщатся у своего внутренняго края и въ этомъ мѣстѣ приподнимаются, вслѣдствіе чего получаютъ косвенное направленіе внизъ наружнымъ концомъ; средина лба сморщивается поперечно и продольно, и мы инстинктивно узнаемъ что такимъ образомъ измѣненное лицо выражаетъ печаль. Еслибъ это знаніе пріобрѣлось постепенно опытомъ, и этотъ опытъ, обратившись въ привычку вслѣдствіе частаго повторенія, передавался намъ по наслѣдству, то я не вижу почему бы также точно не передавалось намъ и значеніе звуковъ: *отецъ, мать, огонь, вода.* Но пониманіе значенія выраженія печали (и другихъ экспрессій) изъ различныхъ складокъ лица и измѣненія положеній различныхъ частей его у насъ инстинктивно; это не подлежитъ сомнѣнію и для самого Дарвина. „Поэтому кажется мнѣ, говоритъ онъ, что врожденное чувство должно было сказать ему (полугодовому ребенку Дарвина, котораго онъ наблюдалъ) что притворный плачъ его кормилицы выражалъ печаль, а это, чрезъ инстинктъ симпатіи, возбуждало печаль и въ немъ." * Слѣдовательно, должно признать что и самыя движенія чертъ лица и тѣлодвиженія, составляющія экспрессію, прирождены человѣку изначала, а не врождены только по наслѣдственной передачѣ пріобрѣтеннаго; ибо только въ такомъ случаѣ и само пониманіе ихъ значенія можетъ быть инстинктивнымъ, такъ какъ инстинктивность этого пониманія можетъ быть только результатомъ прирожденности человѣческой природѣ, а никакъ не врожденности (въ принимаемомъ здѣсь различіи смысла этихъ двухъ терминовъ) безъ явнаго противорѣчія съ невроженностью (по наслѣдственной передачѣ пріобрѣтеннаго знанія) пониманія словъ отечественнаго языка. Врожденными по наслѣдственной передачѣ пріобрѣтеннаго могутъ быть только строенія и способности организма, которыя въ послѣднемъ результатѣ вѣдь также зависятъ не отъ чего иного какъ именно отъ строенія же (внѣшняго или внутренняго, самаго интимнаго, какъ напримѣръ ячеекъ мозга), а никакъ не какое-либо, съ какимъ бы то ни было опредѣленнымъ содержаніемъ

---

* Darw. *Expr.*, pag. 359.

знаніе. Это послѣднее можетъ быть только прирожденнымъ если оно инстинктивно, то-есть должно составлять часть природы существа.

Итакъ, тенденція Дарвина въ разбираемомъ сочиненіи состоитъ собственно въ томъ чтобы вывести экспрессивныя движенія, какъ и все остальное въ организмахъ, изъ прицила постепенно пріобрѣтаемой и наслѣдственно передаваемой полезности. Въ этомъ заключается для него главный интересъ экспрессій, та причина почему собственно онъ и избралъ ихъ предметомъ своего изученія. Но отдѣльныя явленія экспрессіи, то-есть то строеніе и расположеніе мускуловъ и тотъ порядокъ ихъ употребленія которыя образуютъ собою экспрессію, трудно приписать подбору въ строгомъ и точномъ смыслѣ этого слова, по незначительности ихъ результатовъ для пользы человѣка и въ особенности животныхъ; а безъ подбора они должны бы быть результатомъ цѣлесообразнаго предустроенія, не какимъ-либо путемъ пріобрѣтеннаго, а изначала установленнаго, какъ это и полагали въ различномъ смыслѣ Белль и бо́льшая часть другихъ писателей объ этомъ предметѣ, что̀ мы видѣли выше. Чтобъ избѣжать этого вывода, не оставалось ничего другаго какъ прибѣгнуть для объясненія пріобрѣтенія различныхъ элементовъ экспрессіи къ другому, уже второстепенному и менѣе могучему дѣятелю теоріи, къ частному упражненію органовъ и привычкѣ, что̀ Дарвинъ въ большинствѣ случаевъ и дѣлаетъ, изрѣдка однакоже прибѣгая и къ помощи самаго могущественнаго дѣятеля, подбора.

II. Три объяснительные принципа экспрессіи.

Послѣ этого общаго взгляда на характеръ, цѣль и тенденцію Дарвинова ученія объ экспрессіи, перехожу къ болѣе подробному изложенію этого ученія.

Мы видѣли сейчасъ что Дарвинъ принимаетъ для объясненія экспрессіи два начала: первоначальную полезность тѣхъ мускульныхъ движеній которыя ихъ составляютъ, и косвенный эффектъ возбужденія чувствилища. Развивая эту общую мысль, онъ приходитъ къ принятію трехъ объяснительныхъ принциповъ, значеніе коихъ я передаю его собственными словами и затѣмъ подвергаю подробному разбору.

1) *Принципъ полезныхъ, ассоціированныхъ (сопряженныхъ) привычекъ.*

„Нѣкоторыя сложныя дѣйствія служатъ къ прямой или непрямой пользѣ, при извѣстныхъ состояніяхъ души, для облегченія или удовлетворенія нѣкоторыхъ чувствованій, желаній и проч., и когда возбуждается то же самое состояніе души, въ какой бы то ни было слабой степени, то рождается стремленіе, въ силу привычки и ассоціаціи, произвести тѣ же самыя движенія, хотя бы они и не приносили уже ни малѣйшей пользы.“ *

Это свое любимое положеніе, подъ которое Дарвинъ подводитъ все что только можетъ, стараясь такъ или иначе, съ большимъ или меньшимъ усиліемъ, подогнуть подъ него, поясняетъ онъ множествомъ примѣровъ. Желая выбрать изъ нихъ наиболѣе характерный, я однакоже не могу подыскать ни одного который бы ясно и безъ натяжки указывалъ на привычку наслѣдственно переданную. Дарвинъ указываетъ на привычки личныя, напримѣръ, на безсознательное надѣваніе перчатокъ при выходѣ изъ дома, но онѣ ничего не доказываютъ въ настоящемъ случаѣ; указываетъ, далѣе, на такія дѣйствія въ которыхъ нельзя усмотрѣть и тѣни привычки: „Падая на землю“, говоритъ онъ, „всякій, защищая себя, выставляетъ руки впередъ, и, какъ замѣчаетъ профессоръ Алисонъ, немногіе могутъ воспротивиться этому, добровольно падая на мягкую постель“ **. Но вѣдь это чисто рефлективное движеніе, которое уже по тому одному не могло произойти отъ привычки что кто же и когда столь часто падалъ чтобъ отъ этого повторенія она могла образоваться? Дарвинъ приводитъ еще примѣръ изъ животныхъ, хотя и не подходящій подъ разрядъ экспрессій, но указывающій, по его мнѣнію, на пріобрѣтенный и усовершенствованный наслѣдственною привычкой рядъ сложныхъ инстиктивно производимыхъ движеній: „Для принимающихъ постепенную эволюцію видовъ“, утверждаетъ онъ, „чрезвычайно поразительный примѣръ совершенства съ которымъ могутъ быть передаваемы самыя трудныя сочувственныя (consensual) движенія представляетъ ночная бабочка сфинксъ (macroglossa); ибо можно видѣть какъ эта бабочка, вскорѣ послѣ выхода изъ кокона, неподвижно стоитъ въ

* Darw. *Expr.*, pag. 28.

** Ibid., pag. 31.

воздухѣ и вкладываетъ свой волосообразный хоботокъ въ маленькое отверстіе цвѣтовъ; и никто, думаю я, никогда не видалъ чтобъ эта бабочка училась исполнять свою трудную задачу которая требуетъ столь безошибочнаго попаданія въ намѣченную цѣль". * Но и для принимающихъ теорію эволюціи изъ этого примѣра видна только наслѣдственная передача строенія крыльевъ, мускуловъ, нервовъ управляющихъ мускулами, и согласованіе всѣхъ описанныхъ движеній можетъ быть представлено въ видѣ весьма сложной машины, которая, будучи построена точно по образу другой, вполнѣ воспроизводитъ и всѣ ея движенія. Передача привычки тутъ ничѣмъ не доказана. Примѣръ дѣтей постепенно научающихся ходить, или птенцовъ птицъ такимъ же образомъ научающихся летать, не можетъ повести къ заключенію что у бабочекъ, за отсутствіемъ личнаго обученія, нужно принять въ замѣнъ его обученіе такъ сказать наслѣдственное; что если у дѣтей и птицъ только индивидуальная практика и привычка даетъ возможность правильно употреблять и согласовать движенія мускуловъ, ногъ, или крыльевъ, то у сфинксовъ дѣло зависитъ отъ подобныхъ же упражненій и привычки, но только не индивидуальныхъ, а совершаемыхъ и постепенно усовершаемыхъ въ длинномъ ряду поколѣній. Такое заключеніе было бы неправильно, вопервыхъ, потому что и съ точки зрѣнія эволюціи въ Дарвиновомъ смыслѣ можно отнести достиженіе означеннаго совершенства къ подбору, при коемъ потомству передавалось бы все болѣе и болѣе совершенное строеніе, а вовторыхъ, аналогія была бы совершенно невѣрно примѣнена. Какъ у людей, такъ и у птицъ, и мускулы и нервы приводящіе въ движеніе ноги и крылья, въ раннемъ возрастѣ ихъ, далеко не совершенны и не достигли своего полнаго развитія, такъ что и употребленіе этихъ орудій движенія и самыя эти орудія совмѣстно и одновременно совершенствуются. Но у сфинксовъ, при выходѣ ихъ изъ коконовъ, орудія движенія, да и вся организація находятся уже въ полномъ совершенствѣ, а потому и дѣйствуютъ съ тою же высокою степенью совершенства какъ и у болѣе старыхъ бабочекъ. Да у и тѣхъ млекопитающихъ у которыхъ сейчасъ послѣ рожденія ноги уже въ сильной степени развиты, какъ, напримѣръ, у лошадей и ословъ,—жеребята и ослята сейчасъ

* Darw. *Expr.*, pag. 30.

же начинаютъ бѣгать, безо всякаго предварительнаго обученія матерью. Есть наблюденія что и птицы, какъ только достаточно для сего окрѣпнутъ, могутъ летать безо всякаго предварительнаго обученія (см. Romanes). Слѣдовательно, и относительно сфинксовъ мы должны признату наслѣдственную передачу только строенія, какъ и у всѣхъ животныхъ и растеній, но не имѣемъ никакой нужды принимать сверхъ сего еще передачу пріобрѣтенной привычки, не имѣемъ надобности предполагать чтобы прародители теперешнихъ сфинксовъ когда-либо хуже рѣяли надъ цвѣтами и съ меньшею ловкостью и точностью всовывали хоботокъ въ отверстія вѣнчиковъ чѣмъ ихъ нынѣ живущіе потомки.

Также точно нельзя согласиться съ тѣмъ что люди сначала закрываютъ глаза, при видѣ чего-либо непріятнаго, а потомъ будто бы по привычкѣ дѣлаютъ то же самое при одномъ представленіи непріятнаго предмета. Тутъ, кажется мнѣ, нѣтъ не только наслѣдственной, но и личной привычки, потому что связь между впечатлѣніемъ и дѣйствіемъ происходитъ каждый разъ вновь, точно также какъ, если меня уколютъ, я отдерну руку, и опять отдерну же, если мнѣ живо представится что мою руку укололи или хотятъ уколоть. Одинаковое дѣйствіе происходитъ въ обоихъ случаяхъ совершенно самостоятельно, потому что повторяется то же возбужденіе, хотя при воображеніи въ ослабленной степени, возбужденіе, которое, собственно говоря, въ обоихъ случаяхъ тождественно, то-есть въ обоихъ случаяхъ есть душевное представленіе, въ чемъ бы ни заключался его источникъ, во внѣшнемъ ли впечатлѣніи, какъ въ первомъ, или въ воздѣйствіи воображенія, какъ во второмъ случаѣ, и привычкѣ тутъ вовсе нѣтъ мѣста.

Этотъ свой первый принципъ Дарвинъ дополняетъ слѣдующимъ: „Нѣкоторыя дѣйствія, сопряженныя привычкой съ нѣкоторыми душевными состояніями, могутъ быть отчасти подавляемы волей, и въ такомъ случаѣ мускулы находящіеся подъ слабѣйшимъ контролемъ воли, такъ-сказать, болѣе склонны продолжать свою дѣятельность, производя этимъ движенія которыя мы признаемъ экспрессивными. Въ нѣкоторыхъ же другихъ случаяхъ, удерживаніе какого-либо привычнаго движенія требуетъ другихъ легкихъ движеній, и они также экспрессивны.“ *

* Darw. *Expr.*, pag. 30.

проще полагать что такъ какъ собаки, въ теченіе многихъ поколѣній, пристально всматриваясь въ какой-либо предметъ, навостряли на него и уши чтобъ ощутить и всякій звукъ, и наоборотъ, внимательно смотрѣли въ сторону всякаго звука къ которому прислушивались, то движенія этихъ органовъ твердо сопряглись (associated) между собою чрезъ долго длившуюся привычку." * Но въ самомъ ли дѣлѣ это проще, и объясняется ли тутъ что-либо болѣе чѣмъ у Грасіоле? Не раждается ли тутъ вопросъ: да отчего же уши и глаза дѣйствовали такъ когда еще привычки не было? Надо вѣдь показать и причину самой привычки, а причина, это и есть то что̀ Грасіоле называетъ симпатіей. Если уши и глаза могли, когда еще не было привычки, вмѣстѣ и одновременно устремляться на предметъ возбуждавшій ощущеніе собственно чрезъ посредство только одного изъ этихъ органовъ чувствъ, то почему не могутъ они дѣлать этого же самаго и теперь, по той же прямой и непосредственной причинѣ которой повиновались прежде? Что̀ объясняетъ намъ тутъ привычка сверхъ того что̀ объясняется симпатіей, когда и сама привычка въ концѣ концовъ подводится подъ ту же симпатію или подъ ту же причину, какъ бы мы ее ни назвали? Дѣло въ томъ что вниманіе единой души направляетъ всѣ органы и особенно находящіеся въ ближайшемъ соотношеніи на одну точку, а это и называетъ Грасіоле весьма мѣтко и обозначительно симпатіей. Вѣдь чтобъ образовалась привычка, эти движенія глазъ и ушей должны были многое множество разъ согласоваться въ своихъ движеніяхъ, а не то чтобы разъ согласоваться, а разъ нѣтъ, ибо въ этомъ послѣднемъ случаѣ никакой привычки не образовалось бы. Но если первоначальная причина этого повторительнаго согласованнаго дѣйствія произведшаго привычку, а слѣдовательно причина самой привычки, дѣйствовала столь однообразно и постоянно какъ еслибы сама была слѣдствіемъ привычки, то почему и теперь ей также точно не дѣйствовать? А тогда чего же еще надо? Не очевидно ли послѣ этого что тутъ ни въ какой наслѣдственно передаваемой привычкѣ нѣтъ надобности? И зачѣмъ прибѣгать къ ней когда она ничего большаго намъ не объясняетъ? Вѣдь то что̀ объясняетъ данное дѣйствіе, объясняетъ и самую привычку. Такимъ образомъ;

* Darw. *Expr.*. pag. 7.

открывается что это понадобилось Дарвину только для того чтобы дѣйствія и теперь совершаемыя, и всегда совершавшіяся собаками отнести къ ихъ прародителямъ какъ нѣчто тѣми благопріобрѣтенное и потомкамъ переданное, между тѣмъ какъ очевидно что тутъ все, *насколько оно вообще объяснимо*, объясняется какъ для настоящаго, такъ и для прошедшаго времени, все тѣмъ же прямымъ и непосредственнымъ вліяніемъ или воздѣйствіемъ той связи которая лежитъ въ самомъ строеніи различныхъ частей организма.

Этимъ примѣромъ ясно указывается тенденція Дарвинова сочиненія объ экспрессіи, и мы увидимъ что онъ постоянно употребляетъ все тотъ же въ сущности пріемъ для достиженія все той же цѣли. Взглянемъ теперь на то что̀ ему было нужно чтобы провести эту тенденцію въ возможно полномъ и широкомъ размѣрѣ, и какъ онъ этого достигаетъ. „Даже такія слова“, говоритъ Дарвинъ, „какъ: *нѣкоторыя движенія служатъ средствомъ экспрессіи*, могутъ ввести въ заблужденіе, ибо въ нихъ предполагается что такова была ихъ первоначальная цѣль, ихъ первоначальный предметъ; но кажется что это рѣдко бывало или даже никогда не бывало: эти движенія или имѣли съ самаго начала какую-нибудь прямую пользу, или были косвеннымъ эффектомъ возбужденнаго состоянія чувствилищъ (sensorium).“ * Таковы два начала принятыя Дарвиномъ (развитыя имъ, какъ увидимъ, въ три объяснительные принципа). Но второе начало, которое есть главное, если не единственное, ведетъ къ тому заключенію что этотъ эффектъ можетъ точно также происходить и теперь какъ происходилъ и прежде (какъ мы видѣли на анализѣ глазъ и ушей собаки по Граціоле). Первое же начало необходимо предполагаетъ что дабы дойти до теперешняго состоянія, когда прямая польза движенія исчезла и это движеніе стало уже чистою экспрессіей, оно должно было перейти черезъ фазисъ привычки, происшедшей отъ частаго намѣреннаго повторенія его и чрезъ дальнѣйшій фазисъ наслѣдственной передачи этой привычки, послѣ чего она уже сохраняется и тогда когда полезное значеніе ея совершенно утратилось. Такимъ образомъ, экспрессіи подводятся подъ излюбленное Дарвиномъ начало наслѣдственной передачи полезнаго пріобрѣтенія, будетъ ли то посредствомъ

---

* Darw. *Expr.*, pag. 357.

подбора, или посредствомъ употребленія и неупотребленія органовъ, смотря по обстоятельствамъ. И вотъ онъ старается сколько возможно умалить роль втораго начала, какъ безполезнаго для его ученія, и усилить роль перваго. Размышляя подъ вліяніемъ этой тенденціи, онъ впадаетъ, какъ увидимъ, во множество натяжекъ, почти по всѣхъ частныхъ примѣрахъ своихъ объясненій; теперь же разберемъ лишь общее его положеніе.

Онъ говоритъ: „Бо́льшая часть движеній экспрессіи должны были быть пріобрѣтены постепенно, сдѣлавшись въ послѣдствіи инстинктивными.“ * Но, по всѣмъ вѣроятіямъ и аналогіямъ, такъ дѣло именно и не могло происходить. Экспрессіи столь же свойственны человѣку (и другимъ животнымъ) изначала, и въ этомъ смыслѣ не только *врожденны*, но и *прирожденны* ему, какъ и другія инстинктивныя или рефлективныя движенія: хожденія, ѣды, питья (жеваніе, глотаніе), дыханія, сосанія (грудными дѣтьми). Это не мѣшаетъ нѣкоторымъ изъ нихъ быть лично усовершаемыми практикой и нѣкоторымъ обученіемъ (какъ при хожденіи), но совершенно однакоже не такимъ какъ обученіе чтенію, письму, танцамъ, фехтованію или игрѣ на музыкальномъ инструментѣ, гдѣ все изучается съ начала до конца, какъ нѣчто совершенно новое, а только доставленіемъ мускуламъ случаевъ дѣйствовать сообразно ихъ природѣ и укрѣпленіемъ ихъ. Общая, независящая отъ обученія, способность понимать значеніе разныхъ экспрессій, однимъ словомъ прирожденность ея, которую признаетъ и Дарвинъ, между прочимъ на основаніи наблюденій надъ собственными новорожденными дѣтьми, также говоритъ въ пользу прирожденности и самихъ экспрессивныхъ движеній, то-есть въ пользу того что это суть двѣ стороны одного и того же процесса. Предположить же что и способность распознавать значеніе экспрессій также получилась чрезъ наслѣдственную передачу нѣкотораго постепенно пріобрѣтеннаго знанія, обратившагося въ привычку чрезъ частое повтореніе въ длинномъ ряду поколѣній, очевидно невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, никакое другое знаніе (то-есть самое содержаніе знанія, а не способность къ нему) такимъ образомъ не передается; иначе мы вѣдь должны были бы врожденно понимать свой отечественный

---

* Darw. *Expr.*, pag. 35.

языкъ, такъ какъ безчисленныя поколѣнія научились понимать значеніе его звуковъ. И тутъ должна бы чрезъ это пріобрѣстись привычка и пріобрѣтенное передаваться унаслѣдованіемъ.

Углы рта опускаются, брови морщатся у своего внутренняго края и въ этомъ мѣстѣ приподнимаются, вслѣдствіе чего получаютъ косвенное направленіе внизъ наружнымъ концомъ; средина лба сморщивается поперечно и продольно, и мы инстинктивно узнаемъ что такимъ образомъ измѣненное лицо выражаетъ печаль. Еслибъ это знаніе пріобрѣлось постепенно опытомъ, и этотъ опытъ, обратившись въ привычку вслѣдствіе частаго повторенія, передавался намъ по наслѣдству, то я не вижу почему бы также точно не передавалось намъ и значеніе звуковъ: *отецъ*, *мать*, *огонь*, *вода*. Но пониманіе значенія выраженія печали (и другихъ экспрессій) изъ различныхъ складокъ лица и измѣненія положеній различныхъ частей его у насъ инстинктивно; это не подлежитъ сомнѣнію и для самого Дарвина. „Поэтому кажется мнѣ, говоритъ онъ, что врожденное чувство должно было сказать ему (полугодовому ребенку Дарвина, котораго онъ наблюдалъ) что притворный плачъ его кормилицы выражалъ печаль, а это, чрезъ инстинктъ симпатіи, возбуждало печаль и въ немъ.“ * Слѣдовательно, должно признать что и самыя движенія чертъ лица и тѣлодвиженія, составляющія экспрессію, прирождены человѣку изначала, а не врождены только по наслѣдственной передачѣ пріобрѣтеннаго; ибо только въ такомъ случаѣ и само пониманіе ихъ значенія можетъ быть инстинктивнымъ, такъ какъ инстинктивность этого пониманія можетъ быть только результатомъ прирожденности человѣческой природѣ, а никакъ не врожденности (въ принимаемомъ здѣсь различіи смысла этихъ двухъ терминовъ) безъ явнаго противорѣчія съ неврожденностью (по наслѣдственной передачѣ пріобрѣтеннаго знанія) пониманія словъ отечественнаго языка. Врожденными по наслѣдственной передачѣ пріобрѣтеннаго могутъ быть только строенія и способности организма, которыя въ послѣднемъ результатѣ вѣдь также зависятъ не отъ чего иного какъ именно отъ строенія же (внѣшняго или внутренняго, самаго интимнаго, какъ напримѣръ ячеекъ мозга), а никакъ не какое-либо, съ какимъ бы то ни было опредѣленнымъ содержаніемъ

* Darw. *Expr.*, pag. 359.

сообщенія ихъ чувствованій, тѣлодвиженія свойства очевидно противоположнаго тѣмъ коими уже выражались нѣкоторыя другія чувствованія, были сначала употребляемы произвольно и сознательно, а потомъ обратились въ привычныя и стали передаваться наслѣдственно уже какъ непроизвольныя и инстинктивныя. Впрочемъ, это толкованіе онъ отвергаетъ самъ, находя, совершенно основательно, что оно болѣе чѣмъ сомнительно. * Но второе истолкованіе, которое онъ принимаетъ, еще болѣе сомнительно, невѣроятно и совершенно непредставимо. Совершеніе обыкновенныхъ, дѣйствительно одно другому противоположныхъ движеній, каковы, напримѣръ: подниманіе и опусканіе тяжести, поворачиваніе направо или налѣво, сгибаніе и выпрямленіе всего тѣла или частей его, при противоположныхъ импульсахъ воли, сдѣлалось и у насъ, и у животныхъ привычнымъ. Эта привычка употреблять противоположныя орудія или противоположныя дѣйствія тѣхъ же орудій (то-есть сокращеніе или ослабленіе мускула) при противоположныхъ желаніяхъ или стремленіяхъ, сопровождаемыхъ полнымъ сознаніемъ ихъ полезности или вообще ихъ значенія, тѣсно сопрягается (и такъ сказать переносится) со всякою вообще противоположностью въ ощущеніяхъ и чувствованіяхъ, и потому противоположныя движенія становятся выраженіемъ всякой противоположности въ ощущеніяхъ и чувствованіяхъ, хотя бы этими движеніями уже никакой цѣли не достигалось, хотя бы они были вполнѣ безполезны, какъ всѣ движенія экспрессій. ** Но что же это объясняетъ? Вѣдь для этого надо допустить что у людей и у животныхъ, кромѣ непосредственнаго чувства того какіе мускулы они должны употреблять для совершенія извѣстнаго движенія, чувства которымъ они несомнѣнно обладаютъ, есть еще и чувство того какое дѣйствіе и какая совокупность мускульныхъ дѣйствій діаметрально противоположны такому движенію, и притомъ противоположны не реально (какъ у мускуловъ антагонистовъ), но, такъ сказать, въ отвлеченности, чтобы знать какіе употребить при противоположномъ душевномъ состояніи.

Все для поясненія этого же неяснаго и сбивчиваго пункта

* Darw. *Expr.*, pag. 61.

** Такъ должно быть, кажется, понято истолкованіе данное Дарвиномъ на стр. 65.

1) *Принципъ полезныхъ, ассоціированныхъ (сопряженныхъ) привычекъ.*

„Нѣкоторыя сложныя дѣйствія служатъ къ прямой или непрямой пользѣ, при извѣстныхъ состояніяхъ души, для облегченія или удовлетворенія нѣкоторыхъ чувствованій, желаній и проч., и когда возбуждается то же самое состояніе души, въ какой бы то ни было слабой степени, то рождается стремленіе, въ силу привычки и ассоціаціи, произвести тѣ же самыя движенія, хотя бы они и не приносили уже ни малѣйшей пользы.“ *

Это свое любимое положеніе, подъ которое Дарвинъ подводитъ все что только можетъ, стараясь такъ или иначе, съ большимъ или меньшимъ усиліемъ, подогнуть подъ него, поясняетъ онъ множествомъ примѣровъ. Желая выбрать изъ нихъ наиболѣе характерный, я однакоже не могу подыскать ни одного который бы ясно и безъ натяжки указывалъ на привычку наслѣдственно переданную. Дарвинъ указываетъ на привычки личныя, напримѣръ, на безсознательное надѣваніе перчатокъ при выходѣ изъ дома, но онѣ ничего не доказываютъ въ настоящемъ случаѣ; указываетъ, далѣе, на такія дѣйствія въ которыхъ нельзя усмотрѣть и тѣни привычки: „Падая на землю“, говоритъ онъ, „всякій, защищая себя, выставляетъ руки впередъ, и, какъ замѣчаетъ профессоръ Алисонъ, немногіе могутъ воспротивиться этому, добровольно падая на мягкую постель“ **. Но вѣдь это чисто рефлективное движеніе, которое уже по тому одному не могло произойти отъ привычки что кто же и когда столь часто падалъ чтобъ отъ этого повторенія она могла образоваться? Дарвинъ приводитъ еще примѣръ изъ животныхъ, хотя и не подходящій подъ разрядъ экспрессій, но указывающій, по его мнѣнію, на пріобрѣтенный и усовершенствованный наслѣдственною привычкой рядъ сложныхъ инстиктивно производимыхъ движеній: „Для принимающихъ постепенную эволюцію видовъ“, утверждаетъ онъ, „чрезвычайно поразительный примѣръ совершенства съ которымъ могутъ быть передаваемы самыя трудныя сочувственныя (consensual) движенія представляетъ ночная бабочка сфинксъ (macroglossa); ибо можно видѣть какъ эта бабочка, вскорѣ послѣ выхода изъ кокона, неподвижно стоитъ въ

* Darw. *Expr.*, pag. 28.

** Ibid., pag. 31.

воздухѣ и вкладываетъ свой волосообразный хоботокъ въ маленькое отверстіе цвѣтовъ; и никто, думаю я, никогда не видалъ чтобъ эта бабочка училась исполнять свою трудную задачу которая требуетъ столь безошибочнаго попаданія въ намѣченную цѣль". * Но и для принимающихъ теорію эволюціи изъ этого примѣра видна только наслѣдственная передача строенія крыльевъ, мускуловъ, нервовъ управляющихъ мускулами, и согласованіе всѣхъ описанныхъ движеній можетъ быть представлено въ видѣ весьма сложной машины, которая, будучи построена точно по образу другой, вполнѣ воспроизводитъ и всѣ ея движенія. Передача привычки тутъ ничѣмъ не доказана. Примѣръ дѣтей постепенно научающихся ходить, или птенцовъ птицъ такимъ же образомъ научающихся летать, не можетъ повести къ заключенію что у бабочекъ, за отсутствіемъ личнаго обученія, нужно принять въ замѣнъ его обученіе такъ сказать наслѣдственное; что если у дѣтей и птицъ только индивидуальная практика и привычка даетъ возможность правильно употреблять и согласовать движенія мускуловъ, ногъ, или крыльевъ, то у сфинксовъ дѣло зависитъ отъ подобныхъ же упражненій и привычки, но только не индивидуальныхъ, а совершаемыхъ и постепенно усовершаемыхъ въ длинномъ ряду поколѣній. Такое заключеніе было бы неправильно, вопервыхъ, потому что и съ точки зрѣнія эволюціи въ Дарвиновомъ смыслѣ можно отнести достиженіе означеннаго совершенства къ подбору, при коемъ потомству передавалось бы все болѣе и болѣе совершенное строеніе, а вовторыхъ, аналогія была бы совершенно невѣрно примѣнена. Какъ у людей, такъ и у птицъ, и мускулы и нервы приводящіе въ движеніе ноги и крылья, въ раннемъ возрастѣ ихъ, далеко не совершенны и не достигли своего полнаго развитія, такъ что и употребленіе этихъ орудій движенія и самыя эти орудія совмѣстно и одновременно совершенствуются. Но у сфинксовъ, при выходѣ ихъ изъ коконовъ, орудія движенія, да и вся организація находятся уже въ полномъ совершенствѣ, а потому и дѣйствуютъ съ тою же высокою степенью совершенства какъ и у болѣе старыхъ бабочекъ. Да у и тѣхъ млекопитающихъ у которыхъ сейчасъ послѣ рожденія ноги уже въ сильной степени развиты, какъ, напримѣръ, у лошадей и ословъ,—жеребята и ослята сейчасъ

* Darw. *Expr.*, pag. 30.

же начинаютъ бѣгать, безо всякаго предварительнаго обученія матерью. Есть наблюденія что и птицы, какъ только достаточно для сего окрѣпнутъ, могутъ летать безо всякаго предварительнаго обученія (см. Romanes). Слѣдовательно, и относительно сфинксовъ мы должны признату наслѣдственную передачу только строенія, какъ и у всѣхъ животныхъ и растеній, но не имѣемъ никакой нужды принимать сверхъ сего еще передачу пріобрѣтенной привычки, не имѣемъ надобности предполагать чтобы прародители теперешнихъ сфинксовъ когда-либо хуже рѣяли надъ цвѣтами и съ меньшею ловкостью и точностью всовывали хоботокъ въ отверстія вѣнчиковъ чѣмъ ихъ нынѣ живущіе потомки.

Также точно нельзя согласиться съ тѣмъ что люди сначала закрываютъ глаза, при видѣ чего-либо непріятнаго, а потомъ будто бы по привычкѣ дѣлаютъ то же самое при одномъ представленіи непріятнаго предмета. Тутъ, кажется мнѣ, нѣтъ не только наслѣдственной, но и личной привычки, потому что связь между впечатлѣніемъ и дѣйствіемъ происходитъ каждый разъ вновь, точно также какъ, если меня уколютъ, я отдерну руку, и опять отдерну же, если мнѣ живо представится что мою руку укололи или хотятъ уколоть. Одинаковое дѣйствіе происходитъ въ обоихъ случаяхъ совершенно самостоятельно, потому что повторяется то же возбужденіе, хотя при воображеніи въ ослабленной степени, возбужденіе, которое, собственно говоря, въ обоихъ случаяхъ тождественно, то-есть въ обоихъ случаяхъ есть душевное представленіе, въ чемъ бы ни заключался его источникъ, во внѣшнемъ ли впечатлѣніи, какъ въ первомъ, или въ воздѣйствіи воображенія, какъ во второмъ случаѣ, и привычкѣ тутъ вовсе нѣтъ мѣста.

Этотъ свой первый принципъ Дарвинъ дополняетъ слѣдующимъ: „Нѣкоторыя дѣйствія, сопряженныя привычкой съ нѣкоторыми душевными состояніями, могутъ быть отчасти подавляемы волей, и въ такомъ случаѣ мускулы находящіеся подъ слабѣйшимъ контролемъ воли, такъ-сказать, болѣе склонны продолжать свою дѣятельность, производя этимъ движенія которыя мы признаемъ экспрессивными. Въ нѣкоторыхъ же другихъ случаяхъ, удерживаніе какого-либо привычнаго движенія требуетъ другихъ легкихъ движеній, и они также экспрессивны.“ *

* Darw. *Expr.*, pag. 30.

Это дополнительное начало весьма много помогаетъ при объясненіи различныхъ выраженій лица, и мысль его совершенно вѣрна, если опять-таки устранить то чтò часто напрасно приписывается привычкѣ, которая тѣмъ менѣе должна имѣть тутъ значеніе что главное дѣло заключается здѣсь въ различной степени подчиненности разныхъ мускуловъ волѣ, чтò конечно составляетъ черту строенія, а не результатъ привычки.

Въ объясненіе этого дополнительнаго начала приведу примѣръ. При крикѣ и плачѣ дѣти сокращаютъ орбитальные мускулы глазъ и жмурятъ глаза; открываютъ ротъ, причемъ дѣйствуютъ и мускулы поднимающіе верхнюю губу и опускающіе нижнюю; морщатъ переносицу и сокращеніемъ производящаго это морщеніе, такъ-называемаго пирамидальнаго, мускула, оттягиваютъ лобный мускулъ внизъ. Но въ зрѣломъ возрастѣ мы удерживаемся отъ крика и стараемся удержать слезы. Бóльшая часть мускуловъ при этомъ хорошо намъ повинуются, но опускатели угловъ рта почему-то плоше другихъ слушаются воли, и потому углы закрытаго рта остаются опущенными, чтò придаетъ очертанію его разрѣза нѣсколько дугообразную къ верху выпуклую форму. Точно также хуже другихъ повинуется волѣ и пирамидальный мускулъ переносицы; но тутъ мы призываемъ на помощь средніи кучки мышечныхъ фибръ лобнаго мускула, которые противодѣйствуютъ пирамидальному и приподнимаютъ среднюю часть лба, а вмѣстѣ съ этимъ и внутренніе концы бровей. Отъ этого происходятъ посреди лба продольныя и вертикальныя морщины, а брови принимаютъ косое направленіе сверху и изнутри, внизъ и наружу. Такимъ образомъ, экспрессія выражавшая крикъ и плачъ сглаживается съ лица, но на немъ остается выраженіе печали или горя. Очевидно что главная причина отпечатлѣвшагося на лицѣ новаго выраженія, замѣнившаго прежнее, заключается въ плохомъ повиновеніи волѣ отпускателей угловъ рта (depressores anguli oris) и пирамидальнаго мускула. Но отчего же они вышли изъ повиновенія, если даже и состояли въ ономъ? Дарвинъ принимаетъ это какъ фактъ, на основаніи изслѣдованій Дюшена, а не выводитъ какъ результатъ наслѣдственной привычки пріобрѣтенной первоначально для какой-либо полезной цѣли. Слѣдовательно, мы имѣемъ предъ собою результатъ органическаго строенія, а вовсе не привычки, и должны, поэтому, въ

отношеніи къ экспрессіи печали продолжать держаться выше приведенныхъ мнѣній Дюшена, Грасіоле или Мильнъ-Эдвардса, такъ какъ ничѣмъ замѣнить ихъ не можемъ, и эта экспрессія должна выйти изъ-подъ того объяснительнаго начала подъ которое подводитъ ее Дарвинъ.

Этими замѣчаніями на первый принципъ Дарвина я вовсе не думаю отвергать начало ассоціаціи или сопряженія. Оно, безъ сомнѣнія, играетъ весьма значительную роль какъ при экспрессіи, такъ и при многихъ другихъ душевныхъ и тѣлесныхъ процессахъ; но зависитъ-то оно главнымъ образомъ отъ строенія организма и въ большинствѣ случаевъ не имѣетъ надобности быть выводимымъ изъ наслѣдственно-передаваемыхъ привычекъ.

2) *Принципъ антитезиса или противоположенія.*

„Нѣкоторыя душевныя состоянія ведутъ къ извѣстнымъ привычнымъ дѣйствіямъ, которыя полезны какъ и въ нашемъ первомъ принципѣ. Если теперь возбуждается прямо противоположное состояніе души, то рождается сильное и невольное стремленіе къ совершенію движеній прямо противоположнаго свойства, хотя они не представляютъ уже никакой пользы, и такія движенія бываютъ въ иныхъ случаяхъ въ высокой степени экспрессивными.“ *

Вообще всѣ объясненія полярности, бывшія въ такой модѣ у натурфилософовъ, кажутся мнѣ шаткими, сомнительными и не только ничего не объясняющими, но еще и сами требующими объясненія, какъ явленія весьма темныя и непонятныя, такъ что эта знаменитая полярность ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принята за какое-то само по себѣ разумѣющееся начало, подъ которое стóитъ только подвести явленіе чтобы тѣмъ сдѣлать его уже яснымъ уму. Такъ, напримѣръ, необходимость двухъ половъ для произведенія новаго органическаго существа, будто бы объясняемая требованіемъ закона полярности, остается тѣмъ не менѣе явленіемъ вполнѣ таинственнымъ, да и общая необходимость его оказалась мнимою вслѣдствіе открытія безспорныхъ фактовъ партеногенезиса въ существахъ имѣющихъ раздѣльные полы. Даже тамъ гдѣ эта полярность несомнѣнно существуетъ какъ фактъ, а не въ видѣ истолковательнаго принципа какъ въ электричествѣ и магнетизмѣ, она совершенно непонятна и ничѣмъ не была

* Darw. *Expr.*, pag. 28.

до сихъ поръ удовлетворительно изъяснена. Тѣмъ болѣе непонятно это начало противоположенія или антитезиса въ примѣненіи къ настоящему предмету. Откуда, въ самомъ дѣлѣ, это стремленіе къ противоположному? Можно ли себѣ представить чтобы существовало непосредственное sui generis стремленіе нервныхъ токовъ направляться къ извѣстнымъ мускуламъ только потому что они какъ-то противоположны другимъ, и даже не къ антагонистическимъ мускуламъ, каковы сгибатели и разгибатели (tensores et flexores) какого-либо опредѣленнаго члена тѣла, чтò было бы еще понятно, а часто просто къ совершенно другимъ мускуламъ, только производящимъ какое-нибудь другое движеніе, болѣе или менѣе значительно разнящееся отъ перваго, но которое, собственно говоря, вовсе даже и нельзя назвать противоположнымъ ему? Да и вообще въ движеніяхъ человѣческаго и животнаго тѣла нельзя опредѣленно сказать какое движеніе считать противоположнымъ другому, если оно не есть прямой результатъ сокращенія антагонистическихъ мускуловъ. Всего лучше бы видѣть это изъ примѣра, но ни одного такого яснаго примѣра Дарвиномъ не представлено. Для животныхъ, правда, не только описаны, но и представлены весьма характерные рисунки двухъ собакъ и одной кошки, въ состояніи враждебности и дружелюбнаго ласканія. У собакъ со враждебнымъ настроеніемъ, хвосты прямо подняты къ верху и выпрямлены почти какъ палки, у одной же изъ ласкающихся хвостъ направленъ подъ среднимъ угломъ внизъ и на кончикѣ загнутъ къ верху крючкомъ, а у другой опущенъ болѣе и согнутъ нѣсколько въ сторону; изъ описанія видно что она машетъ имъ изъ стороны въ сторону. Почему же, спрашивается, считать эти положенія хвостовъ противоположными? И если положенія ихъ у ласкающихся собакъ различны, какъ же могутъ эти различныя положенія быть противоположны тому же одному и третьему положенію у собакъ сердитыхъ? Напротивъ того, у кошки готовящейся къ дракѣ, хвостъ лежитъ горизонтально на полу и немного волнисто изогнутъ въ вертикальной плоскости, а у ласкающейся прямо поднятъ вверхъ какъ палка. Опять, почему же это послѣднее положеніе противоположно первому? Положенія хвостовъ были бы въ одинаковой степени различны еслибы ласкающаяся кошка опустила его прямо внизъ, какъ та которая нарисована на страницѣ 128 и выражаетъ испугъ. Слѣдовательно, если нельзя сказать какое именно

положеніе противоположно другому, то принципомъ антитезиса можно объяснить или почти все что угодно, или ровно ничего. Я избралъ изъ этихъ рисунковъ хвосты, потому что различныя ихъ положенія легко съ точностію описать словами; но при помощи рисунковъ легко было бы показать то же самое и на всякихъ другихъ частяхъ тѣла.

Экспрессій человѣка, объясненныхъ принципомъ антитезиса, во всей книгѣ Дарвина очень мало, и всѣ представленныя объясненія очень неудовлетворительны. Такъ, я никакъ не могу понять почему качаніе головы изъ стороны въ сторону, составляющее весьма общеупотребительный знакъ отрицанія, должно почитаться противоположнымъ наклоненію головы впередъ, какъ знаку утвержденія; тогда какъ дѣйствительно антагонистическимъ движеніемъ было бы загнутіе головы назадъ. Другой примѣръ экспрессивныхъ движеній совершаемыхъ по принципу антитезиса—и притомъ, по Дарвинову мнѣнію, наилучшій примѣръ,—состоитъ въ поднятіи плечъ къ верху, съ нѣкоторыми еще сопровождающими его жестами рукъ, для выраженія безпомощности или оправданія въ томъ что кто-либо не въ силахъ исполнить приказаннаго, или помочь бѣдѣ. И для этой экспрессіи приложены къ описанію фотографіи снятыя съ актера Рейлендера. Въ одной изъ нихъ выражается рѣшимость и вызовъ, въ другой безпомощность, извиненіе, а въ третьей даже подобострастное извиненіе (табл. 6, фиг. 2, 3 и 4). Выраженіе фигуръ дѣйствительно очень характерно и передаетъ противоположныя состоянія духа; но, если обратить вниманіе на средства этого выраженія, и особенно на положеніе плечъ (главнаго тутъ жеста), то въ нихъ не оказывается ничего противоположнаго. У фигуры выражающей рѣшимость и вызовъ плечи въ горизонтальномъ положеніи; имъ приданъ угловатый, какъ бы четвероугольный видъ, что выражается англійскимъ терминомъ to square the shoulders, или épaules carrées. Но почему же поднятіе плечъ должно представлять противоположность этому? Почему не такою же точно противоположностью было бы и опущеніе ихъ, и поданіе впередъ или назадъ?

Объяснительное значеніе этого принципа вообще очень трудно понять. Дарвинъ представляетъ на это два возможныя толкованія: первое заключалось бы въ томъ что по пользѣ получаемой нѣкоторыми животными отъ взаимнаго

сообщенія ихъ чувствованій, тѣлодвиженія свойства очевидно противоположнаго тѣмъ коими уже выражались нѣкоторыя другія чувствованія, были сначала употребляемы произвольно и сознательно, а потомъ обратились въ привычныя и стали передаваться наслѣдственно уже какъ непроизвольныя и инстинктивныя. Впрочемъ, это толкованіе онъ отвергаетъ самъ, находя, совершенно основательно, что оно болѣе чѣмъ сомнительно. * Но второе истолкованіе, которое онъ принимаетъ, еще болѣе сомнительно, невѣроятно и совершенно непредставимо. Совершеніе обыкновенныхъ, дѣйствительно одно другому противоположныхъ движеній, каковы, напримѣръ: подниманіе и опусканіе тяжести, поворачиваніе направо или налѣво, сгибаніе и выпрямленіе всего тѣла или частей его, при противоположныхъ импульсахъ воли, сдѣлалось и у насъ, и у животныхъ привычнымъ. Эта привычка употреблять противоположныя орудія или противоположныя дѣйствія тѣхъ же орудій (то-есть сокращеніе или ослабленіе мускула) при противоположныхъ желаніяхъ или стремленіяхъ, сопровождаемыхъ полнымъ сознаніемъ ихъ полезности или вообще ихъ значенія, тѣсно сопрягается (и такъ сказать переносится) со всякою вообще противоположностью въ ощущеніяхъ и чувствованіяхъ, и потому противоположныя движенія становятся выраженіемъ всякой противоположности въ ощущеніяхъ и чувствованіяхъ, хотя бы этими движеніями уже никакой цѣли не достигалось, хотя бы они были вполнѣ безполезны, какъ всѣ движенія экспрессіи. ** Но что же это объясняетъ? Вѣдь для этого надо допустить что у людей и у животныхъ, кромѣ непосредственнаго чувства того какіе мускулы они должны употреблять для совершенія извѣстнаго движенія, чувства которымъ они несомнѣнно обладаютъ, есть еще и чувство того какое дѣйствіе и какая совокупность мускульныхъ дѣйствій діаметрально противоположны такому движенію, и притомъ противоположны не реально (какъ у мускуловъ антагонистовъ), но, такъ сказать, въ отвлеченности, чтобы знать какіе употребить при противоположномъ душевномъ состояніи.

Все для поясненія этого же неяснаго и сбивчиваго пункта

* Darw. *Expr.*, pag. 61.

** Такъ должно быть, кажется, понято истолкованіе данное Дарвиномъ на стр. 65.

своего ученія, Дарвинъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: „Привычка произвольно производить при противоположныхъ побужденіяхъ противоположныя движенія твердо установилась въ насъ практикою цѣлой жизни. Отсюда, если нѣкоторыя дѣйствія были правильно совершаемы согласно нашему первому принципу при извѣстномъ состояніи духа, то будетъ сильное непроизвольное стремленіе къ совершенію прямо противоположныхъ дѣйствій подъ возбужденіемъ противоположнаго состоянія духа, все равно будутъ ли эти дѣйствія сами по себѣ полезны или нѣтъ“ *.

Я, напротивъ того, не думаю чтобы что-либо подобное могло имѣть мѣсто. Намъ представляется что-либо пріятное; мы приближаемся къ нему, стараемся придти съ нимъ въ возможно близкую по его спеціальнымъ свойствамъ связь: кладемъ въ ротъ, нюхаемъ, трогаемъ, ощупываемъ, обнимаемъ, цѣлуемъ, и при этомъ принимаемъ соотвѣтственное выраженіе лица, дѣлаемъ соотвѣтственные нашему настроенію жесты. Всѣ мускулы дѣйствуютъ сообразно этимъ различнымъ родамъ приближеній. Намъ представляется что-либо непріятное, или страшное—мы удаляемся отъ этого предмета, отталкиваемъ его отъ себя, отвращаемся отъ него, и опять всѣ мускулы дѣйствуютъ сообразно этимъ цѣлямъ удаленія, отталкиванья, отвращенія. И мы въ обоихъ случаяхъ достигаемъ своей цѣли, все равно дѣйствуютъ ли въ насъ впечатлѣнія реальныхъ предметовъ, или только представленія пріятнаго или непріятнаго. Но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ наши мускулы, или вообще наши органы не дѣйствуютъ по противоположности къ первой ихъ дѣятельности. Въ обоихъ случаяхъ дѣйствіе прямое и положительное, а не посредственное и отрицательное. Отрицательнымъ по отношенію къ своей противоположности становится оно лишь чрезъ сравненіе, чрезъ произвольное приниманіе одного изъ нихъ за положительное; сами же по себѣ оба рода дѣйствій одинаково положительны. Да и вообще отрицательное другаго значенія не имѣетъ. Если мы примемъ радость за положительное, то печаль, по сравненію съ нею, будетъ отрицательною, но вѣдь мы можемъ принять и обратное; въ сущности же оба чувства одинаково положительны.

Дарвинъ, впрочемъ, очень рѣдко прибѣгаетъ къ объяснительному принципу антитезиса, — собственно въ тѣхъ лишь

* Darw. *Expr.*, pag. 348.

случаяхъ когда, не находя возможности отыскать какую-нибудь прямую пользу въ какомъ-либо экспрессивномъ движеніи, и потому не будучи въ состояніи отнести его къ какой-либо пріобрѣтенной привычкѣ, онъ однакоже желаетъ избѣгнуть необходимости обратиться за объясненіемъ къ своему третьему принципу, который исключаетъ всякую надобность въ привычкѣ и вообще ускользаетъ отъ его излюбленныхъ объяснительныхъ пріемовъ, то-есть не подводитъ экспрессію ни подъ начало подбора, ни подъ начало употребленія или неупотребленія органовъ.

3) *Принципъ дѣйствій обязанныхъ своимъ происхожденіемъ строенію* (constitution) *нервной системы, изначала уже независимымъ отъ воли, а до извѣстной степени и отъ привычки.*

„Когда чувствилище сильно возбуждено, нервная сила производится въ излишествѣ и передается въ извѣстныхъ опредѣленныхъ направленіяхъ, зависящихъ отъ связи (connection) нервныхъ ячеекъ, частію же отъ привычки: или же доставленіе нервной силы можетъ, повидимому, прерываться. Этимъ путемъ происходятъ эффекты которые мы признаемъ экспрессивными. Этотъ принципъ можетъ быть названъ, краткости ради, принципомъ прямаго дѣйствія нервной системы. *"

„Конечно, прибавляетъ Дарвинъ въ поясненіе этого принципа, всякое движеніе которое мы дѣлаемъ опредѣляется строеніемъ нервной системы, но дѣйствія совершаемыя въ повиновеніе волѣ, или по привычкѣ, или по принципу антитезиса, исключаются отсюда сколько возможно. **"

Принципъ этотъ самъ по себѣ, конечно, очень теменъ, какъ говоритъ Дарвинъ, но вѣдь не болѣе же теменъ чѣмъ принципъ привычки и вообще чѣмъ все что относится къ дѣйствію нервовъ. По крайней мѣрѣ, разъ признавъ его и не вдаваясь въ объясненіе его самого, также точно какъ и въ объясненіе привычки, мы понимаемъ дѣйствіе нервовъ не такъ какъ дѣйствіе только-что изложеннаго принципа антитезиса, котораго мы въ сущности понять не можемъ. Взирая на предметъ безпристрастно, мы приходимъ къ заключенію что главнымъ образомъ одинъ этотъ принципъ и есть то начало отъ коего зависятъ экспрессіи и которому лишь отчасти помогаютъ нѣсколько привычекъ, наслѣдственность которыхъ если иногда и

* Darw. Expr., pag. [illegible].
** Ibid., pag. [illegible]

можетъ быть допущена, то едва ли когда встрѣчается необходимость принять что эта наслѣдственность переступаетъ границы вида. Въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ гдѣ движенія экспрессіи общи намъ и другимъ животнымъ, они не только могутъ быть подведены безъ малѣйшей натяжки подъ начало прямаго нервнаго дѣйствія, но именно крайняя натяжка и совершенно невѣроятныя предположенія должны быть дѣлаемы для замѣны этого начала наслѣдственно переданною привычкой, все равно происходящею ли отъ ассоціаціи ощущеній, или отъ антитезиса. Вѣдь только то можетъ быть спеціально отнесено къ началу унаслѣдованной привычки (и этимъ объясненіе усилено, явленіе уяснено въ большей степени) что̀ первоначально было сознательнымъ актомъ и чрезъ повтореніе перешло въ безсознательную привычку, которая уже передавалась наслѣдственно. Все же что̀ изначала зависѣло отъ непосредственнаго и прямаго дѣйствія нервовъ (отъ переноса ли излишка нервной силы, или отъ перерыва доставленія ея, по словамъ Дарвина) можетъ и теперь продолжать дѣйствовать также непосредственно; какая же надобность прибѣгать къ унаслѣдованной привычкѣ и въ этихъ случаяхъ когда, если что̀ и было унаслѣдовано, то лишь сходныя черты нервной конституціи, что̀ уже относится вообще къ вопросу о происхожденіи видовъ. Принятіе унаслѣдованія привычекъ и для этихъ случаевъ ровно ничего къ объясненію дѣла прибавить не можетъ, потому что, по тѣмъ же самымъ причинамъ по которымъ прямое такое дѣйствіе могло произойти въ первый разъ, оно можетъ происходить и въ сотый, и въ тысячный, и въ милліонный разъ. Привычка и унаслѣдованіе привычки были бы тутъ столь же безполезны для объясненія дѣла какъ, въ примѣненіи къ объясненію дѣйствія какой-либо паровой машины, принятіе привычки пріобрѣтенной поршнемъ поочередно подниматься и опускаться (еслибы даже въ принятіи таковой не заключалось нелѣпости). Если и въ милліонный разъ, точно также какъ и въ первый, поршень поднимается отъ давленія пара, а опускается, положимъ, отъ давленія атмосферы, то къ чему же тутъ еще привычка?

Такимъ образомъ, вопросъ о значеніи экспрессіи для Дарвинова ученія, то-есть вопросъ о томъ могутъ ли, между прочимъ, и различныя экспрессіи человѣка служить хотя отчасти доказательствомъ происхожденія его отъ животныхъ, приводится къ вопросу о томъ какое относительное значеніе должно

придавать этому третьему объяснительному принципу въ сравненіи съ двумя предшествующими? Отсюда становится понятнымъ что Дарвинъ старался по возможности умалить его значеніе и преувеличить значеніе двухъ прочихъ. Этимъ объясняется и то почему онъ принялъ столь сомнительное начало какъ принципъ антитезиса. Иное явленіе экспрессіи, какъ напримѣръ поднятіе плечъ для выраженія безпомощности и извиненія, никоимъ образомъ не могло быть выведено изъ непосредственной и когда-либо и кѣмъ-либо сознаваемой полезности. Чтобы не отнести его къ третьему принципу или не оставить вовсе безъ объясненія, придуманъ особый способъ ассоціаціи по контрасту тѣмъ окольнымъ путемъ который я изложилъ по Дарвину въ предыдущемъ параграфѣ.

Чтобъ оправдать мое положеніе объ умаленіи Дарвиномъ значенія неохотно принятаго имъ третьяго принципа и о преувеличеніи значенія остальныхъ, укажу на примѣръ того и другаго.

„Самый поразительный примѣръ, хотя рѣдкій и ненормальный, прямаго вліянія на тѣло нервной системы, когда она сильно поражена, какой только можетъ быть приведенъ, это потеря цвѣта волосъ, иногда замѣчаемая послѣ крайняго ужаса или горя. Приводится одинъ достовѣрный случай, когда у человѣка ведомаго на казнь въ Индіи измѣненіе въ цвѣтѣ волосъ происходило такъ быстро что было замѣтно на глазъ. *" Я спрашиваю теперь, еслибъ это быстрое сѣдѣніе волосъ не было явленіемъ столь рѣдкимъ, исключительнымъ и ненормальнымъ, а всегда бы сопровождало крайнія степени ужаса или горя, какъ напримѣръ при ожиданіи скорой неизбѣжной смерти, великихъ мученій, потери сильно любимыхъ людей и т. п., то получилось ли бы основаніе припутывать для объясненія этого сѣдѣнія наслѣдственно передаваемую привычку? Полагаю что никакого, а требовалось бы лишь признать тѣсную связь между цвѣтомъ волосъ и нѣкоторыми душевными состояніями сильно поражающими нервную систему; ибо та самая причина которая объясняла бы намъ первое сѣдѣніе, при данныхъ обстоятельствахъ, объясняла бы и тысячное, и милліонное съ совершенно одинаковою степенью удовлетворительности.

Но вотъ у насъ и дѣйствительность, примѣръ другаго

---

* Darw. *Expr.*, pag. 67.

явленія, тоже не совсѣмъ обыкновеннаго, хотя и несравненно болѣе частаго, а потому и считаемаго болѣе нормальнымъ, чѣмъ сѣдѣніе; это—поднятіе волосъ дыбомъ при сильномъ ужасѣ и гнѣвѣ, и Дарвинъ уже не относитъ его къ непосредственному нервному воздѣйствію, но къ наслѣдственно переданной привычкѣ, которая сама произошла накопленіемъ часто повторяющихся, сначала добровольныхъ актовъ, сознаваемыхъ какъ полезные у разныхъ животныхъ, а потомъ, хотя и потерявшихъ это полезное значеніе, но сохранившихся памятью, ставшею уже безсознательною, которую мы можемъ назвать памятью органическою, то-есть наслѣдственно передаваемою привычкой.

Это экспрессивное движеніе, которое у человѣка состоитъ въ поднятіи волосъ не только на головѣ, но и на всемъ тѣлѣ, что̀ хорошо выражается французскимъ словомъ horripilation, столь характерно и замѣчательно, и ведетъ ко столь явнымъ заключеніямъ въ пользу или противъ Дарвинова ученія объ экспрессіи какъ вспомогательнаго доказательства происхожденія человѣка отъ низшихъ животныхъ, что намъ слѣдуетъ разсмотрѣть его подробнѣе.

Дарвинъ приводитъ поэтовъ въ свидѣтельство что при ужасѣ подымаются у человѣка дыбомъ волосы: „Ты остудилъ мою кровь и поднялъ дыбомъ мои волосы,“ говоритъ Брутъ тѣни Цезаря. „Учеши внизъ его волосы; смотри, смотри, они торчмя стоятъ,“ говоритъ кардиналъ Бофоръ послѣ убіенія Глостера. Но, не будучи увѣренъ, не примѣнили ли поэты къ человѣку того что̀ часто наблюдали у животныхъ, Дарвинъ обратился къ наблюденіямъ сдѣланнымъ надъ сумашедшими, которые и удостовѣрили его въ томъ что поднятіе волосъ дыбомъ у нихъ очень обыкновенно, какъ при ужасѣ, такъ и при пароксизмахъ бѣшенства. * Такимъ образомъ не можетъ быть сомнѣнія что это странное явленіе существуетъ и у человѣка, какъ и у многихъ животныхъ. Но, говоритъ Дарвинъ въ другомъ мѣстѣ, „нѣкоторыя экспрессіи у человѣка, какъ напримѣръ ощетиненіе волосъ, едвали могутъ быть поняты безъ принятія того что человѣкъ существовалъ нѣкогда въ гораздо низшемъ и животно-подобномъ состояніи“. **

Какъ же вывести теперь эту экспрессію чрезъ унаслѣдо-

* Darw. *Expr.*, pag. 295—296.

** Ibid., pag, 12.

ваніе отъ животныхъ предковъ? Дарвинъ начинаетъ съ того что приводитъ множество примѣровъ изъ различныхъ видовъ млекопитающихъ: обезьянъ, хищныхъ, отрыгающихъ жвачку, свиней, даже муравьѣдовъ и летучихъ мышей, а также изъ птицъ, у которыхъ поднимаются волосы дыбомъ или взъерошиваются перья, наконецъ и ящерицъ, у которыхъ поднимаются, если не отдѣльныя чешуйки, которыя соотвѣтствуютъ волосамъ и перьямъ, то по крайней мѣрѣ спинные гребни, коими нѣкоторыя изъ нихъ снабжены. Далѣе, Дарвинъ замѣчаетъ что при этомъ ерошатся и торчатъ даже волосы на хвостѣ у нѣкоторыхъ млекопитающихъ, напримѣръ, особенно ясно, у кошекъ. Это поднятіе волосъ сопровождаетъ частію гнѣвъ, частію ужасъ. „У кошекъ это случается, повидимому, только при страхѣ, * хотя у птицъ“, говоритъ Дарвинъ, „кажется, гнѣвъ бываетъ главною причиной поднятія перьевъ; однакоже вѣроятно что молодыя кукушки, если смотрѣть на нихъ въ гнѣздѣ, а также и куры, когда къ ихъ цыплятамъ приближается собака, ощущаютъ, по крайней мѣрѣ, и нѣкоторый ужасъ. Г. Тегетмейеръ (извѣстный изслѣдователь птицеводства) увѣдомляетъ меня что у бойцовыхъ пѣтуховъ поднятіе перьевъ на головѣ издавна уже признано въ пѣтушьихъ бояхъ за признакъ трусости“.** Дарвинъ вносилъ чучела змѣй къ нѣкоторымъ обезьянамъ содержавшимся въ звѣринцѣ, и волосы ихъ мгновенно поднимались дыбомъ, особенно на хвостѣ; конечно, обезьяны пугались змѣй, и одинъ ветеринаръ увѣрялъ его что у лошадей и рогатаго скота, коимъ онъ дѣлалъ операціи и коихъ снова хотѣлъ оперировать, волосы поднимались. Другіе примѣры показываютъ что это случается при гнѣвѣ. „Я часто замѣчаю, говоритъ Дарвинъ, что волосы собаки особенно склонны подниматься если она на половину разсержена, а на половину испугана, какъ напримѣръ когда видитъ какой-нибудь предметъ въ темнотѣ.“ *** Какъ же объяснить происхожденіе этого столь распространеннаго выраженія гнѣва и ужаса? Бремъ, говоря о поднятіи гривы у обезьянъ, Midas Oedipus, прибавляетъ что онѣ дѣлаютъ такъ „чтобы придать себѣ какъ можно болѣе страшный видъ“. † Это

* Darw. *Expr.*, p. 96.
** Ibid., pag, 100.
*** Ibid., pag, 96.
† *Ibid., pag, 96.*

объясненіе принимаетъ и Дарвинъ. Ссылаясь на многочисленные примѣры поднятія волосъ въ связи съ разными угрожающими тѣлодвиженіями, онъ продолжаетъ: „Поэтому представляется едвали вѣроятнымъ чтобы координированное поднятіе накожныхъ прибавковъ, чрезъ которые животное является *въ большихъ размѣрахъ* и кажется страшнѣе своимъ врагамъ, было совершенно случайнымъ, побочнымъ (incidental) и безцѣльнымъ результатомъ тревожнаго состоянія чувствилища. Это кажется столь же невѣроятнымъ какъ то чтобъ ощетиненіе иголъ ежа и дикобраза, или распущеніе орнаментальныхъ перьевъ многихъ птицъ во время ихъ токованія были дѣйствіями совершенно безцѣльными.“ * Другими словами, Дарвинъ не хочетъ объяснять разсматриваемое явленіе своимъ третьимъ принципомъ, но старается подвести его подъ первый. Но тутъ же и обнаруживается крайняя натяжка имъ дѣлаемая. Животное хочетъ казаться какъ можно страшнѣе своему врагу и потому старается придать возможно большіе размѣры своему тѣлу, чего и достигаетъ ощетиненіемъ волосъ. Но вѣдь это объясненіе годится только для поднятія волосъ при гнѣвѣ, когда животное можетъ хотѣть поразить свою добычу или своего врага страхомъ, но не при совершенно противоположномъ чувствѣ ужаса, когда, напротивъ того, оно должно стараться скрыться, спрятаться, сдѣлаться возможно менѣе замѣтнымъ, то-есть умалиться, а не увеличиться, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ и самъ Дарвинъ толкуетъ совершаемыя при этомъ тѣлодвиженія. „Г. Вейръ (Weir) заключаетъ изъ своей обширной опытности, говоритъ онъ, что поднятіе перьевъ причиняется гораздо болѣе гнѣвомъ чѣмъ страхомъ; онъ полагаетъ общимъ правиломъ что когда птицы испуганы, онѣ тѣсно прижимаютъ всѣ свои перья и вслѣдствіе этого уменьшаютъ ихъ объемъ часто изумительно.“ ** То же и въ другомъ мѣстѣ: „Испуганный человѣкъ сначала стоитъ подобно статуѣ, неподвижно и безъ дыханія, или присѣдаетъ какъ бы инстинктивно, чтобы не быть замѣченнымъ.“ *** Но если и допустить это, по крайней мѣрѣ для человѣка, то зачѣмъ же поднимаются волосы на хвостѣ, да на немъ еще преимущественно? Вѣдь

* Darw. *Expr.*, pag. 102.
** Ibid., pag. 99.
*** Ibid., pag. 102.

это уже никакого увеличенія фигуры не производитъ. Если же принять это поднятіе за явленіе рефлективное у птицъ, за непосредственное нервное воздѣйствіе, тогда это точно также понятно и для хвоста какъ и для прочихъ частей тѣла. Какимъ же образомъ все это согласить?

Но при этомъ поднятіи волосъ въ гнѣвѣ или въ ужасѣ есть еще гораздо большее затрудненіе, которое повергаетъ Дарвина въ совершенное недоумѣніе. Кёлликеръ открылъ что поднятіе волосъ и перьевъ производится сокращеніемъ маленькихъ мускуловъ идущихъ къ каждому волосу и перышку и названныхъ поднимателями волосъ—arrectores pili.

Но на бѣду мускулы эти гладкіе, безъ поперечныхъ насѣчекъ, то-есть мускулы непроизвольные, не подлежащіе дѣйствію воли, и слѣдовательно ни мы, ни животныя не можемъ дѣйствовать посредствомъ ихъ сокращенія на волосы, какъ не можемъ непосредственно по желанію ускорить или замедлить біеніе сердца. Это заставляетъ Дарвина сказать, конечно вполнѣ основательно: „Изъ этихъ фактовъ очевидно что поднятіе накожныхъ прибавковъ есть дѣйствіе рефлективное, независимое отъ воли; и на это дѣйствіе, когда оно происходитъ подъ вліяніемъ гнѣва или страха, надо смотрѣть не какъ на способность пріобрѣтенную ради какой-либо выгоды, но какъ на побочный и случайный результатъ раздраженія чувствилища, по крайней мѣрѣ въ значительной степени“, * прибавляетъ онъ, ради нѣкотораго ослабленія сдѣланнаго сознанія. На этомъ и слѣдовало бы остановиться, ибо очевидно что въ этомъ и заключается все объясненіе этого факта, точно такъ же какъ и сѣдѣнія волосъ, явленій различающихся между собою только степенью этого раздраженія чувствилища и его непосредственнаго нервнаго вліянія. Но, какъ мы сейчасъ видѣли, это кажется ему недостаточнымъ и невѣроятнымъ, по той связи которая существуетъ между поднятіемъ волосъ и различными произвольными дѣйствіями, и ему все-таки хочется непремѣнно подвести поднятіе волосъ подъ принципъ движеній благопріобрѣтенныхъ изъ-за какой-нибудь пользы и обратившихся затѣмъ въ привычку, которая стала передаваться наслѣдственно. И вотъ Дарвинъ старается примирить два несогласимые между собою взгляда.

---

* Darw. *Expr.*, pag. 102.

„Здѣсь встрѣчаемъ мы большое затрудненіе“, восклицаетъ Дарвинъ. „Какимъ образомъ сокращеніе гладкихъ непроизвольныхъ мускуловъ, arrectores pili, могло быть координировано съ сокращеніемъ мускуловъ подлежащихъ волѣ *для той же самой спеціальной цѣли?*“ Очень просто: потому что затрудненіе совершенно напрасно придумано. Стóитъ только выбросить подчеркнутую часть приведеннаго мѣста. Эти сокращенія различныхъ сортовъ мускуловъ вовсе и не служатъ для той же спеціальной цѣли; увеличеніе объема тѣла и приданіе себѣ чрезъ это болѣе страшнаго вида есть ни на чемъ не основанная выдумка и натяжка, уже по одному тому что еслибы это даже и годилось при гнѣвѣ, то совершенно никуда не годится при страхѣ и ужасѣ, когда человѣкъ и животное думаютъ только о своемъ спасеніи бѣгствомъ или даже совершенно парализуются; они обливаются холоднымъ потомъ, часто кольцеобразно сжимательные мускулы, сфинктеры, непроизвольно ослабляются, и кишки и мочевой пузырь выпоражниваются. Вѣдь это также непроизвольный результатъ сильнаго пораженія чувствилища, который уже никакъ не координируется съ имѣющими мѣсто, при этомъ крайнемъ вліяніи страха, произвольными мускульными сокращеніями. Не болѣе координаціи и въ непроизвольномъ поднятіи волосъ дыбомъ. Но Дарвину необходимо это непроизвольное и вполнѣ рефлективное дѣйствіе подчинить принципу добровольнаго и постепеннаго пріобрѣтенія, доставляющаго пользу, и онъ придумываетъ для этого двѣ и даже три гипотезы одинаково не выдерживающія критики.

„Еслибы мы могли предположить что приподниматели волосъ были произвольными мускулами и лишь въ послѣдствіи потеряли свои насѣчки и стали непроизвольными, дѣло стало бы сравнительно простымъ.“ О, конечно, очень простымъ! Тогда поднятіе волосъ стало бы для нихъ до того обычнымъ дѣломъ что вскорѣ, по излишеству воздѣйствія воли, имъ, такъ сказать, не было бы необходимости имѣть строеніе ставящее ихъ отъ нея въ зависимость; они повиновались бы ей, такъ сказать, подразумѣвательно, такъ сказать, всегда ее предупреждая. Но „я не знаю, есть ли хоть какое-нибудь доказательство въ пользу такого взгляда“, принужденъ онъ, на бѣду свою, добавить. Правда что превращеніе въ обратномъ направленіи казалось бы гораздо легче, „потому что произвольные мускулы находятся въ гладкомъ состояніи у

зародышей высшихъ животныхъ и въ личинкахъ нѣкоторыхъ раковъ". * Но какая же въ этомъ польза когда arrectores pil и до сихъ поръ произвольными не сдѣлались, а еслибъ и сдѣлались, то обратно, и назадъ ничего бы не объясняли?

„Мы можемъ принять что первоначально тревожное состояніе нервной системы *слегка* дѣйствовало на arrectores pili подъ вліяніемъ гнѣва и ужаса, какъ это безъ сомнѣнія бываетъ при такъ-называемой гусиной кожѣ предъ лихорадочнымъ пароксизмомъ. Животныя были повторенно возбуждаемы гнѣвомъ и ужасомъ въ теченіе многихъ поколѣній, и вслѣдствіе сего, прямыя воздѣйствія растревоженной нервной системы на накожныя прибавки были почти съ достовѣрностію усилены черезъ привычку и *черезъ стремленіе нервной силы* легко и удобно *проходить по привычнымъ каналамъ.*" ** Подчеркнутое мѣсто не особая добавочная какая-либо причина, но не болѣе какъ перифразъ привычки, то-есть въ сущности ничего не объясняющее физіологическое объясненіе. Но, какъ бы то ни было, предположеніе что гладкіе мускулы, для пріобрѣтенія способности къ полной дѣятельности, нуждаются еще въ пособіи привычки, это есть гипотеза не только совершенно произвольная и лишняя, но и заключающая въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ, если этихъ мускуловъ первоначально не было, то не могло быть и упражненія ихъ, и очевидно не могло произойти и привычки; если же мускулы уже были, но не было еще привычки, то мускулы не могли проявлять своей дѣятельности, или проявляли ее въ слабой, ничтожной степени,—тогда для чего же они были, какъ и почему явились? Какая была въ нихъ польза? А слѣдовательно, по Дарвину, какая и причина ихъ происхожденія? вѣдь безъ привычки они предполагаются бездѣятельными. Очевидно, Дарвинъ здѣсь впадаетъ въ ту невылазную логическую трясину которая называется circulus vitiosus. Это усовершенствованіе и усиленіе дѣйствія гладкихъ мускуловъ посредствомъ упражненія Дарвинъ думаетъ подкрѣпить наблюденіями надъ поднятіями волосъ у сумашедшихъ, у которыхъ чувство гнѣва и ужаса очень часто повторяется, а потому и волосы пріучаются сильно подниматься. Но это совершенно невѣрное

* Darw. *Expr.*, pag. 102 и 107.

** Ibid, pag. 103.

толкованіе. Гнѣвъ доходящій до бѣшенства и ужаса бываетъ у сумашедшихъ въ крайней степени, слѣдовательно и раздраженіе нервной системы и тревожное состояніе общаго чувствилища у нихъ столь же крайнія, а поэтому и воздѣйствіе ихъ на приволосные мускулы бываетъ столь же крайнимъ и частнымъ, и повтореніе и привычка тутъ ни при чемъ. Это доказывается всѣми примѣрами приведенными Дарвиномъ, изъ коихъ видно что коль скоро сумашедшіе успокоивались и выздоравливали, то и поднятіе волосъ прекращалось, * слѣдовательно не образовалось привычки поднимать волосы, сколь бы часто и въ какой бы сильной степени ни дѣйствовала причина производившая этотъ результатъ. Вотъ все что можно заключить изъ примѣровъ сумашедшихъ. Раскладываемъ сильный огонь, разводимъ много паровъ, и машина дѣйствуетъ усиленно; съ прекращеніемъ же усиленной топки ослабѣваетъ и дѣйствіе. Въ примѣрѣ сумашедшихъ не болѣе мѣста привычкѣ чѣмъ въ дѣйствіи этой машины.

До сихъ поръ мы все-таки не видимъ еще ничего кромѣ прямаго воздѣйствія нервной системы, хотя и усиливаемой привычкой, то-есть находимся пока еще въ объяснительной сферѣ третьяго принципа. Какъ же совершается переходъ къ первому принципу? „Какъ скоро способность подниманія волосъ была такимъ образомъ увеличена или усилена у животныхъ, они часто должны были видѣть волосы и перья дыбомъ приподнятые у соперничествующихъ съ ними и взбѣшенныхъ самцевъ, и объемъ ихъ тѣла такимъ образомъ увеличеннымъ. Въ этомъ случаѣ представляется возможнымъ что они могли пожелать и сами показаться бо́льшихъ размѣровъ и страшнѣе своимъ врагамъ, добровольно принимая угрожающее положеніе и испуская рѣзкіе звуки, и эти выраженія стали послѣ нѣкотораго времени инстинктивными чрезъ привычку.“ ** Удивительное дѣло! Если эти подражатели были разсержены, то выражали свое внутреннее состояніе точно также какъ и тѣ которымъ подражали, и не видно зачѣмъ же тутъ нужно было подражаніе; если же подражаніе относится къ поднятію волосъ дыбомъ, то, во первыхъ, какъ бы ни было велико желаніе ихъ подражать, желаніе это не могло имѣть дѣйствія

* См. о сумашедшихъ Darw. *Express*, pag. 295—298.
** Darw. *Express.*, pag. 103 и 104.

на гладкіе и потому непроизвольные мускулы, а вовторыхъ, если у самихъ образцовъ волосы ерошились безо всякаго подражанія кому бы то ни было, почему бы имъ не ерошиться по тѣмъ же самымъ причинамъ и у подражателей, которымъ, слѣдовательно, подражаніе становилось совершенно безполезнымъ. Если явленіе объясняется прямо и непосредственно у первыхъ, то столь же прямо и непосредственно объясняется и у вторыхъ, а если у этихъ послѣднихъ требуется подражаніе, то оно точно также требуется и у первыхъ, а этимъ кому же подражать? Значитъ и тутъ такой же circulus vitiosus, какъ только что приведенный выше.

Впрочемъ, всю недостаточность и нелогичность своего объясненія, кажется, замѣчаетъ и Дарвинъ, ибо въ концѣ своихъ объясненій видитъ себя принужденнымъ обратиться ко всеотпирающему ключу естественнаго подбора: „Не должны мы также просмотрѣть долю которую могли играть измѣнчивость и естественный подборъ", прибавляетъ онъ, „потому что самцы, которымъ удавалось придать себѣ наиболѣе ужасъ внушающій ихъ соперникамъ и другихъ врагамъ видъ, хотя бы и не въ всепревозмогающей степени, оставляли среднимъ числомъ болѣе многочисленное потомство для унаслѣдованія ихъ характерныхъ свойствъ, каковы бы они ни были и какъ бы они ни были пріобрѣтены, чѣмъ другіе самцы." * Но что же тутъ должно было произойти подборомъ? Вопервыхъ, сами мускулы arrectores pili; вовторыхъ, ихъ поднятіе при возмущеніи нервной системы гнѣвомъ и ужасомъ. Но вѣдь это свойство общее двумъ классамъ позвоночныхъ, млекопитающимъ и птицамъ, и слѣдовательно должно бы произойти у общаго ихъ прародителя; но отличія между этими двумя классами таковы что и въ самыхъ смѣлыхъ генеалогическихъ системахъ не производятъ ихъ другъ отъ друга, не производятъ даже отъ общаго прародителя изъ класса пресмыкающихся; слѣдовательно надо бы еще ниже по лѣстницѣ организмовъ отыскивать тотъ узелъ, то соединительное звено которое соединяло бы общимъ происхожденіемъ прародителей птицъ и млекопитающихъ. Но у такого прародителя, конечно, не было еще ни перьевъ, ни волосъ, на которые эти arrectores могли бы дѣйствовать; если были чешуи, то странно было бы принять у этого гипотетическаго существа

* Darw. *Expres.*, pag. 104.

способность приподниманія чешуй, которой нѣтъ у теперешнихъ покрытыхъ чешуями пресмыкающихся. Слѣдовательно, надо прибѣгнуть къ самостоятельному и отдѣльному происхожденію этого признака у спеціальныхъ прародителей этихъ двухъ классовъ, или отдѣльно у всѣхъ птицъ и млекопитающихъ которыя имъ обладаютъ. Но въ такомъ случаѣ это должно бы быть признакомъ крайней и всеобщей важности, такой что всѣ тѣ особи двухъ высшихъ классовъ животныхъ которыя не получили его себѣ въ наслѣдство должны бы были преимущественно погибать. Главное же возраженіе состоитъ въ томъ что этотъ сложный мускульный аппаратъ долженъ былъ бы появиться разомъ для всѣхъ волосъ и перьевъ въ полномъ развитіи, и отправленіе его совершаться въ полной силѣ; ибо, еслибы главная польза и этого аппарата и его дѣятельности проявилась въ очень слабой степени, еслибы только нѣкоторые волосы въ мало замѣтной степени приподнялись то тамъ, то здѣсь, кого бы это испугало, кому бы придало страшный видъ, и тогда какъ бы это укрѣпилось подборомъ?

Мы видимъ что поднятіе волосъ или перьевъ при гнѣвѣ и ужасѣ, которое замѣчается у многихъ млекопитающихъ у птицъ и у человѣка, не может быть объяснено ни послѣдствіемъ переданной привычки, ни какъ результатъ подбора, между тѣмъ какъ оно очень просто объясняется прямымъ и непосредственнымъ нервнымъ вліяніемъ, какъ необходимый результатъ общности мускульнаго и нервнаго строенія которое существуетъ и у человѣка, и у этихъ животныхъ. Конечно, въ корнѣ своемъ это объясненіе недостаточно, но эту недостаточность раздѣляетъ съ нимъ и вообще всякая нервная дѣятельность, которую однакоже Дарвинъ принимаетъ по необходимости за одинъ изъ своихъ объяснительныхъ принциповъ, и если имъ объясняются сѣдѣніе волосъ и многія другія явленія, почему же не остановиться на немъ и при (въ сущности однородномъ съ нимъ) нервномъ вліяніи на поднятіе волосъ, хотя оно и обыкновеннѣе, и такъ-сказать нормальнѣе перваго?

Я счелъ нужнымъ съ особою подробностью остановиться на этомъ неудачномъ примѣрѣ старанія Дарвина какъ можно болѣе уменьшить и ограничить объяснительную сферу его третьяго принципа въ пользу перваго, но и всѣ другіе примѣры приводятъ насъ къ тому же заключенію.

Въ доказательство того что прямаго и непосредственнаго нервнаго вліянія недостаточно для большей части движеній экспрессіи, но что кромѣ его необходимо еще промежуточное дѣйствіе привычки наслѣдственно переданной, Дарвинъ приводитъ слѣдующее соображеніе: „Душевное движеніе (чувство) можетъ быть очень сильно, но будетъ имѣть очень слабое стремленіе вести за собою движеніе какого бы то ни было рода, если оно уже обыкновенно не вело къ произвольнымъ дѣйствіямъ для своего облегченія или удовлетворенія; если же движенія возбуждаются, то они опредѣляются въ значительной мѣрѣ тѣми которыя уже часто и добровольно совершались для какой-нибудь опредѣленной цѣли подъ вліяніемъ того же душевнаго движенія“ *. Въ примѣръ такихъ чувствъ сильныхъ, но не возбуждающихъ однако сильныхъ экспрессій, онъ приводитъ материнскую любовь, выражающуюся лишь въ легкихъ ласкательныхъ движеніяхъ, улыбкахъ и нѣжныхъ взглядахъ, замѣняемыхъ вскакиваніемъ, угрожающимъ видомъ, краснотой лица, искрометными взорами, поднятіемъ груди, расширеніемъ ноздрей и сердцебіеніемъ если кто намѣренъ обидѣть ея ребенка, потому что здѣсь чувство простой материнской любви замѣнилось чувствомъ гнѣва. Также точно и всякая черная ненависть, подозрительность, зависть и ревность (если не переходятъ въ гнѣвъ) не выказываются рѣзкими внѣшними признаками и движеніями. **

Что̀ же этимъ доказывается? Вовсе не то чтобы сильныя экспрессивныя движенія были результатомъ предшествовавшихъ быстрыхъ и произвольныхъ движеній, обратившихся въ привычку наслѣдственно переданную, а то что гнѣвъ, ужасъ и тому подобныя быстрыя и сильныя волненія требовали не въ прошедшемъ только, а и теперь требуютъ мгновеннаго дѣйствія—нанесенія противнику вреда, или спасенія отъ него, такъ что если мы и удерживаемся волею отъ ихъ наружнаго проявленія, то тѣмъ не менѣе внутреннія, независимыя отъ воли движенія, какъ напримѣръ сердцебіеніе, краснѣніе, дрожаніе и т. п., продолжаютъ происходить, и это вовсе не по привычкѣ, а по двойственности нервнаго вліянія, съ одной стороны возбуждающаго дѣйствія, а съ другой,

* Darw. *Expr.*, pag. 71—72.
** Ibid., pag. 78, 79.

удерживающаго ихъ. Ненависть же, зависть, мщеніе или материнская любовь, хотя также чувства сильныя, но постоянныя. Это состояніе души, а не кратковременныя проявленія ея, состоянія остающіяся при всякихъ другихъ движеніяхъ и при всякихъ другихъ спокойныхъ положеніяхъ, и потому, будучи общими состояніями, они и не побуждаютъ къ быстрымъ мгновеннымъ движеніямъ, такъ-сказать ко взрывамъ движеній. Къ чему же тутъ впутывать привычку и наслѣдственность, когда и безъ нихъ все удовлетворительно объясняется? Такъ какъ нѣтъ побужденій къ движеніямъ, при этихъ хорошихъ и дурныхъ чувствахъ, именно теперь, въ настоящее время, а не то что ихъ не было въ прошедшее время, у насъ же или у нашихъ предковъ, то нѣтъ и результатовъ отъ несуществующихъ побужденій, совершенно независимо отъ того, существовали ли они прежде или нѣтъ.

Въ противность этимъ спокойнымъ чувствамъ, такъ объясняетъ Дарвинъ привычкой тѣ сильныя экспрессивныя движенія которыми человѣкъ и животныя выражаютъ сильную боль, гнѣвъ или ужасъ: „Сильная боль понуждаетъ всѣхъ животныхъ, и побуждала ихъ въ теченіе безчисленныхъ поколѣній, дѣлать самыя напряженныя и разнообразныя усилія чтобъ избавиться отъ причины страданія. Такая привычка упражнять съ величайшею силой всѣ мускулы была установлена для всѣхъ случаевъ когда испытывалось большое страданіе.“ Опять и тутъ введена привычка, да еще въ безчисленномъ ряду поколѣній, ни къ селу ни къ городу, рѣшительно не понятно для чего. Боль произвела разъ большія усилія тѣла— да! но не разъ только, а каждый разъ производитъ ихъ, когда тѣло ее ощущаетъ, столь же прямо и непосредственно въ милліонный, какъ и въ первый разъ. Крики, вопли, судорожныя искривленія тѣла, маханіе головы, дрожь, трепетаніе, все это каждый разъ послѣдствіе того же прямаго дѣйствія нервовъ, какъ и въ любой изъ предыдущихъ разовъ, какъ въ самый первый разъ, когда еще и не отъ кого было ихъ наслѣдовать.

Но, кромѣ разныхъ усиленныхъ судорожныхъ движеній лица и тѣла, боль вынуждаетъ еще и у людей, и у животныхъ, вопли и крики. „Такъ какъ мускулы груди и голосовыхъ органовъ, продолжаетъ Дарвинъ, обыкновенно употребляются, то они становятся въ особенности склонны (liable) быть приведенными въ дѣйствіе, и громкіе крики будутъ

испускаемы.*" Но вѣдь очевидно что дѣло происходитъ совершенно наоборотъ; не отъ привычки, не отъ того что онѣ обыкновенно употребляются (are habitually used), стали онѣ особенно склонны воспринимать воздѣйствіе нервовъ, а отъ ихъ пригодности, отъ приноровленности ихъ строенія, стали онѣ обыкновенно употреблятъся, или возникла привычка ихъ употребленія.

Подобнымъ же образомъ старается Дарвинъ подвести подъ привычку и наслѣдственную передачу различныя симптоматическія движенія или экспрессіи гнѣва и ужаса; неохотно уступая нѣкоторую долю ихъ происхожденія прямому дѣйствію нервнаго возбужденія, онъ сколько возможно старается отнести ихъ къ участію своихъ излюбленныхъ принциповъ. Но приведенныхъ примѣровъ, думаю, достаточно чтобы показать что всѣ эти старанія безуспѣшны и приводятъ къ ошибочнымъ выводамъ и заключеніямъ, такъ какъ употребляемый имъ при этомъ методъ доказательствъ остается все тотъ же. Поэтому понятно что рефлективныя движенія, которыя именно и подходятъ подъ третій объяснительный принципъ Дарвина, такъ что всякій и сталъ бы искать ихъ во главѣ трактующей о непосредственномъ нервномъ вліяніи, отнесены имъ подъ рубрику явленій подходящихъ подъ объясненіе первымъ его принципомъ. Дарвинъ такъ и говоритъ что „ему было необходимо показать что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ (рефлективныхъ движеній) могли быть первоначально пріобрѣтены чрезъ посредство воли ради удовлетворенія желанія или ради облегченія непріятнаго ощущенія". ** Изъ его изложенія видно что онъ подраздѣляетъ рефлективныя движенія на три категоріи: 1) на движенія съ изначала рефлективныя по непосредственной нервной связи, 2) на движенія сдѣлавшіяся рефлективными изъ произвольныхъ и сознательныхъ въ теченіе жизни того же индивидуума и 3) на движенія обратившіяся изъ сознательныхъ въ рефлективныя которыя постепенно и мало-по-малу пріобрѣтались, накоплялись и наслѣдственно передавались въ длинномъ ряду поколѣній. Дарвинъ опредѣляетъ ихъ такъ: „Кажется вѣроятнымъ что нѣкоторыя дѣйствія, совершаемыя въ началѣ сознательно, превратились чрезъ привычку и ассоці-

---

* Darw. *Expr.*, pag. 72.

** Ibid., pag. 42.

ацію въ рефлективныя дѣйствія и теперь столь крѣпко утверждены и унаслѣдованы что совершаются даже когда не представляютъ уже ни малѣйшей пользы, всякій разъ какъ возникаютъ тѣ же причины которыя первоначально возбуждали ихъ чрезъ посредство воли.“ *

Рефлективныя движенія второй категоріи очень обыкновенны, но какъ индивидуумами пріобрѣтаются, такъ съ индивидуумами и исчезаютъ. Таковы, напримѣръ, плаваніе, ѣзда верхомъ, танцованіе, фехтованіе, чтеніе, письмо, твердое механическое выучиваніе наизустъ, когда мы доходимъ до повторенія словъ въ заученномъ порядкѣ даже безъ соединенія съ ними какого бы то ни было смысла и путаемся при какомъ-либо развлеченіи и нарушеніи этого порядка, и наконецъ самый языкъ. И тутъ можно замѣтить нѣкоторую постепенность въ полнотѣ рефлективности такимъ образомъ выученнаго. Такъ, напримѣръ, и составленіе танцовальныхъ или фехтовальныхъ движеній изъ отдѣльныхъ па и пріемовъ, терцій, квартъ и т. п., и бѣглость разговора, и наконецъ цѣлый языкъ, могутъ быть совершенно забыты безъ упражненія, а пріемы плаванія, разъ выученные, никогда не забываются и невольно повторяются когда человѣкъ падаетъ въ воду, хотя бы нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ не плавалъ, даже не входилъ въ воду, хотя конечно и будетъ хуже плавать, съ меньшею ловкостью, скоростью и продолжительностію. Но такъ какъ этого рода рефлективныя пріобрѣтенія никогда не передаются наслѣдственно, то и при объясненіи экспрессій не имѣютъ значенія. Рефлективныя движенія принимаемой Дарвиномъ третьей категоріи, очевидно, самыя пригодныя для его теоріи; такъ какъ аналогія съ рефлективными движеніями второй категоріи, которыя, хотя и произошли отъ дѣйствій намѣренныхъ и произвольныхъ, но наслѣдственно не передаются, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, не даетъ еще намъ права считать эту наслѣдственную передачу за общее и строго установленное правило, и пользоваться ею дозволяется развѣ только въ исключительныхъ случаяхъ, можетъ-быть только въ тѣхъ когда движенія суть результатъ наслѣдственно переданной особенности въ строеніи, а не наоборотъ. Но примѣры приводимые Дарвиномъ болѣе чѣмъ сомнительны и должны быть отнесены къ

* Darw. *Expr.*, pag. 32.

дѣйствительной его траты; почему бы не пріучиться и къ результатамъ возстановленія веществъ и нервной силы безъ дѣйствительнаго ихъ возстановленія? Правда, и тутъ можно указать на аналогическія явленія увеличенія силы и энергіи при чисто нравственномъ, идеальномъ возбужденіи. Напримѣръ, при личномъ появленіи Суворова на опасномъ пунктѣ въ битвѣ при Требіи, гдѣ малочисленныя силы Русскихъ уже изнемогали, Французы подумали, и это занесено въ ихъ реляціи объ этомъ сраженіи, что къ Русскимъ пришла на помощь цѣлая дивизія. Но неужели же и это былъ результатъ наслѣдственно переданной привычки? Очевидно что дѣло было гораздо проще, что усиленная атака Русскихъ была результатомъ непосредственнаго нервнаго возбужденія произведеннаго видомъ любимаго и, во мнѣніи солдатъ, абсолютно непобѣдимаго вождя. Въ этомъ случаѣ, это нервное возбужденіе выразилось положительно; точно также, гораздо естественнѣе и проще принять что и при страхѣ и ужасѣ симптомы ихъ бываютъ такимъ же непосредственнымъ результатомъ нервнаго возбужденія выражающагося отрицательно.

Это же самое можемъ мы представить еще съ другой точки зрѣнія. Когда наши человѣческіе, или предполагаемые получеловѣческіе, или совершенно животные предки, подъ вліяніемъ впечатлѣній страха, пускались бѣжать безъ оглядки и тѣмъ доводили себя до изнеможенія, окончательный результатъ коего передается теперь намъ, ихъ потомкамъ, безъ промежуточнаго фазиса производившаго у нихъ это изнеможеніе, то вѣдь эта механическая работа, выразившаяся въ продолжительномъ бѣгѣ (или борьбѣ), совершалась не иначе какъ насчетъ превращенія въ работу той теплоты которая произошла отъ усиленія медленнаго сгаранія мускуловъ, сгаранія, которое должно вѣдь всякій разъ предшествовать тѣмъ мускульнымъ сокращеніямъ которыя производятъ бѣгъ или, иными словами, сокращеніе мускуловъ и бѣгъ суть результаты образованія излишней теплоты, усиленнаго сгаранія мускуловъ, а не наоборотъ. И вѣдь такъ должно быть при всякомъ мускульномъ сокращеніи, производившемъ этотъ бѣгъ. Чему же въ такомъ случаѣ приписать это излишнее противъ нормальнаго образованіе теплоты, или это излишнее сгараніе? Не иному чему, конечно, какъ произвольному или непроизвольному нервному возбужденію. Почему же теперь намъ не принять что это нервное возбужденіе вслѣдствіе ужаса не

производитъ прямымъ путемъ того что̀, по Дарвину, оно производитъ окольнымъ путемъ чрезъ посредство какого-то органическаго воспоминанія или привычки, когда въ обоихъ случаяхъ промежуточный посредствующій членъ (дѣйствительный сильный бѣгъ) между нервнымъ возбужденіемъ и симптомами утомленія долженъ быть выпущенъ? Принятіемъ непосредственнаго нервнаго возбужденія всѣхъ симптомовъ усталости мы можемъ даже гораздо ближе подойти къ пониманію всѣхъ этихъ процессовъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ изъ физіологіи что мускульное сокращеніе не прямо и непосредственно даетъ свои послѣдніе результаты, угольную кислоту и воду, но что при этомъ образуется рядъ промежуточныхъ и побочныхъ продуктовъ, каковы креатинъ, креатининъ, молочная кислота, и что накопленіе этихъ продуктовъ, при усиленномъ движеніи, вѣроятно и производитъ явленіе утомленія и изнеможенія, такъ какъ изъ опытовъ Ранке видно что впрыскиваніе молочной кислоты въ мускульную ткань производитъ всѣ явленія усталости.* Теперь я спрашиваю, не гораздо ли проще и легче принять что при ужасѣ признаки крайняго изнеможенія происходятъ вслѣдствіе непосредственнаго нервнаго дѣйствія, хотя бы путемъ ненормальнаго образованія молочной кислоты и т. п. продуктовъ, чѣмъ объяснять эти признаки органическимъ воспоминаніемъ съ пропускомъ промежуточнаго и посредствующаго члена—дѣйствительнаго произведенія напряженной, непосильной мускульной работы? Примемъ еще во вниманіе что самое истощеніе вещества мускуловъ не можетъ быть причиной ни дѣйствительнаго утомленія отъ физическихъ усилій, ни еще менѣе причиной симптомовъ его при ужасѣ (тогда какъ мы знаемъ что, при ненормальной нервной дѣятельности, легко происходятъ ненормальныя выдѣленія), что возстановленіе силъ послѣ успокоенія нельзя принять за возстановленіе вещества мускуловъ, тѣмъ болѣе нельзя принять что опыты Пархаса показали что при упражненіи мускулы пріобрѣтаютъ азотистыя вещества, которыя лишь медленно уменьшаются при послѣдующемъ успокоеніи. Если же симптомы ужаса были бы полнымъ повтореніемъ результатовъ дѣйствительнаго утомленія отъ физической работы, то изъ этого слѣдовало бы что и мышцы въ ужасѣ

---

* Ranke *Tetanus* etc. Milne-Edwards *Phys. et Anat. comparée*, t. X, p. 497.

большей доли ихъ къ третьей и наивозможно меньшей къ первой; онъ и относительно тѣхъ движеній которыя самъ принужденъ по очевиднымъ причинамъ отнести къ первой категоріи старается своими толкованіями сколь возможно ослабить значеніе ихъ первоначальности и первобытности.

Такъ про сердце Дарвинъ говоритъ: „Но, если человѣкъ или лошадь встрепенется (start), сердце сильно бьется о ребра, и здѣсь можно поистинѣ сказать что мы имѣемъ примѣръ органа участвующаго въ общемъ рефлективномъ движеніи тѣла, который никогда не былъ подъ контролемъ воли", * то-есть мы имѣемъ примѣръ настоящаго рефлективнаго движенія первой категоріи, и къ объясненію его онъ обѣщаетъ возвратиться въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Что̀ же мы тамъ находимъ? Установивъ чувствительность сердца ко всякому роду внѣшнихъ стимуловъ, онъ говоритъ, разсуждая о гнѣвѣ: „Сердце бьется, безъ сомнѣнія, тоже возбуждаясь непосредственнымъ образомъ, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ *возбуждаемо также и чрезъ посредство привычки.* Мы знаемъ что всякое большое усиліе, произвольно дѣлаемое,— дѣйствуетъ на сердце... а нервная сила свободно и легко течетъ по обычно употребляемымъ каналамъ, то-есть чрезъ нервы произвольнаго и непроизвольнаго движенія, и чрезъ нервы ощущенія. Такимъ образомъ, даже умѣренный итогъ (amount) усилій будетъ стремиться дѣйствовать на сердце; и мы можемъ быть почти увѣрены что, по принципу ассоціаціи, всякое ощущеніе или волненіе, какъ сильная боль или гнѣвъ, которые обыкновенно вели къ значительному мускульному дѣйствію, возымѣютъ непосредственное вліяніе на притокъ нервной силы къ сердцу, хотя бы въ это время и не было никакого мускульнаго усилія. **"
То-есть, другими словами, при гнѣвѣ сердце сильно бьется, такъ сказать, по наслѣдственно переданной памяти того результата который производился на сердце у низшихъ человѣческихъ или еще животныхъ предковъ тѣми усиленными движеніями (борьбою, бѣгомъ и т. п.) которыя были слѣдствіемъ возбуждавшихъ тогда гнѣвъ ощущеній. Гнѣвъ приводилъ къ сильнымъ движеніямъ, сильныя движенія заставляли биться сердце, объ этомъ сохранилась органическая

* Darw. *Expr.*, pag. 40.
** Ibid, pag. 76.

память, и теперь, хотя бы гнѣвъ не приводилъ къ такимъ движеніямъ, сердце все-таки сильно бьется при немъ.

Точно также, когда Дарвинъ примѣняетъ эти свои начала къ объясненію отдѣльныхъ экспрессій, объясняетъ онъ и симптомы крайняго ужаса. „Въ продолженіе безчисленныхъ поколѣній люди старались избѣгать своихъ враговъ стремительнымъ бѣгствомъ или самою напряженною борьбой съ ними, и такія большія усилія заставляли сердце усиленно биться, дыханіе ускоряться, грудь подниматься, ноздри расширяться. Эти усилія часто продолжались до послѣдней крайности; конечными результатами были совершенное изнеможеніе, блѣдность, потъ, дрожаніе всѣхъ мускуловъ и ихъ полнѣйшее разслабленіе. И теперь, когда только волненіе страха сильно чувствуется, хотя бы оно и не вело ни къ какимъ усиліямъ, тотъ же результатъ стремится выказаться чрезъ посредство силы унаслѣдованія и ассоціаціи. *“

Непосредственно вслѣдъ за этимъ Дарвинъ въ значительной мѣрѣ ослабляетъ, можно сказать, почти совершенно уничтожаетъ только что приведенное имъ въ объясненіе экспрессіи ужаса, говоря: „Тѣмъ не менѣе вѣроятно что многіе или бо́льшая часть вышеприведенныхъ симптомовъ ужаса: какъ біеніе сердца, дрожаніе мускуловъ, холодный потъ и пр., въ значительной долѣ прямо зависятъ отъ нарушенной или прерванной передачи нервной силы отъ мозгово-спинной системы различнымъ частямъ тѣла, вслѣдствіе того что душа была сильно поражена. Мы можемъ съ увѣренностью обращаться къ этой причинѣ, *независимо отъ привычки и ассоціаціи*, въ такихъ случаяхъ какъ измѣненіе выдѣленій кишечнаго канала (поносъ при сильномъ страхѣ) или прекращеніе дѣятельности нѣкоторыхъ железъ. **“

Если мы можемъ поступать такъ съ увѣренностью для объясненія этихъ проявленій страха, ничего не приписывая наслѣдственной привычкѣ, то я не вижу почему бы мы не могли съ такою же увѣренностью прибѣгать и во всемъ остальномъ къ той же причинѣ которая тутъ является не вѣроятною только, но достовѣрною, тогда какъ наслѣдственная привычка, коею предупреждается результатъ физическихъ усилій, представляется совершенно невѣроятною, а главное

* Darw. *Expr.*, pag. 308.

** Ibid., pag. 308.

совершенно излишнею, понадобившеюся только чтобы какъ-нибудь прицѣпить сюда вовсе не идущія къ дѣлу привычку и наслѣдственность и подвести подъ предвзятую систему то что никоимъ образомъ подъ нее не подходитъ.

Въ самомъ дѣлѣ: вопервыхъ, это значило бы что прежде, первобытные люди или еще ихъ полуживотные и наконецъ совершенно животные предки, не впадали въ прострацію отъ страха, не терялись, не тряслись и не дрожали, сердце ихъ не начинало усиленно биться, дыханіе сокращаться и т. п., а только пускались бѣжать или вступали въ отчаянную борьбу, послѣ чего уже, лишь когда они приходили въ изнеможеніе отъ этихъ крайнихъ усилій, начинало все это съ ними дѣлаться. Но вѣдь, судя по всѣмъ описаніямъ путешественниковъ, дикіе вообще трусливѣе насъ, то-есть въ сильнѣйшей степени нежели мы выказываютъ всѣ эти симптомы ужаса, являющіеся безъ предварительныхъ физическихъ причинъ, по одному лишь нравственному вліянію; но если все это пріобрѣталось лишь привычкою и передавалось наслѣдственно, то, такъ какъ теперешніе дикіе составляютъ переходную ступень между нами и первобытными людьми или суть даже полные представители этихъ послѣднихъ въ настоящее время, мы и не должны бы были замѣчать у нихъ эти симптомы какъ прямыя послѣдствія испуга, страха или ужаса, а только какъ послѣдствія крайнихъ физическихъ усилій послѣ продолжительнаго бѣгства или самой напряженной борьбы. Между тѣмъ, мы находимъ не только у нихъ, но и у низшихъ животныхъ, напримѣръ у птицъ, при видѣ гремучихъ змѣй парализуемыхъ ужасомъ, не допускающимъ ихъ даже спасаться полетомъ, который мгновенно избавилъ бы ихъ отъ опасности, или у медвѣдей и собакъ, что ужасъ производитъ всѣ эти дѣйствія непосредственно, а не какъ слѣдствіе предварительнаго бѣга или борьбы. Сверхъ того, замѣчаемъ что это даже не могло бы быть результатомъ привычки ни у этихъ животныхъ, какъ, напримѣръ, у собакъ, которыя, несомнѣнно, могутъ бѣжать, въ большинствѣ случаевъ, гораздо далѣе чѣмъ нужно чтобъ избавиться отъ опасности прежде чѣмъ впадутъ въ изнеможеніе, ни еще менѣе у птицъ, которыя самымъ небольшимъ усиліемъ, самымъ кратковременнымъ полетомъ совершенно избавились бы отъ власти змѣи и конечно не успѣли бы изнемочь во время этого усилія. Вовторыхъ, если ужасъ заставлялъ нашихъ

прародителей бѣжать и падать отъ изнеможенія, а мы чрезъ наслѣдственную передачу этого долго происходившаго и часто повторявшагося процесса уже прямо и непосредственно владаемъ въ изнеможеніе и прострацію отъ одного впечатлѣнія испуга или ужаса, то значитъ путемъ наслѣдственной привычки произошло значительное сокращеніе этого процесса, такъ что мы прямо отъ поводовъ къ нему перескакиваемъ къ его конечному результату. Если это такъ, то вѣдь нѣчто подобное должно было бы происходить и въ другихъ случаяхъ гдѣ привычка могла проявлять свое дѣйствіе. Насъ гостепріимно принимаютъ послѣ труднаго и утомительнаго пути, предлагаютъ пищу и хорошую постель для успокоенія. При одномъ предложеніи этого, при одномъ видѣ этихъ яствъ и этого ложа, прямо отъ нравственнаго возбужденія въ насъ чувствъ сытости, комфорта и успокоенія мы должны бы перескочить къ физическимъ ихъ результатамъ безъ дѣйствительнаго перехода черезъ этотъ длинный процессъ чисто физическихъ вліяній пищи, лежанія и сна. Или одинъ видъ любимаго опьяняющаго напитка, въ теченіе длиннаго ряда поколѣній приводившаго нашихъ предковъ въ опьяненіе, долженъ бы уже опьянять и насъ. Вѣдь при усиленномъ бѣгѣ или напряженной борьбѣ происходитъ дѣйствительная трата веществъ и нервной силы, и отъ этого утомленіе и прострація, а при ѣдѣ, лежаніи и снѣ дѣйствительно возстановляются истраченныя вещества и нервная сила. Если первый процессъ траты можетъ быть пропущенъ и конечный его результатъ можетъ быть достигнутъ прямо и непосредственно, то я не вижу почему бы не могло случиться того же самаго и со вторымъ процессомъ возобновленія веществъ и силы, черезъ длинную наслѣдственную преемственность привычки. Если мы отучились бѣжать до изнеможенія отъ страха и однакоже, по наслѣдственной привычкѣ, приходимъ при немъ въ то же изнеможенное состояніе какъ еслибы дѣйствительно бѣжали; то почему бы намъ не отучиться и возстановлять силы свои физически ѣдой, успокоеніемъ и сномъ, и тѣмъ не менѣе прямо достигать благодѣтельныхъ результатовъ доставляемыхъ этимъ процессомъ? А вѣдь этотъ послѣдній процессъ возстановленія силъ даже еще гораздо чаще практиковался и наслѣдственно передавался чѣмъ первый. Мы пріучились переходить къ результатамъ траты веществъ безъ

дѣйствительной его траты; почему бы не пріучиться и къ результатамъ возстановленія веществъ и нервной силы безъ дѣйствительнаго ихъ возстановленія? Правда, и тутъ можно указать на аналогическія явленія увеличенія силы и энергіи при чисто нравственномъ, идеальномъ возбужденіи. Напримѣръ, при личномъ появленіи Суворова на опасномъ пунктѣ въ битвѣ при Требіи, гдѣ малочисленныя силы Русскихъ уже изнемогали, Французы подумали, и это занесено въ ихъ реляціи объ этомъ сраженіи, что къ Русскимъ пришла на помощь цѣлая дивизія. Но неужели же и это былъ результатъ наслѣдственно переданной привычки? Очевидно что дѣло было гораздо проще, что усиленная атака Русскихъ была результатомъ непосредственнаго нервнаго возбужденія произведеннаго видомъ любимаго и, во мнѣніи солдатъ, абсолютно непобѣдимаго вождя. Въ этомъ случаѣ, это нервное возбужденіе выразилось положительно; точно также, гораздо естественнѣе и проще принять что и при страхѣ и ужасѣ симптомы ихъ бываютъ такимъ же непосредственнымъ результатомъ нервнаго возбужденія выражающагося отрицательно.

Это же самое можемъ мы представить еще съ другой точки зрѣнія. Когда наши человѣческіе, или предполагаемые получеловѣческіе, или совершенно животные предки, подъ вліяніемъ впечатлѣній страха, пускались бѣжать безъ оглядки и тѣмъ доводили себя до изнеможенія, окончательный результатъ коего передается теперь намъ, ихъ потомкамъ, безъ промежуточнаго фазиса производившаго у нихъ это изнеможеніе, то вѣдь эта механическая работа, выразившаяся въ продолжительномъ бѣгѣ (или борьбѣ), совершалась не иначе какъ насчетъ превращенія въ работу той теплоты которая произошла отъ усиленія медленнаго сгаранія мускуловъ, сгаранія, которое должно вѣдь всякій разъ предшествовать тѣмъ мускульнымъ сокращеніямъ которыя производятъ бѣгъ или, иными словами, сокращеніе мускуловъ и бѣгъ суть результаты образованія излишней теплоты, усиленнаго сгаранія мускуловъ, а не наоборотъ. И вѣдь такъ должно быть при всякомъ мускульномъ сокращеніи, производившемъ этотъ бѣгъ. Чему же въ такомъ случаѣ приписать это излишнее противъ нормальнаго образованіе теплоты, или это излишнее сгараніе? Не иному чему, конечно, какъ произвольному или непроизвольному нервному возбужденію. Почему же теперь намъ не принять что это нервное возбужденіе вслѣдствіе ужаса не

производитъ прямымъ путемъ того что̀, по Дарвину, оно производитъ окольнымъ путемъ чрезъ посредство какого-то органическаго воспоминанія или привычки, когда въ обоихъ случаяхъ промежуточный посредствующій членъ (дѣйствительный сильный бѣгъ) между нервнымъ возбужденіемъ и симптомами утомленія долженъ быть выпущенъ? Принятіемъ непосредственнаго нервнаго возбужденія всѣхъ симптомовъ усталости мы можемъ даже гораздо ближе подойти къ пониманію всѣхъ этихъ процессовъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ изъ физіологіи что мускульное сокращеніе не прямо и непосредственно даетъ свои послѣдніе результаты, угольную кислоту и воду, но что при этомъ образуется рядъ промежуточныхъ и побочныхъ продуктовъ, каковы креатинъ, креатининъ, молочная кислота, и что накопленіе этихъ продуктовъ, при усиленномъ движеніи, вѣроятно и производитъ явленіе утомленія и изнеможенія, такъ какъ изъ опытовъ Ранке видно что впрыскиваніе молочной кислоты въ мускульную ткань производитъ всѣ явленія усталости.* Теперь я спрашиваю, не гораздо ли проще и легче принять что при ужасѣ признаки крайняго изнеможенія происходятъ вслѣдствіе непосредственнаго нервнаго дѣйствія, хотя бы путемъ ненормальнаго образованія молочной кислоты и т. п. продуктовъ, чѣмъ объяснять эти признаки органическимъ воспоминаніемъ съ пропускомъ промежуточнаго и посредствующаго члена—дѣйствительнаго произведенія напряженной, непосильной мускульной работы? Примемъ еще во вниманіе что самое истощеніе вещества мускуловъ не можетъ быть причиной ни дѣйствительнаго утомленія отъ физическихъ усилій, ни еще менѣе причиной симптомовъ его при ужасѣ (тогда какъ мы знаемъ что, при ненормальной нервной дѣятельности, легко происходятъ ненормальныя выдѣленія), что возстановленіе силъ послѣ успокоенія нельзя принять за возстановленіе вещества мускуловъ, тѣмъ болѣе нельзя принять что опыты Пархаса показали что при упражненіи мускулы пріобрѣтаютъ азотистыя вещества, которыя лишь медленно уменьшаются при послѣдующемъ успокоеніи. Если же симптомы ужаса были бы полнымъ повтореніемъ результатовъ дѣйствительнаго утомленія отъ физической работы, то изъ этого слѣдовало бы что и мышцы въ ужасѣ

* Ranke *Tetanus* etc. Milne-Edwards *Phys. et Anat. comparée*, t. X, p. 497.

питаются и, значитъ, укрѣпляются и усиливаются отъ него какъ и отъ упражненія, что̀, очевидно, ни съ чѣмъ не сообразно.

Но нѣтъ надобности и въ этой гипотезѣ образованія, подъ вліяніемъ ненормальнаго нервнаго возбужденія, молочной кислоты и подобныхъ продуктовъ въ жидкости омывающей мускульные фибры. И a priori ясно, и положительными опытами доказано что сократительная дѣятельность мускуловъ зависитъ отъ притока къ нимъ артеріальной крови; но во время страха и ужаса, хотя сердцебіеніе иногда и усиливается, но весьма сомнительно, говоритъ самъ Дарвинъ, работаетъ ли оно въ это время успѣшнѣе чѣмъ обыкновенно, то-есть посылаетъ ли большее количество крови ко всѣмъ частямъ тѣла; во всякомъ случаѣ волосныя артеріи сжимаются подъ вліяніемъ сосудодвигательныхъ нервовъ, слѣдовательно мускулу доставляется меньше топлива, то-есть того вещества, на счетъ сгаранія коего образуется теплота превращающаяся въ мускульную работу, и самъ сожигающій это вещество кислородъ не доходитъ до мускуловъ въ достаточномъ количествѣ; къ тому же само дыханіе останавливается и становится затруднительнымъ и „всѣ мускулы тѣла разслабляются“.

Къ чему тутъ вообще привычка и наслѣдственность? Не противорѣчитъ ли основному правилу научнаго, да и всякаго здраваго мышленія прибѣгать къ новымъ гипотезамъ, объяснительнымъ принципамъ и началамъ, когда мы все же не можемъ ими вполнѣ замѣнить прежнихъ, и когда эти прежнія и несомнѣнно тутъ дѣйствующія причины объясняютъ все дѣло достаточно, какъ это очевидно признается и Дарвиномъ въ сдѣланной имъ ссылкѣ, хотя, неизвѣстно почему, не въ достаточной и полной мѣрѣ?

Итакъ, мы можемъ смѣло сказать что усиленіе біенія сердца при гнѣвѣ и ужасѣ не переведено Дарвиномъ сколько-нибудь удовлетворительнымъ образомъ изъ третьяго разряда рефлективныхъ движеній въ первый.

Еще менѣе удовлетворительнымъ представляется мнѣ другой его примѣръ: „Сокращеніе радужины, когда ретина раздражена яркимъ свѣтомъ, доставляетъ другой примѣръ движенія которое, повидимому, не могло быть первоначально совершаемо произвольно и потомъ укрѣплено привычкой; потому что неизвѣстно чтобы радужина находилась подъ сознательнымъ контролемъ воли у какого бы то ни было

животнаго. Въ подобныхъ случаяхъ должно быть отыскано какое-нибудь другое объясненіе, *совершенно отличное отъ привычки*" *. Я собственно не вижу надобности его отыскивать, когда оно уже дано въ рефлективномъ движеніи, то-есть въ предустановленномъ, цѣлесообразномъ строеніи нервовъ и мускуловъ и ихъ взаимодѣйствіи, устранить которое, какъ одну изъ причинъ экспрессіи (и многаго другаго), Дарвинъ все-таки не можетъ. Но посмотримъ что же онъ отыщетъ. „Радіація нервной силы изъ сильно возбужденныхъ ячеекъ къ другимъ связаннымъ съ ними ячейкамъ, какъ въ томъ случаѣ, когда яркій свѣтъ падающій на ретину возбуждаетъ чиханіе, можетъ-быть поможетъ намъ понять какъ произошли нѣкоторыя рефлективныя дѣйствія. Если радіація нервной силы этого рода причиняла движеніе стремящееся ослабить первоначальное (то-есть производящее самую радіацію) „раздраженіе, какъ это и бываетъ въ случаѣ сокращенія радужины, предупреждающаго паденіе слишкомъ большаго количества свѣта на ретину, то въ послѣдствіи она могла быть употреблена въ пользу и измѣнена для этой спеціальной цѣли". Это довольно темное мѣсто, кажется мнѣ, нельзя иначе понять какъ такъ что какое-нибудь раздраженіе возбуждаетъ нервную силу, которая и распространяется сообразно нервной связи съ другими ячейками, безъ всякаго опредѣленнаго направленія, туда и сюда, и производитъ, доходя до мускуловъ, разныя движенія, напримѣръ и чиханіе, кажущееся безполезнымъ при сильномъ раздраженіи ретины, и сокращеніе радужины (въ этомъ случаѣ полезное), и можетъ-быть еще многое другое. Что при этомъ полезно, то выдѣляется изъ прочаго, сохраняется, укрѣпляется и наслѣдственно передается, какъ опредѣленное и полезное пріобрѣтенное организмомъ свойство.

Но какъ же и чѣмъ выдѣляется и укрѣпляется? Привычку, то-есть начало употребленія и неупотребленія, тутъ самъ Дарвинъ устраняетъ. Затѣмъ ничего не остается какъ прибѣгнуть къ подбору. Но довольно трудно себѣ представить къ чему онъ тутъ прицѣпляется, какъ можно впутать его въ дѣйствіе? Дарвинъ этого не разъясняетъ. При обыкновенномъ подборѣ происходитъ какое-нибудь измѣненіе въ низшихъ особяхъ, и они переживаютъ остальныхъ; затѣмъ, у нѣкото-

* Darw. *Expr.*, pag. 41.

рыхъ изъ этихъ пережившихъ случается дальнѣйшій шагъ измѣненія въ томъ же направленіи, и т. д., пока новый органъ или новая черта строенія не охарактеризуется вполнѣ и не станетъ общимъ достояніемъ вида индивидуумовъ который благодаря обладанію ею, переживаютъ прочихъ, этого измѣненія не получившихъ.

Мы видѣли въ первой части этого труда * что невѣроятность этого принципа граничитъ съ полною его невозможностью. Но здѣсь дѣло еще гораздо затруднительнѣе. Происходитъ нервное раздраженіе чрезъ посредство какого-нибудь органа, и возбуждается радіація нервной силы въ разныхъ направленіяхъ, частью полезныхъ, частью вредныхъ, частью безразличныхъ. Надо выдѣлить изъ нихъ первыя въ возможной полнотѣ и укрѣпить какъ постоянное свойство даннаго животнаго организма. Въ данномъ случаѣ, это производящее радіацію нервной силы раздраженіе есть раздраженіе ретины яркимъ свѣтомъ; одинъ изъ путей по которымъ идетъ произведенная имъ радіація нервной силы направляется къ радужинѣ. Назовемъ его *a*, другіе пути безразличные и вредные будутъ *b*, *c*, *d*, *e*, *f* и т. д., и пусть *f* будетъ то безразличное направленіе которое въ этомъ случаѣ производитъ чиханіе. Мы не можемъ принять что всѣ они всегда сопутствуютъ *a*, ибо въ такомъ случаѣ они всѣ бы и укрѣпились и сохранились, такъ сказать, въ хвостѣ *a*, по причинѣ пользы приносимой этимъ послѣднимъ, чего не оказывается, за исключеніемъ одного *f*, иногда сопровождающаго раздраженіе ретины. Всѣ мускульныя движенія составляющія слѣдствіе путей радіаціи въ томъ или другомъ случаѣ, то-есть въ той или другой особи, которыя не сопровождались *a*, могли бы исчезнуть, потому что эти особи или слѣпли бы, или по крайней мѣрѣ ихъ зрѣніе значительно бы портилось, такъ что они хуже бы избѣгали опасности, хуже бы замѣчали и настигали свою добычу, и вообще хуже добывали бы себѣ пропитаніе, жилище и т. под. Но все-таки, при неопредѣленности этихъ различныхъ комбинацій a, b, c, d, e, f, многія должны бы включить въ себя и *a*, то-есть были бы комбинаціи и a b c, и a d f, и a c d e, и такъ далѣе, къ исчезновенію которыхъ не было бы причинъ, и мы должны бы встрѣтить

* То-есть въ книгѣ: *Дарвинизмъ*, критическое изслѣдованіе Н. Я. Данилевскаго. Спб. 1885.

животные виды или особи тѣхъ же видовъ, въ которыхъ, при раздраженіи ретины яркимъ свѣтомъ, кромѣ общаго имъ сильнаго сокращенія радужины (a), встрѣчались бы у однихъ тѣ, у другихъ другія изъ этихъ комбинацій, какъ иногда встрѣчается f, то-есть чиханіе. Но ничего подобнаго мы не замѣчаемъ; слѣдовательно, этимъ способомъ *a*, сокращеніе радужины при дѣйствіи яркаго свѣта не выдѣляется изъ прочихъ непроизвольныхъ или произвольныхъ движеній которыя должны бы сопровождать его какъ слѣдствіе неопредѣленныхъ путей принимаемыхъ нервною силой при ея радіаціи отъ этой причины; а другаго какого-либо способа я не вижу и придумать не могу, и слѣдовательно ничего не остается какъ принять это сокращеніе радужины какъ фактъ первичный (относительно, конечно), то-есть какъ рефлективное движеніе перваго разряда, не могущее быть выведеннымъ ни изъ чего другаго кромѣ опредѣленнаго строенія организма ведущаго къ этому рефлексу прямо и непосредственно. Само же чиханіе, иногда сопровождающее сильное раздраженіе ретины, надобно будетъ приписать или той симпатіи о которой говоритъ Грасіоле по случаю навостренія ушей собаки видящей издали предлагаемый ей кусокъ мяса, или вывести какимъ-нибудь инымъ образомъ.

Итакъ, весь представленный здѣсь разборъ мнѣнія Дарвина о рефлексахъ какъ одномъ изъ объяснительныхъ началъ экспрессіи ведетъ къ тому заключенію что всѣ эти рефлексы принадлежатъ къ категоріи рефлексовъ первобытныхъ, такъ-называемыхъ естественныхъ, составляющихъ результатъ всего строенія животнаго и человѣка, и преимущественно его нервной системы, и зависятъ отъ наслѣдственности лишь въ той мѣрѣ въ какой и все строеніе передается наслѣдственно отъ предковъ потомкамъ. Разныя впечатлѣнія производятъ извѣстныя дѣйствія на организмъ, выражаясь между прочимъ и въ экспрессивныхъ движеніяхъ. Эти впечатлѣнія дѣйствуютъ теперь точно также какъ дѣйствовали и прежде, и намъ нѣтъ ни малѣйшей надобности прибѣгать къ помощи наслѣдственно переданной привычки, необходимость которой Дарвину не удалось показать ни въ одномъ случаѣ, такъ что если не совершенно всѣ, то подавляющее большинство экспрессивныхъ движеній лица и экспрессивныхъ тѣлодвиженій или жестовъ должно быть отнесено изо всѣхъ его трехъ *объяснительныхъ* принциповъ именно къ его

третьей причинѣ, къ той же къ которой прибѣгали лучшіе изъ его предшественниковъ, Белль, Грасіоле, Дюшенъ. Такимъ образомъ, насколько Дарвинъ старается умалить значеніе этого объяснительнаго начала, то-есть непосредственнаго нервнаго вліянія, и усилить значеніе двухъ первыхъ, настолько трудъ его долженъ быть признанъ неудачнымъ, при всѣхъ прочихъ его достоинствахъ. Однимъ словомъ, какъ самое строеніе животныхъ и растеній не могло быть результатомъ постепенныхъ благопріобрѣтеній, будто бы достигнутыхъ преимущественно путемъ подбора, такъ же точно нельзя считать и экспрессивныхъ движеній лица и голоса благопріобрѣтенными преимущественно путемъ наслѣдственно передаваемыхъ привычекъ: и то и другое есть нѣчто цѣльное, постоянное, въ которомъ изначала все обусловливающее всякую часть и черту въ свою очередь обусловлено ими, а не представляетъ собою органической мозаики съ постепенно и послѣдовательно вставляемыми кусочками, которые выбрасываются если дурно прилаживаются ко внутреннимъ и внѣшнимъ обстоятельствамъ, и замѣняются другими.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Н. Я. ДАНИЛЕВСКІЙ.

ВЪ ДАЛЬНИХЪ ВОДАХЪ И СТРАНАХЪ *

XXX.

Кообе и Хіого.

Нашъ маршрутъ.—Путь до залива Оосака.—Колѣнчатый мостъ Минатогава-баси.—Европейскій городокъ Кообе.—Городъ Хіого, его значеніе и достопримѣчательности.—Могила Тайра-но-Кійомори и нѣсколько историческихъ о немъ воспоминаній.—Храмъ Минатогава-но-міа.—Надгробный мавзолей Ксуноки Масасиге и его сына.—Легенды объ этихъ народныхъ герояхъ.—Храмъ Искута-но-міа.—Образчикъ японской поэзіи и версификаціи.—Трехколесный экипажъ.—Храмъ Суваяма-но-міа.—Талисманы плодородія.—Вѣрное средство выйти замужъ.—Астрономическая площадка и видъ съ нея на окрестность.—Японскіе самовары.—Дѣвочка-проводница и ея русская пѣсенка.—Нуно-бики, хіогскіе водопады.—Базаръ Кіосинкванъ и мѣстныя кустарныя издѣлія.—Завтракъ въ „Hiogo-Hôtel“.—Черта международныхъ нравовъ.—Отплытіе изъ Хіого.

11 марта.

Вслѣдствіе полученнаго вчера по телеграфу приказа С. С. Лесовскаго, крейсеръ *Африка* снялся съ Йокогамскаго рейда въ девять часовъ утра и пошелъ въ Нагасаки. На этотъ разъ мы не будемъ огибать Океаномъ восточные и южные берега острововъ Сикока и Кью-сю, а пойдемъ Внутреннимъ или Средиземнымъ Японскимъ моремъ, отдѣляющимъ сѣверные берега двухъ названныхъ острововъ отъ южныхъ побережій Ниппона.

---

* *Русскій Вѣстникъ* №№ 2, 3, 4, 5, 9, 10 и 12, 1885 1, 2, 3, 6, 7, 10 и 11, 1886 и №№ 3 и 4 1887.

По выходѣ изъ Токійскаго залива въ Океанъ (подъ 35° с. ш.), крейсеръ взялъ курсъ прямо на S, слѣдуя мимо группы маленькихъ островковъ и отдѣльныхъ скалъ, разбросанныхъ цѣлью на протяженіи около сорока миль. Нѣкоторыя изъ этихъ скалъ торчатъ изъ воды или четырехстороннею глыбой, или черепашьею спиной, или, наконецъ, въ видѣ сахарной головы и достигаютъ, какъ напримѣръ скала Утоне, безъ малаго семисотъ футовъ высоты.

Проходили мимо двухъ вулкановъ, находящихся въ этой же островной группѣ. Одинъ изъ нихъ, въ 2.556 футовъ высоты, чернѣется скалистою грудой на ближайшемъ къ Токійскому заливу островѣ Вріесъ (по-японски Ойо-сима), а другой на Косу-сима, верстахъ въ сорока южнѣе. Оба вулкана находятся въ дѣйствіи, и надъ вершинами ихъ вѣчно клубятся густыя облака бѣлаго дыма. По ночамъ ихъ зарева служатъ для мореходовъ естественными маяками; но мы проходили днемъ, и намъ не удалось видѣть этой, какъ говорятъ, довольно красивой картины. За то очень эффектна была влѣво отъ насъ высокая и широкая вершина острова Міаки, покрытая вѣчными снѣгами. Міаки лежитъ почти напротивъ Коку-сима, и каналъ между ними, кажется, не превышаетъ въ ширину десяти миль.

12 марта.

Съ шести часовъ утра встрѣтили въ Океанѣ сильный вѣтеръ, который задулъ намъ въ лѣвую щеку, отъ SO. Мы уже разчитывали имѣть дѣло съ формальнымъ штормомъ, но, къ общему удовольствію, послѣ полудня вѣтеръ стихъ. За то въ воздухѣ стало вдругъ холодно, несмотря даже на теплое теченіе Куро-сиво, въ области коего мы въ это время находились. Говорятъ что глубина Океана въ этихъ мѣстахъ достигаетъ 4.655 саженъ (9 верстъ и 155 саженъ). Даже какъ-то жутко становится какъ подумаешь какая страшная глубь подъ тобою....

13 марта.

Сегодня, вступивъ на разсвѣтѣ въ одинъ изъ бассейновъ Внутренняго моря, называемый Идсуми-нада или заливомъ Оосака, мы бросили якорь въ восемь часовъ утра на рейдѣ Кообе, въ обширной и безопасной гавани Хіого, которая до 1868 года служила центромъ всей морской и каботажной торговли Японіи. Здѣсь застали мы наши военные клипера *Наѣздникъ*, *Джигитъ* и шхуну *Востокъ* (Сибирской флотиліи),

пришедшую сюда чиниться. Къ девяти часамъ утра размѣнъ салютовъ и представленіе адмиралу командировъ названныхъ судовъ съ рапортами, а равно и визитъ нѣмецкаго консула, исполняющаго заодно и обязанности русскаго консульскаго агента, словомъ, всѣ неизбѣжныя портовыя церемоніи были окончены, и мы получили возможность съѣхать на берегъ.

Хіого и Кообе лежатъ рядомъ на низменномъ берегу Ниппона, отдѣляемые одинъ отъ другаго рѣчкой Минато (Минато-гава), черезъ которую переkинутъ преоригинальный пѣшеходный мостъ, построенный на сваяхъ прямоугольными зигзагами, идея которыхъ заимствована у Китая, гдѣ она служитъ символомъ извивовъ змѣи, а по сродству со змѣей, также и символомъ священнаго дракона. Настилка на мосту досчатая, а легкими перилами служатъ длинныя бамбучины. Вся эта съ виду очень затѣйливая постройка проста, легка и изящна.

Кообе въ сущности не болѣе какъ европейскій кварталъ города Хіого. Онъ представляетъ собою небольшой, но очень чистенькій городокъ, разбитый на правильные участки, съ широкими, превосходно шоссированными улицами, аллеями вдоль тротуаровъ и очень красивыми домиками, которые, къ нашему удивленію, вовсе не носятъ исключительно индустріальнаго и тѣмъ болѣе англо-колоніальнаго характера, а напоминаютъ миловидныя и нѣсколько капризныя дачныя постройки. Тѣмъ не менѣе мы нашли въ Кообе много прекрасныхъ и обширныхъ магазиновъ, между которыми первенствуетъ фирма торговаго товарищества „Хирола". Тутъ же находятся: банкъ японскаго общества „Мицуй", учительскій японскій институтъ, телеграфная и желѣзнодорожная станціи, почта, зданіе губернскаго правленія (Хіого-кенъ) и зданіе постоянной выставки мѣстныхъ произведеній—базаръ „Кіосинкванъ", въ родѣ токійскаго „Кванкуба", только въ гораздо меньшихъ размѣрахъ. Консульскіе дома, по обыкновенію, заняли лучшія мѣста, на набережной. Въ поперечныхъ улицахъ стоятъ двѣ небольшія церкви, англиканская и католическая, при коихъ живутъ миссіонеры. Словомъ, Кообе процвѣтаетъ и съ каждымъ годомъ растетъ больше и больше. Баронъ Гюбнеръ, посѣтившій его въ 1872 году, нашелъ тамъ отъ двухсотъ до трехсотъ жителей, считая въ томъ числѣ и подвижное, временное населеніе, а въ 1879 году народная перепись предпринятая Японскимъ

правительствомъ насчитала въ Кообе уже 13.295 осѣдлыхъ обывателей. Въ Хіого, по той же переписи, считается 36.896 жителей, что для японскаго города очень и очень немного.

Наружное знакомство съ Кообе заняло у насъ не болѣе получаса времени, и такъ какъ въ нашемъ распоряженіи оставалось лишь нѣсколько свободныхъ часовъ до отплытія въ дальнѣйшій путь, то и надо было поторопиться осмотромъ мѣстныхъ достопримѣчательностей, которыя частію сосредоточены въ самомъ Хіого, частію же разбросаны въ его ближайшихъ загородныхъ окрестностяхъ. Къ намъ присоединился командиръ *Наѣздника*, капитанъ-лейтенантъ Кологерасъ, съ нѣсколькими изъ офицеровъ, успѣвшими уже, за время своей стоянки на здѣшнемъ рейдѣ, достаточно ознакомиться со всѣмъ что могло представить какой-либо интересъ для любознательности путешественниковъ, и такимъ образомъ мы получили, въ лицѣ ихъ, прекрасныхъ руководителей нашей экскурсіи. Они же добыли намъ и „языка", молодаго Японца хорошо объясняющагося по-русски. Заручившись такимъ важнымъ подспорьемъ, мы взяли себѣ надежныхъ *курама* и покатили цѣлою вереницей въ легкихъ дженерикшахъ осматривать Хіого и его достопримѣчательности.

Хіого по-японски значитъ *арсеналъ*. Предполагается что нѣкогда здѣсь находилось какое-либо хранилище оружія; исторически же извѣстно только что въ XII вѣкѣ христіанской эры, одинъ изъ героевъ японской исторіи, Тайра-но-Кійомори, перемѣстилъ сюда (на короткое, впрочемъ, время) императорскую столицу изъ Кіото, и что тогдашнее названіе этого мѣста было *Хукухара*. Это послѣднее имя сохранилось и до сихъ поръ въ названіи одной изъ мѣстныхъ улицъ, которая служитъ центромъ квартала куртизанокъ. Я уже упомянулъ что до сношеній съ Европейцами Хіого считался первымъ изъ трехъ первоклассныхъ японскихъ портовъ. Съ нимъ соперничали: Симоносеки, на юго-западной оконечности Ниппона, при выходѣ изъ Внутренняго моря въ Корейскій проливъ, и западный портъ Ніигата, на Ниппонѣ же, въ Японскомъ морѣ, противъ острова Садо (или Сандо). Но въ настоящее время, съ открытіемъ нѣсколькихъ портовъ для европейской торговли, и въ особенности съ усвоеніемъ Японіей коммерческихъ пароходовъ, портъ Хіого уже утратилъ прежнее свое значеніе безусловной первоклассности для всего государства, сохранивъ его лишь для южныхъ провинцій острова Ниппона и для Кіото.

Наши курама̀ прежде всего привезли насъ къ могилѣ Тайрас-Кійомори, находящейся въ оградѣ одной бонзеріи. Это мѣстная историческая знаменитость. Надгробный памятникъ высѣченъ весь изъ сѣраго гранита и представляетъ собою башню, на подобіе буддійской двѣнадцатиярусной башни со шпилемъ, воздвигнутую на высокомъ четырехстороннемъ цоколѣ. Высота всего мавзолея около пятнадцати аршинъ. Онъ стоитъ подъ сѣнью высокихъ сосенъ и обнесенъ въ квадратъ массивною каменною оградой, состоящею изъ ряда четырехгранныхъ столбиковъ поставленныхъ на равномъ другъ отъ друга разстояніи между двумя длинными каменными брусьями, изъ коихъ одинъ, на каждой сторонѣ, положенъ въ основаніе, на землю, а другой въ вѣнецъ, на головки столбиковъ. Предъ оградой, спереди—пара высокихъ канделябровъ и между ними наполненная бѣлою золой жертвенница, гдѣ курятся благовонія и тлѣютъ заупокойныя курительныя свѣчи. Все это высѣчено изъ гранита и стоитъ на каменныхъ цоколяхъ. Дежурный бонза, вышедшій къ намъ на встрѣчу, предложилъ мнѣ фотографическій снимокъ мавзолея и маленькую брошюрку на рисовой бумагѣ, которую потомъ я отдалъ перевести на русскій языкъ. Въ брошюрахъ изложено вотъ что̀:

Кіоймори изъ рода Тайра былъ любимцемъ юнаго микадо Коноие (иначе Кононіе), царствовавшаго въ XII вѣкѣ. * Отецъ Кійомори, въ награду за свою вѣрную службу государю, былъ пожалованъ имъ придворною дамой, которая въ ту пору была уже беременна отъ самого микадо. Обычай жаловать любимцевъ императорскими фрейлинами существовалъ въ Японіи въ древнія времена. Микадо, жалуя отцу Кійомори свою даму, не скрылъ отъ него ея тайну и поставилъ даже условіемъ что если у нея родится дочь, то онъ, микадо, возьметъ ее къ себѣ на правахъ принцессы императорскаго дома, а если сынъ, то нареченный отецъ обязанъ усыновить его и дать ему фамилію Тайра. Родился мальчикъ, которому нарекли имя Кійомори. Микадо осыпалъ его милостями и не оставлялъ до самой своей смерти, которая послѣдовала когда Кіомори уже достигъ совершеннолѣтія. Въ это время сильно соперничали между собою изъ-за властной должности перваго министра двѣ знаменитыя фамиліи: Тайра и Минамото. Та

---

* Вступилъ на престолъ въ 1142 году, трехъ лѣтъ отъ роду, и умеръ въ 1155 году, шестнадцатилѣтнимъ юношей.

и другая представляла собою двѣ боковыя вѣтви царственнаго рода. Кійомори былъ честолюбивъ, хитеръ и склоненъ къ интриганству: фамилія же Минамото издревле отличалась доблестями и насчитывала въ своихъ рядахъ не мало знаменитыхъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ государственной и общественной жизни. Ловкому Кійомори удалось посредствомъ интригъ перессорить между собой членовъ этой фамиліи до такой степени что дѣло дошло у нихъ до междуусобицы, которою Кійомори и воспользовался чтобы захватить себѣ власть перваго министра. Разрозненные Минамото, увидѣвъ этотъ результатъ, поняли наконецъ коварный планъ Кійомори и соединились чтобы напасть на него и низложить съ должности. Послѣдній ожидалъ этого и, зорко слѣдя за своими врагами, успѣлъ какъ разъ вовремя накрыть ихъ заговоръ. Это дало ему поводъ истребить почти весь родъ Минамото: однихъ онъ приказалъ казнить, другихъ заточилъ на всю жизнь въ казематы, третьихъ отправилъ въ отдаленнѣйшія ссылки. Но Провидѣніе уже готовило ему будущую кару. Онъ влюбился въ красавицу Токива-го-сенъ, вдову своего главнаго соперника Тамейоши-Минамото, котораго убилъ собственною рукой. Вдова сдалась на его горячія мольбы и клятвы подъ тѣмъ лишь условіемъ чтобъ онъ пощадилъ жизнь трехъ ея сыновей отъ покойнаго мужа, приговоренныхъ имъ къ казни. Кійомори согласился и даже оставилъ ихъ при матери. Но въ послѣдствіи, когда любовь его къ ней стала остывать, а подозрительность возвращаться, онъ удалилъ старшаго ея сына, въ послѣдствіи знаменитаго Йоритомо, въ отдаленную ссылку, на островъ Харугà, а двухъ младшихъ приказалъ постричь въ монахи и отправилъ въ дальніе буддійскіе монастыри.

Овладѣвъ должностію перваго министра, Кійомори удерживалъ ее за собою при пяти послѣдующихъ императорахъ * и систематически замѣстилъ всѣ государственныя должности членами усыновившей его фамиліи Тайра: однимъ роздалъ сановныя мѣста при дворѣ и въ государственномъ совѣтѣ, другихъ поставилъ надъ государственнымъ ополченіемъ, третьихъ назначилъ губернаторами провинцій, а всѣхъ вообще друзей и сторонниковъ своей фамиліи разсадилъ на прочія

* Го-Сиракава (1155—1158), Нижо (1158—1165), Рокуджо (1165—1168), Така-кура (1168—1181) и Антоку (1181—1185).

подначальныя должности при дворѣ и по администраціи. Съ помощью такой системы, которой неуклонно держался всю свою жизнь, Тайра-но-Кійомори сдѣлался наконецъ всемогущимъ и даже женилъ на своей дочери наслѣдника Японскаго престола, принца Така-кура, сына императора Року-жо, и подъ конецъ своей жизни видѣлъ на тронѣ собственнаго внука, четырехлѣтняго Атоку. Но подозрительность его относительно дѣйствительныхъ или только мнимыхъ своихъ недоброжелателей и приверженцевъ рода Минамото не засыпала въ немъ ни на минуту. Шпіонство и сыскная часть работали у него неутомимо, причемъ были въ ходу самыя жестокія пытки и казни, до сожженія живьемъ на кострѣ включительно. Терроръ и непотизмъ господствовали во всей Японіи до такой степени что у современниковъ сложилась даже пословица: въ наше де время кто не изъ Тайра, тотъ не человѣкъ. Безконечные и часто нелѣпые капризы Кійомори, его притворство, коварное интриганство, нервная раздражительность и безконечныя жестокости надоѣли наконецъ императору Така-кура, и даже болѣе того: они надоѣли самимъ родичамъ и приверженцамъ тирана, не говоря уже о большинствѣ феодальныхъ князей (дайміо), гордость коихъ безпрестанно оскорблялась его высокомѣріемъ, и которые ежечасно должны были ожидать себѣ всякаго зла отъ его вздорной подозрительности и мимолетнаго, случайнаго каприза. Такой порядокъ вещей тянулся однакоже долгіе годы, когда наконецъ, уже на закатѣ жизни Кійомори, вдругъ вспыхнуло на сѣверѣ Ниппона возстаніе, поднятое старшимъ изъ трехъ сосланныхъ имъ братьевъ Минамото, энергичнымъ и даровитымъ Йоритомо. Придворная знать, кунгайи и дайміо, выведенные изъ послѣдняго терпѣнія, обратились къ Йоритомо отъ имени Го-Сиракава, отрекшагося отъ престола дѣда Атоку, съ мольбой освободить ихъ отъ Кійомори. Йоритомо согласился. Тогда оба его брата, насильственно постриженные нѣкогда въ монахи, бѣжали изъ своихъ монастырей, и соединясь съ Йоритомо, приняли начальство надъ двумя отрядами возставшихъ дворянъ и поселянъ и двинулись съ ними къ югу. Кійомори выслалъ противъ нихъ собранное имъ ополченіе, но оно было разбито въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и разсѣяно. Такая же участь постигла и второй призывъ ополченцевъ, изъ коихъ многіе перешли даже на сторону братьевъ Минамото. Видя что Йоритомо уже занялъ Камакуру и угрожаетъ

оттуда непосредственно самой столицѣ, Тайра-но-Кіомори насильно забралъ съ собою старика Го-Сиракава и младенца-императора Атоку и отступилъ въ Хіого, чтобы быть поближе къ морю на случай дальнѣйшаго бѣгства. Въ это же время онъ перенесъ сюда изъ Кіото всѣ государственныя регаліи и реликвіи, казну и все центральное управленіе. Такимъ образомъ Хіого, или тогдашній Хукухара, сдѣлался временною столицей. Мучась безсильною злобой на успѣхи возстанія и страшась личной мести Йоритомо за убитаго нѣкогда отца, за поруганную честь матери и за весь родъ Минамото, обезсиленный Кійомори заболѣлъ нервною горячкой. Но и умирая, онъ не смирилъ своей злобы, и за часъ до смерти кричалъ еще: „Не надо мнѣ заупокойныхъ молитвъ, не надо никакихъ религіозныхъ церемоній, но принесите, непремѣнно принесите на мою могилу голову Йоритомо!“ Это были его послѣднія слова и единственное оставленное имъ завѣщаніе, которое, однакоже, осталось безъ исполненія. Тайра-но-Кійомори умеръ въ 1181 году и былъ погребенъ въ Хіого. Его сородичи воздвигли ему надгробный мавзолей, столь же тяжелый какъ и самъ онъ былъ при жизни. По смерти его, Йоритомо освободилъ Го-Сиракава, и основавшись въ Камакурѣ, предпринималъ нѣсколько счастливыхъ экспедицій противъ членовъ и сторонниковъ рода Тайра. Въ этихъ военныхъ предпріятіяхъ въ особенности отличался младшій братъ его Йосацуне, какъ даровитый полководецъ. Благодаря ему, Йоритомо, спокойно оставаясь у себя въ Камакурѣ, могъ въ теченіе четырехъ лѣтъ изгнать всѣхъ самурайевъ Тайра и истребить ихъ въ нѣсколькихъ сухопутныхъ и морскихъ битвахъ при Хіого и на Внутреннемъ морѣ. Впрочемъ, это было и не особенно трудно, такъ какъ самурайи Тайра, воспитанные среди придворной роскоши и привыкшіе къ утонченно изнѣженной и распутной жизни, были не особенно стойкими воинами. Императоръ-отрокъ Атоку, вмѣстѣ со своею матерью (дочь Кійомори), долженъ былъ въ 1185 году бѣжать на островъ Кью-сю, но переплывая черезъ проливъ Симоносеки, нечаянно упалъ съ борта въ воду и утонулъ. Трагическій конецъ жизни и похожденій рода Тайра не разъ уже служилъ, да и до сихъ поръ еще служитъ неисчерпаемою темой для романовъ, театральныхъ піесъ и народныхъ пѣсенъ, извѣстныхъ подъ именемъ „цикла о послѣдней судьбѣ самурайевъ рода Тайра“.

Истребивъ такимъ образомъ въ честномъ бою всѣхъ враговъ ода Минамото, Йоритомо возвелъ на престолъ Готоба, брата утонувшаго Атоку, подъ регентствомъ старца Го-Сиракава, а самъ сдѣлался первымъ министромъ и избралъ Камакуру постоянною своею резиденціей. Онъ первый основалъ въ 1186 году, по смерти Го-Сиракава, систему сёгунальскаго управленія и принялъ отъ микадо Готоба пожалованіе высокимъ титуломъ сёгуна *(сей-тай сёгунъ)*. Правленіе его продолжалось семнадцать лѣтъ (съ 1185 по 1202 годъ), и должность его, вмѣстѣ съ титуломъ, унаслѣдовалъ по немъ старшій сынъ его Юрійе.

Замѣчательна также и судьба Йосицуне, младшаго брата Йоритомо. Несмотря на то что былъ ему обязанъ главною долей своихъ политическихъ успѣховъ, Йоритомо въ послѣдствіи сталъ завидовать его военнымъ талантамъ. Онъ не могъ совладать съ этимъ своимъ нехорошимъ чувствомъ и, мало-по-малу охладѣвая къ брату, началъ даже его преслѣдовать. Тогда, перерядившись въ костюмъ странствующаго бонзы, Йосицуне тайно бѣжалъ изъ Камакуры на островъ Езо (Матсмай), а оттуда переплылъ на азіятскій материкъ, въ Манчжурію, и никогда уже болѣе не возвратился въ страну Восходящаго Солнца. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, не только японскихъ, но и китайскихъ, Йосицуне есть ни кто иной какъ знаменитый Чингисханъ, герой всемірной исторіи XIII вѣка. По крайней мѣрѣ, Йосицуне по-китайски произносится какъ Ченгикэй, и въ этомъ названіи ученые видятъ созвучіе съ Чингисханомъ.

—

Отъ мавзолея Тайра-но-Кійомори повезли насъ къ другому историческому памятнику,—могилѣ народнаго героя Ксуноки Масасиге, который погребенъ въ оградѣ синтоскаго храма Минатогава-но-міа. Путь къ этому храму лежитъ по длинной, прямой улицѣ Тамонъ-тоори, часть которой идетъ надъ срѣзомъ почвы, по возвышенной насыпи, вровень съ крышами стоящихъ внизу домовъ. Названіе свое улица эта получила въ честь того же Ксуноки Масасиге, который въ дѣтствѣ носилъ имя *Тамонъ*.

Храмъ Минатогава-но-міа называется по имени протекающей подлѣ него рѣчки. Я не стану описывать его, такъ какъ въ общемъ это все то же что уже извѣстно читателю изъ прежнихъ моихъ описаній. Въ оградѣ его мы нашли постоянную

ярмарку, въ томъ же родѣ какъ подъ Асаксой, въ Токіо. Какъ въ Асаксѣ, и здѣсь тоже показываютъ коня-альбиноса, только здѣшній конь молодой и лучше содержится. Онъ прекрасно зачищенъ, и бѣлая шерсть его, для придачи ей большей серебристости, слегка подкрашивается синькой. Благочестивымъ посѣтителямъ предоставляется на волю кормить его бобами, которые тутъ же выставлены порціями на тарелочкахъ, причемъ дежурный коскеисъ-конюхъ изъ братства „Кануси" предупредительно объясняетъ что это—таберо̀ (обѣдъ) для коня,—не угодно ли, молъ, покормить его, ради добраго дѣла? Охотниковъ на это всегда находится въ избыткѣ, и такимъ образомъ содержаніе коня не только ничего не стóитъ мѣстнымъ жрецамъ-кануси, но еще приноситъ имъ нѣкоторый доходецъ. Другимъ, подобнымъ же, источникомъ дохода служатъ два маленькіе прудка, выложенные камнемъ и украшенные водяными растеніями. Въ одномъ изъ нихъ плаваетъ множество прелестныхъ рѣдкостныхъ рыбокъ, такъ-называемыхъ „Телескоповъ", пучеглазыхъ „Вишенъ", бахромчатыхъ тупоносыхъ „Креоловъ", „Рубинокъ", „Золотыхъ" и „Ружетокъ", а въ другомъ ползаютъ красивыя черепашки, для которыхъ на искусственномъ каменномъ островку устроено жилище, въ видѣ высѣченнаго изъ камня храмика. Рыбокъ и черепашекъ посѣтители кормятъ розовыми рисовыми лепешками, покупая ихъ у нарочно приставленнаго коскеиса. Изъ художественныхъ произведеній замѣчательны здѣсь громадные бронзовые и фарфоровые, съ синимъ рисункомъ, канделябры, украшающіе священный дворъ. Показываютъ также, какъ рѣдкость, большой кусокъ окаменѣлаго дерева и группу саговыхъ пальмъ, окруженную каменною рѣшеткой; но какое значеніе имѣетъ то и другое, мнѣ не удалось добиться.

Намогильный мавзолей Ксуноки Масасиге и его сына Масацуры пріютился подъ сѣнью нѣсколькихъ японскихъ сосенъ и представляетъ собою высокій четырехсторонній цоколь, на которомъ воздвигнута круглая колонка. Памятникъ прикрывается сверху четырехскатною кровлей деревяннаго навѣса; окружаютъ его нѣсколько каменныхъ канделябръ, въ которыхъ теплятся лампады. Здѣсь, какъ и у гробницы Кійомори, намъ предложили брошюрку посвященную памяти героя Ксуноки. Привожу ея содержаніе:

Ксуноки Масасиге—крупная личность въ исторіи борьбы императоровъ съ сёгунами. Его отличительныя черты—чест-

ность, храбрость и вѣрность своему законному государю. Въ первой половинѣ XIV вѣка (нашей эры), 96й микадо, по имени Го-Дайго, втайнѣ готовился окончательно уничтожить невыгодную для императоровъ власть сёгунальнаго управленія. Но, къ сожалѣнію, замыселъ его преждевременно открылся тогдашнему сёгуну изъ рода Ходжіо. Такъ какъ династія Ходжіо вообще отличалась не только грубостью, но и жестокостью въ обращеніи съ предшествовавшими императорами, изъ коихъ трое были даже сосланы на дальніе острова, то Го-Дайго, опасаясь и для себя такой же участи, поспѣшилъ бѣжать на югъ. Тамъ очутился онъ въ совершенно безпомощномъ положеніи, не имѣя на кого опереться, потому что всѣ боялись грознаго сёгуна. И вотъ, однажды увидѣлъ онъ знаменательный сонъ. Приснилось ему будто въ южномъ саду его кіотскаго дворца выросло большое дерево, подъ тѣнью котораго играли два мальчика. Видя что микадо такъ опечаленъ, мальчики съ участіемъ сказали ему: „Тебѣ, государь, негдѣ жить какъ только подъ этимъ деревомъ.“ Проснувшись, Го-Дайго сталъ думать о значеніи своего сна, и наконецъ разгадалъ аллегорическій смыслъ его: если соединить два слова—„дерево“ и „югъ“, то выйдетъ (по-японски) *ксу-ноки*. „Значитъ надо обратиться къ кому-нибудь изъ фамиліи Ксуноки“, рѣшилъ микадо́, и пошелъ за совѣтомъ къ мѣстнымъ бонзамъ. Тѣ сообщили ему что между окрестными жителями дѣйствительно есть нѣкто Ксуноки, по имени Масасиге, который еще въ молодости сумѣлъ укротить одно туземное возстаніе и получилъ за то награду отъ правительства. Микадо пошелъ къ нему, и когда обратился къ нему за совѣтомъ, то Ксуноки Масасиге сказалъ: „Камакурскія войска (то-есть войска сёгуна, резиденціей коего была въ то время Камакура) дѣйствительно отличаются храбростью, такъ что едва ли даже соединенныя силы мирныхъ жителей всей остальной Японіи могутъ имѣть противъ нихъ какой-либо успѣхъ. Тѣмъ не менѣе, государь, не отчаивайтесь: пока живъ Масасиге, сёгунъ ничего не подѣлаетъ, такъ какъ мы поведемъ съ нимъ борьбу не столько кулакомъ, сколько умомъ,—ну, а восточные варвары (то-есть сёгунальныя войска) на счетъ послѣдняго пока еще слабы.“ Послѣ этого Ксуноки хотѣлъ было тотчасъ же объявить себя сторонникомъ микадо и выпустить воззваніе къ народу, чтобы всѣ вѣрноподданные стекались подъ его знамена, но разсу-

дилъ что сначала лучше обдѣлывать это предпріятіе безъ огласки, и занялся укрѣпленіемъ своего за́мка и наборомъ войскъ. Дѣятельность Ксуноки не укрылась отъ вниманія сёгуна. По повелѣнію послѣдняго, тайно высланный отрядъ войскъ сдѣлалъ внезапное нападеніе на жилище императора и похитилъ Го-Дайго. Послѣ этой удачи, армія сёгуна осадила за́мокъ Ксуноки, гдѣ у Масасиге была въ ту пору собрана только съ небольшимъ тысяча человѣкъ защитниковъ. Но недостатокъ численности Ксуноки восполнилъ смѣлостью и находчивостью, которыя и до сихъ поръ служатъ предметомъ военно-народныхъ разказовъ. Еще ранѣе подступа непріятельскихъ войскъ, ему удалось облицовать наружныя стѣны за́мка подвижными деревянными щитами, которые, подобно крышкѣ отъ шкатулки, могли свободно ходить на нижнихъ петляхъ, укрѣпленныхъ во рву, вслѣдствіе чего верхніе концы ихъ, съ помощью рычаговъ и цѣлей, получали, смотря по надобности, вертикальное и наклонное въ ту и другую сторону положеніе. Снаружи щиты были окрашены подъ цвѣтъ каменныхъ стѣнъ за́мка, такъ что издали невозможно было замѣтить обмана. Когда войска сёгуна, обложивъ за́мокъ, пошли было на приступъ и, спустившись въ ровъ, полѣзли „какъ муравьи“ на стѣны, защитники, допустивъ ихъ до извѣстной высоты, вдругъ привели рычаги въ движеніе, вслѣдствіе чего щиты тотчасъ же приняли наклонное къ непріятелю положеніе, и атакующіе сверглись въ ровъ, а затѣмъ щиты моментально пришли въ прежній порядокъ. Осажденные, пользуясь эффектомъ этой неожиданности, произведшей большое смятеніе среди нападающихъ, стали забрасывать ихъ во рву бревнами и камнями и пускали въ нихъ множество стрѣлъ. Такимъ образомъ, приступъ былъ отбитъ, и непріятель поспѣшно отступилъ съ большимъ урономъ.

Въ другой разъ, пользуясь предразсвѣтнымъ туманомъ, Ксуноки приказалъ выставить на контръ-эскарпѣ, надъ гласисомъ, чучела одѣтыя воинами, послѣ чего осажденные громкими и задорными криками стали вызывать непріятеля къ бою. Непріятель, предполагая вылазку, стремительно ударилъ на чучела, принявъ ихъ въ туманѣ за живыхъ людей, и съ разбѣгу очутился во рву, причемъ задніе, не зная еще въ чемъ дѣло, напирали на переднихъ, толкали ихъ впередъ и такимъ образомъ вскорѣ наполнили собою весь ровъ. Тогда осажденные стали поливать ихъ сверху кипяткомъ и забра-

сывать бревнами, камнями и пылающими головнями. Непріятель опять потерпѣлъ полную неудачу.

Зная по какой дорогѣ обыкновенно идетъ къ осаждающему подвозъ продовольствія, Ксуноки нѣсколько разъ тайно высылалъ на нее небольшіе отряды, которые нападали изъ засады на непріятельскіе транспорты и отбивали ихъ. Когда противникъ уже нѣсколько привыкъ къ подобнымъ нападеніямъ, Ксуноки нашелъ что можно извлечь изъ этого и бо́льшую пользу чѣмъ простой захватъ продовольствія. Однажды ночью онъ снарядилъ на ту же дорогу болѣе значительный отрядъ, приказавъ одной отборной части онаго разоружиться и вложить свои сабли въ хлѣбные мѣшки навьюченные частію на лошадей, частію на спины самихъ же этихъ воиновъ. Какъ только забрежжилась утренняя заря, люди съ мѣшками направились изъ назначеннаго пункта къ околамъ непріятельскаго стана, а другая часть ихъ товарищей шумно сдѣлала на нихъ фальшивое нападеніе изъ засады и погнала предъ собою мнимый транспортъ въ сторону непріятеля. Сторожевыя части сёгунальныхъ войскъ, думая что это простые погонщики и носильщики, свободно пропустили ихъ за околы, въ тылъ своего стана, и тотчасъ же ударили въ гонги боевую тревогу, чтобы дать отпоръ преслѣдующему отряду. На передовой линіи завязалось дѣло, въ которомъ вскорѣ приняли участіе и остальныя войска сёгуна, дружно направшія на отрядъ Ксуноки. Тѣмъ временемъ мнимые погонщики, оставленные въ тылу безъ вниманія, спѣшно вынули изъ хлѣбныхъ мѣшковъ свое оружіе, развьючили лошадей, обративъ ихъ подъ верхъ, и пользуясь общею суматохой, пѣшіе и конные дружно ударили на непріятеля съ тылу, оглашая его станъ побѣдными кликами. Ошеломленные внезапностью этого нападенія и поставленные между двухъ атакъ, войска сёгуна поддались общей паникѣ и на этотъ разъ потерпѣли сильное пораженіе.

Съ помощью подобныхъ маневровъ, Ксуноки долго держался въ осажденномъ за́мкѣ, но наконецъ продовольственные запасы его стали истощаться. Въ виду этого обстоятельства, онъ пришелъ къ необходимости нанести непріятелю рѣшительный ударъ, съ тѣмъ чтобы побѣдить, или доблестно погибнуть. Однажды, воспользовавшись темною, бурною ночью, онъ покинулъ за́мокъ съ большею частію своихъ воиновъ и незамѣтно пробрался окольными путями въ тылъ непріятеля.

Въ замкѣ было оставлено лишь нѣсколько преданныхъ ему самурайевъ и ратниковъ, которые на слѣдующій день утромъ выступили изъ воротъ его торжественною погребальною процессіей, неся нѣсколько норимоновъ съ заколоченными гробами, и направились къ одному изъ сосѣднихъ кладбищъ. На непріятельскихъ аванпостахъ, конечно, тотчасъ же замѣтили эту процессію и отправили ко кладбищу небольшой отрядецъ разузнать въ чемъ дѣло. Отрядецъ вступилъ въ ограду, не встрѣтивъ со стороны погребающихъ никакого сопротивленія, и враги мирно сошлись надъ свѣжими могилами. На вопросъ офицеровъ сёгуна, кого это погребаютъ?—удрученные печалью самурайи объяснили что геройскій вождь ихъ Ксуноки Масасиге со всѣми своими военачальниками, убѣдясь въ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія, такъ какъ въ осажденномъ замкѣ наступилъ уже голодъ, рѣшили вчера на военномъ совѣтѣ распустить въ ту же ночь всѣхъ своимъ ратниковъ, а сами покончили съ собою посредствомъ *гаракири* и вотъ, теперь предаются землѣ ихъ бренные останки. Сёгунальные офицеры тотчасъ же принесли эту вѣсть въ свой лагерь, гдѣ поднялось великое ликованіе и торжество по случаю мнимаго успѣха сёгуна. Рѣшено было снять осаду и на утро идти обратно въ Камакуру, а пока до похода военачальники устроили войскамъ большое пиршество съ изобильными возліяніями. Весь день и весь вечеръ, до самой полночи, длилась гульба въ сёгунальномъ станѣ, пока всѣ не перепились наконецъ до такой степени что не стояли уже на ногахъ и заснули какъ убитые гдѣ попало. На этомъ-то и строился весь разчетъ Ксуноки. Вскорѣ послѣ полуночи, тихо и незамѣтно приблизился онъ со всѣми своими людьми къ непріятельскому стану и внезапно ударилъ на него съ двухъ сторонъ, оглашая ночную тишину громкими побѣдными кликами. Въ паническомъ ужасѣ, непріятель не могъ оказать ему почти никакого сопротивленія, такъ что въ эту знаменитую ночь было истреблено болѣе половины сёгунальныхъ войскъ, а остальные разсѣялись. Вѣсть объ этомъ новомъ успѣхѣ страшно поразила сёгуна, остававшагося въ Камакурѣ, тѣмъ болѣе что она дошла туда вслѣдъ за радостнымъ извѣстіемъ о мнимомъ *гаракири* Ксуноки. Но главное значеніе этой побѣды заключалось въ томъ что она необыкновенно подняла монархическое чувство во всемъ населеніи, и многіе дайміо, усомнясь въ силѣ сёгуна, открыто

перешли на сторону микадо. Одинъ изъ этихъ князей даже прямо напалъ на Камакуру, и притомъ съ такимъ успѣхомъ что сёгунъ (Нари-йози, 1335—1338), потерявшій войска и столицу, съ отчаянія сдѣлалъ себѣ *гаракири*. Такимъ образомъ, благодаря Ксуноки, борьба кончилась въ пользу микадо Го-Дайго, который тотчасъ же былъ возвращенъ изъ ссылки, гдѣ находился по волѣ сёгуна со времени своего плѣна.

Но тутъ явился вскорѣ новый похититель власти, нѣкто Асикага, который провозгласилъ себя сёгуномъ и поставилъ новаго микадо, такъ что въ Японіи возникло двоецарствіе, или, какъ говорили тогда, „южный и сѣверный (новый) дворъ". Ксуноки, однако, не терялъ надежды справиться и съ этимъ противникомъ. Нѣсколько нападеній сдѣланныхъ имъ на узурпатора были очень удачны, а въ послѣднемъ изъ нихъ Асикага былъ даже разбитъ на голову и бѣжалъ на островъ Кью-сю. Ксуноки хотѣлъ было преслѣдовать его и тамъ, но, къ несчастію, недальновидные вельможи окружавшіе тронъ Го-Дайго воспротивились этому намѣренію, полагая что Асикага уже не опасенъ, а главное не желая чтобы самъ Ксуноки еще болѣе возвысился въ глазахъ микадо своими дальнѣйшими успѣхами. Такая своекорыстная политика царедворцевъ не замедлила принести достойные ея плоды. Оставленный въ покоѣ, Асикага употребилъ всѣ свои средства и энергію на то чтобы взволновать южные острова и, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, высадился на Ниппонъ въ Хіого, во главѣ многочисленной, прекрасно организованной и сильно вооруженной арміи. Въ виду такой напасти, царедворцамъ пришлось обратиться къ тому же Ксуноки; но этотъ послѣдній сознавалъ что теперь борьба для него будетъ далеко не равная. Въ лицѣ Асикаги онъ имѣлъ противника не менѣе энергичнаго и столь же даровитаго какъ и онъ самъ, но съ тѣмъ еще преимуществомъ что за Асикакой стояла теперь громадная армія фанатически преданныхъ ему приверженцевъ, видѣвшихъ въ успѣхѣ его дѣла свое собственное возвышеніе и благополучіе; ряды же приверженцевъ Го-Дайго, благодаря политикѣ его царедворцевъ, значительно порѣдѣли. Тѣмъ не менѣе, Ксуноки рѣшился драться. Собравъ войска, онъ подступилъ съ ними къ Хіого, съ цѣлью дать тутъ рѣшительное сраженіе, дабы, въ случаѣ удачи, сбросить противника въ море. Но тайное предвидѣніе уже заранѣе говорило ему что дѣло его проиграно. Предчувствуя что будетъ убитъ, Ксуноки

наканунѣ битвы призвалъ къ себѣ своего десятилѣтняго сына, и прощаясь съ нимъ, объявилъ что сегодня же отправляетъ его домой, къ матери. Масацура (сынъ его), заявилъ желаніе сражаться и умирать вмѣстѣ съ отцомъ. Но Ксуноки рѣшительно воспротивился этому, говоря: — „Ты еще слишкомъ юнъ чтобы воевать. Подожди нѣсколько лѣтъ, и изъ тебя выйдетъ молодецъ, я увѣренъ въ этомъ. Теперь же оставляю тебѣ на память кинжалъ подаренный мнѣ императоромъ при первомъ его свиданіи со мною. Смотри же, милый, когда выростешь, не жалѣй себя за своего государя.“ Обливаясь слезами, простился Масацура съ отцомъ и въ сопровожденіи дядьки отправился въ родное помѣстье къ матери.

Предчувствіе не обмануло Ксуноки. На другой день произошла отчаянная битва, въ которой онъ былъ убитъ вмѣстѣ со своимъ роднымъ братомъ. Асикага торжествовалъ, зная что теперь Го-Дайго лишился послѣдней своей опоры.

Спустя нѣсколько дней извѣстіе о смерти отца дошло до Масацуры, и бѣдный мальчикъ пришелъ въ такое отчаяніе что рѣшился съ горя на самоубійство. Умная мать едва могла удержать его отъ *гаракири*.

— Тебя назовутъ трусомъ если ты при такихъ обстоятельствахъ покончишь съ собой, говорила она.—Не самъ ли ты разказывалъ мнѣ какъ отецъ предъ послѣднимъ сраженіемъ наставлялъ тебя какимъ образомъ долженъ ты вести себя послѣ его смерти? Неужели же ты позабылъ его завѣщаніе?! Нѣтъ, мой милый, такъ нельзя: надо напередъ исполнить отцовскую волю!

Ободренный этими словами матери, Ксуноки Масацура весь предался одной мысли, одному стремленію—быть достойнымъ своего отца. Даже въ дѣтскихъ играхъ со сверстниками онъ всегда представлялъ себя полководцемъ и самою любимою его забавой было упражненіе въ сабельной рубкѣ, причемъ Масацура всегда воображалъ себѣ будто онъ отсѣкаетъ голову узурпатору Асикагѣ. Съ четырнадцатилѣтняго возраста онъ поступилъ въ военную службу, гдѣ имѣлъ нѣсколько случаевъ геройски отличиться, такъ что на восемнадцатомъ году отъ роду уже командовалъ императорскими войсками и почитался главною опорой „южнаго двора“. Къ сожалѣнію, малочисленность и равнодушіе приверженцевъ Го-Дайго, равно какъ и недостатокъ войскъ, не давали свободно развернуться его военному таланту и дѣйствовать какъ

хотѣлось. Но согласно отцовскому завѣту, онъ до конца остался преданъ своему законному государю и геройски умеръ за него въ одномъ сраженіи, на двадцать второмъ году жизни. Похоронили его рядомъ съ отцомъ въ Хіого, а спустя нѣсколько сотъ лѣтъ князь Мито, родственникъ сёгуна Токугавы, поставилъ надъ ними мавзолей съ надписью: „Вѣрнымъ слугамъ Ксунока".

—

Отъ Минатогава-но-міа повезли насъ къ третьей мѣстной достопримѣчательности религіознаго характера. Это храмъ Икута-но-міа, построенный въ честь божественной праматери Изанами. Названіе свое онъ носитъ отъ имени ручейка текущаго по близости. Ко храму ведетъ прекрасное шоссе, на которомъ мы нашли развалины массивнаго гранитнаго *тори*, разрушеннаго недавнимъ землетрясеніемъ. Храмъ стоитъ среди небольшой рощи, гдѣ роскошно развились на свободѣ кипарисы, камеліи и великаны-тики, которымъ насчитываютъ уже не одно столѣтіе.

День былъ ярко солнечный, совсѣмъ весенній, а къ одиннадцати часамъ утра сдѣлалось даже жарко, такъ что мы съ особеннымъ удовольствіемъ вступили подъ прохладную, вѣчно зеленую сѣнь священной рощи. Тамъ встрѣтили мы „божьяго коня", по обыкновенію бѣлаго, котораго коскеисы выпустили поразмяться на свободѣ изъ его „священной" конюшни, находящейся тутъ же при храмѣ. Добрая кляча сосредоточенно дремала, разставивъ ноги и свѣсивъ лѣнивыя уши, словно бы она глубоко погрузилась въ какую-то свою лошадиную думу. При нашемъ приближеніи „божій конь" не обнаружилъ ни малѣйшаго безпокойства и даже вниманія на насъ не обратилъ, хотя мы были одѣты въ непривычные для него европейскіе костюмы; которыхъ и до сихъ поръ еще нерѣдко пугаются японскія животныя. Около коня прыгалъ по травкѣ ручной „священный" кроликъ чернопѣгой масти; для него нарочно поставленъ подъ древесными, приподнявшимися отъ старости корнями низенькій столикъ, таберо, а подъ столикомъ блюдцо съ водой для питья. Кроликъ часто вскакиваетъ на таберо чтобы полакомиться капустною разсадой принесенною ему въ даръ отъ чьего-то усердія.

Храмъ принадлежитъ синтоскому культу и окруженъ всѣми обычными принадлежностями онаго, начиная съ центральной открытой эстрады среди двора, съ которой жрецы-

кануси въ высокоторжественные дни начинаютъ свое шествіе ко главному храму чрезъ священныя внутреннія ворота, и до открытой театральной сцены, гдѣ въ извѣстные праздники дается *кагура*, то-есть священныя представленія и танцы подъ звуки священной музыки. Самый храмъ очень не великъ и тѣсенъ, въ родѣ каплички, лишь было бы гдѣ укрыться „духу“; но надъ нимъ возвышается грандіозная соломенная кровля, украшенная по гребню шестью горизонтальными поперечными вальками веретенообразной формы, а на обоихъ концахъ высокими деревянными развилами въ видѣ римской цифры V. На деревянныхъ, рѣзной работы, частяхъ храма вездѣ мѣдночеканныя скрѣпы, гайки и наконечники. Дверь заперта на ключъ, и предъ за́мкомъ висятъ пучки семиколѣнчатыхъ *дзиндзи* изъ бѣлой бумаги. Вокругъ главнаго храма разбросаны каменные канделябры и часовенки посвященныя разнымъ *ками*. Въ одной изъ нихъ стоитъ большой бѣлый конь вырѣзанный изъ дерева, а въ другой помѣщается за сѣтчатою рѣшеткой, въ особомъ кіотикѣ, зеркало Изанами. Далѣе храмовая сокровищница, въ которой однако напрасно было бы искать какихъ-либо вещественныхъ богатствъ: въ ней собрано нѣсколько шлемовъ, кинжаловъ, наконечники копій и стрѣлы, полный рыцарскій доспѣхъ, надвратныя доски съ надписями, оленьи рога и китовое перо-плавникъ. Все это вещи принадлежавшія частію герою-воину Кадживара, частію древнимъ „южнымъ“ микадо. Стѣны сокровищницы увѣшаны свитками съ разными благочестивыми изреченіями и надписями, а въ нишѣ на боковой стѣнѣ выставлена зачѣмъ-то гипсовая раскрашенная маска съ длиннымъ, горизонтально торчащимъ носомъ. Тутъ же во дворцѣ показали намъ древнее, но еще цвѣтущее сливовое дерево, обнесенное такою же каменною оградой какъ и на могилѣ Кійомори. Оно-то и составляетъ главную достопримѣчательность храма Икута. Легенда говоритъ что въ XII вѣкѣ на этомъ самомъ мѣстѣ происходило однажды раннею весной большое сраженіе между самурайями двухъ историческихъ здѣшнихъ фамилій, Тайра и Минамото, о которыхъ мы уже говорили. Въ этомъ сраженіи особенною храбростью отличился рыцарь Кадживара. Чтобъ обратить вниманіе всѣхъ сражавшихся на свою храбрость, онъ въ разгарѣ битвы срубилъ вѣтвь цвѣтущей сливы и укрѣпилъ ее у себя за спиной, на колчанѣ. Гдѣ видна была сливовая вѣтвь, тамъ враги ложились какъ снопы на нивѣ.

По преданію, это старое дерево, вѣтви и стволъ котораго уже съ давнихъ временъ поддерживаются разными деревянными подпорками и подушками, есть та самая слива отъ которой Кадживара отрубилъ себѣ вѣтку. Оно такъ и называется „деревомъ Кадживары". Противъ него, на правой сторонѣ двора, находится ключевой колодезь, обнесенный такою же каменною оградой, изъ котораго, по преданію, тотъ же Кадживара утолилъ послѣ битвы жажду. Коскеисъ показывавшій намъ достопримѣчательности Икута предложилъ мнѣ изображеніе этого храма въ планѣ, довольно лубочно отпѣчатанное на листѣ тонкой желтоватой протекучки. На планѣ этомъ приписано сбоку нѣсколько японскихъ стиховъ сочиненныхъ 84мъ императоромъ Джунтокомъ. Въ японскихъ стихахъ обыкновенно соблюдается не риѳма, которая можетъ быть и не быть, а лишь опредѣленное количество слоговъ, и именно тридцать-одинъ. Поэтому мысль выражается въ нихъ крайне сжато, а сущность стихотворенія состоитъ чаще всего изъ игры какихъ-нибудь словъ и понятій. Кстати, чтобы познакомить васъ съ японскою версификаціей, я приведу означенное произведеніе императора Джунтока:

Акѝ кàзе ни
Матà кóсо товàме
Цу но кунѝно
Икутà но морѝ но
Хàру но акебóно.

Въ переводѣ это значитъ: „Если ты посѣтишь священную рощу Икутà когда вѣетъ теплый осенній вѣтеръ, ты непремѣнно захочешь побывать тамъ и весной, чтобы любоваться закатомъ. Но если увидишь какъ хорошъ здѣсь весенній закатъ, непремѣнно захочешь побывать и осенью, чтобы наслаждаться прогулкой среди теплаго вѣтра."—Вотъ сколько словъ нужно по-русски чтобы выразить мысль которая по-японски выражается всего лишь 31 слогомъ!

—

Изъ Икута повезли насъ на Сува-яму, гдѣ тоже находится храмъ синтоскаго культа. По дорогѣ, въ загородной мѣстности, попался намъ оригинальный экипажъ въ не менѣе оригинальной запряжкѣ, какихъ до того нигдѣ еще не встрѣчали мы въ Японіи. Это была трехколесная повозка, основаніемъ которой служитъ деревянный равнобедренный треугольникъ. Одно колесо, маленькое, находится впереди, въ вершинѣ

Гуляй, гуляй Оленька,
Пока ты здоровенька.

Оказывается, отъ нашихъ матросовъ выучилась. Значенія словъ, конечно, не понимаетъ, но что за изумительная способность вѣрно запоминать и произносить слова и звуки совершенно чуждаго ей языка и чуждой пѣсни! Вотъ мы такъ ни одной еще ихней пѣснѣ не выучились, а они наши даже со словами поютъ. Этою своею „Оленькой" она насъ такъ утѣшила что мы всѣ съ удовольствіемъ подарили ей нѣсколько серебряной мелочи.

Нуно-бики значитъ *разостланное полотно*. Такое названіе произошло оттого что издали водопады имѣютъ видъ какъ бы полотняныхъ рядевъ, развернутыхъ и спущенныхъ внизъ. Отъ нихъ и самая гора получила тоже названіе—*Нунобики-яма*. Водопады находятся въ сосѣдствѣ между собою; одинъ изъ нихъ называется *самцомъ*, другой *самкой*. Высоты паденія перваго 158 футовъ, втораго 73 фута; ширина же у обоихъ одинакова, 12 футовъ. Первый изъ нихъ падаетъ совершенно прямо; второй же дѣлаетъ незначительный уступъ и въ одномъ мѣстѣ свертывается винтообразнымъ оборотомъ. Дорога къ водопадамъ чрезвычайно красива. Каменныя скалы покрыты разнообразною и красивою растительностью; повсюду множество цвѣтовъ и цвѣтущихъ кустарниковъ. Въ скалахъ высѣчены ниши, и въ нихъ поставлены каменныя изваянія нѣкоторыхъ святыхъ японо-буддійскаго пантеона. Въ одномъ мѣстѣ идолы изсѣчены прямо въ толщѣ утеса; они поставлены въ рядъ, съ опущенными внизъ большими крестообразными мечами въ лѣвой рукѣ, тогда какъ правая рука у всѣхъ поднята для благословенія: вокругъ головы у каждаго нимбъ, въ видѣ стоячаго кольца, выточенный изъ гранита. Вообще всѣ окрестныя скалы усѣяны буддійскими божничками, часовенками и синтоскими маленькими міа, съ неизбѣжными тори, флагами, дзиндзями и лоскутками.

Наконецъ, по бермѣ отвѣсной скалы добрались мы до водопада, о близости коего заранѣе и притомъ давно уже давалъ намъ знать шумъ воды, заглушающій своимъ рокотомъ всякій разговоръ. Вверху находится „самецъ" падающій изъ сѣдловины окутанной кустарниковою и вьющеюся заросью. Подъ нимъ образуется на горной площадкѣ небольшой бассейнъ, изъ котораго вода по ступенчатымъ уступамъ каскадами стекаетъ внизъ, пока не попадаетъ въ узкую щель между

въ землю, по краямъ дорожки, другіе привязаны къ сучьямъ и вѣткамъ полутныхъ деревьевъ. Намъ объяснили что это талисманы плодородія, которые съ давнихъ временъ существуютъ въ синтоскомъ культѣ и были восприняты изъ него буддизмомъ. Каждый годъ, въ семнадцатое число перваго мѣсяца, когда чествуется святой Инари, покровитель агрикультуры, въ посвященныхъ ему храмахъ происходитъ, между прочимъ, обрядъ торжественнаго освященія талисмановъ способствующихъ плодородію, послѣ чего они продаются всѣмъ желающимъ по одному *сцени* (самая мелкая монетка). Земледѣльцы обыкновенно покупаютъ ихъ по нѣскольку штукъ, изъ коихъ часть оставляютъ на мѣстѣ, въ жертву святому, по краямъ дороги, а другую уносятъ съ собой и втыкаютъ въ землю на межахъ и по всѣмъ угламъ своего поля и огорода, или привязываютъ къ вѣтвямъ фруктовыхъ и тутовыхъ деревьевъ. Въ первомъ случаѣ талисманы способствуютъ урожаю хлѣба и огородныхъ овощей, а во второмъ изобилію разныхъ фруктовъ и тутовыхъ листьевъ, необходимыхъ для питанія шелковичнаго червя.

Храмъ Сува-ямы посвященъ святому Инари, но въ немъ господствуетъ смѣшанный культъ, *ріобу-синто*. Мы нашли въ немъ пару большихъ гипсовыхъ лисичекъ (*кицнé*), вазы, фонари, каменные канделябры, жертвенные рисунки лошадей (*іемà*), священныхъ журавлей (*о-тсури*) и изображенія множества *тори*, а также множество связокъ бумажныхъ семиколѣнчатыхъ *дзиндзи* и, наконецъ, даже женскіе волосы, цѣлыя безжалостно срѣзанныя косы, богатству и красотѣ которыхъ позавидовалъ бы любой парижскій парикмахеръ. Это жертва женщинъ, и преимущественно вдовъ, которыя по какому-либо обѣту, или же въ знакъ своей неутѣшности, рѣшаются разстаться съ лучшимъ своимъ украшеніемъ. Передъ храмомъ, у входа выставлены по бокамъ двѣ лунсовыя хоругви, а въ глубинѣ его—магическое зеркало Изанами и молитвенный барабанъ. Во дворѣ разбросано нѣсколько маленькихъ и даже миніатюрныхъ часовенокъ, и у каждой непремѣнно привѣшенъ надъ входомъ бубенчикъ съ лентой, чтобы „будить духа“, по требованію молящихся. Тутъ же курятся жертвенныя свѣчи въ бронзовыхъ и каменныхъ *хибачахъ*, наполненныхъ чистѣйшею бѣлою золой, и воткнуты въ землю „дерева счастія“, украшенныя множествомъ мелкихъ изящныхъ вещицъ, картонажей, конфетъ и фигурокъ

изъ рисоваго тѣста, въ видѣ жертвенныхъ приношеній, преимущественно отъ дѣтей и женщинъ. У одной изъ лисичекъ лѣвая передняя лапа была плотно перевязана тоненькою тесьмой, скрученною изъ мягкой бумаги. По объясненію нашего проводника, это—дѣло дѣвушекъ. Особа желающая выйти замужъ за кого ей хочется, должна собственноручно скрутить себѣ тесьму изъ освященной бонзами протекушки (Claks-Papier) и завязать ее въ узелъ вокругъ лѣвой лапы кицнé, не иначе какъ одною лѣвою рукой. Если это удастся, желаніе дѣвушки навѣрно исполнится, и бываютъ счастливицы которыя достигаютъ такого искусства послѣ долгихъ предварительныхъ упражненій у себя дома. Бонза съ самымъ серіознымъ видомъ увѣряетъ насъ будто не бывало еще примѣра чтобы такая искусница долго засидѣлась въ дѣвкахъ или вышла за нелюбаго. Такія же тесемки, не зная ихъ значенія, встрѣчали мы и на лапахъ *кома-ину* (корейскаго льва-собаки), къ которому японскія дѣвушки также прибѣгаютъ за покровительствомъ. Это у нихъ смотря по тому кто во что̀ вѣритъ: однѣ въ кицнé, другія въ кома-ину; но бонза увѣряетъ что кома-ину больно ужь простъ и прямодушенъ, кицне же куда хитрѣе, и потому гораздо лучше собаки можетъ сообразить какъ помочь горю дѣвушки и устроить ея супружеское счастье.

Храмъ Сува расположенъ на самой вершинѣ горы, откуда открываются великолѣпные виды. Что̀ ни шагъ, то новая картина. Здѣсь, на одной изъ площадокъ, 9 декабря 1874 года было наблюдаемо астрономическою коммиссіей Парижской Академіи прохожденіе Венеры мимо солнца, въ память чего на мѣстѣ наблюденій поставленъ каменный столбъ съ французскою надписью, объясняющею это событіе. Съ площадки открывается великолѣпный видъ на весь рейдъ, миль на тридцать въ окружности; виденъ входъ въ заливъ Оосака и даже далѣе, за него, въ самый Океанъ, гдѣ глазъ захватываетъ синюю черту воднаго горизонта. Заливъ какъ бы окаймленъ полого-волнистыми возвышенностями и синѣющими вдали горами. Вдали, къ востоку, виднѣется на берегу городъ Оосака съ высокимъ круглымъ куполомъ городской управы, а ближе—поля изрѣзанныя ирригаціонными канавами, каналъ и засыпанное для ирригаціонныхъ же цѣлей устье какой-то рѣчки. Внизу же, подъ горой—какъ на ладони вся священная роща Икута, чайныя плантаціи и капустные огороды, гдѣ кочни

стоятъ рядами словно курчавыя деревца на высокихъ ножкахъ. Я никогда еще не видалъ у капусты такихъ длинныхъ стержней какъ здѣсь. На астрономической площадкѣ, позади каменнаго столба, построены животрепещущія галлерейки съ навѣсами, и при нихъ—мелочная лавочка, она же и чайный домъ, конечно. Въ лавочкѣ, для удовольствія любителей, находится большая зрительная труба на треногѣ, и тутъ же продаются деревянные самовары совершенно особаго устройства. Внутрь кадушки, служащей вмѣстилищемъ для воды и снабженной снаружи тремя ножками, деревяннымъ краномъ и плотно надѣвающеюся крышкой, вставляется глиняный полый цилиндръ, куда накладываются горячіе угли. Въ исподней части его устроено поддувало, выходящее наружу сквозь круглое отверстіе въ донцѣ кадушки, которое по краямъ замазано снаружи цементомъ, чтобы не вытекала вода; равно выходитъ наружу и устье цилиндра сквозь отверстіе въ деревянной крышкѣ, плотно прилегающее къ его стѣнкамъ. Таково устройство японскаго самовара, совершенно обходящееся безо всякаго металла, и говорятъ что вода вскипаетъ въ немъ нисколько не медленнѣе чѣмъ въ нашихъ.

Вдосталь налюбовавшись видомъ съ астрономической площадки, мы отправились пѣшкомъ къ знаменитымъ Хіогскимъ водопадамъ Нуно-бики-но-таки. Находятся они въ горахъ, и путь къ нимъ идетъ по тропинкамъ проложеннымъ зигзагами на горныхъ лѣсныхъ склонахъ, мимо множества уединенныхъ бесѣдочекъ, верандъ и чайныхъ домиковъ. Услужливые курама, покинувъ внизу свои дженерикши, въ полной увѣренности что ихъ никто не утащитъ, сопровождаютъ насъ веселою гурьбой и облегчаютъ намъ путь, подпирая и подпихивая насъ сзади на болѣе крутыхъ подъемахъ. Они весело и безъ умолку болтаютъ, добродушно пересмѣиваются и перекликаются между собою, или вдругъ принимаются повторять какое-нибудь русское слово подхваченное налету изъ нашего разговора.

Вызвалась къ намъ проводницей шустрая востроглазая дѣвчурочка лѣтъ семи, изъ самоварной лавки. Начала она съ того что стала срывать по пути цвѣты колокольчиковъ и шиповника и дарить каждому изъ насъ по букетику, а потомъ взяла меня за руку и пошла рядомъ, болтая и напѣвая что-то. Что за знакомые звуки?... Прислушиваюсь, и вдругъ—представьте себѣ наше общее удивленіе—въ устахъ маленькой японской дѣвочки слышимъ мы русскую пѣсенку:

Гуляй, гуляй Оленька.
Пока ты здоровенька.

Оказывается, отъ нашихъ матросовъ выучилась. Значенія словъ, конечно, не понимаетъ, но что за изумительная способность вѣрно запоминать и произносить слова и звуки совершенно чуждаго ей языка и чуждой пѣсни! Вотъ мы такъ ни одной еще ихней пѣсни не выучились, а они наши даже со словами поютъ. Этою своею „Оленькой“ она насъ такъ утѣшила что мы всѣ съ удовольствіемъ подарили ей нѣсколько серебряной мелочи.

Нуно-бики значитъ *разостланное полотно*. Такое названіе произошло оттого что издали водопады имѣютъ видъ какъ бы полотняныхъ рядень, развернутыхъ и спущенныхъ внизъ. Отъ нихъ и самая гора получила тоже названіе—*Нунобики-яма*. Водопады находятся въ сосѣдствѣ между собою; одинъ изъ нихъ называется *самцомъ*, другой *самкой*. Высоты паденія перваго 158 футовъ, втораго 73 фута; ширина же у обоихъ одинаковая, 12 футовъ. Первый изъ нихъ падаетъ совершенно прямо; второй же дѣлаетъ незначительный уступъ и въ одномъ мѣстѣ свертывается винтообразнымъ оборотомъ. Дорога къ водопадамъ чрезвычайно красива. Каменныя скалы покрыты разнообразною и красивою растительностью; повсюду множество цвѣтовъ и цвѣтущихъ кустарниковъ. Въ скалахъ высѣчены ниши, и въ нихъ поставлены каменныя изванія нѣкоторыхъ святыхъ японо-буддійскаго пантеона. Въ одномъ мѣстѣ идолы изсѣчены прямо въ толщѣ утеса; они поставлены въ рядъ, съ опущенными внизъ большими крестообразными мечами въ лѣвой рукѣ, тогда какъ правая рука у всѣхъ поднята для благословенія: вокругъ головы у каждаго нимбъ, въ видѣ стоячаго кольца, выточенный изъ гранита. Вообще всѣ окрестныя скалы усѣяны буддійскими божничками, часовенками и синтоскими маленькими міа, съ неизбѣжными тори, флагами, дзиндзами и лоскутками.

Наконецъ, по бермѣ отвѣсной скалы добрались мы до водопада, о близости коего заранѣе и притомъ давно уже давалъ намъ знать шумъ воды, заглушающій своимъ рокотомъ всякій разговоръ. Вверху находится „самецъ“ падающій изъ сѣдловины окутанной кустарниковою и вьющеюся зарослью. Подъ нимъ образуется на горной площадкѣ небольшой бассейнъ, изъ котораго вода по ступенчатымъ уступамъ каскадами стекаетъ внизъ, пока не попадаетъ въ узкую щель между

двумя сближенными скалами, откуда она уже винтомъ прядаетъ внизъ, получая названіе „самки“. Какъ разъ надъ срединнымъ бассейномъ, противъ водопада-самца, перекинутъ со скалы на скалу животрепещущій мостикъ, и на немъ устроена веранда, гдѣ вы можете отдохнуть подъ сѣнью цѣновочнаго навѣса и наслаждаться сколько угодно видомъ и шумомъ водопада и освѣжающею прохладой водяной пыли. Тамъ и сямъ, по сосѣдству, перекинуто между скалами нѣсколько легкихъ бамбуковыхъ мостиковъ и висятъ надъ пропастью, какъ балконы на косыхъ подпоркахъ, двѣ, три бесѣдки. При главной верандѣ, конечно, неизбѣжный чайный домъ, и тутъ же, сбоку, красивенькая буддійская часовня съ сіяющимъ внутри за рѣшеткой идоломъ, съ цвѣтущими вѣтками камелій, полевыми букетами, неугасимою лампадой и курительными свѣчами.

Отдохнувъ на верандѣ надъ пропастью и заплативъ неизбѣжную дань за угощеніе чаемъ, мы пошли далѣе. И опять что ни шагъ, то новыя дивныя картины. Сейчасъ все было сжато дикими скалами; но сдѣлали маленькій поворотъ въ сторону, и вдругъ предъ вашими взорами открывается широчайшій просторъ съ очаровательнымъ видомъ на глубоко лежащую внизу равнину, на городъ изрѣзанный правильными рядами сѣрыхъ черепичныхъ крышъ, на блещущее подъ солнцемъ море и дальнія голубыя горы... Еще нѣсколько шаговъ, и снова все сузилось, сжалось, и вашему глазу поневолѣ приходится опять переходить къ уголкамъ и деталямъ; но за то какіе это славные уголки, какіе прелестныя группы скалъ и дикихъ мшистыхъ камней, какія художественныя детали въ сочетаніи и тонахъ пробивающейся между ними и спутавшейся между собою разнообразной растительности!.. Все это прелесть какъ хорошо, и просторъ и тѣснина, не знаешь даже что лучше, чему отдать предпочтеніе. Подвигаясь зигзагами по уступамъ и тропинкамъ, мы обошли всю громадную гору и вышли опять къ тому же водопаду, только съ другой стороны. И опять висящій надъ пропастью чайный домикъ принялъ насъ подъ свою радушную сѣнь на отдыхъ. Во время прогулки по горѣ, мы въ разныхъ мѣстахъ встрѣчали пещеры нарочно высѣченныя въ скалахъ для обжиганія углей, чѣмъ занимаются мѣстные лѣсники какъ своимъ обычнымъ промысломъ. Обратили также вниманіе и на водопроводныя трубы изъ бамбука, проложенныя подъ

Гуляй, гуляй Оленька,
Пока ты здоровенька.

Оказывается, отъ нашихъ матросовъ выучилась. Значенія словъ, конечно, не понимаетъ, но что̀ за изумительная способность вѣрно запоминать и произносить слова и звуки совершенно чуждаго ей языка и чуждой пѣсни! Вотъ мы такъ ни одной еще ихней пѣснѣ не выучились, а они наши даже со словами поютъ. Этою своею „Оленькой“ она насъ такъ утѣшила что мы всѣ съ удовольствіемъ подарили ей нѣсколько серебряной мелочи.

Нуно-бики значитъ *разостланное полотно.* Такое названіе произошло оттого что издали водопады имѣютъ видъ какъ бы полотняныхъ рядenъ, развернутыхъ и спущенныхъ внизъ. Отъ нихъ и самая гора получила тоже названіе—*Нунобики-яма.* Водопады находятся въ сосѣдствѣ между собою; одинъ изъ нихъ называется *самцомъ,* другой *самкой.* Высоты паденія перваго 158 футовъ, втораго 73 фута; ширина же у обоихъ одинакова, 12 футовъ. Первый изъ нихъ падаетъ совершенно прямо; второй же дѣлаетъ незначительный уступъ и въ одномъ мѣстѣ свертывается винтообразнымъ оборотомъ. Дорога къ водопадамъ чрезвычайно красива. Каменныя скалы покрыты разнообразною и красивою растительностью; повсюду множество цвѣтовъ и цвѣтущихъ кустарниковъ. Въ скалахъ высѣчены ниши, и въ нихъ поставлены каменныя изваянія нѣкоторыхъ святыхъ японо-буддійскаго пантеона. Въ одномъ мѣстѣ идолы изсѣчены прямо въ толщѣ утеса; они поставлены въ рядъ, съ опущенными внизъ большими крестообразными мечами въ лѣвой рукѣ, тогда какъ правая рука у всѣхъ поднята для благословенія: вокругъ головы у каждаго нимбъ, въ видѣ стоячаго кольца, выточенный изъ гранита. Вообще всѣ окрестныя скалы усѣяны буддійскими божничками, часовенками и синтоскими маленькими міа, съ неизбѣжными тори, флагами, дзиндзами и лоскутками.

Наконецъ, по бермѣ отвѣсной скалы добрались мы до водопада, о близости коего заранѣе и притомъ давно уже давалъ намъ знать шумъ воды, заглушающій своимъ рокотомъ всякій разговоръ. Вверху находится „самецъ“ падающій изъ сѣдловины окутанной кустарниковою и вьющеюся зарослью. Подъ нимъ образуется на горной площадкѣ небольшой бассейнъ, изъ котораго вода по ступенчатымъ уступамъ каскадами стекаетъ внизъ, пока не попадаетъ въ узкую щель между

двумя сближенными скалами, откуда она уже винтомъ прядаетъ внизъ, получая названіе „самки“. Какъ разъ надъ срединнымъ бассейномъ, противъ водопада-самца, перекинутъ со скалы на скалу животрепещущій мостикъ, и на немъ устроена веранда, гдѣ вы можете отдохнуть подъ сѣнью цѣновочнаго навѣса и наслаждаться сколько угодно видомъ и шумомъ водопада и освѣжающею прохладой водяной пыли. Тамъ и сямъ, по сосѣдству, перекинуто между скалами нѣсколько легкихъ бамбуковыхъ мостиковъ и висятъ надъ пропастью, какъ балконы на косыхъ подпоркахъ, двѣ, три бесѣдки. При главной верандѣ, конечно, неизбѣжный чайный домъ, и тутъ же, сбоку, красивенькая буддійская часовня съ сіяющимъ внутри за рѣшеткой идоломъ, съ цвѣтущими вѣтками камелій, полевыми букетами, неугасимою лампадой и курительными свѣчами.

Отдохнувъ на верандѣ надъ пропастью и заплативъ неизбѣжную дань за угощеніе чаемъ, мы пошли далѣе. И опять что ни шагъ, то новыя дивныя картины. Сейчасъ все было сжато дикими скалами; но сдѣлали маленькій поворотъ въ сторону, и вдругъ предъ вашими взорами открывается широчайшій просторъ съ очаровательнымъ видомъ на глубоко лежащую внизу равнину, на городъ изрѣзанный правильными рядами сѣрыхъ черепичныхъ крышъ, на блещущее подъ солнцемъ море и дальнія голубыя горы... Еще нѣсколько шаговъ, и снова все сузилось, сжалось, и вашему глазу поневолѣ приходится опять переходить къ уголкамъ и деталямъ; но за то какіе это славные уголки, какіе прелестныя группы скалъ и дикихъ мшистыхъ камней, какія художественныя детали въ сочетаніи и тонахъ пробивающейся между ними и спутавшейся между собою разнообразной растительности!.. Все это прелесть какъ хорошо, и просторъ и тѣснина, не знаешь даже что лучше, чему отдать предпочтеніе. Подвигаясь зигзагами по уступамъ и тропинкамъ, мы обошли всю громадную гору и вышли опять къ тому же водопаду, только съ другой стороны. И опять висящій надъ пропастью чайный домикъ принялъ насъ подъ свою радушную сѣнь на отдыхъ. Во время прогулки по горѣ, мы въ разныхъ мѣстахъ встрѣчали пещеры нарочно высѣченныя въ скалахъ для обжиганія углей, чѣмъ занимаются мѣстные лѣсники какъ своимъ обычнымъ промысломъ. Обратили также вниманіе и на водопроводныя трубы изъ бамбука, проложенныя подъ

почвой и ведущія отъ естественныхъ водяныхъ резервуаровъ къ разнымъ полямъ и огородамъ.

На возвратномъ пути въ Кообе, посѣтили мы базаръ Кіосинкванъ, расположенный особнякомъ въ просторномъ двухъэтажномъ домѣ европейской архитектуры. Спеціальность мѣстныхъ кустарей составляютъ очень изящныя и тонкія плетенья и вообще различныя подѣлки изъ бамбуковыхъ волоковъ и дранокъ, а также издѣлія изъ окрашенной во всевозможные цвѣта рисовой соломы, которыя всего ближе можно бы назвать соломенною мозаикой. Составляется эта мозаика изъ отдѣльныхъ маленькихъ кусочковъ и пластинокъ соломы, которыя, при искусномъ подборѣ, наклеиваются на тонкія гладкія дощечки, образуя въ цѣломъ очень красивый и нерѣдко весьма сложный узоръ геометрическаго характера. Это все разныя коробочки, баулы, бонбоньерки, сигарочницы, подносики, шифоньеры, комодики, шкатулки и тому подобныя вещи небольшихъ размѣровъ, но всегда сдѣланныя съ большимъ вкусомъ и притомъ замѣчательно дешевыя. Онѣ-то и составляютъ главный предметъ выставки и торговли Кіосинквана.

Былъ уже въ исходѣ первый часъ дня, и аппетитъ нашъ очень настойчиво напоминалъ о необходимости завтрака. Поэтому мы приказали нашимъ курама̀ везти себя прямо въ гостиницу. Черезъ нѣсколько минутъ они подкатили насъ къ уставленному цвѣтами крыльцу одного дома на набережной, надъ которымъ сіяла золотая по черному фону надпись „Hiogo Hôtel“. Мы нашли тамъ роскошную билліардную залу, совершенно приличную столовую, англійскій столъ и, верхъ неожиданности, въ числѣ прислуги, Японца говорящаго по-русски. Онъ конечно и прислуживалъ намъ за завтракомъ.

Маленькая черта международныхъ нравовъ: въ столовой мы заняли одинъ конецъ большаго стола. Вошли Американцы, сѣли за тотъ же столъ рядомъ съ нами, узнали что мы Русскіе и тотчасъ же познакомились самымъ простымъ и любезнымъ образомъ. Вошли три Француза и сдѣлали то же самое. Но сколько ни входило Англичанъ и Нѣмцевъ, ни одинъ не присѣлъ за этотъ столъ, хотя свободныхъ приборовъ на немъ было еще достаточно. Холодно, а иногда и недружелюбно покосясь въ нашу сторону, они съ достоинствомъ проходили мимо и усаживались за другіе столы, — Англичане къ Англичанамъ, Нѣмцы къ Нѣмцамъ, но вмѣстѣ

тоже не смѣшивались. Такимъ-то образомъ, даже на нейтральной и, такъ-сказать, международной почвѣ трактира совершенно неожиданно и, пожалуй, даже инстинктивно, по одному чутью, сказываются національныя симпатіи и антипатіи и происходитъ безмолвное, но безошибочно вѣрное раздѣленіе на „своихъ“ и „чужихъ“, на друзей и непріятелей.

Въ четыре часа дня мы были на бортѣ *Африки*, а полчаса спустя нашъ крейсеръ уже снялся съ якоря и пошелъ, по назначенію, въ Нагасаки, куда прибылъ 14го числа къ ночи.

XXXI.

Въ окрестностяхъ Нагасаки.

Народный праздникъ въ честь Компира-сама. — Характеръ праздничной толпы.—Ярмарочный путь къ мѣсту праздника.—Монастырь Компира-сама и нищіе.—Англиканскіе миссіонеры и японская вѣротерпимость.—Наши судовые поставщики изъ Японцевъ. — Пикники подъ національными флагами. — Концертъ геекъ и японская публика.—Восхожденіе на гору Компира.—Видъ съ ея вершины.—Часовня въ гранитномъ монолитѣ. — Состязаніе бумажныхъ змѣевъ. — Спускъ большаго змѣя.—Вечернее возвращеніе съ праздника.—Прогулка въ мѣстечко Тогицу.—Скала Дайбудсъ.—Встрѣча съ театральнымъ герольдомъ. — Тогицу. — Сельскій театръ. — Одноактная піеса *Гроза* и ея содержаніе.—Прогулка въ мѣстечко Моги.—Нагасакское предмѣстье Гунгоци. — Каго, носилки для горныхъ путешествій. — Хороводъ сельскихъ дѣвушекъ. — Горный путь. — Праздникъ сбора пшеницы и способы молотьбы. — Вьючныя животныя въ дорогѣ. — Смѣшеніе полярныхъ и тропическихъ формъ растительности.—Всепобѣждающая сила труда.—Мѣстечко Моги.—Дѣти-няньки. — Обѣдъ въ сельской гостиницѣ. — Висячая декоративная растительность. — Носильщики и ихъ трудъ. — Обратный путь при факелахъ. — Жабы и свѣтляки.

27 марта.

Еще со вчерашняго дня по городу были расклеены большія японскія объявленія, на разноцвѣтной бумагѣ, о томъ что сегодня, въ 12й день IV мѣсяца, соотвѣтствующій нашему 27 марта (8 апрѣля) имѣетъ быть на горѣ Компира большой праздникъ въ честь святаго Компира-сама, причемъ будутъ происходить состязанія между бумажными змѣями и предстоитъ спускъ большаго змѣя пожертвованнаго отъ

города. Начало народнаго праздника ровно въ полдень. Насъ извѣстили объ этомъ наши постоянные судовые поставщики Усáкичъ и Кихé, оба изъ туземныхъ обывателей, отъ долголѣтней практики кое-какъ маракующіе по-русски. Оба явились къ намъ на крейсеръ и съ почтительно-любезными поклонами и присѣданьями пригласили всѣхъ офицеровъ на завтрашній праздникъ. Мы, конечно, обѣщали быть, да и какъ было не поглядѣть на такое любопытное зрѣлище!

Ровно въ полдень, большою компаніей съѣхали мы на берегъ и отправились въ дженерикшахъ въ сѣверныя предмѣстья Нагасаки.

Компира-яма, какъ я уже говорилъ, находится совсѣмъ за городомъ, въ сѣверной сторонѣ, противъ самой пяты Нагасакской бухты. Дорога къ ней идетъ съ холма на холмъ, подымаясь все выше и выше въ гору. Оставя дженерикши внизу, у подошвы перваго холма, мы отправились далѣе пѣшкомъ, вмѣстѣ съ вереницами японскаго люда, разодѣтаго по-праздничному. Одно теченіе толпы поднималось въ гору; другое, меньшее, шло навстрѣчу ему съ горы. То были богомольцы возвращавшіеся послѣ ранняго служенія въ монастырѣ Компира-сама. Въ толпѣ множество красивыхъ нарядныхъ дѣвушекъ и маленькихъ дѣвочекъ. Послѣднія, согласно японской модѣ, набѣлены и разодѣты въ самые яркоцвѣтные костюмы. Многія изъ нихъ несутъ нарядныя куклы или букеты изъ вѣтокъ камелій и другихъ цвѣтовъ. Мальчишки несутъ бумажные змѣи и оглашаютъ окрестность звуками разныхъ трещотокъ и свистулекъ. Веселый праздничный гулъ стоитъ надъ массами движущагося народа. По пути, на поворотахъ и на нѣкоторыхъ наиболѣе удобныхъ площадкахъ, устроены подъ ятками временные трактирчики и чайныя, гдѣ полнымъ полно народа, завернувшаго подъ ихъ навѣсы подъ предлогомъ легкаго отдыха. Мы тоже сдѣлали маленькій привалъ у одного изъ нихъ чтобъ утолить сельтерскою водой жажду возбужденную ходьбой подъ двадцатиградуснымъ солнечнымъ жаромъ. Повсюду продаются съ лотковъ всевозможныя національныя сласти и печенья, каленые бобы и сѣмечки. Дутыя и раскрашенныя рыбки изъ рисоваго теста, такія же маски доброй толстухи Окаме и другія рожи изъ того же матеріала качаются на ивовыхъ вѣтвяхъ, выставленныя на продажу. Тутъ же и цвѣточницы продаютъ изъ корзинъ букетики разныхъ весеннихъ полевыхъ и садо-

выхъ цвѣтовъ, а цвѣточники несутъ на коромыслахъ бадейки съ водой, наполненныя большими пучками вѣтвистыхъ камелій въ полномъ цвѣту, всѣхъ оттѣнковъ, отъ снѣжнобѣлаго до густо-пунсоваго. Но болѣе всего встрѣчается продавцовъ бумажныхъ змѣевъ разной величины и формы, при самой затѣйливой и пестрой раскраскѣ: тутъ мы видимъ нашихъ старыхъ токійскихъ знакомыхъ, этихъ смѣшныхъ гномиковъ въ образѣ энглишменовъ и гишпанцевъ, затѣмъ орла и сокола съ распростертыми крыльями, рыбу *тай* и птицу *фоо*, и зіяющаго дракона, и большелобаго божка Шіуро, и историческихъ древнихъ героевъ и дамъ Японіи, — все это, уже вполнѣ приспособленное къ слуску на воздухъ, предлагается охочимъ покупателямъ по самой дешевой цѣнѣ, не превышающей нѣсколькихъ центовъ.

Но вотъ и монастырекъ, окруженный возвышеннымъ парапетомъ изъ дикаго камня. Здѣсь пріютился рядъ нищихъ съ чашками и посохами въ рукахъ, вымаливающихъ себѣ подаяніе обыкновеннымъ ноющимъ речитативомъ, который, кажется, совершенно одинаковъ подо всѣми широтами земнаго шара. Но замѣчательно что ихъ тутъ было вообще немного, и притомъ исключительно такіе калѣки которые уже окончательно не способны ни къ какой работѣ. Говорятъ, они преимущественно привитаютъ около разныхъ бонзерій, питаясь отъ монашескихъ щедротъ; кромѣ того, какъ я замѣтилъ, Японцы охотно подаютъ имъ, въ той увѣренности что въ Японіи никто не станетъ протягивать руку кромѣ уже дѣйствительно ни къ чему неспособнаго калѣки.

Гранитная лѣстница позади священнаго тори ведетъ ко храму Компира-сама. Тамъ, на алтарѣ, стоятъ ряды пшеничныхъ хлѣбцевъ въ формѣ просфоры и горятъ предъ нимъ множество свѣчъ изъ растительнаго воска. У входа, за особою стойкой, бонзы продаютъ желающимъ такіе хлѣбцы и свѣчи, а богомольцы собственноручно ставятъ ихъ предъ чествуемымъ изображеніемъ Компира-сама и кидаютъ деньги въ большой деревянный ящикъ. Бритоголовый бонза сидитъ на корточкахъ по ту сторону ящика, и выбирая изъ него монету за монетой, тщательно сортируетъ ихъ по достоинству въ столбики, которые длинными и тѣсными рядами аккуратно располагаются у него на особомъ продолговатомъ низенькомъ столикѣ. Позади храма, тутъ же въ монастырской оградѣ, какой-то англійскій миссіонеръ раздаетъ народу библіи и

душеспасительныя брошюрки, а двое англиканскихъ катехизаторовъ, изъ обращенныхъ Японцевъ, громко проповѣдуютъ собравшейся толпѣ. И никто изъ бонзъ не гонитъ ихъ отсюда, никто въ толпѣ не негодуетъ и не глумится надъ ними; напротивъ, всѣ слушаютъ очень спокойно, добродушно, хотя и съ нѣсколько разсѣяннымъ вниманіемъ. Что̀ это, полное ли равнодушіе религіознаго индифферентизма, или же спокойное презрѣніе къ проповѣдникамъ? Пускай де болтаютъ что̀ хотятъ, насъ отъ этого не убудетъ. Во всякомъ случаѣ, явленіе такой терпимости очень замѣчательно, когда вспомнишь что еще не далѣе какъ въ 1870 году Японцы исповѣдующіе христіанство подвергались большимъ гоненіямъ.

Поднимаемся еще выше въ гору. Тамъ, наверху, среди разбросанныхъ повсюду походныхъ трактирчиковъ, торговыхъ ятокъ, цѣновочныхъ закутъ, шалашей и навѣсцевъ, видны въ трехъ различныхъ пунктахъ національные флаги: русскій, французскій и англійскій, поднятые на высокихъ шестахъ. Любопытствуя узнать что̀ это значитъ, мы направились къ русскому флагу и вскорѣ замѣтили что оттуда навстрѣчу къ намъ спускается съ горы Цунитаро, прикащикъ нашего поставщика Усакича, прозванный, по созвучію, „санитаромъ". Онъ еще издали кланяется, машетъ намъ рукой, указывая на русскій флагъ, и кричитъ по-русски: „Здѣсь! здѣсь!... Сюда!..." Мы пришли вмѣстѣ съ нимъ къ большой цѣновочной яткѣ, предъ которой, въ видѣ закуты, было отгорожено съ боковъ и спереди нѣкоторое пространство, завѣшанное сшитыми полотнищами синей и лиловой крашенины. Цунитаро приподнялъ край завѣсы, и мы очутились внутри закуты. Тамъ радушно встрѣтили насъ рукожатіями и радостными улыбками трое нашихъ поставщиковъ-компаніоновъ: Усакичъ, Кихе и Цунитаро Накамура. На землѣ были разостланы мягкія цѣновки, и на нихъ наставлены маленькіе *таберо* со всякими угощеніями. Тутъ фигурировали въ перемежку разные деликатесы японской кухни съ жестянками европейскихъ сардинъ, страсбургскихъ паштетовъ, русской икры и бисквитъ Алибера, *сакѝ* и пиво, и разныя вина до шампанскаго включительно. Что же касается трехъ національныхъ флаговъ, то оказалось что нагасакскіе судовые поставщики, пользуясь народнымъ праздникомъ, устроили пикники для своихъ постоянныхъ потребителей—

русскіе для Русскихъ, французскіе для Французовъ и т. д. Они радушно объяснили намъ что здѣсь, у нихъ въ гостяхъ и подъ русскимъ флагомъ, мы должны быть совершенно какъ дома, ѣсть, пить и развлекаться какъ намъ вздумается безо всякаго стѣсненія. Началось, конечно, съ неизбѣжнаго *о-ча-ниппонъ* и привѣтственныхъ двухъ *кизеру*, а затѣмъ, разумѣется, по двѣ чашечки теплаго *сакѝ*, за здоровье гостей и хозяевъ. Этимъ и была закончена обрядная или офиціальная часть угощательной церемоніи, послѣ которой подъ руками расторопнаго „санитара" живо защелкали пробки и ловко вскрывались консервныя жестянки. Тутъ уже пошло угощеніе на распашку. Минутъ десять спустя, тотъ же неутомимый „санитаръ", исчезнувъ куда-то на короткое время, съ торжественнымъ видомъ приподнялъ снаружи полу завѣсы и впустилъ къ намъ въ закуту цѣлый хоръ геекъ, размѣстившихся противъ насъ полукругомъ. Начался концертъ съ пѣніемъ, пляской и пантомимой; но тутъ вскорѣ раздались по ту сторону закуты чьи-то голоса вызывавшіе одного изъ нашихъ амфитріоновъ: „Кихе-санъ! Кихе-санъ!" Тотъ вышелъ на зовъ. Оказалось что публика проситъ позволенія посмотрѣть на танцы геекъ и спрашиваетъ хозяевъ и насъ, не будемъ ли мы имѣть чего противъ? „Противъ" мы, разумѣется, ничего имѣть не могли, будучи сами въ гостяхъ. Тогда „санитаръ" снялъ часть завѣсы, и публика привѣтствовала его за это возгласами похвалы и удовольствія, а хозяевамъ и намъ посылали издали благодарственные поклоны. Трое или четверо изъ числа знакомыхъ Кихе и Усакича были приглашены хозяевами войти подъ ятку, остальная же публика осталась глядѣть издали, безъ шуму, не суетясь и не тискаясь впередъ; она отдавалась удовольствію зрѣлища съ нѣсколько наивнымъ, чисто дѣтскимъ наслажденіемъ, но въ то же время совершенно спокойно и не безъ достоинства. Такъ именно смотрятъ благовоспитанныя дѣти сознающія что имъ доставили удовольствіе, которымъ изъ благодарности слѣдуетъ пользоваться скромно и прилично, не докучая собою любезнымъ хозяевамъ. Отмѣчаю эту черту къ характеристикѣ японской толпы и ея общественныхъ нравовъ.

А нашъ Кихе видимо рисуется или, какъ говорится, „задаетъ шику" предъ своими японскими гостями и публикой тѣмъ что понимаетъ русскій языкъ и даже самъ можетъ

говорить по-русски. Часто, даже и не понимая о чемъ идетъ у насъ разговоръ, онъ дѣлаетъ такой видъ и улыбку какъ будто понимаетъ все отличнѣйшимъ образомъ, и кстати и не кстати вставляетъ время отъ времени въ разговоръ такiя восклицанiя и фразы, какъ, напримѣръ, „о, да!“ „хорошо!“ „чортъ возьми“ и т. п. Ему очень нравится если къ нему обращаются съ какимъ-нибудь вопросомъ по-русски. При этомъ онъ часто невпопадъ отвѣчаетъ „чортъ возьми“ тамъ гдѣ надо сказать „благодарю васъ“, или „о, да!“ гдѣ слѣдовало бы, по смыслу, „нѣтъ“, но все-таки отчего же не потѣшить немножко его невинное самолюбiе?

Послушавъ немного геекъ, я сдѣлалъ прогулку на самую вершину Компира-ямы. Чтобы подняться туда, надо было одолѣть еще двѣ горы, взбираясь мѣстами на крутизны по дикимъ каменнымъ ступенямъ. Это изрядный таки моцiонъ, особенно въ такую жару. Отъ усиленнаго движенiя, а можетъ отчасти и вслѣдствiе нѣсколько разрѣженнаго воздуха, я чувствовалъ нѣкоторое стѣсненiе въ груди, точно бы нечѣмъ было дышать; но это вскорѣ прошло, послѣ небольшаго отдыха. За то, добравшись наконецъ до вершины, я былъ вознагражденъ такимъ дивнымъ видомъ какого никогда не видалъ и никогда не забуду. Не только вся бухта и весь городъ съ его предмѣстьями и террасовидными кладбищами очутился предо мною внизу какъ нарисованный на планѣ, но весь извилистый юго-западный край острова Кьюсю, лежащiй между Китайскимъ моремъ и глубоко врѣзавшимися и развѣтвившимися въ глубь материка заливами Омуру и Симабара, со всѣми причудливыми очертанiями своихъ береговъ, со всѣми окрестными, ближними и дальними островами, мысами и скалами, обрисовался вдругъ, почти въ одно мгновенiе ока въ такой восхитительной панорамѣ, подобной которой я не знаю въ мiрѣ. Лазурно-зеркальные заливы, темно-сѣрыя и красноватыя скалы, острова темнозеленые вблизи и синеватолиловые въ воздушной перспективѣ, горы, покрытыя на вершинахъ зубчатыми соснами и кедрами, а на склонахъ самою разнообразною растительностью, долины изрѣзанныя изумрудно-зелеными нивами, среди которыхъ тамъ и сямъ разбросаны соломенныя кровли хуторовъ, селенiй и храмовъ, роскошные сады и священныя рощи, и змѣевидно вьющiяся сребристыя ленты ручьевъ и рѣчекъ, веселенькiе городки и мѣстечки, какъ бы вкра-

пленные по морскимъ берегамъ и бухточкамъ,—вотъ подробности этой своеобразной картины. Но въ особенности дивно хороши заливы—Омуру на сѣверѣ и Симабара на востокѣ и югѣ, представляющіе какъ бы отдѣльные замкнутые бассейны, усѣянные множествомъ японскихъ парусовъ сверкающихъ издали на солнцѣ ярко-бѣлыми точками и черточками. Хорошо и это серебристо-голубое море съ его корабликами и дымящимися пароходами и съ этою розовато-лиловою цѣпью архипелага Гото на дальнемъ западномъ горизонтѣ. На сѣверо-востокѣ, въ глубинѣ страны, декорація замыкается воздушно-легкими контурами высокихъ горъ, среди которыхъ широкимъ шатромъ выдѣляется одна господствующая вершина какого-то вулкана, покрытая вѣчными снѣгами. А надъ головой широко раскинулось лазурное небо съ тающими перистыми облачками, и въ немъ высоко, высоко парятъ морскіе орлы и коршуны, описывая плавные круги. Во всей этой могуче-широкой и разнообразной картинѣ, разомъ охватывающей изумленнаго зрителя со всѣхъ сторонъ, есть что-то обаятельное, чисто волшебное. Смотришь, смотришь, и оторваться не можешь, и духъ захватываетъ отъ волненія... До какой степени все это хорошо и сильно своимъ впечатлѣніемъ поэтической красоты и спокойнаго величія, словами и передать невозможно.

На вершинѣ Компира-ямы дулъ свѣжій и довольно сильный вѣтеръ, который сразу освѣжилъ меня. Отдышавшись послѣ усиленной ходьбы и успокоившись нѣсколько отъ душевнаго волненія, я осмотрѣлся вокругъ себя и только тутъ замѣтилъ что стою подлѣ часовни высѣченной прямо въ толщѣ большаго, торчащаго изъ-подъ земли камня. Предъ нею находится гранитная галлерейка, въ родѣ крытаго корридорчика, сложенная изъ массивныхъ, грубо отесанныхъ плитъ циклопическаго характера, къ которой ведутъ двѣ, три ступени изъ необдѣланныхъ плоскихъ камней. Въ глубинѣ часовни, равно какъ и на ея фронтонѣ, выбито изображеніе солнечнаго диска, покрытое позолотой. Никакихъ идоловъ на алтарѣ нѣтъ, но предъ изображеніемъ солнца стоитъ пара фарфоровыхъ вазъ со свѣжесрѣзанными вѣтвями персика и камелій. У входа поставленъ деревянный ящикъ, а за нимъ сидитъ бонза и, мѣрно покачиваясь сзаду напередъ, бормочетъ по книжкѣ, вѣроятно, какія-то молитвы. Посѣтителей нашелъ я здѣсь очень немного. Поочереди входя узкимъ

проходомъ въ часовню, они опускались тамъ на колѣни, причемъ непремѣнно прихлопывали раза два въ ладоши, и помолясь минутку съ потираніемъ рукъ предъ лучезарнымъ, жизнедательнымъ духомъ великой богини Тенсе (олицетвореніе солнца), клали земной поклонъ и при выходѣ молча кидали въ ящикъ свою посильную лепту. Бонза каждый разъ отвѣчалъ на это поклономъ, не прерывая своего благочестиваго бормотанія.

Спустившись около пяти часовъ вечера къ яткѣ нашихъ поставщиковъ, я нашелъ состязаніе змѣевъ уже въ полномъ разгарѣ. Народу къ этому времени привалило изъ города и окрестностей пропасть, втрое если не впятеро больше чѣмъ давеча въ полдень. Гулъ и праздничные клики толпы мѣшались со звуками свистулекъ, трещотокъ и тамъ-тамовъ. Отовсюду неслись струнные звуки самсиновъ, бивы, гото́ и голоса геекъ. Въ самомъ воздухѣ какъ-то пахло праздникомъ и весельемъ. Но главное вниманіе всей толпы было приковано къ воздушнымъ сферамъ, гдѣ въ голубомъ эѳирѣ высоко плавало, взвивалось и прядало изъ стороны въ сторону многое множество бумажныхъ змѣевъ всевозможныхъ формъ, цвѣтовъ и величины, хвостатыхъ и безхвостыхъ, съ трещотками, свистульками, лентами и проч. Спусканіемъ и полетомъ ихъ равно были заняты и заинтересованы дѣти и взрослые, старики и юноши, мущины и женщины, и тутъ только воочію можно было убѣдиться насколько въ самомъ дѣлѣ популяренъ въ Японіи спортъ воздушныхъ змѣевъ. Онъ является дѣйствительно національною забавой. При состязаніи змѣевъ, любители обыкновенно бьются объ закладъ за того или другаго, во всѣхъ концахъ поля держатся многочисленныя пари, причемъ нерѣдко на ставку идутъ даже не малыя деньги. Горожане и сельчане входятъ въ большой азартъ, особенно когда состязаніе идетъ между городскимъ и сельскимъ змѣями: тутъ уже заинтриговано даже корпоративное самолюбіе. Иногда изъ устъ въ уста по всему полю передается: „Глядите, змѣй такой-то школы“, „змѣй такого-то квартала“, „змѣй такого-то торговаго дома“ и т. п. Въ этихъ случаяхъ тоже задѣты тѣ или другія самолюбія, но все это самымъ мирнымъ образомъ; азартъ игроковъ никогда не переходитъ въ ссору, не говоря уже о дракѣ, которая была бы тутъ явленіемъ совершенно немыслимымъ. Проигравшіе ставку обыкновенно расплачиваются съ любезною улыбкой,

а [illegible] плиментахъ [illegible] выгрываются [illegible] сти. не [illegible] тельность [illegible] народныхъ [illegible] чтобъ [illegible] побѣжденный. [illegible] въ воздухѣ. быстро [illegible] въ [illegible] [illegible] ся змѣя значительный [illegible] болѣе [illegible] вой нитки. а [illegible] бечевѣ, требующей предварительной [illegible] въ томъ [illegible] крѣпляется къ змѣю. [illegible] смазывается на протяженіи [illegible] клеемъ и [illegible] толченнымъ стекломъ; затѣмъ ей даютъ [illegible] и смотрятъ достаточно ли плотно и [illegible] клею стеклянный порошокъ. Когда „боевая" бечева готова, остается только приладить ее съ четырьмя угловыми шнурками змѣя и пускать его на [illegible]. Надо пустить змѣя такимъ образомъ чтобы бечева его встрѣтилась высоко въ воздухѣ съ бечевой соперника. въ этомъ и состоитъ искусство. Разъ онѣ встрѣтились. тутъ уже дѣло пускальщиковъ смотрѣть нужно ли припустить или убавить бечевы, и насколько именно, чтобъ оба клеевые конца пришли между собой въ непосредственное соприкосновеніе. Тогда, вслѣдствіе дѣйствія воздушныхъ теченій на поверхность змѣевъ, бечевы начинаютъ тереться одна о другую, и въ воздухѣ происходитъ настоящая борьба между соперниками, сопровождаемая у обоихъ судорожными движеніями, порывистыми отклоненіями въ стороны, преслѣдованіемъ и взаимнымъ круженіемъ, пока наконецъ одна бечева не будетъ перерѣзана другою. Послѣ этого наступаетъ быстрый финалъ, и проигравшая сторона платитъ призъ своимъ счастливымъ противникамъ. Бываетъ, однако, что оба змѣя падаютъ вмѣстѣ — тогда это уже полное торжество, змѣи объявляются героями, и игра разыгранною въ ничью; всѣ самолюбія удовлетворены, и ставки остаются въ карманахъ спорщиковъ.

Около шести часовъ вечера въ публикѣ обнаружилось особенное движеніе: вся она какъ бы насторожилась и частію хлынула въ одну сторону, навстрѣчу большому городскому змѣю, котораго не безъ торжественности несли двое служителей, въ сопровожденіи нѣсколькихъ полицейскихъ и цѣлой толпы дѣтей и взрослыхъ. Городской змѣй имѣлъ около шести аршинъ въ окружности и былъ окрашенъ въ лиловый цвѣтъ, столь любимый Японцами; въ центрѣ его красовалась эмблема города—золотой трилистникъ въ серебряномъ кольцѣ. Вслѣдъ за змѣемъ, на мѣстѣ состязаній появились муниципальныя и административныя власти въ европейскихъ костюмахъ, окруженныя свитой разныхъ чиновниковъ, секретарей и городскихъ представителей. Вся попадавшаяся имъ публика встрѣчала ихъ по японскому обычаю очень почтительными поклонами, въ которыхъ, однако, я не замѣтилъ ничего раболѣпнаго. Всѣ эти власти и нотабли расположились отдѣльною группой въ центрѣ огромнаго живаго круга образовавшагося изъ нахлынувшей со всѣхъ сторонъ публики. Нѣсколько полицейскихъ распорядителей указывали границу за которую не слѣдовало переступать, чтобъ не мѣшать операціи спуска. Внутри этого круга, нѣсколько уполномоченныхъ любителей изъ числа самыхъ извѣстныхъ искусниковъ занялись на просторѣ приготовленіемъ муниципальнаго змѣя къ полету, и черезъ нѣсколько минутъ, ловко поставленный противъ вѣтра, онъ торжественно взлетѣлъ на воздухъ, при радостныхъ кликахъ толпы, и сталъ плавно подыматься выше и выше, сверкая противъ садящагося солнца своимъ золотымъ трилистникомъ. Вскорѣ онъ оставилъ далеко ниже себя всѣхъ остальныхъ змѣевъ и парилъ надъ ними, какъ бы не признавая никакихъ соперниковъ. Въ этомъ оригинальномъ зрѣлищѣ дѣйствительно было нѣчто не лишенное своего рода величественности, впечатлѣніе которой отражалось и на лицахъ зрителей. Одни слѣдили за полетомъ совершенно серіозно, какъ за дѣломъ необычайной важности, другіе любовались имъ съ артистическимъ наслажденіемъ истинныхъ знатоковъ и любителей, третьи съ чисто дѣтскимъ, наивнымъ восторгомъ. Сдержанныя восклицанія; „О-о!“ „Ого!“ „Ойо!“ и т. п., выражавшія въ общемъ своемъ значеніи чувство внушаемое видомъ величія, безпрестанно раздавались въ толпѣ при каждомъ красивомъ движеніи змѣя, при каждомъ новомъ взмывѣ его кверху. Для большинства этой толпы онъ какъ бы

олицетворялъ собою миѳическаго царственнаго дракона *Дежа*, древнѣйшаго охранителя счастливаго Ниппона.

Но какъ быстры переходы въ настроеніи толпы, и какъ мало нужно для этого!... Въ то самое время когда вся она съ такимъ живѣйшимъ и серіознымъ вниманіемъ слѣдила за гордымъ полетомъ лиловаго змѣя, не замѣчая остальныхъ, вдругъ откуда ни возьмись какой-то жалкій, небольшой змѣишка,— не знаю ужь нарочно или случайно подпущенный къ первому... Бечевки ихъ скрестились, и вдругъ вся толпа тревожно загомонила, заволновалась, задвигалась и, какъ порывъ вѣтра по лѣсу, шумно побѣжало въ ней общее чувство опасенія, досады и даже обиды, словно самое приближеніе этого плюгаваго змѣишки къ великолѣпному гордому *Дежа* казалось ей величайшею дерзостью. Въ то же время живо, съ лихорадочною поспѣшностью стали повсюду составляться пари за обоихъ неожиданныхъ соперниковъ; но не успѣли еще спорщики уговориться между собой о ставкахъ и закладахъ, какъ змѣишка ловко скользнулъ кверху вдоль по бечевкѣ городскаго змѣя, и этотъ послѣдній, дрогнувъ, безпорядочно завертѣлся, мечась изъ стороны въ сторону, и вдругъ, какъ подстрѣленная птица, безсильно и быстро сталъ падать въ косомъ направленіи на землю. Бечева его была перерѣзана. Взрывъ общаго смѣха толпы былъ отвѣтомъ на его неожиданное пораженіе. Отъ прежняго настроенія не осталось въ ней и слѣда. Тысячи насмѣшекъ, бранныхъ возгласовъ, укоризнъ и тривіальныхъ замѣчаній полетѣли во слѣдъ его паденію, и все это было дѣломъ одного момента. „Sic transit gloria", невольно подумалось при этомъ... Восторгъ толпы, ея похвалы и гулъ одобреній всецѣло обратились теперь на счастливаго побѣдителя, хозяиномъ котораго оказался какой-то голоштаный молодецъ лѣтъ шестнадцати, и муниципальные представители безпрекословно вручили ему первый призъ за состязаніе нынѣшняго года.

Наступали прохладныя сумерки, и мы простились съ нашими радушными амфитріонами. Главный интересъ дня былъ уже исчерпанъ, хотя народный праздникъ все еще продолжался, и множество разнообразныхъ змѣевъ по прежнему плавало въ вечерѣющемъ воздухѣ. Говорятъ что многіе останутся тутъ пировать и гулять до разсвѣта, но многіе направлялись уже и восвояси. Мы спускались внизъ по каменнымъ сходнямъ среди потока оживленной японской толпы, и

когда достигли наконецъ главной городской пристани, на дворѣ совсѣмъ уже стемнѣло. Здѣсь, слегка покачиваясь на водѣ, ожидали насъ всегдашніе наши *фуне*, прозванные кѣмъ-то „морскими извощиками“.

Вся бухта сегодня была особенно полна яркаго фосфорическаго свѣченія. Золотыя брызги падали съ юлящаго весла, и зеленовато-огнистый слѣдъ далеко оставался за кормой. Свѣтящіяся медузы цѣлыми вереницами плавали почти на поверхности воды, такъ что можно было бы ловить ихъ руками, еслибъ онѣ не такъ чувствительно обжигали ладони. Но что̀ за прелесть представлялъ собою теперь видъ на Компира-яму!... По всей горѣ, чернѣвшейся издали одною неопредѣленною массой, двигались во всѣхъ направленіяхъ тысячи засвѣченныхъ бумажныхъ фонариковъ, казавшихся не то блуждающими огнями, не то свѣтляками огромныхъ размѣровъ. Цѣлый потокъ этихъ огоньковъ, словно бы горный каскадъ, стекалъ волнистою лентой внизъ, по узкой дорогѣ къ городу. Людей не было видно, одни только огоньки, и вѣяло на душу ото всей этой картины чѣмъ-то фантастическимъ, невольно переносящимъ чувство и мысль въ чудесный, сказочный міръ, особенно когда съ нагорья плавно понеслись вдоль по водѣ протяжные, густые звуки буддійскаго колокола, медленнымъ звономъ возвѣщавшаго съ монастырской колокольни о таинственномъ часѣ первой ночной молитвы.

29 марта.

Сегодня у насъ состоялась очень пріятная прогулка въ мѣстечко Тогицу, лежащее верстахъ въ десяти къ сѣверу отъ Нагасаки, на берегу залива Омуру. Путь идетъ по долинѣ сѣверной Нагасакской рѣчки впадающей въ бухту близь Иносы, или такъ-называемой „Русской деревни“. Весь этотъ путь представляетъ рядъ прелестныхъ сельскихъ картинъ. Съ обѣихъ сторонъ тянется цѣпь не особенно высокихъ горъ, отличающихся мягкими очертаніями и воздѣланныхъ до самой вершины. Стѣнки пашенъ, опоясывающія въ видѣ террасъ всѣ горные скаты и отдѣляющія участокъ отъ участка даже внизу, въ самой долинѣ, замѣчательны циклопическимъ характеромъ своей постройки. Дорога все время идетъ въ видѣ возвышенной набережной, откосы которой, равно какъ и берега рѣчки и впадающихъ въ нее ручьевъ, выложены камнями, представляя собою одну сплошную, непрерывную стѣнку.

Надо видѣть самому всѣ эти основательныя, прочныя сооруженія чтобъ убѣдиться какая масса упорнаго и долгаго, почти сверхчеловѣческаго труда требуется для защиты пашенъ и дорогъ отъ разливовъ и для приспособленія горныхъ склоновъ къ земледѣльческимъ цѣлямъ. Такія постройки (а вѣдь ими наполнена вся Японія!) можетъ возводить только народъ высоко цивилизованный, хотя его цивилизація и не походитъ на европейскую. Тѣмъ не менѣе, это несомнѣнно *цивилизація*, и каждый разъ какъ только приходится мнѣ сталкиваться съ нею лицомъ къ лицу, я затрудняюсь которой изъ двухъ отдать предпочтеніе. Японская агрикультура кажется мнѣ положительно выше европейской. По дорогѣ намъ часто встрѣчались высокіе каменные парапеты, похожіе съ виду на стѣну какого-нибудь форта и сооруженные единственно затѣмъ чтобы построить на ихъ площадкахъ эти легкіе, просто „карточные“ домики японскихъ поселянъ; но не будь такихъ парапетовъ, домики каждый разъ сносило бы наводненіемъ во время разливовъ горныхъ рѣчекъ. Выходитъ что и здѣсь, въ этой счастливой странѣ съ ея благодатнымъ климатомъ и плодородною почвой, человѣкъ ведетъ борьбу съ природой за собственное существованіе, быть-можетъ, болѣе упорную чѣмъ подъ другими, болѣе сѣверными и даже суровыми широтами; но здѣсь въ этой борьбѣ онъ, повидимому, всегда остается побѣдителемъ, по крайней мѣрѣ онъ дѣлаетъ все чтобъ оградить себя отъ неблагопріятныхъ стихійныхъ вліяній и не только обезсилить ихъ, но заставить даже служить себѣ же на пользу.

Замѣчательны скалы окаймляющія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорогу. Въ ихъ обнаженныхъ пластахъ встрѣчаются въ большомъ количествѣ громадные валуны какъ бы вплавленные въ массу известняковыхъ и песчаниковыхъ наслоеній. Надо думать что будучи сами по себѣ аллювіальнаго происхожденія, они были выдвинуты нѣкогда на нынѣшнюю высоту вулканическимъ подъемомъ почвы, о чемъ свидѣтельствуетъ общій вулканическій характеръ страны, особенно рѣзко выражающійся въ очертаніяхъ ея побережій. На скалахъ, едва прикрытыхъ сверху наземомъ, высится густѣйшая растительность; деревья обвиты лавоями; между ними встрѣчается много пальмъ-латаній, камелій и фруктовыхъ деревьевъ въ дикомъ состояніи; послѣднія стоятъ еще безъ листьевъ, но уже роскошно осыпанныя бѣлымъ, розоватымъ и розовымъ цвѣтомъ.

Одно скалистое ущелье съ крутыми склонами особенно замѣчательно своею картинностію, которую придаетъ ему густѣйшая и разнообразнѣйшая растительность. Могучія сосны порой тянутся рядами вдоль дороги. Въ одномъ мѣстѣ высокій осколокъ скалы выдался вверхъ вертикально торчащимъ монолитомъ, который общимъ своимъ видомъ напоминаетъ человѣческій торсъ. На него взгроможденъ огромный овальный камень, грубо обсѣченный въ формѣ головы съ глазами, носомъ и губами. Все это уже значительно выщербилось и вывѣтрилось отъ времени, но лицо сохраняетъ еще нѣкоторый намекъ на безмятежно улыбающійся, благоволивый ликъ Будды, въ честь котораго и самый камень этотъ зовутъ Дай-Буддсомъ. Насъ увѣряютъ будто все это сдѣлано самою природой и будто голова на торсѣ вовсе не приставная, а естественная, нераздѣльная часть того же монолита и что именно въ этомъ-то обстоятельствѣ вся окрестная страна видитъ чудесный знакъ наивысшаго благоволенія къ ней самого Будды; но мнѣ все-таки думается что это скорѣе грандіозный остатокъ древнѣйшей мѣстной скульптуры, современный, быть-можетъ, эпохѣ перваго появленія буддизма въ Японіи (въ половинѣ V вѣка нашей эры). Дай-Буддсу этому предшествуетъ значительный, но хорошо разработанный и шоссированный спускъ съ перевала, гдѣ, по просьбѣ нашихъ курама̀, намъ пришлось выйти изъ дженерикшей и пройтись пѣшкомъ до ровнаго мѣста. Дорога вся вообще шоссирована и содержится въ величайшемъ порядкѣ, равно какъ и всѣ мосты на ней, деревянные и каменные; тѣ и другіе отличаются весьма солидною постройкой.

Мѣстечко Тогицу расположено на самомъ берегу одной изъ обширныхъ и прекрасныхъ внутреннихъ бухтъ Омурскаго залива. Въ небольшомъ разстояніи отъ берега стояли на якорѣ три пароходика поддерживающіе сообщеніе мѣстечка съ городкомъ Уресино и другими побережными пунктами того же залива; четвертый пароходикъ лежалъ на боку у пристани и чинился домашними средствами. Тутъ же на пристани видѣли мы какъ работники таскаютъ съ мелководья громадные валуны для циклопическихъ аграрныхъ сооруженій. Они обвязываютъ избранный камень прочною толстою веревкой, а сами хватаются за оба длинные конца ея, какъ наши бурлаки за бечеву, становясь гусемъ, человѣка по три, по четыре на каждый конецъ, и ждутъ когда въ камень ударитъ

сильная волна прибоя, которая сдвинетъ его нѣсколько съ мѣста и такимъ образомъ облегчитъ имъ роботу. Съ каждымъ ударомъ набѣгающаго вала, они дружно, всѣ вразъ подвигаются на нѣсколько шаговъ къ берегу, пока наконецъ не вытащатъ камень совсѣмъ изъ воды. На берегу лежали для продажи цѣлыя груды такихъ валуновъ, составляющихъ собственность этой артели рабочихъ. Чтобы работа шла наиболѣе успѣшно, надо ждать благопріятнаго вѣтра, который гналъ бы къ берегу сильную волну; болѣе же мелкіе камни, пуда въ три, въ четыре вѣсомъ, выбираются во всякую погоду просто руками, или выкатываются при помощи деревянныхъ кольевъ. Промыселъ этотъ, говорятъ, довольно выгоденъ, такъ какъ на валуны постоянный спросъ и для построекъ, и для шоссейной щебенки.

Въ мѣстечкѣ есть довольно большая и приличная японская гостиница, гдѣ мы застали какую-то шумную компанію нѣмецкихъ пиволійцъ съ двумя одутловатыми дамами въ амазонкахъ, а рядомъ, въ сосѣдней комнатѣ,—нашихъ морскихъ офицеровъ пріѣхавшихъ сюда верхами. Нѣмцы, какъ всегда и вездѣ, не обошлись, конечно, безъ „Hoch!“ въ честь Бисмарка и прочихъ, и проорали полупьяными голосами весь репертуаръ своихъ воинственно-патріотическихъ пѣсенъ, а въ заключеніе затѣяли ссору съ хозяевами гостиницы изъ-за грошоваго счета. Не знаю чѣмъ у нихъ кончилось, потому что мы предпочли удалиться чтобы не отравлять себѣ удовольствія видомъ этихъ господъ съ ихъ пивнымъ, назойливымъ восторгомъ.

Мѣстечко не велико, но, какъ и всѣ японскія мѣстечки, разбито, по возможности, на правильные кварталы; улицы въ немъ достаточно широки, вытянуты въ линію, отлично шоссированы, снабжены дренажными канавками, даже освѣщаются европейскими фонарями и вообще содержатся въ полномъ порядкѣ. Попадается довольно много двухъэтажныхъ каменныхъ и начисто выбѣленныхъ домовъ; въ каждомъ домикѣ непремѣнно какая-нибудь лавочка. Предъ чайными и съѣстными заведеніями много дженерикшей,—даже слишкомъ много для такого маленькаго мѣстечка. На склонахъ холмовъ окружающихъ Тогицу виднѣются кладбища съ гранитными монументами. Чтобы познакомиться съ мѣстечкомъ достаточно проѣхаться по любой изъ его улицъ, совершенно похожихъ одна на другую. Больше въ немъ дѣлать нечего, и мы

рѣшительно не знали бы какъ убить время пока не отдохнутъ курама̀, еслибы на наше счастье не узнали что здѣсь, по случаю недѣльнаго праздничнаго дня (*рейбисъ*), дается сегодня большое театральное представленіе какою-то труппой странствующихъ актеровъ.

Еще на пути сюда мы нагнали по дорогѣ театральнаго герольда, замѣняющаго собственною особой печатныя афиши. Онъ былъ одѣтъ въ узкіе обтяжные штаны и въ какую-то красную, расшитую золотомъ накидку, очевидно изъ числа театральныхъ костюмовъ, наброшенную на голыя плечи. На головѣ его красовалась фантастически убранная перьями и лентами широкополая шляпа, а къ поясу былъ прицѣпленъ барабанъ. Подходя къ жилымъ мѣстамъ, герольдъ начиналъ выколачивать на немъ дробь чтобъ обратить на себя вниманіе, и затѣмъ во всеуслышаніе провозглашалъ декламаторскимъ тономъ широковѣщательное объявленіе о всѣхъ подробностяхъ предстоящаго спектакля. Это здѣсь обычный у бродячихъ провинціальныхъ артистовъ способъ оповѣщать сельскую публику о времени, мѣстѣ и характерѣ представленія.

Мы не имѣли еще понятія объ японскихъ сельскихъ театрахъ, и потому съ удовольствіемъ воспользовались случаемъ посмотрѣть что̀ это такое. Намъ указали дорогу къ одному храмику на окраинѣ мѣстечка, гдѣ среди зеленой лужайки наскоро была сооружена продолговатая четырехъугольная загородка изъ тростниковыхъ матъ и легкихъ цѣновокъ прикрѣпленныхъ къ бамбуковымъ устоямъ и перекладинамъ. Партеръ располагался прямо на землѣ, гдѣ для удобства зрителей было разостлано нѣсколько дешевыхъ цѣновокъ, а съ обоихъ боковъ имѣлись даже ложи и подъ ними—галлереи. Ложи состояли изъ приподнятаго на высоту трехъ аршинъ досчатаго помоста, окруженнаго спереди бамбуковыми перилами и подѣленнаго внутри бамбуковыми же барьерчиками на отдѣльныя, довольно тѣсныя помѣщенія. Къ нимъ вели двѣ приставныя лѣстницы. Театръ былъ открытый, безъ кровли, но надъ ложами подѣланы цѣновочные навѣсы для защиты отъ дождя и солнца. Галлерейные зрители, какъ занимающіе самыя дешевыя мѣста, должны были смотрѣть на представленіе стоя. Устройство сцены въ родѣ того какое въ токійской Сибайѣ, но безъ ея механическихъ приспособленій, за исключеніемъ двухъ люковъ, необходимыхъ для проваловъ и изрыганія адскаго пламени. Приподнятый

досчатый помостъ сцены отдѣлялся отъ партера цѣновочными ширмами, скрывавшими отъ зрителей подполье, гдѣ, по-походному, были устроены уборныя и располагалась вся бутафорская часть. Внѣшнія боковыя кулисы тоже цѣновочныя. Раздвижной занавѣсъ—изъ сшивныхъ полотнищъ лиловой крашенины, на которыхъ нашиты бѣлые китайскіе знаки. Надъ нимъ, по серединѣ верхней перекладины, прибитъ размалеванный картонный драконъ, грозно осклабившійся на зрителей. Вотъ и все. Театръ былъ переполненъ сельскою публикой, относившеюся къ зрѣлищу съ дѣтски простодушнымъ восторгомъ. Иные во время самаго представленія очень наивно вступали въ объясненія и разговоры съ дѣйствующими лицами, и вся публика вообще принимала самое живое участіе въ піесѣ, громко выражая свое сочувствіе добродѣтели и негодованіе пороку, причемъ выраженіе этихъ чувствъ относилось непосредственно къ самимъ исполнителямъ. Чѣмъ лучше игралъ какой-либо актеръ порочнаго злодѣя, тѣмъ больше ругала его публика, и чѣмъ громче плакала угнетенная невинность, тѣмъ сердечнѣе было сожалѣніе о ней зрителей, изъ коихъ нѣкоторые пытались даже раскрывать ей истину, объясняя всю суть направленной противъ нея злодѣйской интриги и указывая виновниковъ оной. Здѣсь порицали или хвалили не самую игру, а тѣ идеи и положенія какія представляла зрителю піеса. Такое непосредственное отношеніе къ дѣлу и это дѣтски-наивное простосердечіе было даже умилительно, хотя и не лишено своей доли комизма. Мы заплатили за входъ по пятнадцати центовъ, и за это намъ были предоставлены лучшія мѣста въ партерѣ, впереди прочей публики, куда принесли нарочно для насъ даже буковые стулья; но именно поэтому самому, чтобы не заслонять собою сцены отъ ниже сидящихъ зрителей, мы предпочли расположиться позади ихъ, неподалеку отъ входа. Попали мы сюда къ концу піесы, и потому я не могу разказать ея содержаніе; но слѣдующая затѣмъ одноактная комедія была выслужена нами до конца, и сюжетъ ея, при помощи переводчика и собственныхъ глазъ, усвоенъ нами настолько обстоятельно что я могу довольно подробно передать его сущность.

Называется эта піеса *Гроза*. Дѣйствіе, по объясненію спеціальнаго сценическаго пояснителя или хорага, происходитъ на какой-то горѣ, около водопада, гдѣ подвизается нѣкій буддійскій бонза-отшельникъ, по имени Наруками. Нѣкогда

онъ занималъ почетное мѣсто при императорскомъ дворѣ, но микадо прогналъ его за какую-то неблаговидную продѣлку. Оставивъ дворъ, Наруками удалился на пустынную гору и построилъ себѣ келью близь водопада, гдѣ еще раньше находилась старая буддійская часовня. Поселился онъ въ этой пустынѣ, не столько ради спасенія души и приготовленія ея къ нирванѣ, сколько для того чтобы мстить императору за свою обиду. Средствомъ этого мщенія онъ выбралъ бездождіе, которое должно было породить засуху во всей имперіи. Такимъ образомъ, за обиду нанесенную государемъ страны должны были платиться всѣ его подданные. Но какимъ образомъ вызвать бездождіе? На этотъ счетъ японская космологія не затрудняется отвѣтомъ. Все дѣло въ драконѣ *Татсъ-маки*, такъ какъ дождь зависитъ исключительно отъ его произволенія, и не только дождь, но и всѣ соединенныя съ нимъ атмосферическія явленія. Тотсъ-маки обыкновенно скрывается на днѣ моря, въ пещерахъ, но иногда ему вдругъ приходитъ фантазія подняться на поверхность воды, — тогда идетъ дождь. Если же что-нибудь разсердитъ дракона, или онъ просто захочетъ поразмять свои крылья и вздумаетъ поэтому взлетѣть къ небесамъ, то полетъ его производитъ въ воздухѣ такое смятеніе, соединенное съ вихремъ, бурей и грозой, что на все живущее въ природѣ нападаетъ ужасъ. Явленіе *тайфуна* (циклонъ), равно какъ и явленіе морскихъ смерчей—это прямыя послѣдствія его полета. Впрочемъ, мудрѣйшіе и ученѣйшіе изъ бонзъ имѣютъ съ Татсъ-маки таинственныя сношенія и могутъ даже посредствомъ извѣстныхъ имъ заклинаній подчинять его своей власти. Наруками былъ изъ числа этихъ мудрѣйшихъ. Задумавъ мстить императору бездождіемъ, онъ вызвалъ къ себѣ Татсъ-маки. Это было ему тѣмъ легче что драконъ, соскучась въ своихъ морскихъ пещерахъ, любилъ иногда переселяться, какъ на дачу, въ бассейнъ пустыннаго водопада, гдѣ по сосѣдству обиталъ и Наруками. Вызвавъ его на сушу, мудрый бонза завлекъ страшилище въ старую часовню, подъ предлогомъ пріятнаго отдыха, и во время сна заточилъ его въ ней. Дѣлается это тоже очень просто: достаточно предъ запертою дверью протянуть снаружи освященную веревку изъ рисовой соломы, украшенную дзинадзами и соломенными кистями-подвѣсками, привязавъ оба конца ея къ двумъ переднимъ колонкамъ чтобы драконъ уже никакъ не могъ выйти изъ заточенія. Продѣ-

лавъ съ Татсъ-маки такую коварную штуку, Нарукамп самолично сталъ караулить его день и ночь подлѣ часовни. Главное, надо было смотрѣть чтобы кто-нибудь не развязалъ или не перерѣзалъ магическую веревку, такъ какъ въ этомъ случаѣ драконъ отъ скуки тотчасъ же взлетитъ на небо, и тогда конецъ бездождію. И вотъ мудрѣйшій Нарукамп подвизается дни и ночи на ступеняхъ часовни, проводя все время въ строгомъ постѣ, молитвахъ и священныхъ омовеніяхъ. Между тѣмъ микадо дознался о причинѣ засухи и, удрученный заботами о бѣдствующемъ народѣ, совѣщался не только съ министрами и жрецами, но и съ простыми смертными о томъ какъ избавиться отъ такого необычайнаго несчастія. Тогда одна изъ придворныхъ фрейлинъ, молодая и красивая Таема, самоотверженно вызвалась спасти государя и страну отъ бѣдствія. Зритель узнаетъ обо всѣхъ этихъ событіяхъ изъ декламаторскаго разказа хорага, который сидитъ на корточкахъ позади правой кулисы, предъ музыкантами. Сцена представляетъ горные утесы. На лѣвой сторонѣ намалеванъ ниспадающій со скалы водопадъ, а надъ нимъ стоитъ часовня запечатлѣнная священною веревкой. Съ правой стороны, на поверхности утеса находится площадка, гдѣ поставленъ столикъ на которомъ горитъ священный огонь, а предъ нимъ—жаровня (хибачъ) наполненная углями для поддержанія этого огня.

Дѣйствіе начинается съ того что на сцену являются четверо бритоголовыхъ учениковъ мудраго Наруками и не безъ комизма изображаютъ какъ они, тайно отъ учителя, приносятъ сюда подъ полой кувшины съ саки и закуски изъ рыбьяго мяса, употребленіе котораго строжайше воспрещено бонзамъ по ихъ духовнымъ законамъ. Испивая и закусывая съ оглядкой, они жалуются на Наруками за то что изъ-за его каприза приходится имъ теперь жить на безлюдьи и пропадать въ такой противной трущобѣ. Но вотъ раздается приближающійся звукъ маленькаго ручнаго колокольчика, и послушники спѣшатъ запрятать въ кусты свои запретныя угощенія. Является Нарукамп съ великопостною миной суроваго подвижника, въ полномъ облаченіи своего духовнаго сана, съ посохомъ и колокольчикомъ въ рукахъ. Весь проникнутый собственною важностью и святостью своего сана, онъ сначала любуется красотой природы, изливаетъ свои чувства въ высокопарныхъ стихахъ, а затѣмъ величественно всходитъ на

конечно, на взаимную съ его стороны поддержку и находя въ немъ противовѣсъ вліянію кіотскихъ микадо, всегда обязательно исповѣдывавшихъ древній національный культъ *ками (синто)* и являющихся даже его первосвященниками. Но тутъ вотъ что̀ замѣчательно: сельскій людъ, который не безъ усердія ставитъ и поддерживаетъ на своихъ земляхъ буддійскія божнички и часовни, заходитъ въ храмы, молится и жертвуетъ на нихъ доброхотную копѣйку, — этотъ самый сельскій людъ отъ души хохочетъ въ театрѣ надъ сатирическимъ изображеніемъ духовнаго лица, и религіозное чувство его нисколько не возмущается тѣмъ что тутъ профанируются на сценѣ священныя облаченія и прочіе аттрибуты его религіознаго культа. Слѣдуетъ ли отнести это къ явленіямъ религіознаго индифферентизма? Поощряетъ ли такія проявленія правительство или только игнорируетъ ихъ? И дѣлаетъ ли оно это съ извѣстною цѣлью, или же безсознательно? Эме Ӭмберъ, около двадцати лѣтъ назадъ, еще до революціи 1868 года, замѣчалъ что Японскій народъ любитъ шутить надъ самыми любимыми изъ своихъ божествъ, каковы „семь боговъ счастья“, даже надъ тѣми которыхъ онъ создалъ по своему образу и подобію, безо всякаго вмѣшательства офиціальнаго культа съ его Ками и Буддой, „потерявшими для Японцевъ всякую прелесть“, и потому эти самые боги нерѣдко являются у него въ добродушныхъ каррикатурахъ. „Едва ли найдется, говоритъ тотъ же авторъ, на всемъ земномъ шарѣ народъ который бы до такой степени отрѣшился отъ своихъ древнихъ вѣрованій и который бы такъ насмѣхался надъ религіей и моралью своихъ жрецовъ, какъ народъ населяющій острова Восходящаго Солнца. Этотъ народъ, пребывающій въ состояніи младенчества, если судить по внѣшнимъ признакамъ, въ сущности щедро одаренъ умомъ, который обнаруживается даже въ его общественныхъ увеселеніяхъ и еще болѣе въ его каррикатурахъ религіознаго содержанія.“ Послѣднія, по мнѣнію Ӭмбера, не что̀ иное какъ тайный протестъ противъ старыхъ боговъ и безмолвное поклоненіе невѣдомому богу. Если это такъ, то японскій религіозный индифферентизмъ становится понятенъ, и даже кажущееся противорѣчіе между его проявленіями съ одной и поклоненіемъ храмовымъ божествамъ съ другой стороны можетъ быть объяснено отчасти народными суевѣріями, отчасти преемственною привычкой, по преданію, къ извѣстнымъ

телей монашескаго цѣломудрія. Таема дѣлаетъ видъ будто она изумлена и поражена его недостойными подозрѣніями и высказываетъ что ей и такъ постыла жизнь безъ любимаго мужа, что если, къ довершенію всѣхъ ударовъ судьбы, ее теперь подозрѣваютъ еще въ недостойномъ умыслѣ, то лучше ей покончить съ собой, лучше сейчасъ же броситься въ этотъ водопадъ и найти себѣ смерть въ его кипящихъ волнахъ,— и она съ видомъ отчаянія бѣжитъ къ потоку. Такая рѣшимость испугала и тронула Наруками. Онъ бѣжитъ вслѣдъ за дѣвушкой, настигаетъ и удерживаетъ ее уже на краю пропасти. Наруками начинаетъ убѣждать ее что самоубійство самый нелѣпый и самый грѣховный исходъ изъ жизненныхъ затрудненій, и что если ужь ей такъ надоѣла мірская жизнь, то простѣйшее средство — отречься отъ нея, для этого стóитъ лишь поступить въ монахини, и онъ краснорѣчиво принимается доказывать ей всѣ преимущества монашеской жизни и пользу созерцательнаго существованія для спасенія души. Таема дѣлаетъ видъ будто мало-по-малу поддается его убѣжденіямъ и наконецъ заявляетъ что готова на это, что во глубинѣ души у нея давно уже мелькала мысль о монастырѣ, но только до сихъ поръ случай не сводилъ ея съ достойнымъ бонзой который взялся бы постричь ее. Она кидается на колѣни и съ увлеченіемъ проситъ Наруками постричь ее сейчасъ же. Бонза изъявляетъ свое согласіе. Но тутъ является маленькое затрудненіе: для пострига необходимы ножницы и бритва *, а ихъ нѣтъ у Наруками. Какъ быть? Таема подаетъ мысль, нельзя ли послать за тѣмъ и другимъ въ ближайшую деревню? Прекрасно. Наруками отдаетъ одному изъ послушниковъ соотвѣтственное приказаніе, но тотъ трусоватъ и боится идти одинъ, ссылаясь на пустынность мѣстности, посѣщаемой порой злыми духами, и на то что уже смеркается. Чтобъ ободрить его, бонза командируетъ вмѣстѣ съ нимъ другаго ученика; но и этотъ отговаривается, приводя

* Въ Японіи буддійскій обрядъ постриженія въ монашество лицъ обоихъ половъ состоитъ въ томъ что послѣ извѣстнаго предварительнаго искуса, мущинамъ обрѣзываютъ *менго* (косицу на темени), а женщинамъ всѣ волосы, послѣ чего тѣмъ и другимъ брѣютъ на голо всю голову и окропляютъ священною водой; затѣмъ новопостриженныхъ облекаютъ въ монашескій костюмъ и вручаютъ имъ посохъ и четки, какъ знакъ ихъ духовнаго чина.

тѣ же причины. Тогда Наруками приказываетъ идти съ ними и третьему, а четвертаго, который похрабрѣе остальныхъ, посылаетъ въ сосѣдній монастырь за четками. Такимъ образомъ всѣ ученики расходятся. Таема, оставшись наединѣ съ Наруками, возвращается къ своему разказу о покойномъ мужѣ и сквозь слезы описываетъ его предсмертныя страданія. Воспоминаніе объ этомъ производитъ на нее столь сильное впечатлѣніе что съ нею дѣлается истерическій припадокъ. Она съ воплями падаетъ на землю, рыдаетъ, хохочетъ и рветъ на себѣ какъ бы душащее ее платье. Растерявшійся бонза не знаетъ что̀ дѣлать и бѣжитъ за кропиломъ, думая облегчить ея страданія освященною водой. Но вода не вполнѣ помогаетъ. Таема хотя и приходитъ нѣсколько въ себя, однако продолжаетъ жаловаться на сильное стѣсненіе въ груди и умоляетъ бонзу растереть ей грудь рукой. Тотъ безпрекословно исполняетъ ея просьбу, и Таема отъ дѣйствія этого массажа мало-по-малу успокоивается, впадая въ нѣкоторое забытье, и только время отъ времени проситъ его слабымъ голосомъ: „Три... три еще, святой отшельникъ... три крѣпче... не переставай, мой добрый наставникъ“. Между тѣмъ Наруками, коснувшись ея тѣла, невольно начинаетъ увлекаться его красотой. Сначала онъ старается отогнать отъ себя грѣшные помыслы, но искушеніе оказывается сильнѣе его воли, и онъ, почти незамѣтно для самого себя, начинаетъ поддаваться ему все больше и больше, и тутъ приходитъ ему соблазнительная мысль почему бы и въ самомъ дѣлѣ не обладать такимъ прелестнымъ существомъ, которое къ тому же такъ одиноко и такъ несчастно... Почему бы ему и не назвать ее своею женой, тѣмъ болѣе что, будучи вдовой, она можетъ совершенно свободно располагать своими чувствами?... Онъ начинаетъ увлекаться этою мыслью, и воображеніе рисуетъ ему цѣлый рядъ соблазнительныхъ картинъ семейнаго счастія и прелестей взаимной любви. Между тѣмъ Таема, подъ успокоительнымъ дѣйствіемъ его манипуляцій, забылась сномъ, а Наруками, то похаживая осторожно около нея на цыпочкахъ и любуясь ея красотой, то присѣдая передъ ней на корточки и слегка помахивая въ лицо ей вѣеромъ, продолжаетъ вслухъ свои мечтанія и разными жестами и мимикой выражаетъ спящей красавицѣ свои нѣжныя чувства. Принимая во вниманіе его духовный санъ и полное облаченіе, сцена эта выходитъ только комична, и публика, конечно, смѣется, тѣмъ болѣе что актеръ въ самомъ дѣлѣ играетъ свою роль не дурно.

Но вотъ Таема тихо просыпается и лежа смотритъ безмолвно на бонзу, который такъ увлекся мечтами что не замѣчаетъ этого и продолжаетъ въ восторгѣ свои нѣжно пламенныя изліянія. Дѣвушка приподымается на локтѣ и устремляетъ на него недоумѣвающій взоръ.—„Что̀ это съ вами, мой святой наставникъ?“ спрашиваетъ она его удивленнымъ тономъ. Захваченный врасплохъ, Наруками сначала смѣшался, а затѣмъ съ оника объявляетъ что онъ влюбленъ какъ котъ и хочетъ сдѣлаться разстригой чтобы жить и наслаждаться жизнью... „Ну ихъ къ праху эти четки, этотъ посохъ и постъ и всѣ скучныя книги и подвиги самоуглубленія!... Не хочу ихъ больше! Хочу жениться!“—„На комъ, мой достойный подвижникъ?“—„На тебѣ, чортъ возьми! На тебѣ моя вдовица! мой перлъ, мое очарованіе!“ И бонза въ страстномъ порывѣ кидается къ ней въ объятія, но Таема устраняетъ его и начинаетъ усовѣщивать, напоминая что не далѣе какъ полчаса назадъ онъ самъ такъ убѣдительно уговаривалъ ее отрѣчься отъ міра. Нарукамп объявляетъ что все это было заблужденіе, вздоръ, одна только глупость и принимается теперь доказывать ей совершенно противное. Онъ умоляетъ дѣвушку сдаться на его предложеніе; но та долго не соглашается. Тогда бонза начинаетъ грозить ей что призоветъ на ея голову всѣ кары небесныя, что повелѣвая самимъ великимъ дракономъ Татсъ-маки, онъ громомъ и молніей разрушитъ всю Японію и лучше пусть самъ погибнетъ въ этомъ водопадѣ чѣмъ будетъ влачить существованіе безъ ея взаимности. Таема, будто бы устрашенная всѣми этими угрозами, сдается наконецъ на его предложеніе. Бонза въ восторгѣ. Теперь все дѣло только въ обрядѣ брачнаго союза, но онъ у японскихъ буддистовъ вообще весьма не сложенъ, а по нуждѣ и тѣмъ болѣе. Все дѣло лишь въ томъ что женихъ и невѣста должны въ три поочередные пріема распить брачное саки изъ одной и той же чаши, и разъ это сдѣлано, бракъ считается законнымъ. Но Таема въ затрудненіи гдѣ добыть саки? „О, я на этотъ счетъ умнѣй своихъ учениковъ, объясняетъ Наруками: они думаютъ что надуваютъ меня когда тайкомъ приносятъ сюда саки и закуски, а я въ свою очередь тайкомъ замѣчаю куда они ихъ прячутъ, и не говоря худаго слова, въ удобную минуту пользуюсь втихомолку тѣмъ и другимъ, а они, дураки, пускай себѣ думаютъ другъ на друга.“ И онъ достаетъ изъ-подъ куста кувшинъ запрятаный учени-

ками. „Вотъ она, драгоцѣнная влага! Садись противъ меня и совершимъ обрядъ супружескаго союза!“ Таема опускается на землю и дѣлаетъ ему, согласно церемоніалу, привѣтственный земной поклонъ; Нарукамп отвѣчаетъ ей тѣмъ же, произнося положенныя по буддійскому ритуалу клятвы супружеской вѣрности, и затѣмъ оба садятся другъ противъ друга, касаясь одинъ другаго колѣнками, и начинаютъ распивать саки. Сначала Нарукамп, отливъ изъ кувшина, подноситъ его къ устамъ невѣсты, потомъ она, принявъ сосудъ отъ жениха, дѣлаетъ то же самое въ отношеніи его, и такъ далѣе. Таема нарочно заставляетъ бонзу лить больше, для того, какъ говоритъ она, чтобы брачный союзъ ихъ былъ крѣпче. Но его не надо упрашивать долго; онъ радъ что дорвался до запретнаго напитка и усердно тянетъ его изъ горлышка. Обрядъ завершается брачнымъ поцѣлуемъ. Вскорѣ хмельное саки оказало свое дѣйствіе на бонзу, и онъ пускается въ плясъ предъ воображаемою супругой, но его уже шатаетъ изъ стороны въ сторону, ноги заплетаются, языкъ бормочетъ безсвязныя слова, и наконецъ, потерявъ равновѣсіе, Нарукамп шлепается на землю и засыпаетъ. Тогда Таема спѣшитъ взобраться на утесъ, бѣжитъ къ часовнѣ, перерѣзываетъ карманнымъ кинжаломъ священную веревку и отпираетъ двери храмика. Въ тотъ же мигъ оттуда вырывается молніеносная вспышка пламени, и грозный картонный драконъ Татсъ-маки, со свистомъ и шипѣньемъ приплаженныхъ къ нему маленькихъ ракетокъ и фейерверочныхъ хлопушекъ, стремительно летитъ черезъ всю сцену и взвивается къ небу. Блескъ молній и удары театральнаго грома немедленно же возвѣщаютъ о появленіи на небѣ освобожденнаго чудовища. Начинается страшная гроза и буря, сопровождаемая свистомъ и воемъ вѣтра,—словомъ, полный *тайфунъ*. Таема распускаетъ свой дождевой зонтикъ, и приблизясь къ спящему Нарукамп, извиняется предъ нимъ въ томъ что послужила причиной его соблазна и такъ жестоко обманула его,—„но вѣдь это сдѣлано во имя государственнаго и народнаго блага“, такъ пусть же эта высокая цѣль служитъ ей оправданіемъ и передъ людьми и передъ небомъ! Нарукамп однако спитъ такъ крѣпко что не слышитъ не только ея извиненій, но и страшныхъ раскатовъ грома раздающихся надъ его головой. Таема, прикрываясь зонтомъ отъ проливнаго дождя, поспѣшно удаляется со сцены. Вслѣдъ за ея уходомъ появляются измоченные ученики, не постигая откуда вдругъ

могла явиться возможность такой ужасной грозы когда Татсъ-маки сидитъ подъ арестомъ у ихъ святѣйшаго наставника. Но каково же ихъ смущеніе, когда одинъ изъ нихъ случайно замѣчаетъ что священная веревка перерѣзана и двери часовни раскрыты. Неужели самъ учитель рѣшился выпустить дракона? И гдѣ онъ, наконецъ, этотъ учитель? Куда онъ дѣвался? Они начинаютъ искать и кликать Нарукамм, и вдругъ, къ величайшему своему удивленію, видятъ что мудрѣйшій изъ мудрѣйшихъ и преславнѣйшій наставникъ ихъ распростертъ на землѣ въ безобразномъ видѣ, рядомъ съ ихъ опорожненнымъ кувшиномъ. Ученики начинаютъ энергически будить его, и когда Нарукамм приходитъ наконецъ въ сознаніе, онъ съ ужасомъ узнаетъ и видитъ послѣдствія своего грѣховнаго увлеченія. Онъ разражается проклятіями, въ отчаяніи рычитъ и вопитъ, бьетъ себя кулаками, рветъ на себѣ свои священныя облаченія,—все дѣло его мщенія пропало. Татсъ-маки не поддастся вторично на заклинанія, и наконецъ эта женщина, ради которой онъ преступилъ всѣ заповѣди своего сана, обманула и погубила его. Но нѣтъ, Нарукамм еще поборется, онъ призоветъ къ себѣ на помощь всѣ силы ада, всѣхъ воздушныхъ, подводныхъ и подземныхъ духовъ,—онъ требуетъ, онъ призываетъ и заклинаетъ ихъ явиться къ нему немедленно, и вотъ подъ нимъ вдругъ разверзается земля, въ видѣ театральнаго люка, и старый грѣшникъ проваливается въ преисподнюю, изъ которой показываются языки адскаго пламени.

На этомъ и кончается піеса. Разыграна она была, для бродячей провинціальной труппы, очень не дурно, бойко, живо, съ отчетливымъ знаніемъ своей роли каждымъ исполнителемъ, и публика осталась ею вполнѣ довольна. Но независимо отъ игры и обстановки, конечно не отличайшейся роскошью, самая піеса, по своему смыслу и содержанію, возбудила въ насъ нѣсколько, такъ-сказать, вопросительныхъ знаковъ. Правительственная цензура, какъ видно, не стѣсняетъ ни авторовъ, ни актеровъ въ изображеніи и осмѣяніи буддійскаго духовенства, несмотря на то что закону Будды слѣдуетъ почти вся Японія. Можетъ-быть, это одна изъ множества мѣръ политической борьбы нынѣшняго правительства противъ общественныхъ остатковъ сёгунальнаго режима, такъ какъ извѣстно что сёгуны преимущественно держались буддизма и всячески ему покровительствовали, разчитывая,

конечно, на взаимную съ его стороны поддержку и находя въ немъ противовѣсъ вліянію кіотскихъ микадо, всегда обязательно исповѣдывавшихъ древній національный культъ *ками* (*синто*) и являющихся даже его первосвященниками. Но тутъ вотъ что̀ замѣчательно: сельскій людъ, который не безъ усердія ставитъ и поддерживаетъ на своихъ земляхъ буддійскія божнички и часовни, заходитъ въ храмы, молится и жертвуетъ на нихъ доброхотную копѣйку, — этотъ самый сельскій людъ отъ души хохочетъ въ театрѣ надъ сатирическимъ изображеніемъ духовнаго лица, и религіозное чувство его нисколько не возмущается тѣмъ что тутъ профанируются на сценѣ священныя облаченія и прочіе аттрибуты его религіознаго культа. Слѣдуетъ ли отнести это къ явленіямъ религіознаго индифферентизма? Поощряетъ ли такія проявленія правительство или только игнорируетъ ихъ? И дѣлаетъ ли оно это съ извѣстною цѣлью, или же безсознательно? Эме Эмберъ, около двадцати лѣтъ назадъ, еще до революціи 1868 года, замѣчалъ что Японскій народъ любитъ шутить надъ самыми любимыми изъ своихъ божествъ, каковы „семь боговъ счастья“, даже надъ тѣми которыхъ онъ создалъ по своему образу и подобію, безо всякаго вмѣшательства офиціальнаго культа съ его Ками и Буддой, „потерявшими для Японцевъ всякую прелесть“, и потому эти самые боги нерѣдко являются у него въ добродушныхъ каррикатурахъ. „Едва ли найдется, говоритъ тотъ же авторъ, на всемъ земномъ шарѣ народъ который бы до такой степени отрѣшился отъ своихъ древнихъ вѣрованій и который бы такъ насмѣхался надъ религіей и моралью своихъ жрецовъ, какъ народъ населяющій острова Восходящаго Солнца. Этотъ народъ, пребывающій въ состояніи младенчества, если судить по внѣшнимъ признакамъ, въ сущности щедро одаренъ умомъ, который обнаруживается даже въ его общественныхъ увеселеніяхъ и еще болѣе въ его каррикатурахъ религіознаго содержанія.“ Послѣднія, по мнѣнію Эмбера, не что̀ иное какъ тайный протестъ противъ старыхъ боговъ и безмолвное поклоненіе невѣдомому богу. Если это такъ, то японскій религіозный индифферентизмъ становится понятенъ, и даже кажущееся противорѣчіе между его проявленіями съ одной и поклоненіемъ храмовымъ божествамъ съ другой стороны можетъ быть объяснено отчасти народными суевѣріями, отчасти преемственною привычкой, по преданію, къ извѣстнымъ

народнымъ бытовымъ празднествамъ и религіознымъ обрядамъ. То-есть, это значитъ что тутъ уцѣлѣли еще форма и внѣшность, тогда какъ внутренній духъ, создавшій и наполнявшій ее, давно уже отсутствуетъ. Съ этой стороны такому религіозному индифферентизму можно бы только радоваться, такъ какъ онъ служитъ лучшимъ показателемъ что при своихъ врожденныхъ добрыхъ и честныхъ качествахъ, японскій народъ уже представляетъ собою готовую почву для воспріятія вѣры Христовой, и что всѣ бывшія доселѣ гоненія на мѣстныхъ христіанъ были дѣломъ не народнаго фанатизма, а лишь правительственнымъ мѣропріятіемъ изъ чисто политическихъ цѣлей, да еще слѣдствіемъ интригъ синто-буддійскаго духовенства, опасавшагося вторженія новой религіи изъ-за своихъ матеріальныхъ интересовъ.

Но возвращаюсь къ піесѣ. Осмѣивая въ лицѣ Наруками буддійское духовенство, она въ то же время не грѣшитъ противъ нравственнаго чувства вообще, такъ какъ порокъ и нарушеніе принятыхъ на себя обѣтовъ несетъ въ ней заслуженное наказаніе, и кромѣ того, въ основѣ ея лежитъ несомнѣнно идея патріотическаго долга: Таема добровольно беретъ на себя рискованную миссію къ Наруками чтобы помочь своему государю и странѣ, во имя, какъ говоритъ она сама, государственнаго и народнаго блага. И эта-то идея долга,—будетъ ли то долгъ чести, долгъ дружбы, даннаго слова, семейныхъ обязанностей или долгъ патріотизма,—является, какъ мнѣ кажется, преобладающею идеей литературныхъ и драматическихъ произведеній Японіи. Нельзя не отмѣтить это какъ черту весьма характеристичную.

17е мая.

Сегодня съ утра отправились мы съ И. И. Зарубинымъ и А. С. Просинскимъ въ мѣстечко Моги, лежащее къ востоку отъ Нагасаки, въ Симодскомъ заливѣ. Курама довезли насъ въ дженерикшахъ до нагасакскаго предмѣстья Гунгоци, около нагорныхъ кладбищъ, гдѣ пришлось на нѣкоторое время остановиться чтобы подождать пока придутъ нанятые для насъ носильщики съ *каго*. Присѣли мы на ступеньки наружной галлереи какого-то трактирчика, куда старичекъ-хозяинъ тотчасъ же принесъ намъ обязательное угощеніе японскимъ чаемъ. Въ этомъ же помѣщеніи находится у него и лавочка дорожныхъ вещей, гдѣ я купилъ себѣ большой

японскій зонтикъ изъ *абураками* * и заплатилъ за него всего 35 центовъ, тогда какъ въ городѣ купцы, вкусившіе отъ европейской „цивилизаціи“ и перенявшіе отъ цивилизаторовъ пріемы торговли, заламываютъ за точно такіе же зонтики отъ полутора іена до одного доллара. Зонтикъ этотъ очень пригодился въ пути и отъ жгучаго солнца, и отъ проливнаго дождя, какимъ вдругъ наградила насъ на нѣсколько минутъ невѣсть откуда набѣжавшая тучка. Остановка наша была непродолжительна, но очень пріятна. Вблизи раздавался рокочущій шумъ горной рѣчки, катившей по каменистому ложу свои быстрыя, пѣнистыя воды; направо, по сосѣдству, вся въ розовыхъ цвѣтахъ, красовалась на перекресткѣ дорогъ каменная часовенка съ изваяніемъ Будды, обставленная, по обыкновенію, свѣжими букетами въ бамбуковыхъ стаканахъ, а прямо, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ трактирчика, стояло высокое, красивое дерево, усѣянное большими нѣжно бѣлыми цвѣтами, имѣющими форму продолговатаго звѣздчатаго раструба.

Вскорѣ подошли носильщики, въ числѣ девяти человѣкъ, и притащили на себѣ три *каго*, въ которыхъ намъ и предстояло отправиться. Каго—это особый родъ носилокъ приспособленный именно для горныхъ путешествій. Они состоятъ изъ плоской плетеной корзинки съ высокою спинкой такихъ размѣровъ чтобы въ ней могъ помѣститься человѣкъ поджавъ подъ себя ноги и прислонясь затылкомъ къ спинкѣ. Къ угламъ корзины прочно придѣланы четыре бамбуковыя стойки на которыхъ лежитъ плоская, слегка выгнутая книзу крышка, а вдоль ея продѣвается сверху въ двѣ надежныя петли длинный, какъ оглобля, бамбуковый стволъ, лежащій на плечахъ двухъ носильщиковъ, передняго и задняго. Съ боковъ и спереди каго бываетъ обыкновенно открыта, но на случай солнца или дождя, въ ней есть подобранныя подъ крышку занавѣски изъ абураками. Сидѣніе покрыто плоскимъ простеганнымъ тюфячкомъ, а на спинкѣ — подушка. Я попробовалъ было усѣсться по всѣмъ правиламъ въ этотъ своеобразный экипажъ, но не выдержалъ и пяти минутъ: съ непривычки, вопервыхъ, затекаютъ ноги, а вовторыхъ, при малѣйшемъ неосторожномъ движеніи, то и дѣло стукаешься

---

* Особый родъ плотной промасленной бумаги, отличающейся своею непромокаемостью.

теменемъ въ низко поставленную крышку, и это потому что всѣ каго, разумѣется, приспособлены не на европейскій, а на японскій ростъ; для Японцевъ онѣ какъ разъ въ пору, а для насъ тѣсноваты. Я предпочелъ идти пѣшкомъ, да и остальные спутники вскорѣ послѣдовали моему примѣру; носильщиковъ же оставили мы при себѣ на всякій случай, имѣя въ виду возвращеніе позднею порой.

Дорога шла въ гору по каменнымъ ступенямъ, мимо холмовъ Гико-сана справа и чубатой вершины Хоква-сана слѣва. По склонамъ послѣдняго раскинулось одно изъ городскихъ предмѣстій. Тамъ виднѣется много пагодъ, кладбищъ и отдѣльныхъ домиковъ, группирующихся особыми кучками словно гнѣзда. Все это залито роскошнѣйшею кудрявою растительностію, въ которой вы встрѣчаете всѣ оттѣнки и свѣтовые переливы зеленаго цвѣта, отъ самаго свѣтлаго до густотемнаго, почти синяго, и на этихъ разнообразныхъ переходахъ зеленыхъ тоновъ какъ бы гигантскою кистью брызнуты яркія пятна розовыхъ и пунсовыхъ азалій, какихъ-то неизвѣстныхъ мнѣ голубыхъ и лиловыхъ цвѣтовъ, бѣлыхъ и чайныхъ розъ и другихъ цвѣточныхъ растеній, кустовъ и деревьевъ, и все это не въ видѣ точекъ какого-нибудь отдѣльнаго цвѣтка, котораго съ такого разстоянія и не замѣтилъ бы, а именно въ видѣ большихъ, широкихъ пятенъ, гдѣ нужны цѣлыя тысячи, даже десятки тысячъ густо и близко одинъ къ другому сидящихъ цвѣтковъ, чтобы получилась эта яркая одноцвѣтность, составляющая пятно той или другой окраски. Это, кажется, только въ одной Японіи и можно встрѣтить.

Между тѣмъ кремнистая грунтовая дорога, изрытая множествомъ глубокихъ водомоинъ, была просто ужасна, такъ что И. И. Зарубинъ вполнѣ справедливо далъ ей названіе „чортовой дороги“. Подъ плитами ея мѣстами журчитъ вода прикрытыхъ сверху оросительныхъ канавокъ... Идешь по камню, а подъ тобою, словно изъ-подъ земли, глухо раздается рокотъ быстро бѣгущихъ струй, которыя порой пробиваются наружу чтобы, сверкнувъ на солнцѣ и пробѣжавъ пять, шесть шаговъ, снова уйти подъ землю. Здѣсь намъ попались новые, не встрѣчавшіеся мнѣ до сихъ поръ виды вьюнковъ и ползучихъ растеній, мелкоцвѣтный бѣлый шиповникъ и еще какое-то растеніе, совсѣмъ похожее на нашу „мать и мачиху“, только съ огромными листьями. Разнообразныя ліаны

опутывали съ корней и до верхушки большія деревья и свѣшивались съ нихъ роскошными цвѣтущими гирляндами и хвостами. По сторонамъ пути, вездѣ и повсюду куда лишь хватаетъ глазъ, видишь обработанные клочки земли, непосредственно прилегающіе другъ къ другу и разграниченные каменными стѣнками, въ видѣ террасъ лежащихъ одна надъ другою. Хижины сельчанъ разбросаны повсюду. При дорогѣ время отъ времени встрѣчаются чайные домики и лавочки торгующія преимущественно соломенною обувью для людей и вьючныхъ животныхъ, а также фонтаны для водопоя и божнички. Въ одной изъ послѣднихъ стоитъ статуэтка богини Кваннонъ-сама, схватившаяся ладонью за щеку. Носильщики объясняютъ А. С. Просинскому, который прекрасно говоритъ по-японски, что ей обыкновенно молятся страдающіе зубною болью,—потому она и за щеку держится,—и увѣряютъ будто помогаетъ.

По пути мы встрѣтили, между прочимъ, цѣлый хороводъ молодыхъ деревенскихъ дѣвушекъ, разодѣтыхъ въ яркоцвѣтные киримовы, въ широкополыхъ соломенныхъ шляпахъ, изъ коихъ иныя были пригнуты къ ушамъ при помощи охватывающей ихъ поперекъ широкой ленты, завязанной бантомъ подъ подбородкомъ. Въ рукахъ у каждой изъ этихъ сельскихъ красавицъ непремѣнно былъ букетъ и длинный посохъ украшенный на верхнемъ своемъ концѣ пучками разныхъ лентъ, преимущественно розоваго цвѣта. У нѣкоторыхъ за спиною висѣлъ *самсинъ*, переброшенный черезъ плечо на шелковомъ шнуркѣ съ кистями, или на лентѣ. Шествовали дѣвицы очень чинно, по двѣ въ рядъ, распѣвая цѣлымъ хоромъ какую-то пѣсню, не отличавшуюся, впрочемъ, на нашъ вкусъ особенною мелодичностью. Я скорѣе всего позволилъ бы себѣ сравнить это пѣніе съ весеннимъ мяуканьемъ молодыхъ кошекъ, на которыхъ отчасти и походили эти красавицы съ ихъ остренькими подбородками и приподнятыми искоса къ верху глазами. Было ихъ тутъ штукъ до сорока, и отправлялся весь этотъ хороводъ, по случаю праздничнаго дня, въ Нагасаки, на людей посмотрѣть и себя показать, пошататься по лавкамъ и понакупить себѣ кое-какихъ нарядныхъ, но дешевыхъ бездѣлушекъ и лакомствъ. Говорятъ что такія прогулки въ городъ совершаются ими почти каждый праздникъ, и всегда не иначе какъ хороводомъ, для чего всѣ дѣвицы изъ окрестныхъ хуторовъ и селеній собираются въ

заранѣе назначенное по уговору мѣсто и идутъ оттуда сами, безо всякихъ опекуновъ и провожатыхъ. Не было еще случая чтобы кто-нибудь позволилъ себѣ обидѣть ихъ чѣмъ бы то ни было; напротивъ, встрѣчные мущины и даже носильщики тяжестей очень вѣжливо уступаютъ имъ дорогу и много-много если позволятъ себѣ перекинуться съ ними добродушно веселою шуткой. Точно такимъ же порядкомъ ходятъ онѣ и на богомолье, въ мѣста болѣе отдаленныя.

Наконецъ, вотъ и „пулъ горы“, по выраженію И. И. Зарубина. Послѣ добраго часа довольно медленнаго хода по тяжелой дорогѣ въ гору, мы достигли перевала, на которомъ нашли цѣлую рощу тѣнистыхъ старорослыхъ камелій. Это не то что наши тепличныя жиденькія деревца того же названія, а формальныя деревья, съ толстыми стволами въ полный охватъ,—просто роскошь, особенно раннею весной, когда всѣ онѣ усѣяны пышными цвѣтами. Далѣе съ перевала, уже по восточному склону хребта, пошла прелестная роща высокихъ, свѣтло-зеленыхъ бамбуковъ, и дорога вдругъ измѣнилась, стала очень удобною. Мѣстами она высѣчена въ скалѣ: у каменнаго кряжа отвоевано упорнымъ человѣческимъ трудомъ пространство въ полтора, два аршина шириной, которое и вьется въ видѣ карниза или бермы по самому краю горнаго ската, а подъ нимъ внизу все идутъ уступами террасы рисовыхъ, пшеничныхъ и иныхъ полей и плантацій. Пшеница не только уже созрѣла, но двѣ недѣли тому назадъ началась ея жатва; самую позднюю снимали нашего 9 мая. Сжавъ свое маленькое поле, Японецъ тутъ же, на нивѣ, отламываетъ руками каждый колосъ отъ стебля и тщательно собираетъ его въ кошницы. Обмолачиваютъ же пшеницу кто на поляхъ, а кто во дворѣ, при домѣ. Иные дѣлаютъ это по нашему способу — цѣпами, а другіе употребляютъ длинную палицу, въ родѣ булавы. Токъ окружаютъ обыкновенно цѣновочными ширмами, чтобы мякину не разносило вѣтромъ, такъ какъ она нужна въ хозяйствѣ на зимній кормъ скоту; солома тоже идетъ въ дѣло—на покрышку кровель, на плетенье матъ и цѣновокъ, на подстилку скоту или въ рѣзку для смѣси съ глиной, при выдѣлкѣ сырцовыхъ кирпичей и т. п. Работаютъ на току всею семьей, и всегда не иначе какъ нагишомъ—мущины, женщины и дѣти, прикрывая длиннымъ полотенцемъ *(фундуши)* или просто лоскутомъ бумажной матеріи лишь свои бедра. Таковъ уже обычай.

Около сельскихъ хижинъ, въ честь праздника молотьбы и сбора пшеницы, стоятъ глаголями по два, по три и по четыре высокіе бомбуковые шеста, воткнутые въ землю въ рядъ. На нихъ надѣваются длинныя полотнища бумажной матеріи разныхъ цвѣтовъ, а болѣе всего краснаго, бѣлаго и лиловаго, испещренныя крупными продольными надписями чернаго или бѣлаго цвѣта. Надписи обыкновенно выражаютъ привѣтствіе и благодарность богамъ семейнаго счастія, довольства и плодородія за ниспосланный урожай. На нѣкоторыхъ шестахъ такія полотнища подвѣшиваются и на подвижной скалкѣ, какъ штандарты или хоругви, и бываютъ нерѣдко разрисованы изображеніями разныхъ характерныхъ фигуръ и пейзажей. Кромѣ того, ко всѣмъ вообще такимъ шестамъ привѣшиваются вверху выпукло склеенныя изъ бумаги и разрисованныя красками изображенія рыбъ, въ особенности спеціально-японской рыбы *тай*, которыя оставляютъ на ниткѣ свободно качаться по вѣтру, а снизу подвѣшиваютъ къ полотнищамъ и шестамъ мѣдные бубенчики; колеблемые вѣтромъ, они ударяются о стволъ бамбучины и издаютъ тихіе, мелодическіе звуки. Не довольствуясь этими украшеніями, поселяне вѣнчаютъ еще шесты букетами цвѣтовъ и пучками длинныхъ лентъ изъ разноцвѣтной, золотой и серебряной бумаги. Въ тѣхъ семьяхъ гдѣ есть малолѣтнія дѣти, подъ большими штандартами обыкновенно втыкается въ землю рядъ такихъ же точно штандартовъ маленькихъ, игрушечныхъ. Это дѣлается ради дѣтей, дабы и они, со своей стороны, могли собственноручно поставить „священную жертву благодарности“ богамъ плодородія и жатвы.

Ровно на половинѣ пути отъ Нагасаки до Моги стоитъ чайный домъ, гдѣ обыкновенно и, можно сказать, почти обязательно отдыхаютъ путники и носильщики. Здѣсь отъ верхняго балкона перекинутъ черезъ дорогу жердяной навѣсъ, завитый вплошную густо облиствленными побѣгами какого-то неизвѣстнаго мнѣ растенія, вьющіеся стволы котораго расползаются во всѣ стороны, точно змѣи, отъ одного корявого, очень стараго, но все еще полнаго жизни корня. Мы расположились на отдыхъ въ его мягкой, сквозящей солнцемъ тѣни и напились японскаго чая „въ прикуску“, но вмѣсто сахара служили намъ сладкія, сухія печенья мѣстной пекарни. Удивительное дѣло, однако, этотъ японскій чай! Уже который разъ на самомъ себѣ замѣчаю я его благотворное

дѣйствіе: устанешь ли работать головой, достаточно выпить двѣ маленькія чашечки, и голова свѣжа для дальнѣйшей работы; почувствуешь ли физическое утомленіе отъ продолжительнаго и труднаго пути, какъ сегодня,—опять-таки тѣ же двѣ чашечки, и снова бодръ и свѣжъ, и готовъ на новый переходъ подобнаго же свойства. Въ большомъ количествѣ этотъ чай производитъ изжогу и разстраиваетъ нервы, но въ умѣренной дозѣ онъ быстро и необыкновенно освѣжаетъ ихъ и подымаетъ силы.

Тронувшись въ дальнѣйшій путь, мы повстрѣчали какого-то ученаго японскаго путешественника, очевидно изъ прогрессистовъ, потому что онъ былъ въ усахъ (Японцы стараго покроя никогда усовъ не носятъ) и съ отрощенными по всей головѣ волосами, имѣя къ тому же на носу золотые очки, но не круглой китайской, а обыкновенной европейской формы. Недоставало только европейскаго костюма, но безъ сомнѣнія онъ замѣнилъ его японскимъ лишь на время пути, для большаго удобства, и оставилъ на себѣ одну только бѣлую англійскую каску. Онъ сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги, въ открытой бамбуковой каго и читалъ какую-то толстую книгу, а за нимъ нѣсколько носильщиковъ тащили его чемоданы, и все шествіе замыкалъ молодой человѣкъ въ киримонѣ, секретарь ученаго. Теперь безпрестанно стали встрѣчаться намъ по дорогѣ навьюченные лошади, быки и буйволы; всѣ они въ соломенныхъ башмакахъ, что необходимо по здѣшнимъ дорогамъ, гдѣ этимъ животнымъ приходится шагать по кремнистому грунту и ступенямъ каменныхъ лѣстницъ. Послѣднее они исполняютъ очень ловко, видно что дѣло имъ привычное. Съ лѣвой стороны при каждомъ животномъ идетъ погонщикъ, ведущій его на вольномъ поводу (веревочномъ), который онъ забираетъ покороче только при встрѣчѣ съ иностранцами, такъ какъ животное, въ особенности быкъ, при непривычномъ ему видѣ Европейца, явно тревожится: озираясь на незнакомца недобрыми глазами, онъ отрывисто и тяжело испускаетъ дыханіе и начинаетъ бить себя хвостомъ по бедрамъ. Лошади при такихъ обстоятельствахъ ведутъ себя гораздо спокойнѣе. Здѣсь онѣ всѣ либо чалыя, либо буланыя, либо же бѣлыя, и въ послѣднемъ случаѣ непремѣнно альбиносы, съ блѣдно-голубыми глазами въ розовыхъ орбитахъ; у всѣхъ вообще волнистые хвосты и длинныя густыя гривы, преимущественно

бѣлыя. Быки же почти исключительно черной масти и нѣсколько похожи на буйволовъ, будучи, вѣроятно, помѣсью послѣднихъ. Для уравновѣшенія вьюка, когда одна сторона нагружена болѣе, на другую накладываются камни. Попадаются и пѣшеходы, идущіе по большей части вдвоемъ или втроемъ и всегда, повидимому, въ самомъ хорошемъ расположеніи духа.

Вскорѣ дорога втянулась въ красивое ущелье, гдѣ она идетъ мѣстами точно коридоромъ среди густѣйшихъ зарослей, образующихъ двѣ сплошныя стѣны и нерѣдко сплетающихся надъ головой густымъ сводомъ изъ перепутавшихся зеленыхъ вѣтвей и вьюнковыхъ побѣговъ. Растительность просто поражаетъ богатствомъ, разнообразіемъ и роскошью развитія своихъ формъ, среди которыхъ вы нерѣдко видите самыя неожиданныя сближенія. Такъ, напримѣръ, по одну сторону дороги, на верхнемъ склонѣ горы, переплелись между собой представители чисто тропической флоры, опутанные орхидеями и ліанами, тогда какъ по другую сторону весь крутой скатъ въ лощину покрытъ длинноствольными высокими соснами и сѣверными елями. А въ иныхъ мѣстахъ одна и та же ліана или лоза дикаго винограда опутала собой полярный кедръ и рядомъ съ нимъ стоящую банановую музу или роскошную латанію. Этотъ контрастъ являющійся въ самыхъ неожиданныхъ сочетаніяхъ формъ полярной и тропической растительности необычайно эффектенъ и изященъ, и встрѣтить его можно, кажется, только въ одной южной Японіи.

Слѣва идутъ скалы, мѣстами покрытыя растительностью, мѣстами же совершенно голыя, но у нихъ, гдѣ лишь возможно, Японецъ непремѣнно отвоевываетъ себѣ хоть какой-нибудь клочекъ земли для самой тщательной обработки. Именно въ Японіи видишь всего осязательнѣе и притомъ на каждомъ шагу эту великую, всепобѣждающую силу упорнаго человѣческаго труда и культуры надъ дикою природой, даже надъ голыми скалами, изъ которыхъ земледѣлецъ другой національности навѣрное отказался бы извлечь что-либо себѣ на пользу. Японецъ не смущается такою борьбой и смѣло подчиняетъ себѣ безплодныя скалы и кряжи, то настилая и высѣкая въ нихъ съ гигатскимъ трудомъ удобную дорогу, то обращая ихъ помощью чисто циклопическихъ работъ въ цвѣтущія плантаціи и плодоносныя пашни, на которыя чуть

не пригоршнями переноситъ онъ изъ долинъ мало-мальски годящуюся землю. Намъ встрѣтилось нѣсколько поселянъ и женщинъ тащившихъ такую землю на гору; первыя несли ее на спинѣ въ плетеныхъ корзинахъ, а послѣднія на коромыслѣ въ ведрахъ. Здѣсь ничто не пропадаетъ даромъ, и мы видѣли на той же дорогѣ почти голыхъ мальчишекъ съ корзинкой и лопаточкой въ рукѣ которые тщательно подбирали и складывали въ эти свои корзинки пометъ оставляемый вьючными животными.

Городокъ Моги, на берегу одной изъ небольшихъ бухтъ Симодскаго залива, ничего особеннаго въ себѣ не заключаетъ; это просто обыкновенное торговое японское мѣстечко, въ родѣ Тогицу, только въ еще болѣе красивой пейзажной обстановкѣ. Но въ красивыхъ пейзажахъ здѣсь вообще такой избытокъ, такая роскошь, что ихъ уже и не ставишь во что-либо особенное. Десятковъ пять мореходныхъ фуне и джонокъ столпилось у пристани; иныя изъ нихъ лежали на мели по случаю отлива. Въ мѣстечкѣ много садиковъ, почти при каждомъ домикѣ свой особый, а на улицахъ очень много дѣтей гуляющихъ совсѣмъ почти нагишомъ,— обыкновенный костюмъ сельской, да отчасти и городской дѣтворы въ лѣтнюю пору. Есть *фундуши* на бедрахъ, значитъ и полный костюмъ по сезону; больше не требуется. Японскія дѣтки вообще очень миловидны; объ этомъ я говорилъ уже не однажды; но въ Моги, какъ и вообще въ деревняхъ, между ними въ особенности обращаютъ на себя вниманіе маленькія няньки своихъ братишекъ и сестренокъ. Всего удивительнѣе то что эти няньки бываютъ преимущественно въ возрастѣ отъ четырехъ до шести лѣтъ, мальчики и дѣвочки безразлично. Иной и самъ-то такой карапузикъ что, какъ говорится, едва отъ земли видно, а уже таскаетъ за спиной какую-нибудь годовалую крошку либо въ завороченныхъ полахъ своего киримончика, либо просто въ мѣшкообразной пеленкѣ, длинные концы которой перетянуты у него крестъ-на-крестъ черезъ плечи и завязаны въ узелъ на спинкѣ малютки, чтобы послѣдняя не откидывалась слишкомъ назадъ. Дѣти очень любятъ исполнять обязанность такихъ нянекъ и даже обижаются если родители не поручаютъ имъ малютокъ: отчего же, молъ, всѣ другіе носятъ, а я нѣтъ! Мнѣ де предъ другими совѣстно; другимъ, значитъ, довѣряютъ, они, значитъ, большіе, а я нѣтъ. Видъ этихъ маленькихъ нянекъ,

въ этомъ отношеніи намъ кажется что наша система всего менѣе ведетъ къ неизбѣжнымъ ошибкамъ. Впрочемъ, и наши цифры слѣдуетъ принимать съ нѣкоторою осторожностью, такъ какъ во многихъ случаяхъ нашему главному статистическому учрежденію едва ли не приходилось довольствоваться приблизительными итогами, пополняя недостающія цифры путемъ аналогіи. Припомнимъ что въ этой обширной и добросовѣстной работѣ Статистическій Комитетъ не обошелся и безъ просвѣщеннаго содѣйствія господъ волостныхъ писарей. Есть полное основаніе полагать что бланки посылавшіеся изъ Петербурга иногда наполнялись лишь формально, для очистки совѣсти, а зачастую оставались и безо всякаго отвѣта. Что свѣдѣнія не всегда сообщались вполнѣ сознательно, видно, напримѣръ, изъ отношенія статистики земельной собственности къ вопросу о формѣ крестьянскаго землевладѣнія. Въ губерніяхъ съ преобладающею подворною собственностью, то-есть на западной окраинѣ и въ Малороссіи, всѣ крестьянскія земли все-таки именуются землями „обществъ", потому, очевидно, что на этотъ предметъ имѣлась постоянная особая графа, которую приходилось такъ или иначе наполнить. Самый процентъ общинныхъ земель въ нѣкоторыхъ изъ этихъ губерній (въ Харьковской 84, въ Черниговской 46) прямо указываетъ на ошибку, допущенную, вѣроятно, по недоразумѣнію: въ этихъ двухъ губерніяхъ значительно бо́льшая часть крестьянскихъ земель состоитъ въ подворномъ владѣніи. Но какъ бы то ни было, припоминая крупные недостатки въ статистикѣ западныхъ государствъ, мы не будемъ слишкомъ требовательны къ составителямъ нашихъ статистическихъ таблицъ.

Въ одномъ только отношеніи мы должны на нихъ крѣпко посѣтовать. При распредѣленіи мелкой и средней личной собственности были допущены крайне произвольныя границы той и другой, и притомъ границы совершенно одинаковыя для всѣхъ полосъ Россіи. Предѣломъ мелкой собственности вездѣ принято 100, а предѣломъ средней—1.000 десятинъ. Можетъ-быть такое понятіе о мелкой и средней собственности и соотвѣтствуетъ нѣкоторому представленію о степени достатка свойственной этимъ двумъ классамъ землевладѣльцевъ. Въ очень многихъ мѣстностяхъ Россіи владѣть 1.000 дес. значитъ быть еще очень небогатымъ человѣкомъ, и въ этомъ смыслѣ,

это удовольствіе взяли съ троихъ только полтора іена (1 руб. 95 коп.), что по-японски значитъ содрали.

Въ этой гостиницѣ, равно какъ и въ каждомъ почти домѣ въ Моги, обращаетъ на себя вниманіе висячая декоративная растительность. Ее подвѣшиваютъ также какъ у насъ между колонками, подъ верхнія перекладины наружныхъ галлерей, надъ входами и въ окнахъ, если гдѣ таковыя имѣются. Но тутъ вмѣсто вазончика берется большая раковина Аргонавтъ, или другая, тождественная по формѣ съ ракушкой обыкновенной садовой улитки, но около фута величиной. Въ раковинахъ просверливается нѣсколько маленькихъ дырочекъ: внизу для стока лишней воды, вверху—для продѣванія трехъ шнурковъ на которыхъ виситъ раковина; внутренность ея наполняется землей, куда сажаютъ или сѣютъ какое-либо изъ особенно красивыхъ висячихъ растеній, въ какихъ здѣсь нѣтъ недостатка. Другой способъ еще проще: вырѣзывается или выкапывается изъ почвы маленькая глыбка черноземной или преимущественно торфяниковой земли и обвязывается тремя шнурками, на которыхъ и подвѣшивается. Растительность на такихъ глыбкахъ всегда значительно разнообразнѣе чѣмъ въ раковинахъ. Тутъ вы видите въ перемѣшку и папоротникъ, и болотный стрѣлочникъ, и Венерины кудри, и незабудки, и еще много другихъ травянистыхъ растеній, если только они красивы (это необходимое условіе). Такія глыбки, со всею ихъ уже готовою растительностью, выкапываются просто въ лѣсу, на болотѣ, вообще въ какомъ-нибудь дикомъ, хорошо заросшемъ мѣстѣ. А чего въ нихъ не достаетъ, то, смотря по вкусу хозяина, пересаживается или засѣвается, и такимъ образомъ глыбка обростаетъ сплошь со всѣхъ сторонъ, представляя изъ себя комокъ всякой зелени, не исключая и мелколистой ползучей, которая завивается вверхъ по подвѣснымъ шнуркамъ и свѣшивается съ нихъ небольшими гирляндами. Такія садовыя и комнатныя украшенія совершенно просты, но въ этой ихъ безпритязательной простотѣ есть своя изящная прелесть. По красотѣ, глыбки нравятся мнѣ даже больше чѣмъ раковины.

На возвратномъ пути, мы съ Просинскимъ купили себѣ за пять центовъ по соломенной шляпѣ, какія въ этихъ мѣстахъ носитъ простонародье. Онѣ имѣютъ форму сплюснутаго колокольчика и состоятъ изъ крѣпко связаннаго и обрѣзаннаго на вершинѣ въ шишечку пучка соломенныхъ стебель-

ковъ, распускающихся конусомъ книзу, гдѣ, переплетаясь между собой по три соломенки, образуютъ узорчатую каемку по нижнему краю шляпы; чтобы между стебельками не было большихъ скважинъ, полы ея отъ низу до верху прошнуровываются соломенною веревочкой, которая спиралью облегаетъ всю шляпу. Этотъ головной уборъ очень легокъ и удобенъ: онъ и голову достаточно защищаетъ отъ солнца и пропускаетъ въ то же время свободный токъ воздуха, что при легкомъ вѣтеркѣ очень пріятно. Такія шляпы носятъ здѣсь всѣ, и мущины и женщины.

Когда совсѣмъ уже стемнѣло, намъ по неволѣ пришлось усѣсться въ наши каго, что случилось уже за переваломъ, на спускѣ къ Нагасаки, гдѣ и днемъ-то, какъ говорится, чортъ ногу сломитъ. Свободные отъ ноши носильщики освѣщали нашъ путь факелами, запасъ которыхъ былъ купленъ ими въ одной изъ попутныхъ лавченокъ. Чтобы сдѣлать факелъ, берутъ штукъ шесть расколотыхъ пополамъ сухихъ бамбучинъ и въ нѣсколькихъ мѣстахъ туго перехватываютъ ихъ соломенными плетешками. Будучи длиной почти въ сажень, японскій факелъ горитъ довольно долго и достаточно ярко. Путешествіе въ каго, если примириться со всѣми его неудобствами и свѣсить ноги внизъ, не лишено нѣкоторой пріятности, въ немъ есть нѣчто баюкающее. Носильщики идутъ ровнымъ, строго размѣреннымъ шагомъ. Темпъ его, медленный и тягучій при движеніи въ гору, сразу переходитъ въ быстрый и эластически легкій на спускахъ и на ровномъ мѣстѣ, причемъ они никогда не сбиваются ни съ ноги, ни съ темпа. Въ рукѣ у каждаго изъ нихъ непремѣнно посохъ, длиною вровень съ плечомъ, на которое у иныхъ накладывается иногда небольшая подушечка. Черезъ каждыя пять минутъ ходу носильщики разомъ останавливаются чтобы перемѣнить плечо, и для этого подпираютъ концы бамбуковой оглобли своими посохами, такъ что каго, оставаясь на вѣсу, и не пошелохнется. Въ двѣ, три секунды перемѣна сдѣлана и они идутъ дальше. И все это у нихъ уже такъ слажено что и остановки, и движеніе происходятъ безо всякой предварительной команды и знака, совершенно молча и съ автоматическою точностью часоваго механизма. Плата носильщикамъ—по два іена за каго, такъ что на брата въ очистку приходится по 70 центовъ или 35 центовъ въ одинъ конецъ. Это, разумѣется, дешевле дешеваго.

Всю дорогу доносился до насъ изъ низинъ и ладей концертъ болотныхъ жабъ, изъ которыхъ иныя появлялись и на нашемъ пути. Выйдя на время изъ каго поразмять члены, я чуть было не наступилъ на одно такое животное и даже невольно испугался когда она скакнула изъ-подъ ноги въ сторону. Это была громадная жабища, величиной, кажется, съ добрую подошву, толстая, безобразная, вся въ большихъ пупырьяхъ, я еще и не видалъ такихъ. Но если жабы были противны, за то истинное удовольствіе доставляли намъ свѣтляки, во множествѣ усѣивавшіе собою кусты и деревья и летавшіе довольно высоко, нерѣдко парами и даже цѣлыми вереницами, словно маленькія звѣздочки бенгальскихъ огней. А. С. Просинскій принесъ мнѣ нѣсколько штукъ такихъ свѣтящихся жучковъ завернутыхъ въ бумажку; онъ купилъ ихъ за одинъ центъ у какого-то мальчика, и эти сѣренькія, не особенно красивыя съ виду, насѣкомыя всю ночь наполняли мою каюту слабымъ и какъ бы дышащимъ, фосфорическимъ свѣтомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ.

ковъ, распускающихся конусомъ книзу, гдѣ, переплетаясь между собой по три соломенки, образуютъ узорчатую каемку по нижнему краю шляпы; чтобы между стебельками не было большихъ скважинъ, пóлы ея отъ низу до верху прошнуровываются соломенною веревочкой, которая спиралью облегаетъ всю шляпу. Этотъ головной уборъ очень легокъ и удобенъ: онъ и голову достаточно защищаетъ отъ солнца и пропускаетъ въ то же время свободный токъ воздуха, что̀ при легкомъ вѣтеркѣ очень пріятно. Такія шляпы носятъ здѣсь всѣ, и мущины и женщины.

Когда совсѣмъ уже стемнѣло, намъ по неволѣ пришлось усѣсться въ наши каго, что̀ случилось уже за переваломъ, на спускѣ къ Нагасаки, гдѣ и днемъ-то, какъ говорится, чортъ ногу сломитъ. Свободные отъ ноши носильщики освѣщали нашъ путь факелами, запасъ которыхъ былъ купленъ ими въ одной изъ попутныхъ лавченокъ. Чтобы сдѣлать факелъ, берутъ штукъ шесть расколотыхъ пополамъ сухихъ бамбучинъ и въ нѣсколькихъ мѣстахъ туго перехватываютъ ихъ соломенными плетешками. Будучи длиной почти въ сажень, японскій факелъ горитъ довольно долго и достаточно ярко. Путешествіе въ каго, если примириться со всѣми его неудобствами и свѣсить ноги внизъ, не лишено нѣкоторой пріятности, въ немъ есть нѣчто баюкающее. Носильщики идутъ ровнымъ, строго размѣреннымъ шагомъ. Темпъ его, медленный и тягучій при движеніи въ гору, сразу переходитъ въ быстрый и эластически легкій на спускахъ и на ровномъ мѣстѣ, причемъ они никогда не сбиваются ни съ ноги, ни съ темпа. Въ рукѣ у каждаго изъ нихъ непремѣнно посохъ, длиною вровень съ плечомъ, на которое у иныхъ накладывается иногда небольшая подушечка. Черезъ каждыя пять минутъ ходу носильщики разомъ останавливаются чтобы перемѣнить плечо, и для этого подпираютъ концы бамбуковой оглобли своими посохами, такъ что каго, оставаясь на вѣсу, и не пошелохнется. Въ двѣ, три секунды перемѣна сдѣлана и они идутъ дальше. И все это у нихъ уже такъ слажено что и остановки, и движеніе происходятъ безо всякой предварительной команды и знака, совершенно молча и съ автоматическою точностью часоваго механизма. Плата носильщикамъ—по два іена за каго, такъ что на брата въ очистку приходится по 70 центовъ или 35 центовъ въ одинъ конецъ. Это, разумѣется, дешевле дешеваго.

лить всѣхъ домохозяевъ-крестьянъ къ группѣ мелкихъ собственниковъ. За исключеніемъ губерній особенно многоземельныхъ, какъ Новгородская, Костромская, Саратовская, Самарская, Астраханская и Новороссійская область, средній размѣръ крестьянскаго подворнаго участка довольно близко подходитъ къ принятому нами предѣлу мелкой собственности, то-есть къ 10 дес. Всѣхъ крестьянъ-домохозяевъ въ приведенныхъ нами девяти областяхъ 7.072.340. Число это по областямъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Области.	Число крестьянскихъ дворовъ.	У нихъ земли въ десятинахъ.	Процентъ общ. площади.
1) Средняя земледѣльческая.....	1.713.059	17.738.000	56%
2) Московская промышленная....	1.141.266	11.992.000	46%
3) Озерная.......	369.905	5.020.000	$31,_{6}$%
4) Нижневолжская	1.016.075	16.695.000	51
5) Малороссійская	821.443	6.396.773	51
6) Югозападная...	689.439	5.807.271	$43,_{2}$
7) Бѣлорусская...	475.998	6.534.000	35
8) Литовская	241.147	4.089.000	43
9) Новороссійская	604.008	8.309.000	$40,_{8}$
Итого....	7.072.340	82.581.000	$45,_{5}$

Если мы къ этимъ крестьянскимъ землямъ присоединимъ всю площадь личнаго мелкаго землевладѣнія, то въ общей сложности мелкая собственность составитъ собою площадь въ 83.741.000 дес. или $46._{14}$%. Такимъ образомъ, на самомъ дѣлѣ мелкое землевладѣніе въ Россіи распространено гораздо болѣе чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, даже во Франціи. Нельзя того же сказать о числѣ землевладѣльцевъ. Цифру приведенную нами выше въ графѣ мелкой собственности, именно 233.431, мы должны скинуть со счетовъ, такъ какъ лица владѣющія мелкими участками почти безъ исключенія принадлежатъ къ домохозяевамъ изъ крестьянъ уже значащихся у насъ въ числѣ 7.072.340; стало-быть эту послѣднюю цифру мы почти безъ ошибки можемъ признать выражающею весь наличный составъ мелкихъ землевладѣльцевъ въ девяти областяхъ Россіи. Сравнивая пространство принадлежащей имъ земли, которое почти вдвое больше пространства цѣлой Франціи, съ площадью мелкаго землевладѣнія въ этой странѣ (17.476.445 гект.), мы найдемъ что число мелкихъ собственниковъ въ Россіи гораздо

КРУПНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ

ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ И ВЪ РОССІИ *

Статистика поземельной собственности въ Россіи. Изд. Гл. Ст Ком. Вып. I—VIII.
Paul Leroy-Beaulieu. *La Propriété foncière à l'étranger et en France.*

IX.

Разработка статистики русскаго землевладѣнія началась очень недавно, но въ этомъ новомъ для насъ дѣлѣ мы едва ли не опередили всю остальную Европу. Изданіе Главнаго Статистическаго Комитета, *Статистика поземельной собственности,* даетъ намъ полную и подробную картину распредѣленія земли по группамъ владѣльцевъ какъ съ точки зрѣнія сословныхъ различій, такъ и относительно величины имѣній. Нѣкоторыя земскія изданія, въ особенности московскія, еще болѣе подробныя чѣмъ офиціальныя, могутъ служить для провѣрки послѣднихъ, особенно по вопросу о движеніи земельной собственности за послѣднее время. Къ сожалѣнію, большинство земскихъ изданій почти исключи-

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 2, 4.

тельно посвящены изученію крестьянскаго землевладѣнія и крестьянскаго хозяйства не касаясь личнаго землевладѣнія. Вотъ почему, имѣя дѣло лишь съ валовыми цифрами для цѣлыхъ полосъ нашего обширнаго отечества, а не для отдѣльныхъ губерній, мы будемъ здѣсь ссылаться исключительно на приведенныя выше изданія Статистическаго Комитета.

Систему группировки данныхъ, которой придерживается наша аграрная статистика, нельзя не признать наиболѣе простою и въ то же время самою цѣлесообразною изо всѣхъ примѣняемыхъ въ разныхъ европейскихъ странахъ. У насъ ведется счетъ не хозяйствамъ, какъ въ Германіи, а цѣлымъ имѣніямъ, причемъ вся земля принадлежащая одному лицу въ предѣлахъ даннаго уѣзда признается за одно имѣніе, хотя бы она заключалась въ нѣсколькихъ участкахъ или дачахъ. Этимъ путемъ устраняется возможность тѣхъ погрѣшностей какія вноситъ въ земельную статистику Франціи принятая тамъ система счета по отдѣльнымъ окладнымъ листамъ. У насъ, правда, эта система не имѣла бы такого значенія какъ во Франціи, потому что у насъ на всѣ земли принадлежащія одному лицу въ предѣлахъ того же уѣзда всегда составляется только по одному окладному листу. Во всякомъ случаѣ принятый у насъ порядокъ уже тѣмъ лучше французскаго что благодаря ему число имѣній почти совпадаетъ съ числомъ владѣльцевъ. Уѣздъ единица довольно крупная, и встрѣчается лишь очень немного помѣстій пересѣкаемыхъ уѣздными границами и вслѣдствіе того попадающихъ въ два разные оклада. Точно также не особенно велико число лицъ владѣющихъ собственностью въ различныхъ уѣздахъ. Такимъ образомъ цифры нашей аграрной статистики даютъ довольно вѣрное понятіе и о личномъ составѣ землевладѣльцевъ. Конечно, и эта система имѣетъ свои неудобства. Такъ, напримѣръ, одно и то же лицо владѣетъ нѣсколькими имѣніями въ уѣздѣ, причемъ въ каждомъ изъ нихъ ведется самостоятельное хозяйство, это обстоятельство не окажетъ никакого вліянія на статистическіе выводы, и потому мы не получимъ совершенно точнаго понятія о числѣ отдѣльныхъ помѣстій. Но изо всего сказаннаго выше читатель уже могъ заключить что какой бы системы не держалась земельная статистика, ей никогда не достигнуть абсолютной точности. Ей остается выбирать только между различными видами погрѣшностей, и

въ этомъ отношеніи намъ кажется что наша система всего менѣе ведетъ къ неизбѣжнымъ ошибкамъ. Впрочемъ, и наши цифры слѣдуетъ принимать съ нѣкоторою осторожностью, такъ какъ во многихъ случаяхъ нашему главному статистическому учрежденію едва ли не приходилось довольствоваться приблизительными итогами, пополняя недостающія цифры путемъ аналогіи. Припомнимъ что въ этой обширной и добросовѣстной работѣ Статистическій Комитетъ не обошелся и безъ просвѣщеннаго содѣйствія господъ волостныхъ писарей. Есть полное основаніе полагать что бланки посылавшіеся изъ Петербурга иногда наполнялись лишь формально, для очистки совѣсти, а зачастую оставались и безо всякаго отвѣта. Что свѣдѣнія не всегда сообщались вполнѣ сознательно, видно, напримѣръ, изъ отношенія статистики земельной собственности къ вопросу о формѣ крестьянскаго землевладѣнія. Въ губерніяхъ съ преобладающею подворною собственностью, то-есть на западной окраинѣ и въ Малороссіи, всѣ крестьянскія земли все-таки именуются землями „обществъ", потому, очевидно, что на этотъ предметъ имѣлась постоянная особая графа, которую приходилось такъ или иначе наполнить. Самый процентъ общинныхъ земель въ нѣкоторыхъ изъ этихъ губерній (въ Харьковской 84, въ Черниговской 46) прямо указываетъ на ошибку, допущенную, вѣроятно, по недоразумѣнію: въ этихъ двухъ губерніяхъ значительно бо́льшая часть крестьянскихъ земель состоитъ въ подворномъ владѣніи. Но какъ бы то ни было, припоминая крупные недостатки въ статистикѣ западныхъ государствъ, мы не будемъ слишкомъ требовательны къ составителямъ нашихъ статистическихъ таблицъ.

Въ одномъ только отношеніи мы должны на нихъ крѣпко посѣтовать. При распредѣленіи мелкой и средней личной собственности были допущены крайне произвольныя границы той и другой, и притомъ границы совершенно одинаковыя для всѣхъ полосъ Россіи. Предѣломъ мелкой собственности вездѣ принято 100, а предѣломъ средней—1.000 десятинъ. Можетъ-быть такое понятіе о мелкой и средней собственности и соотвѣтствуетъ нѣкоторому представленію о степени достатка свойственной этимъ двумъ классамъ землевладѣльцевъ. Въ очень многихъ мѣстностяхъ Россіи владѣть 1.000 дес. значитъ быть еще очень небогатымъ человѣкомъ, и въ этомъ смыслѣ,

пожалуй, не быть крупнымъ собственникомъ. Но мы уже выше сказали что не можемъ признать за вѣрное основаніе дѣленія такой произвольный и шаткій признакъ какъ зажиточность владѣльца, тѣмъ болѣе что зачастую очень мелкіе участки принадлежатъ весьма богатымъ людямъ. Мы предпочитаемъ, поэтому, и для Россіи держаться тѣхъ основаній классификаціи какія были приняты нами для западныхъ государствъ. Конечно, при этомъ въ нашемъ отечествѣ высшіе предѣлы мелкой и средней собственности должны быть нѣсколько расширены, такъ какъ наше хозяйство гораздо экстенсивнѣе западнаго. Притомъ это расширеніе не можетъ быть одинаково для всѣхъ полосъ Россіи; въ виду этого мы очень охотно приняли бы особенное дѣленіе собственности на группы въ каждой полосѣ. Но два соображенія не дозволили намъ сдѣлать это. Вопервыхъ, для мелкой собственности въ статистическихъ таблицахъ имѣются всего два подраздѣленія: ниже 10 дес. и отъ 10 до 100. Стало-быть намъ приходилось выбирать одну изъ этихъ цифръ какъ предѣльную для мелкой собственности; вовторыхъ, еслибы мы приняли особую классификацію для каждой полосы, мы значительно усложнили бы наши выводы и тѣмъ самымъ создали бы затрудненія для читателя. Вотъ почему мы должны были допустить нѣкоторую неточность въ распредѣленіи собственности по группамъ, и для всѣхъ полосъ, кромѣ одной Новороссіи, принять общую классификацію. Участки менѣе 10 дес. мы относимъ къ мелкому владѣнію, а отъ 10 до 500 къ среднему. Принять сто десятинъ за предѣльную грань мелкой собственности, какъ дѣлаетъ это Статистическій Комитетъ, мы не могли, потому что эта цифра превышаетъ втрое размѣры крестьянскаго хозяйства при самой экстенсивной культурѣ. Исключеніе мы сдѣлали только для Новороссіи, гдѣ соотвѣтствующими предѣльными цифрами мы признали 100 и 1.000 десятинъ. Предупреждаемъ читателя что мы совершенно исключили, съ одной стороны, Привислинскій край и прибалтійскія губерніи, съ другой, крайній сѣверъ *, Приуральскую область ** и юго-восточныя степи. *** Первыя двѣ области

* Губерніи: Олонецкую, Архангельскую, Вологодскую и Вятскую.
** Губерніи: Пермскую, Уфимскую и Оренбургскую.
*** Губернія Ставропольская и области Кубанская и Терская.

имѣютъ сельскохозяйственные и аграрные порядки совершенно отличные ото всей остальной Россіи. Послѣднія имѣютъ еще слабо развитую культуру и потому для нашихъ выводовъ не представляютъ большаго интереса. Къ тому же, для юго-восточнаго степнаго предгорья Кавказа и для сосѣдней съ нимъ области Войска Донскаго земельная статистика вовсе еще не разработана.

Добавимъ къ этимъ предварительнымъ объясненіямъ что въ наши цифры вовсе не вошла городская собственность, чѣмъ русская земельная статистика опять-таки выгодно отличается отъ иностранной. *

Въ девяти русскихъ областяхъ, которыя мы здѣсь будемъ разсматривать, во владѣніи крестьянъ какъ общинномъ, такъ и подворномъ, всего состоитъ 82.581.000 десятинъ, или $45{,}5\%$ всей площади этихъ областей, ** а личнымъ землевладѣльцамъ, въ томъ числѣ крестьянамъ (когда покупки совершались товариществами или отдѣльными домохозяевами) принадлежитъ 74.279.000 дес., или 41% этой площади. Остальные $13{,}5\%$ находятся во владѣніи казны, удѣла и разныхъ учрежденій; эти земли при дальнѣйшемъ изложеніи мы въ разчетъ принимать не будемъ.

Вся масса личнаго землевладѣнія распредѣляется слѣдующимъ образомъ по группамъ собственниковъ:

---

* Свѣдѣнія, на которыхъ основано изданіе Главнаго Статистическаго Комитета, относятся къ различнымъ годамъ, отъ 1878 до 1884, такъ какъ отдѣльные выпуски статистики земельной собственности выходили въ свѣтъ постепенно въ теченіе семи лѣтъ.

** Въ эту цифру вошли какъ надѣльныя земли, такъ [и пріобрѣтенныя крестьянами въ собственность, когда покупка совершалась цѣлыми обществами.

ОБЛАСТИ.	Мелкое землевладѣніе до 10 дес.			Среднее отъ 10 до 500 дес.			Крупное свыше 500 дес.		
	Число владѣній.	Въ нихъ всего десят.	Процентъ площади всей области.	Число владѣній.	Въ нихъ всего десят.	Процентъ площади всей области.	Число владѣній.	Въ нихъ всего десят.	Процентъ площади всей области.
1) Средняя земледѣльческая	50.160	184.000	0,6	39.270	3.531.000	11,2	4.531	7.826.000	25,2
2) Московская промышл....	68.475	287.000	1	42.367	2.905.000	11	3.275	6.584.000	25
3) Озерная................	18.492	90.000	0,6	22.895	1.571.000	9,8	2.609	5.882.000	37
4) Нижневолжская..........	5.986	24.000	0,078	8.571	953.000	2,83	2.720	7.528.000	22,1
5) Малороссійская.........	37.514	114.882	0,9	25.370	1.836.691	15	2.070	3.333.749	27
6) Юго-западная	10.237	40.171	0,3	9.788	778.940	5,8	2.510	5.529.841	41,1
7) Бѣлорусская............	15.015	72.000	0,4	21.349	1.714.000	9	3.306	9.013.000	47,6
8) Литовская............ ..	11.117	55.000	0,57	16.362	1.261.000	13	1.560	3.016.000	31,43
	До	100 дес.		Отъ	100 до 1.000		Свыше	1.000	
9) Новороссія..............	16.405	293.000	1,4	5.770	2.203.000	11	2.335	7.653.000	37,6
Итого......	233.431	1.160.000	0,64	191.742	16.754.000	9,2	24.916	56.366.000	31,16

мѣсто. Процентъ крестьянскихъ земель здѣсь лишь немного выше нормы (46%). А между тѣмъ крестьяне получили бо́льшіе надѣлы чѣмъ на черноземѣ и въ особенности въ Малороссіи. Здѣсь, какъ въ озерной области, на среднюю цифру оказываетъ вліяніе слабая населенность нѣкоторыхъ уѣздовъ лежащихъ на сѣверной окраинѣ и притомъ съ крестьянскою собственностью конкуррируетъ казенная.

Ясное понятіе о причинахъ вліяющихъ на степень развитія крестьянскаго землевладѣнія мы получимъ лишь, когда въ каждой области сопоставимъ съ нимъ двѣ группы личныхъ собственниковъ—среднихъ и крупныхъ. Въ слѣдующей таблицѣ наши девять областей расположены по порядку возрастанія въ каждой изъ нихъ процента средняго и крупнаго землевладѣнія, взятыхъ вмѣстѣ. Для наглядности мы тутъ же выставимъ соотвѣтствующій процентъ крестьянской и мелкой собственности:

Области.	Процентъ средняго и крупнаго землевлад.	Процентъ крестьянскаго и мелкаго землевладѣнія.
1) Нижневолжская.......	24,98	51,073
2) Московская промышл.	36.	47.
3) Средняя земледѣльч...	36,4	56,6
4) Малороссійская.......	42.	51,9
5) Литовская............	44,43	43,57
6) Озерная..	46,8	32,2
7) Югозападная.........	46,9	43,5
8) Новороссійская.......	48,6	42,2
9) Бѣлорусская..........	56,6	55,4

Въ этой таблицѣ бросается въ глаза прежде всего тотъ поразительный фактъ что крайнія мѣста въ ней занимаютъ двѣ области съ одинаково слабою населенностью, именно: Нижнее Поволжье и Бѣлоруссія. Во второй изъ нихъ у личныхъ собственниковъ, среднихъ и крупныхъ, земли слишкомъ вдвое больше чѣмъ въ первой; и разность эта далеко не пополняется соотвѣтствующимъ пространствомъ крестьянскихъ земель. Въ Нижневолжской области почти цѣлая четверть ея занята казенными и удѣльными землями, а въ Бѣлоруссіи на долю государства остается всего лишь около 7½% ея пространства. Въ двухъ среднихъ областяхъ, черноземной и промышленной, личная собственность занимаетъ почти одинаковую площадь; но соотвѣтствующій ей процентъ крестьянскихъ земель далеко не тотъ же, и онъ слабѣе какъ разъ въ Московской

лить всѣхъ домохозяевъ-крестьянъ къ группѣ мелкихъ собственниковъ. За исключеніемъ губерній особенно многоземельныхъ, какъ Новгородская, Костромская, Саратовская, Самарская, Астраханская и Новороссійская область, средній размѣръ крестьянскаго подворнаго участка довольно близко подходитъ къ принятому нами предѣлу мелкой собственности, то-есть къ 10 дес. Всѣхъ крестьянъ-домохозяевъ въ приведенныхъ нами девяти областяхъ 7.072.340. Число это по областямъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Области.	Число крестьянскихъ дворовъ.	У нихъ земли въ десятинахъ.	Процентъ общ. площади.
1) Средняя земледѣльческая.....	1.713.059	17.738.000	56%
2) Московская промышленная....	1.141.266	11.992.000	46%
3) Озерная.......	369.905	5.020.000	$31,_6$%
4) Нижневолжская	1.016.075	16.695.000	51
5) Малороссійская	821.443	6.396.773	51
6) Югозападная...	689.439	5.807.271	$43,_2$
7) Бѣлорусская...	475.998	6.534.000	35
8) Литовская	241.147	4.089.000	43
9) Новороссійская	604.008	8.309.000	$40,_8$
Итого....	7.072.340	82.581.000	$45,_5$

Если мы къ этимъ крестьянскимъ землямъ присоединимъ всю площадь личнаго мелкаго землевладѣнія, то въ общей сложности мелкая собственность составитъ собою площадь въ 83.741.000 дес. или $46._{14}$%. Такимъ образомъ, на самомъ дѣлѣ мелкое землевладѣніе въ Россіи распространено гораздо болѣе чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, даже во Франціи. Нельзя того же сказать о числѣ землевладѣльцевъ. Цифру приведенную нами выше въ графѣ мелкой собственности, именно 233.431, мы должны скинуть со счетовъ, такъ какъ лица владѣющія мелкими участками почти безъ исключенія принадлежатъ къ домохозяевамъ изъ крестьянъ уже значащихся у насъ въ числѣ 7.072.340; стало-быть эту послѣднюю цифру мы почти безъ ошибки можемъ признать выражающею весь наличный составъ мелкихъ землевладѣльцевъ въ девяти областяхъ Россіи. Сравнивая пространство принадлежащей ими земли, которое почти вдвое больше пространства цѣлой Франціи, съ площадью мелкаго землевладѣнія въ этой странѣ (17.476.445 гект.), мы найдемъ что число мелкихъ собственниковъ въ Россіи гораздо

меньше числа таковыхъ во Франціи, и что слѣдовательно на каждаго изъ нихъ у насъ приходится большее количество земли. А отсюда слѣдуетъ что мелкая собственность въ Россіи по своему абсолютному протяженію значительнѣе чѣмъ въ Западной Европѣ, но за то гораздо менѣе раздроблена, что̀ и объясняется меньшею интенсивностью нашей культуры. Съ точки зрѣнія ея цѣнности, наша земля конечно не можетъ идти въ сравненіе съ большею частію земель въ Западной Европѣ; только въ сѣверо-восточной Германіи стоимость ея довольно близко подходитъ къ нашей. При этомъ необходимо замѣтить что съ самымъ тучнымъ русскимъ черноземомъ намъ приходится сравнивать наименѣе плодородныя земли изъ западно-европейскихъ. У насъ къ тому же, за исключеніемъ Южнаго Берега Крыма и ближайшихъ окрестностей столицъ, совершенно отсутствуетъ тотъ видъ западной мелкой собственности который, при маломъ объемѣ, имѣетъ очень высокую цѣнность и стало-быть находится въ рукахъ исключительно богатыхъ классовъ. Наоборотъ, мелкимъ землевладѣльцемъ является у насъ лишь крестьянинъ или мѣщанинъ обрабатывающій свою землю самъ почти безъ помощи батраковъ. Поэтому мы въ правѣ сказать что около половины территоріи Россіи составляетъ достояніе ея рабочаго класса, чего нѣтъ ни въ одной изъ западно-европейскихъ странъ. Это обстоятельство и сообщаетъ русскимъ земельнымъ отношеніямъ совершенно особый, своеобразный характеръ.

Въ отдѣльныхъ областяхъ крестьянская собственность распространена далеко не одинаково. Крайніе предѣлы колебанія представляютъ озерная ($31,_6\%$) и средняя земледѣльческая (56%). Если мы разобьемъ девять областей на двѣ группы, распредѣливъ ихъ, смотря по тому достигаетъ ли крестьянская собственность въ каждой изъ нихъ средней нормы, то-есть $45,_5\%$, или переходитъ за предѣлы этой нормы, то въ первой группѣ окажутся пять областей: озерная ($31,_6$), Бѣлорусская (35), Новороссійская ($40,_8$), Литовская (43) и юго-западная ($43,_2$). Такимъ образомъ, за исключеніемъ послѣдней изъ этихъ областей, можно принять за правило что крестьянское землевладѣніе у насъ распространено всего слабѣе тамъ гдѣ земля представляетъ всего меньшую цѣнность. Самаго высокаго процента оно достигаетъ какъ разъ въ той области гдѣ эта цѣнность всего выше, то-есть въ средней черноземной

полосѣ. Мы уже видѣли что распространеніе мелкой личной собственности идетъ въ этомъ отношеніи почти параллельно съ крестьянскою. Причины такого распредѣленія земли очень разнообразны, и потому ихъ нельзя подвести подъ одинъ какой-либо законъ. Такъ, сравнительно слабое распространеніе крестьянской и мелкой собственности въ трехъ западныхъ областяхъ и въ Новороссіи объясняется тѣмъ что здѣсь очень видное мѣсто занимаетъ крупное землевладѣніе, другими словами, что здѣсь очень много земли осталось въ рукахъ дворянъ-помѣщиковъ. Но это обстоятельство, въ свою очередь, въ двухъ изъ поименованныхъ областей, именно въ Бѣлорусской и Новороссійской, объясняется слабою населенностью края, такъ что здѣсь, при общемъ невысокомъ процентѣ крестьянскихъ земель, надѣлы тѣмъ не менѣе обширны. Въ Литвѣ, гдѣ населеніе нѣсколько гуще чѣмъ въ Бѣлоруссіи, крестьянскихъ земель уже гораздо больше, и пространство ихъ почти достигаетъ нормальнаго размѣра. Въ озерной области купеческое и дворянское землевладѣніе, среднее и крупное, взятое вмѣстѣ, занимаетъ всего $46,_8\%$: здѣсь, при слабой населенности, большія пространства земель находятся во владѣніи казны. Только въ одной изъ пяти названныхъ областей, юго-западной, одной изъ наиболѣе густо населенныхъ въ Россіи, сравнительно невысокій процентъ крестьянскихъ земель слѣдуетъ приписать небольшому размѣру надѣловъ. Если мы теперь обратимся къ четыремъ областямъ гдѣ крестьянскія земли превышаютъ среднюю норму, то и здѣсь мы увидимъ что обстоятельство это не находится въ прямой связи съ пространствомъ надѣловъ отведенныхъ крестьянамъ по Положенію 19 февраля. Въ двухъ изъ этихъ областей, въ Малороссійской и въ средней земледѣльческой, надѣлы значительно тѣснѣе чѣмъ въ остальной Россіи, а между тѣмъ общая масса крестьянскихъ земель составляетъ въ первой 51%, а во второй 56%. Происходитъ это конечно отъ того что число крестьянъ здѣсь чрезвычайно велико, и потому, несмотря на ничтожные размѣры подушныхъ надѣловъ, въ общей сложности они, однако, занимаютъ болѣе половины всей территоріи. Въ слабо населенной Нижневолжской области высокій процентъ крестьянскихъ земель, одинаковый съ малороссійскимъ, объясняется тѣмъ что въ губерніяхъ Саратовской, Самарской и Астраханской надѣлы очень обширны. Наконецъ, Московская промышленная область занимаетъ въ этомъ отношеніи среднее

мѣсто. Процентъ крестьянскихъ земель здѣсь лишь немного выше нормы (46%). А между тѣмъ крестьяне получили бо́льшіе надѣлы чѣмъ на черноземѣ и въ особенности въ Малороссіи. Здѣсь, какъ въ озерной области, на среднюю цифру оказываетъ вліяніе слабая населенность нѣкоторыхъ уѣздовъ лежащихъ на сѣверной окраинѣ и притомъ съ крестьянскою собственностью конкуррируетъ казенная.

Ясное понятіе о причинахъ вліяющихъ на степень развитія крестьянскаго землевладѣнія мы получимъ лишь, когда въ каждой области сопоставимъ съ нимъ двѣ группы личныхъ собственниковъ—среднихъ и крупныхъ. Въ слѣдующей таблицѣ наши девять областей расположены по порядку возрастанія въ каждой изъ нихъ процента средняго и крупнаго землевладѣнія, взятыхъ вмѣстѣ. Для наглядности мы тутъ же выставимъ соотвѣтствующій процентъ крестьянской и мелкой собственности:

Области.	Процентъ средняго и крупнаго землевлад.	Процентъ крестьянскаго и мелкаго землевладѣнія.
1) Нижневолжская.......	24,98	51,072
2) Московская промышл.	36.	47.
3) Средняя земледѣльч...	36,4	56,6
4) Малороссійская.......	42.	51,9
5) Литовская...........	44,43	43,57
6) Озерная..	46,8	32,2
7) Югозападная.........	46,9	43,5
8) Новороссійская.......	48,6	42,2
9) Бѣлорусская..........	56,6	35,4

Въ этой таблицѣ бросается въ глаза прежде всего тотъ поразительный фактъ что крайнія мѣста въ ней занимаютъ двѣ области съ одинаково слабою населенностью, именно: Нижнее Поволжье и Бѣлоруссія. Во второй изъ нихъ у личныхъ собственниковъ, среднихъ и крупныхъ, земли слишкомъ вдвое больше чѣмъ въ первой; и разность эта далеко не пополняется соотвѣтствующимъ пространствомъ крестьянскихъ земель. Въ Нижневолжской области почти цѣлая четверть ея занята казенными и удѣльными землями, а въ Бѣлоруссіи на долю государства остается всего лишь около 7½% ея пространства. Въ двухъ среднихъ областяхъ, черноземной и промышленной, личная собственность занимаетъ почти одинаковую площадь; но соотвѣтствующій ей процентъ крестьянскихъ земель далеко не тотъ же, и онъ слабѣе какъ разъ въ Московской

области, гдѣ надѣлы обширнѣе чѣмъ въ земледѣльческой. Здѣсь опять государство конкуррируетъ съ мелкимъ и крестьянскимъ землевладѣніемъ. Въ пяти остальныхъ областяхъ сравнительный размѣръ личной собственности колеблется весьма мало (отъ 42%—48,6%). Но соотвѣтствующія цифры для крестьянскихъ земель измѣняются весьма сильно, что опять объясняется тѣмъ мѣстомъ какое въ землевладѣніи этихъ областей занимаютъ казна и удѣлъ. Отсюда ясно что размѣръ земель оставшихся въ рукахъ прежнихъ помѣщиковъ-дворянъ и перешедшихъ отъ нихъ къ лицамъ иныхъ сословій, преимущественно къ купцамъ, опредѣляется далеко не исключительно размѣромъ надѣловъ отведенныхъ бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ. На ряду съ послѣдними, двѣ другія категоріи крестьянъ, государственные и удѣльные, были распространены въ разныхъ областяхъ Россіи далеко не одинаково. Наибольшее ихъ число мы встрѣчаемъ въ двухъ черноземныхъ полосахъ, въ средней земледѣльческой и въ Нижневолжской. Этимъ и объясняется невысокій процентъ личнаго землевладѣнія въ этихъ двухъ областяхъ. Напротивъ, въ западной части Россіи, отъ Новороссіи на югѣ до Озерной области на сѣверѣ, государственныхъ крестьянъ было сравнительно немного, и конкуррентами личныхъ собственниковъ, среднихъ и крупныхъ, являются бывшіе помѣщичьи крестьяне и сама казна, въ непосредственномъ владѣніи которой остались обширныя пространства въ Озерной области.

Мы видѣли сейчасъ что русскіе поземельные порядки характеризуются сильнымъ развитіемъ мелкой крестьянской собственности. Но они имѣютъ еще одну отличительную черту — крайне слабое развитіе средняго землевладѣнія. Несмотря на то что мы для этого разряда собственности приняли размѣры значительно превышающіе тѣ которые обыкновенно допускаются для западныхъ европейскихъ странъ, таблицы наши показываютъ что среднее землевладѣніе у насъ занимаетъ лишь 9,2%, чего нѣтъ ни въ одномъ изъ государствъ Западной Европы. Въ этомъ отношеніи Россія особенно сильно отличается отъ Германіи и отъ Франціи, гдѣ среднее землевладѣніе занимаетъ слишкомъ 1/3 территоріи. Явленіе это очевидно находится въ связи съ экстенсивностію нашего хозяйства и съ малоцѣнностью нашей земли. Дробность русскаго землевладѣнія, даже въ рукахъ владѣль-

цевъ изъ дворянъ, особенно въ подмосковной области, на самомъ дѣлѣ гораздо сильнѣе чѣмъ можно было бы полагать на основаніи только-что приведенной цифры. Независимо отъ помѣстій при которыхъ имѣется усадьба, наши уѣзды, особенно въ промышленной полосѣ, испещрены множествомъ мелкихъ отхожихъ пустошей. Эти пустоши, конечно, произошли отчасти вслѣдствіе раздѣловъ по наслѣдству; но очень многія изъ нихъ существовали уже въ качествѣ отдѣльныхъ дачъ и при генеральномъ межеваніи. Въ этомъ можно убѣдиться наглядно, взглянувъ на извѣстную карту Тверской губерніи составленную генераломъ Мендомъ въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія. Тѣмъ не менѣе, этотъ фактъ не оказываетъ существеннаго вліянія на среднie размѣры дворянскаго и купеческаго землевладѣнія. Это кажущееся противорѣчіе объясняется слѣдующимъ образомъ. Несмотря на распространенность мелкихъ дачъ, многія изъ нихъ принадлежатъ одному и тому же лицу и потому входятъ въ составъ одного и того же, иногда очень обширнаго имѣнія. Въ большинствѣ случаевъ, при каждомъ болѣе или менѣе крупномъ хозяйствѣ находится по нѣскольку такихъ пустошей, почти всегда служащихъ оброчными статьями. Впрочемъ, за послѣднія двадцать пять лѣтъ эти пустоши были въ большомъ количествѣ раскуплены крестьянами.

Въ отдѣльныхъ областяхъ, какъ показываютъ вышеприведенныя таблицы, относительный размѣръ средняго землевладѣнія колеблется между $2_{,83}$% (Нижневолжская) и 15% (Малороссія). Прочія области, за исключеніемъ юго-западной, гдѣ процентъ средняго землевладѣнія опускается до $5_{,8}$%, не представляютъ особенно замѣтнаго уклоненія отъ средней нормы.

Свѣдѣнія земской статистики о движеніи земельной собственности за послѣднюю четверть вѣка показываютъ намъ что среднее землевладѣніе особенно сильно переходитъ изъ прежнихъ, главнымъ образомъ дворянскихъ, рукъ къ лицамъ другихъ сословій, причемъ крестьяне занимаютъ здѣсь видное мѣсто въ числѣ покупщиковъ. Въ то же время это землевладѣніе замѣтно раздробляется, то-есть наиболѣе крупная его часть (100—500 дес.) сокращается въ пользу наиболѣе мелкой (10—100), а число землевладѣльцевъ сообразно тому увеличивается. Сокращается, благодаря крестьянскимъ покупкамъ, и крупное землевладѣніе, но въ болѣе слабой степени, и притомъ

всего менѣе среди самыхъ крупныхъ владѣльцевъ (свыше 5.000 дес.). Вслѣдствіе этого средній размѣръ имѣній этой категоріи растетъ, между тѣмъ какъ въ группѣ среднихъ владѣній онъ сокращается. Такимъ образомъ, среднее землевладѣніе какъ бы сдавливается между двумя крайними группами земельной собственности.

X.

Познакомимся нѣсколько поближе съ нашимъ крупнымъ землевладѣніемъ. Мы уже видѣли что оно занимаетъ почти одну треть всей территоріи страны (31_{16}%), то-есть немного болѣе чѣмъ въ Германіи и значительно менѣе чѣмъ въ Англіи. Личный его составъ не особенно многочисленъ: всего имѣній свыше 500 дес. (въ Новороссіи свыше 1.000) насчитывается въ вышеупомянутыхъ девяти областяхъ 24.916. Мы, стало-быть, едва ли ошибемся предположивъ что число владѣльцевъ не достигаетъ и 20.000, такъ какъ именно въ разрядѣ крупныхъ собственниковъ встрѣчается наибольшее число лицъ владѣющихъ имѣніями въ разныхъ уѣздахъ или даже губерніяхъ. Если мы сравнимъ площадь нашего крупнаго землевладѣнія съ такою же площадью трехъ другихъ изслѣдованныхъ нами странъ, то окажется что средній размѣръ владѣнія каждаго изъ нашихъ крупныхъ собственниковъ значительно больше чѣмъ во Франціи и въ Германіи, но въ свою очередь уступаетъ среднимъ размѣрамъ крупныхъ помѣстій Англіи. На каждаго изъ нашихъ крупныхъ владѣльцевъ приходится въ среднемъ выводѣ по 2.262 дес. Еслибы мы приняли въ разчетъ двѣ области не вошедшія въ наши таблицы и отличающіяся очень крупными размѣрами имѣній, именно Прибалтійскую и Приуральскую, мы бы получили еще болѣе значительную цифру.

Само собою разумѣется что и въ экономическомъ, и въ соціальномъ отношеніи классъ нашихъ крупныхъ землевладѣльцевъ представляетъ далеко не однородную массу. Владѣлецъ 500—1.000 десятинъ и въ томъ и въ другомъ смыслѣ далеко не похожъ на владѣльца у котораго этихъ десятинъ нѣсколько тысячъ, или даже нѣсколько десятковъ тысячъ. Вотъ почему, ради бо́льшаго уясненія вопроса, мы считаемъ не лишнимъ разбить этотъ классъ собственниковъ на три слѣдующія группы:

ОБЛАСТИ.	500—1.000 дес.		1.000—5.000 дес.		Свыше 5.000 дес.	
	Число владѣній.	Пространство въ дес.	Число владѣній.	Пространство въ дес.	Число владѣній.	Пространство въ дес.
1) Средняя землед..	2.508	1.732.000	1.800	3.443.000	223	2.651.000
2) Московская по...	1.750	1.212.000	1.322	2.552.000	203	2.820.000
3) Озерная.........	1.149	816.397	1.246	2.584.619	214	2 480.559
4) Нижневолжск....	1.007	725.000	1.401	3.078.000	312	3.725 000
5) Малороссійская..	1.074	762.455	914	1.824.113	82	747.181
6) Юго-Западная....	1.084	782.104	1.234	2.496.701	192	2.251.036
7) Бѣлорусская.....	1.387	989.000	1.598	3.349.000	321	4.676.000
8) Литовская.......	835	584.000	619	1.259.000	106	1.173.000
9) Новороссійская...	—	—	1.977	4.056.985	358	3.596.265
Итого....	10.794	7.602.956	12.111	24.643.418	2.011	24.120.041

Съ перваго взгляда на эту таблицу нельзя не подмѣтить слѣдующій любопытный фактъ. По числу имѣній, первая и вторая группа довольно близко подходятъ другъ къ другу, причемъ вторая представляетъ нѣсколько бóльшую цифру: имѣній отъ 500 до 1.000 десятинъ всего 10.794, а отъ 1.000 до 5.000 десятинъ—12.111. Напротивъ, по итогамъ собственности очень сходны между собою вторая и третья группы: на долю каждой изъ нихъ приходится нѣсколько болѣе 24 милліоновъ десятинъ. Такимъ образомъ, наши русскія латифундіи, то-есть имѣнія болѣе чѣмъ въ 5 тысячъ десятинъ, которыхъ насчитывается всего 2.011, занимаютъ $13,_3\%$ всей территоріи или $42,_8\%$ площади крупнаго землевладѣнія. Наоборотъ низшій разрядъ крупныхъ собственниковъ (до 1.000 д.) владѣетъ всего 7.602.956 д., или $13,_4\%$ этой площади. Такимъ образомъ, наше крупное землевладѣніе, вообще говоря, не только подавляетъ среднее, но и въ немъ самомъ первое мѣсто принадлежитъ имѣніямъ наиболѣе обширнымъ.

Это явленіе повторяется и въ каждой области взятой отдѣльно. Колебанія здѣсь не особенно значительны. Отношеніе между площадями первой и второй группы въ четырехъ областяхъ, именно, въ двухъ центральныхъ, въ Малороссійской и въ Литовской, приблизительно 1 : 2; въ трехъ: Озерной, Югозападной и Бѣлорусской, какъ 1 : 3, и въ Нижневолжской вторая группа болѣе чѣмъ въ 4 раза превосходитъ первую. Другими словами, чѣмъ интенсивнѣе хозяйство въ данной области, тѣмъ сильнѣе развита въ ней

наиболѣе мелкая группа крупной собственности. Въ слѣдующей таблицѣ мы приводимъ средній размѣръ имѣній для каждой группы.

Области.	Средній размѣръ имѣній:		
	500—1.000 дес.	1.000—5.000.	Свыше 5.000.
1) Среднія землед...	690,5.	1.912,7.	11.887,8.
2) Московск. пром...	692,5.	1.930,4.	13.891,6.
3) Озерная.........	710,5.	2.074,3.	11.588,6.
4) Нижневолжская...	719,9.	2.197.	11.939.
5) Малороссійская...	709,6.	1.995,7.	9.111,9.
6) Юго-западная ...	739,9.	2.023,2.	11.724,1.
7) Бѣлорусская....	713.	2.095,7.	14.548,2.
8) Литовская.......	699,4.	2.033,9.	11.066.
9) Новороссійская...	"	2.051,5.	10.045,4.
Во всѣхъ областяхъ.	704,3.	2.034,9.	11.994.

Какъ видитъ читатель, въ отдѣльныхъ областяхъ среднія цифры для каждой изъ трехъ категорій представляютъ лишь незначительныя колебанія. За то крайне рѣзко отличаются одна отъ другой, по размѣрамъ владѣнія, каждая изъ этихъ трехъ группъ. Обстоятельство это имѣетъ важное общественное значеніе. Пятьсотъ десятинъ составляютъ цензъ для мировыхъ судей и непремѣнныхъ членовъ. Стало-быть, изъ числа лицъ владѣющихъ имѣніями такого размѣра набирается весь персоналъ для мѣстныхъ выборныхъ должностей. Между тѣмъ, за исключеніемъ развѣ центральныхъ черноземныхъ губерній и Малороссіи, имѣніе не достигающее тысячи десятинъ, по своей доходности, едва ли можетъ дать своему владѣльцу независимое положеніе и, помимо жалованья, оплатить трудъ образованнаго человѣка. Отсюда ясно что владѣльцы первой, низшей группы—опять-таки за исключеніемъ черноземныхъ губерній—вынуждены пріискивать себѣ добавочныя средства къ жизни либо на государственной, либо на выборной службѣ. Въ виду этого владѣльцы эти частью покидаютъ свои имѣнія и перебираются въ столицу, частью же находятся въ полной зависимости отъ своихъ избирателей и потому въ отправленіи своей общественной службы лишены самостоятельности. Въ то же время, владѣльцы послѣдняго разряда, свыше 5.000 десятинъ, то-есть наши доморощенные ландлорды, тоже крайне рѣдко остаются въ своихъ помѣстьяхъ и большею частью проживаютъ въ Петербургѣ или за границей, ограничиваясь полученіемъ доходовъ при

посредствѣ управляющихъ. Такимъ образомъ, изо всей массы нашихъ крупныхъ землевладѣльцевъ лишь тѣ которые принадлежатъ ко второй, средней группѣ да болѣе мелкіе владѣльцы черноземной полосы представляютъ собою контингентъ лицъ живущихъ на мѣстѣ въ своихъ имѣніяхъ и обезпеченныхъ доходами съ нихъ. Такихъ имѣній въ девяти областяхъ насчитывается всего 22.905, а за вычетомъ имѣній низшей группы въ областяхъ: Московской, Озерной, Нижневолжской, 18.999. Но слѣдуетъ припомнить что значительное число изъ нихъ, именно 7.376, принадлежитъ къ тремъ западнымъ областямъ, гдѣ выборныхъ должностей не существуетъ. Если мы вычтемъ это число изъ вышеприведенной цифры, то выйдетъ что на 28 коренныхъ русскихъ губерній, гдѣ дѣйствуетъ земское положеніе, оказывается всего 11.623 имѣній, владѣльцы которыхъ представляютъ собой весь наличный классъ лицъ живущихъ въ своихъ имѣніяхъ и обладающихъ независимымъ имущественнымъ положеніемъ. Если принять во вниманіе что среднимъ числомъ на губернію приходится отъ 70 до 90 выборныхъ должностныхъ лицъ (предводителей дворянства, предсѣдателей управъ, непремѣнныхъ членовъ и мировыхъ судей), то-есть на всѣ 28 губерній свыше 2.000 лицъ, то окажется что вышеприведенная цифра очень не велика, особенно въ виду того обстоятельства что число владѣльцевъ значительно ниже числа имѣній. На каждую должность едва ли найдется и пять лицъ способныхъ ее занимать по имущественному положенію. А сколько изъ нихъ, вдобавокъ, не отличаются требуемыми нравственными качествами, сколько изъ нихъ не пригодны для общественной службы по степени образованія, по возрасту, по состоянію здоровья, не говоря уже о владѣльцахъ женскаго пола, число которыхъ значительно сокращаетъ имѣющійся наличный контингентъ? Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ что контингентъ этотъ съ каждымъ годомъ сокращается съ распродажей дворянскихъ имѣній, изъ которыхъ лишь небольшое число попадаютъ въ руки людей образованныхъ и способныхъ нести общественную службу. Бóльшую часть скупщиковъ этихъ имѣній составляютъ разбогатѣвшіе крестьяне или купцы, то-есть люди не подходящіе подъ условія образовательнаго ценза, преобладаніе которыхъ даже въ средѣ гласныхъ земскаго собранія большею частію крайне печально отзывается на земскомъ хозяйствѣ. Добавимъ къ этому что путемъ раздѣловъ по наслѣдству крупныя

имѣнія естественнымъ образомъ все болѣе раздробляются. Это, конечно, очень желательно для латифундій въ нѣсколько тысячъ десятинъ, управленіе которыми въ большинствѣ случаевъ ведется крайне небрежно, ограничиваясь раздачей земель въ аренду крупными участками. Но для имѣній въ 1.000—3.000 дес., а тѣмъ болѣе для мелкихъ помѣстій, раздробленіе ведетъ къ далеко неблагопріятнымъ послѣдствіямъ и съ общественной, и съ сельскохозяйственной точки зрѣнія. Хозяйство ведется правильно и приноситъ доходъ лишь когда имъ непосредственно завѣдуетъ владѣлецъ, посвящая ему весь свой трудъ. А такое поглощеніе всей дѣятельности образованнаго человѣка мыслимо только при томъ условіи если трудъ его оплаченъ достаточно по сравненію съ другими профессіями. Мѣрки Западной Европы, при низкомъ уровнѣ нашей земельной ренты, только на черноземѣ приближающейся къ рентѣ наименѣе производительныхъ земель Запада, для насъ совершенно непригодны. Вотъ почему, въ интересахъ сбереженія контингента лицъ которыя могутъ обезпечить наше сельскохозяйственное развитіе и нести общественную службу не будучи въ постоянной зависимости отъ получаемаго жалованья, слѣдовало бы уже въ настоящее время подумать о принятіи нѣкоторыхъ мѣръ къ огражденію отъ раздѣла дворянскихъ имѣній, по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ которыя не превышаютъ земельнаго ценза для избранія на общественныя должности.

Говоря о Германіи, мы видѣли что размноженіе движимаго капитала и экономическій ростъ городскихъ классовъ повели къ обезземеленію помѣстнаго дворянства. Самое повышеніе земельныхъ цѣнъ способствовало тамъ распродажѣ дворянскихъ помѣстій. У насъ происходитъ то же явленіе при наличности совершенно иныхъ условій. Обиліемъ капиталовъ Россія не отличается, и земельныя цѣны у насъ сильно отстали отъ западно-европейскихъ. Тѣмъ не менѣе реализація дворянской собственности совершается и у насъ, и притомъ въ довольно крупныхъ размѣрахъ. Явленіе это слѣдуетъ объяснить, какъ намъ кажется, двумя главными причинами. Съ одной стороны, ростъ жизненныхъ потребностей подвинулся у насъ гораздо быстрѣе чѣмъ доходы съ земельной собственности, а въ цѣлой нечерноземной полосѣ даже прямо совпалъ съ пониженіемъ этой доходности.

Съ другой стороны, денежный кредитъ до самаго послѣдняго времени былъ у насъ далеко не одинаково доступенъ для различныхъ общественныхъ классовъ. Купечеству онъ былъ открытъ очень щедро и въ отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, и въ многочисленныхъ банкахъ городскихъ. Напротивъ, для помѣстнаго сословія онъ сперва, въ эпоху освобожденія крестьянъ, былъ закрытъ вовсе, а нѣсколько лѣтъ спустя, при учрежденіи земельныхъ банковъ, былъ основанъ на условіяхъ крайне стѣснительныхъ. Купечеству такимъ образомъ была дана какъ бы премія для скупки дворянскихъ имѣній, премія, которою оно воспользовалось весьма широко. Не удивительно что благодаря этимъ двумъ условіямъ переходъ земель изъ рукъ прежнихъ владѣльцевъ къ лицамъ иныхъ сословій совершается быстро, въ особенности въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ, вопервыхъ, земля недорога и гдѣ, вовторыхъ, эксплуатація ея идетъ не путемъ правильной земледѣльческой культуры, а посредствомъ спекуляцій. Такихъ мѣстностей главнымъ образомъ двѣ: промышленная область, гдѣ большую цѣнность представляли помѣщичьи лѣса, и степная, гдѣ сильно распространена раздача земель крупнымъ съемщикамъ кулацкаго типа.

Изъ слѣдующей таблицы, гдѣ мы приводимъ уже отдѣльно по губерніямъ относительное количество земель личной собственности состоящей во владѣніи дворянъ и купцовъ, читатель увидитъ сколько земли въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи утрачено дворянскимъ сословіемъ за послѣднюю четверть вѣка. До реформы 1861 года участіе прочихъ сословій въ личномъ землевладѣніи было самое незначительное; стало-быть почти все что въ настоящее время находится въ рукахъ этихъ сословій можетъ быть признано за сокращеніе дворянскаго землевладѣнія вслѣдствіе продажи земель въ другія руки. Мы группируемъ 29 коренныхъ русскихъ губерній по тремъ полосамъ: нечерноземной, черноземной и степной.

I. ЧЕРНОЗЕМНАЯ ПОЛОСА.

ГУБЕРНІИ.	Изъ земель въ личной собственности въ процентахъ.	
	У дворянъ.	У купцовъ.
1) Черниговская	83%	9%
2) Полтавская	85%	4%
3) Харьковская	82%	8%
4) Курская	82,2%	6,2%
5) Воронежская	83,9%	10,8%
6) Орловская	81%	9,5%
7) Тульская	85,4%	7,3%
8) Рязанская	75,7%	13,8%
9) Тамбовская	78%	15,3%
10) Пензенская	84%	9,8%
11) Казанская	82,7%	11,4%
12) Симбирская	90%	4%
13) Саратовская	79,7%	15,2%

II. НЕЧЕРНОЗЕМНАЯ ПОЛОСА.

ГУБЕРНІИ.	Изъ земель въ личной собственности въ процентахъ.	
	У дворянъ.	У купцовъ.
1) Петербургская	76%	14%
2) Новгородская	63%	17%
3) Псковская	66%	9%
4) Смоленская	80%	10,5%
5) Тверская	68,6%	8,4%
6) Московская	70%	20%
7) Калужская	71%	14,5%
8) Ярославская	65,7%	6,3%
9) Костромская	68,8%	18%
10) Владимірская	57%	27%
11) Нижегородская	84%	6%

III. СТЕПНАЯ ПОЛОСА.

ГУБЕРНІИ.	Изъ земель въ личной собственности въ процентахъ.	
	У дворянъ.	У купцовъ.
1) Бессарабская	72,16%	17,9%
2) Херсонская	76,4%	12,9%
3) Екатеринославская	85,12%	6,8%
4) Таврическая	60,4%	17,7%
5) Самарская	62,4%	20,8%

Изъ этихъ таблицъ видно что обезземеленіе дворянства шло до сихъ поръ въ различныхъ областяхъ Россіи далеко неравномѣрно. Въ черноземной полосѣ оно, говоря вообще, подвинулось гораздо менѣе чѣмъ въ остальныхъ двухъ, причемъ колебанія между отдѣльными губерніями не особенно замѣтны. Въ остальныхъ двухъ областяхъ не только отчужденіе дворянскихъ земель въ общей сложности чувствительнѣе чѣмъ на черноземѣ, но и отдѣльныя губерніи здѣсь сильно выдвигаются въ ту или другую сторону. Такъ въ Смоленской губерніи изъ земель частнаго владѣнія у дворянъ сохранилось 80%, въ Нижегородской 84%, а въ Екатеринославской даже 85,2%. Въ то же время мы имѣемъ здѣсь Новгородскую губернію съ 63%, Владимірскую съ 57%, Таврическую съ 60,4% и Самарскую съ 62,4% дворянскихъ земель. Почти параллельно съ пониженіемъ цифры дворянской собственности идетъ распространеніе купеческой. Самыхъ высокихъ цифръ она достигаетъ въ губерніяхъ: Московской (20%), Костромской (18%), Владимірской (27%) и въ Самарской 20,2%). Если мы затѣмъ сложимъ цифры дворянскаго и купеческаго землевладѣнія, то окажется что вмѣстѣ взятыя онѣ во всей нечерноземной полосѣ составляютъ отъ 80 до 85% личной собственности; * а въ двухъ остальныхъ полосахъ, черноземной и степной, онѣ составляютъ около 90%, за исключеніемъ губерній Таврической и Самарской. Различіе это объясняется степенью распространенности личнаго крестьянскаго землевладѣнія. Покупка земель отдѣльными домохозяевами и крестьянскими товариществами совершалась во всей нечерноземной области въ бо́льшихъ размѣрахъ чѣмъ въ остальныхъ двухъ, что̀ объясняется, вопервыхъ, большею дешевизной земель, а вовторыхъ, тѣмъ обстоятельствомъ что среди крестьянъ промышленныхъ мѣстностей болѣе обращается свободныхъ денегъ. Исключенія какія представляютъ въ одной группѣ губерніи Таврическая и Самарская, а въ другой Смоленская и Нижегородская, объяснить не трудно. Въ двухъ названныхъ степныхъ губерніяхъ цѣны на землю гораздо ниже чѣмъ въ остальныхъ черноземныхъ, и вдобавокъ крестьяне пріобрѣтающіе здѣсь земли принадлежатъ къ числу очень зажиточныхъ, сильно укло-

* Исключеніе составляютъ двѣ столичныя губерніи, Смоленская и Нижегородская.

няющихся отъ нормальнаго крестьянскаго типа. Это видно уже изъ высокой средней цифры десятинъ приходящихся на каждую крестьянскую покупку. Нижегородская губернія на половину черноземная, а Смоленская наименѣе промышленная изо всѣхъ лежащихъ внѣ черноземной полосы, стало-быть крестьянство обѣихъ этихъ губерній поставлено относительно заработковъ въ менѣе благопріятныя условія чѣмъ въ остальной части промышленной области, а потому самому обладаетъ и болѣе слабою покупною способностью. Труднѣе объяснить слабое развитіе крестьянскихъ покупокъ въ губерніяхъ Петербургской и Московской, такъ какъ здѣсь и заработковъ у крестьянъ не мало, и земля не особенно дорога. Вѣроятная причина этого явленія въ подстоличныхъ мѣстностяхъ заключается въ нѣкоторомъ упадкѣ земледѣлія у крестьянъ привыкшихъ къ подгороднымъ промысламъ.

Статистическія цифры показываютъ намъ что особенно часто распродаютъ свои имѣнія дворяне мелкопомѣстные. Это видно изъ того что процентъ дворянскихъ земель болѣе высокъ въ разрядѣ крупныхъ собственниковъ чѣмъ въ разрядѣ среднихъ, а у послѣднихъ больше чѣмъ у мелкихъ. Въ видѣ примѣра, приведемъ три изъ наиболѣе типическихъ русскихъ областей, съ указаніемъ процента дворянскихъ земель въ каждой изъ трехъ группъ владѣльцевъ, и сличимъ его съ таковымъ же процентомъ для всѣхъ группъ взятыхъ въ совокупности. *

ОБЛАСТИ.	Изъ земель личной собств. прин. дворянамъ въ процент.			
	Въ разрядѣ мелк. земл.	Въ разрядѣ средн. земл.	Въ разрядѣ крупн. земл.	Во всѣхъ трехъ разр.
1) Средняя землед.	39%	81%	89%	80%
2) Московск. пром.	18%	74%	80%	69%
3) Нижневолжская	25%	69%	79%	75%

Въ двухъ первыхъ областяхъ не только крупное, но и среднее землевладѣніе содержатъ болѣе высокій процентъ дворянскихъ земель чѣмъ тотъ который приходится на всю

* Мы заимствуемъ эти цифры изъ статистики земельной собственности. Классификація принятая ею, какъ знаетъ читатель, разнится отъ нашей. Но въ данномъ случаѣ это для нашего изслѣдованія безразлично, такъ какъ мы ограничиваемся здѣсь выясненіемъ того факта что обезземеленіе дворянъ происходитъ въ тѣмъ меньшей степени чѣмъ крупнѣе принадлежащія имъ помѣстья.

личную собственность взятую въ совокупности. Въ Нижневолжской области сравнительно болѣе высокій процентъ дворянскихъ земель приходится только на крупную собственность. Такимъ образомъ, несомнѣнно что вездѣ, даже тамъ гдѣ всего сильнѣе подвинулось обезземеленіе дворянства, какъ въ подмосковной области, оно преимущественно коснулось низшихъ его разрядовъ. Затѣмъ, приведенная таблица показываетъ также что три поименованныя области, составляющія какъ бы ядро Россіи, слѣдуютъ одна за другой, съ точки зрѣнія участія дворянства въ личномъ землевладѣніи, довольно правильною прогрессіей. Первое мѣсто занимаетъ земледѣльческая область съ 80% дворянскихъ земель, второе Нижневолжская съ 75% и послѣднее Московская, гдѣ таковыхъ земель всего только 69%.

Если распредѣленіе собственности въ Россіи сильно разнится отъ распредѣленія ея на Западѣ, то не менѣе коренныхъ отличій представляетъ и характеръ нашего сельскаго хозяйства. Главную основную его черту, въ которой заключается несходство его съ Западомъ, составляетъ полное отсутствіе у насъ фермерства. Арендованіе какъ цѣлыхъ имѣній, такъ и отдѣльныхъ угодій у насъ, правда, очень распространенно, но фермерства, за исключеніемъ западныхъ окраинъ, у насъ нѣтъ вовсе. Съемка земель практикуется у насъ въ слѣдующихъ формахъ. Наиболѣе распространенная изъ нихъ—съемка помѣщичьихъ или купеческихъ земель сосѣдними крестьянами либо цѣлыми участками, иногда очень обширными, либо отдѣльными десятинами, причемъ послѣдній видъ арендованія рѣшительно преобладаетъ. Сроки найма вообще очень непродолжительны: въ первомъ случаѣ они рѣдко превышаютъ шесть лѣтъ, во второмъ, земля всегда отдается лишь на снятіе одного хлѣба. Съ точки зрѣнія земледѣльческой культуры, такой видъ найма почти никогда не вызываетъ образованія самостоятельной хозяйственной единицы; снятыя земли обрабатываются какъ бы въ придачу къ надѣльнымъ, причемъ никакихъ затратъ на улучшеніе не производится. Такой видъ хищнической аренды, составляющій одну изъ главныхъ причинъ упадка производительности нашей почвы, вызывается отсутствіемъ капитала примѣняемаго къ земледѣлію. Большинство землевладѣльцевъ, даже наиболѣе крупныхъ, ограничиваются веденіемъ собственнаго хозяйства на одномъ хуторѣ, остальныя же земли поступаютъ

въ раздачу ради полученія съ нихъ голой ренты безо всякой затраты. Существуетъ, впрочемъ, и поводъ къ такому хозяйничанью, нѣсколько извиняющій нашихъ землевладѣльцевъ: безъ отдачи земель крестьянамъ во многихъ черноземныхъ мѣстностяхъ нѣтъ возможности пріискать рабочія руки для собственной запашки. Въ очень крупныхъ имѣніяхъ, гдѣ владѣльческая контора не имѣетъ возможности вѣдаться съ каждымъ крестьяниномъ отдѣльно, на помощь ей является особый классъ арендаторовъ-посредниковъ, тоже вышедшихъ изъ крестьянъ. Они снимаютъ землю съ торговъ большими участками и затѣмъ раздаютъ ее по мелочамъ отдѣльнымъ домохозяевамъ, причемъ платимая ими аренда значительно ниже получаемой съ мелкихъ съемщиковъ. Эта разница, достигающая иногда 50%, составляетъ барышъ посредника за оказанную имъ услугу и вознагражденіе за рискъ. Этотъ видъ арендованія особенно распространенъ на юговосточной окраинѣ средне-черноземной полосы и въ заволжскихъ степяхъ.

За послѣдніе годы, но пока еще въ очень слабыхъ размѣрахъ, появляется у насъ на черноземѣ арендованіе цѣлыхъ участковъ, съ устройствомъ на нихъ хуторовъ и веденіемъ правильнаго хозяйства. Это первые слабые зачатки у насъ фермерства. Арендаторами являются какъ отдѣльныя лица изъ купцовъ и крестьянъ, такъ и цѣлыя товарищества домохозяевъ. Въ первомъ случаѣ плата производится исключительно деньгами, причемъ расходы на устройство хутора беретъ на себя съемщикъ, во второмъ, плата производится обыкновенно натурой, съ возвратомъ помѣщику части изъ урожая. Въ послѣднемъ случаѣ, встрѣчающемся пока крайне рѣдко, хуторъ ставится самимъ владѣльцемъ. Этотъ видъ арендованія возникъ у насъ въ послѣдніе годы благодаря растущей несостоятельности крестьянъ. Полученіе съ нихъ арендной платы становится затруднительнымъ, и владѣльцы вынуждены прибѣгать къ такому способу извлеченія дохода который, вопервыхъ, требуетъ нѣкоторыхъ предварительныхъ затратъ, а вовторыхъ, сопряженъ съ рискомъ въ случаѣ неурожая. Здѣсь, такимъ образомъ, какъ и во многихъ случаяхъ экономической жизни, кратическое положеніе хозяйства прямо ведетъ къ попыткамъ улучшить его, и зло какъ бы содержитъ въ самомъ себѣ и средство къ исцѣленію.

Форма арендованія, на главныя разновидности которой мы бѣгло указали, и которую можно было бы назвать арендова-

ніемъ безхозяйственнымъ, распространена въ цѣлой Россіи, но не въ одинаковой степени. Понятно что она примѣняется тѣмъ сильнѣе чѣмъ легче земля даетъ урожай безъ удобренія. Въ виду этого она преимущественно господствуетъ на черноземѣ, какъ въ центральной области, такъ и въ степной, заволжской. Въ новороссійскихъ степяхъ она занимаетъ сравнительно гораздо меньшую площадь, потому что крестьяне здѣсь не столь охотно разбираютъ помѣщичьи земли, и на этихъ земляхъ къ тому же, благодаря залежному хозяйству и овцеводству, пашня занимаетъ не такое обширное пространство. Еще меньше распространеніе аренды въ нечерноземной полосѣ, да и характеръ ея здѣсь совершенно иной. Предметомъ „безхозяйственной аренды“ въ промышленной и озерной области служатъ преимущественно не пашни—онѣ крестьянами снимаются здѣсь лишь въ очень незначительномъ количествѣ—а всевозможныя сѣнокосныя и выгонныя угодья, какъ лежащія отдѣльно отъ главнаго имѣнія въ отхожихъ пустошахъ, такъ и находящіяся среди лѣсныхъ дачъ. Эти угодья составляютъ настоящія оброчныя статьи, дающія помѣщичьимъ хозяйствамъ оборотныя суммы и рабочія силы. Сроки аренды и формы платежа самыя разнообразныя. Сдаются эти угодья, какъ извѣстно, и за деньги, и за отработки, и съ возвращеніемъ части урожая натурой. Излагать подробно эти условія мы не станемъ, потому что такое изложеніе было бы здѣсь не у мѣста и также потому что указать какія-нибудь преобладающія формы арендованія было бы затруднительно, въ виду крайняго ихъ разнообразія. Въ сущности, этотъ способъ эксплуатированія помѣщичьихъ угодій въ нечерноземной полосѣ имѣетъ много общаго съ отдачей земель подъ распашку въ черноземныхъ хозяйствахъ, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ не принимается ровно никакихъ мѣръ къ улучшенію почвы.

Другой видъ аренды, гораздо менѣе распространенный чѣмъ первый, заключается въ отдачѣ цѣлыхъ имѣній на болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Примѣняется онъ главнымъ образомъ къ небольшимъ хозяйствамъ. Поводомъ къ нему служитъ все то же безденежье которое побуждаетъ крупныхъ землевладѣльцевъ отдавать съемщикамъ отдѣльныя части своихъ земель. Но такъ какъ веденіе хозяйства съ полнымъ инвентаремъ требуетъ капитала, а его у арендаторовъ тоже большею частію не имѣется, то арендованіе имѣній болѣе

или менѣе крупныхъ представляетъ у насъ лишь рѣдкое явленіе. Съ фермерствомъ этотъ видъ найма тоже не имѣетъ ничего общаго. Особаго класса фермеровъ, посвящающихъ сельскому хозяйству трудъ, знаніе и деньги, въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ не выработалось. Контингентъ арендаторовъ не только въ высшей степени случайный, но и набирается онъ изъ лицъ которыя посвящаютъ себя земледѣлію какъ бы съ горя, смотрятъ на него какъ на простую аферу, притомъ не особенно выгодную, и потому видятъ въ арендованіи лишь средство урвать съ имѣнія какъ можно больше не вложивъ въ него отъ себя ничего. Отдача въ аренду цѣлаго имѣнія большею частію бываетъ послѣдствіемъ ряда неудачныхъ опытовъ владѣльца и желанія его какъ-нибудь раздѣлаться съ хозяйствомъ чтобъ отыскивать себѣ средства къ жизни инымъ способомъ. Вообще на всѣ земли поступающія у насъ въ наемъ можно смотрѣть, съ сельскохозяйственной точки зрѣнія, какъ на отрицательную величину, какъ на капиталъ идущій постоянно на убыль. Для крестьянъ, поставляющихъ у насъ огромное большинство нанимателей, эти земли служатъ несомнѣннымъ подспорьемъ, иногда безусловно необходимымъ. Но для самыхъ земель арендованіе, какъ оно у насъ практикуется, представляетъ сплошное расхищеніе.

Изо всего сказаннаго слѣдуетъ что сельскохозяйственное значеніе могутъ имѣть лишь тѣ земли которыя находятся въ непосредственномъ завѣдываніи хозяина. У насъ при этомъ замѣчается любопытное явленіе, именно, что размѣры хозяйства не находятся въ прямомъ отношеніи къ пространству имѣнія. Ниже извѣстной нормы, размѣры эти, конечно, по необходимости сокращаются вмѣстѣ съ площадью имѣнія. Норма эта для каждой отдѣльной полосы опредѣляется количествомъ запашки которая можетъ быть ведена при одномъ хуторѣ. А это количество зависитъ, въ свою очередь, отъ двухъ условій: отъ требуемаго при данномъ хозяйствѣ удобренія и отъ наличности необходимыхъ сѣнокосовъ и пастбищъ. Вообще признается что въ нечерноземной полосѣ, гдѣ паровое поле должно удабриваться ежегодно, нормальное отношеніе пашень къ площади хозяйственныхъ угодій равняется 40%, въ черноземной полосѣ 70%, а въ степной, при залежномъ хозяйствѣ, 50%. Трудность вывозить удобреніе далѣе извѣстнаго разстоянія, а съ полей свозить въ усадьбу сноповой

хлѣбъ, и необходимость постояннаго надзора за работами, въ свою очередь, ставятъ пахотнымъ полямъ извѣстные максимальные предѣлы далѣе которыхъ хозяйство становится затруднительнымъ. Вотъ почему, тамъ гдѣ, какъ на черноземѣ, удобреніе вывозится не на цѣлое поле, тѣмъ болѣе тамъ гдѣ, какъ въ степномъ хозяйствѣ, его не вывозятъ совсѣмъ, размѣры запашекъ могутъ быть увеличены. Въ то же время такому увеличенію способствуетъ высокая стоимость строительныхъ матеріаловъ въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ и широкое примѣненіе машинъ при уборкѣ и молотьбѣ хлѣба въ мѣстностяхъ гдѣ рабочія руки дороги. Въ виду этого, высшимъ предѣломъ запашки для нечерноземной полосы можно признать 200—250 дес., 500 для черноземной и 800—1.000 для степной. Этимъ размѣрамъ соотвѣтствуютъ для первой изъ трехъ полосъ 500—600, для второй 600—650 и наконецъ для третьей 1.600—2.000 десятинъ, какъ цифры выражающія высшую нормальную площадь цѣлаго хозяйства, со включеніемъ въ него всѣхъ необходимыхъ угодій. Для первыхъ двухъ полосъ онѣ совпадаютъ съ размѣромъ низшаго разряда крупной собственности, и только для третьей со вторымъ, болѣе высокимъ ея разрядомъ. Вотъ почему, между прочимъ, въ степныхъ губерніяхъ собственность сосредоточивается въ большихъ помѣстьяхъ и группа землевладѣльцевъ отъ 500 до 1.000 десятинъ представлена слабо.

Мы только-что замѣтили что размѣры хозяйства не растутъ пропорціонально съ площадью имѣнія. Другими словами, когда эта площадь превышаетъ указанныя выше нормы, остальныя земли уже не включаются въ хозяйство и рѣдко служатъ для образованія новаго хутора, а большею частью представляютъ собою оброчныя статьи. Случается это впрочемъ зачастую и въ имѣніяхъ далеко не достигающихъ предѣльной нормы. Не только крупные, но и средніе землевладѣльцы въ большинствѣ случаевъ не пользуются непосредственно всѣми своими землями, и хозяйства ихъ обыкновенно не достигаютъ тѣхъ размѣровъ какіе допускала бы площадь имѣнія. Это особенно замѣтно по мѣрѣ увеличенія этой площади. Чѣмъ она больше, тѣмъ обыкновенно меньшій процентъ въ ней занимаетъ собственное хозяйство владѣльца. Въ самыхъ большихъ имѣніяхъ, превышающихъ 10.000 десятинъ, владѣльческаго хозяйства зачастую даже нѣтъ вовсе, и все управленіе сводится къ полученію ренты.

Такимъ образомъ, у насъ повторяется то же явленіе какое мы подмѣтили въ Англіи и во Франціи, гдѣ наиболѣе крупные собственники тоже ведутъ хозяйство лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ. Но между порядками обѣихъ названныхъ странъ и нашими есть тоже существенное отличіе. Вопервыхъ, крупные собственники Англіи и Франціи, сдавая бóльшую часть своихъ земель, заботятся о томъ чтобъ онѣ попали въ исправныя руки. У насъ, какъ мы видимъ, этой заботливости нѣтъ и слѣда. Вовторыхъ, тѣ, сравнительно небольшіе, участки которыми эти собственники завѣдуютъ сами служатъ для всей страны высокими образцами сельскохозяйственной культуры Ничего подобнаго у себя мы не замѣчаемъ. Наши латифундіи, за весьма немногими исключеніями, отличаются самою первобытною культурой и служатъ поприщемъ не для сельскохозяйственныхъ опытовъ, а для наживы управляющихъ.

Но если, такимъ образомъ, самый высшій разрядъ нашихъ землевладѣльцевъ далеко не имѣетъ того характера піонеровъ сельскаго хозяйства которымъ гордятся англійскіе ландлорды, то съ другой стороны нельзя сказать чтобъ интенсивная культура процвѣтала у насъ и среди мелкихъ и среднихъ хозяевъ. Сильному пониженію уровня хозяйства у крупнѣйшихъ собственниковъ вовсе не соотвѣтствуетъ повышеніе его у мелкихъ. Оставляемъ въ сторонѣ крестьянское хозяйство, неподвижность котораго достаточно выяснена; не будемъ говорить и о мельчайшихъ личныхъ собственникахъ, владѣющихъ менѣе чѣмъ 10 дес.: они почти исключительно тѣ же крестьяне, пріобрѣтшіе клочки земли въ дополненіе ко своимъ надѣламъ. Но что̀ даютъ намъ слѣдующія двѣ категоріи владѣльцевъ, отъ 10 до 100 и отъ 100 до 500 десятинъ? Сюда входятъ люди самыхъ разнообразныхъ классовъ: мелкіе помѣщики изъ дворянъ, купцы, разночинцы и болѣе зажиточные крестьяне и мѣщане. Собственность ихъ тоже состоитъ изъ очень различныхъ владѣній; сюда входятъ и небольшія пустоши въ нечерноземной полосѣ, вовсе не обрабатываемыя, и отрѣзки отъ черноземныхъ помѣщичьихъ имѣній, и цѣлыя небольшія помѣстья съ полнымъ составомъ угодій. Изъ нихъ выдѣляются болѣе тщательною культурой лишь тѣ имѣнія, большею частью во 100—150 дес., которыя пріобрѣтены зажиточными крестьянами не торговаго, а земледѣльческаго типа. Въ этихъ имѣніяхъ прежнія полусгнившія усадьбы снесены, ихъ замѣнили новые хуторки, очень

небольшіе по числу и размѣру зданій, но за то выстроенные очень прочно. Хозяйство ведется аккуратно и обходится не дорого, потому что владѣлецъ не только присматриваетъ за нимъ, но и работаетъ самъ. Такихъ хуторовъ, впрочемъ, у насъ очень мало, потому что крестьяне умѣлые и зажиточные и которые заняты земледѣліемъ, а не кулачествомъ, сами очень немногочисленны. За этими немногими исключеніями, мелкія и среднія хозяйства, съ точки зрѣнія интенсивности, рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ болѣе крупныхъ. Можно даже положительно сказать что въ этомъ разрядѣ владѣльцевъ попадается наименьшее число такихъ которые усовершенствовали пріемы хозяйства, и это по весьма простой причинѣ—по недостатку средствъ.

Итакъ, тѣ сравнительно немногіе успѣхи которыхъ достигло наше сельское хозяйство должны быть всецѣло отнесены къ двумъ низшимъ разрядамъ нашихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, причемъ они сравнительно замѣтнѣе въ имѣніяхъ отъ 1.000—3.000 дес. Здѣсь въ самомъ дѣлѣ соединяется наибольшее число благопріятныхъ условій для такихъ успѣховъ. Имѣніе при правильномъ хозяйствѣ можетъ обезпечить владѣльцу средства къ жизни и потому способно привлечь весь его трудъ. Оно можетъ снабдить его денежными средствами для производства улучшенія; въ то же время оно по своему объему не превышаетъ его силъ и доходы отъ него не такъ велики чтобъ отвлечь его отъ скромной дѣятельности сельскаго хозяина приманками столичной жизни.

XI.

Познакомившись съ распредѣленіемъ собственности въ четырехъ главныхъ европейскихъ странахъ, мы можемъ теперь группировать страны смотря по тому какой видъ землевладѣнія является въ каждой изъ нихъ преобладающимъ. По степени развитія мелкой собственности первое мѣсто принадлежитъ Россіи, а послѣднее Англіи; Франція и Германія стоятъ въ этомъ отношеніи довольно близко другъ къ другу, причемъ, однако, Франція опередила свою сосѣдку. Совершенно въ иномъ порядкѣ эти четыре страны располагаются относительно крупнаго землевладѣнія: здѣсь уже на первомъ мѣстѣ является Англія, гдѣ крупная собственность занимаетъ

три четверти всей территоріи, затѣмъ слѣдуетъ Россія, отступающая однако сильно назадъ, потомъ Германія и наконецъ Франція. Наоборотъ, относительно средняго землевладѣнія Россія опускается на послѣднюю ступень этой лѣстницы; первое мѣсто на ней принадлежитъ Германіи, за которою опять-таки довольно близко слѣдуетъ Франція; Англія стоитъ много ниже, почти на одномъ уровнѣ съ Россіей. Такимъ образомъ, аграрный строй каждой изъ названныхъ странъ носитъ свой особый отпечатокъ. Въ Англіи преобладаніе крупной собственности оставило лишь самое незначительное мѣсто для прочихъ видовъ землевладѣнія. Въ Россіи почти вся территорія принадлежитъ крупнымъ и мелкимъ владѣльцамъ, между которыми совершенно исчезаетъ ничтожная площадь средняго землевладѣнія. Франція представляетъ какъ бы оборотную сторону англійскихъ земельныхъ порядковъ: $^1/_4$ страны крупному землевладѣнію. Наконецъ въ Германіи три группы собственниковъ подѣлили ея территорію почти на равныя доли.

Но этимъ не исчерпывается характеристика аграрнаго устройства каждой изъ четырехъ поименованныхъ странъ. Три разряда землевладѣльцевъ, о которыхъ мы постоянно говоримъ, имѣютъ въ различныхъ мѣстностяхъ Европы далеко не тождественныя свойства. Въ Англіи крупное землевладѣніе является прежде всего политическою силой. Громадные доходы съ обширныхъ англійскихъ помѣстій имѣютъ почти характеръ налога оплачивающаго службу земельныхъ собственниковъ по общему и мѣстному управленію, службу, какъ извѣстно, даровую. Во Франціи точно такъ же какъ и въ Англіи, крупные землевладѣльцы ведутъ хозяйство въ своихъ помѣстьяхъ лишь въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Отдача земель фермерамъ распространена тамъ почти въ такой же мѣрѣ какъ и въ Англіи. Но политическія событія не только сгладили во Франціи сословныя отличія, но почти совершенно устранили крупныхъ собственниковъ отъ общественныхъ дѣлъ; земельная рента въ этой странѣ является такимъ образомъ лишь источникомъ жизненныхъ удобствъ, не связанныхъ ни съ какою политическою ролью и потому очень мало отличается отъ дохода получаемаго въ видѣ купоновъ процентныхъ бумагъ. Въ Германіи, гдѣ очень обширныхъ имѣній почти нѣтъ и потому землевладѣльческій классъ не отличается подавляющимъ богатствомъ, это сословіе не имѣетъ

[illegible] политической силы какъ въ Англіи, но за то оно остается въ своихъ имѣніяхъ, само завѣдуетъ въ нихъ хозяйствомъ и поставляетъ почти весь контингентъ на мѣстныя должности, [illegible] правительственныя такъ и выборныя, и офицеровъ [illegible] въ [illegible], гдѣ средній размѣръ крупной [illegible] больше чѣмъ въ Германіи, но гдѣ за [illegible] два крайніе разряда помѣщиковъ, вла[illegible] (до 1.000 д.) и самые богатые, почти [illegible] имѣнія. Первые вынуждены искать [illegible], послѣдніе не обнаруживаютъ [illegible] именно благодаря обшир[illegible] наличный контингентъ обез[illegible] остающихся на мѣстахъ заклю[illegible] собственниковъ. Такія же [illegible] землевладѣніе. Личный со[illegible] другими словами, оно гораздо [illegible] Европы, то-есть въ Англіи, во [illegible] Германіи, чѣмъ въ остальной [illegible]. Независимо отъ этого, оно [illegible] совершенно своеобразный [illegible] крестьянскимъ, то-есть оно [illegible] семьи владѣльца, а [illegible] въ руки достаточныхъ [illegible] совершился почти [illegible] въ Германіи онъ пока лишь [illegible] въ окрестностяхъ [illegible] въ мѣстностяхъ съ исключительно [illegible] климата и почвы. Причина этого [illegible] стороны, непомѣрное [illegible] недоступною для рабочаго [illegible] капиталовъ создаетъ [illegible] для сельскохозяйственныхъ [illegible] помѣщеній. Совершенно [illegible] землевладѣніе сохранило лишь [illegible] природой, въ сѣверной и [illegible] и въ нѣкоторыхъ французскихъ [illegible] замѣтить въ аграр[illegible] особенность, сильно отра[illegible] но и на политическомъ [illegible] тамъ гдѣ извѣстный видъ [illegible], онъ не окончательно

успѣлъ вытѣснить остальные; даже тамъ гдѣ землевладѣніе сосредоточивается въ рукахъ одного класса, какъ въ Англіи, фактическое пользованіе землей, благодаря долгосрочнымъ арендамъ, все-таки переходитъ въ руки другихъ классовъ. Такимъ образомъ, путемъ съемки земель нарушенное равновѣсіе возстановляется, и всѣ сословія принимаютъ участіе въ землевладѣніи. Въ этомъ сказывается преобладающее вліяніе на аграрный строй формъ земледѣльческой культуры, перевѣсъ экономическаго фактора надъ политическимъ. Если мы хотимъ имѣть вѣрное представленіе о земельныхъ порядкахъ данной страны, мы всегда должны принимать во вниманіе въ чьихъ рукахъ находится дѣйствительное пользованіе землей и какъ распредѣляется она по отдѣльнымъ хозяйствамъ. Число и размѣръ этихъ хозяйствъ и опредѣляютъ въ концѣ концовъ мѣру участія всѣхъ общественныхъ классовъ въ землевладѣніи. Такъ, напримѣръ, не разъ было замѣчено что у насъ въ Россіи крестьянскія хозяйства на самомъ дѣлѣ занимаютъ гораздо бо́льшую площадь чѣмъ собственно крестьянскіе надѣлы. Происходитъ это, какъ извѣстно, благодаря очень распространенной у насъ съемки помѣщичьихъ земель крестьянами. Такимъ образомъ, пользованіе землей въ каждой данной странѣ гораздо болѣе измельчано чѣмъ владѣніе ею. Хозяйственныя единицы всегда многочисленнѣе и потому мельче единицъ владѣнія, помѣстій. Вотъ почему, при нашемъ обзорѣ отдѣльныхъ европейскихъ странъ, мы старались указывать, помимо статистическихъ цифръ о землевладѣніи, на характеръ и на размѣры отдѣльныхъ хозяйствъ. Только при сличеніи этихъ разнородныхъ данныхъ получается, какъ мы думаемъ, полная картина аграрныхъ порядковъ страны.

Но, повторяемъ, въ Европѣ почти повсемѣстно отдѣльные виды собственности и различные виды хозяйствъ болѣе или менѣе уравновѣшиваются. Существуютъ, однако, исключительныя мѣстности, гдѣ такое равновѣсіе исчезло, гдѣ не только одинъ изъ видовъ землевладѣнія, но и соотвѣтствующій ему видъ хозяйства почти окончательно вытѣсненъ. Мѣстности эти двоякаго рода. Въ Горной Шотландіи и въ нѣкоторыхъ комитатахъ Венгріи ни средней, ни мелкой собственности нѣтъ почти вовсе, и культура до того экстенсивна что обширныя площади владѣльческихъ помѣстій почти вовсе не дробятся на отдѣльныя хозяйства. Но есть въ Европѣ

Тарантасъ тащился тихо, колеса хлюпали по водѣ, копыта пристяжныхъ то и дѣло посылали брызги жидкой грязи въ лицо путешественника, но тотъ, казалось, не замѣчалъ ихъ; онъ снялъ фуражку, и предоставляя легкому вѣтерку трепать свои жидкіе волосы уже давшіе плѣшь на затылкѣ, весь предался созерцанію. На его не молодомъ, но красивомъ лицѣ, съ добрыми, прекрасными глазами глядящими задумчиво куда-то вдаль, легло одно изъ тѣхъ выраженій которыя являются у людей только въ тѣ минуты когда они знаютъ что за ними никто наблюдать не можетъ. Все лицо его дышало мягкостью и какою-то растроганностью, на губахъ застыла полуулыбка полная грусти. Еслибъ одинъ изъ подчиненныхъ ему чиновниковъ увидалъ Алексѣя Николаевича Толбина въ этой согбенной, почти старческой позѣ, съ этими развѣвающимися по вѣтру жидкими волосами, съ этимъ обрызганнымъ грязью лицомъ и мягкимъ, грустнымъ взоромъ, онъ вѣроятно не узналъ бы въ немъ своего выхоленнаго, элегантнаго начальника, умѣвшаго обдавать васъ такимъ равнодушнымъ взглядомъ.

Такъ вотъ она эта родина, которая, онъ думалъ, уже не сможетъ разбудить въ немъ прежнее чувство умиленія! Нѣтъ, она еще не утратила своего обаянія надъ нимъ, ему еще дорогъ видъ этихъ безконечныхъ полей кой-гдѣ перерѣзанныхъ овражками, съ этими небольшими перелѣсками на горизонтѣ, съ убогими деревнями на берегу узкихъ, глубокихъ, не быстрыхъ черноземныхъ рѣчекъ, съ этими копанями обсаженными ветлами. Пусть не красивъ этотъ видъ, пусть онъ бѣденъ красками, но ему любъ просторъ его, любъ запахъ земли и свѣжести охватывающей его со всѣхъ сторонъ, люба убогая картина! Да и не убога она совсѣмъ, о нѣтъ, въ ней есть своего рода величіе, и неуловима она въ своей широтѣ какъ та человѣческая душа которая ее любитъ!

Картина родныхъ, давно не виданныхъ полей возбудила въ немъ воспоминанія юности; онъ здѣсь началъ жить и мыслить. И какъ жалка показалась ему жизнь въ сравненіи съ тѣмъ о чемъ мечталъ онъ въ ранніе годы! Какіе планы строилъ онъ тогда, какъ гордо глядѣлъ въ грядущую жизнь, сколько новыхъ мыслей собирался повѣдать людямъ, какимъ считалъ себя титаномъ! И что́ же? Пройдена бо́льшая половина жизни, ему безъ малаго соро́къ лѣтъ, и чѣмъ же можетъ онъ вспомянуть эту жизнь? что̀ онъ сдѣлалъ о

окладу возрасло на 40%. Послѣ 1875 года это возрастаніе нѣсколько утихло, а за послѣдніе три года замѣтно даже нѣкоторое сокращеніе числа окладныхъ имуществъ. Въ Россіи, съ тѣхъ поръ какъ ведутся земскія окладныя книги и земскими статистическими бюро собираются свѣдѣнія о нотаріальныхъ актахъ по продажѣ недвижимой собственности, несомнѣнно совершается не только переходъ имѣній изъ рукъ дворянства къ лицамъ другихъ сословій, главнымъ образомъ къ купцамъ и ко крестьянамъ, но и размноженіе мелкаго личнаго землевладѣнія на счетъ средняго и отчасти крупнаго. О Германіи, какъ замѣчено выше, мы точныхъ свѣдѣній не имѣемъ. За то существуетъ фактъ громко указывающій на измельчаніе крупной, даже средней собственности; фактъ этотъ—полное исчезновеніе первой и слабость второй въ цѣлой обширной области, прирейнской части этой страны, гдѣ въ началѣ текущаго вѣка дворянское землевладѣніе было еще довольно значительно. Наконецъ, объ одномъ, правда небольшомъ, государствѣ, о Бельгіи, мы имѣемъ данныя нѣсколько иного рода, но тоже очень любопытныя. Бельгійская статистика принимаетъ за единицу не поземельное имущество, а отдѣльныя хозяйства, совершенно такъ же какъ нѣмецкая. И вотъ, за періодъ времени отъ 1866 по 1880 годъ, число этихъ хозяйствъ увеличилось съ 744.007 до 910.396, причемъ всѣ группы хозяйствъ свыше 10 гектаровъ потерпѣли сокращеніе. Такимъ образомъ, несомнѣнно что примѣненіе капиталовъ къ земледѣлію произвело на сельско-хозяйственное производство дѣйствіе противоположное тому какое оно оказало на фабричную промышленность. Позволительно думать что, подъ вліяніемъ одинаковыхъ условій, тотъ же процессъ совершается и въ другихъ странахъ. Слѣдуетъ, конечно, замѣтить что это явленіе нѣсколько ослабляется двумя обстоятельствами: вопервыхъ, происходитъ сильное размноженіе застроенной собственности (propriété bâtie), въ томъ числѣ городской, которую французская и нѣмецкая статистика приравниваетъ къ сельской; вовторыхъ, измельчаніе, особенно во Франціи, преимущественно замѣтно въ группѣ наиболѣе мелкихъ владѣльцевъ, вслѣдствіе чего расширеніе площади мелкой собственности идетъ далеко не такъ быстро какъ увеличеніе числа владѣльцевъ. Но тѣмъ не менѣе, нельзя не признать что въ общей сложности и размѣры земледѣльческихъ хозяйствъ, и сама поземельная собственность мельчаютъ.

— Да, вѣдь старикъ-то Туровскій давно ужь умеръ.

— Давно. Я въ тѣ поры только что женился.... А вонъ и Павлово наше, вонъ бѣлѣется въ рощѣ-то.

Алексѣй Николаевичъ даже привсталъ въ тарантасѣ, вглядываясь вдаль.

Какъ давно не былъ онъ здѣсь: онъ не узналъ было своего роднаго гнѣзда! И онъ сталъ вспоминать куда должна теперь повернуть дорога.

— Вѣдь теперь намъ влѣво придется забирать, а потомъ уже повернемъ направо? спросилъ онъ мужика:—тутъ еще межевая яма будетъ.

— Такъ точно.

— Позади у насъ останутся Трасенцы, а налѣво Толстый лѣсъ?

— Помните? сказалъ Петръ, оборачиваясь и поощрительно улыбаясь:—Трасенцы-то только вырублены, пахота тамъ теперь; еще при старомъ баринѣ рубили. А оврагъ какой сталъ, совсѣмъ къ деревнѣ подошелъ...

Да, да, Алексѣй Николаевичъ вспомнилъ какъ рубили Трасенцы и съ какою болью въ душѣ смотрѣлъ онъ какъ одно за другимъ падаютъ деревья.

Но вотъ и Толстый, вотъ дорожка спускающаяся въ овражекъ, отѣненная дубками и орѣшиной, поэтичнѣе которой, ему казалось, нѣтъ и дорогъ на свѣтѣ. Какъ хорошо тамъ въ глубинѣ, подъ этою таинственною легкою тѣнью еще не совсѣмъ одѣвшихся дубковъ... Онъ приближается къ усадьбѣ. Съ этой стороны не увидишь дома, пока не подъѣдешь вплотную; онъ весь заросъ садомъ. Сердце бьется, какъ въ ожиданіи свиданія съ любимою женщиной... Вотъ потянулся на валу плетень густо обвитый мѣстами хмелемъ, рябина свѣсилась за тынъ, надъ нею поднялась березка со своимъ тонкимъ бѣлымъ стволомъ и выглядываетъ на него привѣтливо, шурша своею свѣжею, пахучею листвой; вотъ цѣлая группа вишняка, вся, какъ снѣгомъ, покрытая цвѣтами, громоздится на самомъ высокомъ мѣстѣ вала, вылѣзаетъ за плетень и заполоняетъ собою большое пространство рва; а тамъ дальше выглядываютъ клены со своими лапчатыми, еще совсѣмъ нѣжными, неокрѣпшими листьями, опять рябина, кусты черемухи, сирени... И все это свѣжо, благоуханно и такъ знакомо, такъ дорого сердцу! Звончѣй раздаются бубенцы, усталыя лошади весело пофыркиваютъ, вотъ обогнули и садъ, налѣво

заставляетъ ихъ платить за землю такую цѣну которая не соотвѣтствуетъ ея рентѣ. Само собою разумѣется что такое возвышеніе естественной стоимости земли побуждаетъ крупныхъ владѣльцевъ къ распродажѣ своихъ имѣній. Но совокупность этихъ условій касается только одной, субъективной, если можно такъ выразиться, стороны этого вопроса. Этимъ объясняются лишь мотивы покупки съ одной стороны, продажи—съ другой. Между тѣмъ къ измельчанію самихъ хозяйствъ ведутъ соображенія иного рода. Интенсивная культура, то-есть въ сущности земледѣліе съ помощью капитала, позволяетъ увеличивать производительность даннаго участка. Стало-быть, на ряду съ несомнѣнною выгодой отъ крупнаго хозяйства позволяющаго обходиться сравнительно меньшими расходами на управленіе и обработку, существуетъ иная, несвойственная фабричной промышленности, именно возможность получить одинаковый валовой доходъ при меньшихъ объемахъ эксплуатаціи. Между тѣмъ, какъ скоро начинается движеніе къ увеличенію интенсивности земледѣлія, оно постепенно увлекаетъ въ свой кругъ все большее число владѣльцевъ желающихъ воспользоваться выгодой новыхъ способовъ культуры. Но такъ какъ примѣненіе этихъ способовъ къ большимъ хозяйствамъ требуетъ и большихъ денежныхъ затратъ, а такія затраты далеко не всѣмъ подъ силу, то введеніе интенсивной культуры несомнѣнно ведетъ въ очень многихъ случаяхъ къ сокращенію прежнихъ объемовъ хозяйствъ и къ отдачѣ части земель въ аренду, или даже къ распродажѣ.

Теперь естественно возникаетъ вопросъ: каковъ будетъ вѣроятный дальнѣйшій ходъ замѣчаемаго нами процесса? Слѣдуетъ ли ожидать полнаго исчезновенія крупныхъ хозяйствъ, по крайней мѣрѣ въ странахъ съ высокою земледѣльческою культурой, или, напротивъ, это движеніе остановится? За послѣдніе годы на всемірномъ хлѣбномъ рынкѣ произошелъ поворотъ къ пониженію цѣнъ, и нельзя пока предвидѣть скоро ли онъ пріостановится. Это пониженіе уже значительно повліяло на арендныя цѣны, а затѣмъ и на продажную стоимость земли. Во многихъ мѣстностяхъ Западной Европы производство зерновыхъ хлѣбовъ стало уже прямо убыточнымъ не только на арендованныхъ, но и на собственныхъ земляхъ. Другими словами, оно перестало покрывать расходы на обработку, не говоря уже о земельной рентѣ. Послѣдствіемъ этого явились сокращеніе хлѣбныхъ посѣвовъ и переходъ

многихъ хозяйствъ въ Англіи и во Франціи къ пастбищной системѣ съ усиленнымъ посѣвомъ кормовыхъ травъ и съ производствомъ скота на мясо. Если такое положеніе рынка продержится нѣсколько лѣтъ, то преобразованіе культуры въ указанномъ направленіи несомнѣнно приметъ болѣе широкіе размѣры. Предугадать послѣдствія такого преобразованія не трудно. Производство хлѣбовъ станетъ возможнымъ только для тѣхъ мелкихъ хозяевъ которые сами потребляютъ всѣ свои продукты, не принимая въ разчетъ стоимости своей работы, и для такихъ крупныхъ эксплуатацій которыя ведутъ свое дѣло экстенсивно, сокращая расходы на управленіе и усиливая примѣненіе земледѣльческихъ машинъ. При дороговизнѣ мяса въ Западной Европѣ, слѣдуетъ вдобавокъ ожидать еще большаго расширенія скотоводства и увеличенія пастбищъ на счетъ пахотныхъ полей. Въ то же время арендныя цѣны на землю станутъ все болѣе понижаться, и при общемъ уменьшеніи доходовъ отъ земледѣлія, затраты новыхъ капиталовъ на земледѣльческую промышленность сдѣлаются все менѣе выгодными. При такихъ условіяхъ, спросъ на землю сократится, и у крупныхъ собственниковъ будетъ уже менѣе поводовъ къ ея распродажѣ. Въ то же время, сравнительная выгодность экстенсивнаго выгоннаго хозяйства повліяетъ на расширеніе его размѣровъ. Всѣ эти условія, вмѣстѣ взятыя, не только пріостановятъ измельчаніе собственности, но могутъ легко повести къ нѣкоторому возстановленію крупныхъ хозяйствъ путемъ скупки земель богатыми землевладѣльцами и включенія арендуемыхъ фермъ въ районъ помѣщичьихъ хозяйствъ. Замѣченное нами во Франціи сокращеніе числа окладныхъ имуществъ, конечно, находится въ связи съ этимъ явленіемъ. Но рядомъ съ нимъ можетъ произойти и другое, какъ бы дополняющее его. Если интенсивное зерновое хозяйство становится невыгоднымъ, то, съ другой стороны, тѣмъ болѣе прибыльнымъ окажется производство растеній промышленныхъ, огородныхъ и садовыхъ, цѣнность которыхъ пока не подверглась колебанію. Сокращенію зерновыхъ посѣвовъ въ крупныхъ хозяйствахъ будетъ, вѣроятно, соотвѣтствовать такое же сокращеніе ихъ въ хозяйствахъ мелкихъ, которыя перейдутъ къ формамъ производства еще болѣе интенсивнымъ. Другими словами, хлѣба уступятъ мѣсто, съ одной стороны, пастбищамъ и лугамъ, съ другой—огороднымъ овощамъ, плодовымъ деревьямъ и промышленнымъ растеніямъ,

каковы табакъ, свекловица, ленъ, конопля и т. д. Если окажется что западъ Европы обезпеченъ привознымъ хлѣбомъ стóящимъ дешевле собственнаго, то легко можетъ статься что съ теченіемъ времени въ наиболѣе густо населенныхъ изъ европейскихъ странъ произойдетъ коренное измѣненіе всей сельскохозяйственной культуры. Воздѣлываніе хлѣбныхъ растеній почти совершенно замѣнится производствомъ мяса и молочныхъ продуктовъ, съ одной стороны, и производствомъ цѣнныхъ продуктовъ мелкаго хозяйства, съ другой. Въ отдаленномъ будущемъ пастбище и садъ будутъ двумя главными типическими формами культуры. Съ тѣмъ вмѣстѣ расширится, конечно, и потребленіе рабочими классами такой пищи которая въ настоящее время доступна для нихъ лишь въ ограниченной степени. Въ земледѣльческомъ производствѣ Европа по необходимости обратится такъ сказать къ предметамъ роскоши, сбытъ которыхъ сообразно тому расширится. Увеличеніе круга людей потребляющихъ такіе предметы, увеличеніе которому мы были свидѣтелями за послѣднія двадцать лѣтъ, даетъ право ожидать что пища въ настоящее время доступная только людямъ достаточнымъ станетъ обычною и для низшихъ общественныхъ классовъ. Во всякомъ случаѣ, для такихъ продуктовъ какъ овощи, мясо, плоды, табакъ и прядильныя растенія открытъ въ будущемъ широкій, почти неограниченный рынокъ. Позволительно думать, въ виду этого, что землевладѣніе въ будущемъ столѣтіи сложится въ двѣ крайнія формы, рѣзко отличающіяся и по своимъ размѣрамъ, и по способу культуры.

Въ связи съ этимъ наступающимъ сельскохозяйственнымъ переворотомъ находится другое явленіе—постепенный ростъ городовъ. Нѣтъ основанія предполагать чтобъ этотъ ростъ остановился, такъ какъ его обусловливаетъ излишекъ рабочихъ рукъ въ области сельскихъ промысловъ. Можно, напротивъ, почти безошибочно утверждать что вся лишняя прибыль будущаго населенія пойдетъ исключительно на города. Это расширеніе площади городовъ будетъ даже совершаться быстрѣе чѣмъ увеличится ихъ населенность. Въ самомъ дѣлѣ, постепенно растетъ кругъ людей достаточныхъ, опускаясь все ниже въ соціальномъ отношеніи. Стало-быть растетъ и потребность въ помѣщеніи, такъ какъ прямымъ послѣдствіемъ увеличившагося достатка является желаніе имѣть болѣе просторное жилье. Такимъ образомъ, города будущаго, при одинаковой

цифрѣ населенія, несомнѣнно займутъ больше мѣста, и рабочіе кварталы станутъ все болѣе подаваться отъ центра къ окружности. Застроенная площадь будетъ все увеличиваться, какъ это происходитъ и въ настоящее время въ мѣстностяхъ особенно бойкихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ размножится и потребность въ дачныхъ помѣщеніяхъ и садахъ. Но какъ бы ни разраслась со временемъ по территоріи Западной Европы сѣть городскихъ поселеній, она не можетъ сдѣлаться сплошною, и по среди ея узловъ все-таки останутся обширныя незастроенныя пространства; и на этихъ пространствахъ, бокъ о бокъ съ мелкою культурой, какъ полный контрастъ съ нею, вѣроятно удержатся крупныя экстенсивныя хозяйства.

Такою рисуется намъ картина будущаго аграрнаго строя Западной Европы. Намъ могутъ возразить что это не болѣе какъ мечта, что предугадывать будущее не дано никому. Но когда имѣются налицо условія для развитія извѣстнаго экономическаго процесса, когда этотъ процессъ уже начался, мы въ правѣ представить себѣ его вѣроятный дальнѣйшій ходъ. Экономическая жизнь развивается не по волѣ отдѣльныхъ личностей, въ ней нѣтъ мѣста для случайности, и воля человѣка безсильна въ борьбѣ съ требованіями природы и съ положеніемъ торговаго рынка. Она можетъ сдѣлать лишь одно—подчинить свои усилія этимъ требованіямъ и вѣрно оцѣнить въ какую сторону эти усилія должны быть направлены. Въ экономической борьбѣ тотъ и остается побѣдителемъ кто сумѣлъ это сдѣлать всѣхъ лучше.

К. ГОЛОВИНЪ.

24 декабря 1886
С.-Петербургъ.

ПОЗДНО

ПОВѢСТЬ

I.

Было раннее, весеннее утро. Ночью прогремѣла первая гроза съ проливнымъ дождемъ, и остатки облаковъ разорванными клочьями еще носились по горизонту, но солнце уже побѣдоносно сіяло и согрѣвало напоенную за ночь землю. Утро было восхитительное. Съ большой дороги, протянувшейся широкою лентой и убѣгающей Богъ знаетъ куда со своими колеями, рытвинами и рядами старыхъ душистыхъ ветелъ, бросающихъ длинныя тѣни, — съ большой дороги на проселокъ свернулъ тарантасъ запряженный тройкой разномастныхъ лошадокъ; мужикъ лѣтъ тридцати пяти, очевидно работникъ, а не заправскій кучеръ, правившій ими, обернулся къ господину сидѣвшему въ экипажѣ.

— Благодать-то какая, сказалъ онъ, — вотъ вовремя Господь дождичка послалъ?

— А развѣ давно дождя-то не было?

— Недавно былъ, ноне весна слава тѣ Господи, лучше не надо, ишь зеленя-то какія!—И онъ хлеснулъ правую пристяжную опустившую постромки.

Тарантасъ [illegible] колеса хлюпали по водѣ, копыта пристяжныхъ [illegible] брызги жидкой грязи въ лицо путешественника, но тотъ, казалось, не замѣчалъ ихъ; онъ снялъ фуражку и [illegible]ставляя легкому вѣтерку трепать свои [illegible] плѣшь на затылкѣ, весь предался [illegible]. На этомъ не молодомъ, но красивомъ лицѣ, съ [illegible] глазами глядящими задумчиво куда-то вдаль, [illegible] тѣхъ выраженій которыя являются у людей [illegible] въ тѣ минуты когда они знаютъ что за ними [illegible]. Все лицо его дышало мягкостью и [illegible] на губахъ застыла полуулыбка [illegible] подчиненныхъ ему чиновниковъ [illegible] Толбина въ этой [illegible] этими развѣвающимися [illegible] брызганнымъ грязью [illegible] онъ вѣроятно не [illegible] элегантнаго начальника [illegible] равнодушнымъ взглядомъ.

[illegible] думалъ, уже не [illegible] чувство умиленія! [illegible] надъ нимъ, ему [illegible] кой-гдѣ перерѣ[illegible] перелѣсками на [illegible] берегу узкихъ, глубо[illegible], съ этими копанями [illegible] этотъ видъ, пусть [illegible] любъ просторъ его, любъ за[illegible]ащей его со всѣхъ сторонъ, [illegible] не уйдетъ она совсѣмъ, о нѣтъ, въ [illegible] вамъ она въ своей ти[illegible] душа которая ее любитъ!

[illegible] задавленыхъ полей возбудила въ [illegible] здѣсь началъ жить и мыс[illegible] казалось ему жизнь въ сравненіи съ [illegible] годы! Какіе планы стро[illegible] въ грядущую жизнь, [illegible] повѣдать людямъ, ка[illegible]! И что же? Пройдена боль[illegible] полови[illegible] сорокъ лѣтъ, и чѣмъ же можетъ [illegible] эту жизнь? что онъ сдѣлалъ о

чемъ бы можно было серiозно подумать! Правда, онъ служитъ и находится уже въ чинахъ не малыхъ, очень даже большихъ для его лѣтъ, но, въ сущности, развѣ это то дѣло о которомъ онъ мечталъ? А счастье? гдѣ это счастье, которое, казалось ему, само должно идти ему навстрѣчу? Неужели счастье въ томъ чтобы получать чины и ордена, заниматься дѣлами по утру, обѣдать въ ресторанѣ вечеромъ, а ночью играть въ клубѣ въ винтъ или сидѣть позѣвывая въ театрѣ, неужели въ этомъ счастье? Любовь?.. да развѣ можно назвать любовью его маленькiя интрижки и ухаживанья за замужними женщинами? Любилъ ли онъ хоть одну искренно, отъ души? И въ результатѣ ничего, пустое прожиганiе жизни. Зачѣмъ онъ увидѣлъ эти заставившiя его размышлять поля, лучше ужь жить не оглядываясь! Въ это время возница обернулся всѣмъ туловищемъ къ барину и сказалъ:

— Муравль-то видите? вонъ она церковь-то наша матушка.

— А что Муравль все еще княгининъ?

— Эка хватились! давно съ молотка пошелъ, купцу одному достался, я у него въ работникахъ года два жилъ. Порядки-то теперь не тѣ пошли; садъ они вырубили, выгонъ на томъ мѣстѣ; ранжереи снесли.... Лѣтось барыня молодая, княгинина дочка, прiѣзжала посмотрѣть на старое мѣсто, да такъ и ахнула! Окуниныхъ имѣнiе тоже продали, разоръ нонѣ на господъ.

— А вонъ вправо виднѣется зеленая крыша, чья это усадьба?

— Туровскихъ господъ, Копани называется, нешто не знавали, не помните? Эти удержались, Богъ помогъ. Старая-то барышня ухъ какая хозяйка!

— Какая же это старая барышня?

— А Татьяна-то Павловна, она всѣмъ и заправляетъ.

Боже мой, это онъ говоритъ о Танѣ, о воздушной, прелестной Танѣ, въ которую Толбинъ, будучи еще студентомъ, былъ такъ страстно влюбленъ, она-то старая! Да, впрочемъ онъ правъ, она годомъ старше его, а ему ужь тридцать восемь. Боже, время-то какъ летитъ! Таня старуха! Почему же не вышла она замужъ, она была такъ прелестна.

И какъ бы въ отвѣтъ на эту мысль, возница продолжалъ:

— Замужъ не пошла, малолѣтнiя дѣти оставались на рукахъ: братъ съ сестрой; ну кому же охота брать жену съ готовыми дѣтьми?

— Да, вѣдь старикъ-то Туровскій давно ужь умеръ.

— Давно. Я въ тѣ поры только что женился.... А вонъ и Павлово наше, вонъ бѣлѣется въ рощѣ-то.

Алексѣй Николаевичъ даже привсталъ въ тарантасѣ, вглядываясь вдаль.

Какъ давно не былъ онъ здѣсь: онъ не узналъ было своего роднаго гнѣзда! И онъ сталъ вспоминать куда должна теперь повернуть дорога.

— Вѣдь теперь намъ влѣво придется забирать, а потомъ уже повернемъ направо? спросилъ онъ мужика:—тутъ еще межевая яма будетъ.

— Такъ точно.

— Позади у насъ останутся Трасенцы, а налѣво Толстый лѣсъ?

— Помните? сказалъ Петръ, оборачиваясь и поощрительно улыбаясь:—Трасенцы-то только вырублены, пахота тамъ теперь; еще при старомъ баринѣ рубили. А оврагъ какой сталъ, совсѣмъ къ деревнѣ подошелъ...

Да, да, Алексѣй Николаевичъ вспомнилъ какъ рубили Трасенцы и съ какою болью въ душѣ смотрѣлъ онъ какъ одно за другимъ падаютъ деревья.

Но вотъ и Толстый, вотъ дорожка спускающаяся въ овражекъ, отѣненная дубками и орѣшиной, поэтичнѣе которой, ему казалось, нѣтъ и дорогъ на свѣтѣ. Какъ хорошо тамъ въ глубинѣ, подъ этою таинственною легкою тѣнью еще не совсѣмъ одѣвшихся дубковъ... Онъ приближается къ усадьбѣ. Съ этой стороны не увидишь дома, пока не подъѣдешь вплотную; онъ весь заросъ садомъ. Сердце бьется, какъ въ ожиданіи свиданія съ любимою женщиной... Вотъ потянулся на валу плетень густо обвитый мѣстами хмелемъ, рябина свѣсилась за тынъ, надъ нею поднялась березка со своимъ тонкимъ бѣлымъ стволомъ и выглядываетъ на него привѣтливо, шурша своею свѣжею, пахучею листвой; вотъ цѣлая группа вишняка, вся, какъ снѣгомъ, покрытая цвѣтами, громоздится на самомъ высокомъ мѣстѣ вала, вылѣзаетъ за плетень и заполоняетъ собою большое пространство рва; а тамъ дальше выглядываютъ клены со своими лапчатыми, еще совсѣмъ нѣжными, неокрѣпшими листьями, опять рябина, кусты черемухи, сирени... И все это свѣжо, благоуханно и такъ знакомо, такъ дорого сердцу! Звончѣй раздаются бубенцы, усталыя лошади весело пофыркиваютъ, вотъ обогнули и садъ, налѣво

спускъ подъ гору, и рѣка тамъ внизу съ мельницей и толчеей; давно не слыхалъ онъ этого милаго шума, и какою-то радостью и болью отдается онъ въ его сердцѣ; направо скотныя покосившіяся, почернѣвшія избы, тарантасъ мимо нихъ повернулъ направо. Два женскія лица выглянули въ окна, босоногій мальчишка съ бѣлою какъ ленъ головой выскочилъ откуда-то и едва переводя дыханіе побѣжалъ рядомъ съ экипажемъ, подаимая брызги грязи и крича что-то, чего разобрать было невозможно. Вотъ и ворота въ усадьбу отворенныя настежь, и опять сколько зелени и бѣлаго цвѣту. А вотъ и сѣрый домъ съ зеленою крышей и бѣлыми колоннами террасы, милый старый домъ! онъ точно понизился отъ времени и вросъ въ землю, но также привѣтливо смотритъ онъ своимъ длиннымъ, неуклюжимъ фасадомъ и всѣми своими настежь отворенными окнами.

II.

На крыльцѣ Алексѣй Николаевичъ былъ встрѣченъ арендаторомъ, представительнымъ мущиной въ синей чуйкѣ, съ необыкновенно сладкимъ лицомъ и еще болѣе сладкимъ голосомъ, старостой, сѣдовласымъ старцемъ съ маленькими хитрыми глазками, и двумя, тремя женщинами изъ бывшихъ дворовыхъ, которыя бросились цѣловать барскія ручки. Толбинъ узналъ только одну изъ этихъ женщинъ.

— А, Настасья, сказалъ онъ,—ты еще въ Павловѣ живешь?

— Какъ же, батюшка, какъ же, отвѣчала она слезливо,—кому же за домомъ-то присмотрѣть, служу по моготѣ.

— И безъ тебя присмотрѣли бы, пробурчалъ арендаторъ, а староста какъ-то насмѣшливо глянулъ на нее, но она не обратила вниманія на ихъ недоброжелательство, и схвативъ за голову мальчишку лѣтъ десяти, того самаго что встрѣтилъ Толбина у въѣзда въ усадьбу и провожалъ его бѣгомъ до крыльца, ткнула его къ барской рукѣ:

— Цѣлуй ручку-то, болванъ, цѣлуй, проговорила она.

— Добро пожаловать, говорилъ сладостно арендаторъ,—добро пожаловать, Алексѣй Николаевичъ. Будете нами довольны, не хвастая могу сказать, не жалѣючи жизни, берегу ваше доброе. Извольте посмотрѣть какъ домъ сохраняемъ, вылизанъ, можно сказать, ни пылинки.

Алексѣй Николаевичъ самъ удивленъ тому впечатлѣнію которое производитъ на него домъ; онъ каждую минуту готовъ расплакаться, что-то подступаетъ ему къ горлу и слезы вотъ-вотъ брызнутъ изъ глазъ, но онъ старается подобраться, у него уже не то добродушно умиленное лицо что было за часъ предъ тѣмъ, когда онъ подъѣзжалъ къ Павлову, онъ хмуритъ брови и смотритъ сановникомъ. Что же, въ самомъ дѣлѣ, не для того онъ сюда пріѣхалъ чтобы разводить идилліи, надо дѣло дѣлать. Алексѣй Николаевичъ лѣтъ двѣнадцать, со смерти своего отца, не былъ въ Павловѣ; какъ сдалъ онъ его тогда въ аренду Прохорову, такъ и оставалось оно всѣ эти годы. Хотя онъ зналъ что арендаторъ кругомъ обираетъ и обманываетъ его, онъ находилъ что все-таки выгоднѣе, а главное, пріятнѣе служить, получая опредѣленное жалованье и чины и живя въ столицѣ, чѣмъ закабалить себя въ деревнѣ на хозяйствѣ. Онъ, правда, чувствовалъ что хоть разъ въ эти двѣнадцать лѣтъ да надо же ему съѣздить въ Павлово завести порядки, но какъ взяться за это, какъ завести порядокъ онъ и самъ не зналъ, а подумать объ этомъ было лѣнь; лѣто проходило за лѣтомъ, а онъ все только собирался съѣздить въ Павлово, но не ѣхалъ. Наконецъ теперь онъ получилъ назначеніе въ Москву (съ значительнымъ повышеніемъ, что совершенно удовлетворяло его честолюбію), это приблизило его къ имѣнью, кромѣ того, ему хотѣлось попутешествовать—онъ засидѣлся въ Петербургѣ—проѣхаться въ Крымъ, а желѣзная дорога проходила въ тридцати верстахъ отъ Павлова, и было бы преступленіемъ проѣхать мимо. И вотъ, какъ ни было ему скучно и противно производить разгромъ, какъ онъ говорилъ, онъ рѣшилъ заѣхать въ свою заброшенную деревню.

— Все, все въ порядкѣ, говорилъ Прохоровъ преслѣдуя Алексѣя Николаевича по всѣмъ комнатамъ,—все въ порядкѣ, мы на томъ стоимъ-съ.

„И зачѣмъ это чортъ его за мною носитъ", думалъ Толбинъ не зная какъ отдѣлаться отъ назойливаго спутника.

— Ужь будьте благонадежны, все въ сохранности, гвоздика вашего не взялъ.

— Ну, да вѣдь и денегъ-то отъ васъ я мало видѣлъ, Ѳедоръ Ивановичъ; когда вы мнѣ аренду-то полностью заплатили? только въ первый годъ.

— Ахъ, Алексѣй Николаевичъ, Алексѣй Николаевичъ, года-то вѣдь какіе были! Откуда денегъ-то взять! Вѣдь надо

тоже войти въ положеніе человѣка, и онъ ударялъ себя въ грудь.

— Кажется, я васъ не тѣснилъ.

— Это точно-съ, на этомъ мы вамъ благодарны, вотъ какъ благодарны! могли бы погубить человѣка и не погубили!

Въ это время Алекѣй Николаевичъ вышелъ на балконъ. Прохоровъ, заложивъ одну руку за спину, и туда почтительно послѣдовалъ за нимъ, какъ-то осторожно переступая порогъ, какъ будто и къ этому барскому порогу онъ чувствовалъ уваженіе.

— Извольте посмотрѣть, ни одинъ розанчикъ не пропалъ, ужь и сколько же эти розаны соломы съѣли!—И Прохоровъ отчаянно махнулъ рукой.—А позвольте спросить, Алексѣй Николаевичъ, говорилъ онъ, нервно шевеля пальцами и преслѣдуя Толбина въ палисадникѣ, куда тотъ сошелъ съ балкона,—позвольте спросить, такъ какъ этою осенью моя аренда кончается, то что̀ вы намѣрены дѣлать съ вашимъ имѣньемъ? Вѣдь ужь такой цѣны, завѣряю васъ Христомъ Богомъ, вы не получите, теперь землѣ цѣна грошъ, и половины не дадутъ-съ.

— Что̀ же, развѣ очень ужь вы истощили землю-то?

— Шутить изволите! Не истощилъ-съ, а цѣнъ ужь больше такихъ нѣтъ; вѣдь это я тогда сдуру вамъ далъ три-то тысячи, молодъ еще былъ, зарвался-съ.

— Можетъ я самъ буду обрабатывать, погляжу, посовѣтуюсь кое съ кѣмъ.

— Посовѣтуетесь?—Прохоровъ насмѣшливо улыбнулся и тряхнулъ головой.—Съ кѣмъ вамъ совѣтоваться-то? чать сами въ такихъ лѣтахъ и такихъ чинахъ... Да и у кого станете спрашивать? Въ этихъ мѣстахъ какъ есть всѣ господа прогорѣли!.. Сами хотите обрабатывать... Что̀-жь, управителя возьмете, или собственною особой поселитесь въ Павловѣ?.. Не модель это, Алексѣй Николаевичъ, въ вашемъ-то санѣ да въ деревнѣ закабалить себя.

„Онъ положительно считаетъ меня идіотомъ“, подумалъ Толбинъ, и ему даже весело стало.

— Да вы здѣсь и году не проживете, съ тоски помрете, у насъ въ этой трущобѣ и людей-то совсѣмъ нѣтъ... Да ужь если на откровенность пошло, прогорите вы, какъ пить дать, прогорите. Онъ горячился все болѣе и болѣе.—Гдѣ вамъ, при вашемъ деликатномъ обращеніи, съ мужикомъ сиволапымъ

ладить, вѣдь чтобы работалъ онъ какъ слѣдуетъ, его въ морду надо бить, вѣрно вамъ говорю, ну гдѣ же вамъ...

— Довольно, господинъ Прохоровъ, тамъ видно будетъ, сказалъ сурово Толбинъ,—а теперь я попросилъ бы васъ велѣть воды мнѣ принести въ кабинетъ умыться.

— Сію минуту-съ. А мой вамъ совѣтъ, и онъ продолжалъ свое шествіе за Толбинымъ,—мой совѣтъ продать Павлово; въ аренду теперь никто не возьметъ, разоръ одинъ; самимъ вамъ не справиться, вѣрно вамъ говорю. А самое вамъ талерича настоящее дѣло продать имѣнье и денежки въ банку... Будете вы тогда, какъ есть, свободный человѣкъ, а теперь что̀? руки связаны.

— Да кто же купитъ-то? сами же вы говорите что земли теперь не даютъ дохода.

— Какой ужь доходъ—убытокъ, честное слово—убытокъ.

— Кому же охота въ убытокъ пріобрѣтать землю? Ужь я-то, нечего дѣлать, держу, благо отъ отцовъ досталась.

— А развѣ благодѣтелевъ мало, воскликнулъ Прохоровъ, и какъ бы со внезапнымъ наитіемъ:—да хоть бы я куплю, ей Богу куплю, только дорого не запрашивайте.

— Какой же вамъ разчетъ?

— Разчету нѣтъ, это точно, да ужь такъ-съ, за всѣ за ваши благодѣянія.

„Господи, неужели у меня такая дурацкая физіономія“, подумалъ Толбинъ съ улыбкой, „что этотъ нахалъ сразу рѣшилъ меня оболванить. Впрочемъ, онъ правъ, судя по моимъ поступкамъ въ эти двѣнадцать лѣтъ онъ можетъ, онъ долженъ считать меня болваномъ.“

— О водицѣ-то похлопочите, сказалъ онъ вслухъ, какъ-то жалобно.

— Сею минуту, и Прохоровъ засѣменилъ къ дому.

Когда Алексѣй Николаевичъ вошелъ въ кабинетъ, онъ, къ великой своей досадѣ, нашелъ тамъ Прохорова и Настасью. Эта послѣдняя съ большою ревностью, засучивъ рукава, своимъ фартукомъ стирала съ мебели пыль уже давно стертую, а Прохоровъ развязывалъ сундукъ.

— Сундучекъ-то какой богатѣющій, говорилъ онъ,—позвольте ключикъ.

— Благодарю, я самъ отопру и выну все что̀ мнѣ нужно.

— Да зачѣмъ же вамъ безпокоиться, пожалуйте, намъ это въ удовольствіе.

— Не надо, благодарю.

— Какъ угодно, а мы завсегда готовы. Вы таперь умываться изволите?

— Умываться, и попрошу васъ уйти; Настасья, мнѣ тебя не нужно.

— А подать-то какже?

— Не надо, уже крикнулъ Алексѣй Николаевичъ,—самъ справлюсь. Пожалуста уйдите, обратился онъ категорически и къ Прохорову.

— Зачѣмъ же-съ? точно мы не видывали.

— Да затѣмъ что я хочу остаться одинъ, воскликнулъ Толбинъ, выведенный изъ себя, и чуть не выпихнувъ Прохорова изъ комнаты, съ облегченнымъ сердцемъ заперъ за нимъ дверь.

„Однако, если такъ продолжится, я съ ума сойду прежде чѣмъ на чемъ-нибудь порѣшу.“

Онъ дѣйствительно чуть было не сошелъ съ ума въ первые три-четыре дня своего пріѣзда: онъ десяти минутъ не оставался одинъ: ни замки, ни крючки, ничто не помогало: запрется въ кабинетѣ, думаетъ—„ну въ безопасности!“ Не тутъ-то было, вдругъ изъ открытаго окна выглядываетъ противное рыло: „И что изволю я вамъ доложить, слышитъ онъ сладкій голосъ Прохорова, Антошка-то, мерзавецъ, надулъ вѣдь меня.“ И начинается безконечный разказъ объ Антошкѣ или другомъ какомъ мужикѣ который будто бы обошелъ его, Прохорова. Толбинъ сталъ запирать окна своего кабинета. Выйдетъ на балконъ, Ѳедоръ Ивановичъ тутъ какъ тутъ, точно изъ земли выростетъ; бѣдный помѣщикъ въ собственномъ своемъ домѣ не находилъ укромнаго мѣста гдѣ бы можно было спрятаться отъ этой ищейки. „Это у него тактика такая, думалъ онъ; онъ этимъ путемъ хочетъ довести меня до продажи Павлова, и продамъ, что дѣлать, продамъ. Да тутъ не только имѣнье, жену, дѣтей,—все продашь, только бы отъ него-то избавиться.“

Настасья тоже всюду преслѣдовала барина; хотя съ этою онъ менѣе церемонился, но она тѣмъ не менѣе надоѣдала ему ужасно. Она обыкновенно входила къ нему уже тогда, когда навѣрное знала что Прохорова въ усадьбѣ нѣтъ, но и тутъ она какъ-то боязливо подъѣзжала къ Алексѣю Николаевичу, оглядываясь по сторонамъ, точно боясь что ее накроютъ, и начинала издалека: „Павловскій мужичекъ тутъ одинъ, съ поросенкомъ набивается, не угодно ли будетъ

купить вашей милости? Поросенокъ отличный, сама ходила смотрѣть, право слово, баринъ, прикажите купить, а то извергъ-то нашъ—тутъ она еще разъ боязливо оглядывалась—перекупитъ, пожалуй, утроба-то у него ненасытная, все ему надо!“ И ужь съ этихъ словъ начинался откровенный панигирикъ Прохорову: и такой-то онъ, и сякой, и жена у него свинья откормленная, и флигель-то они весь изгадили, и какъ это только ихъ баринъ терпитъ.

На третій день Алексѣй Николаевичъ не выдержалъ и велѣлъ Петру заложить тарантасъ.

Не успѣло это извѣстіе дойти до Прохорова, какъ онъ явился предъ Толбинымъ.

— Ѣхать изволите-съ?

— Да, ѣду.

— Хорошее дѣло прокатиться; по сосѣдству изволите?

— По сосѣдству.

— Тэкъ-съ. Это къ кому же-съ?

— Къ сосѣдамъ тутъ къ однимъ.

— Къ кому собственно?

— Еще самъ не знаю. „Хоть убей, не скажу“, подумалъ онъ, яростно глянувъ въ очи Прохорова, и повернувшись на каблукахъ, пошелъ одѣваться.

III.

Онъ одѣлся съ особеннымъ тщаніемъ въ новое лѣтнее, прекрасно сшитое платье, повязалъ свѣтлый галстукъ и особенно долго приглаживалъ свои жидкіе волосы и разчесывалъ бороду—бородой онъ гордился, и имѣлъ на это полное право. Наведши должную красоту и удовлетворившись своею физіономіей, дѣйствительно очень привлекательною, онъ опрыскалъ себя духами, и доставъ шляпу panama, которая очень шла къ нему, съ нетерпѣніемъ ждалъ тарантаса.

-- Что же ты не помылъ тарантасъ-то, Петръ? сказалъ ., занося ногу на подножку покрытую высохшею

› бы, да признаться не догадался, Алексѣй Ни- ъ Петръ, оборачиваясь къ барину и добро- ,—грязь, это точно-что!
ъ догадайся, братецъ.

— Будьте покойны.

Алексѣй Николаевичъ сидѣлъ ужъ въ тарантасѣ, когда на крыльцѣ арендаторскаго флигеля показался Прохоровъ.

„Господи, ко мнѣ сейчасъ полѣзетъ, и повезу, ей-Богу повезу!“ И не на шутку испугавшись, Толбинъ крикнулъ:

— Пошелъ!

Петръ съ мѣста погналъ лошадей въ карьеръ, чуть было не опрокинулъ тарантаса на поворотѣ, и только выѣхавъ за ворота, спросилъ:

— Куда прикажите?

— Въ Копани, къ Туровскимъ.

Итакъ сейчасъ онъ увидитъ эту старую дѣву, которая такъ ясно представляется ему молоденькимъ, воздушнымъ созданіемъ. Память особенно отчетливо рисуетъ ему образъ ея съ маленькою сестренкой на рукахъ... Боже, что̀ это была за картина! Онъ мысленно называлъ ее тогда Мадонной грядущею по облакамъ, и молился на нее. Да и теперь ему кажется что это былъ образъ достойный кисти великаго мастера. И не одна красота дѣлала ее обаятельною. Она была и добра, и умна, и сила въ ней какая-то чуялась, и какая-то робость; она была серіозна и бывала весела безконечно. Она была простосердечна какъ ребенокъ, и онъ былъ ей другомъ, и между тѣмъ ему казалось иногда что онъ совершенно не знаетъ ея и она далека отъ него какъ небо отъ земли. И какъ любилъ онъ ее! въ сущности она вѣдь была единственною его любовью... Но какъ давно, какъ давно все это было! если онъ не ошибается, восемнадцать лѣтъ тому назадъ... да, именно, въ послѣдній разъ когда онъ пріѣзжалъ въ эти края, Туровскихъ не было, они ѣздили куда-то на воды. Ужь этой дѣвочкѣ, которую она тогда таскала на рукахъ, теперь девятнадцать лѣтъ. Легко сказать, подросло цѣлое поколѣніе пока они не видались! Какою же стала Татьяна? худою, скорбною дѣвой? (онъ старыхъ дѣвъ представлялъ себѣ почему-то обязательно худыми и скорбными) или, можетъ-быть, растолстѣла, погрязла во всѣхъ этихъ хозяйственныхъ мелочахъ, считаетъ пятаки, скряга? между ними вѣдь есть и такія. „Ахъ Таня, Таня, могъ ли я думать что тебя ждетъ такого рода доля? принцъ крови, казалось мнѣ, и тотъ недостоинъ былъ быть твоимъ спутникомъ!“

Въ то самое время какъ онъ говорилъ это мысленно и даже покачивалъ слегка головой, какъ человѣкъ привыкшій

предаваться одинокимъ мечтаніямъ, его тарантасъ въѣхалъ во дворъ небольшой, но красивой, уютной усадьбы. Тутъ же на дворѣ три молодыя дѣвушки и двое офицеровъ играли въ кольца. Торжественный въѣздъ Толбина остановилъ игру; одна изъ дѣвушекъ отдѣлилась отъ общей группы и побѣжала ему навстрѣчу, на ходу развязывая платокъ которымъ покрылась отъ солнца. Алексѣй Николаевичъ тоже направился къ ней, они встрѣтились шагахъ въ пяти отъ крыльца; дѣвушка остановилась, полураскрывъ ротъ, шевеля губами, не зная что̀ сказать. Она была очаровательна въ своемъ замѣшательствѣ.

— Я Толбинъ, сказалъ Алексѣй Николаевичъ, ласково глядя на дѣвушку и любуясь ею: „какая прелесть и какъ напоминаетъ Таню!“ думалъ онъ.

— Ахъ Толбинъ, Алексѣй Николаевичъ? Сестра давно васъ ждетъ, она вамъ очень обрадуется. Люба! крикнула она по направленію къ группѣ молодежи на дворѣ: скажи Танѣ, Толбинъ пріѣхалъ, бѣги скорѣй, она въ саду. Пожалуйте въ гостиную, тамъ прохладно.... Ужь будьте добры, повѣсьте сами пальто, у насъ вѣчно ни души въ передней... Садитесь пожалуста... сестра сейчасъ... А вы давно пріѣхали?... Не правда ли какая прекрасная весна... я скоро буду купаться, а вы купаетесь?..—Дѣвушка очевидно не знала что̀ говорить съ этимъ пожилымъ человѣкомъ и при послѣднемъ вопросѣ совсѣмъ сконфузилась и покраснѣла до ушей. Она обладала тою прозрачною бѣлою кожей рыжеволосыхъ людей которая такъ легко покрывается краской. Да, она положительно походила на сестру и этою прозрачною кожей, и этимъ золотымъ отблескомъ въ темныхъ волосахъ, и этими карими мягкими глазами, даже звукъ голоса былъ тотъ же.

— Вы удивительно похожи на сестру, сказалъ Толбинъ, не отвѣчая на ея вопросъ;—удивительно, я не видалъ въ васъ этого сходства когда вы были маленькою; я вѣдь зналъ васъ совсѣмъ капелькой, когда еще васъ звали „рыжимъ человѣкомъ“. Вы конечно этого не помните?

— Сестра и теперь еще такъ зоветъ меня иногда, а вы меня знавали, вѣроятно, вотъ такою,—и она подвела его къ столику на которомъ было поставлено нѣсколько портретовъ.

Въ то время какъ онъ разсматривалъ фотографическое изображеніе своей молодой собесѣдницы, онъ услышалъ спѣшные шаги, и обернувшись, очутился лицомъ къ лицу съ Татьяной Павловной.

Въ томъ что это была она, онъ не усомнился ни одной секунды, хотя измѣнилась она ужасно. Передъ нимъ стояла не воздушная дѣвушка, а полная женщина, съ здоровымъ цвѣтомъ лица, но безъ прежней прозрачности; одѣта она была изящно, но по-старушечьи во что-то очень свободное, густые темные волосы отливали золотомъ, какъ тогда, но въ нихъ виднѣлись уже и серебряныя нити. И вся она, конечно, не смотрѣла Мадонной грядущею по облакамъ, но улыбка была та же и главное тѣ же были глаза, добрые, нѣжные, спокойные темные глаза; нѣтъ, они были лучше прежняго, потому что къ выраженію тѣхъ, давнишнихъ глазъ присоединилось что-то грустное и еще болѣе доброе, что-то хватающее васъ за душу. Въ этихъ глазахъ вы могли прочесть что прошла цѣлая жизнь любви и самоотверженія. По крайней мѣрѣ именно такое впечатлѣніе произвели они на Толбина; взглянувъ ей въ глаза онъ почувствовалъ какъ что-то захватило ему дыханіе и морозъ побѣжалъ по кожѣ.

— Алексѣй Николаевичъ, сказала она (голосъ оставался все тотъ же чистый, молодой),—Алексѣй Николаевичъ, какъ я вамъ рада!

Она улыбалась своею прежнею улыбкой образующею ямочки на щекахъ и протянула ему обѣ руки; онъ припалъ къ ея рукамъ, цѣлуя ихъ поочереди... Когда онъ поднялъ голову, онъ замѣтилъ что глаза ея влажны, хотя она продолжала улыбаться; слезъ она не пролила, но эта влага придала ея глазамъ еще новую прелесть.

— Мы съ вами старинные друзья, сказала она,—чуть ли не романсировали даже.

Онъ сразу почувствовалъ себя совершенно свободнымъ съ нею.

— Какъ же, Татьяна Павловна, я страстно былъ въ васъ влюбленъ, но не рѣшался высказаться.

— Напрасно, вотъ напрасно, у меня было бы хоть одно романическое приключеніе въ молодости, а теперь нечѣмъ и вспомянуть.

Она откровенно, весело смѣялась.

— Ну а съ дочкой моей познакомились? каковъ сталъ у насъ „рыжій-то человѣкъ“!

— Конечно. Вѣра Павловна прелестна, на сестру похожа.

— Безъ комплиментовъ, ваше превосходительство!

Вѣра между тѣмъ какъ-то ласково увивалась около Татьяны Павловны, шепча ей что-то на ухо.

— Да, это вѣрно, сказала она съ убѣжденіемъ,—но, но...

— Что же: но? спросилъ онъ глядя на нее глазами полными нѣжности.

— Нѣтъ, довольно, я не люблю говорить о себѣ, не привыкла.

— Нѣтъ, ради Бога, Татьяна Павловна, что вы хотѣли сказать?

— Иди сюда, моя милая, сказала радостнымъ голосомъ Татьяна, замѣтивъ выглядывающее изъ-за портьеры личико Вѣры,—что ты намъ скажешь? Гости твои уѣхали?

Дѣвушка замѣтила что сестра взволнована, и предположивъ, по нѣжному тону съ какимъ обратилась она къ ней, что сюжетомъ взволновавшаго ее разговора была она, Вѣра со свойственною ей какою-то кошачьею ласковостью, усѣвшись на ручку сестринаго кресла, сначала поцѣловала ее въ шею, что заставило ту съежиться, такъ какъ ей было щекотно, потомъ, взявъ руку, поцѣловала въ ладонь, потомъ опять въ шейку.

— Ну, пусти, перестань, при посторонныхъ не цѣлуются, говорила Татьяна, отстраняя ее.

Алексѣй Николаевичъ, разсердившійся было на дѣвушку за прерванный разговоръ, былъ теперь благодаренъ ей за ласку къ сестрѣ.

„Ласкай ее, милое дитя“, думалъ онъ, „она стóитъ твоей ласки. О, Господи Боже, глядитъ-то какъ! И бываютъ же такіе глаза!“

— Уѣхали Шахмановы? повторила свой вопросъ Татьяна.

— Люба и Павелъ Александровичъ уѣхали, а тѣ двое остались у насъ обѣдать. Ты гдѣ велишь накрывать: въ столовой или на террасѣ?

— На террасѣ еще рано, свѣжо, вели накрывать въ столовой.—Вы останетесь пообѣдать съ нами, Алексѣй Николаевичъ?

— Очень радъ. Дома, признаться, такая тоска.

— Ну, такъ побесѣдуйте съ барышней, а я пойду распоряжусь: надо какъ слѣдуетъ угостить дорогаго гостя.

— Татьяна Павловна, не надо меня угощать, ради Бога останьтесь. Онъ побѣжалъ за ней и схватилъ ее за платье.

— Зачѣмъ же употреблять насиліе, говорила она смѣясь,—вѣдь угощенія вы все равно не избѣжите.

— Да отрѣшитесь же отъ мысли разговаривать со мною какъ съ молодою, свѣтскою женщиной: я старуха, мой другъ, совсѣмъ старуха, да еще не свѣтская, я не оцѣню вашихъ комплиментовъ.

— Да чтò вы, Татьяна Павловна, какіе тамъ комплименты, я искренно, отъ души... Развѣ вы не видите какъ я счастливъ? я не умѣю можетъ-быть это выразить какъ слѣдуетъ, вѣдь я испорченъ свѣтомъ... но вы простите, не правда ли?

Онъ взялъ ея руку и опять поцѣловалъ; она покраснѣла.

— Ну, ну, довольно, сказала она.—Разказывайте, я хочу все знать; начните съ конца, вопервыхъ, зачѣмъ вы сюда пріѣхали и какія думаете дѣлать перемѣны?

Онъ сталъ разказывать въ комическомъ тонѣ; онъ передалъ ей какъ пріѣхалъ генераломъ, съ намѣреніемъ все разгромить, подчистить, упечь Прохорова куда Макаръ телятъ не гонялъ, завести порядки; и вдругъ очутился подъ бдительнымъ полицейскимъ надзоромъ этого же самаго Прохорова, который считаетъ его идіотомъ и дѣлаетъ стойку надъ его глупою душой въ полномъ убѣжденіи что достигнетъ своего и купитъ Павлово. Онъ разказывалъ весело, остроумно, поощряемый громкими взрывами смѣха Татьяны Павловны.

— Какъ вы отлично смѣетесь, говорилъ онъ иногда, прерывая свой разказъ,—вы меня испортите, я буду выискивать случая острить... Ну и продамъ, и продамъ, говорилъ онъ далѣе,—Прохоровы дѣйствуютъ навѣрняка, мнѣ не избѣжать продажи Павлова.

Лицо Татьяны вдругъ сдѣлалось серіозно.

— И не стыдно такъ разсуждать? вы это серіозно? Ужь если на то пошло, я не позволю вамъ продавать Павлово. Мы еще поспоримъ съ Прохоровымъ, я тоже дѣлаю стойку надъ вашею душой, чья еще возьметъ!

— Матушка, Татьяна Павловна, всецѣло отдаюсь въ ваши руки, я зналъ, я предчувствовалъ что безъ женщины не обойдусь, что женщина должна спасти меня отъ Прохорова. Но если ужь взялись спасать, то научите какъ избавиться отъ вѣчнаго *его* торчанья предо мною, а такъ, какъ теперь стоятъ дѣла, я за себя не ручаюсь, все отдамъ, продамъ, только чтобы не видать его.

— Съ нахалами поступать надо энергично, чтобы не сказать болѣе. Не велите вашему лакею пускать его къ вамъ.

— Легко сказать. Я и Василья-то своего оставилъ въ

Москвѣ... не стоило везти сюда, я вѣдь всего на нѣсколько дней, добавилъ онъ виновато.

— Какъ?... хотите дѣлать радикальныя перемѣны и пріѣзжаете сюда на нѣсколько дней,—да это невозможно, я не выпущу васъ, выписывайте вашего Василья... Куда же это вы такъ спѣшите?

— Въ Крымъ хочу проѣхать.

— Въ Крымъ успѣете, главное здѣсь надо все устроить. Павлово мы отдадимъ въ аренду мужикамъ, это будетъ и доброе дѣло, и получите вы больше чѣмъ съ Прохорова. Не возьмутъ крестьяне, беру я. Такъ и скажите что кандидатъ въ арендаторы уже есть. Вѣдь, говоря откровенно, несмотря на всю вашу доброту и мягкость, вы всѣ эти годы совершали преступленіе, предоставляя судьбы крестьянъ этой выжигѣ; вѣдь онъ споилъ ихъ всѣхъ, настроилъ кабаковъ по всѣмъ угламъ, разорилъ въ конецъ, на вашей отвѣтственности поправить ихъ дѣла. Такъ-то, мой милый, прибавила она смягчая тонъ,—я не на шутку сердилась на васъ, вотъ вамъ случай оправдаться въ моихъ глазахъ, если вы дорожите моимъ мнѣніемъ.

— Дорожу ли, Господи! только приказывайте, все сдѣлаю по-вашему.

— Какое послушаніе, подумаешь.

Они серіозно обсудили вопросъ объ арендѣ и т. п. и мало-по-малу перешли къ личной жизни.

— И что̀ же, честолюбивы вы? спрашивала Татьяна Павловна, съ любопытствомъ глядя на Толбина: втянулись въ эту службу? служите, прислуживаетесь? Досадно вамъ когда не даютъ какого-нибудь ордена намѣченнаго заранѣе?... Вы не повѣрите какъ смѣшны и непонятны намъ, людямъ деревни, ваши чиновничьи интересы. Ну не лучше ли здѣсь на нашемъ просторѣ? право мы ближе къ Богу... Смотрите, развѣ не хорошо?

Она распахнула дверь въ садъ. Цѣлое море зелени съ ароматами, съ птичьимъ щебетаньемъ, ворвалось въ комнату.

— Хорошо, чудно хорошо, говорилъ онъ грустно,—но я уже втянулся въ ту мелкую чиновничью жизнь, мнѣ дѣйствительно досадно когда обойдутъ меня чиномъ, и я ликую когда взысканъ начальствомъ. Чѣмъ же жить-то? кабы не это, что̀ же ...ло бы у меня?...

...нъ начиналъ иронизировать.

— Неужели ничего? ни привязанностей, ни любви къ дѣлу?...

— Ничего; но главная прелесть въ томъ что только въѣхавъ въ эти старыя мѣста я оглянулся на себя: „А что, молъ, братъ Алеша, покажи-ка какова твоя жизнь?“ Не хороша она, Татьяна Павловна, грустна, пуста, тоскиива и нечѣмъ вспомянуть ее. А вѣдь вѣчно кипишь въ водоворотѣ, что-то дѣлаешь, спѣшишь куда-то, думаешь что нуженъ... И такъ проходятъ дни, мѣсяцы, годы. Страшно подумать о смерти, что если она придетъ нежданная, какъ предстать на судъ...

Онъ былъ взволнованъ, она глядѣла на него грустными глазами и даже шевелила губами слѣдя за его рѣчью.

— А ваша мечта о литературномъ поприщѣ? спросила она.

Онъ только махнулъ рукой. Оба помолчали, оба разсѣянно слушали какъ какая-то птичка чиликала въ ближайшемъ кустѣ.

— Женить бы васъ, наконецъ промолвила она.—Почему вы не женились? вы именно одинъ изъ тѣхъ людей для которыхъ семейная жизнь необходима. Да и вообще человѣку не хорошо быть единому; семья—великое это слово, Алексѣй Николаевичъ.

— Le diable prêche la morale, сказалъ онъ усмѣхаясь:—почему же вы не вышли замужъ, сознавая что не хорошо человѣку быть единому.

— Я совсѣмъ другое дѣло, но вѣдь и я мечтала о любви, замужествѣ, и мнѣ хотѣлось своей собственной семьи, но некогда было осуществить мою мечту. Подумайте только: мнѣ было двадцать лѣтъ когда умерла моя мачиха, братишкѣ было тогда четыре года, этой моей дурочкѣ—она какъ-то такъ нѣжно произнесла это слово—всего два года. Кому же было о нихъ заботиться какъ не мнѣ? Чрезъ три года послѣ maman умеръ и отецъ, я осталась одна съ этими дѣтьми; надо было ихъ воспитать, людьми сдѣлать, имѣніе удержать; батюшка управлялъ по-старинному, спустя рукава, и когда я вступила въ управленіе, все было изъ рукъ вонъ плохо. Я пережила мучительные годы, вѣчно боясь что все ускользнетъ изъ рукъ и дѣти останутся безъ куска хлѣба; тогда было не время думать о любви, а тамъ, когда все устроилось, долги были уплачены, имѣніе чисто, дѣти подросли, думать о замужествѣ было уже поздно.

Она улыбалась, но глаза смотрѣли грустно.

— У васъ по крайней мѣрѣ есть сознаніе что ваша жизнь потрачена не даромъ.

— Да, это вѣрно, сказала она съ убѣжденіемъ,—но, но...

— Что же: но? спросилъ онъ глядя на нее глазами полными нѣжности.

— Нѣтъ, довольно, я не люблю говорить о себѣ, не привыкла.

— Нѣтъ, ради Бога, Татьяна Павловна, что вы хотѣли сказать?

— Иди сюда, моя милая, сказала радостнымъ голосомъ Татьяна, замѣтивъ выглядывающее изъ-за портьеры личико Вѣры,—что ты намъ скажешь? Гости твои уѣхали?

Дѣвушка замѣтила что сестра взволнована, и предположивъ, по нѣжному тону съ какимъ обратилась она къ ней, что сюжетомъ взволновавшаго ее разговора была она, Вѣра со свойственною ей какою-то кошачьею ласковостью, усѣвшись на ручку сестринаго кресла, сначала поцѣловала ее въ шею, что заставило ту съежиться, такъ какъ ей было щекотно, потомъ, взявъ руку, поцѣловала въ ладонь, потомъ опять въ шейку.

— Ну, пусти, перестань, при постороннихъ не цѣлуются, говорила Татьяна, отстраняя ее.

Алексѣй Николаевичъ, разсердившійся было на дѣвушку за прерванный разговоръ, былъ теперь благодаренъ ей за ласку къ сестрѣ.

„Ласкай ее, милое дитя", думалъ онъ, „она стоитъ твоей ласки. О, Господи Боже, глядитъ-то какъ! И бываютъ же такіе глаза!"

— Уѣхали Шахмановы? повторила свой вопросъ Татьяна.

— Люба и Павелъ Александровичъ уѣхали, а тѣ двое остались у насъ обѣдать. Ты гдѣ велишь накрывать: въ столовой или на террасѣ?

— На террасѣ еще рано, свѣжо, вели накрывать въ столовой.—Вы останетесь пообѣдать съ нами, Алексѣй Николаевичъ?

— Очень радъ. Дома, признаться, такая тоска.

— Ну, такъ побесѣдуйте съ барышней, а я пойду распоряжусь: надо какъ слѣдуетъ угостить дорогаго гостя.

— Татьяна Павловна, не надо меня угощать, ради Бога останьтесь. Онъ побѣжалъ за ней и схватилъ ее за платье.

— Зачѣмъ же употреблять насиліе, говорила она смѣясь,— вѣдь угощенія вы все равно не избѣжите.

IV.

Домой возвратился Толбинъ довольно поздно, было уже около двѣнадцати часовъ. Онъ прошелъ прямо въ кабинетъ съ намѣреніемъ написать два дѣловыя письма, раскрылъ бюваръ, взялъ перо, но ему не писалось. Онъ всталъ и сталъ ходить отъ одной стѣны къ другой. Кабинетъ состоялъ изъ двухъ небольшихъ комнатъ раздѣленныхъ аркой; въ первой комнатѣ, во всю стѣну противъ арки, стоялъ книжный шкафъ, въ слѣдующей, какъ разъ напротивъ шкафа, стоялъ оттоманъ съ развѣшанными надъ нимъ по стѣнѣ гравюрами. Толбинъ ходилъ отъ книжнаго шкафа къ оттоману; подходя къ шкафу, онъ быстро поворачивалъ обратно, подходя къ оттоману, онъ замедлялъ шаги, останавливался и вглядывался въ гравюры. Каждая изъ нихъ до мельчайшихъ подробностей была ему знакома съ дѣтства, и именно это-то можетъ-быть заставляло его вглядываться еще пристальнѣе. Тамъ были двѣ картины особенно останавливавшія его вниманіе: одна изображала катафалкъ съ шедшею за нимъ одиноко мохнатою собакой; унылое отчаяніе видѣлось во всей фигурѣ бѣднаго животнаго провожающаго своего хозяина; другая изображала ту же собаку издохшую на могилѣ своего господина. Обѣ гравюры въ дѣтствѣ заставляли его трепетать отъ ужаса, вечеромъ онъ отвертывался отъ нихъ, проходилъ мимо ихъ бокомъ, боясь поднять глаза, но днемъ онѣ особенно, больше всѣхъ другихъ привлекали его, онъ по долгу, бывало, останавливался предъ ними, влѣзалъ на оттоманъ, и хотя ему строго было запрещено становиться ногами на мебель, онъ поднимался на цыпочкахъ и дотрогивался ручейкой до собаки, не то лаская ее, не то надѣясь что она обернетъ къ нему свою понурую голову. Глядя на эти картины, ему всегда хотѣлось до чего-то додуматься, что-то такое узнать, онѣ всякій разъ поднимали въ его душѣ бездну какихъ-то вопросовъ и почти не дѣтской грусти. И не собака возбуждала въ немъ любопытство и сочувствіе, хотя онъ ужасно любилъ ее, именно любилъ, а ея хозяинъ, этотъ неизвѣстный ему человѣкъ до того одинокій что никого не нашлось проводить его до могилы, кромѣ вѣрнаго пса. И теперь, всматриваясь въ гравюры, онъ испытывалъ совершенно то же

чувство жалости къ умершему. „Вотъ и я также, думалъ онъ,— умру, и некому будетъ проводить меня. некому пожалѣть, даже пса преданнаго нѣтъ!“ И онъ ходилъ отъ оттомана къ шкафу, отъ шкафа къ оттоману. Вдругъ гдѣ-то очень близко за окномъ щелкнулъ соловей. Это возвратило его къ мысли о жизни, онъ встрепенулся, почувствовалъ духоту комнаты, ему захотѣлось на воздухъ, „спать все равно не хочется“. Онъ безъ свѣчи прошелъ въ залу. въ окна которой ярко свѣтила луна, прошелъ гостиную, остановился тамъ на мгновеніе и обвелъ глазами комнату.

„Господи Боже, подумалъ онъ,—какъ это все то же, даже глянецъ не сошелъ еще съ этихъ голубыхъ обоевъ, а сколько жизни отошло уже въ вѣчность!“

И отворивъ маленькую балконную, онъ прошелъ на террасу.

Мѣсяцъ высоко стоялъ на небѣ, тишина царила въ воздухѣ, за палисадникомъ, по ту сторону дороги, деревья англійскаго сада какъ декораціи вырѣзывались на свѣтломъ фонѣ неба, налѣво березовая аллея манила въ свою полупрозрачную тьму, пахло тополями, березой, какими-то цвѣтами. Съ рѣки доносился шумъ мельницы, какіе-то всплески, съ того берега ясно долетало пофыркиванье крестьянскаго табуна, въ кустахъ окаймлявшихъ садъ то-и-дѣло начиналъ посвистывать соловей. Свистнетъ разъ, другой, перемѣнитъ мѣсто, свистнетъ гдѣ-то вдалекѣ, и вотъ совсѣмъ уже близко раздается его пѣснь, томительная и сладострастная... Тамъ въ чащѣ вторятъ ему.

Алексѣй Николаевичъ какъ сталъ прислонившись къ колоннѣ, такъ и стоялъ очарованный. Онъ вспоминалъ какъ, бывало, ребенкомъ онъ любилъ въ такія ночи примоститься поближе къ матери, закутаться въ ея шаль, прильнуть къ ней и желать чего-то, и ждать какого-то чуда. Онъ помнилъ какъ въ такія ночи полонъ былъ онъ любви къ матери своей и къ этимъ соловьямъ, и къ этому саду, и ко всему, ко всему. Онъ былъ счастливъ, а между тѣмъ и грустно ему было что не можетъ онъ выразить словами какъ сильно онъ любитъ, и онъ только крѣпче жался къ своей матери. О, какъ бы хорошо было и теперь имѣть тутъ около себя любимое и любящее существо, къ которому съ довѣріемъ можно было бы нести свои радости и печали, которое глядѣло бы на него добрыми, печальными глазами и понимало бы каждое движеніе его души лучше чѣмъ онъ самъ пони-

маетъ. Какъ бы хорошо было успокоиться, отдохнуть отъ треволненій жизни около нея, около Татьяны. Она все пойметъ, все проститъ и одною своей улыбкой, однимъ своимъ взглядомъ освѣтитъ ему жизнь. Она права, не хорошо человѣку быть единому, только вдвоемъ можно быть счастливымъ... Свобода?... да зачѣмъ она нужна? чего жалѣть эту хваленую свободу! Надоѣла она мнѣ, усталъ я мыкаться, пора пристать къ тихому пристанищу. И кто можетъ дать мнѣ счастье какъ не она... О милая, о дорогая!.. И онъ путалъ въ своемъ воображеніи теперешнюю, полную Татьяну съ воздушнымъ существомъ былыхъ, давнихъ дней. А соловьи то и дѣло заливались своею пѣсней...

И Татьянѣ Павловнѣ не спалось въ эту ночь, ей тоже мѣшали соловьи да свѣтъ мѣсяца врывавшійся даже сквозь спущенныя сторы. Думы давно не посѣщавшія ее толпились въ головѣ, она смутно чувствовала какую-то тревогу и тщетно старалась заснуть; наконецъ она не выдержала, встала, накинула блузу и, укутавшись въ платокъ, тихонько вышла изъ комнаты. Онѣ спали съ Вѣрой въ двухъ смежныхъ комнатахъ, она необходимо должна была пройти мимо сестры, и стараясь ступать особенно тихо, пріостановилась у постели дѣвушки: та спала какъ ребенокъ, тихо дыша. Татьяна нагнулась и прикоснулась губами къ растрепавшимся волосамъ Вѣрочки.

— Христосъ съ тобою, прошептала она, и чуть ступая прошла въ кабинетъ, а оттуда въ садъ.

Запрокинувъ голову, она посмотрѣла на мѣсяцъ, потомъ обвела глазами всю массу зелени залитую луннымъ свѣтомъ, сорвала вѣтку полуотцвѣтшей черемухи лѣзшей ей прямо въ руку, и осторожно шагая чтобы не наступить на лягушекъ, которыхъ боялась, пошла по дорожкѣ. По временамъ она пріостанавливалась и слушала соловьевъ.

„И сколько, сколько ихъ налетѣло нынѣшній годъ, благодатная весна!.. Онъ хорошій, добрый, милый“, думала она вспоминая Толбина, „въ немъ есть эта мягкость, это тонкое пониманіе вещей, чуткость какая-то, которая рѣдко теперь встрѣчаются въ людяхъ... Вотъ бы такого мужа Вѣрочкѣ. Правда, онъ нѣсколько старъ для нея, разница лѣтъ большая, но онъ, право, моложе многихъ молодыхъ; онъ, конечно, не изъ тѣхъ сильныхъ и энергичныхъ о которыхъ обыкновенно мечтаютъ женщины въ юности, но гдѣ эти

сильные?... Въ одиночествѣ нѣтъ счастья, а Вѣрочка должна, непремѣнно должна быть счастливою; она выйдетъ замужъ, но гдѣ же достойный ея человѣкъ? Право, лучше онъ чѣмъ другіе; если онъ самъ утратилъ свѣжесть впечатлѣній, онъ все же пойметъ молодую душу, онъ такъ чутокъ, въ его душѣ всегда найдешь оттолосокъ"... Она опять собрала какъ-то губы, дѣлая ту мину которою воображала что подражаетъ Толбину, и сохраняя въ глазахъ мечтательное выраженіе, вошла въ домъ. Соловей защелкалъ гдѣ-то такъ близко что она вздрогнула, обернулась, еще разъ подняла глаза къ небу, послушала, стоя на порогѣ, и когда пѣснь замолкла, тихо затворила за собою дверь.

V.

Толбинъ сдѣлалъ все какъ обѣщалъ Татьянѣ Павловнѣ: вопервыхъ, онъ безповоротно рѣшилъ не ѣхать въ Крымъ и прожить весь свой отпускъ въ Павловѣ, вслѣдствіе чего и телеграфировалъ своему Василію въ Москву: „Пріѣзжай немедля". Потомъ онъ созвалъ сходъ крестьянъ и предложилъ имъ взять свою землю въ аренду, не обращая вниманія на язвительныя слова Прохорова, передъ носомъ котораго рѣшился теперь захлопывать дверь.

— Съ Татьяной Павловной изволили совѣтоваться, говорилъ тотъ, — дѣвица онѣ умная, только справедливости въ нихъ ни на грошъ; признаться, между нами ссора вышла, вотъ онѣ и желаютъ мнѣ досадить.... А это что вы мужичкамъ-то затѣяли землю сдать, не бывать этому; такъ только потолкуетъ народъ, а не возьметъ.

Дѣйствительно, разговоровъ было слишкомъ много, и подчасъ Толбинъ падалъ духомъ, приходя къ убѣжденію что соглашенія съ крестьянами у него не состоится.

Всѣ эти дни онъ порывался съѣздить опять къ Туровскимъ, но боялся наскучить своими частыми посѣщеніями и потому выжидалъ приличнаго срока чтобы возобновить свой визитъ; онъ положилъ себѣ ѣхать въ Колани не ранѣе какъ черезъ недѣлю, и въ промежутокъ этого времени предавался мечтаніямъ. Онъ уже мысленно переустраивалъ домъ въ Павловкѣ, который въ самомъ дѣлѣ совершенно обветшалъ въ эти годы и могъ казаться не измѣнившимся только при лунномъ свѣтѣ; ради своей женитьбы обстав-

вялъ его новою мебелью, прорубалъ дверь, какъ было при матери, изъ балконной въ спальню, въ угловой онъ устроитъ будуаръ жены.... Онъ бродилъ по дому придумывая то то, то другое. Переустроивъ домъ, онъ выходилъ въ палисадникъ: „надо будетъ садовника взять“, серіозно разсуждалъ онъ, — „розаны мы оставимъ, но эти безобразныя мальвы надо уничтожить и вообще разбить что-нибудь этакое, въ новомъ вкусѣ“.

Разъ утромъ, когда онъ такимъ образомъ бродилъ по палисаднику и мысленно планировалъ его, онъ увидалъ скачущаго по дорогѣ верхомъ на пѣгой лошадкѣ мальчишку, сильно на скаку размахивавшаго руками.

— Ей ты, крикнулъ Алексѣй Николаевичъ,—куда забрался! ступай низомъ, черезъ усадьбу ѣзда заказана.

— Да мнѣ къ самому Павловскому барину надоть.

— Ты отъ кого?

— Татьяна Павловна прислали.

Алексѣй Николаевичъ почти бѣгомъ спустился на дорогу и принялъ отъ мальчика довольно не изящный листокъ вчетверо сложенной бумаги. Тамъ стояло: „Сосѣдъ, совсѣмъ вы насъ забыли, пожалуйте-ка сегодня къ намъ обѣдать.“ Подписано: Т.

Алексѣй Николаевичъ страшно обрадовался приглашенію, онъ могъ со спокойною совѣстью измѣнить данному себѣ слову и ѣхать къ Туровскимъ цѣлыми двумя днями раньше назначеннаго срока.

Но что̀ означаетъ это Т? Татьяна или Туровская? Онъ еще разъ у себя въ кабинетѣ развернулъ столь мало изящный клочекъ бумажки и со вниманіемъ перечелъ его; онъ не могъ не сознаться что весь онъ дышетъ прозой, но и это ему нравилось. „Во всемъ простота, эта милая русская простота! Сколько изящества, сколько остроумія, при семъ удобномъ случаѣ, высказала бы Француженка, сколько тумана пустила бы Нѣмка въ своихъ отборныхъ, обработанныхъ, съ глаголомъ на концѣ, фразахъ; одна только русская, прямая, милая женщина можетъ такъ просто написать: „Сосѣдъ, пожалуйте откушать?“ вотъ только это Т... что̀ оно означаетъ?

Туровскія были не однѣ, когда пріѣхалъ къ нимъ Толбинъ; по случаю воскресенья, у Вѣры собралась довольно многочисленная молодая компанія, а Татьяну Павловну онъ нашелъ въ бесѣдѣ съ двумя пожилыми людьми, встрѣтившими Алексѣя Николаевича какъ стараго знакомаго. Одинъ

изъ нихъ, старикъ съ добродушнымъ нѣмецкимъ лицомъ и съ какими-то торчащими клоками волосъ на височкахъ, даже полѣзъ къ нему цѣловаться.

— О мой милѣйшій, милѣйшій Алексѣй Николаевичъ, Богъ попустилъ увидѣть васъ, говорилъ онъ, какъ-то умиленно складывая руки на груди,—почему вы не далъ знать что пріѣхалъ, продолжалъ онъ съ укоромъ,—я такъ любилъ ваша батюшка, я такъ любилъ ваша матушка и васъ любилъ.

Толбину дѣйствительно стало стыдно что онъ не посѣтилъ старика. Это былъ Иванъ Богдановичъ Геръ, мѣстный врачъ, проживавшій съ незапамятныхъ временъ у сосѣдняго магната въ качествѣ домашняго доктора и состоявшій въ дружбѣ со всѣмъ сосѣдствомъ. Геръ лично зналъ не только всѣхъ помѣщиковъ въ округѣ, но ихъ женъ, дѣтей, домочадцевъ и слугъ, зналъ нравы, обычаи, особенности ихъ характеровъ и ихъ біографіи, но только съ идиллической стороны. Не было женщины изъ сосѣднихъ помѣщицъ о которой онъ не говорилъ бы съ увлаженными умиленіемъ глазами, да и мущины, по его мнѣнію, обладали всѣ, безъ исключенія, высокими добродѣтелями. Даже когда Толбинъ, не утерпѣвъ, началъ разказывать о Прохоровѣ и его пронырствѣ, Иванъ Богдановичъ, не вслушавшись хорошенько, воскликнулъ: „хорошій, хорошій человѣкъ Ѳедоръ Ивановичъ, свѣтлый головъ, побольше бы такихъ!“

Геръ лѣчилъ всю округу безвозмездно, безъ различія званій и состояній. Лѣченіе его было не многосложно; остряки говорили что онъ больше пробавляется водой и горчичниками, но судя по тому зловонію которое испускала его походная алтечка, всюду возимая имъ, этому положительно вѣрить нельзя было. Ѣздилъ онъ, обыкновенно, одинъ, безъ кучера, на маленькихъ санкахъ зимой и на бѣговыхъ дрожкахъ лѣтомъ. Одна и та же шинель служила ему верхнимъ платьемъ во всѣ сезоны, только отъ Покрова до 1 мая онъ подпоясывалъ ее толстымъ вязанымъ шарфомъ и поднималъ воротникъ, а съ 1 мая до Покрова спускалъ воротникъ и ѣздилъ безъ шарфа. Всюду куда бы Геръ ни являлся, хоть на свадьбу, за нимъ, какъ по волшебству, стекались и больные, и моментально по дому разносилось зловоніе алтеки. Иногда алтечка не удовлетворяла всѣмъ требованіямъ Эскулапа; тогда онъ шелъ въ садъ или во дворъ и собственноручно, или съ помощью какой-нибудь дѣвчонки, рвалъ лѣкарственныя

травы, шелъ на кухню и варилъ желаемое снадобье, говоря всегда одинаковыя шуточки и прибаутки въ нѣмецкомъ духѣ поварамъ, поварихамъ, ихъ дѣтямъ и всему пришлому, глазѣющему на него люду.

Гера всѣ любили, но онъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей надъ которыми обыкновенно не считается грѣхомъ подтрунить въ глаза и за глаза, и надъ нимъ трунили всѣ, пользуясь однако его услугами.

Другой господинъ, узнавшій Толбина, былъ тоже оригиналъ, только совсѣмъ въ другомъ родѣ. Въ противоположность Геру, Андрей Петровичъ Борскій былъ высокъ, обладалъ густою сѣдою шевелюрой, коротко остриженною, и длинною физіономіей со щетинистыми усами. Онъ вѣчно какъ-то отдувался, пресмѣшно вытягивая губы, что̀ еще болѣе щетинило усы. Андрей Петровичъ былъ изъ недовольныхъ, онъ вѣчно стоялъ въ оппозиціи, кого-нибудь будировалъ, и принимая личину смиренія, высмѣивалъ своихъ настоящихъ и мнимыхъ враговъ; въ настоящую минуту доставалось уѣздному предводителю, чѣмъ-то ему не угодившему:

— Не удостоились еще представиться? спросилъ онъ Толбина почти тотчасъ послѣ первыхъ привѣтствій.

— Кому представиться? переспросилъ тотъ недоумѣло.

— Какже-съ, особѣ-то нашей, нашему маркграфу; это необходимо-съ, продолжалъ онъ, сохраняя серіозное лицо, и только въ уголкахъ его сѣрыхъ, неподвижныхъ глазъ что-то какъ будто усмѣхалось.—Я удостоился; къ нимъ я не пошелъ, не приняли бы пожалуй, а на балѣ въ собраніи посчастливилось столкнуться, такъ пріятель мой одинъ и представилъ меня: протянули два пальца правой руки, замѣтьте, правой-съ, очень были благосклонны!—И онъ выпятилъ усы отдуваясь.—Ну, а васъ, въ вашемъ чинѣ, онѣ, то-есть особа, пожалуй и приняли бы, и можетъ-быть удостоили бы трехъ пальцевъ.

Поглумившись надъ предводителемъ и надъ мировымъ судьей,—этотъ былъ либералъ и тоже не угодилъ Борскому,—онъ перешелъ на хозяйство. Толбинъ, заинтересовавшись новою теоріей сѣвооборота, сталъ было разспрашивать, но своими разспросами выказалъ такую бездну невѣжества, такъ что-называется влопался, что почувствовавъ свой промахъ, долженъ былъ замолчать.

Татьяна Павловна волновалась, ей казалось что Алексѣю Николаевичу смертельно скученъ этотъ разговоръ о посѣвахъ и молотьбѣ, и хотѣлось послать его къ сестрѣ.

— Вѣру видѣли? спросила она, и потомъ прибавила въ полголоса:—вамъ скучно здѣсь, идите къ молодежи.

Онъ пожалъ плечами и приподнялъ брови, выражая этимъ „оставьте меня, я знаю гдѣ мое мѣсто“, и остался сидѣть около Татьяны. Онъ былъ недоволенъ, онъ разчитывалъ застать ее одну, и присутствіе Гера съ Борскимъ ему досаждало; кромѣ того, онъ былъ недоволенъ и ею; были ли причиной тому его мечтанія о ней всѣ эти дни, въ которыхъ онъ опоэтизировалъ ея образъ, или ея волненіе совсѣмъ не шедшее къ ней—она именно хороша была въ покоѣ,—такъ или иначе, но онъ былъ ею недоволенъ; онъ сидѣлъ и молча слушалъ рацеи Борскаго и восторженныя восклицанія Гера. Въ дверяхъ гостиной показалась суровая физіономія дворецкаго Семена; онъ таинственно поманилъ Гера; старикъ засуетился.

— Больные? Хозяйка меня извинитъ, мой милій Семенъ принесетъ мнѣ аптечка...

И добрый Нѣмецъ съ умильнымъ лицомъ похлопалъ лакея по плечу. Но тотъ не измѣнилъ своего суроваго вида и сказалъ только:

— Пожалуйте, внесъ ужь.

Въ суетѣ и передвиженіи произведенныхъ вызовомъ Гера, Татьяна опять шепнула Алексѣю Николаевичу:

— Идите къ молодежи.

Онъ опять пожалъ плечами, но всталъ и прошелъ на террасу, откуда раздавались веселые голоса и взрывы смѣха. При его появленіи все стихло, даже Вѣра, что-то оживленно разказывавшая, точно сконфузилась, и хотя и привѣтствовала и познакомила его со всѣми, но онъ чувствовалъ себя не на мѣстѣ, и разозлившись на Татьяну еще болѣе за то что „попалъ въ глупую исторію“, какъ онъ называлъ, удалился въ садъ, гдѣ и пробродилъ до обѣда.

VI.

Алексѣй Николаевичъ развеселился только послѣ обѣда, когда уѣхали Борскій и Геръ.

Вѣра придумала катанье верхомъ всею компаніей, въ устройствѣ котораго Татьяна Павловна приняла самое дѣятельное участіе. Нужно было послать въ Шахманово за

лошадьми и амазонками для барышень; двумъ другимъ, болѣе дальнимъ сосѣдкамъ устроить амазонки домашнимъ способомъ, приспособить старыя сѣдла. Татьяна хлопотала, разыскивала, что-то такое сшивала.

— А вы поѣдете? спросила она мимоходомъ Толбина.

— Ахъ, поѣдемте пожалуста, вотъ будетъ весело! воскликнула Вѣра.

Толбинъ вспомнилъ какъ въ былое время сопровождалъ Татьяну, ему понравилась идея теперь, черезъ восемьнадцать лѣтъ, возобновить, такъ-сказать, свои давнишнія впечатлѣнія; верховую ѣзду онъ любилъ и прекрасно сидѣлъ въ сѣдлѣ; онъ съ удовольствіемъ согласился.

— Ну, а какъ же лошадь, сѣдло? Вѣдь на моихъ саврасках далеко не уѣдешь; сѣдло, кажется, было у меня, но въ какомъ оно видѣ!...

— Ничего не надо, все здѣсь найдется; отлично! радовалась Вѣра.—Сколько насъ будетъ!

Татьяна Павловна тоже была очень довольна его согласію ѣхать верхомъ.

— Надо будетъ только маленькое совѣщаніе учинить съ Семеномъ Яковлевичемъ, сказалъ Толбинъ таинственно.

— Ахъ, да, штрипки вамъ надо устроить, я уже объ этомъ подумала, сказала совершенно просто Татьяна, и чрезъ нѣсколько минутъ вручила ему какіе-то ремешки и пуговки.

— Идите въ братнину комнату, по корридору налѣво, вторая дверь, а я пришлю вамъ Семена.

„Она обворожительна своею простотой, эта Татьяна Павловна“, подумалъ Толбинъ и пошелъ устраивать себѣ штрипки.

Къ семи часамъ лошади были готовы, и все общество, веселое и оживленное, выползало со всѣхъ сторонъ въ залу въ своихъ импровизованныхъ верховыхъ костюмахъ. Вскорѣ вышла и Татьяна въ ватерпруфѣ и платочкѣ на головѣ.

— Это что̀ же! воскликнулъ Толбинъ, подходя къ ней и глядя съ недоумѣніемъ на ея костюмъ: — развѣ вы верхомъ не поѣдете?

— Я? верхомъ?... Алексѣй Николаевичъ, да вы, съ ума сошли!

— Да вѣдь вы же собирались.

— И не думала, десять лѣтъ не сажусь въ сѣдло!

— Зачѣмъ же вы меня-то заставили хлопотать, къ чему эти штрипки!

— Вы ѣдете, я надѣюсь... Вѣра такъ радовалась.

— Слуга покорный; Вѣра и безъ меня найдетъ кавалера.

— Вѣрочка, смотри, онъ отказывается, пожаловалась Татьяна вошедшей дѣвушкѣ,—не ѣдетъ верхомъ.

— Какъ не ѣдете? Благодарю! А я-то мечтала о кавалерѣ-генералѣ, и вотъ опять должна довольствоваться поручикомъ! воскликнула она съ комическимъ отчаяніемъ.

— Согласитесь, Вѣра Павловна, не могу же я и сестрицу вашу оставить безъ кавалера.

— Да не нужны вы мнѣ вовсе, у меня отличный кавалеръ—Петька.

— Кто это Петька?

— Семеновъ сынъ.

— На этотъ разъ вмѣсто Петьки служить вамъ грумомъ будетъ Алешка—вотъ и все.

— А ты опять одѣлась кутафьей, сказала Вѣрочка подходя къ сестрѣ,—не могла надѣть шляпу?

— Ну ужь мнѣ эта гувернантка!... Оставь мой платокъ, оставь, ради Бога!

Но несмотря на протестъ, дѣвушка стащила-таки съ головы сестры платочекъ и убѣжала съ нимъ; чрезъ мгновеніе она вернулась съ кружевною косынкой, усадила Татьяну и умѣлыми, быстрыми руками стала укалывать на головѣ ея кружево.

Татьяна, къ общей радости молодежи, съ лицомъ угнетенной невинной жертвы, съ безсильно опущенными руками, терпѣливо переносила, какъ она говорила, истязанія сестры.

— Хорошо? вдругъ неожиданно спросила Вѣрочка, приподнявъ за подбородокъ лицо Татьяны, и повернувъ его къ Алексѣю Николаевичу. Хорошо?

— Отлично!

Дѣйствительно, граціозно наколотое кружево прекрасно шло къ отливавшимъ золотомъ волосамъ, а краска мгновенно выступившая на щекахъ вмѣстѣ съ недоумѣлымъ, почти испуганнымъ взглядомъ который Татьяна бросила на Толбина при неожиданной выходкѣ Вѣры, придала ея лицу что-то такое молодое, милое, простодушное, что онъ съ восторгомъ воскликнулъ: отлично!

— Вѣрочка, ты меня наконецъ разсердишь!

— Ради Бога, нѣтъ... Ради Бога, нѣтъ...

И дѣвушка, зажавъ уши, точно боясь услышать цѣлый потокъ брани изъ устъ сестры, выбѣжала на крыльцо.

Татьяна Павловна не на шутку была смущена тѣмъ что Толбинъ не ѣдетъ верхомъ.

— Пожалуста, сказала она, уже усѣвшись въ кабріолетъ,— ну, прошу васъ, оставьте меня съ Петькой, она приподняла брови, и на лицѣ ея выразилось неподдѣльное страданіе,—совсѣмъ вы мнѣ не нужны.

— Благодарю за комплиментъ и въ наказаніе сдѣлаю вамъ противное. Говоря это, онъ заботливо оправлялъ ей платье, прикрывалъ ноги пледомъ, и эта заботливость еще болѣе смущала ее.

— Довольно, довольно, и она торопливо приняла вожжи изъ рукъ кучера.

— Странная вы женщина, говорилъ Толбинъ, усаживаясь рядомъ съ нею и стараясь заглянуть ей въ глаза,—странная женщина, не умѣете принять простой вѣжливости благовоспитаннаго джентльмена, а я-то всѣми силами стараюсь за вами ухаживать, для васъ отказался отъ верховой ѣзды, и вмѣсто благодарности, на поди, гонятъ!

Она обрадовалась шутливому тону его рѣчи.

— Вы правы, я совсѣмъ не привыкла къ ухаживанью.

— Надо привыкать. Вы привыкли сами за всѣми ухаживать, всѣмъ угождать, о всѣхъ заботиться, а забота о васъ самихъ вамъ въ диковину...

Онъ свой шутливый тонъ такъ вдругъ измѣнилъ на серіозный и почти разстроенный, и съ такою нѣжностью смотрѣлъ на нее что она опять сконфузилась какъ дѣвочка и покраснѣла.

— Ну, зачѣмъ же краснѣть! сказалъ онъ.

— Однако, Алексѣй Николаевичъ, вы невозможны, вы хуже Вѣрочки.

И она старалась сдѣлаться потоньше и отстраниться отъ него: эта близость узкаго экипажа тоже смущала ее.

— Удивительно какъ мало вы измѣнились,—она страдальчески подняла брови,—да не объ лицѣ я говорю, успокойтесь, я знаю, вы желаете быть старухой, ну и будьте ею, онъ сказалъ это почти съ озлобленіемъ;—хорошо, я согласенъ, вы старуха, но въ нравственномъ-то отношеніи вы та же восемнадцатилѣтняя дѣвушка что̀ я зналъ двадцать лѣтъ назадъ. Удивительно какъ вы сохранили всѣ ваши особенности: эту конфузливость, стыдливость и рядомъ съ тѣмъ силу какую-то...

— Ну ужь силу-то гдѣ вы тамъ нашли! воскликнула она, и засмѣялась.

— А конечно силу... Вѣдь вотъ я хорохорюсь предъ вами и между тѣмъ сознаю себя совсѣмъ маленькимъ. Вѣдь вы всегда правы и сознаете что вы правы, и это придаетъ вамъ то спокойствіе...

— Помилуйте, какое ужь тамъ спокойствіе, вы цѣлый день меня тревожите.

— Ну да, вамъ совѣстно слушать когда дѣлаютъ вамъ настоящую оцѣнку, это совсѣмъ въ вашихъ нравахъ.

— Вы меня смѣшите, Алексѣй Николаевичъ.

— И смѣйтесь, я ужасно люблю когда вы смѣетесь.

Татьяна Павловна выразила безсильное отчаяніе на своемъ лицѣ.

— Я не въ шутку разсержусь, если вы будете продолжать въ томъ же тонѣ.

— Простите, Бога ради, я буду молчать и сидѣть какъ умные мальчики, сложивъ на груди ручки.—Онъ дѣйствительно замолчалъ, но, какъ расшалившійся школьникъ, по временамъ искоса поглядывалъ на нее искрящимися глазами.

— А помните... вдругъ началъ онъ.—О прошломъ вспоминать можно?

— Можно.

— Помните,—и онъ, оставивъ свой тонъ свѣтскаго ферлакура, сталъ вспоминать эпизоды юношескихъ лѣтъ. Татьяна оживилась, она подсказывала то что̀ онъ забывалъ, вспоминая сама.

— А помните это?.. Не забыли какъ папа выбранилъ насъ?.. А это помните?.. слышались фразы, пока худая, длинная, разбитая на всѣ ноги кляча, названная почему-то Толстою кобылой, тащила ихъ трусцой по мягкой пыльной дорогѣ.

Иногда мчавшаяся впереди кавалькада пріостанавливалась и шла шагомъ поджидая ихъ, и вмѣстѣ съ облакомъ пыли ихъ вдругъ окружали молодыя смѣющіяся лица, слышался веселый говоръ, топотъ копытъ; и они точно просыпались отъ сна юности, возвращенные въ дѣйствительность. Да, да, съ тѣхъ поръ подросло цѣлое поколѣніе, а они и не видѣли какъ миновала молодость. И одинаковое чувство грусти по чемъ-то утраченномъ, и томительная жажда никогда не испытаннаго счастія охватывали ихъ.

Солнце давно уже сѣло, стало смеркаться, они не замѣтили какъ, вслѣдъ за кавалькадой, повернули къ дому. Молодежь скакала далеко впереди, а они плелись потихоньку

на своей Толстой; въ наступившемъ сумракѣ и тишинѣ они понизили голоса и наконецъ совсѣмъ замолкли.

— Татьяна Павловна, вдругъ началъ Толбинъ какимъ-то, показалось ей, точно упавшимъ голосомъ,—помните, въ первый разъ, когда я былъ у васъ пять дней тому назадъ, тамъ, въ кабинетѣ, вы начали было говорить о себѣ и вдругъ прервали рѣчь и не договорили. Татьяна Павловна, голубушка, что̀ вы хотѣли сказать?

Она видѣла, или скорѣе, чувствовала что онъ смотритъ на нее съ мольбой, сердце ей точно сдавилъ кто руками, но она, превозмогая себя, сказала смѣясь:

— Вы любопытны какъ женщина, милѣйшій Алексѣй Николаевичъ, а я и не помню, право, что̀ хотѣла сказать.

— Я напомню, если желаете, у меня память отличная, я позавидовалъ вамъ тогда что ваша жизнь прошла не даромъ, вы сказали: „Да, это правда, но"... и вы остановились на этомъ *но*; скажите что̀ слѣдовало за нимъ? милая Татьяна Павловна, ради Бога, скажите.

— Вы несносны, Алексѣй Николаевичъ, нельзя такъ приставать къ человѣку.

— Я знаю что человѣкъ къ которому я пристаю очень добръ... Татьяна Павловна, что̀ слѣдовало за этимъ „но"?

— Вмѣсто но, надо было поставить: „и", сказала она рѣзко, почти съ озлобленіемъ,—„и въ дѣтяхъ я нашла свое счастье", вотъ что̀ я хотѣла сказать.

— Въ чужихъ дѣтяхъ вы счастья не найдете, Татьяна Павловна. Вы думаете, сестра ваша и братъ, которымъ вы отдали вашу молодость и все что̀ въ вашемъ сердцѣ было самаго лучшаго, самаго свѣжаго, самаго святаго, заплатятъ вамъ, я не говорю любовью, а хотя бы благодарностью. Дѣти требовательный и неблагодарный народъ, не въ нихъ ваше счастье. Да и не то собирались вы сказать. Хотите, я доскажу вашу мысль?

— Пожалуста не надо.

— Вы хотѣли сказать, продолжалъ онъ вкрадчиво, нагибаясь чтобы взглянуть на нее,—„но у меня не было личнаго счастья". Такъ? я отгадалъ?

— Навѣрное нѣтъ, это слишкомъ сентиментально для меня, и о личныхъ чувствахъ разсуждать въ наши лѣта, право, и поздно, и смѣшно.

Она прибѣгла къ своей обыкновенной уловкѣ, и чтобы

скрыть овладѣвавшее ею волненіе, проговорила все это съ оттѣнкомъ ироніи.

— Ахъ, не сердите меня, сказалъ онъ, не замѣчая насмѣшливаго тона,—ничего не поздно, попробуйте только хоть однажды отдаться своему чувству, не насилуя, не удерживая себя... Знаю я васъ, вамъ все стыдно, при вашей правдивости вы готовы лгать, только чтобы, Боже сохрани, не подмѣтилъ кто что̀ происходитъ въ вашемъ сердцѣ... Татьяна Павловна!..

Ему пришла въ голову мысль тутъ же сказать ей что онъ любитъ ее, но страхъ какъ приметъ она его признаніе удержалъ его, къ тому же они подъѣзжали къ дому. На крыльцѣ ждала ихъ вся компанія, встрѣтившая ихъ шумными вопросами о томъ не разбила ли ихъ Толстая, и т. п.

Алексѣй Николаевичъ горѣлъ нетерпѣніемъ возобновить свой разговоръ съ Татьяной, но не было возможности это сдѣлать: они ни на минуту не оставались одни, сейчасъ же по возвращеніи съ прогулки пили чай, Татьяна разливала, и всѣ толпились тутъ же у стола. Послѣ чая стали разъѣзжаться, велѣлъ и Толбинъ подавать свой тарантасъ.

— Вы что̀ ищете? спросила Вѣра встрѣтивъ его въ гостиной.

— Фуражку свою.

— Рано еще, не уѣзжайте, дайте всѣмъ разъѣхаться.

Ему нравилось какъ просто и привѣтливо обходится съ нимъ дѣвушка; она, очевидно, считала его своимъ человѣкомъ, болѣе своимъ чѣмъ всѣхъ этихъ ея сверстниковъ. Ужь не догадывается ли она, милое дитя? Не заодно ли она съ нимъ? Дѣйствуя вмѣстѣ, имъ легче будетъ обойти Татьяну. И онъ благодарно глядѣлъ на Вѣру, пока она брала у него фуражку, покорно подчиняясь ея требованію.

— Вы остаетесь? вотъ и отлично, шепнула и Татьяна, проходя мимо него въ переднюю провожать молодыхъ дѣвушекъ

VII.

Пока старшая сестра, по отъѣздѣ гостей, занималась со старостой въ своемъ кабинетѣ, Толбинъ, ходя тихими шагами по саду, бесѣдовалъ съ меньшою. Ему любопытно было заглянуть въ ея молодую душу, и онъ задавалъ вопросы съ тою назойливостью съ какою обыкновенно пожилые люди считаютъ себя въ правѣ ставить вопросы молодымъ. Она охотно, безо

всякаго жеманства, отвѣчала ему, какъ бы не замѣчая его назойливости. Своимъ спокойствіемъ она напоминала ему сестру въ тѣ же лѣта, и между тѣмъ она была совсѣмъ иная. Въ той всегда, казалось, какъ бы ни была она откровенна, оставалось что-то недосказанное, она всегда точно что-то таила въ себѣ; вотъ уже совсѣмъ, казалось, знаешь ее, и вдругъ она удивитъ, бывало, чѣмъ-то совсѣмъ неожиданнымъ, и увидишь ее въ иномъ, новомъ свѣтѣ; уже тогда тѣнь заботы легла на ея чело, уже тогда чудился въ ней зародышъ какой-то печали, и это какъ будто ее старило. Толбинъ въ юности больше чѣмъ теперь чувствовалъ ея превосходство надъ собою. Вѣра, та вся была на распашку, ей нечего было скрывать, и она ничего не скрывала; она, казалось, была такъ увѣрена что счастье ждетъ ее, что эта увѣренность и придавала ей спокойствіе. Она производила впечатлѣніе такой свѣжести, такого здороваго духа въ здоровомъ тѣлѣ что невозможно было смотрѣть на нее безъ радостнаго чувства. Она довѣрчиво и ясно смотрѣла на жизнь и на людей, и Толбинъ, слушая ее, не смѣлъ ей противорѣчить; онъ улыбался, но не тою снисходительною улыбкой которою улыбаются взрослые на рѣчи дѣтей, а именно радостною улыбкой.

— Ау! гдѣ вы тутъ? раздался голосъ Татьяны,—идите ужинать.

— Что за ужинъ, воскликнулъ Толбинъ, входя черезъ балконную дверь въ кабинетъ вслѣдъ за Вѣрочкой,—помилуйте, Татьяна Павловна, давно ли мы пили чай.

— А какъ бы вы думали! таки порядочно, теперь ужь одиннадцать, вы и не замѣтили какъ время прошло. Это дѣлаетъ тебѣ честь, сестренка.

— О, посмотрѣла бы ты какъ я старалась занимать его, даже проголодалась; сдѣлаемъ честь этому ростбифу, Алексѣй Николаевичъ!

Тутъ же въ кабинетѣ, на небольшомъ столикѣ предъ диваномъ, были поставлены оставшійся отъ обѣда кусокъ говядины и три прибора. Татьяна Павловна, поджидая сестру съ Толбинымъ, усѣлась въ покойной позѣ въ уголъ дивана; она перемѣнила свое дневное платье на просторный капотъ, въ которомъ показалась Алексѣю Николаевичу привлекательнѣе чѣмъ когда-либо. Ему понравилось что она не извинилась предъ нимъ за перемѣну туалета, понравилось и то что не сочли долгомъ вести его ужинать въ столовую, а поста-

вили *ѣду* тутъ же, въ этой милой комнаткѣ, гдѣ такъ хорошо говорилось. Очевидно, его считали не гостемъ, а своимъ, и онъ чувствовалъ себя также ловко и хорошо какъ дома. Онъ уже не стремился возобновить свой вечерній разговоръ съ Татьяной, но ему хотѣлось бесѣдовать о чемъ-нибудь очень интимномъ, онъ чувствовалъ что обѣ эти женщины, такъ ласково смотрящія на него, съ такою же ласковою внимательностью будутъ слушать его. Несмотря на свой отказъ отъ ужина, онъ съ удовольствіемъ съѣлъ кусокъ говядины, и отвѣчая на вопросъ Татьяны, на какихъ условіяхъ хочетъ онъ войти въ соглашеніе съ крестьянами, воодушевился, сталъ разказывать какъ и что̀. Въ свою очередь Татьяна Павловна передавала ему эпизоды изъ своей долголѣтней практики, поучая его какъ надо дѣйствовать. Вѣра слушала, слушала и задремала.

— Ты бы шла спать, дѣточка, сказала сестра.

— Нѣтъ, мнѣ еще не хочется, я слушаю,—и Вѣра, прислонившись къ плечу Татьяны, окончательно заснула. Они понизили голоса, и разговоръ принялъ поэтому какъ бы еще болѣе интимный характеръ.

— Какъ мила! сказалъ Толбинъ, кивая головой на Вѣрочку:—я цѣлый часъ зондировалъ ее, мы вѣдь, старички, любопытны, любимъ заглядывать въ души этихъ невинныхъ созданій; очень, очень мила, такъ простодушна, такъ хорошо и ясно смотритъ на жизнь, видно что дѣтство ея и юность были лелѣяны, что всѣ терніи отдалялись съ ея пути...

Онъ говорилъ очень тихо, чтобы не разбудить дѣвушку, и это придавало еще бо̀льшую мягкость его голосу, а глаза его съ нѣжною лаской останавливались на лицѣ Татьяны.

— Но слушая ее, невольно приходишь къ сравненію съ другою дѣвушкой, которую я зналъ въ былыя времена, и мнѣ становится досадно за что̀ судьба такъ несправедлива: въ восемнадцать лѣтъ та уже предчувствовала что жизнь дана не на радость, и носила въ себѣ уже тогда зачатки какой-то печали... И спрашивается, для чего нужно было чтобы вся жизнь той была принесена въ жертву для того чтобъ эта была счастлива! Да и нужно ли это было? вотъ въ чемъ вопросъ. Не можетъ ли она еще взять свою долю счастья?...

— Поздно... сказала Татьяна:—спать пора.

— Вы меня гоните?

— Пора, сказала она чуть слышно, и крикнула на Вѣру.

Онъ всталъ, молча взялъ поданную ему лѣвую руку—правою она поддерживала сестру,—перевернулъ ее и поцѣловалъ въ ладонь.

— Полно, поздно ли? переспросилъ онъ продолжая держать ея руку, ладонью вверхъ, и прямо смотря ей въ глаза.

Она слабо улыбалась, не отвѣчая. Онъ подождалъ секунду, еще разъ поцѣловалъ ей руку, кинулъ взглядъ на Вѣру, открывшую даже ротикъ въ своемъ сладкомъ снѣ, и на цыпочкахъ вышелъ изъ кабинета. Татьяна Павловна такъ и осталась въ своей не совсѣмъ удобной позѣ, прижавшись къ углу дивана, съ покоившеюся головкой Вѣры на плечѣ. Рука которую онъ только-что цѣловалъ упала на колѣни. Лицо ея, вспыхнувшее было румянцемъ, поблѣднѣло, брови сдвинулись, а глаза приняли то тихое, грустное выраженіе которое почти не покидало ихъ когда она была одна. „Полно, поздно ли?“ звучало у нея въ ушахъ, и она невольно спрашивала себя: „полно, поздно ли?“ Да, конечно, поздно. И зачѣмъ онъ явился смущать ее, она такъ давно всѣ помыслы о счастіи перенесла на дѣтей, зачѣмъ же онъ пришелъ тревожить ее! Ей, безъ малаго въ сорокъ лѣтъ, мечтать о любви! стыдитесь, Татьяна Павловна! Въ двадцать лѣтъ она умѣла побороть свое чувство къ девятнадцатилѣтнему кудрявому Алешѣ, который смотрѣлъ на нее влюбленными, нѣжными глазами. Неужели же теперь она не сумѣетъ превозмочь себя? Смѣшно, право, подумать: старухѣ романсировать какъ дѣвушкѣ въ восемнадцать лѣтъ! Зажмите уши, Татьяна Павловна, остановите біенія вашего сердца, старайтесь забыть нѣжный взоръ его глазъ! Но, какъ нарочно, этотъ взоръ не хотѣлъ уйти отъ нея; она отворачивала голову, и онъ поворачивался за нею; она закрывала глаза, и въ темномъ хаосѣ вдругъ возникали двѣ свѣтлыя точки, и его глаза смотрѣли на нее; и чѣмъ плотнѣй смыкала она вѣки, тѣмъ яснѣй въ клубящемся сумракѣ возникалъ его взглядъ, и его голосъ шепталъ ей: „Почему же поздно?“ Да въ самомъ дѣлѣ: почему же поздно? Не ложный ли это стыдъ? Кто опредѣлялъ и кто можетъ опредѣлить возрастъ до котораго люди имѣютъ право любить. Да, онъ правъ! Судьба была къ ней несправедлива, она не дала ей въ юности величайшаго счастья земнаго, почему же теперь не взять ей этого счастья, когда оно дается! Вѣрочка повернула головку во снѣ и напомнила ей о себѣ. „А эти? Что скажутъ эти?“ Когда

сестра укоряла ее въ томъ что она одѣвается по-старушечьи, не она ли, смѣясь, отвѣчала: „На все есть сезонъ". Нѣтъ, нѣтъ, нужно тысячу разъ больше любви чтобъ ее, благоразумную Татьяну, подвинуть на эту глупость. Нѣтъ, ея старое сердце неспособно любить. Любовь требуетъ самоотверженія, тѣхъ маленькихъ, незамѣтныхъ самопожертвованій такъ легко дающихся юности и на которыя въ ея возрастѣ люди неспособны... Нѣтъ, поздно, поздно! И она громко, такъ что сама испугалась, выговорила это слово: „поздно!"

Вѣрочка заворочалась и открыла глаза.

— Ты говоришь: поздно? спросила она;—о, да кажется уже свѣтаетъ! Алексѣй Николаевичъ давно уѣхалъ? Что же ты меня не разбудила... Таня, что съ тобой, ты плакала?

— Нѣтъ, дитя мое, я, кажется, тоже вздремнула.

И выговоривъ это не безъ сарказма, она поцѣловала сестру и встала.

VIII.

Покой Татьяны Павловны былъ нарушенъ. Ей въ тридцать пять лѣтъ пришлось переживать ту тревогу которая обыкновенно переживается въ двадцать. Въ юности ей некогда было любить, какъ она сама говорила, и если не считать мимолетнаго увлеченія тѣмъ же мальчикомъ Толбинымъ, она не знала что это за чувство, и теперь ей казалось униженіемъ такъ несвоевременно поддаться ему. Она боролась насколько доставало силъ, но ей приходилось бороться не съ собою только, но и съ Толбинымъ. Встрѣтивъ препятствіе на своемъ пути, онъ еще съ большею настойчивостью сталъ стремиться ко своей цѣли; его не охлаждали ни кажущееся ея равнодушіе, ни ея стремленіе избѣгать его, при удобномъ и неудобномъ случаѣ отсылать его къ молодежи. Какъ ни старалась она быть рѣзкою съ нимъ, онъ выносилъ все терпѣливо, полный заботливости къ ней и того нѣжнаго вниманія къ которымъ она совсѣмъ не привыкла. Это вниманіе и сердило ее, и трогало вмѣстѣ. Она старалась насмѣшливо относиться къ его ухаживанью, но Толбинъ былъ слишкомъ чутокъ чтобъ обижаться на ея насмѣшку; онъ понималъ что это только уловка чтобы скрыть настоящее чувство. Онъ скоро увидѣлъ что взять Татьяну сразу нельзя, она положительно не допускала никакихъ сердечныхъ изліяній, прекращала ихъ насмѣшкой,

или просто уходила; онъ перемѣнилъ тактику, сталъ говорить съ ней только о дѣлѣ, разказывалъ прошлую свою жизнь, говорилъ о предметахъ отвлеченныхъ. Она обрадовалась и стала относиться къ нему съ бо́льшимъ довѣріемъ. Алексѣй Николаевичъ являлся въ Колани почти всякій день, уже и люди всѣ считали его своимъ человѣкомъ. Глафира Васильевна, экономка, разъ стоя у окна и докладывая что-то Татьянѣ Павловнѣ, увидала въ саду прогуливавшихся Толбина съ Вѣрочкой.

— Вотъ бы женишокъ-то барышнѣ, шепнула она, кивая головой въ садъ. Татьяна Павловна вспыхнула.

— Старъ онъ для нея, проговорила она.

— Что̀ за старъ, матушка, такіе ли старики-то бываютъ, пара какъ есть.

Татьяна невольно кинула взоръ въ садъ, и ей дѣйствительно показалось что они пара: въ шляпѣ онъ имѣлъ видъ совсѣмъ молодаго человѣка, и идя рядомъ съ Вѣрой, онъ и держался-то прямѣй. „Когда онъ со мною, онъ горбится нарочно, чтобы показаться постарше и быть мнѣ подъ пару“, подумала она.

Странное дѣло, она положительно отвергала мысль о возможности своего брака съ Толбинымъ, но замѣчаніе Глафиры Васильевны точно ножомъ рѣзнуло ей сердце, и она разстроилась. Она затворилась у себя въ комнатѣ и, подъ предлогомъ неотложныхъ занятій, не выходила къ Толбину все утро. „Если они подходятъ другъ ко другу, думала она, то пусть и бесѣдуютъ; не я стану препятствовать ихъ сближенію. Что̀ же, и отлично, всѣ говорятъ что онъ ей пара.“

И какое-то нехорошее чувство колошилось въ душѣ ея противъ сестры. Напрасно старалась она сводить свои счеты, итоги выходили невѣрны.

— Таня, можно къ тебѣ? послышался голосъ Вѣры за дверью.

— Войди, сказала Татьяна, и окинула дѣвушку равнодушнымъ взглядомъ.

— Что̀ ты со мною дѣлаешь, сказала та жалобно, — цѣлые три часа оставляешь съ Алексѣемъ Николаевичемъ съ глазу на глазъ!

— Ну и что̀ же?

— Какъ что̀ же! Тоска. Мы обо всемъ переговорили, и ужь наконецъ, я не знаю что̀ и говорить, и онъ зѣваетъ, два раза подмѣтила зѣвокъ, и все о тебѣ спрашиваетъ.

Милая дѣвочка! въ эту минуту она не могла принести болѣе радостной вѣсти. Татьяна просвѣтлѣла, и притянувъ къ себѣ сестру, не могла не поцѣловать ея.

— Смѣшной ты мой ребенокъ, выговорила она,—ну иди же, иди, я сейчасъ за тобою, вотъ только итогъ тутъ подведу.

Работа по уходѣ Вѣрочки пошла скоро, и она въ нѣсколько минутъ сдѣлала то чего не могла сдѣлать въ два часа.

Толбинъ встрѣтилъ Татьяну Павловну съ такою радостною улыбкой что она не могла не отвѣчать ему тѣмъ же.

— А я ужъ думалъ вы сердитесь на меня, нарочно не выходите.

— Нѣтъ, счеты такъ запущены были, сказала она, стараясь быть равнодушною.

Въ началѣ іюня пріѣхалъ молодой Туровскій, благополучно окончившій экзаменъ и перешедшій на третій курсъ. Это былъ очень красивый юноша, но совершенно не походившій на сестеръ; въ его лицѣ, особенно около рта, была какая-то жесткость, непріятно поразившая Толбина. Вообще, они другъ другу не понравились. Насколько Алексѣй Николаевичъ пользовался расположеніемъ дамъ Туровскихъ, настолько онъ былъ антипатиченъ Петру Павловичу. Они не только были людьми двухъ разныхъ поколѣній, но и самый складъ ума былъ у нихъ иной. Въ Туровскомъ, быть-можетъ, было больше прямоты чѣмъ въ Толбинѣ, но больше и грубости; онъ былъ смѣлѣе, прямолинейнѣе, самоувѣреннѣе; онъ не былъ склоненъ къ анализу своихъ ощущеній, но обо всемъ имѣлъ свое сужденіе, которое выражалъ однимъ, двумя словами. Только свои взгляды считалъ онъ достойными успѣха и свое поколѣніе достойнымъ существованія; ко всему остальному онъ относился саркастически, свысока. Толбинъ тоньше чувствовалъ и тоньше понималъ, его умъ былъ гибче, онъ поддавался ощущеніямъ не безъ анализа; напротивъ, онъ любилъ „выворачивать себя на изнанку“, какъ самъ говорилъ. Свои сужденія онъ выражалъ не такъ категорически какъ Туровскій, онъ не только допускалъ что съ нимъ можно не соглашаться, онъ искалъ несогласныхъ и умѣлъ находить другихъ правыми, а разъ найдя это, охотно уступалъ: онъ былъ снисходителенъ во всемъ, и эта-то терпимость была противна Туровскому, окрестившему его „пряничнымъ генераломъ“. Со своей стороны и Толбину былъ несимпатиченъ Туровскій этою своею грубостію, отсутствіемъ

чутья. Они не сходились рѣшительно ни въ чемъ и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ слегка царапались.

Съ пріѣздомъ Пети, Алексѣй Николаевичъ почувствовалъ что прошли его красные деньки, въ Копаняхъ почти всякій день бывали гости, самъ хозяинъ его стѣснялъ, и онъ съ самаго этого дня не провелъ ни одного вечера въ интимной бесѣдѣ съ милыми женщинами, а Татьяна, ему казалось, избѣгала его усиленнѣе прежняго; между тѣмъ, срокъ его отпуска приходилъ къ концу, и ему надо было спѣшить объясненіемъ съ нею. Разъ вечеромъ, уже собираясь уѣзжать, онъ засталъ ее одну на балконѣ.

— Дѣла мои приходятъ къ благополучному окончанію, сказалъ онъ не безъ грусти, садясь на скамью рядомъ съ нею,— мнѣ ужь надо спѣшить къ новому мѣсту моего назначенія, а вы еще не исполнили своего обѣщанія, не побывали у меня въ Павловѣ. Не назначите ли вы сегодня день когда можете быть у меня.

— Я совершенно свободна, Алексѣй Николаевичъ,—переговорите съ Вѣрой.

— Зачѣмъ же съ Вѣрой? мнѣ хотѣлось чтобы вы сами назначили.

Она улыбнулась.

— Вы знаете, у нея всегда какія-то соглашенія сь Шахмановыми; одинъ изъ братьевъ на дняхъ уѣзжаетъ въ Петербургъ готовиться къ академіи, предстоятъ проводы, узнайте когда она свободна.

— Да вѣдь я могу пригласить и Шахмановыхъ, какъ вы думаете?

— Разумѣется, можете.

— Въ такомъ случаѣ, что̀ вы скажете если мы назначимъ среду, послѣ завтра? Далѣе откладывать нельзя, а то розы отцвѣтутъ, а въ нихъ вся прелесть Павлова.

— Спросите, пожалуста, Вѣру...

— Татьяна Павловна, ради Бога, исполните мой капризъ: назначьте сами, не приплетайте Вѣры. Съ нѣкоторыхъ поръ я только и слышу: Вѣра, Вѣра, пускай на этотъ разъ замѣнитъ ее Татьяна.

— Ну, хорошо, назначимъ на послѣ-завтра.

— Вотъ спасибо.—Онъ не сходя съ мѣста взялъ ея руку и поднесъ къ губамъ.—Какъ хорошо посидѣть тутъ съ вами вдвоемъ въ этой тишинѣ, мы такъ давно не бесѣдовали, вѣдь вы меня не гоните?

— О нѣтъ.

Но онъ видѣлъ что она сдѣлала безпокойное движеніе и черезъ минуту, замѣтивъ тѣнь мелькнувшую между деревьевъ, позвала Вѣру. Онъ сейчасъ же всталъ, простился и какъ-то холодно выговорилъ:

— Итакъ, до послѣ-завтра, какъ можно ранѣе, къ обѣду.

IX.

Въ середу, къ двумъ часамъ, коляска была уже готова, и Туровскіе въ сообществѣ двоихъ изъ Шахмановыхъ, Любы, за которой ухаживалъ Петя, и Евгенія, который ухаживалъ за Вѣрой, отправились въ Павлово. Сама судьба, казалось, благопріятствовала Толбину: еслибъ онъ самъ выбиралъ компанію, то не могъ бы лучше выбрать. День былъ прекрасный, не очень жаркій, тихій воздухъ напоенъ запахомъ цвѣтущей ржи. На душѣ Татьяны было также тихо какъ въ воздухѣ, она молчала, погруженная въ свои думы, и какъ назойливыя мухи докучали ей голоса молодежи. Въ Павловѣ она не была давно, со смерти стариковъ, и ей любопытно было взглянуть на мѣста которыя такъ нравились ей въ юности.

Алексѣй Николаевичъ въ свѣтломъ лѣтнемъ костюмѣ, красивый, возбужденный, поджидалъ Туровскихъ, жарясь на самомъ припекѣ въ палисадникѣ. Заслышавъ стукъ экипажа, онъ проворно сбѣжалъ на дорогу. Поровнявшись съ нимъ, коляска остановилась.

— Ну вотъ, ну вотъ, говорилъ онъ радостно, высаживая по очереди барышень, здороваясь съ ними и все время любовно глядя на Татьяну, оставшуюся послѣднею въ коляскѣ,— ну вотъ, какъ вы меня обрадовали, и онъ бережно, обѣими руками помогъ ей выйти изъ экипажа. Молодые люди, берите вашихъ дамъ.

И самовольно, не спрашивая позволенія, онъ продѣлъ руку Татьяны въ свою и палисадникомъ направился къ дому.

— А почему же Надежда Александровна и Павелъ Александровичъ не пріѣхали? обратился онъ къ Шахманову, и не выслушавъ объясненія, почти вслухъ воскликнулъ:—Отлично, отлично!

Такъ какъ гостиная и зала были на солнечной сторонѣ и тамъ было жарко, Толбинъ провелъ всю компанію на ту сторону дома, въ свой кабинетъ.

— Ну, снимайте ваши шляпы, говорилъ онъ радостно,— Татьяна Павловна, садитесь сюда, на оттоманъ, вотъ и валекъ вамъ подъ руку, такъ будетъ отлично.

— Нѣтъ, нѣтъ, погодите, сказала она,—мнѣ надо посмотрѣть вотъ это, какъ давно я не видала ихъ!

И опираясь однимъ колѣномъ на оттоманъ, она смотрѣла на старыя гравюры.

— А вы ихъ помните?

— Какъ же не помнить-то! до мельчайшихъ подробностей; и то чувство ужаса и невыразимой жалости...

— Жалости, къ кому?

— Къ покойнику...

— Значитъ то же чувство что̀ и у меня. И этотъ страхъ... входишь въ кабинетъ, и боишься повернуть голову въ сторону гравюръ... и у васъ то же?

Она утвердительно мотнула головой, и онъ былъ такъ радъ что въ дѣтствѣ они испытывали одинаковое чувство.

Толбинъ былъ въ какомъ-то умиленномъ, восторженномъ состояніи; для молодежи онъ былъ вѣроятно смѣшенъ въ этомъ видѣ, Туровскій неоднократно переглядывался съ Шахмановымъ и чуть-чуть улыбался. Но Татьяну Павловну его умиленіе заражало; изо всѣхъ угловъ этого дома вѣяло на нее воспоминаніями юности и дѣтства, и на душѣ у нея накипали тихія слезы. Ей не хотѣлось въ этотъ день противорѣчить Алексѣю Николаевичу, и она безпрекословно исполняла всѣ его желанія. Онъ попросилъ ее сѣсть на хозяйское мѣсто за обѣдомъ разливать супъ, и она сдѣлала это, хотя въ другой разъ это было бы ей непріятно. Послѣ обѣда онъ пожелалъ вмѣстѣ съ нею обойти весь домъ, и не говоря остальнымъ, они вдвоемъ пошли по дому, заглядывая въ каждый закоулокъ.

— Ну что̀ кажется въ этомъ домѣ? говорилъ Алексѣй Николаевичъ:—старо, гнило, пахнетъ плѣсенью; почему же онъ такъ милъ мнѣ? Хорошее это слово: дѣтство, Татьяна Павловна.

— Да, сказала она задумчиво,—еслибы не было воспоминаній дѣтства, то и вспоминать было бы нечего.

— Вамъ нечего... а мнѣ хоть и есть что̀, да къ тѣмъ воспоминаніямъ примѣшивается всюду малая толика грязи. Только въ дѣтствѣ человѣкъ совершенно чистъ и въ дѣйствіяхъ, и въ помыслахъ... Потому-то должно-быть и васъ я люблю что вы напоминаете мнѣ самую лучшую пору моей жизни.

Онъ сказалъ это „люблю“ безо всякой задней мысли, и оно не смутило ея.

Они входили въ бывшую дѣтскую, теперь совершенно пустую комнату, на полу которой были разставлены какія-то кадушки.

— Я помню, сказалъ Толбинъ,—какъ однажды я игралъ вонъ въ томъ углу въ солдатики, вдругъ дверь отворилась, и отецъ ввелъ за руку васъ, какъ теперь помню вашу голубую юпочку и бѣлый лифчикъ.

— Неужели помните? вѣдь дѣйствительно у меня было такое платье, самое мое любимое.

— А то какъ же, конечно было если я помню.

Цѣлый день они почти безпрерывно оставались вдвоемъ: молодежь или уходила далеко впереди стариковъ, или качалась на старыхъ скрипучихъ качеляхъ на дворѣ, или убѣгала на мельницу. Толбину было время сказать Татьянѣ все что̀ угодно, но онъ не пользовался случаемъ, ему жаль было разрушать очарованіе; а онъ именно былъ очарованъ сегодня, ему казалось что имъ обоимъ двадцать лѣтъ, и ему не хотѣлось думать о будущемъ. Они только-что прошлись по саду, ходили смотрѣть дерево растущее надъ обрывомъ, на которомъ во время оно отецъ Толбина, въ насмѣшку надъ сыномъ, страстно влюбленнымъ тогда въ Таню, вырѣзалъ ножомъ:

Одинъ съ природою сижу
И въ эту сто̀рону гляжу.

А внизу ножомъ же изобразилъ руку съ указательнымъ перстомъ протянутымъ въ сторону усадьбы Туровскихъ. Буквы расползлись, рука представляла изъ себя нѣчто безобразное, а вспомнить все-таки было пріятно. Они возвращались къ дому, Вѣра съ Шахмановымъ шли въ нѣсколькихъ шагахъ впереди.

— Ахъ, да, воскликнулъ Толбинъ, и оставивъ Татьяну, сорвалъ нѣсколько бѣло-розовыхъ розъ и подалъ ей.

— Вѣра, позвала она сестру.

Толбинъ съ живостью кинулся къ ней и такъ крѣпко схватилъ ее за руку, въ которой она держала цвѣты, что шипы вонзились въ ладонь.

— Зачѣмъ вамъ нужно Вѣру?

— Чтобы передать ей розы, къ ней онѣ больше пристали.

— Какое малодушіе! Не стыдно ли не смѣть принять цвѣтка отъ стараго друга! Я рвалъ ихъ не для Вѣры, а для васъ.

Онъ не на шутку былъ взволнованъ и смотрѣлъ на нее съ такимъ укоромъ что ей стало совѣстно.

— Ну, простите, сказала она.

— То-то же, простите!.... Развѣ вы не довольны мною? развѣ вы не видите что я веду себя какъ самый умный мальчикъ, не позволяю себѣ лишняго слова? а вы, неблагодарная... Бываютъ дни, говорилъ онъ далѣе,—когда человѣкъ чувствуетъ себя счастливымъ какъ бы безсознательно; я переживаю одинъ изъ такихъ дней сегодня, я ничего не спрашиваю, я не хочу знать что̀ ждетъ меня впереди; съ меня довольно и того что вы здѣсь, около меня, въ моемъ миломъ Павловѣ. Почемъ я знаю что̀ будетъ завтра, но теперь мнѣ хорошо. Татьяна Павловна, скажите что хорошо и вамъ.

Нѣтъ, она не хотѣла портить ему этого дня, и зачѣмъ стала бы она лгать, когда это былъ самый лучшій день ея жизни?

— Мнѣ хорошо, отвѣчала она, и сильнѣй оперлась на его руку.

X.

Напрасно Алексѣй Николаевичъ не сказалъ въ тотъ день Татьянѣ то что̀ ему нужно было сказать; въ послѣдующіе нѣсколько дней что̀ онъ провелъ на родинѣ ему не удалось поговорить съ нею. Она, очевидно, не хотѣла его выслушать и ускользала отъ него въ тѣ минуты когда признаніе готово было сорваться съ его губъ. По странному волненію въ которомъ она была всѣ эти дни, онъ не могъ сомнѣваться что она угадала его и преднамѣренно не хотѣла допустить его высказаться. Онъ простился съ нею почти въ отчаяніи.

По отъѣздѣ Толбина, Татьяна ходила какъ шальная, но въ концѣ концовъ она стряхнула съ себя свой недугъ, какъ сама называла, вошла въ колею, принялась опять за хозяйство, и жизнь потекла обычною чередой.

Разъ, недѣли черезъ полторы по отъѣздѣ Толбина, когда всѣ Туровскіе вмѣстѣ сидѣли за утреннимъ чаемъ, принесли почту. Разбирая сумку, Татьяна вынула большой конвертъ веленевой толстой бумаги четкимъ, крупнымъ почеркомъ адресованный на ея имя. Сердце ёкнуло въ ея груди, она поблѣднѣла и, не распечатывая конверта, опустила его въ карманъ.

— Что̀ за письмо? Почему ты не читаешь, спросила Вѣра.

— Я знаю... дѣловое, по опекѣ.

Она не торопясь допила свою чашку, сдѣлала распоряженія по работамъ, и только тогда удалилась въ свою комнату и заперлась тамъ.

Она отгадала: письмо было отъ Алексѣя Николаевича, и вотъ что̀ стояло въ немъ:

„Многоуважаемая Татьяна Павловна,—

„Вы отпустили меня не дозволивъ мнѣ высказаться предъ вами. Не стану говорить о томъ какъ это мнѣ горько, мнѣ кажется, вы сами это хорошо видѣли и поняли вашимъ добрымъ сердцемъ, но я, признаюсь, не понялъ васъ. Почему не хотѣли вы допустить меня говорить? Почему? Но теперь вы не можете запретить мнѣ сказать вамъ что я васъ люблю, и я скажу даже гораздо болѣе: и вы меня любите... Татьяна Павловна, голубушка, возьмемъ же свою долю счастья! Развѣ мы не имѣемъ на это права? Я не говорю о себѣ, я-то, можетъ-быть, и не достоинъ счастья, но вы-то, вы-то! Неужели за всю вашу жизнь самоотверженія и безкорыстной любви вы не достойны успокоиться, а что̀ предлагаю я вамъ если не покой?

„Вы говорите: „„я старуха““, и не хотите слышать о любви, вы стыдитесь этого слова. Хорошо, я не стану говорить вамъ о ней, но развѣ не связаны мы другими узами? Не росли ли мы вмѣстѣ, не рядомъ ли встрѣтили мы юность? Не соединены ли мы дружбой и воспоминаніями? Почему бы намъ не соединиться еще крѣпче? Что̀ можетъ удержать васъ? скажите. Братъ вашъ? Сестра? Но они уже взрослые люди, они стали уже на ноги, если вы еще нужны имъ сегодня, то, вѣрьте, уже завтра они безъ сожалѣнія покинутъ васъ. И что̀ же ждетъ васъ? Одинокая старость... Почему же не хотите вы: чтобъ эту старость мы встрѣтили рука объ руку! Скажите *да*, и я лечу къ вамъ, и мы тихохонько вѣнчаемся въ Муравлѣ. Пусть мы будемъ смѣшны немного, но мы будемъ счастливы... Возьмемъ же, ради Бога, возьмемъ нашу долю въ жизни. Вы никогда не знали счастья дѣлиться съ равнымъ вамъ человѣкомъ радостью и горемъ, а подумайте что̀ за блаженство чувствовать что этотъ другой всегда тутъ чтобы читать въ вашей душѣ, что онъ пойметъ и утѣшитъ васъ и вмѣстѣ съ вами будетъ плакать и смѣяться. Я жду вашего отвѣта, Татьяна Павловна, вы не можете отвѣтить: *нѣтъ*, это было бы слишкомъ жестоко какъ въ отношеніи меня, такъ и въ отношеніи васъ самихъ.“

Слезы нѣсколько разъ туманили глаза Татьяны пока читала она это письмо. Она не вдругъ могла отвѣчать на него. Только уже ночью, когда всѣ улеглись, и огни въ домѣ всѣ были потушены, она раскрыла бюваръ.

„Милый Алексѣй Николаевичъ", писала она, „мнѣ жаль, мнѣ невыразимо жаль что огорчу васъ, но брать свою долю счастья для меня уже слишкомъ поздно. Повѣрьте, прежде чѣмъ отвѣтить вамъ такъ категорически, я долго разбиралась въ своей душѣ, долго боролась съ собою. Я очень, очень вамъ благодарна что вы мнѣ ничего не сказали во время вашего пребыванія въ нашихъ странахъ; тогда у меня былъ туманъ въ головѣ, и Богъ знаетъ что̀ бы отвѣтила я вамъ; теперь я успокоилась. Нѣтъ, мой милый, ужь слишкомъ поздно начинать мнѣ жизнь свою сначала. Я уже привыкла къ независимости которою пользовалась съ раннихъ лѣтъ, я очерствѣла. Я не могу любить самоотверженно какъ могла бы въ юности, сердце мое съ молоду принадлежало дѣтямъ, и врядъ ли, еслибы даже хотѣла, могу я взять его у нихъ обратно. Вы говорите: какое блаженство чувствовать что другой равный тебѣ человѣкъ читаетъ въ твоей душѣ. Но могу ли я еще раскрыть свою душу? столько лѣтъ она была замкнута! Нѣтъ, я не сумѣю воспользоваться этимъ счастьемъ. На все есть свое время, и для любви и счастья есть тоже свое— юность. Кто не взялъ его въ молодости, не ищи его въ зрѣломъ возрастѣ, такъ или иначе оно будетъ отравлено. Не искушайте же меня, оставьте доживать мои дни какъ жила до сихъ поръ; я вполнѣ увѣрена что женщина въ сорокъ лѣтъ не должна разчитывать на любовь, дайте же мнѣ докончить свой вѣкъ не измѣняя себѣ. Еще два слова: ради Бога не отнимайте у меня вашей дружбы, не оскорбляйтесь если первое время нашей встрѣчи я буду нѣсколько сурова, мнѣ нужно же надѣть нѣкоторую личину дабы овладѣть собою. Въ октябрѣ мы съ Вѣрой переѣзжаемъ на зиму въ Москву и надѣемся что другъ нашъ не измѣнитъ намъ."

Много усилій употребила она чтобы написать это сдержанное письмо, и врядъ ли Алексѣй Николаевичъ могъ догадаться какъ много слезъ оно ей стоило.

XI.

Въ Маломъ Театрѣ шла какая-то піеса съ Ѳедотовой и Ермоловой въ главныхъ роляхъ. Уже оркестръ игралъ увертюру, когда веселая, оживленная, слегка даже задыхающаяся отъ волненія, въ одну изъ ложъ бельэтажа вошла Вѣрочка Туровская. Самое зданіе театра всегда дѣйствовало на нее возбуждающе, а теперь она вступала въ него послѣ двухъ лѣтъ отсутствія; глаза ея блистали, и она почти растерянно смотрѣла по сторонамъ.

— Ну что ты стала, садись же, дѣвочка, сказала Татьяна слѣдовавшая за нею.

— Погоди, какъ хорошо, какъ хорошо! Какое счастье что мы достали ложу.

Вѣрочка очень похорошѣла за эти мѣсяцы, и одѣтая теперь въ новое, прекрасно сшитое платье, причесанная по модѣ, въ сознаніи своего очарованія и полная ожиданія чего-то самаго, самаго хорошаго что̀, ей казалось, должно случиться въ этотъ вечеръ, она была обворожительна. Даже въ дурномъ, мертвящемъ всѣ лица освѣщеніи Малаго Театра ея красота выдавалась, и пока она стояла у барьера ложи, многіе бинокли направились въ ея сторону. Татьяна Павловна за эти четыре-пять мѣсяцевъ тоже замѣтно измѣнилась; она похудѣла и осунулась, какія-то складки образовались у рта, подъ глазами легли глубокія тѣни, и рядомъ со своею хорошенькою сестрой она смотрѣла теперь почти старухой. Кромѣ знакомыхъ намъ дамъ, въ ложѣ были ихъ братъ Петя и дальняя ихъ родственница, старая княжна ***, которая бралась знакомить Вѣрочку съ московскимъ обществомъ и шапронировать ее при неизбѣжныхъ выѣздахъ.

Ужь занавѣсъ взвился и весь театръ какъ бы въ одномъ порывѣ двинулся чтобъ удобнѣе видѣть происходящее на сценѣ, когда Вѣрочка нагнулась къ сестрѣ и сказала:

— Ты видѣла? Алексѣй Николаевичъ здѣсь.

— Гдѣ же? спросила равнодушно Татьяна, но въ сущности она уже давно замѣтила характерную лысинку, и сердце ея било тревогу. Она напрасно старалась сосредоточить свое вниманіе на томъ что̀ происходитъ на сценѣ, ея взоръ неизбѣжно обращался къ Толбину, сидѣвшему въ первомъ ряду; она видѣла его съ тылу, но нѣсколько разъ онъ оборачивался, какъ бы ища кого-то, и всякій разъ краска приливала ей къ лицу: вотъ, вотъ онъ сейчасъ увидитъ ее, но очевидно онъ не замѣчалъ Туровскихъ.

— Mademoiselle prefère le théatre dramatique à l'opéra? говорилъ Вѣрочкѣ, усиленно грасируя, молодой человѣкъ покровительствуемый княжной, пришедшій послѣ перваго же акта.

Этотъ юноша былъ въ своемъ родѣ замѣчательный субъектъ: маленькій, съ гладко причесанными жидкими волосиками, съ двумя тоненькими бакенбардами спускающимися только до половины щеки, одѣтый во что-то очень пестрое, что̀ бросалось въ глаза, онъ держался прямо, чопорно, и само-

довольно поводя на слушателей своими невинными глазами, болталъ такой вздоръ что слушать его свѣжему человѣку, не помирая со смѣху, было очень трудно. Сначала казалось что онъ мистифируетъ собесѣдника, играя какую-то глупую роль, пока тотъ по глазамъ не догадывался что все это болтается въ серіозъ.

— L'autre jour, продолжалъ онъ, картавя, — je disais à la Fedotoff: Glikeri Nicolavna, вамъ не сыграть Клеопатры.,. Cleopâtre, cette Egyptienne toute de feu... Et la delicieuse Marie Nicolaevna... le gèneral-gouverneur, mon ami, l'auteur de la pièce... Ah! et quel acteur! лилось неудержимымъ потокомъ съ устъ юноши. — J'ai la langue bien pendu, говорилъ онъ про себя, и дѣйствительно, его языкъ, съ необычайною легкостью коснувшись Ѳедотовой, переходилъ къ Ермоловой, отъ генералъ-губернатора къ автору піесы, и отдѣлить въ этомъ легкомъ сумбурѣ одно отъ другаго было очень трудно. Такъ Вѣрочка и не узнала кто былъ ему другомъ, генералъ-губернаторъ или авторъ.

Алексѣй Николаевичъ между тѣмъ стоялъ прислонившись къ рамлѣ оркестра и лѣниво перекидывался словами со своимъ пріятелемъ, сѣдовласымъ старцемъ, лорнировавшимъ ложи.

— Ну, батюшка, вотъ такъ хорошенькая! просто чудо, настоящая Тиціановская головка, сказалъ тотъ не отрываясь отъ бинокля,—посмотри-ка... разъ, два, три... шестая ложа.

Алексѣй Николаевичъ нехотя поднялъ бинокль и встрѣтился съ оживленнымъ взглядомъ Вѣрочки, которая, обрадовавшись что онъ наконецъ увидѣлъ ее, не слушая болтовни petit crevé, все еще продолжавшейся непрерывнымъ каскадомъ, улыбалась и кивала ему головкой.

— Спасибо что указали, это мои хорошія знакомыя, сосѣдки по деревнѣ,—и Алексѣй Николаевичъ почти бѣгомъ отправился наверхъ.

— А мы ужь давно видимъ васъ, я ужь такъ старалась чтобы вы меня замѣтили, нарочно не сходила съ мѣста, говорила радостно и привѣтливо Вѣрочка, между тѣмъ какъ Татьяна молча, растерянно глядѣла на него.

— Давно вы пріѣхали?

— Да ужь недѣля.

— И это называются друзья, недѣлю живутъ здѣсь, и ни слова! Ну что бы написать хоть строчку, не грѣшно бы и Петру Павловичу зайти, тутъ онъ что ли?

— Убѣжалъ едва окончился актъ, такъ что и теперь-то некого было послать къ вамъ. Да вѣдь на братьевъ разчитывать нельзя.

— Но на друзей можно, надѣюсь.

— Еще бы!

— А вотъ они-то и измѣняютъ... Ну что же, съ грустью покинули вы Копани, Татьяна Павловна? обратился онъ первый разъ къ ней.

— Да... то-есть не то чтобы съ грустью, отвѣтила она неопредѣленно.

— Барышню будемъ вывозить? и онъ опять глянулъ въ сторону Вѣры, и улыбнулся ей.

— Нѣтъ, зачѣмъ вывозить! Ѣздить будемъ.

— Ну, ужь одинъ-то балъ въ собраніи ты мнѣ обѣщала.

— А вы мнѣ, надѣюсь, первую кадриль? это обязательно.

— Oui, la première contredanse aux vieux amis, болталъ франтикъ.—Oh les vieux amis!... c'est sacré, l'amitié!... et je lui cède ma place. Онъ сдѣлалъ какой-то странный, не общечеловѣческій поклонъ и удалился.

— Вы знакомы съ тетушкой?

— Какъ же, имѣлъ удовольствіе встрѣчаться.

— Ну что же, какъ вы поживали! какъ дѣла? какъ... онъ не зналъ собственно о чемъ говоритъ съ Татьяной и радъ былъ что тутъ Вѣрочка, которая съ живостью на все отвѣчала и сама разспрашивала.

— Нравится вамъ піеса? спрашивалъ онъ.

— Не знаю еще какъ вамъ сказать, какъ-то еще странно, точно всѣ они говорятъ нарочно, какъ Mr N который только-что вышелъ.

— Попадая въ театръ послѣ деревни, сказала Татьяна,—я всякій разъ испытываю то же самое; все мнѣ кажется неестественнымъ, надо привыкнуть, испортиться, такъ-сказать, чтобы войти во вкусъ.

Алексѣй Николаевичъ съ живостью обернулся къ ней, и почтительно выслушавъ, хотѣлъ что-то возразить, но не нашелся и заговорилъ опять съ Вѣрочкой.

„Онъ помнитъ слова моего письма, думала Татьяна, онъ не хочетъ меня смущать, какъ онъ добръ!“

И каждый антрактъ онъ входилъ къ нимъ въ ложу, но не сказалъ Татьянѣ ни одного задушевнаго слова, а она ждала, хотя и утѣшала себя мыслью: „Какъ же сказать это слово

при всѣхъ!“ Однако онъ успѣлъ шепнуть ей: „какъ похорошѣла Вѣра, какъ развилась, какою стала прелестью!“ Возвращаясь домой, Татьяна Павловна чувствовала какую-то смутную, тупую боль въ сердцѣ, не такой встрѣчи ждала она съ нимъ. Неужели онъ оскорбился? не понялъ ея? Онъ, впрочемъ, отвѣтилъ тогда на ея письмо, онъ писалъ что терпѣливъ и будетъ ждать что они увидятся, и онъ надѣется что это не послѣднее ея слово.

XII.

Татьяна Павловна конечно не кривя душой писала тогда Толбину что поздно думать ей о замужествѣ, что счастье дается только молодости и она не претендуетъ на него, но въ сущности она мечтала объ этомъ счастьи, Алексѣй Николаевичъ пробудилъ въ ея душѣ дремавшую жажду любви. Во всѣ эти мѣсяцы проведенные ею въ деревнѣ послѣ полученія ею письма, одна и та же мысль, одинъ и тотъ же вопросъ и днемъ и ночью преслѣдовалъ ее: хорошо ли она сдѣлала что отказала Толбину? Она написала ему что недостаточно его любитъ, но что̀ же значитъ: достаточно? Да развѣ она не любитъ Алексѣя Николаевича? Кто когда-либо былъ ей милъ болѣе его! Все это гордость, одна гордость, она боится поступиться своимъ убѣжденіемъ, она знаетъ что будетъ стыдно взглянуть въ глаза дѣтямъ, да и всѣмъ, всѣ знаютъ ея образъ мыслей. И ради этого она жертвуетъ и своимъ счастьемъ, и его! Она отталкиваетъ то что̀ ей дается, но почему бы ей не взять свою долю счастья? вѣдь она безо лжи, безъ притворства рада отдать Толбину душу. Дѣтямъ она скоро будетъ не нужна, даже въ тягость. Вѣра выйдетъ замужъ, Петя тоже женится, старая сестра и тутъ и тамъ будетъ только помѣхой. И никогда прежде не посѣщавшія ее сомнѣнія стали посѣщать ее. Хорошо если она сойдется съ женой Пети, ну а если нѣтъ? если ей придется покинуть этотъ домъ, который съ дѣтства она считала своимъ, куда она дѣнется, гдѣ приклонитъ свою старую голову? Да и во всякомъ случаѣ не придется ли ей покинуть его, этотъ домъ. Петина жена навѣрное взглянетъ недружелюбно на старую сестру, прежнюю хозяйку; ей, Татьянѣ, придется поддѣлываться, уступать, а достаточно ли будетъ у нея силы чтобъ уступить, не почувствовавъ нѣкоторой боли и непріязни къ

— Убѣжалъ едва окончился актъ, такъ что и теперь-то некого было послать къ вамъ. Да вѣдь на братьевъ разчитывать нельзя.

— Но на друзей можно, надѣюсь.

— Еще бы!

— А вотъ они-то и измѣняютъ... Ну что же, съ грустью покинули вы Коланы, Татьяна Павловна? обратился онъ первый разъ къ ней.

— Да... то-есть не то чтобы съ грустью, отвѣтила она неопредѣленно.

— Барышню будемъ вывозить? и онъ опять глянулъ въ сторону Вѣры, и улыбнулся ей.

— Нѣтъ, зачѣмъ вывозить! Ѣздить будемъ.

— Ну, ужь одинъ-то балъ въ собраніи ты мнѣ обѣщала.

— А вы мнѣ, надѣюсь, первую кадриль? это обязательно.

— Oui, la première contredanse aux vieux amis, болталъ франтикъ.—Oh les vieux amis!... c'est sacré, l'amitié!... et je lui cède ma place. Онъ сдѣлалъ какой-то странный, не общечеловѣческій поклонъ и удалился.

— Вы знакомы съ тетушкой?

— Какъ же, имѣлъ удовольствіе встрѣчаться.

— Ну что же, какъ вы поживали! какъ дѣла? какъ... онъ не зналъ собственно о чемъ говорить съ Татьяной и радъ былъ что тутъ Вѣрочка, которая съ живостью на все отвѣчала и сама разспрашивала.

— Нравится вамъ піеса? спрашивалъ онъ.

— Не знаю еще какъ вамъ сказать, какъ-то еще странно, точно всѣ они говорятъ нарочно, какъ Mr N который только-что вышелъ.

— Попадая въ театръ послѣ деревни, сказала Татьяна,—я всякій разъ испытываю то же самое; все мнѣ кажется неестественнымъ, надо привыкнуть, испортиться, такъ-сказать, чтобы войти во вкусъ.

Алексѣй Николаевичъ съ живостью обернулся къ ней, и почтительно выслушавъ, хотѣлъ что-то возразить, но не нашелся и заговорилъ опять съ Вѣрочкой.

„Онъ помнитъ слова моего письма, думала Татьяна, онъ не хочетъ меня смущать, какъ онъ добръ!“

И каждый антрактъ онъ входилъ къ нимъ въ ложу, но не сказалъ Татьянѣ ни одного задушевнаго слова, а она ждала, утѣшала себя мыслью: „Какъ же сказать это слово

при всѣхъ!“ Однако онъ успѣлъ шепнуть ей: „какъ похорошѣла Вѣра, какъ развилась, какою стала прелестью!“ Возвращаясь домой, Татьяна Павловна чувствовала какую-то смутную, тупую боль въ сердцѣ, не такой встрѣчи ждала она съ нимъ. Неужели онъ оскорбился? не понялъ ея? Онъ, впрочемъ, отвѣтилъ тогда на ея письмо, онъ писалъ что терпѣливъ и будетъ ждать что они увидятся, и онъ надѣется что это не послѣднее ея слово.

XII.

Татьяна Павловна конечно не кривя душой писала тогда Толбину что поздно думать ей о замужествѣ, что счастье дается только молодости и она не претендуетъ на него, но въ сущности она мечтала объ этомъ счастьи, Алексѣй Николаевичъ пробудилъ въ ея душѣ дремавшую жажду любви. Во всѣ эти мѣсяцы проведенные ею въ деревнѣ послѣ полученія ею письма, одна и та же мысль, одинъ и тотъ же вопросъ и днемъ и ночью преслѣдовалъ ее: хорошо ли она сдѣлала что отказала Толбину? Она написала ему что недостаточно его любитъ, но что же значитъ: достаточно? Да развѣ она не любитъ Алексѣя Николаевича? Кто когда-либо былъ ей милъ болѣе его! Все это гордость, одна гордость, она боится поступиться своимъ убѣжденіемъ, она знаетъ что будетъ стыдно взглянуть въ глаза дѣтямъ, да и всѣмъ, всѣ знаютъ ея образъ мыслей. И ради этого она жертвуетъ и своимъ счастьемъ, и его! Она отталкиваетъ то что ей дается, но почему бы ей не взять свою долю счастья? вѣдь она безо лжи, безъ притворства рада отдать Толбину душу. Дѣтямъ она скоро будетъ не нужна, даже въ тягость. Вѣра выйдетъ замужъ, Петя тоже женится, старая сестра и тутъ и тамъ будетъ только помѣхой. И никогда прежде не посѣщавшія ее сомнѣнія стали посѣщать ее. Хорошо если она сойдется съ женой Пети, ну а если нѣтъ? если ей придется покинуть этотъ домъ, который съ дѣтства она считала своимъ, куда она дѣнется, гдѣ приклонить свою старую голову? Да и во всякомъ случаѣ не придется ли ей покинуть его, этотъ домъ. Петина жена навѣрное взглянетъ недружелюбно на старую сестру, прежнюю хозяйку; ей, Татьянѣ, придется поддѣлываться, уступать, а достаточно ли будетъ у нея силы чтобъ уступить, не почувствовавъ нѣкоторой боли и непріязни къ

той, пришлой? Что будетъ она въ этомъ домѣ? Приживалка, больше ничего! она-то, вынесшая столько тяготы чтобы сохранить его! Вотъ что ждетъ ее. И добрый человѣкъ, котораго она любитъ искренно, больше чѣмъ желала бы, протягиваетъ ей руку, хочетъ дать ей выходъ изъ этого положенія, а она почему-то отталкиваетъ его руку—„въ сорокъ лѣтъ слишкомъ поздно любить; разчитывать на личное счастье!" Неправда, неправда, вотъ же она любитъ! Да, да, одна только гордость говоритъ въ ней! Но не лучше ли поступиться выработаннымъ мнѣніемъ, не лучше ли это чѣмъ долгая (она крѣпка и здорова), ничѣмъ не согрѣтая жизнь! Зачѣмъ собственно ей ломать себя?... О, какъ былъ правъ Толбинъ совѣтуя ей хоть однажды, не анализируя, отдаться своему чувству... Это смѣшно, положимъ, ну да пускай смѣются. И Татьяна Павловна рѣшалась отдаться теченію, какъ она это называла. „Посмотримъ, посмотримъ!" восклицала она. Таковы были мысли и вопросы преслѣдовавшіе ее всѣ эти мѣсяцы разлуки съ Толбинымъ. Его образъ постоянно стоялъ предъ нею, она вспоминала его слова, жесты, взгляды, и чувство глубокой признательности и умиленной нѣжности за его любовь наполняло ея душу. „И за что, за что мнѣ это счастье?" спрашивала она себя: „а я-то, глупая, оттолкнула его!"

Въ Москву она пріѣхала съ надеждой что онъ *принудитъ* ее сказать: *да*. Но она не писала ему, не посылала за нимъ, все предоставляя року. Она нетерпѣливо ждала и боялась встрѣчи съ нимъ. Наконецъ встрѣча эта состоялась и оставила ее въ недоумѣніи; онъ казался все тѣмъ же, и ничего не было сказано между ними, но она чувствовала что что-то порвано, что вернуться къ прежнимъ отношеніямъ уже нельзя. И въ этомъ она была права.

Алексѣй Николаевичъ за эти мѣсяцы успѣлъ успокоиться отъ овладѣвшей имъ горячки. Сначала отказъ Татьяны Павловны показался ему неправдоподобнымъ, ужаснымъ рѣшеніемъ, съ которымъ надо было бороться, и ему казалось что онъ не остановится ни передъ чѣмъ чтобы завоевать ее и наконецъ-таки восторжествуетъ; потомъ онъ попривыкъ къ ея отказу, малу-по-малу его завлекли другіе интересы: служба, новыя столкновенія съ людьми, и пр. и пр. Онъ не то чтобъ отступился отъ своего намѣренія, но женитьба на ней уже не представлялась ему чѣмъ-то до такой степени необходимымъ, онъ чувствовалъ что можетъ жить и безъ Татьяны,

вообще онъ анализовалъ, взвѣшивалъ, борьба съ Туровскою уже представлялась ему чѣмъ-то непосильнымъ. „Что же дѣлать, говорилъ онъ, — насильно милъ не будешь, ну и доживай свой вѣкъ холостякомъ, Алексѣй Николаевичъ!“ Онъ говорилъ себѣ что покорился ея рѣшенію, тѣмъ не менѣе онъ ждалъ Туровскихъ съ нетерпѣніемъ, онъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей которые не довольствуются мужскимъ обществомъ, ему необходимо было общество женщинъ, необходимъ былъ укромный уголокъ, гдѣ бы онъ могъ пріютиться въ минуты жизни трудныя, ему нужно было теплое, участливое женское вниманіе, которому онъ не боялся бы наскучить своими жалобами, своимъ негодованіемъ на себя и на другихъ. Онъ любилъ анализовать чужія и, главное, свои ощущенія, и только женщина могла участливо отнестись къ этому выворачиванью себя наизнанку. Въ Москвѣ у Толбина не было ни одного „женскаго дома“, какъ онъ выражался, и потому Туровскихъ онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ. Но при первой встрѣчѣ съ Татьяной онъ почувствовалъ какую-то неловкость. По какому-то странному устройству его воображенія, въ ея отсутствіи образъ настоящей Татьяны перепутывался съ образомъ давно минувшихъ дней. Это бывало съ нимъ и лѣтомъ, достаточно было для этого двухъ, трехъ дней разлуки; теперь же, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, онъ былъ прямо пораженъ тѣмъ несоотвѣтствіемъ ея настоящаго образа съ тѣмъ что представляло ему воображеніе, къ тому же она дѣйствительно перемѣнилась. Смущеніе же ея, подобное смущенію молоденькой дѣвушки, которое такъ нравилось ему еще пять мѣсяцевъ тому назадъ, внушило ему чувство досады, вмѣстѣ съ жалостью, но не тою хорошею жалостью которая граничитъ съ любовью и возвышаетъ какъ того человѣка который ее чувствуетъ, такъ и того который внушаетъ ее, а съ тою дурною жалостью, которая принижаетъ человѣка.

Тѣмъ не менѣе, онъ на другой же день отправился къ Туровскимъ. Онъ нашелъ обѣихъ дамъ въ хлопотахъ; онѣ устраивали квартиру, вѣшали гардины, устанавливали мебель и т. п. Татьяна настолько овладѣла собою что встрѣтила его спокойно, онъ же чувствовалъ себя передъ нею какимъ-то провинившимся школьникомъ, лебезилъ, говорилъ не то что хотѣлось, ему было ловчѣе съ Вѣрочкой, которая откровенно была ему рада и такъ похорошѣла что безъ

восторга нельзя было на нее смотрѣть. Возня съ квартирой утомляла Татьяну Павловну, Вѣра же была довольна всякому движенію, она сейчасъ же приспособила и Толбина, заставивъ его уставить гостиную по собственному вкусу, а сама, между тѣмъ, съ большимъ юморомъ передавала ему анекдотическую сторону ихъ переѣзда въ Москву. И онъ весело хохоталъ слушая ея разказъ, но какъ скоро Татьяна обращалась къ нему, онъ старался согнать улыбку и дѣлалъ какое-то торжественное лицо, комичность котораго хорошо чувствовалъ и самъ. Онъ все еще говорилъ себѣ: „Я настою на своемъ, она будетъ моею женой", но онъ не торопился объясненіемъ, ему казалось что время еще терпитъ. Алексѣй Николаевичъ всѣми силами старался быть полезнымъ Татьянѣ: присылалъ ей столяровъ, обойщиковъ, самъ выбиралъ лампы, хрусталь. Туровскіе два съ половиной года, съ тѣхъ поръ какъ Вѣра кончила гимназію, не пріѣзжали въ Москву, и многія вещи за время лежанья въ складѣ перепортились и даже вовсе утратились, надо было все это возобновить, поправить, и Толбинъ все это дѣлалъ болѣе чѣмъ охотно. Съ особеннымъ удовольствіемъ взялся онъ выбрать мебель для комнатки Вѣры и купилъ все самъ, на свой страхъ, и такъ дешево что Петя утверждалъ будто онъ своихъ приплатилъ добрую половину.

XIII.

Вѣрочкѣ только-что принесли мебель въ ея хорошенькую комнатку, сестры не было дома, и она позвала брата чтобъ онъ помогъ ей совѣтомъ какъ все разставить, развѣсить портреты и картины. Петя не любилъ чтобъ его отрывали, онъ не охотно послѣдовалъ за сестрой.

— Ну какъ же ставить-то?—Такъ?

— Въ томъ-то и дѣло что не знаю, ты посовѣтуй.

— Мнѣ все равно.

— Если мы поставимъ письменный столъ сюда, а кушетку такъ?

Петя нарочно принималъ самый индифферентный видъ.

— А по мнѣ хоть верхъ ногами, мнѣ все едино.

— Вотъ ты какой скверный, ничего для сестры не хочешь сдѣлать.

— Да ну ужь, приказывай.

Но онъ все дѣлалъ нехотя, спустя рукава, только чтобы поскорѣй отдѣлаться. Вѣра сердилась.

— Противный Петька, говорила она,—какой въ тебѣ толкъ.

— Въ вашемъ кислякѣ больше толку, радуйтесь, вотъ онъ звонитъ.

Дѣйствительно, черезъ минуту входитъ Толбинъ.

— Алексѣй Николаевичъ, ради Бога, помогите мнѣ, этотъ Петька ничего не хочетъ сдѣлать для сестры. Пошелъ вонъ.

— И уйду, очень радъ, Алексѣй Николаевичъ гораздо лучше меня все тебѣ устроитъ.

Толбинъ съ удовольствіемъ принялся за дѣло. У него было много вкуса, онъ отлично комбинировалъ что̀ куда поставить, куда повѣсить какую картину, куда портретъ. Вѣра была въ восторгѣ отъ того что̀ выходило изъ-подъ его умѣлыхъ рукъ. Когда пріѣхала Татьяна и проходила къ себѣ, Вѣра крикнула ей:

— Иди сюда, посмотри какихъ чудесъ онъ надѣлалъ.

Но сестра отвѣчала: „послѣ посмотрю“, и не заходила къ ней, что̀ очень уязвило Вѣру и Толбину было непріятно.

Стало уже смеркаться когда Алексѣй Николаевичъ съ Вѣрой вышли въ гостиную и нашли тамъ Татьяну. Она, съ работой въ рукахъ, но не работая, сидѣла у стола на диванѣ въ какой-то усталой позѣ; у Толбина почему-то при видѣ ея сжалось сердце.

— Какъ я усталъ, сказалъ онъ, и опустился около нея въ кресло.

Она ничего не сказала ему, а подняла голову на Вѣру, подошедшую къ ней.

— Что̀ же не пришла посмотрѣть, развѣ не интересно тебѣ? Вотъ ты какая равнодушная, сказала Вѣра съ укоромъ...— Да... чуть было не забыла... мнѣ еще книги надо прибрать.

Вѣра повернулась и, проходя мимо Толбина, кивнувъ ему, сказала:

— Милый Алексѣй Николаевичъ, какъ я вамъ благодарна!

Онъ проводилъ ее глазами и улыбнулся ей. Они остались вдвоемъ съ Татьяной первый разъ послѣ того какъ свидѣлись. Были сумерки, онъ чувствовалъ что не найдетъ лучшаго момента чтобы сказать ей... Но что̀ собственно сказать? возобновить предложеніе? хотѣлъ ли онъ этого? Что̀ же такое сказать ему ей?... Еслибъ она хоть облегчила ему эту

[illegible], но она какъ нарочно молчала, точно выжидая что скажетъ онъ. Она сидѣла не двигаясь, прислонившись къ спинкѣ дивана, положивъ руки съ работой на колѣни, и именно эта-то покойная, выжидательная поза приводила его въ волненіе, онъ нервно пощипывалъ бороду, и наконецъ, придвинувшись всѣмъ корпусомъ къ ней, какимъ-то страннымъ голосомъ спросилъ:

— Вы довольны мною, Татьяна Павловна?

— Я не имѣю причины быть вами недовольною; но чѣмъ именно я должна быть особенно довольною, я тоже не знаю.

— Неужели вы не замѣчаете какъ хорошо я веду себя, ни слова, ни намека... и ухаживаю за Вѣрочкой, какъ вы этого хотѣли.

„Развѣ я этого хотѣла?" подумала Татьяна Павловна, и сказала громко, но какимъ-то глухимъ голосомъ: „Да, это хорошо." Она чувствовала что надо въ чемъ-то разувѣрить его, вывести его изъ какого-то заблужденія, слезы стояли у нея въ горлѣ и подступали къ глазамъ. Еслибы не стыдно было послушаться своего сердца, она бросилась бы къ нему на грудь, она измучилась ожидая всѣ эти дни хоть слова, хоть намека на прошлое, и вотъ это слово сказано, но оно или слишкомъ сухо, не то чего она ожидала, или она не умѣла воспользоваться минутой, но только онъ не узналъ о томъ что она свое рѣшеніе перемѣнила. А онъ, подумавъ что достаточно высказался и что дальнѣйшаго объясненія она не хочетъ, перешелъ на другія темы. Но она не слушала его, она чувствовала что возможность счастья уходитъ и съ недоумѣніемъ, поверхъ Толбина, глядѣла ему вслѣдъ.

Алексѣй Николаевичъ сталъ прощаться, она не удерживала его обѣдать, и онъ ушелъ чувствуя себя облегченнымъ, точно онъ свалилъ съ плечъ тяжелую обузу: онъ отдавалъ себя въ ея руки, не его вина если она его оттолкнула.

Толбинъ почти каждый день продолжалъ однако бывать у Туровскихъ; обѣдать онъ у нихъ не любилъ, онъ попрежнему былъ не въ ладахъ съ Петей и по возможности сторонился отъ него, бывая преимущественно тогда когда не рисковалъ встрѣтить молодаго человѣка; его самымъ излюбленнымъ временемъ былъ ранній вечеръ между семью и десятью, въ эти часы Петя былъ невидимъ и Алексѣй Николаевичъ на досугѣ любилъ прочесть что-нибудь хорошенькое (читалъ онъ отлично) или такъ что-нибудь поболтать, посмѣяться съ Вѣрой, выслушать

два, три ея секрета. Она называла Толбина своимъ конфидентомъ и разказывала ему разный вздоръ.

Всякій разъ какъ около семи часовъ раздавался звонокъ—въ это время никто кромѣ Толбина не заходилъ къ нимъ—сердце Татьяны билось надеждой: сегодня, наконецъ, онъ будетъ съ нею попрежнему, какъ лѣтомъ, сегодня онъ скажетъ ей... Но онъ ничего не говорилъ и не былъ съ нею попрежнему, а она бывала счастлива ужь и тѣмъ если онъ разокъ назоветъ ее „голубушкой“ или замѣтитъ что она блѣдна, не весела. Бѣдная женщина сознавала всю унизительность своего положенія. Природа точно мстила ей за то что она, понадѣявшись на свои силы, не хотѣла взять своевременно свою долю на пиру молодости и теперь, въ ея лѣта, заставляла проходить всѣ фазы юной любви до ревности включительно. Татьяна ревновала Толбина къ Вѣрѣ.

„Что̀ надо этой дѣвочкѣ?“ вопрошала она себя съ озлобленіемъ, глядя на сестру: „неужели это одно кокетство?“

Но очевидно вниманіе Толбина нравилось дѣвушкѣ; она признавалась сестрѣ что Алексѣй Николаевичъ „все-таки“ интереснѣе Шахмановыхъ и тѣхъ кавалеровъ съ которыми ей доводилось танцовать у знакомыхъ; но это „все-таки“ многаго не могло значить. Она-то не увлечется, она смотритъ на него какъ на старика, но онъ? Вѣра такъ молода, красива, такъ неотразимо привлекательна въ своей наивной граціи, устоитъ ли онъ? Да и хочетъ ли онъ устоять, зачѣмъ собственно надо ему выдерживать эту борьбу съ собою, къ чему ему беречь свое чувство? Не оттолкнула ли она его! И она себя считала причиной своего несчастья. Она терзалась и плакала въ долгія безсонныя но̀чи и горько смѣялась надъ собою. Она невольно вспоминала свою встрѣчу лѣтъ десять тому назадъ съ несчастною помѣшанною старою дѣвой, которую, будучи сама еще ребенкомъ, знавала молодою, хорошенькою, сентиментальною барышней. Помѣшательство несчастной было тихое, оно ограничивалось тѣмъ что въ свои пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ, разбитая болѣзнью, сѣдая, сморщенная, сгорбленная, она все еще продолжала считать себя молодою дѣвушкой, бросала своими выцвѣтшими глазами якобы кокетливые взгляды на мущинъ, говорила только о возвышенныхъ предметахъ и любви, писала сентиментальныя письма и своимъ разбитымъ, старческимъ голосомъ пѣла чувствительные романсы, возводя очи горѣ. Всѣ смѣялись

надъ старою дѣвой, смѣялась и Татьяна Павловна. Не смѣяться было невозможно, такъ она была комична, но когда она уѣхала, и Туровская очутилась одна въ своей комнатѣ, она горько заплакала: зрѣлище этой несчастной повернуло ей душу. Должно-быть по предчувствію плакала она тогда, не уподобилась ли она теперь сумашедшей старой дѣвѣ— влюбилась какъ дѣвочка!

Вѣра была мила и любезна съ Толбинымъ безо всякаго предвзятаго намѣренія; она видѣла что нравится ему, и это было ей пріятно, ея самолюбію льстило что этотъ, правда, не молодой, но красивый, умный человѣкъ занимается ею, деревенскою дѣвочкой. Ни одинъ изъ ея молодыхъ ухаживателей не доставлялъ ей столько горделиваго удовольствія; вотъ что̀ было сперва, потомъ пошло иное. Она стала замѣчать что этотъ пожилой человѣкъ, умѣющій быть такимъ остроумнымъ и веселымъ, теряется въ ея присутствіи, что одно ея неласковое слово дѣлаетъ его печальнымъ, какою-то тѣнью подергиваетъ лицо, и ей бывало невыразимо жаль его въ такія мгновенія, и любопытно было узнать что̀ такое происходитъ у него на сердцѣ. Они были людьми двухъ разныхъ поколѣній, онъ былъ большимъ малымъ когда она только-что узрѣла свѣтъ, онъ усталъ уже жить когда она, полная красоты, юности, полная жажды счастья, вступала въ эту жизнь, и между тѣмъ ее что-то влекло къ этому отжившему человѣку. Ей казалось что онъ несчастливъ именно потому что ужь нечего ему больше ждать впереди, она невольно сравнивала себя съ нимъ: Боже, Боже, какая длинная счастливая жизнь ждала ее! и ей такъ становилось совѣстно предъ нимъ и такъ хотѣлось утѣшить его.

И Татьяна видѣла все что̀ происходило въ душахъ тѣхъ двухъ, а между тѣмъ всякій разъ когда, входя, Толбинъ съ почтительною нѣжностью цѣловалъ ея руку, надежда въ ней возгоралась и неизмѣнно потухала какъ только онъ подходилъ къ Вѣрочкѣ и тихонько пожималъ ей пальцы, а глаза его съ восторгомъ останавливались на ея лицѣ. Къ сестрѣ она была несправедлива, она не могла подавить въ душѣ своей какого-то черстваго чувства и смотрѣла на нее холодными глазами когда та ласкалась къ ней. Вѣра не могла придумать чему приписать охлажденіе сестры, ей и въ голову не могло придти что она любитъ Алексѣя Николаевича, и что она, Вѣра, ея названная дочь, является ей помѣхой.

Какъ бы то ни было, но обѣимъ сестрамъ было неловко другъ съ другомъ, обѣ онѣ чувствовали что-то недосказанное; обѣимъ было тяжело проводить вечера съ глазу на глазъ, и каждый вечеръ онѣ стремились куда-нибудь изъ дому, или принимали гостей. Татьяна говорила что онѣ живутъ не по средствамъ, но первый разъ въ жизни и на это махнула рукой.

XIV.

Разъ, часовъ въ восемь вечера, когда обѣ сестры одѣвались въ своихъ комнатахъ, приготовляясь къ выѣзду, горничная Маша доложила Татьянѣ Павловнѣ что пришелъ Толбинскій Василій и проситъ ее выйти къ нему на минутку. Татьяна, недоумѣвая что̀ бы это значило, велѣла Василью подождать и вышла къ нему уже совсѣмъ одѣтою. На ея вопросъ что̀ ему надо:

— Да что̀, Татьяна Павловна, отвѣчалъ онъ, — не знаю, право, что̀ такое съ бариномъ приключилось: читаютъ, бумаги пишутъ, прохаживаются, все какъ слѣдуетъ, какъ будто и здоровы, а иной разъ такую чепуху понесутъ, уши вянутъ.

— Жаръ у него, что ли? спросила упавшимъ голосомъ Татьяна.

— Должно жаръ, глаза-то такъ и горятъ.

— Ступай скорѣй за докторомъ,—она дала адресъ знакомаго ей медика,—а я сейчасъ пріѣду.

Лихорадочно дрожа, но перемогая эту дрожь, она зашла къ Вѣрѣ, которая стояла предъ зеркаломъ полуодѣтая.

— Вѣрочка, поѣзжай къ К. съ братомъ, я ѣхать не могу.

— Какъ? почему? вѣдь ты уже одѣта.

— Алексѣй Николаевичъ заболѣлъ, выговорила Татьяна съ усиліемъ, — я ѣду его навѣстить, а оттуда, можетъ-быть, пріѣду къ К.

— Алексѣй Николаевичъ заболѣлъ?—и глаза Вѣрочки широко открылись:—возьми меня съ собой, я хочу его видѣть.

— Пустяки, Вѣрочка, я сейчасъ возвращусь, дождусь только доктора, поѣзжай къ К.

— Ну вотъ еще! не поѣду, тебя буду ждать.

Вѣрочка тоже дрожала, а когда сестра вышла изъ ея комнаты, она опустилась на кушетку, и закрывъ лицо руками, заплакала. Ей вспомнилось какъ три-четыре дня тому назадъ

у нихъ былъ странный разговоръ съ Толбинымъ, она была на танцовальномъ вечерѣ у знакомыхъ, она была особенно интересна въ этотъ день, необыкновенно оживлена, за ней много ухаживали, и ей было страшно весело. Толбинъ не игралъ по обыкновенію въ карты, а держа свой клякъ подъ мышкой, переходилъ отъ группы къ группѣ перебрасывалсь словами. Вѣра все время чувствовала какъ онъ издали слѣдилъ за нею, хотя ни разу не подошелъ къ ней; уже подъ конецъ вечера, передъ котильйономъ, они столкнулись гдѣ-то въ дверяхъ.

— Вамъ весело? спросилъ онъ ее.

— Очень, отвѣчала она восторженно.

— Что̀ и требовалось доказать, проговорилъ онъ какъ-то странно.

Она не поняла его и переспросила.

— Что̀ требовалось доказать?

— Ничего, ничего, успокоилъ онъ ее, чуть-чуть прикасаясь къ ея рукѣ и этимъ жестомъ какъ бы препятствуя ей въ дальнѣйшихъ разспросахъ. — Прощайте, веселитесь... а мнѣ такъ смертельно скучно, и я удаляюсь... Совсѣмъ хочу сократиться, это какъ разъ будетъ вовремя, какъ вы думаете?

Онъ какъ-то саркастически улыбнулся, и не дождидаясь отвѣта, наскоро пожавъ ей руку, удалился пробираясь къ выходной двери. Она не поняла что̀ онъ хотѣлъ сказать ей своею последнею фразой, но что̀ она хорошо почувствовала, это что, удалившись, онъ какъ бы передалъ ей свою скуку.

Она танцовала котильйонъ съ лучшимъ кавалеромъ, въ первой парѣ, выбирали ее безпрестанно, она была декорирована лучше всякаго боеваго генерала, а между тѣмъ она ощущала тоску, ей хотѣлось плакать подъ звуки прелестнаго вальса. Она поняла что весь смыслъ этого вечера былъ собственно только въ *немъ*, только потому что онъ глядѣлъ на нее ей такъ весело танцовалось, его глаза исчезли, исчезла и радость. Съ того самаго вечера она не видала его, онъ не приходилъ къ нимъ, и вдругъ теперь она узнаетъ что онъ заболѣлъ. Она представила его себѣ безпомощнымъ, жалкимъ, въ жару, и залилась слезами.

Когда Татьяна Павловна пріѣхала къ Толбину, Васильа съ докторомъ еще не было, ей отворила кухарка. Въ Москвѣ Алексѣй Николаевичъ измѣнилъ образъ жизни и держалъ свой столъ.

— Они теперь у себя въ кабинетѣ, газету читаютъ, а то все колобродили, насилу успокоились, отвѣчала она на вопросъ Татьяны Павловны.

Татьяна нашла Алексѣя Николаевича совершенно одѣтымъ, лежащимъ на диванѣ съ газетой въ рукахъ. Распростертый такимъ образомъ, онъ показался необыкновенно длиннымъ, „точно покойникъ на столѣ“, подумала она. Ея приходъ нисколько не удивилъ его.

— А, это вы! сказалъ онъ:—я васъ ждалъ, и не подавая ей руки, онъ опять углубился въ газету.—А Вѣрочка что̀ же? вдругъ опять заговорилъ онъ: —я ждалъ и ея... Выходитъ за Мингрельскаго... Я, конечно, удалился, но чего мнѣ это стоило!... Это непростительно, непростительно съ вашей стороны...

„Что̀ онъ, сошелъ съ ума“, думала Татьяна, дрожа мелкою дрожью, „или это бредъ?“ Она тихонько положила ему руку на голову; голова горѣла, и холодъ ея руки очевидно былъ ему пріятенъ. Онъ выронилъ газету и нѣсколько минутъ молчалъ, куда-то въ неопредѣленную точку устремивъ глаза и проводя языкомъ по запекшимся губамъ. Потомъ онъ снялъ со своего лба ея руку и пристально сталъ ее разглядывать, поворачивая во всѣ стороны.

— Милая, милая, какъ я тебя люблю!—И онъ прильнулъ горячими губами къ ея рукѣ.

Она знала что это бредъ, но при этихъ словахъ, при прикосновеніи его губъ, она ощутила неизъяснимую радость. Черезъ мгновеніе онъ выронилъ ея руку изъ своей ослабѣвшей руки, его вѣки стали медленно смыкаться, но вдругъ онъ вздрогнулъ и, широко открывъ глаза, испуганно взглянулъ на Татьяну.

— Ахъ, это вы! воскликнулъ онъ, разочарованный, и особенно тщательно, какъ бы боясь ошибиться, выговорилъ:— Та-тья-на Павловна.

Черезъ часъ пріѣхалъ Василій и привезъ доктора. Въ присутствіи его, Алексѣй Николаевичъ какъ бы взялъ себя въ руки и все время говорилъ толково, отвѣчая на всѣ его вопросы, въ первый разъ и къ Татьянѣ онъ обратился сознательно, поблагодаривъ ее за то что пріѣхала.

Когда докторъ отошелъ къ столу чтобы написать рецептъ, а Татьяна Павловна, послѣдовавъ за нимъ, спросила что̀ съ Толбинымъ, онъ выговорилъ страшное слово: тифъ. Комната была очень большая, было очень далеко отъ стола до дивана,

гдѣ лежалъ Алексѣй Николаевичъ, докторъ и Татьяна говорили очень тихо, но до Толбина дошло страшное слово.

— Тифъ, то-есть смерть? спросилъ онъ.

— Э, что̀ за смерть, есть разнаго рода горячки, и это слабѣйшая форма. Главное, не падайте духомъ, бодрости, бодрости побольше!

Алексѣй Николаевичъ только мотнулъ головой, и какъ скоро докторъ уѣхалъ, онъ поддался опять бреду.

Только къ тремъ часамъ ночи вернулась домой Татьяна. Вѣрочка не спала еще и постучала ей въ стѣну.

— Ну что̀? спросила она, останавливая на сестрѣ взоръ полный ожиданій.

— Тифъ, отвѣчала Татьяна, какъ-то строго взглядывая на дѣвушку.—Богъ милостивъ, прибавила она, и потомъ мягче:— ну, спи же, дѣвочка,—и поцѣловала ее въ голову.

Когда Вѣра проснулась на другое утро, сестры ея уже не было въ домѣ.

Всѣ дни и ночи теперь она проводила у больнаго, домой она являлась мимолетно, на два, на три часа, мѣняла платье, прыскалась эвкалиптовымъ растворомъ чтобы не заразить своихъ, и повидавшись съ ними, уѣзжала опять къ Толбину.

Вѣрочка уже не просилась больше къ нему; по суровому лицу сестры она знала что всѣ мольбы будутъ напрасны, она только лихорадочно ждала извѣстій.

XV.

Вотъ уже двѣнадцатый день какъ заболѣлъ Алексѣй Николаевичъ, а бредъ не покидаетъ его. Каждыя пятнадцать минутъ Татьяна мѣняетъ мѣшки со льдомъ на его головѣ, а онъ все продолжаетъ нести околесицу.

Имя Вѣры не сходитъ съ его устъ, то онъ смѣется съ нею, то она заставляетъ его плакать, и слышать это имя въ этомъ безсмысленномъ бредѣ особенно тяжело для Татьяны; впрочемъ и къ этому она скоро привыкаетъ, она переживаетъ минуту самой пламенной и самой безкорыстной любви, она знаетъ что живой или мертвый онъ не принадлежитъ ей болѣе, и спѣшитъ излить на него все что̀ есть нѣжности въ ея сердцѣ.

Былъ второй часъ ночи, Татьяна отпустила сидѣлку уснуть, и осталась одна съ больнымъ. Уже нѣсколько дней

какъ, по совѣту докторовъ, его перенесли изъ маленькой спальни въ большой кабинетъ. Кровать стоитъ почти посреди комнаты, чтобы можно было свободнѣе вращаться вокругъ нея. Толбина нѣсколько разъ на день обертываютъ мокрыми простынями, мучительная процедура, какъ для него, такъ и для ухаживающихъ за нимъ: какъ только онъ замѣчаетъ что подходятъ къ нему, онъ уже трясется и кричитъ, или жалобно пищитъ. Ему кажется что онъ преступникъ котораго пытаютъ, и онъ умоляетъ простить его, помиловать, и зрѣлище этой жалкой безпомощности въ человѣкѣ котораго она еще такъ недавно знала сильнымъ, веселымъ, насмѣшливымъ, ужасно для Татьяны.

Въ комнатѣ полутьма, она еле освѣщена лампой подъ густымъ абажуромъ, поставленной на письменномъ столѣ; въ этомъ полумракѣ, Толбинъ на своей высокой постели кажется еще длиннѣе, еще рѣзче выступаютъ изъ-подъ одѣяла его угловатые члены. Его лицо съ вытянувшимся носомъ, со всклоченною бородой, съ большими, безумными глазами, положительно страшно. Онъ мечется головой по подушкѣ, стонетъ, выкрикиваетъ безсмысленныя слова.

— Не мучьте меня, кричитъ онъ,—дайте отдохнуть.... стѣна, опять стѣна..... Вотъ, вотъ надвигается..... растетъ..... давитъ, о-охъ!.... Какой мракъ..... ужасъ, ужасъ!....

Но Татьянѣ не страшно, ей мучительно только сознаніе что она не въ силахъ помочь ему. Она безпрестанно мѣняетъ мѣшки льда, безпокойство не позволяетъ ей сидѣть, она встала и безпомощно смотритъ въ его лицо. И вдругъ онъ поймалъ ея взглядъ, и проблескъ сознанія мелькнулъ въ его безумныхъ глазахъ.

— Тебѣ жаль меня, Таня? сказалъ онъ какъ-то жалобно:—о, моя милая, моя бѣдная, бѣдная Таня, и мнѣ тебя жаль!

И онъ поймалъ ея руку и сжалъ въ своей. Черезъ минуту онъ опять кричалъ, несъ безсмыслицу и не узнавалъ ея. Она не знала сознательны ли были тѣ слова, или были бредомъ какъ все остальное, но вѣдь и сонъ иногда даетъ проблескъ счастья; и отъ этихъ словъ душа ея размягчалась, она черпала въ нихъ силу и спокойствіе, сурово сдвинутыя брови расходились, морщинки расправлялись на челѣ, и она проливала тихія слезы. Послѣ этихъ словъ ей не было такъ ужасно потерять его, точно часть его души оставалась въ ея владѣніи. А что все остальное?.. Вотъ онъ лежитъ обезображенный болѣзнью,

не похожій на себя, и еслибы не проблескъ этого провидѣнія, этой безсмертной души, которая въ одномъ возгласѣ сострадація доказала что она все видѣла и все поняла, что̀ было бы въ немъ? Пускай онъ выздоравливаетъ, она безъ сожалѣнія отдастъ его другой, пускай онъ, выздоровѣвъ, ни однимъ словомъ не напомнитъ ей о томъ что̀ было, не выскажетъ ей ни благодарности, ни состраданія, она все равно знаетъ что онъ пожалѣлъ ее. И глядя на него, она тихо плакала.

Вдругъ ей показалось что звонятъ у входной двери, но она не повѣрила своему слуху; кто могъ звонить въ этотъ поздній часъ? Но черезъ долгій промежутокъ робкій звонъ повторился; недоумѣвая кто бы это могъ быть, она зажгла свѣчу, и не желая будить людей, пошла отворить сама. Едва пріотворила она дверь, ее вырвали у нея изъ рукъ, и Вѣра въ сопровожденіи Маши очутилась въ передней.

— Что̀ случилось, Вѣра? Боже мой, что̀ такое еще?

— Ничего не случилось, но я такъ больше не могу, живаго или мертваго, я хочу его видѣть, пусти меня.

— Побойся Бога, Вѣрочка, ты испугаешь его, подумай о себѣ, болѣзнь заразительна.

— Тебѣ ничего, а мнѣ страшно, для меня заразительна? говорила дѣвушка, снимая съ головы платокъ и садясь на деревянный диванчикъ тутъ же въ передней.—Что̀ же ты больше любишь его чѣмъ я? Ты можешь подвергать себя опасности ради его, а я нѣтъ?..—Она сухими глазами смотрѣла на сестру.—Я больше такъ не могу, я измучилась, я хочу его видѣть.

Давно Татьяна Павловна не чувствовала прилива такой нѣжности къ сестрѣ какъ теперь; ей почему-то вспомнилось какъ въ день смерти отца она, послѣ страшныхъ слезъ надъ бездыханнымъ тѣломъ, вдругъ вспомнила о маленькой сестренкѣ и побѣжала къ ней и схватила ее на руки; она вспомнила какъ обвились маленькія ручки вокругъ ея шеи, и съ какимъ порывомъ она, Татьяна, цѣловала и прижимала къ груди золотистую головку произнося свои обѣты. И теперь ей хотѣлось также схватить на руки эту большую, рослую дѣвушку, и прижавъ ее къ себѣ, защитить ото всякихъ бѣдъ.

Она послала Машу разбудить сидѣлку, а сама сѣла рядомъ съ дѣвушкой и обняла ее.

— Моя милая, дорогая, говорила она,—подумай только, ну если ты заразишься.

— И умру. Развѣ ты пожалѣешь меня? Нѣтъ, тебѣ меня не жаль!

— Вѣрочка!

— Что̀? Развѣ я не права? Не покинула ли ты меня когда мнѣ болѣе чѣмъ когда была нужна твоя поддержка. Скажи, что̀ я тебѣ сдѣлала? За что̀ ты меня разлюбила! Не качай головой, развѣ я не вижу: ты не прежняя... и это въ такое время когда любовь твоя была мнѣ такъ нужна, когда я такъ несчастна...

— Вѣруся, милая, да чѣмъ же?

— Чѣмъ? Развѣ ты не видишь? — Она отстранилась отъ сестры и глянула ей въ глаза.—Я люблю его. И я хотѣла тебѣ сказать, давно хотѣла, но развѣ ты позволяла говорить съ тобою? Мы были точно чужія, въ кого же мнѣ вѣрить если ты мнѣ измѣнила! ты, моя сестра, моя мать и все...

Она горько заплакала, вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

Всякое слово Вѣры какъ ножомъ рѣзало Татьяну по сердцу. Да, сестра была въ правѣ укорять ее! И чего она кичилась своею жизнью посвященною этимъ дѣтямъ, когда въ самую нужную, самую опасную минуту, увлекшись собственными постыдными бреднями, она предоставила дѣвушку самой себѣ. Не разрушили ли эти мѣсяцы того что̀ было сдѣлано ею въ цѣлую жизнь.

Татьяна схватила руки сестры и стала цѣловать ихъ.

— Голубка моя, Вѣруся моя дорогая, говорила она,—прости меня, я виновата предъ тобою, ничего я не видѣла и не знала, укоряй меня, старую, безумную женщину, но прости, прости!

Вѣра не могла не почувствовать всей искренности этого возгласа; она сама стала ловить руки сестры и цѣловать ихъ. Онѣ сидѣли на скамейкѣ прижавшись другъ къ другу и молча всхлипывали.

— Пойдемъ, сказала наконецъ Татьяна,—посмотри его.

И обнявъ сестру, она вошла въ комнату больнаго. Сидѣлка съ заспаннымъ лицомъ сидѣла у изголовья и мѣняла мѣшки льда. Маша была тутъ же; она любила всякія зрѣлища, и еще дома, когда барышня разбудила ее съ тѣмъ чтобъ ѣхать къ Толбину, она мысленно дала себѣ слово непремѣнно увидать больнаго.

Но Вѣра ничего не слышала, все ея вниманіе было обращено на Алексѣя Николаевича. Онъ тихо лежалъ теперь съ

закрытыми глазами, и она, вся дрожа, впилась взглядомъ въ его лицо. Вдругъ опущенныя вѣки широко раскрылись, и на нее глянули огромные, незнакомые, страшные глаза, очевидно не узнавшіе ее, и раздался громкій, рѣзкій, отчетливый голосъ, произносившій безумныя слова. Вѣра не выдержала этого зрѣлища, и вскрикнувъ, безъ чувствъ опустилась на руки сестры.

XVI.

Наконецъ настала кризисъ, какъ говорилъ докторъ. Алексѣй Николаевичъ выходилъ изъ опасности. Жаръ спалъ, бредъ миновалъ, оставался только страшный упадокъ силъ. Татьяна Павловна все еще его не покидала, теперь онъ, пожалуй, требовалъ еще больше ухода чѣмъ прежде, и она рѣшила поставить его на ноги. Къ своимъ она ѣздила однако чаще, вся ея прежняя нѣжность къ Вѣрѣ вернулась съ удвоенною силой, и вмѣстѣ съ тѣмъ безпокойство, мучительный вопросъ что̀ ей дѣлать. Она невольно глядѣла теперь на Толбина какъ бы со стороны, не какъ на человѣка любимаго ею, а какъ на будущаго мужа своей дорогой дочери, и всѣ недостатки его выступали наружу. Вопервыхъ, онъ много старше ея, и это большой порокъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ это легкомысліе! Такъ недавно еще онъ клялся ей, Татьянѣ, въ любви, а теперь... Но можетъ-быть, шепталъ ей другой, болѣе снисходительный голосъ, онъ принялъ за любовь другое чувство; не былъ ли онъ самъ обманутъ воспоминаніями давно минувшихъ дней?... Онъ, правда, добръ и мягокъ, но развѣ это тотъ идеалъ человѣка сильнаго въ своей правдѣ, которому она безъ колебаній мечтала бы отдать свою Вѣру? „Пряничный генералъ", вертѣлось у нея безпрестанно на умѣ прозвище данное Толбину Петей, ахъ, злое прозвище... Но вѣдь у пряничнаго героя Андерсеновской сказки, которую она такъ любила въ дѣтствѣ, было сердце — горькая миндалина. А у Толбина?... несомнѣнно и въ немъ теплилась искра Божія; кому это знать лучше чѣмъ ей, не видѣла ли она его какъ бы отдѣлившимся отъ земли, умирающимъ, и покуда онъ умиралъ и не могъ скрыть того что̀ происходило въ немъ, та искра постоянно теплилась... Пускай же Вѣра беретъ его, если онъ не лучше, то и не хуже многихъ. И она рѣшала не препятствовать ихъ сближенію, а на другой день опять мучилась сомнѣніями.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ кризиса, Толбинъ настолько поправился что Татьяна рѣшила перебраться домой.

— Не покидайте меня, говорилъ жалобно Алексѣй Николаевичъ, удерживая ее за платье, — ужь до конца выходите дитятко.

— Но вѣдь у меня настоящія дѣти одни остались; княжна, которая жила съ ними въ мое отсутствіе, переѣхала къ себѣ. Ну, пустите, пустите, я вѣдь не навсегда покидаю васъ, буду пріѣзжать.

Она ободрилась, но на глазахъ выступили слезы; еслибъ она захотѣла анализовать свое чувство, она созналась бы что ей жаль этихъ трехъ недѣль: не принадлежалъ ли онъ тогда всецѣло ей? Дома ее встрѣтили радостными привѣтствіями, даже Петя былъ съ нею нѣженъ какъ давно не бывалъ, но она не могла не замѣтить что Вѣра грустна. Дѣвушка не долго скрывала причину своей грусти; на второй или на третій день по переѣздѣ сестры, она опять какъ-то вечеромъ, передъ сномъ, прижавшись къ ней, стала жаловаться на свое несчастіе.

— Чѣмъ же ты такъ несчастна, дѣвочка, вѣдь онъ выздоравливаетъ.

— Но онъ не любитъ меня.

Татьянѣ стало даже смѣшно.

— О мой глупый, глупый ребенокъ, я скажу какъ лягушка-царевна: ложись-ка лучше спать, утро вечера мудренѣе.

И она покрыла лицо дѣвушки поцѣлуями.

Алексѣй Николаевичъ не только вставалъ съ постели, но, покачиваясь на нетвердыхъ ногахъ, переходилъ уже комнату отъ стѣны до стѣны. Былъ мартъ на дворѣ, и солнце ясно свѣтило; онъ чувствовалъ наплывъ какихъ-то радостныхъ ощущеній, недавно стоявшая у его изголовья смерть заставляла его сильнѣе чувствовать радость жизни, даже въ этомъ ощущеніи слабости было что-то хорошее. Нѣкоторые изъ товарищей пріѣзжали навѣщать его, и ему было пріятно свидѣться съ ними какъ послѣ долгаго опаснаго путешествія. Онъ охотно разказывалъ свои ощущенія во время болѣзни, свои галлюцинаціи, бредъ. Онъ перебивалъ когда говорили ему о дѣлѣ, — дѣло впереди, — а теперь такъ славно полѣниться, понѣжиться въ этомъ креслѣ, чувствуя что имѣешь полное право на лѣнь.

Въ сумерки пріѣхала Татьяна. Онъ началъ было дремать, а ему почему-то было строго воспрещено спать днемъ.

Туровская пріѣхала какъ разъ вовремя чтобы помѣшать ему. Насколько онъ бодрился съ посѣщавшими его товарищами, настолько съ Татьяною Павловной онъ распускался, говорилъ слабымъ голосомъ и даже немного охалъ и стоналъ; онъ только-что поѣлъ и былъ сытъ совершенно, но ей онъ необходимо долженъ былъ на что-нибудь жаловаться.

— Матушка, Татьяна Павловна, встрѣтилъ онъ ее, — не велите морить меня голодомъ, я такимъ образомъ наживу другую какую-нибудь болѣзнь, это ужасно, бульйонъ, да бульйонъ, онъ мнѣ опротивѣлъ.

— Я-то чѣмъ же виновата, приставайте къ доктору.

— Скажите ему вы, васъ-то онъ послушаетъ.

Татьяна засмѣялась.

— Вы точно маленькій, сказала она,—съ вами серіозно и говорить-то нельзя!

— Ну, а у васъ всѣ здоровы? какъ-то робко спросилъ Толбинъ.

Татьяна отошла къ столу и перебирала тамъ пустыя стклянки отъ лѣкарствъ, прочитывая рецепты.

— Всѣ здоровы, отвѣчала она, — только Вѣра что-то куксится.

— Что съ нею? спросилъ онъ тревожно.

— Да такъ, мнѣ кажется больше по части фантазіи.

— Влюблена?

— Пожалуй что и влюблена.

— Въ кого же? спросилъ онъ чуть слышно.

— Да въ васъ, прости меня Боже, и она смѣло повернулась къ нему и глянула ему въ лицо.

Эффектъ ся словъ былъ неожиданный—ему сдѣлалось дурно. Но давно уже извѣстно что радость не убиваетъ людей.

XVII.

Алексѣй Николаевичъ быстро поправился и сталъ счастливымъ женихомъ; онъ точно выросъ, помолодѣлъ, похорошѣлъ, несмотря на коротко остриженную голову, которая впрочемъ скоро обрастала волосами и даже, ему казалось, въ большемъ изобиліи, чѣмъ прежде.

Вѣра, Вѣра, только Вѣра была у него на умѣ, на языкѣ и въ сердцѣ. Онъ цѣлые дни просиживалъ съ нею съ глазу

на глазъ, упиваясь ея голосомъ, не въ силахъ д...
налюбоваться ею. Сама Вѣра сіяла счастьемъ. Петя пр...
рѣлъ и не дерзалъ называть теперь Толбина пряничнымъ генераломъ. Татьяна хлопотала тамъ о чемъ-то, куда-то ѣздила, что-то покупала, кроила, шила — все это было въ порядкѣ вещей, и она сама чувствовала что это въ порядкѣ, только ей казалось что хоть однажды Алексѣй Николаевичъ долженъ ей сказать теплое, задушевное слово, но и это ей не давалось. Алексѣй Николаевичъ былъ очень милъ, любезенъ съ нею, но избѣгалъ всякихъ изліяній, только однажды онъ шепнулъ ей на ухо:

— Мнѣ надо поговорить съ вами.

Она кивнула головой и поблѣднѣла.

Но все что̀ онъ говорилъ было только о Вѣрочкѣ: онъ дѣлалъ ей подарокъ и сомнѣвался сумѣетъ ли угодить ей, онъ просилъ Татьяну вмѣстѣ съ нимъ съѣздить къ ювелиру. И она поѣхала съ нимъ выбирать, и дорогой онъ говорилъ только о невѣстѣ, о ея вкусахъ, миломъ нравѣ, о ея наивностяхъ, онъ разсказывалъ Татьянѣ все какъ матери—и все было въ порядкѣ вещей.

XVIII.

Свадьба Толбина была скромная, было человѣкъ двадцать самыхъ интимныхъ людей. Новобрачные никуда не уѣзжали, а оставались по-старинному у себя, во вновь отдѣланной прелестной квартирѣ. Послѣ свадьбы былъ чай вмѣстѣ съ ужиномъ, все очень просто, безъ затѣй. Всѣ были веселы, оживлены, Татьяна казалась оживленнѣе всѣхъ. Къ двѣнадцати часамъ весь парадъ былъ уже конченъ, и гости стали разъѣзжаться; послѣднею оставалась Татьяна. Но вотъ и ее вышли провожать въ переднюю, лакей накинулъ уже ей ротонду на плечи, она была готова и можно было уйти, но она сама точно медлила. О, Боже, какая пустота ждала ее тамъ дома! Покуда она тормошилась, хлопотала, уставала, она не могла чувствовать всей горечи... а вотъ теперь на досугѣ... о, какъ тяжко будетъ войти въ домъ!...

Но вотъ Вѣра нѣсколько разъ обняла ее, Толбинъ поцѣловалъ ей руку, лакей побѣжалъ внизъ къ каретѣ, она повернулась и пошла къ двери, но успѣла еще увидѣть какъ Алексѣй Николаевичъ стоялъ обнявъ Вѣру и смотрѣлъ ей

...ерь за нею захлопнулась. Толбинъ въ это время ...ъ уже въ залу, что-то нѣжно нашептывая женѣ, все лицо его дышало счастіемъ, и вдругъ, при звукѣ этой захлопнувшейся двери, какая-то судорга пробѣжала по его красивымъ чертамъ, и прежде чѣмъ Вѣра могла опомниться, онъ, сказавъ ей что-то, чего она не поняла, оставилъ ее одну въ залѣ, и пробѣжавъ мимо швейцара, отворилъ дверь на лѣстницу.

Татьяна медленно спускалась внизъ. Услышавъ что кто-то бѣжитъ за нею и боясь чтобъ ея не столкнули, она остановилась на первой площадкѣ и прижалась къ стѣнкѣ. Черезъ секунду, весь блѣдный, со вздымающеюся грудью, съ дрожащими губами, передъ ней стоялъ Алексѣй Николаевичъ.

— Сестра моя, мой другъ, говорилъ онъ,—прости меня, прости!

Онъ такъ дрожалъ что не могъ найти ея рукъ скрытыхъ въ манто, и потому обнявъ ее всю укутанную какъ она была—кутафьей называла ее въ такомъ видѣ Вѣра—и цѣловалъ ея волосы и лобъ, повторяя тѣ же слова: „Прости меня, прости!“

Еще минута, и они разстались, и Татьяна продолжала медленно, по-старушечьи, спускаться къ выходу. Лакей, дожидавшійся ея у дверцы кареты, не удивился увидавъ при свѣтѣ фонарей что старая барышня плачетъ—вѣдь это было въ порядкѣ вещей. Татьяна продолжала плакать и въ каретѣ, пока везли ее домой, она плакала и вступая въ этотъ опустѣлый домъ, много слезъ пролила она, но въ слезахъ этихъ уже не было горечи.

А. В.

ВОСПОМИНАНІЯ ОФИЦЕРА

О ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ НА ДУНАѢ *

ВЪ 1853 И 1854 ГОДАХЪ

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Мало-Валахскій отрядъ.—Четати, Букурештъ, Журжа, Фратешти.— Возвращеніе въ Россію.

Поляны и Модловиты.

16 января. Суббота. Мы поднялись въ пять часовъ утра и на разсвѣтѣ, въ семь часовъ утра, двинулись для занятія Модловитъ (или Моглавитъ), на половинѣ дороги между Боелешти и Калафатомъ, въ слѣдующемъ порядкѣ:

Главныя силы изъ Боелешти подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Липранди въ двухъ колоннахъ:

1я колонна — Екатеринбургскій пѣхотный и Украинскій егерскій полки, дивизіонъ Ахтырскихъ гусаръ, двѣ роты саперъ и три сотни казаковъ при 40 орудіяхъ (батарейная № 1 батарея, 10 орудій легкой № 3 батареи, 10 орудій легкой № 8й батареи и Донская № 9 батарея), слѣдуетъ по большой дорогѣ на ст. Скрипетулъ.

---

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 4.

2я колонна, подъ начальствомъ генералъ-майора Салькова, изъ пяти эскадроновъ Ахтырскаго полка, при четырехъ орудіяхъ легкой № 10 конной батареи, слѣдуетъ въ двухъ верстахъ лѣвѣе 1й колонны.

Правый отрядъ изъ Галиче-Маре, подъ начальствомъ генералъ-майора Комара, изъ Азовскаго и Днѣпровскаго пѣхотныхъ и Бугскаго уланскаго полковъ, при 36 орудіяхъ (батарейной № 4, легкихъ №№ 6 и 7 батарей), слѣдуетъ на Скрипетулъ по проселочной дорогѣ, имѣя нѣсколько впереди и правѣе отрядъ генерала Бельгарда—изъ Тобольскаго пѣхотнаго и Одесскаго егерскаго полковъ, Александрійскаго гусарскаго и одной сотни казаковъ, при 16 орудіяхъ (легкая № 1 батарея и дивизіонъ конной № 10 батареи).

Лѣвѣе главныхъ силъ и впереди, къ сторонѣ Поянъ, на деревню Сяки, выдвинуты были пять эскадроновъ гусарскаго принца Фридриха-Карла полка (Ахтырскій) и 25 казаковъ № 38 полка.

Не доходя 7 верстъ до Скрипетула, Екатеринбургскій полкъ поступилъ въ авангардъ, подъ начальство генералъ-майора Бельгарда, на мѣсто Одесскаго полка, поступившаго въ главныя силы, и выстроился въ боевой порядокъ. Непріятель, вопреки нашему ожиданію, очистилъ Модловиты, причемъ передовыя части непріятельской кавалеріи были преслѣдуемы казаками до Голенцовъ, гдѣ находились, какъ говорили, значительныя части турецкой кавалеріи. Передовыя части непріятеля были опрокинуты слѣдовавшими впереди насъ Ахтырскими гусарами съ четырьмя конными орудіями. Повернувшую назадъ непріятельскую кавалерію Ахтырцы преслѣдовали четыре версты по ту сторону деревушки Голенцы; при отступленіи Турки потеряли нѣсколько человѣкъ убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ.

Такимъ образомъ, все дѣло ограничилось небольшою кавалерійскою стычкой, и нашъ авангардъ, послѣ легкаго привала въ Модловитахъ, безо всякихъ затрудненій достигъ деревушки Голенцы-Команы (въ 10 верстахъ отъ Калафата). Въ то же время непріятельская кавалерія очистила Пояны и отступила на Чепурчени.

Авангардъ расположился бивуакомъ впереди дер. Голенцы, выставивъ къ сторонѣ Калафата аванпостныя цѣпи, пѣхотныя и кавалерійскія. Лѣвый флангъ Екатеринбургскаго полка прикрывали Бугскіе уланы, а правый флангъ Тобольскаго

полка примыкалъ ко крутому обрыву долины Дуная. Главныя силы расположились въ Модловитахъ и Гуніи.

Наши солдаты и офицеры съ особеннымъ почтеніемъ обратились къ Тобольцамъ. Начались разспросы, поздравленія, сожалѣнія о погибшихъ общихъ знакомыхъ. Личные разспросы подтвердили то что̀ мною описано прежде. Скоро мимо нашего бивуака провели человѣкъ пять плѣнныхъ Турокъ въ какихъ-то лохмотьяхъ, съ обрюзглыми звѣрскими лицами. Едва ли могла быть такою регулярная кавалерія. Затѣмъ къ нашему полковому врачу принесли сильно израненаго, хорошо одѣтаго Турка. Ему немедленно была сдѣлана перевязка.

Къ вечеру мы развели громадные костры, вокругъ которыхъ, на снѣгу, мы просидѣли всю ночь напролетъ; невозможно было и думать о снѣ, не столько отъ близкаго сосѣдства съ непріятелемъ, сколько отъ мокраго снѣга падавшаго густыми хлопьями. Я едва могъ согрѣваться въ своей буркѣ.

Воскресенье, 17го. Едва разсвѣло какъ въ Тобольскомъ полку затянули солдатскія пѣсни; но наши солдаты, не видавшіе еще врага, были, въ ожиданіи встрѣчи съ нимъ въ Калафатѣ, въ какомъ-то нервномъ, напряженномъ состояніи духа. Предъ нами открывался обширный Дунай, вдали чуть виднѣлась синяя полоса Балкановъ, ясно обрисовались на горизонтѣ остроконечные минареты Виддина, и темною, безсвязною массой рисовались Калафатскія укрѣпленія. Съ минуты на минуту мы ждемъ наступленія къ этимъ кажущимся грозными твердынямъ, и въ моемъ воображеніи уже представляется несвязная картина предстоящаго боя.

Около 11 часовъ изъ Калафата появилась непріятельская кавалерія. У насъ ударили тревогу; мы выстроились въ боевой порядокъ и приготовились къ наступленію. Вскорѣ сталъ подходить къ Голенцамъ князь Горчаковъ съ главными силами. Наша бригада съ Александрійскимъ полкомъ, при 28 орудіяхъ, направилась влѣво въ Пояны, а князь Горчаковъ съ главными силами наступалъ по дорогѣ къ Калафату.

Переходъ въ 12 верстъ по изрытымъ полянамъ тяжелъ; мы шли къ Поянамъ безостановочно и вошли туда съ пѣснями и съ музыкой; почти всѣ жители высылали на улицу изъ своихъ землянокъ для встрѣчи новыхъ воиновъ, пришедшихъ неожиданно для нихъ на смѣну недавно ушедшихъ отсюда Турокъ.

Какъ оказалось, все дѣло ограничилось рекогносцировкой Калафата и турецкихъ позицій. Несмотря на маленькій пере-

ходъ, а порядкомъ утомился. Наканунѣ мы сдѣлали болѣе 25 верстъ и провели безсонную ночь.

Наши офицерскіе вьюки и обозы пришли только вечеромъ на другой день, 18 января, въ понедѣльникъ. Деньщики разказывали что они видѣли близь д. Гуніи, куда первоначально были направлены офицерскіе вьюки, тѣла четырехъ красивыхъ женщинъ зарѣзанныхъ Турками...

19—23 января. Въ Пояяахъ, съ приближеніемъ къ Калафату на довольно близкое разстояніе, мы должны были постоянно ожидать нападенія со стороны непріятеля, у котораго 16 числа отнятъ нами не малый районъ для продовольствія, особенно кавалеріи. И дѣйствительно, съ первыхъ же дней начались между нами и Турками аванпостныя стычки. Часть турецкой кавалеріи, при одномъ орудіи, 19 января, въ 11 часовъ утра, подошла къ авангарду въ Голенцахъ; когда же замѣтила движеніе нашей кавалеріи изъ Поянъ, отступила, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ по цѣпи казаковъ. Между жителями Поянъ Турки, безъ сомнѣнія, оставили не мало шпіоновъ, не брезгающихъ вывѣдывать о нашихъ намѣреніяхъ даже у солдатъ, не говорю объ офицерахъ. Нужно быть осторожнымъ чтобъ излишнею откровенностью не давать доброжелателямъ Турокъ случая получать свѣдѣнія о нашихъ намѣреніяхъ.

Пояны, большое село, принадлежитъ Милошу, живущему въ Букурештѣ. Въ лавкахъ можно достать что̀ угодно и по цѣнамъ не особенно высокимъ. Значительную часть населенія составляютъ Сербы и Болгары.

Саперы и наши солдаты приступили къ постройкѣ батарей съ эполементами для стрѣлковъ. Князь Горчаковъ выѣхалъ во вторникъ, 19 числа, оставивъ главнымъ начальникомъ генерала Липранди. Баумгартену Мирбахъ привезъ генеральскіе эполеты лично отъ Государя; онъ же назначенъ нашимъ бригаднымъ начальникомъ, а Бельгардъ будетъ командовать Поянскимъ отрядомъ.

Главныя силы расположены на квартирахъ въ Модловитахъ и Гуніи; отъ нихъ у д. Голенцы-Команы поставленъ авангардъ, въ составѣ Украинскаго егерскаго полка, при легкой № 7 батареѣ Бугскаго уланскаго полка съ 4 орудіями конной № 10 батареи и 2 сотенъ казаковъ.

Четвергъ, 21го. Когда я съ 1ю гренадерскою ротой стоялъ въ прикрытіи батарейной батареи, расположенной у выхода

деревни по Калафатской дорогѣ, Липранди въ сопровожденіи Бельгарда и Баумгартена осматривалъ нашу позицію и строящіяся укрѣпленія.

Въ эти дни Турки тревожили насъ только три раза. безо всякихъ послѣдствій.

Въ субботу, 23 января, предъ ротой прочитанъ приказъ князя Горчакова, который заключается слѣдующими словами Государя выраженными въ письмѣ къ нему отъ 1 января: „Всѣмъ нашимъ поклонъ, и скажи имъ и войскамъ что я ожидаю что наступающій годъ покроетъ всѣхъ новою славой.“ Всѣ мы готовы исполнить свой долгъ. Военный духъ въ нашемъ полку превосходенъ.

По дошедшимъ свѣдѣніямъ, турецкія партіи начинаютъ появляться на флангахъ нашего расположенія, переправляясь съ праваго берега Дуная для рубки лѣса, угонки скота и т. п.

Еще 13 и 14 января, на островѣ Реня Турки производили рубку лѣса, а 18 числа съ острова Реня переправились на лѣвый берегъ Дуная двѣ лодки, и затѣмъ непріятельская партія двинулась въ селеніе Излацы, близь впаденія Ольты въ Дунай; но эта партія тотчасъ была прогнана за Дунай казаками. Чтобы не дать Туркамъ утвердиться на островѣ Флорентинѣ, направленъ былъ 19 января въ селеніе Сальчо (въ 20 верстахъ выше Модловитъ), подъ командой полковника Бонтана, одинъ дивизіонъ Ахтырскихъ гусаръ и 25 казаковъ. Съ приближеніемъ нашей кавалеріи, граничары бѣжали на островъ и на разсвѣтѣ 20 числа открыли перестрѣлку; но когда Бонтанъ переправилъ на островъ спѣшенныхъ казаковъ, граничары поспѣшили удалиться на противоположный берегъ Дуная. По донесенію Бонтана, племянникъ Валахскаго революціонера Магеры распространяетъ между жителями окрестныхъ деревень прокламаціи и побуждаетъ жителей къ возстанію. Затѣмъ, 23 января, Бонтанъ присоединился къ своему полку въ Моцецѣ, а для наблюденія за Дунаемъ отъ Четати до Груи назначена сотня № 38 полка; сборный пунктъ въ Сальчо. На смѣну этой сотни въ Голенцы прибыла сотня № 25 Донскаго полка.

Въ тотъ же день, въ середу, на разсвѣтѣ, передались къ намъ двое турецкихъ гусаръ изъ Венгерцевъ. По ихъ показаніямъ, въ Калафатѣ находится до 20.000 Турокъ; а именно: шесть полковъ линейной пѣхоты, одинъ баталіонъ стрѣлковъ, три полка кавалеріи, 200 конныхъ и до 1.000 пѣшихъ баши-бузу-

ходъ, я порядкомъ утомился. Наканунѣ мы сдѣлали болѣе 25 верстъ и провели безсонную ночь.

Наши офицерскіе вьюки и обозы пришли только вечеромъ на другой день, 18 января, въ понедѣльникъ. Деньщики разказывали что они видѣли близь д. Гуніи, куда первоначально были направлены офицерскіе вьюки, тѣла четырехъ красивыхъ женщинъ зарѣзанныхъ Турками...

19—23 января. Въ Поянахъ, съ приближеніемъ къ Калафату на довольно близкое разстояніе, мы должны были постоянно ожидать нападенія со стороны непріятеля, у котораго 16 числа отнятъ нами не малый районъ для продовольствія, особенно кавалеріи. И дѣйствительно, съ первыхъ же дней начались между нами и Турками аванпостныя стычки. Часть турецкой кавалеріи, при одномъ орудіи, 19 января, въ 11 часовъ утра, подошла къ авангарду въ Голенцахъ; когда же замѣтила движеніе нашей кавалеріи изъ Поянъ, отступила, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ по цѣли казаковъ. Между жителями Поянъ Турки, безъ сомнѣнія, оставили не мало шпіоновъ, не брезгающихъ вывѣдывать о нашихъ намѣреніяхъ даже у солдатъ, не говорю объ офицерахъ. Нужно быть осторожнымъ чтобъ излишнею откровенностью не давать доброжелателямъ Турокъ случая получать свѣдѣнія о нашихъ намѣреніяхъ.

Пояны, большое село, принадлежитъ Милошу, живущему въ Букурештѣ. Въ лавкахъ можно достать что̀ угодно и по цѣнамъ не особенно высокимъ. Значительную часть населенія составляютъ Сербы и Болгары.

Саперы и наши солдаты приступили къ постройкѣ батарей съ эполементами для стрѣлковъ. Князь Горчаковъ выѣхалъ во вторникъ, 19 числа, оставивъ главнымъ начальникомъ генерала Липранди. Баумгартену Мирбахъ привезъ генеральскіе эполеты лично отъ Государя; онъ же назначенъ нашимъ бригаднымъ начальникомъ, а Бельгардъ будетъ командовать Поянскимъ отрядомъ.

Главныя силы расположены на квартирахъ въ Модловитахъ и Гуніи; отъ нихъ у д. Голенцы-Команы поставленъ авангардъ, въ составѣ Украинскаго егерскаго полка, при легкой № 7 батареѣ Бугскаго уланскаго полка съ 4 орудіями конной № 10 батареи и 2 сотенъ казаковъ.

Четвергъ, 21го. Когда я съ 1ю гренадерскою ротой стоялъ въ прикрытіи батарейной батареи, расположенной у выхода

деревни по Калафатской дорогѣ, Липранди въ сопровожденіи Бельгарда и Баумгартена осматривалъ нашу позицію и строящіяся укрѣпленія.

Въ эти дни Турки тревожили насъ только три раза, безо всякихъ послѣдствій.

Въ субботу, 23 января, предъ ротой прочитанъ приказъ князя Горчакова, который заключается слѣдующими словами Государя выраженными въ письмѣ къ нему отъ 1 января: „Всѣмъ нашимъ поклонъ, и скажи имъ и войскамъ что я ожидаю что наступающій годъ покроетъ всѣхъ новою славой.“ Всѣ мы готовы исполнить свой долгъ. Военный духъ въ нашемъ полку превосходенъ.

По дошедшимъ свѣдѣніямъ, турецкія партіи начинаютъ появляться на флангахъ нашего расположенія, переправляясь съ праваго берега Дуная для рубки лѣса, угонки скота и т. п.

Еще 13 и 14 января, на островѣ Реня Турки производили рубку лѣса, а 18 числа съ острова Реня переправились на лѣвый берегъ Дуная двѣ лодки, и затѣмъ непріятельская партія двинулась въ селеніе Изланцы, близъ впаденія Ольты въ Дунай; но эта партія тотчасъ была прогнана за Дунай казаками. Чтобы не дать Туркамъ утвердиться на островѣ Флорентинѣ, направленъ былъ 19 января въ селеніе Сальчо (въ 20 верстахъ выше Модловитъ), подъ командой полковника Бонтана, одинъ дивизіонъ Ахтырскихъ гусаръ и 25 казаковъ. Съ приближеніемъ нашей кавалеріи, граничары бѣжали на островъ и на разсвѣтѣ 20 числа открыли перестрѣлку; но когда Бонтанъ переправилъ на островъ спѣшенныхъ казаковъ, граничары поспѣшили удалиться на противоположный берегъ Дуная. По донесенію Бонтана, племянникъ Валахскаго революціонера Магеры распространяетъ между жителями окрестныхъ деревень прокламаціи и побуждаетъ жителей къ возстанію. Затѣмъ, 23 января, Бонтанъ присоединился къ своему полку въ Моцецѣ, а для наблюденія за Дунаемъ отъ Четати до Груи назначена сотня № 38 полка; сборный пунктъ въ Сальчо. На смѣну этой сотни въ Голенцы прибыла сотня № 25 Донскаго полка.

Въ тотъ же день, въ середу, на разсвѣтѣ, передались къ намъ двое турецкихъ гусаръ изъ Венгерцевъ. По ихъ показаніямъ, въ Калафатѣ находится до 20.000 Турокъ; а именно: шесть полковъ линейной пѣхоты, одинъ баталіонъ стрѣлковъ, три полка кавалеріи, 200 конныхъ и до 1.000 пѣшихъ баши-бузу-

ковъ. Въ укрѣпленіяхъ до 60 орудій, между которыми имѣются гаубицы большаго калибра. Калафатскія укрѣпленія состоятъ изъ батарей открытыхъ съ горжи и соединенныхъ между собою траншеями для стрѣлковъ. Въ такихъ ложементахъ можетъ помѣститься не болѣе 1.000 человѣкъ. Впереди батарей, на разстояніи ружейнаго выстрѣла, предъ правымъ флангомъ имѣется редутъ на шесть чугунныхъ орудій, на высотѣ по дорогѣ въ селеніе Челурчени, а другой редутъ находится за лѣвымъ флангомъ по дорогѣ въ Голенцы. Сила укрѣпленій въ Калафатѣ зависитъ не столько отъ тѣхъ высотъ на которыхъ расположены батареи и редуты, сколько отъ самой крѣпости Виддина, для которой Калафатъ служитъ предмостнымъ укрѣпленіемъ. Мысль о штурмѣ Калафата, кажется, у насъ совсѣмъ оставили. Для такого серіознаго предпріятія, по мнѣнію артиллеристовъ, намъ понадобились бы осадныя орудія; съ полевыми же штурмъ Калафатскихъ укрѣпленій былъ бы дѣломъ рискованнымъ.

Построены уже батареи въ Поянахъ, для обезпеченія на случай неожиданнаго нападенія Турокъ: на 6 орудій по Калафатской дорогѣ, на 4—по Чепурченской и на 2—на Дессу; въ Модловитахъ, къ сторонѣ Голенцовъ построена батарея на 8 орудій. Но всѣ эти батареи, будучи открытыми съ фланговъ, требуютъ большаго вниманія отъ пѣхотныхъ частей охраняющихъ ихъ незначительными караулами въ ночное время. Намъ не мѣшало бы построить еще и ложементы для штуцерныхъ, но, кажется, наши начальники не считаютъ нужнымъ давать значеніе укрѣпленію д. Пояны, въ томъ, можетъ-быть, предположеніи что Турки не рѣшатся выйти изъ Калафата для атаки нашей укрѣпленной позиціи. Они охотно готовы атаковать насъ въ открытомъ полѣ. Несравненно сильнѣе были укрѣплены нами Боелешти, хотя и безъ помощи саперъ.

У насъ все еще озабочены неспокойнымъ состояніемъ граничаръ, а потому для усмиренія волненія между ними посланъ изъ Моцецея вверхъ по Дунаю, къ сторонѣ Груи, небольшой отрядъ, подъ командой генералъ-маіора Семякина, изъ одного баталіона Одесскаго полка при 4 орудіяхъ легкой № 8 батареи; Семякинъ долженъ обезоруживать жителей окрестныхъ деревень выше Четати и наказывать непокорныхъ граничаръ.

Должно-быть Турки не особенно сильны въ Калафатѣ,

если оставляютъ насъ въ совершенномъ покоѣ; говорятъ, однако, что къ нимъ прибываютъ подкрѣпленія.

Воскресенье, 24го. Сильные югозападные вѣтры бывшіе всю минувшую недѣлю утихли, и сегодня прекрасный теплый день. Снѣгъ исчезъ. Назначенъ церковный парадъ: отъ всѣхъ частей по одной ротѣ, съ хоромъ музыки отъ нашего полка. Священникъ сказалъ въ церкви рѣчь возбуждающаго характера; обращаясь къ сынамъ Россіи, онъ напоминалъ о нашихъ обязанностяхъ. Еще болѣе энергическія слова произнесъ Бельгардъ, по окропленіи знамени и насъ святою водой. Онъ совѣтовалъ драться съ Турками не щадя жизни, чтобъ избавить угнетенныхъ, несчастныхъ христіанъ отъ изувѣровъ Турокъ. Бельгардъ пользуется большою любовью солдатъ, и съ нимъ они готовы идти на врага съ полною вѣрой въ успѣхъ.

Едва мы успѣли отобѣдать, ударили тревогу. Весь отрядъ съ необыкновенною быстротой собирается и двигается по направленію къ Голенцамъ, откуда доносятся едва слышные выстрѣлы. Я уже въ солдатской шинели, которую приказано носить всѣмъ офицерамъ для избѣжанія большихъ потерь въ нихъ, замѣченныхъ въ Ольтеницкомъ и Четатскомъ сраженіяхъ. На половинѣ дороги мы остановились и построились въ боевой порядокъ. Бельгардъ, сидя на барабанѣ у нашего 1го баталіона, вызвалъ пѣсенниковъ 3й роты. Тѣмъ дѣло и кончилось; наградили пѣсенниковъ, и къ вечеру мы возвратились домой. Турки отступили. Я не могъ узнать о причинѣ этого движенія; можетъ-быть Бельгарду хотѣлось убѣдиться въ нашей готовности.

Вторникъ, 26го. Весь Мало-Валахскій отрядъ дѣлаетъ наступленіе къ Калафату двумя колоннами: Поянскій отрядъ выступилъ въ 9 часовъ утра и направился къ сторонѣ Чепурчени; Модловитскій же, имѣя на лѣвомъ флангѣ кавалерію, шелъ правѣе, по дорогѣ изъ Голенцовъ. Не доходя двухъ-трехъ верстъ до Калафата, остановились: Тобольцы направляются влѣво отъ насъ къ Чепурчени; видно поспѣшное отступленіе Турокъ предъ дивизіономъ Александрійскихъ гусаръ, направленныхъ въ ту же сторону еще ранѣе. У Турокъ въ Чепурчени было 3 баталіона, нѣсколько эскадроновъ и 2 орудія. Наши конныя орудія успѣли пустить въ догонку непріятелю нѣсколько выстрѣловъ, говорятъ, удачныхъ. Деревню заняли казаки и подожгли стога сѣна.

Между тѣмъ наши казачьи цѣпи, поддерживаемыя кавалеріей, на всемъ протяженіи нашего боеваго порядка тѣснили

конныхъ баши-бузуковъ, въ цѣпи съ обѣихъ сторонъ открылась перестрѣлка; казаки ловко лавировали и завлекали баши-бузуковъ; Бельгардъ, сидя на барабанѣ, слушалъ пѣсенниковъ, покуривалъ трубку, и получая отъ присылаемыхъ съ разныхъ сторонъ ординарцевъ и казаковъ клочки исписанной бумаги, дѣлалъ свои распоряженія. Турки, занявъ укрѣпленія, не рѣшились мѣшать нашему движенію. Пущенныя ими гранаты не причинили намъ вреда. Мы не отвѣчали на выстрѣлы и стали отходить въ боевомъ порядкѣ въ двѣ линіи.

Сегодня я могъ ясно разглядѣть Калафатъ съ его грозными, какъ говорили, укрѣпленіями; дѣйствительно, значительно командующая надъ окрестностью высота, изъ-за которой виднѣются минареты *Виддина*, изрѣзана укрѣпленіями и траншеями. Всѣ укрѣпленія заняты пѣхотой.

Среда, 27го. Спустя полчаса по полуночи, со стороны Голенцовъ послышались пушечные выстрѣлы; у насъ ударили тревогу, войска отряда собрались въ указанныхъ пунктахъ при батареяхъ съ неимовѣрною быстротой; черезъ часъ насъ распустили по квартирамъ.

Оказалось слѣдующее: турецкій отрядъ пѣхоты и кавалеріи, при 4 орудіяхъ, двигался по дорогѣ въ Голенцы, но не доходя трехъ верстъ до нашего авангарда, былъ открытъ казачьимъ секретомъ, сдѣлавшимъ залпъ изъ ружей. По тревогѣ въ Голенцахъ, туда прискакали гусары и казаки; Турки, сдѣлавъ по цѣпи нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій, отступили.

Въ 4 часа пополудни, мимо нашихъ землянокъ по деревнѣ проскакалъ казакъ, со словами: „Турки наступаютъ“. Мы приготовились къ сбору. Вскорѣ на рысяхъ двинуты по дорогѣ къ Калафату дежурный эскадронъ гусаръ и казаки. Пѣхота же оставалась въ ружьѣ. Говорятъ что 4 непріятельскія колонны, выступивъ изъ Калафата, направлялись къ Голенцамъ, но замѣтивъ наше движеніе, отступили за свои укрѣпленія.

Сегодня въ Пояны пришло нѣсколько румынскихъ семействъ бѣжавшихъ въ Калафатъ изъ Модловитъ и Голенцовъ вмѣстѣ съ Турками еще при нашемъ движеніи 16 января. Турки стали ими тяготиться и отпустили ихъ.

Четвергъ, 28 января, до понедѣльника, 1 февраля. Погода замѣтно измѣнилась къ худшему, выпалъ снѣгъ, и морозъ усилился. Въ ночь на 29 число Турки намѣревались, повидимому, снять нѣсколько казачьихъ постовъ, но казаки не дались въ

обманъ и въ порядкѣ отступили, отстрѣливаясь. У насъ поэтому ударили тревогу. Турки отступили къ Калафату.

Наши солдаты во многихъ мѣстахъ стали открывать спрятанные жителями продукты: ячмень, пшеницу и кукурузу. Увѣряли что гдѣ-то въ соломѣ нашли спрятанное оружіе, даже двѣ пушки. Но это были ложные слухи. Для караульныхъ частей за батареями строятъ землянки. Давно пора, стужа велика; безъ укрытія, хотя на нѣкоторое время, особенно когда падаетъ снѣгъ, тяжело выстоять ночное время. Притомъ могутъ появиться у солдатъ болѣзни. При нашей батареѣ, по Калафатской дорогѣ, выстроили (31 числа) большую землянку на одну роту, съ двумя выходами и тремя отверстіями для прохода дыма. Тутъ, посрединѣ, разводится огонь, и дежурная рота хорошо защищена отъ стужи, несмотря на сырость и дымъ. Солдаты могутъ лежать на соломѣ въ ожиданіи своей очереди въ цѣпи.

Укрѣпленія объѣзжали начальникъ артиллерійской бригады Загоскинъ и офицеръ генеральнаго штаба Черняевъ.

Въ расположеніи Мало-Валахскаго отряда произошли нѣкоторыя перемѣны. Тобольскій полкъ съ частью казаковъ и 6 орудіями легкой № 1 батареи, подъ командой генералъ-майора Баумгартена, вышелъ изъ Поянъ по направленію къ Рахову; мѣсто Тобольцевъ занялъ Днѣпровскій полкъ, пришедшій сегодня изъ Модловитъ; Одесскій полкъ съ легкою № 8 батареей (кромѣ 2 орудій) передвинулся въ Модловиты изъ Гуніи; гусарскій Ахтырскій полкъ съ донскою № 9 конною батареей изъ Моцецея перемѣщенъ въ Гунію, гдѣ уже былъ расположенъ Бугскій уланскій полкъ съ 4 орудіями конной № 10 батареи. Наши двѣ роты (2я и 3я), расположенныя на краю деревни ближайшемъ къ Калафату, уступили свое мѣсто 2му дивизіону Александрійскихъ гусаръ.

Новая квартира моего командира и моя назначена въ домѣ валахскаго купца. Это уже не землянка, а довольно опрятный домикъ съ комнатой въ два окна и мебелью состоящею изъ стола, пяти стульевъ и шкафа. Отъ такой роскоши я совсѣмъ отвыкъ. Хозяинъ негоціантъ очень вѣжливъ, но кажется лукавъ; хотя онъ считаетъ себя большимъ приверженцемъ Русскихъ, однако я не увѣренъ въ его готовности служить нашимъ интересамъ. Впрочемъ, увидимъ. Онъ щедро наградилъ солдатика за то что тотъ, открывъ спрятанные подъ землянкой хозяйскіе сундуки, ничего въ нихъ не

тронулъ. На такую честность русскаго солдата негоціантъ-Валахъ повидимому не разчитывалъ. Дѣло въ томъ что Румыны недавно напали на одного гусара за воровство и страшно его поколотили. Въ свалкѣ ему отрубили палецъ. Однако наши солдаты вообще держатъ себя строго; случай съ гусаромъ едва ли не единственный и, конечно, всѣми солдатами осуждается.

Между тѣмъ Семякинъ, о движеніи котораго я сказалъ выше, на своемъ пути въ Грую (изъ Четати на Ульму, Сальчію, Врата, Гирла, Маре и Престолу) былъ встрѣчаемъ жителями и старшинами съ изъявленіемъ покорности; онъ счелъ нужнымъ продолжать свое движеніе вверхъ по Дунаю до Турнъ-Северина, откуда доносилъ что часть турецкой кавалеріи, не свыше двухъ тысячъ, оставивъ Калафатъ, потянулась правымъ берегомъ Дуная близь Ломъ-Паланки.

Находившійся въ Островени, на рѣкѣ Жіо (въ пяти верстахъ отъ впаденія этой рѣки въ Дунай, противъ Рахова), командиръ 3го баталіона Украинскаго егерскаго полка также доноситъ о прибытіи въ Рахово 26 января, снизу Дуная, отъ 2 до 2½ тысячъ турецкой кавалеріи, присовокупляя что стоящія у Рахова турецкія суда приводятся въ исправность.

Въ то же время получено донесеніе отъ командира 5й сотни Донскаго № 37 полка изъ Крушова (въ 20 верстахъ къ западу отъ Калафата) о появленіи Турокъ на разсвѣтѣ 24 января на островѣ противъ Исланца (близь впаденія Ольты въ Дунай); незначительная ихъ партія въ этотъ же день плавала на лодкахъ близь лѣваго берега Дуная, въ виду нашихъ казачьихъ постовъ, а съ разсвѣтомъ 25 января, турецкая пѣхота (не свыше одной тысячи) переправилась на лѣвый берегъ Дуная и двинулась на селеніе Исланцъ; казаки, въ соединеніи съ граничарами, принудили Турокъ отступить къ своимъ лодкамъ; затѣмъ непріятель спустился по Дунаю, зажегъ валахскій караульный домъ и отплылъ къ Никополю. На островѣ противъ Исланца замѣчается построенная Турками батарея, съ которой по селенію были сдѣланы два выстрѣла, вѣроятно пробные.

Въ виду усиленія Турокъ въ Раховѣ, признано было нужнымъ имѣть противъ Рахова самостоятельный отрядъ; съ этою цѣлію генералъ-майоръ Баумгартенъ, какъ я сказалъ, получилъ приказаніе съ отрядомъ изъ Тобольскаго полка (изъ Поянъ), 10 орудій легкой № 3 батареи 11й артиллерійской

бригады, 4го дивизіона Ахтырскихъ гусаръ (изъ Моцецея) двинуться 29 января къ Островени, и принявъ тамъ подъ свою команду 3й баталіонъ Украинскаго полка при двухъ орудіяхъ легкой № 8 батареи и одну сотню Донскаго № 37 полка, расположиться какъ въ этой деревнѣ, такъ и въ Бекетѣ. *

Отрядъ Семякина (1й баталіонъ Одесскаго полка и 4 орудія легкой № 8 батар.) возвратился въ Модловиты 31 января.

2 и 3 февраля. Ночное нападеніе наше на Чепурчени. Во вторникъ, пополудни, по Поянскому отряду разнеслась вѣсть о предстоящемъ намъ движеніи для ночнаго нападенія на деревню Чепурчени, снова занятую турецкимъ отрядомъ въ 2.500 человѣкъ. И дѣйствительно, когда стемнѣло, нашъ отрядъ сталъ собираться у батареи при выходѣ въ Чепурчени. Ночь была лунная, былъ довольно чувствительный холодъ. Мы двинулись около 10 часовъ и шли со всѣми необходимыми для ночнаго движенія предосторожностями. Почти въ то же время вышелъ изъ Модловитъ Липранди. Предъ деревнею мы выстроили на походѣ боевой порядокъ: впереди шелъ Екатеринбургскій полкъ съ легкою № 1 батареей, а въ резервѣ Днѣпровскій полкъ съ батарейною № 1 батареей. Немного ранѣе, вправо отъ Чепурчень, направленъ былъ Александрійскій гусарскій князя Варшавскаго полкъ, при четырехъ конныхъ орудіяхъ, подъ командой графа Алопеуса, обязаннаго: вопервыхъ, войти въ связь съ колонной Липранди, наступавшею по лощинѣ между дорогами идущими отъ Поянъ и Голенцовъ къ Калафату; во вторыхъ, обойдя селеніе Чепурчени, ударить на отступающихъ Турокъ въ тылъ и отбросить ихъ къ Дунаю.

Главную атаку долженъ былъ произвести Екатеринбургскій полкъ, который наступалъ въ Чепурчени въ слѣдующемъ боевомъ порядкѣ. Въ 1й линіи, по флангамъ батареи, 2й и 3й баталіоны, имѣя въ цѣпи 6ю и 9ю роты; во 2й линіи нашъ 1й баталіонъ въ полубаталіонныхъ колоннахъ, въ резервѣ 4й баталіонъ.

Холодъ становился чувствительнѣе, снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами, мы наступали съ полною готовностію уложить на мѣстѣ всѣхъ Турокъ; уже засвѣтились огоньки, и впереди раздались пушечные и ружейные выстрѣлы; эти выстрѣлы были слишкомъ отдаленные; пульсъ у всѣхъ насъ сталъ

* Туда же, въ Островени, направлена изъ Слатина 6я мушкетерская рота Тобольскаго полка.

напряженнѣе и чаще... Но надежда Екатеринбургцевъ „схватиться съ Турками“ и на этотъ разъ оказалась тщетною. Турки отступили, сдѣлавъ два выстрѣла изъ орудій и отстрѣливаясь отъ передовой нашей цѣпи...

Такъ безплодно кончилось для насъ это ночное нападеніе на Чепурчени.

Мы оставались еще нѣкоторое время въ боевомъ порядкѣ на позиціи предъ Чепурчени, выставивъ къ сторонѣ Калафата 24 орудія, которыя на разсвѣтѣ выпустили по два ядра; затѣмъ Поянскій отрядъ возвратился на свои квартиры.

Исполненію нашего ночнаго нападенія, безъ сомнѣнія, повредили прежде всего турецкіе шпіоны *заблаговременно* давшіе знать о нашемъ предпріятіи. Въ чепурченскихъ землянкахъ мы находили свѣжіе слѣды послѣшнаго бѣгства Турокъ: разведенные огни, мамалыгу, вино и т. п. Обвиняютъ Аллеуса въ недостаточной энергіи; наша кавалерія двигалась вяло, ощупью; но кавалеристы оправдываются встрѣченными ими на пути препятствіями, а именно какимъ-то глубокимъ рвомъ, который пришлось имъ обходить. Но развѣ можно такъ отговариваться...

По словамъ крестьянъ, и вообще по слухамъ, при нашемъ нападеніи на Чепурчени произошла въ Калафатѣ большая тревога, жители и многіе солдаты бросались толпами къ мосту, думая спасаться бѣгствомъ на островъ. Турецкія войска заняли укрѣпленія и простояли въ такомъ положеніи нѣсколько часовъ.

Морозъ къ утру усилился до 15°, и нѣсколько нашихъ солдатъ отморозили себѣ ноги. Многіе изъ офицеровъ, въ томъ числѣ и я, не имѣя теплаго платья, простудились.

4—14 февраля. Погода быстро измѣнилась; наступила оттепель, съ нею грязь и сырость. Несмотря на сильное нездоровье отъ простуды на походѣ 3 февраля, я чрезъ каждые два дня нахожусь въ прикрытіи артиллеріи или на аванпостахъ. Попавшіяся нѣмецкія газеты съ описаніемъ Четатскаго сраженія удивляютъ безцеремонною ложью и извращеніемъ фактовъ; какъ однако иностранцы насъ не любятъ, и какъ радуетъ ихъ наша неудача!.. Нѣмцы, эти серіозные люди, вѣрятъ сплетнямъ и выдумкамъ константинопольскаго журнала, откуда заимствована статья о Четатскомъ сраженіи!...

Поянскіе жители, повидимому, начинаютъ съ нами сближаться. Но дѣвицы, особенно смазливыя, проходя мимо офицера [illegible]ются закрыть свое лицо ладонью.

Все это время во всемъ нашемъ отрядѣ было спокойно; теперь не Турки безпокоятъ насъ своими нападеніями на наши аванпосты, а мы держимъ ихъ въ страхѣ.

7 *февраля, воскресенье. Рекогносцировка калафатскихъ укрѣпленій.* Мало-Валахскій отрядъ, выступивъ обычными двумя колоннами изъ Поянъ и Молдовитъ, расположился на пушечный выстрѣлъ впереди Калафатскихъ укрѣпленій. На правомъ флангѣ сталъ Липранди съ тремя полками пѣхоты, двумя полками кавалеріи и пятью сотнями казаковъ, при 48 орудіяхъ. На лѣвомъ флангѣ, правѣе кургана бывшаго на дорогѣ изъ Поянъ въ Калафатъ, расположился Бельгардъ съ пѣхотой и артиллеріей Поянскаго отряда, направивъ заблаговременно къ сторонѣ Чепурчени Александрійскихъ гусаръ (4 эскадрона) при 4 орудіяхъ съ сотней казаковъ, подъ командой Алопеуса.

Наши орудія открыли канонаду на всемъ протяженіи фронта. Снаряды не долетали. Единороги у Липранди, на правомъ флангѣ, дѣйствовали навѣсными выстрѣлами по редуту бывшему близь берега Дуная, также безъ успѣха. Турки отвѣчали методически какъ изъ этого редута, такъ и изъ нѣкоторыхъ укрѣпленій находящихся между дорогами въ Голевцы и Пояны. Нѣсколько турецкихъ гранатъ разорвало близь позиціи нашего баталіона, двѣ-три изъ нихъ разорвались надъ головами, не причинивъ никакого вреда. Бельгардъ приказалъ втащить два орудія на курганъ, близь котораго стоялъ нашъ баталіонъ, и тутъ же сидѣлъ генералъ, по обыкновенію на барабанѣ, окруженный свитой. Раздался выстрѣлъ, орудіе скатилось назадъ, возбудивъ откровенный хохотъ солдатъ; наша граната далеко не долетѣла. Наладивъ хоботъ орудія, артиллеристы сдѣлали еще нѣсколько пробныхъ выстрѣловъ: тѣ же результаты немощи нашей артиллеріи; Турки между тѣмъ уже пристрѣлялись, и потому пришлось отвести нашу пѣхоту въ лощину.

На лѣвомъ флангѣ Алопеусъ съ кавалеріей тѣснилъ около двухъ эскадроновъ непріятельской конницы, которые сначала отступали въ порядкѣ; но когда четыре конныя орудія открыли огонь, а гусары и казаки пошли въ атаку, тогда Турки довольно безпорядочною толпой бросились подъ защиту своихъ укрѣпленій, оставивъ на мѣстѣ 8 убитыхъ и 3 плѣнныхъ. Съ нашей стороны, одинъ казакъ получилъ отъ пули легкую царапину. Мы замѣчаемъ у казаковъ больше

удали чѣмъ у гусаръ: послѣдніе, при наступленіи на турецкую кавалерію, отстали отъ казаковъ, гнавшихся почти на хвостахъ непріятеля, пока не были остановлены ружейными выстрѣлами изъ укрѣпленныхъ позицій занятыхъ пѣхотой.

При однообразной жизни и при тяжелой форпостной службѣ, движенія къ Калафату дѣйствуютъ благотворно и на солдатъ, и на офицеровъ, заставляя ближе вглядываться въ опасность. Впрочемъ, могутъ быть и иныя цѣли, мнѣ неизвѣстныя. Наше дѣло—искать встрѣчи и бить Турокъ. Говорятъ что кто-то предложилъ Липранди приспособленіе батарейнаго орудія для стрѣльбы подъ большими углами. Проба, однако, оказалась неудачною.

Нѣкоторые изъ насъ, фронтовыхъ офицеровъ, думаютъ что частыми наступательными движеніями къ Калафату и демонстраціями вверхъ по Дунаю, къ сторонѣ Сербіи, нашъ отрядъ побуждаетъ турецкаго главнокомандующаго держать значительныя силы у Виддина и отвлекаетъ тѣмъ его вниманіе отъ нижней части Дуная. Вѣрнѣе что Турки усиливаются въ Виддинѣ, потому что не надѣются на спокойствіе собственной страны. Едва ли Омеръ-паша не имѣетъ точныхъ свѣдѣній о мѣстѣ переправы нашихъ войскъ за Дунай. Еслибы нашему отряду удалось переправиться гдѣ-либо ниже или выше Виддина, то мы легко вошли бы въ связь съ Сербами и Болгарами, на спокойствіе которыхъ теперь, кажется, Турки перестали разчитывать. Въ случаѣ успѣховъ нашего оружія, могли бы подняться всѣ Славяне по сю сторону Балканъ. Къ Липранди являются депутаты отъ разныхъ славянскихъ народностей подвластныхъ Турціи. Дѣйствуютъ ли тамъ наши агенты чтобы поднять Славянъ противъ Турокъ, я не знаю, но являющіеся сюда представители Славянъ обѣщаютъ намъ свое полное содѣйствіе и готовность къ возстанію, коль скоро мы перейдемъ черезъ Дунай.

Турки, будучи хорошо знакомы съ тѣмъ что̀ дѣлается въ нашей арміи на Дунаѣ, находятъ нужнымъ стягивать свои силы къ верхнему Дунаю. Хотя изъ Рахова выступила къ Рущуку бывшая тамъ кавалерія, но ея мѣсто, по донесенію Баумгартена, заняла иррегулярная пѣхота; въ то же время у Рахова дѣятельно производится починка судовъ. Въ Ломъ-Паланкѣ находится теперь уже до трехъ тысячъ турецкихъ войскъ. Кавалерія ихъ, выступивъ изъ этого селенія въ горы,

начальника итти на встрѣчу непріятеля какова бы ни была опасность для жизни. Каждый ораторъ говорилъ то что давно глубоко засѣло въ душѣ всего Екатеринбургскаго полка.

Между прочимъ, здѣсь разказывали мнѣ о передавшемся нѣсколько дней тому назадъ мусульманинѣ, который, какъ онъ увѣряетъ, находился въ Константинополѣ по торговымъ дѣламъ и былъ насильно увлеченъ въ военную службу. Онъ родомъ Лезгинъ, и потому отрядный начальникъ сшилъ ему лезгинскій костюмъ и назначилъ его своимъ тѣлохранителемъ. Въ Бельгардѣ онъ нашелъ какъ бы своего земляка, Кавказца, и отдался ему всею душой. Нѣкоторые мои товарищи находятъ крайне неосторожнымъ довѣряться *Азіату*. Псіолъ не можетъ спокойно смотрѣть что Лезгинъ ѣздитъ за Бельгардомъ всюду въ качествѣ ординарца. Это весьма симпатичный, молодой и красивый юноша, вовсе не похожій на баши-бузука.

Лезгинъ далъ весьма важныя свѣдѣнія о расположеніи и числѣ Турокъ въ Калафатѣ. По его словамъ, въ немъ находится пѣхоты 18.000, орудій въ укрѣпленіяхъ 50 мѣдныхъ небольшаго калибра, кавалеріи 4 полка, силой до 2.000 коней (полкъ конныхъ стрѣлковъ въ 600 человѣкъ, низамъ-міе 600 человѣкъ, отборной кавалерійскій рисса въ 400 человѣкъ, Діордуль-Джанай тоже въ 400 человѣкъ). При каждомъ кавалерійскомъ полку по 2 орудія. Пѣшихъ и конныхъ баши-бузуковъ 900 человѣкъ. Войсками въ Калафатѣ командуетъ Ахметъ-паша.

Показанія Лезгина дополнились свѣдѣніями плѣнныхъ Турокъ (офицеръ и четырехъ нижнихъ чиновъ) взятыхъ въ кавалерійскомъ дѣлѣ у Чепурчени 18 февраля. По ихъ показанію, турецкихъ войскъ въ Калафатѣ 25.000 человѣкъ, ибо нѣсколько дней тому назадъ прибыло въ Виддинъ еще до 5.000 войска подъ командой Хакимъ-паши-Добрели. А дней 12 тому назадъ въ Виддинъ прибыло 1.500 пѣшихъ баши-бузуковъ.

Кавалерійскій поискъ на Чепурчени 18 февраля. Дѣло 18 февраля * было вызвано желаніемъ изгнать Турокъ изъ с. Чепурчени, которое они опять заняли послѣ нашего ночнаго

---

* По сочиненію *Восточная война*, т. I, стр. 187, поискъ на Чепурчени былъ 17 февраля, а по журналу военныхъ дѣйствій 4го корпуса даже 15 февраля, но это ошибочно; у меня записано это дѣло 18 февраля, а я велъ свой дневникъ аккуратно каждый день.

накрыла нашъ пикетъ у винницъ, * семерыхъ захватили, а трое съ крестьяниномъ (изъ Румынъ) успѣли бѣжать. По ихъ разказамъ, на окликъ послѣдовалъ отвѣтъ *свои*, затѣмъ казачій пикетъ мгновенно былъ окруженъ. Однако, эти слухи не подтвердились; кажется, они принадлежатъ къ деревенскимъ сплетнямъ, до которыхъ мой хозяинъ большой охотникъ. Впрочемъ, имѣя разныя сношенія со штабомъ въ Молдовитахъ, онъ знаетъ гораздо болѣе чѣмъ мы, фронтовые офицеры. Его разказы часто оправдываются.

Нашему 1му баталіону данъ отдыхъ, который мы заслужили безпрерывною службой на первыхъ постахъ въ теченіе *двухъ мѣсяцевъ*. Я чувствую по себѣ какъ нуженъ отдыхъ. Все это время мнѣ приходилось съ 1ю гренадерскою ротой бывать на аванпостахъ или въ прикрытіи артиллеріи чрезъ каждые два дни, а иногда и чрезъ день, и это въ зимнее и ненастное время, не имѣя никакой теплой одежды.

Для прикрытія орудій и отправленія аванпостной службы будутъ ходить поочередно: у Калафатской батареи роты 4го баталіона, у Чепурченской батареи роты 3го баталіона, къ обозамъ и орудіямъ внутри деревни роты 2го баталіона. Нашъ же 1й баталіонъ будетъ отправлять внутреннюю службу и имѣть одну роту въ готовности на случай тревоги.

Военная пирушка въ Поянахъ. Квартермистръ Н. большой любитель устраивать военныя пирушки. Одну изъ такихъ, по случаю прощальныхъ проводъ штабъ-доктора нашего полка, удостоилъ своимъ посѣщеніемъ отрядный начальникъ Бельгардъ. Музыка, пѣсенники 3й роты, обиліе шампанскаго, застольныя рѣчи въ честь любимаго всѣми начальника пріобрѣтшаго боевую репутацію еще на Кавказѣ, заставили на нѣкоторое время забыть о близкомъ сосѣдствѣ непріятеля, который послѣ Чепурченской передряги сталъ меньше насъ безпокоить. Я не думалъ что офицерское общество можетъ доходить до такого восторженнаго взаимнаго изліянія чувствъ; тутъ обнаружилась во всей широтѣ та тѣсная связь между офицерскимъ обществомъ и начальникомъ которая поднимаетъ полкъ на подвиги самоотверженія и дѣлаетъ его готовымъ по слову

* Подобные погреба находятся среди винокурныхъ плантацій между Поянами и Голенцами. Они соблазняютъ и самихъ Турокъ, несмотря на то что религія запрещаетъ имъ употребленіе горячихъ напитковъ.

Въ нашемъ расположеніи произошли нѣкоторыя перемѣны. Александрійскіе гусары и 2 конныя орудія № 10 батареи ушли въ Гуйю, ихъ мѣсто въ Поянахъ заняли Бугскіе уланы; 6 орудій легкой батареи выступили изъ Поянъ въ Модловиты, казачья № 9 батарея и 2 орудія легкой № 3 батареи (11й бригады) выступили въ Букурештъ. Такимъ образомъ, къ 22 февраля въ Поянскомъ отрядѣ состояло: 2 пѣхотные и 1 кавалерійскій полки, 4 сотни казаковъ, $2^1/_2$ пѣшихъ батарей, 2 орудія конной № 10 батереи, всего числомъ 10.000 человѣкъ, при 32 орудіяхъ. Веймарнъ вернулся изъ своего поиска по верхней части Дуная. Ему удалось потопить двѣ непріятельскія лодки.

Въ расположеніи непріятеля, насколько было извѣстно изъ донесеній лазутчиковъ, изъ допроса плѣнныхъ и отъ жителей, все еще происходятъ измѣненія.

Въ Раховѣ (18 февраля), противъ Баумгартена, находится уже 3.500 человѣкъ и 20 орудій, командуетъ Садыкъ-паша. Ожидали прибытія еще 500 человѣкъ изъ Никополя. Но 21 февраля выступило внизъ по Дунаю 200 человѣкъ пѣхоты съ 2 орудіями.

Въ Калафатъ 20 числа прибыло изъ Виддина 300 человѣкъ непріятельской пѣхоты и 5 орудій.

Начальникъ Мало-Валахскаго отряда, повидимому, старается заставить Турокъ ожидать серіозныхъ дѣйствій съ нашей стороны въ верхней части Дуная. Мы надѣемся на переправу черезъ Дунай гдѣ-либо выше Виддина. Турецкія войска усиливаются въ Раховѣ и ниже по Дунаю. Едва ли справедливо предполагать чтобы непріятель теперь былъ въ заблужденіи относительно истиннаго пункта нашей переправы въ нижнихъ частяхъ Дуная, о чемъ уже давно ходятъ между нами смутные слухи. Омеръ-паша, однако, продолжаетъ усиливать свои войска въ Виддинѣ, какъ думаютъ, съ цѣлью перейти здѣсь въ наступленіе чтобы вытѣснить насъ изъ Малой Валахіи. Мы только и желаемъ чтобы Турки вышли къ намъ изъ-за своихъ укрѣпленій.

22—24 февраля. Начало Великаго Поста. Мы начали говѣть, въ церковь ходимъ аккуратно въ 7 часовъ утра и въ 5 часовъ вечера. Говѣютъ по одной ротѣ (1й гренадерской) отъ каждаго полка, дивизіонъ уланъ и по одному дивизіону отъ каждой батареи; пѣвчіе—Днѣпровскаго полка. Каменная церковь построена въ византійскомъ стилѣ владѣльцемъ Поянъ,

нападенія со 2 на 3 февраля и откуда безпокоятъ наши передовыя части своими экскурсіями.

Утромъ, около 8 часовъ, выступилъ изъ Поянъ кавалерійскій отрядъ подъ командой Алопеуса, изъ двухъ дивизіоновъ Александрійскихъ гусаръ и трехъ сотенъ (№ 38 и 42 полковъ) казаковъ при четырехъ орудіяхъ казачьей батареи; чрезъ нѣсколько часовъ отрядъ вернулся, ведя подъ конвоемъ одного офицера и четырехъ испитыхъ, плохо одѣтыхъ воиновъ падишаха, которыхъ наши казаки искуснымъ налетомъ сбивали съ сѣделъ тупыми концами своихъ пикъ.

Дѣло 18 февраля происходило такъ: не доходя дер. Чепурчени, Алопеусъ направилъ одну сотню казаковъ вправо, въ обходъ селенія, съ прочими же войсками двинулся прямо на Чепурчени. Турки въ числѣ 300 человѣкъ, настигнутые врасплохъ, бросились сначала по дорогѣ въ Калафатъ, но встрѣченные посланною въ обходъ деревни казачьею сотней, удалились вразсыпную влѣво въ камыши, откуда уже по одиночкѣ скрывались въ Калафатъ. Непріятель оставилъ на мѣстѣ 20 убитыхъ и въ нашихъ рукахъ плѣнными: 1 офицера и 4 нижнихъ чиновъ; съ нашей же стороны 3 казака ранено и 1 контуженъ.

Послѣ удачнаго поиска нашей кавалеріи, Турки вывели изъ с. Чепурчени жителей съ имуществомъ и скотомъ и перевели ихъ на ту сторону Дуная, причемъ нѣкоторыя семейства бѣжали къ намъ въ Дессу (въ 8 верстахъ къ югу отъ Поянъ). Въ Чепурчени затѣмъ оставленъ былъ незначительный турецкій пикетъ.

Увѣряли что Турки ожидали нашей атаки на Калафатъ 19 февраля, а потому и усилили всѣ передовые посты; при появленіи же нашего разъѣзда, изъ Калафата выдвинулась колонна кавалеріи, которая, простоявъ нѣсколько часовъ впереди укрѣпленій, возвратилась восвояси.

Чтобы поддержать тревожное состояніе Турокъ, признано было нужнымъ отправить къ Калафату вечеромъ 20 февраля небольшой кавалерійскій отрядъ изъ Поянъ и изъ Голенцовъ (казаки, дивизіонъ гусаръ при 2 конныхъ орудіяхъ). Отъ двухъ выстрѣловъ сдѣланныхъ по турецкому посту поднялась тревога въ Калафатѣ. Оттѣснивъ передовую турецкую цѣпь, казаки зажгли вокругъ Калафата костры, по которымъ Турки произвели нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Чепурчени найдены уже пустыми.

Въ нашемъ расположеніи произошли нѣкоторыя перемѣны. Александрійскіе гусары и 2 конныя орудія № 10 батареи ушли въ Гунію, ихъ мѣсто въ Поянахъ заняли Бугскіе уланы; 6 орудій легкой батареи выступили изъ Поянъ въ Модловиты, казачья № 9 батарея и 2 орудія легкой № 3 батареи (11й бригады) выступили въ Букурештъ. Такимъ образомъ, къ 22 февраля въ Поянскомъ отрядѣ состояло: 2 пѣхотные и 1 кавалерійскій полки, 4 сотни казаковъ, $2^1/_2$ пѣшихъ батарей, 2 орудія конной № 10 батареи, всего числомъ 10.000 человѣкъ, при 32 орудіяхъ. Веймарнъ вернулся изъ своего поиска по верхней части Дуная. Ему удалось потопить двѣ непріятельскія лодки.

Въ расположеніи непріятеля, насколько было извѣстно изъ донесеній лазутчиковъ, изъ допроса плѣнныхъ и отъ жителей, все еще происходятъ измѣненія.

Въ Раховѣ (18 февраля), противъ Баумгартена, находится уже 3.500 человѣкъ и 20 орудій, командуетъ Садыкъ-паша. Ожидали прибытія еще 500 человѣкъ изъ Никополя. Но 21 февраля выступило внизъ по Дунаю 200 человѣкъ пѣхоты съ 2 орудіями.

Въ Калафатъ 20 числа прибыло изъ Виддина 300 человѣкъ непріятельской пѣхоты и 5 орудій.

Начальникъ Мало-Валахскаго отряда, повидимому, старается заставить Турокъ ожидать серіозныхъ дѣйствій съ нашей стороны въ верхней части Дуная. Мы надѣемся на переправу черезъ Дунай гдѣ-либо выше Виддина. Турецкія войска усиливаются въ Раховѣ и ниже по Дунаю. Едва ли справедливо предполагать чтобы непріятель теперь былъ въ заблужденіи относительно истиннаго пункта нашей переправы въ нижнихъ частяхъ Дуная, о чемъ уже давно ходятъ между нами смутные слухи. Омеръ-паша, однако, продолжаетъ усиливать свои войска въ Виддинѣ, какъ думаютъ, съ цѣлью перейти здѣсь въ наступленіе чтобы вытѣснить насъ изъ Малой Валахіи. Мы только и желаемъ чтобы Турки вышли къ намъ изъ-за своихъ укрѣпленій.

22—24 февраля. Начало Великаго Поста. Мы начали говѣть, въ церковь ходимъ аккуратно въ 7 часовъ утра и въ 5 часовъ вечера. Говѣютъ по одной ротѣ (1й гренадерской) отъ каждаго полка, дивизіонъ уланъ и по одному дивизіону отъ каждой батареи; пѣвчіе—Днѣпровскаго полка. Каменная церковь построена въ византійскомъ стилѣ владѣльцемъ Поянъ,

Милошемъ. Своды поддерживаютъ восемь колоннъ выкрашенныхъ подъ малахитъ, живопись на иконахъ не дурна, но утварь и алтарь очень бѣдны (вѣроятно, хорошія вещи спрятаны); такъ, подсвѣчники деревянные, черные, съ 3 свѣчами, и то только предъ иконами Спасителя и Божіей Матери.

Едва мы причастились, какъ прискакавшій по Калафатской дорогѣ офицеръ потребовалъ пѣхоту для поддержанія нашей кавалеріи прикрывавшей рекогносцировку. Мы собрались очень скоро, но пройдя нѣсколько верстъ отъ Поянъ, встрѣтили уланъ и казаковъ. Въ 3 часа всѣ были уже на своихъ мѣстахъ.

Дѣло состояло въ слѣдующемъ.

Неудавшаяся рекогносцировка. Въ Пояны пріѣхалъ изъ Модловитъ Веймарнъ (полковникъ генеральнаго штаба) для снятія плана Калафата, который угодно разсмотрѣть Государю. Съ этою цѣлью, въ середу утромъ (24 февраля) Веймарнъ выступилъ изъ Поянъ съ кавалеріей и казаками при двухъ орудіяхъ (4 эскадрона Бугскихъ уланъ, полторы сотни казаковъ и взводъ конной № 10 батареи) на Черпучени. Къ нему присоединились на пути сторожевыя части: дивизіонъ Бугскихъ уланъ и одна сотня казаковъ, направленные правѣе, прямо по дорогѣ на Калафатъ. Шедшіе на Чепурчени впереди Веймарна казаки опрокинули турецкіе посты; уланы приняли вправо и остановились предъ фланговыми Калафатскими укрѣпленіями. Во время обзора, противъ двухъ дивизіоновъ уланъ вышли изъ Калафата два регулярные кавалерійскіе полка при четырехъ орудіяхъ и на рысяхъ двинулись впередъ, угрожая правому флангу уланъ. Полковникъ Веймарнъ, подпустивъ непріятеля на 300 саженъ, открылъ огонь изъ орудій. Турки пріостановились. Тогда уланы начали отходить назадъ, едва удерживая огнемъ артиллеріи сильно насѣдавшихъ Турокъ. Говорятъ, одно время опасность угрожала казакамъ бывшимъ влѣво отъ Чепурчени, которые могли быть отброшены къ Дунаю еслибъ уланы не отстояли своей первоначальной позиціи. Преслѣдованіе нашей кавалеріи Турками окончилось въ четырехъ верстахъ до гребня высотъ, за которыми, непріятель полагалъ, находилась наша пѣхота. Дѣйствіе турецкой артиллеріи было безвредно.

Въ то же время была пріостановлена съемка Калафатскихъ укрѣпленій и на правомъ нашемъ флангѣ; здѣсь она произ-

водилась подъ прикрытіемъ двухъ сотенъ казаковъ № 38 полка и двухъ дивизіоновъ Александрійскихъ гусаръ съ двумя орудіями, двинутыхъ изъ Голенцовъ.

Снятіе плана Калафатскихъ укрѣпленій. Для безостановочнаго производства съемки Калафатскихъ укрѣпленій оказалось необходимымъ двинуть на другой день всѣ наши силы изъ Поянъ и Модловитъ. Съ этою цѣлью обѣ колонны выступили съ мѣста 25 февраля, въ 9 часовъ утра, и въ боевомъ порядкѣ расположились, на дальній пушечный выстрѣлъ, предъ обоими флангами Калафатскихъ укрѣпленій. Казачья цѣпь, поддерживаемая колоннами кавалеріи, прикрывала общее боевое расположеніе. Веймарнъ началъ обозрѣніе съ лѣваго фланга. Тогда же въ казачьей цѣпи завязалась перестрѣлка съ передовою турецкою цѣпью.

Вслѣдъ затѣмъ, наша пѣхотная бригада съ артиллеріей стала принимать вправо, для прикрытія лѣваго фланга Липранди. Турки открыли огонь изъ своихъ укрѣпленій. Нѣсколько ядеръ и гранатъ упало по близости и съ боку нашего баталіона, одну гранату разорвало близь конвоя Бельгарда, который всегда находится при 1мъ баталіонѣ, но осколками у насъ никого не задѣло. Наша артиллерія не отвѣчала на выстрѣлы, но насъ иногда передвигали въ сторону.

По значительному числу каруцъ двинутыхъ къ Чепурчени, ожидали, вѣроятно, серіознаго дѣла. Но и на этотъ разъ Турки не осмѣлились выйти въ открытое поле. Вѣроятно, имъ не дождаться штурма укрѣпленій; этотъ неосторожный шагъ, при неимѣніи у насъ артиллеріи соотвѣтственнаго калибра, былъ бы Туркамъ съ руки. Поянскіе крестьяне нашли Чепурчени совершенно оставленными. Мы вернулись въ Пояны въ 4 часа пополудни.

Носятся слухи о скоромъ разрывѣ Россіи съ Франціей и Англіей. Тяжело будетъ одной Россіи нести бремя войны съ тремя державами, тѣмъ болѣе что нейтралитетъ прочихъ державъ условный, скорѣе вынужденный чѣмъ дружественный, особенно Австріи.

26—28 февраля. Ночью съ пятницы на субботу я находился въ караулѣ при начальникѣ отряда.

Пояны съ нѣкотораго времени стали замѣтно оживляться, и теперь это село снабжено всякимъ товаромъ свойственнымъ торговымъ городамъ. Жители становятся все болѣе расположенными къ Русскимъ, и мы сами начинаемъ замѣтно сбли-

жаться съ ними. Таковы уже свойства человѣческой природы. Сначала на чуждыхъ пришельцевъ смотрятъ съ боязнью, недовѣріемъ; потомъ оно уступаетъ мѣсто болѣе высокимъ и благороднымъ чувствамъ, является участіе, обоюдное желаніе оказывать помощь, услуги и т. д. Еще одинъ, два мѣсяца такой жизни, и намъ уже тяжело будетъ разставаться съ этими добрыми поселянами, большинство которыхъ наши единоплеменники—Сербы и Болгары. Но народныя массы еще смутно сознаютъ эту кровную связь, и нашъ солдатъ, какъ и Сербъ, подстрекаемые невѣжествомъ и злобой нашихъ враговъ, готовы смотрѣть другъ на друга непріязненно. Когда же начнется это сближеніе? Когда наконецъ угнетенные подъ турецкимъ игомъ Славяне (да и Румыны) станутъ на одной сторонѣ съ Русскими чтобы побороть своего вѣковаго врага, разжигаемаго фанатизмомъ Ислама...

Только торговый людъ, большею частью краіовскіе купцы, какъ и всѣ вообще торговцы, вѣрятъ въ одно — въ наживу, въ барышъ,—все равно съ кого, будь это Турокъ, Русскій, или свой братъ Румынъ. Цѣны на многіе продукты необычайно высоки; такъ фунтъ свѣчей отъ 4 до 6 цванцигеровъ (1 р. 30 к. *), банка варенья отъ 2 до 6 цванцигеровъ. Впрочемъ, сахаръ (око $3^1/_2$ цванцигера), чай (сквернѣйшій—за фунтъ 7 цванцигеровъ) и разныя сладости довольно дешевы.

Я только на дняхъ познакомился съ семеновскимъ офицеромъ Тимротомъ, прикомандированнымъ къ Днѣпровскому полку.

Тепло, но дуютъ сильные западные вѣтры.

1—5 марта. Диспозиція по Поянскому отряду въ ожиданіи наступленія Турокъ изъ Калафата. По всѣмъ извѣстіямъ, Турки въ Калафатѣ усиливаются. Говорятъ, они готовятся къ наступленію на Мало-Валахскій отрядъ, въ трехъ колоннахъ: лѣвою колонной въ 8.000 на Голенцы и Модловиты, правою, въ такомъ же числѣ, на Поянлы, а среднею, въ 24.000, въ промежутокъ между нашимъ расположеніемъ. Эти слухи подтверждаются съ пріѣздомъ въ Поянлы начальника штаба князя Васильчикова, который въ среду, подъ прикрытіемъ эскадрона уланъ, обозрѣвалъ мѣстность впереди Поянъ и расположеніе нашего отряда. Затѣмъ, по Поянскому отряду въ четвергъ (4 числа) объявлена въ общихъ чертахъ слѣдующая

* Цванцигеръ $22^1/_2$ коп.

диспозиція на случай наступательнаго движенія непріятеля:

Екатеринбургскій полкъ расположить у батарей находящихся при выходѣ изъ с. Поянъ; по дорогамъ: въ Калафатъ—4й баталіонъ, въ Чепурчени—3й баталіонъ, и при двухъ-орудійной батареѣ (между выѣздами въ Чепурчени и Дессу) 2й баталіонъ, а тремъ ротамъ 1го баталіона стать для прикрытія легкой № 6 батареи, правѣе Чепурченской батареи.

Днѣпровскому полку быть въ резервѣ въ деревнѣ, за серединой боеваго порядка, близъ церкви.

Два дивизіона уланъ и казаки располагаются по обоимъ флангамъ, а двумъ коннымъ орудіямъ находиться за кавалеріей праваго фланга.

Одинъ эскандронъ уланъ идетъ въ Дессу и назначается для наблюденія за лѣвымъ флангомъ и тыломъ боеваго порядка.

Перевязочный пунктъ—за резервомъ, для носки раненыхъ назначить отъ каждаго баталіона по 8ми человѣкъ.

Зарядные (2е и 3и) и патронные ящики становятся на мѣсто занимаемое обозомъ, а сей послѣдній съ офицерскими вьюками, подъ прикрытіемъ 1й гренадерской роты Екатеринбургскаго полка, отступаетъ по дорогѣ на Боелешти.

При наступленіи непріятеля, казачья цѣпь, поддерживаемая дежурнымъ эскадрономъ Бугскихъ уланъ, медленно отступаетъ, стараясь не выпускать изъ вида непріятельскихъ колоннъ, и подойдя на пушечный выстрѣлъ къ нашимъ батареямъ, очищаетъ франгъ для дѣйствія артиллеріи.

Въ тотъ же день, 4 марта, обозъ всего Мало-Валахскаго отряда, артиллерійскій паркъ, подвижной госпиталь, подъ прикрытіемъ одной роты Азовскаго пѣхотнаго и одной роты Одесскаго егерскаго полковъ (изъ Галиче-Маре), направлены въ Боелешти, а 3му баталіону Украинскаго полка приказано изъ Бекета присоединиться къ своему полку въ село Модловиты. Для обезпеченія же отъ покушенія непріятеля со стороны Рахова, отрядъ Баумгартена (Тобольскій полкъ, 6 орудій легкой № 1 батареи, дивизіонъ Александрійскихъ гусаръ и полусотня казаковъ) остается въ Бекетѣ.

На другой день, 5 марта, въ 11 часовъ утра, командиры всѣхъ частей, до ротнаго командира включительно, были собраны къ отрядному начальнику Бельгарду для разъясненія порядка и способовъ обороны. Вслѣдъ за симъ Бельгардъ съ полковыми командирами ѣздилъ въ главную квартиру

Мало-Валахскаго отряда, а вернувшись, уже вечеромъ, еще разъ осматривалъ мѣстность нашей деревни.

Всѣ эти приготовленія и нѣкоторая суетливость начальниковъ заставляютъ ожидать скорой и серіозной на этотъ разъ встрѣчи съ непріятелемъ.

Въ воскресенье 7 февраля всѣ офицеры собрались у Бельгарда для принесенія поздравленія съ производствомъ его въ генералъ-лейтенанты. Выразивъ желаніе чтобъ явилась возможность представить къ наградамъ всѣхъ своихъ сослуживцевъ, генералъ произнесъ слѣдующія слова: „Турки желаютъ напасть на насъ, мы покажемъ себя и заставимъ поговорить о себѣ. Я не совсѣмъ разстаюсь съ вами, господа, ибо остаюсь въ четвертомъ корпусѣ; вашимъ бригаднымъ назначенъ Баумгартенъ, котораго вы знаете. *

Жаль было разстаться съ храбрымъ начальникомъ, котораго такъ любятъ солдаты и офицеры, готовые идти съ нимъ всюду. Кажется и Бельгардъ особенно расположенъ къ Екатеринбургскому полку. Его стереотипное привѣтствіе, когда онъ является предъ колоннами: „здорово, братцы-молодцы!" поднимаетъ всѣхъ какъ электрическая искра. Этотъ ласковый привѣтъ любимаго начальника своего рода магнетизмъ, которымъ можно вызвать у солдатъ и офицеровъ готовность все сдѣлать что̀ онъ прикажетъ, не щадя ни себя, ни своей жизни. Въ Поянахъ, въ присутствіи генерала Бельгарда,

---

* Вообще все происходившее въ Мало-Валахскомъ отрядѣ въ концѣ февраля и началѣ марта, то-есть предъ переправой нашихъ войскъ въ нижней части Дуная, доказываетъ что Турки готовились къ наступательнымъ дѣйствіямъ въ Малой Валахіи, и если не привели этого въ исполненіе, то вѣроятно потому что ихъ главнокомандующій уже зналъ какъ поступитъ Австрія въ случаѣ перехода нашихъ войскъ на нижнемъ Дунаѣ. Онъ не вѣрилъ, конечно, въ возможность атаки нами Калафатскихъ укрѣпленій, но онъ могъ опасаться вліянія нашего на Сербовъ, и потому готовился вытѣснить насъ изъ Малой Валахіи. Едва ли Омеръ-паша могъ быть введенъ въ обманъ касательно дѣйствительнаго пункта нашей переправы черезъ Дунай, какъ думаютъ нѣкоторые. Онъ усиливалъ войска свои въ Калафатѣ съ другою цѣлью. Мы могли перейти Дунай выше Виддина и поднять Сербовъ... Доказательства тому ниже. Такъ, у насъ еще въ началѣ апрѣля сильно поговаривали о совмѣстномъ дѣйствіи съ Сербами за Дунаемъ; но съ пріѣздомъ графа Паскевича, когда разъяснилась игра австрійской политики, мы даже очистили Малую Валахію.

каждый изъ насъ въ отдѣльности и всѣ вмѣстѣ чувствовали себя спокойными и были увѣрены въ успѣхѣ въ случаѣ боя съ Турками. Мы чувствовали себя сильными, несмотря на то что у непріятеля въ Калафатѣ было отъ 25.000 до 30.000 войска, мы его не боялись, потому что нашимъ отрядомъ командовалъ начальникъ которому мы вѣрили и котораго всѣ любили.

Прощальный обѣдъ у генерала былъ трогательный. Весь вечеръ играли три хора музыки и пѣли пѣсенники нашей 3й роты.

9 марта. Сегодняшній день назначенный лазутчиками для нападенія Турокъ прошелъ спокойно, а чрезъ два дня, довольно неожиданно, мы уже находились на пути въ Модловиты, простившись съ поянскими жителями.

Въ послѣдніе десять дней, несмотря на постоянное ожиданіе непріятельскаго нападенія, жизнь наша въ Поянахъ была особенно пріятною, чему не мало способствовало и хорошее, относительно, состояніе погоды. При порывистыхъ восточныхъ вѣтрахъ, дни вообще были теплые, и отъ выпавшаго 7 марта снѣга черезъ два дня не осталось и слѣда. Болѣе чѣмъ когда-либо прежде оживлялось казино; благодаря щедрости офицеровъ, охотно платившихъ дорогія цѣны, торговля въ лавкахъ замѣтно оживилась, а дрянная кофейня, гдѣ прежде продавали водку и турецкое кофе для солдатъ, преобразилась въ пріятный ресторанъ, охотно посѣщаемый офицерами всего отряда. Здѣсь можно было всегда застать офицеровъ за игрой на билліардѣ, или съ грудами золота за зеленымъ столомъ. Здѣсь можно было получить свѣжія военныя и политическія новости. И хотя онѣ бывали нерѣдко запоздалыми и не всегда справедливыми, однако вызывали оживленный обмѣнъ въ сужденіяхъ. Тутъ говорилось, напримѣръ, о совершившемся будто бы 5, 6 и 7 марта * переходѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай, что̀, можетъ-быть, было и на руку шпіонамъ передававшимъ Туркамъ и о нашей готовности встрѣтить ихъ нападеніе.

Чѣмъ объяснить себѣ слѣдующій фактъ? Въ то время когда къ намъ доходили вѣсти о намѣреніи Турокъ напасть на Пояны въ превосходныхъ силахъ, торговцы ни мало не безпокоились объ этомъ и продолжали безъ страха свои дѣла въ лавкахъ наполненныхъ товарами... Вѣдь, прежде, въ

---

* Оно состоялось только 11 марта.

первые недѣли нашей стоянки въ Поянѣ, не было ни такого изобилія въ товарахъ, ни такого множества торговцевъ. Это обстоятельство, несмотря на всѣ принимаемыя мѣры для встрѣчи врага, убѣждало многихъ въ несправедливости слуховъ, о предстоящемъ нападеніи Турокъ на Пояны.

Особенно боялся ихъ мой хозяинъ Румынъ, негоціантъ и промышленникъ, замѣтный по своему благосостоянію. Онъ часто ѣздилъ въ Модловиты съ разными, какъ онъ мнѣ говорилъ, подарками. Не разъ онъ тамъ и ночевалъ. Не знаю почему, но я подозрѣвалъ въ немъ лазутчика, хотя не могу привести ни одного доказательства справедливости своего подозрѣнія.

Болѣе чѣмъ когда-либо прежде замѣчалъ я въ эти дни сближеніе съ нами, офицерами и солдатами, Поянскихъ жителей, и несмотря на упорные слухи о приготовленіи Турокъ къ нападанію на насъ, весь день и каждый вечеръ до зари шли бесѣды нашихъ солдатъ съ поселянами, которыя не рѣдко сопровождались веселымъ хохотомъ и шутками солдатъ съ извѣстными прибаутками, что̀ такъ нравится Румынамъ и Сербамъ. Такое сердечное сближеніе нужно приписать ласковому и добродушному обращенію солдатъ съ жителями, и къ чести первыхъ нужно замѣтить что на нихъ во все время нашего пребыванія въ Поянахъ вовсе не было жалобъ... Таковъ нашъ русскій солдатъ: по природѣ смирный и воздержный, онъ становится львомъ когда чуетъ опасность. Чтобы знать его, надобно подойти къ нему ближе, надобно пожить и раздѣлить съ нимъ труды боевой жизни.

Въ четвергъ 11 марта, въ часъ пополудни, оба пѣхотные полка съ артиллеріей выступили изъ Поянъ, при общемъ сожалѣніи жителей, не ожидающихъ отъ Турокъ, которыхъ они страшно боятся, ничего добраго, кромѣ насилій и незаконныхъ вымогательствъ. „Фрике Турче“, „тай Турче“ (боимся Турокъ, зарѣжутъ Турки), говорили мнѣ при прощаніи, заливаясь слезами, старуха мать и жена моего хозяина, а самъ Негошъ, со слезами на глазахъ, говорилъ о намѣреніи уйти въ Краіово со своимъ семействомъ. Жаль этихъ несчастныхъ, ни въ чемъ неповинныхъ людей... Но таковы свойства войны, особенно съ такимъ жестокимъ народомъ каковы Турки, съ ихъ фанатизмомъ. Въ Поянѣ остались два дивизіона Бугскихъ уланъ и сотня казаковъ

№ 42 полка подъ командой генералъ-маіора Гастфера, а мы расположились лагеремъ подъ Модловитами, гдѣ находились прочія части Мало-Валахскаго отряда. Офицеры помѣстились въ палаткахъ, а солдаты большею частію подъ открытымъ небомъ. На каждую роту отведено по три землянки; шалашей же построить не изъ чего.

12—23 марта. Съ первыхъ же дней почувствовалась всѣми нами разница бивуачной жизни предъ стоянкой въ Пояпахъ. Особенно надоѣдали сильные вѣтры, преимущественно западные. Поднимались облака пыли, отъ которой не могли избавить насъ закупоренныя со всѣхъ сторонъ палатки; песокъ проникалъ въ глаза, уши и носъ; пыль приходилось глотать вмѣстѣ съ пищей... Каково же солдатамъ подъ открытымъ небомъ! Хорошо еще что не было дождей. День и ночь разводятся костры.

Модловиты расположены на крутомъ берегу Дуная, у небольшаго озера. Русло Дуная здѣсь идетъ ближе къ правому, турецкому берегу, лѣвый берегъ русла отъ насъ на разстояніи трехъ верстъ; Дунай образуетъ здѣсь отмели и затоны, мѣстами и острова. Отсюда хорошо видны, если стать лицомъ къ турецкому берегу, направо: Четати, Фонтынъ-а-Банулуй и Гунія; налѣво: Калафатъ и Виддинъ. Во всѣ стороны открывается обширный горизонтъ, замыкаясь вдали за Дунаемъ синевой Балканскихъ горъ. Можно видѣть сквозь дымку осиротѣлую теперь Пояну, отстоящую на двѣнадцать верстъ. Впереди, по дорогѣ въ Калафатъ, въ четырехъ верстахъ хорошо видна деревушка Голенцы, гдѣ мы стояли бивуакомъ ночью съ 16 на 17 января; тутъ постоянно находится нашъ авангардъ изъ части кавалеріи при двухъ орудіяхъ. Хорошему глазу не трудно различить наши передовые казачьи посты. Модловиты небольшая и до крайности разоренная деревня.

На другой же день уѣхалъ Бельгардъ. Тобольцы прислали ему золотой кубокъ, при благодарственномъ письмѣ отъ Баумгартена за спасеніе подъ Четати. Во вторую же ночь послѣ нашего прихода въ Модловиты, казакамъ Желтоножкина удалось снять турецкій постъ гдѣ-то впереди, близь каменнаго креста; говорятъ что Турокъ передоваго поста завлеченъ былъ хитростію одного казака и накрытъ подоспѣвшими, бывшими на сторожѣ, товарищами нашего удальца. Взятый въ плѣнъ Турокъ оказался тупымъ фанатикомъ, отъ

него только и могли добиться что въ прошлую пятницу, въ присутствіи паши, они давали клятву на Коранѣ что въ бою съ „Московомъ" умрутъ всѣ, но не будутъ бѣжать въ случаѣ неудачи. Впрочемъ добавилъ что каждый день приходятъ въ Калафатъ подкрѣпленія, по не знаетъ въ какихъ силахъ.

Нападеніе Турокъ ожидалось въ воскресенье 14 марта. Дѣйствительно, на разсвѣтѣ въ Модловитахъ поднялась тревога по 3 ракетнымъ выстрѣламъ. Мы двинулись къ Голенцамъ въ такомъ же боевомъ порядкѣ въ какомъ были на ученьи наканунѣ. Днѣпровскій же полкъ направленъ по дорогѣ въ Поляны. Дойдя до Голенцовъ, мы остановились, всѣ стали поздравлять другъ друга съ предстоящимъ дѣломъ. Но все уже было окончено.

Можетъ-быть въ отмщеніе за снятый пикетъ, Турки сдѣлали нападеніе на с. Поляны, куда, притомъ, вела баши-бузуковъ страсть къ наживѣ добромъ не мало отъ насъ разбогатѣвшихъ жителей, и гдѣ оставалась небольшая часть кавалеріи съ Гастферомъ.

Пользуясь темнотой ночи, непріятель выслалъ изъ Калафата всю свою кавалерію за два часа до разсвѣта. Пройдя Чепурчени, Турки внезапно появились близь полянскихъ передовыхъ постовъ: впереди шли баши-бузуки, раздѣленные на двѣ части: одна часть шла правѣе на Дессу, а другая, въ числѣ 300 коней, поддерживаемая двумя эскадронами регулярной кавалеріи, слѣдовала прямо на Поляну и, приблизившись къ нашимъ передовымъ постамъ, стремительно ихъ атаковала.

Наша передовая цѣпь, открывъ огонь, поспѣшно начала отступать на свои резервы и дежурную часть, которая, въ свою очередь, движеніемъ впередъ приняла отступающую цѣпь, удержала атаку и завязала перестрѣлку. Между тѣмъ генералъ-майоръ Гастферъ выдвинулъ вправо отъ селенія, близь дороги въ Модловиту, Бугскій полкъ, и присоединивъ къ себѣ резервъ передовыхъ постовъ и дежурную часть, построился въ двѣ линіи: въ первой стали казаки, лѣвѣе, во второй, немного правѣе, дивизіонъ уланъ, развернутымъ фронтомъ, имѣя за флангами по одному эскадрону во взводныхъ колоннахъ. Въ этомъ порядкѣ кавалерія наша двинулась впередъ; затѣмъ, приказавъ полковнику Ульянову съ казаками атаковать баши-бузуковъ, Гастферъ съ уланами обратился противъ регулярной части. Баши-бузуки были опрокинуты и вмѣстѣ съ регулярною кавалеріей стали отступать.

Но въ это время противъ праваго фланга Гастфера показались колонны турецкой кавалеріи, за которыми виднѣлись новыя колонны. Гастферъ пріостановилъ наступленіе и сталъ отступать къ Голенцамъ.

Находившійся въ Голенцахъ генералъ-майоръ Сальковъ съ двумя дивизіонами Ахтырскихъ гусаръ, двумя орудіями и тремя сотнями казаковъ № 38 полка, узнавъ о нападеніи на Пояны турецкой кавалеріи, немедленно отправилъ 2½ сотни казаковъ подъ командой Желтоножкина, а затѣмъ самъ двинулся по дорогѣ въ Пояны, оставивъ въ Голенцахъ сотню казаковъ, два орудія и дивизіонъ гусаръ.

Въ четырехъ верстахъ отъ Голенцовъ Желтоножкинъ замѣтилъ отрядъ иррегулярной кавалеріи, который, при его появленіи, началъ отступленіе. Желтоножкинъ сначала рѣшился преслѣдовать непріятеля, но скоро, убѣдясь что не настигнетъ его, сталъ самъ отступать.

Тогда Турки съ крикомъ *алла* бросились на казаковъ и завязали перестрѣлку. Казаки отступали около версты, и когда Турки отдалились отъ своихъ резервовъ, Желтоножкинъ повернулъ казаковъ и ударилъ въ пики. Турки были мгновенно смяты, многіе сбиты съ сѣделъ и бо́льшая часть переколота и изрублена; по словамъ казаковъ, только девять человѣкъ спаслись бѣгствомъ. Всего въ этомъ кавалерійскомъ дѣлѣ непріятель потерялъ 80 убитыхъ, оставивъ въ рукахъ казаковъ 14 плѣнныхъ, 24 лошади и много оружія. Съ нашей стороны потеря была незначительна: убитъ одинъ, ранено пять, безъ вѣсти пропали два казака и два улана, одинъ офицеръ контуженъ. Лошадей убито восемь, ранено девять.

Говорятъ что уланы въ Поянахъ были застигнуты почти врасплохъ и ударились по дорогѣ въ Модловиты, гдѣ и приняли вышеописанный строй; часть баши-бузуковъ, направленная въ Дессу, ворвалась въ Пояны и начала тамъ хозяйничать по своему. Грабежъ продолжался до возвращенія уланъ.

Ночью съ 16 на 17 марта удалось захватить еще нѣсколько Турокъ. На островъ лежащій между Калафатомъ и Голенцами отправлены были въ двухъ лодкахъ урядники и семь казаковъ № 38 полка; на разсвѣтѣ эти казаки напали на пятерыхъ Турокъ, изъ которыхъ одинъ былъ убитъ, а четверо взяты въ плѣнъ.

По свѣдѣніямъ собраннымъ отъ шпіоновъ и плѣнныхъ, турецкія силы въ Калафатѣ все возрастаютъ. Въ настоящее

время считается въ Калафатѣ до 36 тысячъ Турокъ состоящихъ на продовольствіи, съ прислугой, въ томъ числѣ четыре полка кавалеріи и 600 конныхъ баши-бузуковъ, изъ нихъ 300 человѣкъ анатолійскихъ, прибывшихъ въ Калафатъ 13 марта вмѣстѣ съ частію пѣхоты; эти-то анатолійскіе баши-бузуки на другой день участвовали въ нападеніи на Пояну. Орудій въ Калафатѣ: крѣпостныхъ 25 (по другимъ показаніямъ, девять), полевыхъ 40. Въ каждомъ укрѣпленіи находится по два и по три орудія; а въ лѣвофланговомъ, самомъ сильномъ, десять орудій. Въ прочихъ пунктахъ по Дунаю имѣется у непріятеля слѣдующее число войскъ: въ Раховѣ (противъ Баумгартена) 2.000 пѣхоты, 500 кавалеріи при 18 орудіяхъ; въ Ломъ-Паланкѣ и Цыбрѣ-Паланкѣ до 1.500 человѣкъ. Въ скоромъ времени ожидается прибытіе въ Рахово, Цыбру и Изланцъ до 6.000 непріятельскаго войска.

Такимъ образомъ, противъ нашихъ войскъ расположенныхъ по Дунаю въ Малой Валахіи (въ сложности не свыше 27 тысячъ) въ половинѣ марта (по нашему стилю) Турки могли противопоставить 46.000, не считая гарнизона въ Виддинѣ.

Для обзора калафатскихъ укрѣпленій къ намъ присланъ инженеръ-подполковникъ Тотлебенъ. Рекогносцировка была произведена имъ 18 марта, въ четвергъ. Съ этою цѣлію насъ подняли въ 7 часовъ утра; два пѣхотные полка (Екатеринбургскій и Азовскій) съ двумя батарейными батареями и кавалеріей (10 эскадроновъ) двинуты были влѣво, къ сторонѣ Челурчени, а остальныя силы Мало-Валахскаго отряда шли по большой дорогѣ на Голенцы. Встрѣченныя нашею лѣвою колонной, непріятельскія части кавалеріи и пѣхоты, послѣ открытія огня изъ орудій нашей батареи, немедленно отступили къ Калафату; рекогносцировка укрѣпленій и окружающей мѣстности производилась безпрепятственно. День былъ жаркій, мы возвратились въ Модловиты въ 4 часа пополудни, порядочно утомленные. Рекогносцировка Тотлебена, по слухамъ, убѣдила въ возможности взять Калафатъ не иначе какъ при помощи заложенія ложементовъ на разстояніи принятомъ для второй параллели.

Мы стали дѣятельно заготовлять туры и фашины.

Въ ночь на 20 марта казачій пикетъ выше Четати, лежавшій въ секретѣ, замѣтилъ Турокъ переправляющихся на лѣвый берегъ Дуная въ двухъ лодкахъ; казаки сначала отступили, но замѣтивъ незначительное число непріятеля,

бросились изъ своей засады въ пики и бо́льшую часть перекололи, взявъ въ плѣнъ четырехъ Турокъ и раненаго проводника. Турокъ въ лодкахъ было 20 человѣкъ. Направленные къ мѣсту переправы, два баталіона Азовскаго полка въ тотъ же день возвратились.

Вышедшіе въ слѣдующую ночь изъ Калафата 200 Турокъ наткнулись на нашу засаду, состоявшую изъ трехъ сотенъ казаковъ, дивизіона гусаръ и двухъ орудій. Конная артиллерія своими выстрѣлами заставила Турокъ отступить. Турки потеряли двухъ убитыми.

Носятся слухи что Турки собираются въ значительныхъ силахъ верстахъ въ 20 ниже Поянъ, у Ломъ-Паланки. Дѣйствительно, часть турецкихъ войскъ выступила изъ Калафата и направилась чрезъ Акчіаръ-Паланку къ Лому. Но вскорѣ Баумгартенъ далъ знать что войска эти прошли чрезъ Рахово, внизъ по Дунаю. Затѣмъ, по донесенію прибывшихъ въ нашъ лагерь греческихъ и болгарскихъ купцовъ, которые бѣжали изъ Виддина 22 марта, еще наканунѣ переправились изъ Калафата въ Виддинъ и оттуда двинулись на Ломъ и Рахово болѣе 6.000 турецкаго войска (4 тысячи пѣхоты, 2 тысячи кавалеріи и часть баши-бузуковъ). Затѣмъ, въ Калафатѣ и окрестныхъ селеніяхъ Виддина находится еще не менѣе 35 тысячъ Турокъ.

Благодаря хорошей погодѣ, наша бивуачная жизнь становится менѣе тягостною. Каждое утро производятся ученья, причемъ особенное вниманіе обращается на разсыпной строй. Послѣ обѣда, при полковыхъ ставкахъ постоянно играетъ музыка.

Въ воскресенье, 21 марта, въ нашемъ полку былъ обѣдъ въ честь князя Ил. Васильчикова. Васильчиковъ своею наружною осанкой и изящными пріемами обнаруживающими въ немъ чистокровнаго аристократа производитъ весьма пріятное впечатлѣніе. Въ отрядѣ онъ пользуется большимъ уваженіемъ офицеровъ и любовію солдатъ; особенное вниманіе обращаетъ онъ на хорошее продовольствіе солдатъ и вполнѣ достигъ этой цѣли.

Тихій, теплый и ясный день смѣнился прекраснымъ вечеромъ; по заревой пушкѣ нашъ станъ огласился пѣніемъ *Коль славенъ* и священными пѣснями солдатъ каждой роты. Многіе изъ насъ въ этотъ вечеръ слѣдили за показавшеюся на горизонтѣ кометой.

Появились *тарантулы*, признакъ наступленія весны; укушеніе тарантулъ причиняетъ сильную опухоль: отъ нихъ спасаются бараньимъ мѣхомъ который полезно класть въ палаткахъ. Мы ихъ ловили въ норкахъ, опуская на ниткѣ восковой шарикъ, въ который тарантулъ впивается клещами. Обыкновенно ихъ истребляютъ овцы.

24—31 марта. Погода вообще теплая; иногда надоѣдаютъ сильные западные вѣтры, поднимающіе густыя облака пыли, отъ которой нѣтъ спасенія даже въ палаткахъ; но къ вечеру вѣтеръ стихаетъ и наступаетъ ясная, тихая, хотя и холодная ночь. Турки теперь болѣе не безпокоятъ, и насъ занимаютъ по утрамъ ученьями, которыя, обыкновенно, заканчиваются церемоніальнымъ маршемъ.

Въ воскресенье 28го разнеслись слухи о пріѣздѣ къ намъ князя Горчакова; пріѣдетъ, можетъ-быть, даже и графъ Паскевичъ. Поэтому 1я гренадерская рота стала готовиться къ почетному караулу, и намъ приходится каждый день упражняться въ маршированіи. Приготовленіемъ туровъ и фашинъ занимаются ежедневно нѣсколько сотъ солдатъ. Вообще стараются поддерживать въ отрядѣ убѣжденіе о неизбѣжности штурма Калафата. Но мы этому не особенно вѣримъ, а солдаты потеряли на штурмъ всякую надежду. Мнѣ кажется что и Турки давно увѣрились что мы Калафата брать не будемъ. *

Нашъ отрядъ нерѣдко навѣщаютъ Сербы и Черногорцы въ своихъ національныхъ костюмахъ. Въ Турціи, особенно въ Эпирѣ, Ѳессаліи и Албаніи, не совсѣмъ спокойно; тамъ, говорятъ, образуются общины съ лозунгомъ *смерть* или *свобода*. Нѣкоторое волненіе замѣчается и среди Сербовъ. Въ важнѣйшихъ городахъ Молдавіи и Валахіи организуются милиціонные отряды изъ волонтеровъ Грековъ, Сербовъ, Болгаръ и Румынъ; обученіемъ милиціонеровъ или (какъ мы ихъ здѣсь называемъ по кресту на шапкѣ) *крестоносцевъ* занимаются русскіе офицеры и унтеръ-офицеры; въ началѣ апрѣля къ намъ должны придти подкрѣпленія, и въ томъ

* Однако, несомнѣнно что въ это время, до пріѣзда Паскевича, еще надѣялись на переправу черезъ Дунай выше или ниже Виддина для совмѣстнаго дѣйствія съ Сербами. Разчитывали, кажется, и на содѣйствіе Болгаріи. Вообще у насъ много возятся съ турецкими Славянами, что, по слухамъ, сильно безпокоитъ Австрійцевъ.

числѣ до 300 милиціонеровъ. Тогда нашъ полкъ пойдетъ въ Рахово для усиленія Баумгартена.

Обозрѣніе Четатскаго поля сраженія. Въ ожиданіи серіозныхъ событій, а можетъ-быть и переправы за Дунай, офицеры въ послѣобѣденное время дѣлаютъ поѣздки въ разныя стороны, преимущественно по живописному берегу Дуная; эти экскурсіи, обыкновенно, оканчиваются обозрѣніемъ поля Четатскаго сраженія.

Въ среду 24 марта мнѣ удалось уговорить моего командира, капитана Колесникова, и человѣкъ семь офицеровъ для этой давно интересовавшей всѣхъ насъ прогулки. Капитанъ Колесниковъ былъ въ Четати съ Тобольцами, когда они собирали и хоронили убитыхъ, поэтому могъ быть отличнымъ проводникомъ и ознакомить насъ на мѣстѣ съ подробностями Четатскаго сраженія.

Въ 4 часа пополудни, наша пѣхотная кавалькада на разношерстныхъ вьючныхъ лошадяхъ, не доѣзжая Фонтына-Банулуй, поднялась на тотъ самый курганъ на которомъ 25 декабря поставлена была турецкая батарея открывшая огонь по Тобольцамъ, ставшимъ впереди д. Фонтына-Банулуй. Эта высота господствуетъ надо всѣми окрестными мѣстами на далекое разстояніе. Отсюда отчетливо виденъ Моцецей (10 верстъ), и хорошій глазъ открываетъ вправо на оконечности горизонта Боелешти (25 верстъ). Предъ нами впереди первая позиція Тобольцевъ, рядъ канавъ предъ дер. Фонтына-Банулуй.

Здѣсь были разсыпаны штуцерные и дежурная роты. Вправо отъ дороги находятся виноградники, служившіе хорошимъ закрытіемъ для турецкихъ колоннъ наступавшихъ на лѣвый флангъ первоначальной позиціи Тобольцевъ.

Проѣхавъ съ версту правѣе деревни Фонтына-Банулуй, мы поднялись на продолговатое возвышеніе, на которомъ 25 декабря стояло 18 турецкихъ орудій обращенныхъ къ сторонѣ Моцецея, откуда подвигались Одесцы по совершенно открытой равнинѣ, слегка всхолмленной; болѣе крутые спуски на противуположной сторонѣ возвышенія образуютъ довольно глубокую лощину къ сторонѣ Фонтына-Банулуй и къ Гуніи; въ лощинѣ за орудіями расположены были турецкіе баталіоны, имѣя на флангахъ кавалерію; за этою котловиной, въ направленіи къ Гуніи, минуя Фонтына-Банулуй, а равно и къ сторонѣ Четати, глубокія канавы, которыя, обогнувъ

лѣвый флангъ бывшей турецкой позиціи, въ нѣсколько рядовъ проходятъ предъ фронтомъ и оканчиваются тамъ гдѣ на хребтѣ была середина большой 18орудійной турецкой батареи. Сюда, на лѣвый флангъ Турокъ, направлена была первая колонна Одесскаго полка (6 ротъ 3го и 4го баталіоновъ) подъ командой Жигмонта; здѣсь въ канавахъ сидѣли непріятельскіе стрѣлки, вооруженные нарѣзными ружьями. Здѣсь-то и понесены страшныя потери, особенно правофланговыми 7ю и 8ю ротами.

Впереди возвышенія съ правой стороны, откуда наступала колонна Бельгарда, мѣстность перерѣзана лишь одною незначительною канавкой, въ которой однако удобно могли дѣйствовать турецкіе стрѣлки.

Къ сторонѣ Моцецея высота, на которой мы теперь стоимъ, незамѣтно понижается, постепенно сливаясь съ равниной по которой наступали роты Одесскаго полка, имѣя въ интервалахъ по два орудія; тамъ нѣтъ ни одного бугорка, ни одной лощины гдѣ могли бы находить закрытія не только ротныя колонны, но и отдѣльные стрѣлки наступающихъ. Оттуда, снизу, наступающимъ могли быть видны только жерла 18 орудій.

Достаточно такого очерка мѣстности и указанія на расположеніе сражавшихся 25 декабря чтобъ убѣдиться въ трудности наступленія для 14 ротъ Одесскихъ егерей на сильно обороняемую турецкую позицію. Сосредоточенному огню 18 орудій они могли противопоставить только шесть легкихъ орудій. Я полагаю что здѣсь было бы не мало работы и для всего Мало-Валахскаго отряда.

Множество могилъ по канавамъ направо и налѣво отъ насъ съ двумя крестами по краямъ ясно обозначаютъ значительную длину фронта Одесскаго полка во время атаки. Особенно много могилъ съ лѣвой стороны, гдѣ шла въ атаку первая колонна Жигмонта; здѣсь, можно сказать безъ преувеличенія, 7я и 8я роты образовали кладбище.

По полю еще и теперь валяются клочки сукна, холста, патроновъ; нѣкоторыя могилы разрыты, въ нихъ роются собаки...

Смотря на позицію Турокъ, на ихъ много превосходящія силы, несправедливо упрекать Одесцевъ въ трусости, какъ это дѣлалось въ нашемъ отрядѣ, но едва ли правильно думаютъ тѣ которые обвиняютъ Бельгарда въ крайней самоувѣренности когда онъ повелъ полкъ впередъ не имѣя въ

резервѣ ни одной части. Въ оправданіе Одесцевъ Бельгардъ говорилъ: „Я повелъ Одесцевъ на такой огонь отъ котораго дрогнули бы старые гренадеры великаго полководца.“ Такой храбрости можно удивляться... однако она привела къ плачевному результату. Одесцы дрогнули и отступили въ большомъ безпорядкѣ. Никакой поддержки сзади не имѣлось. Бельгардъ могъ разчитывать на скорое прибытіе Анрепа изъ Боелешти, ему необходимо было во чтó бы ни стало отвлечь Турокъ отъ Тобольцевъ, уже изнемогавшихъ подъ ударами.

Отсюда до позиціи Баумгартена по ту сторону Четати далеко, не менѣе двухъ верстъ. Мы повернули немного назадъ и въѣхали въ деревню Фонтына-Банулуй, которая отдѣляется отъ Четати небольшою совершенно открытою площадкой. Обѣ деревни тянутся по крутому, обрывистому лѣвому берегу Дуная и раздѣлены улицей на двѣ половины: лѣвая, къ сторонѣ Дуная, болѣе возвышена чѣмъ правая, которая изрѣзана во многихъ мѣстахъ глубокими канавами, представлявшими не малое затрудненіе для атакъ турецкой кавалеріи.

Не далеко отъ Четатской церкви Баумгартенъ, говорятъ, заранѣе намѣтилъ хорошую позицію; но 25 декабря, при своемъ отступленіи отъ Фонтына-Банулуй, эта позиція уже была занята турецкою пѣхотой и онъ долженъ былъ, какъ говорятъ, прокладывать себѣ путь штыками далѣе, на ту позицію на которой 19 декабря баталіонъ отбилъ атаку турецкой кавалеріи.

По пути мы заѣхали въ церковь во имя Свв. Константина и Елены и увидѣли слѣды поруганія надъ православною святыней: серебро со святыхъ иконъ и Евангелія сорвано, образа исчерчены саблями, ликъ Божіей Матери поруганъ... Слѣды кощунства были ужасные.

Наконецъ, отъѣхавъ шаговъ 300 за деревню Четати, и повернувъ налѣво отъ дороги, мы остановились на небольшой четыреугольной площади: площадь эта представляетъ видъ трапеціи; если стать лицомъ къ деревнѣ, то передняя, наибольшая сторона площади открыта, на ней по серединѣ стоитъ курганъ; * лѣвая и заднія стороны окружены довольно глубокою канавой, правая же сторона примыкаетъ къ весьма крутому, обрывистому берегу долины Дуная (до рѣки болѣе версты). Такова была послѣдняя позиція Тобольцевъ, на которой

* К... увѣрялъ что тутъ были 25 декабря стоги сѣна.

они въ теченіе трехъ часовъ отбивались отъ яростныхъ атакъ непріятельской пѣхоты и кавалеріи, будучи громимы съ двухъ сторонъ (спереди и слѣва) артиллеріей.

Столпившись вокругъ знаменъ и своего начальника, геройская группа Тобольцевъ и уже немногихъ артиллеристовъ мужественно отбивалась во всѣ стороны отъ разсвирѣпѣвшаго врага, который какъ голодный звѣрь жаждалъ добычи... Ужасно было положеніе этой горсти людей, боровшихся въ теченіе многихъ часовъ съ многочисленными толпами непріятельской пѣхоты, пока не явился на выручку Бельгардъ, который своимъ самоотверженнымъ наступленіемъ спасъ Тобольцевъ отъ окончательнаго истребленія. Еслибы Бельгардъ явился на полчаса позже, храбраго Тобольскаго полка не существовало бы болѣе.

1—9 апрѣля. Въ послѣдній день марта погода замѣтно измѣнилась, съ вечера подулъ холодный сѣверо-восточный вѣтеръ, а ночью выпалъ снѣгъ, покрывшій засохшую твердую почву на два вершка. Но на другой же день снѣгу уже не было и слѣда, а дня чрезъ три снова наступило теплое время. Пріостановленная поселянами обработка полей началась съ большимъ оживленіемъ и, вѣроятно, скоро появится подножный кормъ. А онъ ожидается съ нетерпѣніемъ всѣми нами, такъ какъ сѣно добывается съ большимъ трудомъ, хотя и не по высокой цѣнѣ. Вообще, въ концѣ марта и началѣ апрѣля стояли слѣдующія цѣны на фуражъ и разные продукты: маленькая каруца сѣна 8 цванцигеровъ, а большой возъ въ 40 пудовъ около 5 рублей; кило ячменя * 7 р. 62 коп., кило кукурузы 6 р. 86 к. Обыкновенно лошадямъ даютъ ячмень съ кукурузой пополамъ. За око крупы отъ 2 до 3 цванцигеровъ, а за око молдаванскаго вина только 30 к. Картофель здѣсь хорошъ. За рыбой для солдатъ посылаютъ въ Краіово. Необходимые продукты для нашего невзыскательнаго стола покупаютъ въ Поянахъ, куда мы постоянно посылаемъ своихъ деньщиковъ.

Здоровье солдатъ въ отличномъ состояніи, и бивуачная жизнь, повидимому, еще болѣе приспособила ихъ къ тягостямъ военной службы. Съ 1 апрѣля три раза въ недѣлю получаютъ по чаркѣ водки. Начальство озаботилось доставленіемъ имъ развлеченій: ежедневно играетъ музыка, поются пѣсни, устраиваются игры, въ которыхъ не рѣдко принимаютъ участіе и офицеры.

---

* Кило равняется 400 окамъ, въ нашемъ пудѣ $12^7/_8$ окъ.

Въ одинъ день я избѣжалъ отъ двухъ случайныхъ опасностей.

Нерѣдко я навѣщалъ кавалеристовъ въ Гуніи и собиралъ отъ нихъ свѣдѣнія. Однажды, когда я шелъ полемъ по берегу Дуная, мимо меня, шагахъ въ 5, со свистомъ пролетѣли одна за другою двѣ пули; я не слышалъ выстрѣловъ; неужели сюда могли долетѣть пули съ противоположнаго берега Дуная? Въ тотъ же день, когда я возвращался домой, мимо моего виска пролетѣла подкова, оторвавшаяся съ необыкновенною силой у лошади скакавшаго въ карьеръ кавалерійскаго офицера. Какъ близокъ каждый изъ насъ отъ своей могилы!.. И безъ боя можно погибнуть.

Въ воскресенье 4 апрѣля нашъ полкъ посѣтилъ сербскій капитанъ пріѣхавшій съ какимъ-то особымъ порученіемъ къ начальнику Мало-Валахскаго отряда. Князь Васильчиковъ старался ознакомить его съ нашимъ бытомъ, и нашъ соплеменникъ могъ воочію убѣдиться въ прекрасномъ состояніи войскъ Мало-Валахскаго отряда. Въ тотъ же день въ составъ нашего отряда вошли милиціонеры (Сербы, Болгары, Греки и Румыны); говорятъ, пришло въ Четати 4 баталіона этихъ волонтеровъ. Кадры милиціи, т.-е. офицеры, унтеръ-офицеры, барабанщики и горнисты образованы изъ русскихъ войскъ. Нѣкоторыя роты составлены по національностямъ. Строй у милиціонеровъ двухъ-шереножный; ружья держатъ по-драгунски. Общее начальство надъ ними ввѣрено полковнику Костандѣ.

Кавалерійское дѣло подъ Калафатомъ. Между тѣмъ, по слухамъ, въ Калафатѣ замѣтно уменьшилось число непріятельскихъ войскъ и даже орудій. Для удостовѣренія въ этомъ, 5 апрѣля, въ понедѣльникъ, произведена усиленная рекогносцировка Калафатскаго укрѣпленнаго лагеря, подъ командой генералъ-лейтенанта Фишбаха, съ участіемъ офицеровъ генеральнаго штаба.

Съ этою цѣлью вся наша кавалерія была направлена къ Калафату въ трехъ колоннахъ: изъ Поянъ, Гуніи и Голенцовъ.

Поянскій отрядъ подъ командой Алопеуса въ составѣ: четырехъ сотенъ Донскаго № 42 полка и двухъ дивизіоновъ Александрійскихъ гусаръ направленъ на Чепурчени.

Изъ Гуніи, подъ непосредственнымъ начальствомъ Фишбаха, вышло 14 эскадроновъ (4 эск. Бугскихъ уланъ, 6 эск. Ахтырскихъ гусаръ, 4 эск. Александрійскихъ гусаръ) и 6

конныхъ орудій, которые, слѣдуя лѣвѣе Голенцовъ и виноградниковъ, направились противъ среднихъ Калафатскихъ укрѣпленій.

Для прикрытія праваго фланга средней колонны, изъ Голенцовъ, подъ командой полковника Бакаева, по дорогѣ въ Калафатъ двинуты четыре эскадрона Бугскихъ уланъ, двѣ сотни Донскаго № 38 полка и два конныя орудія.

Общее наступленіе произведено уступами съ лѣваго фланга. Алопеусъ, явившись къ Чепурчени прежде другихъ, оттѣснилъ сторожевыхъ баши-бузуковъ на Чепурчени и принялъ вправо. Тѣснимые изъ Чепурчени казаками и однимъ эскадрономъ гусаръ, баши-бузуки бросились къ Калафату, но при своемъ безпорядочномъ отступленіи были отрѣзаны обошедшими гусарами; часть непріятеля бросилась въ камыши и въ Дунай, остальные были изрублены.

Во время этой схватки, изъ Калафата появилась непріятельская кавалерія, при четырехъ орудіяхъ; впереди шли баши-бузуки; удачное дѣйствіе шести орудій средней колонны генерала Фишбаха заставило непріятельскую кавалерію отступить и укрыться въ сферѣ огня Калафатскихъ укрѣпленій. Вскорѣ однако непріятельская кавалерія снова двинулась впередъ, имѣя за собой нѣсколько частей пѣхоты; послѣдняя, пользуясь мѣстными закрытіями, открыла сильный стрѣлковый огонь по кавалеріи. Александрійскіе гусары и казаки № 42 полка опрокинули кавалерію, а затѣмъ обратились на пѣхоту съ такою стремительностью что она не успѣла примкнуть штыковъ; наши кавалеристы изрубили нѣсколько непріятельскихъ кучекъ, а другихъ разсѣяли. Снова кинулась непріятельская кавалерія и заставила Александрійскихъ гусаръ отступить, но вовремя направленные Фишбахомъ во флангъ четыре эскадрона уланъ, при двухъ конныхъ орудіяхъ, заставили турецкую кавалерію отступить за свои укрѣпленія.

Отъ дальнѣйшаго преслѣдованія Турокъ удержали нашу кавалерію выстрѣлы съ Калафатскихъ укрѣпленій. Во время этого дѣла, Голенцкій отрядъ на крайнемъ правомъ флангѣ ограничился одною перестрѣлкой.

Какъ водится, всякое дѣло сопровождается комментаріями и анекдотами. На долю Александрійскаго князя Варшавскаго полка выпало главное участіе въ этомъ дѣлѣ, принявшемъ неожиданные размѣры; Варшавскіе гусары ворвались въ непріятельское каре и многихъ положили, несмотря на огонь

изъ калафатскихъ орудій. Они отняли нѣсколько значковъ, а казаки № 42 полка взяли знамя. Отличились четыре орудія Алымова: дѣйствуя картечными гранатами, они произвели большой безпорядокъ въ непріятельской кавалеріи.

Поручикъ конной гвардіи графъ Сиверсъ, съ частью своего эскадрона, увлекся преслѣдованіемъ до того что едва не попался въ руки непріятеля, причемъ у него ранена лошадь, но былъ своевременно поддержанъ уланами. Его спасъ вахмистръ. Другой вахмистръ отбивался отъ Турокъ пистолетомъ. Говорятъ, даже самъ Фишбахъ носился въ атаку со своими любимыми Ахтырцами.

Потеря у Турокъ, по словамъ сражавшихся, весьма значительна; однихъ убитыхъ считаютъ до 260 человѣкъ и такое же число раненыхъ; въ плѣнъ взято только десять человѣкъ. Цифры убитыхъ у насъ считаютъ преувеличенными, если сопоставить съ крайне малою потерей нашей кавалеріи, а именно: у насъ убиты одинъ офицеръ и десять нижнихъ чиновъ, ранено двадцать нижнихъ чиновъ, контужены одинъ офицеръ и пять нижнихъ чиновъ. Лошадей убыло до 50.

Кавалерія наша возвратилась съ большимъ торжествомъ, неся впереди отнятыя знамена, которыя нѣсколько дней развѣвались въ Модловитахъ у квартиры Липранди. Торжество кавалеристовъ, очевидно желавшихъ искупить свое бездѣйствіе въ день Четатскаго сраженія, было тѣмъ искреннѣе что это были единственные трофеи попавшіе имъ въ руки за все время четырехмѣсячныхъ дѣйствій нашихъ подъ Калафатомъ. Не менѣе любопытства возбуждали два плѣнные Араба, которыхъ водили на показъ солдатамъ по нашему лагерю. Солдаты съ ужасомъ смотрѣли на своихъ черныхъ противниковъ.

Въ слѣдующіе дни, послѣ описаннаго мною сейчасъ кавалерійскаго дѣла, стали распространяться слухи о предстоящемъ куда-то передвиженіи отряда. Дѣйствительно, 7го числа одинъ баталіонъ (4й) Украинскаго полка, съ двумя орудіями, выступилъ изъ Модловитъ и направленъ въ Пикетъ (Бекетъ) на смѣну Баумгартена, которому, въ свою очередь, приказано передвинуться ниже по Дунаю къ Турно-Магурели, близь турецкой крѣпости Никополя.

8 и 9 апрѣля въ отрядѣ сожигались заготовленные въ большемъ количествѣ туры и фашины, и въ то же время тянулись къ Боелешти длинною вереницей обозъ и разные запасы.

На разсвѣтѣ 10 апрѣля, въ субботу, наканунѣ праздника Св. Пасхи, началось движеніе къ Боелешти всего Мало-Валахскаго отряда: впереди шли вьюки и легкій обозъ, за ними слѣдовалъ нашъ полкъ со своею артиллеріей, а затѣмъ прочія части отряда. Тутъ только стало извѣстно что нашъ Екатеринбургскій полкъ идетъ не на усиленіе Баумгартена, какъ толковали прежде, а прямо въ Букурештъ, что мы не переправимся на правый берегъ Дуная выше Калафата на соединеніе съ 50.000 Сербовъ, съ которыми должны были бы взять Виддинъ, и что наши войска должны будутъ очистить Малую Валахію и можетъ-быть даже вернуться въ предѣлы Россіи.

Такъ неожиданно, даже внезапно окончились дѣйствія нашихъ войскъ подъ Калафатомъ и, повидимому, порвалась всякая связь со Славянами, съ которыми мы готовились и желали бы дѣйствовать по ту сторону Дуная. Эти дѣйствія общими силами, думалось намъ, не были бы безплодны для водворенія порядка и спокойствія въ Турціи, гдѣ такъ жестоко и несправедливо господствуютъ надъ нашими единовѣрцами и надъ соплеменными намъ народами турецкіе паши, опираясь на свои мусульманскія полчища. Когда же улыбнется для этихъ несчастныхъ племенъ лучшая жизнь, кто и когда заставитъ Турокъ признать равноправность свою съ Сербами, Болгарами, Румынами?

Отступленіе наше изъ Малой Валахіи принято большинствомъ съ унынiемъ, тѣмъ болѣе что мы еще не имѣли случая отомстить Туркамъ за ихъ жестокія дѣла на Четатскомъ полѣ, усѣянномъ костями нашихъ доблестныхъ офицеровъ и солдатъ. Надъ павшими въ честномъ бою совершены мерзости, раненые добиты какъ животныя, храмъ Божій поруганъ, осмѣянъ. А мы должны отступать... Куда отступать? Зачѣмъ отступать?

Такіе вопросы преслѣдовали каждаго изъ насъ наканунѣ выступленія. Мгновенно оборвались наши надежды на вторженіе въ Турцію.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

П. Б.

ЛИТЕРАТУРНАЯ БОРЬБА СЪ ПРОТЕСТАНТСТВОМЪ

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ*

III.

Происхожденіе и составъ полемическихъ сочиненій первой половины XVII вѣка.—„О единой истинной православной вѣрѣ", священника Василія Острожскаго.—„Объ образѣхъ и крестѣ".—„Изложеніе на лютеры."—Священникъ Иванъ Насѣдка какъ составитель этого сборника.

Испытавъ на дѣлѣ что̀ значитъ вести съ Русскими полемику, протестанты надолго оставляютъ ее, и новыхъ сочиненій противъ протестантства не встрѣчается вплоть до времен Михаила Θеодоровича, когда дѣйствія протестантской пропаганды **, какъ и при Грозномъ, снова привлекли вниманіе православныхъ и побудили лучшихъ знатоковъ дѣла взяться за перо. На первыхъ порахъ Великороссамъ, послѣ только-что вынесеннаго государственнаго разгрома и при низкомъ уровнѣ образованія, создать самостоятельныя полемическія сочиненія было не подъ силу. Группа лицъ хоть сколько-нибудь подготовленныхъ была привлечена правительствомъ

* См. *Русск. Вѣстн.* № 4.

** О нихъ говорено нами въ статьѣ „Положеніе протестантовъ въ Россіи до П. В.", *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1883.

къ дѣлу исправленія и печатанія богослужебныхъ книгъ, въ которомъ чувствовалась самая неотложная потребность и которое, хотя съ грѣхомъ пополамъ, двигалось быстрѣе другаго книжнаго дѣла. Практичнѣе и естественнѣе всего было или ограничиться пока перепиской и собираніемъ прежнихъ русскихъ и переведенныхъ греческихъ и латинскихъ сочиненій, бо́льшая часть коихъ если и не направлялись непосредственно противъ протестантства, но по своему содержанію легко могли быть употреблены въ качествѣ удобнаго оружія для борьбы съ нѣкоторыми изъ пунктовъ протестантскаго ученія, или брать и переводить сочиненія южнорусскихъ православныхъ полемистовъ, у коихъ противопротестантская полемическая литература была развита болѣе чѣмъ въ Великороссіи. Собственно изъ московскихъ сочиненій пользовались теперь словомъ Максима Грека „о поклоненіи святыхъ иконъ“, которому вполнѣ усвоивается назначеніе противъ лютеранства, *Отвѣтомъ* Грознаго Рокитѣ и бесѣдами объ иконопочитаніи заключающимися въ сочиненіи инока Зиновія *Истины показаніе*, направленными противъ лжеученія Ѳеодосія Косаго; изъ греческихъ и латинскихъ авторовъ пользовались предпочтеніемъ тѣ кто писалъ о почитаніи святыхъ иконъ: константинопольскій патріархъ Германъ, царь Константинъ Порфирогенитъ, Іоаннъ Дамаскинъ, современникъ императору Льву Исавранину, римскій папа Григорій и др. Южнорусская полемическая литература привилась къ намъ въ сочиненіяхъ Василія Острожскаго, Стефана Зизанія, Захаріи Копыстенскаго, Нафанаила и др. Знакомясь съ данными произведеніями и вырабатывая на нихъ литературные пріемы, московскіе ревнители или брали ихъ въ цѣломъ видѣ, или сводили въ сборники, какъ бы въ цѣльныя системы, куда вносили главы и собственнаго сочиненія. Нѣтъ нужды что эти труды выходили въ большинствѣ не самостоятельными: тогда у насъ держались взгляда что въ дѣлахъ вѣры „веліе безуміе есть оставити глаголы готовы и глаголати своя“, * даже, какъ увидимъ, авторы намѣренно не означали своего имени, стараясь прикрыться чужимъ, завѣдомо авторитетнымъ. Заслуга и искусство составителей сказывались въ умѣньи выбирать пригодное и вселяющее убѣдительность въ

---

* *Книга о вѣрѣ*, рукоп. Моск. Румянцевскаго Музея, изъ собранія Ундольскаго, № 427, л. 8 об.

сознаніи современниковъ. Часть этой литературы послужила затѣмъ матеріаломъ для нашихъ полемистовъ въ извѣстномъ дѣлѣ Вальдемара.

Хотя южно-русская полемика составлялась по преимуществу противъ католиковъ, какъ главныхъ враговъ православія, и съ протестантами, въ интересахъ общей обороны, православные не разъ заключали политическіе союзы; обстоятельства однако требовали разъяснить православнымъ разность ихъ вѣрованія отъ протестантскаго и тѣмъ предохранить ихъ отъ безсознательныхъ или сознательныхъ увлеченій. Такъ, кромѣ бѣжавшихъ изъ Москвы князя А. Курбскаго * и старца Артемія, ** священникъ Острожскій Василій, сотрудникъ князя К. Острожскаго въ дѣлахъ на пользу православія, въ своемъ сочиненіи „О единой истинной православной вѣрѣ и о святой соборной и апостольской церкви, откуда начало приняла и како повсюду распространяся", напечатанномъ (1588) противъ латинянъ, посвящаетъ цѣлый отдѣлъ (шестой, заключительный) разбору ученія и возраженій лютеранъ и другихъ современныхъ ему „иконоборцевъ" относительно св. храмовъ, иконъ и мощей. *** Этотъ отдѣлъ имѣетъ и общее заглавіе: „О св. храмѣхъ, въ молитву и къ пребыванію имени Господня созданыхъ, и о почитаніи святыхъ иконъ, на воспоминаніе богомужнаго вочеловѣченія

---

* *Сказанія* князя Курбскаго. Спб. 1833, II, въ особ. письма къ Чаплію, Бокею, Древинскому и др.

** Его посланія „къ лютеранскимъ учителямъ", „до Симона еретика Будного" изданы, вмѣстѣ съ другими его посланіями, въ IV т. *Русской Исторической Библіотеки*, по экземпляру Имп. Публ. Библ.; другой экземпляръ XVI—XVII вѣковъ, въ 201 листъ въ восьмушку, имѣется въ Моск. Рум. Музеѣ, собраніи Ундольскаго № 494.—О сочиненіяхъ этихъ полемистовъ не говоримъ здѣсь, такъ какъ, по весьма понятной причинѣ, во времена Михаила Ѳеодоровича ими въ Московскомъ государствѣ повидимому не пользовались.

*** Заглавіе книги относится къ одному первому отдѣлу, отчего въ литературѣ она извѣстна по преимуществу подъ названіемъ „Книжицы клирика Острожскаго Василія", какъ самъ авторъ называетъ себя въ сочиненіи. Она издана снова въ *Русской Исторической Библіотекѣ*, Спб. 1882, т. VII, Памятники полемической литературы въ Западной Руси, столб. 600—938, по старопечатному экземпляру Имп. Публ. Библіотеки (изъ собранія графа Толстаго? См. *Описаніе стар. книгъ графа Толстова*, № 26). Критическія замѣтки о ней у Никольскаго, *Матеріалы для исторіи противолютеранской поле-*

Спасова написаныхъ", и частныя, соотвѣтственно двоякому содержанію: а) „О церкви албо о храмѣ молитвеномъ", 2) „О образахъ, рекше о иконахъ". Въ первой статьѣ, небольшой по объему, авторъ доказываетъ превосходство церкви, какъ дома молитвы и Господня, предъ простыми жилищами, въ которыя протестанты сходятся „на свое богохульное набоженство" и гдѣ „они съ женами живутъ и гдѣ всякое празднословіе глаголется". Вторая статья, какъ бы продолженіе первой, подробно обосновываетъ богоучрежденность иконопочитанія, разъясняетъ сущность его въ православной церкви и, опровергнувъ этимъ возраженія и хулы протестантовъ осмѣливающихся называть иконы идолами, предостерегаетъ тѣхъ православныхъ которые, говоря что „еретики заслоны вѣрѣ здѣшнихъ (южно-русскихъ) христіанъ отъ зловѣрныхъ (католиковъ), которые за еретиками не могутъ ихъ приневолити въ зловѣріе свое", часто, по неразумію, не понимаютъ опасности отъ этихъ союзниковъ, не видятъ какъ эти „многихъ въ безчинное шатаніе поднаживаютъ, съ единой прелести въ другую поскакуючи—изъ люторской въ кальвинскую, а изъ той въ аріанскую и въ прочія многія, даже до совершеннаго хотѣнія вражія". „Почитая св. иконы, покланяясь предъ ними и цѣлуя ихъ, мы, говоритъ авторъ, не боготворимъ самыя иконы, не полагаемъ въ нихъ своей надежды, какъ клевещутъ на насъ христіанохульники, но, возводя умъ на первообразное, сею видимою честію Невидимаго почитаемъ, то-есть Того Его же образъ написанъ... И когда входимъ въ церковь, мы вмѣняемъ святыхъ Божіихъ какъ живыхъ, но по своей ненасыщенной любви стоящихъ съ нами, а для того подвизаемся въ подобіи богоугодной ихъ жизни, или бываемъ къ тому побуждаемы." Иконы, мощи и другіе останки угодниковъ Божіихъ хотя и бездушны и нечувственны, но они орудія и сосуды скрытой въ нихъ божественной чудодѣйственной силы, ради святыхъ, которыхъ они образы и останки. Такъ плодоносныя деревья, которыя на зиму лишаются внѣшней своей красоты и стоятъ какъ мертвыя, сохраняютъ

мики южно-русской церкви XVI и XVII столѣтій, въ *Труд. Кіевской Дух. Ак.* 1862, II; Соколова, *Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ*. М. 1880, 69—71; Завитневича, *Палинодія Захарія Копыстенскаго и ея мѣсто въ исторіи западно-русской полемики XVI и XVII вѣковъ*. Варшава, 1883, 90—103.

въ себѣ силу жизни, снова обнаруживающуюся съ весны. Иконопочитаніе—установленіе божественное, и никто изъ святыхъ вселенскихъ учителей не называлъ иконъ идолами, напротивъ, всѣ отдавали имъ должное. Безъ иконъ чѣмъ по наружности будутъ отличаться отъ простыхъ домовъ самые храмы?

Обиліе текстовъ Ветхаго и Новаго Завѣта, которыхъ здѣсь болѣе чѣмъ въ словѣ Максима Грека, обоснованность разъясненій ихъ, мѣткость изобличенія мнѣній противниковъ, удачность сравненій, простота изложенія мыслей при спокойствіи тона и твердость убѣжденія автора въ истинѣ православнаго ученія, искупающія нѣкоторые недостатки научнаго пріема, сдѣлали указанную статью, какъ и всю книгу, очень распространенною. Съ южно-русскаго нарѣчія ее перевели на общедоступный церковно-славянскій московскій языкъ, и въ этомъ видѣ уже въ первыя десятилѣтія XVII вѣка она служила любимою книгой чтенія въ Московскомъ государствѣ. Самъ авторъ придавалъ особое значеніе главѣ о храмахъ и иконахъ. Еретики, говоритъ онъ, объясняя „вину написанія ея",—еретики, когда изобличенные въ различныхъ ересяхъ не могутъ отвѣчать, устремляются тогда на иконное поклоненіе и богохульно укоряютъ имъ православныхъ, и „отъ сего писанія да заградятся уста говорящихъ неправду".

Опасность грозившая со стороны протестантовъ побуждала къ литературной дѣятельности другихъ ревнителей за православныя убѣжденія. Младшій современникъ извѣстныхъ социніанскихъ учителей, Буднаго и Чеховича, написалъ „О образѣхъ, о крестѣ, о хвалѣ Божіи, о хвалѣ и молитвѣ святыхъ, о иныхъ артикулѣхъ вѣры единое правдивое церкви Христовы". По обычаю того времени, когда, изъ опасенія преслѣдованія со стороны изобличаемыхъ, южнорусскіе авторы полемическихъ трудовъ обыкновенно скрывали свое имя, * сочинитель не означилъ ни имени, ни года, ясно указавъ лишь тѣхъ лицъ съ коими вступилъ въ борьбу и тѣ мнѣнія которыя опровергалъ. Изобличаемыя имъ лица—„иконоборцы", наслѣдники и продолжатели заблужденій иконоборцевъ осужденныхъ еще на вселенскомъ соборѣ. Авторъ

* *Русская Историч. Библіотека*, IV, 318; *Акты Западной Россіи*, IV, 225, Голубевъ, *Біографическія замѣчанія о нѣкоторыхъ старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ*. Кіевъ, 1876, 6—9.

приводитъ ихъ въ преемственномъ порядкѣ. Послѣ осужденныхъ за иконоборство Аерія (IV вѣка), Юліана, Лицинія, Филиппа, Льва III и Льва IV „въ 1430 году, говоритъ авторъ, возстало иконоборство въ нѣмецкихъ странахъ и въ Англіи, отъ Вифлѣка и Яна Гусса, сожженнаго въ Констанціи. Потомъ, въ 1517 году возсталъ Мартинъ Лютеръ, ученіе котораго Нѣмцы держатъ и донынѣ. Вскорѣ возсталъ ученикъ Мартина, Кальвинъ, превративъ ученіе своего учителя; ученія Кальвина-иконоборца держатся такъ-называемые евангелики. За нимъ поднялся нѣкто другъ Кальвина, иконоборецъ горшій своего соблазнителя, по имени Михаилъ Серветъ, родомъ изъ Исландіи, учившійся въ лютеранской школѣ нѣкоего Фалера; онъ началъ проповѣдывать ученіе худшее нечестиваго Кальвинова, каковое скверное ученіе однако приняли многіе народы и стали такъ вѣровать. Кальвинъ, отказавшійся за такую вину отъ прежняго своего друга, довелъ Сервета до того что его сожгли въ мѣстѣ называемомъ Женевой. По сожженіи Сервета возстали его наслѣдники, иконоборцы: Георгій Бляндрата, Павелъ Алштатусъ, Леліусъ Социнусъ, Францыскъ Давидовичъ, нѣкіе министры въ Семиградской землѣ. Въ Литвѣ же возсталъ тогда Будный, а въ Люблинѣ Чеховичъ. Эти иконоборцы и сами между собою разногласятъ во многомъ: ибо Чеховичъ со своимъ любельскимъ соборомъ отринулъ отъ себя Буднаго и предалъ его проклятію; а Будный называетъ Чеховича любельскимъ папежемъ и декретовъ его не принимаетъ. Явился въ дни Михаила Сервета и еще нѣкто, тоже великій иконоборецъ, именемъ Валентинъ Ентилисъ, Волохъ, который распространилъ свою иконоборческую ересь въ землѣ Швейцарской, во Франціи и иныхъ странахъ. Когда онъ вторично пришелъ въ Швейцарію, его взяли и сожгли въ Бернѣ, на 11 году послѣ смерти Сервета. Иныхъ же учениковъ и сообщниковъ Мартина Лютера, Кальвина, Цвинглія и другихъ которые скверное ученіе свое распространили и людей Божіихъ совратили изъ правовѣрія и привели въ ровъ пагубный, этихъ за продолженіемъ писать по порядку нѣтъ надобности. Ихъ пагубнаго ученія иконоборная ересь и донынѣ держится съ иными многими ересями, отъ коихъ да избавитъ насъ Христосъ Сынъ Слово Божіе.“ *

---

* Гл. II, л. 12—14. Приводимъ по рукописи Московской Синодальной Библіотеки № 547 по прежнему каталогу и 277 по новому.

Подъ ближайшими „иконоборцами“ и „аріанами“ такимъ образомъ авторъ разумѣлъ лютеранъ, кальвинистовъ, цвингліанъ и социніанъ. Изъ разказа о Будномъ († ранѣе марта 1604) и Чеховичѣ († въ августѣ 1613) видно что онъ былъ близокъ къ нимъ не только по времени, но и по мѣсту; объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ онъ говоритъ какъ о современныхъ ему.

Какъ ни разнообразны были изобличаемыя секты, онѣ сходились въ одномъ, въ отрицаніи церковныхъ обрядовъ, непостиженіи таинствъ вѣры, объяснить которыя учители ихъ думали своимъ разумомъ, почему авторъ былъ въ правѣ писать общее на нихъ обличеніе и одинаковую противъ нихъ защиту православнаго ученія. Свое сочиненіе онъ составилъ въ 12 главъ, изъ коихъ въ первыхъ трехъ говорится объ иконахъ, въ 4, 5 и 6й о крестѣ, въ 7 и 8й о хвалѣ Божіей во святыхъ, въ 9й о постахъ, въ 10 и 11й о таинствахъ, въ 12й о молитвахъ за умершихъ. Въ сущности здѣсь говорится главнымъ образомъ о тѣхъ же предметахъ о которыхъ писалъ и священникъ Василій; но къ прежнимъ здѣсь прибавляются новые: таинства, поминовеніе умершихъ, посты, и о прежнихъ трактуется значительно шире. Авторъ имѣлъ цѣлію собрать и изобличить бывшія въ обращеніи возраженія противъ возможно бóльшаго количества догматовъ и учрежденій Православной церкви и тѣмъ дать православнымъ въ руки первый опытъ свода, какъ бы цѣльной богословско-полемической системы, въ которой они могли бы найти должные отвѣты на смущающіе ихъ запросы противниковъ. Обыкновенно онъ подбираетъ группу возраженій относящихся къ одному и тому же предмету, отводя опроверженію ихъ иногда по нѣскольку главъ; разобравъ по порядку возраженія одной группы, онъ обращается къ другимъ возраженіямъ, касающимся иного предмета и т. д. Этимъ внѣшнимъ расположеніемъ пока и ограничивается система.

Прослѣдимъ существенныя возраженія и отвѣты на нихъ, какъ они расположены у автора.

Глава I—III. Еретики говорятъ: „Церковь Божія имѣетъ иконы не по Божію повелѣнію, но отъ скверныхъ языкъ преданія.“ Нѣтъ, отвѣчаетъ и доказываетъ имъ полемистъ, какъ въ Древнемъ законѣ были иконы по Божію повелѣнію, такъ въ Новомъ апостолы приняли то отъ самого Іисуса Христа Бога нашего и передали своимъ преемникамъ; отсюда мы чтимъ и цѣлуемъ иконы и покланяемся имъ во славу

Божію. Не иконопочитаніе, но иконоборство имѣетъ человѣческое происхожденіе: начиная отъ Аерія (IV вѣка) еретика и кончая послѣдователями Лютера, Кальвина и другихъ, оно постоянно поддерживалось различными христіано-хульниками. „Но, продолжаютъ еретики, иконы были внесены въ первый разъ на VI вселенскомъ соборѣ.“—Не правда: церковь приняла иконы отъ Самого Христа и апостоловъ; на VI вселенскомъ соборѣ было запрещено только изображать Іисуса Христа въ образѣ агнца, какъ это нерѣдко дѣлалось тогда, и повелѣно изображать Его въ одномъ человѣческомъ образѣ.—Иконопочитаніе, ссылались далѣе иконоборцы, отвергается пророкомъ Давидомъ, который, сказавъ что идолы дѣло рукъ человѣческихъ и бездушны, присовокупилъ что подобны имъ будутъ и надѣющіеся на нихъ (Псал. 113, ст. 12—17). Такимъ толкованіемъ изреченія можно прельстить только не знающихъ Писанія: пророкъ говорилъ объ языческихъ идолахъ, на которыхъ язычники полагали всю надежду и считали ихъ богами; православные же христіане чтятъ изображенія въ честь и славу истиннаго Бога и поклоняются Ему; взирая на икону Іисуса Христа, вспоминаютъ какъ совершилъ Онъ спасеніе, и чтятъ Его и возлагаютъ на Него всѣ надежды. Если относятся съ уваженіемъ къ царскому изображенію: то какъ не чтить образъ Царя царствъ, нашего Спасителя? На это, отмѣчаетъ полемистъ, еретикъ не могъ ничего отвѣтить, и лишь дыша духомъ иконоборства, сказалъ: „аще образъ Христовъ написуете и покланяетеся: почто святыхъ образы такоже на иконахъ написуете, отъ коего писанія и преданія имаши ли и о сихъ доказати истинное свидѣтельство?“ Полемистъ разъясняетъ ему: изображать дѣйствія Божіи о спасеніи человѣческаго рода невозможно безъ изображенія святыхъ; напр., нельзя изобразить втораго пришествія Христова, когда извѣстно что Онъ придетъ судить міръ со всѣми своими святыми (Зах. 14, Матѳ. 19, 28); нельзя изобразить младенца Іисуса на рукахъ Своей Матери безъ изображенія Богородицы и т. д. При видѣ иконъ, мы ревнуемъ жизни праведниковъ и молимъ Бога, чтобъ Онъ сподобилъ насъ непорочной жизни и сдѣлалъ насъ причастниками Своей славы, подобно тому какъ, взирая на распятіе Іисуса Христа, мы воздаемъ хвалу Христу что Онъ, безгрѣшный, таковымъ образомъ совершилъ наше спасеніе, и молимъ Его, чтобъ Онъ призрилъ насъ съ высоты Своея и отпустилъ наши грѣхи.

Послѣ этого естественно рѣчь переходитъ къ разсужденію о чествованіи креста.

Гл. IV—VI. „Крестъ, учатъ еретики въ своей ереси, не отъ Божія повелѣнія есть, но отъ умышленій человѣческихъ; и никто отъ васъ Святаго Писанія о семъ показати намъ не можетъ, когда Богъ крестъ творити бы повелѣлъ."—Не только Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ повелѣлъ творить крестъ на посрамленіе и прогнаніе врага; но еще въ Ветхомъ законѣ возвѣстилъ о немъ чрезъ своихъ пророковъ и прообразовалъ многообразными подобіями; тотъ кто стыдится креста, стыдится и Распятаго на немъ. „Но чего ради знаменать лицо свое крестообразно рукой?"—Крестное знаменіе, прообразованное въ Ветхомъ Завѣтѣ, постоянно съ первыхъ временъ Христіанства было признакомъ истинныхъ христіанъ, не боящихся исповѣдывать свою вѣру; перстосложеніе и крестное знаменіе, какъ объясняли то святые отцы, имѣетъ символическій смыслъ основныхъ истинъ вѣры. „Для чего приняла Православная церковь хожденіе со крестами?"—Какъ Евреи, подкуливъ стражу, таятъ воскресеніе Христово и не вѣрятъ пришествію Мессіи: такъ вѣрные христіане не только во храмѣ, но и внѣ его славятъ воскресеніе Христово и свидѣтельствуютъ что обѣтованный Мессія уже явился, жилъ съ людьми и совершилъ спасеніе людей; какъ тѣ, бывшіе народомъ избраннымъ, не стыдились ходить съ Кіотомъ Завѣта и побѣждали своихъ враговъ: такъ нынѣ мы ходимъ во славу Божію съ крестами, не стыдясь враговъ своихъ и особенно Божіихъ, чтобъ и Онъ въ день страшнаго суда не постыдился насъ.

Отъ трактата о крестѣ авторъ прямо обращается къ защитѣ почитанія святыхъ, соблюденія постовъ и т. п.

Гл. VII—VIII. Противники, ругаясь надъ святою Божіею Церковью, говорятъ въ поношеніе православнымъ: „почтò почитаете святые угодники хвалой таковою, яжъ точію самому Богу единому надлежитъ?"—Господа, отвѣчаетъ на то полемистъ, мы хвалимъ и чтимъ не какъ созданіе, но какъ Бога и Творца; святыхъ Его чтимъ такою славой которою славится Самъ Богъ, то-есть согласно повелѣнію Писанія, мы хвалимъ Бога во святыхъ Его.—„Святые мертвы: зачѣмъ же чтить ихъ мощи?"—Душа святыхъ не умерла, пребываетъ въ рукахъ Божіихъ; тѣлеса ихъ были храмомъ Духа Святаго, который и понынѣ живетъ въ ихъ останкахъ и совершаетъ

чрезъ нихъ чудеса, и мы, взирая на сохраняющіеся останки, ревнуемъ подвигомъ святыхъ, да будемъ участниками ихъ славы, ради ихъ молитвъ. — По своему непокорству и въ непотребномъ самомнѣніи „мнози противніи“ однако говорятъ: „что намъ помощь въ молитвѣ святыхъ умершихъ?“ Но не знаютъ „окаянные“ что такъ не дерзали говорить даже сами святые: они всегда призывали въ своихъ молитвахъ отшедшихъ прежде святыхъ, потому что ради праведниковъ и ихъ молитвъ Господь милуетъ тѣхъ, за кого предстательствуютъ они.

Гл. IX. По своему желанію отвергнуть законность поста, существующаго во святой Церкви по велѣнію Божію, святыхъ апостолъ и ихъ наслѣдниковъ, нѣкоторые приводятъ слова апостола Павла къ Тимоѳею (1 Тим. IV, 1—6), гдѣ предвозвѣщается что явятся отступники отъ вѣры, возбраняющіе жениться и удаляющіеся отъ брашенъ. По свидѣтельству Златоуста, эти пророчественныя слова исполнились на гностикахъ, возбранявшихъ вообще употребленіе въ пищу многихъ яствъ и отвергавшихъ бракъ, какъ скверну. Святая Церковь признаетъ бракъ честнымъ и ложе не скверньмъ, не возбраняетъ и умѣреннаго употребленія брашенъ; она учитъ лишь воздержанію и, въ извѣстное время, посту. — „Но посты ненужный вымыслъ человѣческій“. Напротивъ, постъ есть установленіе божественное, оправдываемое примѣрами въ жизни Моисея, Иліи, Даніила съ тремя отроками, Іоанна Крестителя и преимущественно жизнью и ученіемъ Христа. Каждый изъ соблюдаемыхъ постовъ и постныхъ дней учрежденъ въ воспоминаніе великихъ религіозныхъ событій, а четыре поста, кромѣ того, въ ознаменованіе того что мы приносимъ Господу начатки каждаго времени года. Постъ обновляетъ, совершенствуетъ человѣка, по слову апостола: „елико внѣшній человѣкъ изнемотаетъ, толико внутренній обновляется“ (2 Кор. IV, 16); посредствомъ поста легче отгонять отъ себя всякіе соблазны и приготовить изъ себя наслѣдника небесныхъ благъ, почему во время поста вѣрные причащаются тѣла и крови Христовой и исповѣдаютъ свои грѣхи.

Послѣдняя мысль приводитъ къ отдѣлу о таинствахъ, исповѣди и евхаристіи.

Гл. X—XI. Противники говорятъ: „что ради исповѣдаетеся предъ попами грѣховъ? ибо то недавно умышлено“. Исповѣ-

даніе грѣховъ священникамъ получило начало въ Ветхомъ Завѣтѣ и продолжалось въ Новомъ. Господь даровалъ апостоламъ власть отпускать и удерживать грѣхи: какъ они исполняли бы это еслибы не было исповѣди? Она необходима предъ священникомъ также какъ открытіе болѣзни предъ призваннымъ на помощь врачемъ. Покаяніе и очищеніе грѣховъ дѣлаетъ насъ достойными къ принятію тѣла и крови Христа. Любители раздоровъ „не исповѣдаютъ быти во спасеней жертвѣ истиннаго тѣла и крови Христова, но мнятъ быти подобіе нѣкое". Такое ученіе—противно ученію Христа и апостоловъ. Въ таинствѣ Евхаристіи мы причащаемся истиннаго тѣла и крови Христа, въ которыя дѣйствіемъ Св. Духа и силою Вышняго осѣненія, во время священнической молитвы, таинственно претворяется хлѣбъ и вино. Какъ совершается пресуществленіе, это непостижимо, но познается вѣрою. Когда Господь сказалъ: „сіе есть тѣло Мое" и „сія есть кровь Моя", то такъ и есть, потому что слово Божіе праведно. Люди не привыкли ѣсть сырое, и Господь Іисусъ Христосъ, по снисхожденію къ немощи человѣческой, даетъ людямъ тѣло и кровь Свою подъ видомъ обыкновенныхъ, „обыклыхъ брашенъ", хлѣба и вина. Ради принятія нами сего тѣла и крови живетъ въ насъ Христосъ, и мы въ Немъ, и это принятіе бываетъ въ просвѣщеніе и исцѣленіе наше и въ приложеніе божественной благодати.

XII. Наконецъ, что касается молитвъ и благотвореній за умершихъ, то, по словамъ полемиста, здѣсь не требуется имѣть съ сопротивными многаго словопренія, потому что весьма ясно говорится о томъ въ книгахъ Маккавейскихъ (2 Макк. XII, 43): Іуда Маккавей послалъ до 2.000 гривенъ серебра въ Іерусалимъ чтобы тамъ была принесена жертва за грѣхи убитыхъ на брани. И если нѣкоторые утверждаютъ будто книгъ Маккавейскихъ церковь не принимаетъ, то это напрасно, церковь всегда принимала эти книги; къ тому же онѣ согласны съ другими мѣстами Писанія. Товитъ завѣщалъ сыну: „хлѣбъ твой и вино твое при гробѣ праведнаго даждь" (Тов. IV, 17); пророкъ Варухъ молился за отшедшихъ отъ сего міра (Вар. III, 4). Необходимость молитвъ установлена прямымъ апостольскимъ правиломъ (14 прав. св. Апост.), повелѣніями св. отцевъ и учителей церкви и постоянною церковною практикой. Молитвы и благотворенія низводятъ на умершихъ милосердіе Божіе,

прощеніе грѣховъ, и для самихъ молящихся и благотворящихъ снискиваютъ ходатаевъ на небесахъ и любовь Божію, потому что Господь особенно милостивъ къ тѣмъ кто заботится не только о своей душѣ, но и о ближнихъ, и кто имѣетъ въ себѣ совершенный уставъ любви. Свою защиту поминовенія умершихъ полемистъ заключаетъ обращеніемъ къ православнымъ, чтобъ они не преставали молиться объ отшедшихъ отцахъ и братьяхъ.

Сочиненіе заканчивается особымъ послѣсловіемъ, въ которомъ авторъ проситъ „христоименитое собраніе", то-есть православныхъ читателей, что если они „въ сихъ божественныхъ писаніяхъ, изложенныхъ въ обличеніе враговъ святой соборной апостольской церкви и во утвержденіе вѣрнымъ", встрѣтятъ что-нибудь „неблагословное", то не кляли его, а исправляли и улучшали.

Способъ доказательствъ всюду одинаковый. Приводя возраженіе противника, авторъ, не пускаясь въ отвлеченныя умствованія, тотчасъ противопоставляетъ ему факты и изреченія сначала Ветхаго Завѣта, затѣмъ Новаго, изреченія поясняетъ на основаніи толкованія того или другаго отца церкви и дѣлаетъ выводъ, подкрѣпляя его, гдѣ можно, указаніемъ событій изъ исторіи. Случается что авторъ касается нѣкоторыхъ возраженій отрывочно, какъ бы мимоходомъ, отвергаетъ голословно, что̀ такъ естественно въ спорныхъ бесѣдахъ, запись которыхъ, повидимому, напоминаютъ многія мѣста сочиненія, но это бываетъ не часто: обыкновенно онъ приводитъ по порядку всю сумму имѣющихся налицо доказательствъ; въ послѣднихъ видна его широкая начитанность, умѣнье пользоваться своими знаніями и твердое православное ученіе. Если и встрѣчаются здѣсь доказательства отличающіяся натянутостію, какъ наприм. объясненіе формы и значенія перстосложенія, столь пріятное нашимъ старообрядцамъ, или объясненіе крестныхъ ходовъ, то такихъ мѣстъ не много.

Въ виду того что въ жизни слышались православными не столько цѣльныя системы протестантскаго вѣроученія, сколько отдѣльныя возраженія противъ того или иного пункта православнаго вѣроисповѣданія, книга „Объ образѣхъ" могла находить широкое примѣненіе. Читатель находилъ въ ней нужные ему отвѣты. Этимъ и объясняется, почему данное сочиненіе сильно отразилось на православной литературѣ,

и югозападной и сѣверовосточной, войдя какъ часть въ богословско-полемическія сочиненія, или послуживъ основой и образцомъ для подобныхъ сборниковъ.

Написанное на бѣлорусскомъ нарѣчіи и отпечатанное, какъ полагаютъ, въ Вильнѣ въ 1602 году, * въ Москвѣ оно распространяется на современномъ здѣсь литературномъ церковно-славяно-русскомъ языкѣ, по всей вѣроятности въ пору попытокъ (1621—1623) Филарета Никитича женить своего сына Михаила Θеодоровича на какой-нибудь изъ иностранныхъ принцессъ. Попытки эти вызвали въ правительствѣ обсужденіе объ отношеніи православія къ лютеранству и каждое сочиненіе служащее къ объясненію даннаго вопроса было весьма кстати. Независимо отъ того, сочиненіе удовлетворяло потребности узнать отвѣты на опровергнутые въ немъ вопросы, которые иногда могли быть задаваемы протестантами и православнымъ Москвичамъ. ** Кто перевелъ его и

---

* По предположеніямъ однихъ библіографовъ, въ видѣ отдѣльной книги, по другимъ—въ видѣ заключительной части сочиненія „Книги о вѣрѣ“. Отсюда обычное въ библіографіи за данною книгой названіе „Книга о вѣрѣ“ *виленскаго* изданія, въ отличіе ея отъ „Книги о вѣрѣ“ *кіевскаго* изданія 1619 года, или „Книги Азаріи“, представляющей значительную передѣлку первой, сдѣланную, надо думать, Захаріемъ Копыстенскимъ. Голубевъ, 44—59; Завитневичъ, 276—285.—На бѣлорусскомъ экземплярѣ рукописи Царскаго „написаніе“, то-есть очевидно переписка (Строевъ, *Описаніе*, № 392, стр. 446; Лиловъ, *О такъ-называемой Кирилловой книгѣ*. Казань, 1858, 173—174; Никольскій, 172) рукописи, означено 1615 годомъ.—О времени появленія кіевской печатной книги самымъ неправдоподобнымъ мнѣніемъ признается преосв. Евгенія и Галичанъ Іосифа Левицкаго и г. Головацкаго, отнесшими это къ 1625 году, причемъ она отождествляется у нихъ съ виленскою книгой; Головацкій полагалъ что „Книга о вѣрѣ“ лишь два раза издана, въ 1619 и 1625 годахъ, и оба раза въ Кіевѣ.

** Утверждая что сочиненіе *Объ образѣхъ* было „воспроизведеніемъ личнаго состязанія съ противниками“ и что оно могло быть сѣверно-русскаго происхожденія, Соколовъ (72—74 и примѣч. къ нимъ) пришелъ къ выводу что заключающіеся въ немъ вопросы и отвѣты составляли „упорную злобу дня“ и служатъ къ указанію „плана, тона и пріемовъ“ протестантской пропаганды въ Московскомъ государствѣ начала XVII вѣка; выводъ очевидно соотвѣтствуетъ посылкѣ, и его надобно было бы имѣть въ виду еслибы данное сочиненіе первоначально вышло изъ-подъ руки Великоросса.

первый распространилъ по Москвѣ неизвѣстно. На экземплярѣ синодальной рукописи есть собственноручная подпись „Ивана“. * Съ этимъ именемъ мы потомъ встрѣтимся еще не одинъ разъ, что быть-можетъ послужитъ къ отысканію переводчика.

Переводъ существовалъ въ видѣ отдѣльнаго сочиненія недолго. Къ нему присоединили у насъ „Ины главизны“, и новый расширенный сборникъ получилъ иное названіе, тоже болѣе распространенное и относящееся ко всему сборнику: *Изложеніе извѣстно отъ божественныхъ писаній стараго закона и новыя благодати на окаянныя и злоименитыя лютеры, на многіе ихъ ереси.* ** Къ двѣнадцати главамъ было присоединено тридцать пять главъ, такъ что сборникъ вышелъ въ 47 главъ; къ нимъ, въ свою очередь, дѣлались новыя приложенія, и сборникъ совмѣщалъ въ себѣ до 49 и 50 главъ. ***

---

* „Сія книга отдана Терентію Петровичю вовѣки вѣкомъ невозвратно, а подписалъ я, Иванъ, своею рукою.“ Первый листъ рукописи Моск. Синод. Библіот., по стар. катал. № 547, по новому № 277. Данная рукопись важна также въ томъ отношеніи что церковнославянскій переводъ сочиненія *Объ образѣхъ* находится въ ней отдѣльно, какъ самостоятельное цѣлое; это одинъ изъ первыхъ экземпляровъ московскаго перевода. Составъ ея такой. Въ началѣ, на листѣ приставшемъ къ переплету, можно разобрать: „**Црю Гдрю і великому кнзю Михаилу Өедоровичу всеа Руси**“; на лицевой сторонѣ перваго листа приведенная выше подпись „Ивана“, на оборотѣ листа оглавленіе первыхъ главъ; на 2 *л.* нѣсколько тропарей изъ великаго канона Андрея Критскаго, непосредственно за ними, съ середины оборотной страницы, начинается полемическое сочиненіе „Объ образѣхъ“ и оканчивается на 67 *л.*; въ концѣ пришита особая тетрадь съ таблицами (*л.* 68—76), служащими къ опредѣленію времени праздника Пасхи и другихъ подвижныхъ праздниковъ. Само полемическое сочиненіе общаго заглавія не имѣетъ, а лишь его главы: 1—3 „Объ образѣхъ и отказъ иконоборцомъ“, 4—5 „О крестѣ“, 6 „О хожденіи со кресты“, 7 „О хвалѣ и чести святыхъ“, 8 „О молитвѣ святыхъ“, 9 „О постѣ“, 10 „О исповѣди“, 11 „О пречистомъ тѣлѣ и крови Христовѣ“, 12 „О отшедшихъ свѣта сего“ или „О памяти умершихъ“; послѣсловіе. По этой рукописи мы и изложили содержаніе сочиненія.

** Таково заглавіе обоихъ сборниковъ Царскаго, №№ 394 и 690.

*** Экземпляры „Изложенія извѣстно отъ божественныхъ писаній... на окаянныя и злоименитыя лютеры“ сохранились въ весьма многихъ собраніяхъ старыхъ рукописей: въ Моск. Синод. библ. №№ 274—276 по нов. катал. (*Описаніе славянск. рукопис. Моск. Синод. Библ.*

Сорокасемиглавый сборникъ первоначально составился безъ измѣненія прежняго двѣнадцатиглаваго сочиненія; затѣмъ, при послѣдующихъ работахъ и дополненіяхъ, видно стараніе

отд. II, ч. 3, стр. 358—367), Моск. Духовн. Академіи, С.-Петерб. Дух. Акад. № 79, Казанской Духовн. Акад., по нов. катал. № 323 (*Опис. рукоп. Солов. мон., наход. въ библ. Каз. Дух. Акад.* I, 518—523), Моск. Общ. Истор. и Древн. Россійскихъ, № 195, Царскаго №№ 394 и 690 (Строевъ, *Рукописи славянскія и россійскія принадлежащія Царскому*, стр. 454—461, 730—733), графа Толстаго, № 306 (*Описаніе славяно-россійскихъ рукописей графа Толстова*, отд. II, стр. 460), Е. Барсова, № 18, и др. Отмѣтимъ серіозное недоразумѣніе возбужденное рукописью С.-Петербургской Духовной Академіи и до сихъ поръ держащееся въ печати. На первомъ листѣ этой рукописи есть такая запись: „Начата сія книга писать о иконоборцахъ кальвинахъ и люторахъ, и откуда иконоборство зачася: лѣта ҂ЗРПА г., мца іануарія въ А день, на Обрѣзаніе Господне и на память во стыхъ отца нашего Василія Великаго архипа Кесарійскаго. При державѣ В. Гра Царя и В. К. (полное) (sic) Ал. М—ча всея В. и М. и Б. Россіи С—ца (полное). Тщаніемъ и сниcканіемъ его государева духовника, благовѣщенскаго протопопа Андрея Савиновича. А совершися сія книга того же РПА году мца августа въ КГ день на память св. мучениковъ Адріана и Наталіи." На основаніи этой отмѣтки, написанной тою же рукой что̀ и рукопись, нѣкоторые самое составленіе этой рукописи отнесли къ 1672 году и авторомъ ея сочли Андрея Савиновича. Неизвѣстный составитель статьи въ Христ. Чтен. 1857, іюнь, привелъ изъ нея небольшой отрывокъ, и назвавъ ея авторомъ Андрея Савиновича, озаглавилъ ее „Противъ иконоборцевъ кальвинъ и лютеръ"; отсюда и повторялось мнѣніе что это особое сочиненіе, не имѣющее ничего общаго съ „Изложеніемъ извѣстно отъ божественныхъ писаній". Такого отдѣльнаго сочиненія принадлежащаго перу Савиновича или, точнѣе, отрывка изъ него за послѣднее время искалъ въ библіотекѣ Академіи Соколовъ (*Отн. протестан. къ Росс.*, прим. стр. 21) и, конечно, не нашелъ. Этотъ академическій экземпляръ состоитъ изъ 49 главъ и по содержанію одинаковъ съ Синодальною рукописью № 275; также тожественно и его заглавіе, именно: „Изложеніе извѣстно отъ божественныхъ писаній стараго закона и новыя благодати на окаянныя и злоименитыя лютеры на многія ихъ ереси, отвѣты возразительныя на иконоборцы православнымъ христіаномъ". Слѣдовательно, данная рукопись въ 1673 году только переписана на издержки Савиновича, или быть-можетъ его рукой, и не болѣе. Подробное описаніе этой академической рукописи, по нашей просьбѣ, сдѣлано для насъ проф. Академіи прот. П. Ѳ. Николаевскимъ, которому и приносимъ здѣсь искреннюю признательность.

о большей цѣльности. Именно, было опущено послѣсловіе находившееся послѣ 12 главы и вычеркнуты слова: „ины главизны“, стоявшія предъ 13 главой. * Испытывалъ колебаніе также составъ главъ, и особенно 47 главы. Вторая, бо́льшая по объему, половина ея, состоящая изъ отдѣльныхъ статей, между прочимъ изъ статей о лютеранскихъ и кальвинскихъ ересяхъ и о киркахъ Датскаго короля, явилась, очевидно, позднѣе и составляла то нѣсколько самостоятельныхъ главъ **, то помѣщалась отдѣльно отъ 47 главы, въ видѣ особыхъ статей ***, пока наконецъ не была вполнѣ присоединена къ первой половинѣ †, и вмѣсто нея явились послѣ новыя двѣ главы, 48 и 49, съ инымъ содержаніемъ. †* Вмѣстѣ

* Напримѣръ, въ синодальной рукописи № 274, состоящей изъ 47 главъ, послѣсловіе и надпись „ины главизны“ еще есть; въ № 275, состоящемъ изъ 49 главъ, и тожественныхъ съ нимъ рукописяхъ, Барсова, С.-Петерб. Дух. Акад., этихъ мѣстъ уже нѣтъ; въ синодальной рукописи, № 276, послѣсловіе сохранилось, но надпись „ины главизны“ опущена.

** Въ рукописи Царскаго, № 690, онѣ составляютъ 48, 49 и 50 главы.

*** Такъ стоятъ онѣ въ синодальной рукописи, № 274, гдѣ, послѣ первой половины 47 главы, предъ этими статьями оставлены два не исписанные листа.

† Въ 47главыхъ сборникахъ Царскаго, № 394, Саловецкаго мон., № 322.

†* Напримѣръ, въ рукописяхъ Синодальной, № 275, С.-Петерб. Дух. Акад., Барсова. Онѣ, очевидно, присоединены послѣ того какъ обѣ половины 47 главы составили одну. Сливая вторую половину 47 главы съ первою, авторъ считалъ свое дѣло оконченнымъ (см. приписку 14 іюля 1642 года въ 47главомъ экземплярѣ Царскаго, № 394) и совсѣмъ не имѣлъ въ виду этихъ новыхъ главъ. Что касается другихъ разностей въ рукописяхъ, то упомянемъ о той что въ Синодальной рукописи, № 274, четырнадцатая глава имѣетъ особое надписаніе: „О иноцѣхъ“; но болѣе всѣхъ отличается 50главый сборникъ Царскаго, № 690. Отличія его, впрочемъ, заключаются не въ составѣ, а въ подраздѣленіи главъ, и въ этомъ отношеніи онъ представляетъ какъ бы особый видъ. Въ противоположность 47главымъ сборникамъ того же Царскаго, № 394, Синодальнымъ, С.-Петерб. Дух. Акад., Казанск. Дух. Акад., Барсова., въ немъ 18 и 19 главы составляютъ одну ихъ 18 главу; счетъ главъ у него затѣмъ заходитъ впередъ на одну главу, вплоть до 29, которая, въ свою очередь, распадается на двѣ (28 и 29) главы указанныхъ сборниковъ; далѣе счетъ идетъ согласно, до 40 главы, которая тожественна съ тремя (40, 41 и 42) главами рукописей; счетъ въ ней отстаетъ, такъ

съ тѣмъ нѣсколько измѣнилось и самое заглавіе: къ нему были прибавлены слова „отвѣты возразительные", * и еще: „На иконоборцы православнымъ христіаномъ". **

Въ своей окончательной редакціи, заключающей въ себѣ 49 главъ, „Изложеніе извѣстно отъ божественныхъ писаній" и проч. или, какъ для краткости часто означаютъ его у насъ, „Изложеніе на лютеры", въ 13й главѣ говоритъ о призываніи святыхъ, въ 14 о монашествѣ и безбрачіи, 15 глава содержитъ трактатъ о киркахъ и таинствахъ, 16 о лютеранскомъ духовенствѣ, 17 о праздникахъ въ честь святыхъ, 18 о лѣтосчисленіи, 19—22 о поклоненіи св. иконамъ, 23 о канонѣ св. книгъ и священномъ преданіи, 24 объ апостольскомъ крещеніи, 25 объ іерархіи, 26—45 о хлѣбѣ въ таинствѣ Евхаристіи, 46 объ авторитетѣ св. отцевъ и вселенскихъ соборовъ; 47 о превосходствѣ восточной церкви предъ католическою и протестантскими, 48 о клятвѣ крестнымъ цѣлованіемъ и 49 объ агнцѣ въ Евхаристіи. **

Предметы обсужденія такимъ образомъ частію тѣ же которые разсмотрѣны въ первыхъ 12 главахъ, частію новые.

что 41 глава ея равняется 43, 42—44, 43—45; три слѣдующія главы, 44—46, совмѣщаются въ одной 46 главѣ тѣхъ сборниковъ, и начало 47 главы у всѣхъ ихъ одинаково; но вторая половина ея въ сборникахъ, какъ уже видѣли, тожественна съ остальными тремя (48, 49 и 50) главами рукописи.

* Напримѣръ, въ 47 гл. сборникѣ Синод. Библ. № 274.

** Синод. рук., № 275, С.-Петерб. Дух. Акад. Эти двѣ прибавки обусловлены тѣмъ что частное оглавленіе („сказаніе главамъ въ книзѣ сей"), ставившееся первоначально между заглавіемъ книги и первою главой, или переносилось въ другое мѣсто (начало или конецъ книги) или совсѣмъ опускалось, и слова относившіяся къ означенію первой главы мало-по-малу слились съ заглавіемъ всей книги; а дата: „глава а҃" иногда уже не писалась.

*** При изложеніи руководствуемся синодальными сборниками, въ 47 и 49 главъ, и 49главою рукописью Барсова, который обязательно далъ ее, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими важными рукописями, намъ на домъ, и потому мы могли вполнѣ сличить ее съ экземплярами синодальными. Пользуемся случаемъ принести ему за это свою глубокую признательность. Сборникъ приготовленъ нами къ печати. См. также А. Никольскаго *Матеріалы для исторіи противолютеранской богословской полемики сѣверовосточной русской церкви XVI и XVII столѣтій. Тр. Кіев. Дух. Акад.* 1864, I, 128 и слѣд.; Соколова. *Отнош. протест. къ Россіи.* 80 и слѣд.

Прежніе предметы разсматриваются большею частію съ другихъ сторонъ, соотвѣтственно опровергаемымъ возраженіямъ, иногда же и безъ существеннаго измѣненія въ постановкѣ вопроса; въ тѣхъ случаяхъ когда протестантское ученіе сходно съ католическимъ, направляется изобличеніе и противъ католичества; одна глава, 48я, къ главному содержанію книги прямаго отношенія не имѣетъ.

Какъ и прежде, ведется рѣчь объ иконопочитаніи, почитаніи святыхъ, таинствахъ покаянія и Евхаристіи, упоминается о постѣ и проч. Защитѣ иконопочитанія посвящены четыре главы (19—22). Опровергаемыя возраженія противъ него могутъ быть сведены къ одному: „въ чести подобаетъ имѣти святыя иконы, а молитися имъ недостоитъ, сице убо второе идолопоклоненіе будетъ“. Такъ какъ это возраженіе въ сущности то же что̀ разобранное выше и лишь поставлено оно здѣсь въ менѣе рѣзкой формѣ, то и опроверженія его во многомъ напоминаютъ прежнія; оригинальнѣе мѣста гдѣ доказывается что „должно молитися Господу стоя и съ открытою главой, а не лежа на локтяхъ или на колѣняхъ ладши, какъ латинники, лютеране и кальвины молятся, обычаемъ огарянскимъ, въ шапкахъ и въ шляпахъ.“ Прежнее возраженіе о призываніи и прославленіи святыхъ: „что̀ намъ помощь въ молитвахъ святыхъ“ (глав. 8), выражено такъ: „не могутъ праведніи ничто же помощи намъ, аще не Самъ Богъ кого помилуетъ“ (глав. 13); разобранный вопросъ: „почто̀ почитаете угодники такою хвалой, яже единому Богу належитъ“ (гл. 7), переиначенъ: „не подобаетъ святымъ угодникамъ Божіимъ праздновать, кромѣ Божіихъ праздниковъ“ (гл. 17), то-есть вопросы выражены въ формѣ прямаго отрицанія. Новое возраженіе одно, частное: „еже по смерти святыхъ явленія, то вымыслъ лукавыхъ человѣкъ“ (гл. 13). Опровергаетъ его полемистъ указаніемъ на свидѣтельство Священнаго Писанія о явленіи праведнаго Самуила Саулу (1 Царствъ XXVIII, 12—14), о явленіи Моисея и Иліи во время преображенія Іисуса Христа на горѣ Ѳаворѣ (Ев. Лук. IX, 30) и на разказы греческихъ и римскихъ писателей о явленіяхъ умершихъ праведниковъ живущимъ на землѣ людямъ.

Таинствъ покаянія и Евхаристіи полемистъ касается не по существу ихъ, а болѣе со стороны ихъ формы, соотвѣтственно, конечно, бывшимъ въ обращеніи возраженіямъ. Если прежде изобличалось мнѣніе протестантовъ противъ исповѣди у

священниковъ (гл. 10), то теперь разоблачается ихъ сужденіе о тяжести налагаемыхъ епитимій. „У насъ, Грековъ и въ Руси, сказуете, яко правила отеческія страшны о семъ и невозможно епитимій никому исправити“, говоритъ полемистъ, и приводитъ имъ на это еще болѣе строгія постановленія закона Моисея (Исх. гл. IX). Вмѣстѣ съ тѣмъ указывается какъ безъ должнаго покаянія протестанты недостойно приступаютъ къ причащенію и какой безъ него вредъ чистотѣ ихъ нравовъ.

Этимъ почти и ограничиваются упоминанія о покаяніи. Полемистъ касается его какъ бы вскользь въ разсужденіи о неуважительномъ отношеніи протестантовъ къ киркамъ и таинствамъ (гл. 15). За то съ необыкновенною и для того времени неожиданною подробностью говорится о таинствѣ Евхаристіи. Вопросъ о существѣ таинства, о пресуществленіи хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христовы былъ разобранъ прежде (гл. 11); теперь говорится собственно о хлѣбѣ (26—45) и агнцѣ (49) въ таинствѣ. Вопросу объ опрѣснокахъ посвящено всего болѣе мѣста, цѣлыхъ 20 главъ, и этимъ онъ предваряется почти на полустолѣтіе, когда, съ переѣздомъ къ намъ южно-русскихъ ученыхъ, то-есть въ концѣ XVII вѣка, онъ поднимается снова и пріобрѣтаетъ самый жгучій характеръ. Направленный тогда собственно противъ католиковъ и латинствующихъ, онъ перешелъ въ вопросъ о времени пресуществленія Св. Даровъ. *

Полемистъ доказываетъ что пророчества Ветхаго Завѣта и многочисленныя мѣста Новаго убѣждаютъ насъ въ отмѣненіи и воспрещеніи Господомъ іудейскихъ приношеній и жертвъ, жертвенниковъ съ опрѣсноками, и лютеране и латиняне, удерживая опрѣсноки, обнаруживаютъ, вопреки слову Божію и преданію и ученію отцовъ и учителей церкви, привержен-

* О послѣднемъ см. изслѣдованіе Марковича *О времени пресуществленія Св. Даровъ. Споръ бывшій въ Москвѣ во второй половинѣ XVII вѣка.* Вильна, 1886 года. Вопросъ объ опрѣснокахъ былъ у насъ далеко не новый: въ предупрежденіе соблазна латинствомъ, его касались еще въ пору насажденія у насъ православія, и не разъ повторялся онъ и затѣмъ. А. Н. Попова, *Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ.* М. 1875; А. С. Павлова, *Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ.* Спб. 1878.

ность къ іудейству. При установленіи таинства Евхаристіи на Тайной Вечери, Іисусъ Христосъ преподалъ Своимъ ученикамъ хлѣбъ обыкновенный, квасный, а не опрѣснокъ: Онъ совершилъ Пасху когда еще не наступило время ядепія опрѣсноковъ, и еслибъ Онъ, противъ обычая, подалъ Своимъ ученикамъ опрѣснокъ, то евангелисты не умолчали бы о томъ, но они прямо повѣствуютъ что Господь Іисусъ взялъ именно хлѣбъ и благословивъ преломилъ и далъ ученикамъ, говоря: „пріимите и ядите: сіе есть Тѣло Мое". Неправо думая о хлѣбѣ въ Евхаристіи, „еретики" возражали также и противъ агнца: „почто христіанстіи попы дѣйствуютъ надъ просфорой, а называютъ Агнцемъ Христомъ ту просфору и прободаютъ копіемъ... и вопрошаютъ насъ, рекуще: откуды вы сіе взяли? Христосъ предаде хлѣбъ ученикомъ преломивъ, а не заклавъ." Но и Господь Іисусъ преподалъ ученикамъ на Тайной Вечери хлѣбъ не просто только преломивъ его, но прежде повѣдавъ имъ какъ Ему пострадать и быть пропятымъ и прободеннымъ. Объ этомъ было прообразованіе въ Ветхомъ Завѣтѣ: жрецы закалали тельцовъ и агнцевъ во образъ безкровной жертвы Христовы, и ихъ закаланіе было безгрѣшно; такъ точно нынѣ, по объясненію Златоуста, священники во время священнодѣйствія закалаютъ уготованный хлѣбъ и, по вѣрѣ въ совершеніе Божіе, называютъ Его Агнцемъ, какъ предсказалъ Исаія: „Агнецъ Божій на заколеніе ведеся."

Такъ какъ возраженія противъ поста были уже опровергнуты прежде, то авторъ направляется (гл. 16) не столько на защиту его сколько на разоблаченіе невоздержной жизни иновѣрцевъ.

Къ новымъ элементамъ въ составѣ сборника, по сравненіи его съ 12главымъ сочиненіемъ, относятся: защита таинствъ крещенія (47), священства (24—25) и брака (16); необходимости церковнаго преданія (23), авторитета св. отцевъ и вселенскихъ соборовъ въ дѣлахъ вѣры и церкви (46), истинности и святости восточной церкви (47), монашества (13), лѣтосчисленія (18), причемъ дѣлаются сильныя обличенія непристойностей въ киркахъ и нравственныхъ недостатковъ протестантскаго духовенства и вообще протестантовъ. Мѣсто о крещеніи представляетъ передѣлку соборнаго опредѣленія 1620 года о перекрещиваніи католиковъ. Находя у лютеранъ и кальвинистовъ многія изъ тѣхъ ересей которыя

были указаны въ опредѣленіи у католиковъ, напримѣръ, догматъ объ исхожденіи Святаго Духа отъ Отца и Сына, неправильность въ совершеніи обряда крещенія и проч., авторъ приходитъ къ тому выводу что „за толикія сія злыя ереси, люторей и кальвинъ, какъ и латинъ, должно совершенно крестить, потому что Божественному Писанію сопротивно мудрствуютъ и иныхъ учатъ". Самое же крещеніе онъ считалъ обязательнымъ для всѣхъ христіанъ и доказывалъ что были крещены не только Христосъ, но и Его Матерь, и всѣ апостолы. Крещеніе апостоловъ онъ нашелъ нужнымъ доказывать въ виду опровергаемаго имъ мнѣнія лютеранъ, старавшихся оправдать свое внѣшнее избирательное священство тѣмъ что сами апостолы, не посвященные чрезъ рукоположеніе, не были даже и крещены водой. Въ противоположность этому раскрывалось когда и какъ были крещены и поставлены апостолы и какъ они крестили и рукополагали своихъ учениковъ, а отъ нихъ шло преемственно іерархическое священство, безъ котораго, учитъ полемистъ, не можетъ быть ни истинной церкви, ни истиннаго христіанства, подобно тому какъ безъ таинства брака нѣтъ священнаго семейнаго союза.

Въ защиту церковнаго преданія былъ данъ „отвѣтъ люторемъ и латынникомъ и инѣмъ еретикомъ о книгахъ Ветхаго закона и новыя благодати, иже глаголютъ, яко кромѣ Бытейскихъ книгъ, и Евангелія, и Апостола, гдѣ что̀ написано, и тому нечего вѣрити". Должно вѣрить и инымъ книгамъ, кромѣ находящихся въ Библіи, потому что въ нихъ написано не все, о многомъ упоминается кратко, объ иномъ, о чемъ апостолы учили устно, записано ихъ очевидцами и намѣстниками.

Противъ авторитета св. отцевъ и вселенскихъ соборовъ лютеране возражали: „что̀ ради святыхъ отецъ списанія слушати и что̀ вселенскихъ седми соборовъ утвержденіе держати? а до нихъ апостольская вѣра не бывала ли во вселенней и святіи мученики Господни не спасли ли душъ своихъ, кровь свою проливающе за Христа?" Но мученики страдали не только за Христа, но и за различныя заповѣди, и за писанія святыхъ отцевъ. Господь Іисусъ Христосъ не перестаетъ служить спасенію людей, руководя и открывая подвизающимся многое и Самъ, и чрезъ Св. Духа. И апостолъ Павелъ писалъ ученику своему Тимоѳею: „укрѣпляйся, сынъ

мой, въ благодати Христомъ Іисусомъ; и что̀ слышалъ отъ меня, при многихъ свидѣтеляхъ, то передай вѣрнымъ людямъ, которые были бы способны и другихъ научить" (2 Посл. къ Тим. II, 1—2); тотъ же апостолъ училъ что Духъ Святый поставляетъ послѣ апостоловъ учителей и различныхъ пророковъ (1 Коринѳ. XII, 27, 29—31; XIII, 14). Если христіанинъ поэтому долженъ вѣрить св. отцамъ, этимъ намѣстникамъ апостольскимъ; то тѣмъ болѣе необходимо вѣрить вселенскимъ соборамъ, гдѣ ихъ засѣдало вообще до двухъ тысячъ. „И вы, люторове, обращается къ нимъ авторъ, вѣрите тремъ или четыремъ вмѣстѣ съ Мартиномъ взбѣсившимся на св. православную вѣру: какъ же не послушаемъ мы такого множества отцевъ?" Сказавъ о дѣяніяхъ 2го вселенскаго собора, на которомъ утвержденъ догматъ о Св. Духѣ, авторъ естественно касается этого догмата и опровергаетъ ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына. Главное основаніе ученія что, по Св. Писанію, Св. Духъ посылается и отъ Сына, полемистъ опровергаетъ различеніемъ исхожденія и посланія: исхожденіе выражаетъ вѣчное отношеніе Св. Духа къ Богу Отцу, тогда какъ посланіе означаетъ временное посольство въ міръ, какъ и Христосъ говорилъ о Себѣ что Его послалъ Духъ Святый.

Противъ исключительной истинности и святости православной восточной Церкви лютеране возражали: „что̀ ради восточныхъ церквей слушали? или убо апостоли восточныхъ людей однѣхъ научили, а прочихъ языковъ не онѣ ли учили?" Апостолы, правда, единые учителя всѣмъ странамъ; но Мартинъ Лютеръ и самъ не научился отъ апостоловъ, и другихъ училъ отъ себя. Понявъ уклоненіе отъ истины папства и отвергшись Рима, онъ не приложился къ истинной восточной церкви. „Онъ возсталъ на папу, но не тѣмъ образомъ какъ, правды ради, истинные пастыри, пасущіе стадо Христово, святые отцы, собирая соборы и вкупѣ съ церквами; но, какъ родившійся отъ истаго льва аспидъ прелютѣйшій; крича на него во всю вселенную и не радуяся со святыми, утвердилъ ученіе еще злѣйшее папина." На востокѣ же были всѣ престолы апостольскіе и всѣ семь вселенскихъ и девять помѣстныхъ соборовъ; восточные христіане и Русскіе, принявшіе вѣру изъ Греціи, твердо сохраняютъ и держатъ апостольское ученіе; Римъ же уклонился отъ него, а лютеране и кальвины, удержавъ часть католическихъ пунктовъ и еще болѣе приба-

вивъ своихъ, тѣмъ далѣе уклонились отъ религіозной истины и тѣмъ далѣе отстоятъ отъ нея.

Защищая эти основныя положенія, „Изложеніе на лютеры“ обосновываетъ и такіе пункты, какъ формы жизни и лѣтосчисленіе. Возраженія лютеранъ и кальвинистовъ противъ монашества были особенно многочисленны. Они говорили: „иноцы оставиша заповѣдь Божію, и пророческое, и евангельское, и апостольское писаніе, и самосмышленіемъ изобрѣтоша себѣ житіе и держатъ преданія человѣческая; и аще бы иноческое житіе Богу угодно было, то былъ бы убо и Самъ Христосъ и божественніи апостоли во иноческомъ образѣ; и еже убо чернъ образъ носити, и то-есть знаменіе бѣсовскаго дѣйства; и о сихъ святый Павелъ къ Тимоѳею паки писа, духъ же реченію глаголетъ: яко въ послѣдняя времена отступятъ нѣціи отъ вѣры... возбраняюще женитися и удалятися брашенъ, яже Богъ сотвори въ снѣденіе съ благословеніемъ вѣрнымъ и познавшимъ истину. И того ради Мартинъ, мужъ мудрый, не восхотѣ въ иноческомъ житіи блудъ творити и сверже съ себе иноческій образъ и пріятъ законъ Божій, якоже мнози праведни и во пророцѣхъ и во апостолѣхъ съ женами бѣша и Богу угодиша.“ Ни одно изъ этихъ возраженій не было оставлено безъ отвѣта. Иноки, доказывалъ полемистъ, изобрѣли свою жизнь согласно съ божественнымъ писаніемъ, и дѣвственная жизнь была почтена еще въ Ветхомъ Завѣтѣ; въ Новомъ положилъ ей начало Іоаннъ Предтеча. Самъ Господь Іисусъ Христосъ указывалъ на высоту ея, и многіе апостолы и ихъ ближайшіе ученики не только похваляли дѣвственную и иноческую жизнь, но и сами были внѣ супружества, и тѣмъ учредили и узаконили иночество. Если же Христосъ и апостолы не были въ иноческомъ образѣ, то это потому что иноческій образъ есть образъ покаянія и плача, а имъ, безгрѣшнымъ, онъ не былъ надобенъ; къ тому же, необходимо чтобы называли Христа не инокомъ, а Богомъ, а апостолы были поставлены въ образъ высшій иноческаго, въ апостольскій санъ. Думать что черный образъ заимствованъ отъ козней діавола, что Св. Пахомію являлся не ангелъ Господень, а діаволъ, прямая хула на Писаніе: ангелы, по писанію, являются въ различныхъ образахъ, когда какъ полезно людямъ, и ангелъ явился Пахомію въ черномъ, повелѣвая тѣмъ имѣть плачевное житіе, потому что плачущіе облачаются въ черное. Апостолъ же Павелъ (I Тим. III, 1—4)

говоритъ о тѣхъ которые возбраняютъ жениться, а иноки, восхваляя дѣвство, не безчестятъ и не возбраняютъ браковъ и за православную вѣру полагаютъ свою душу.

На слова о неправильности нашего лѣтосчисленія авторъ указывалъ что русскія и греческія книги, въ противоположность нѣмецкимъ лютеранскимъ и кальвинскимъ, согласны съ лѣтосчисленіями главныхъ восточныхъ народовъ; въ подтвержденіе мысли приводятся ссылки на самыя разнообразныя лѣтописныя книги: египетскія, еврейскія, эллинскія, латинскія, нѣмецкія, датскія, шведскія, французскія и другія.

Но главная особенность дополнительныхъ главъ сборника не столько въ этихъ новыхъ вопросахъ и доказательствахъ ихъ, сколько въ наступательномъ, изобличительномъ тонѣ, въ сатирѣ на нравы и обычаи протестантовъ, на ихъ церкви и духовенство.

„Еслибы вы," обращается полемистъ ко своимъ противникамъ, „прочитали правила новой благодати, апостольскія, отеческія, вселенскихъ соборовъ, то поняли бы въ себѣ діавольскую прелесть и свою немощь и неразуміе; но вы не только не хотите прочитать правильнаго утвержденія семи вселенскихъ соборовъ, но и слышать о немъ и, ругаясь, говорите: „„Въ тѣхъ соборахъ и Бога невозможно разумѣть""; писанія святыхъ отцевъ называете ересью и послушающихъ ихъ считаете врагами Божіими. Поэтому отъ святыхъ отеческихъ писаній, обруганныхъ вами, ничего не говоримъ вамъ, развратникамъ, но покажемъ отъ любимаго вами Ветхаго Закона что вы не христіане и не евреи, но по истинѣ хуже жидовъ. Отлучась отъ исповѣданія православной вѣры въ догматахъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ нашихъ и впавши во всѣ древнія ереси, вы уже не христіане; хуже же жидовъ такимъ образомъ. Евреи держали свой храмъ въ великой чести и въ немъ совершали службу и всѣ важнѣйшіе обряды, кромѣ обрѣзанія: вы же откуда взяли возносить жертву приношенія о грѣхахъ и внѣ церкви, въ простыхъ домахъ? Іудеи праздновали свои большіе праздники въ Іерусалимѣ и готовились къ нимъ со всѣмъ тщаніемъ; а вы, лютеране, и священники ваши научившись отъ латинъ шесть дней не омывъ скверны блуда, входите въ кирки и говорите другъ другу: „„Что̀ за грѣхъ ходить не омывшись? Мужъ и „жена одно тѣло. Да и для чего безчестить самого себя,

„полагать хулу на образъ Божій, называть скверною чадород-„ное сѣмя?““ Если случится ночью искусъ діавольскій, вы выражаетесь: „„Кровь де лишняя въ человѣкѣ играетъ, и это „что за скверна и къ чему очищаться отъ того и перемѣ-„нять рубашку?““ Но у васъ дѣлается скверна еще худшая. Отрокъ или не женатый мужъ, проблудодѣйствовавъ ночь съ дѣвицей или вдовой, по утру приходитъ въ кирку, исповѣдаетъ грѣхъ блуженія и, выпросивъ у вашихъ священниковъ прощеніе, тотчасъ молитъ чтобы, ради очищенія отъ того блуднаго грѣха, дано было ему отъ приношенія опрѣсночнаго, хотя онъ и не показалъ никакого исправленія. Откуда взяли что всегда пей и блуди, да принимай причастіе? Вы говорите что у насъ, Грековъ и въ Руси, правила отеческія о томъ страшны и никому нельзя выполнить ихъ. Какъ же не видите вы въ Законѣ Моисеевомъ, который вы любите носить, гдѣ въ Книгѣ Исходъ, главѣ 19, отъ имени Бога написано не о безбрачныхъ, не о блудникахъ, но о самихъ брачныхъ чтобъ они очистились и три дни готовились къ явленію Господа на Синаѣ? И апостолъ Павелъ учитъ: „„кто „ѣстъ и льетъ не достойно, тотъ ѣстъ и льетъ осужденіе себѣ, не разсуждая о тѣлѣ Господнемъ““ и тотъ „„виновенъ „будетъ противъ тѣла и крови Господней““ (Коринѳ. XI, 29, 27). Такъ изобличаетъ васъ Писаніе, и вы, дѣйствуя вопреки Писанію, хуже жидовъ, потому что и жиды хранили законъ, вы же не храните ни христіанства, ни жидовства. Церковь ваша, за несоблюденіе ея чистоты, по слову Моисея (3 кн. Моис. гл. XXIII), не церковь Божія, но домъ бѣсовскій и мерзость запустѣнія. Услышите также и о попахъ вашихъ (гл. 15).

„Откуда это у васъ, лютеране, то что попы ваши женятся во второй и третій разъ и продолжаютъ поповствовать? Явные вы еретики, потому что разрушаете преданіе ап. Павла, который заповѣдалъ Титу ставить по городамъ въ попы изъ тѣхъ кто непороченъ и мужъ одной жены. Вы утверждаете что ап. Павелъ учитъ чтобы попу держать одну жену, а не двѣ. Гдѣ же писано чтобы простымъ людямъ держать по двѣ жены? Такъ толкуя слова ап. Павла, вы вводите агарянство. Да и какъ имѣть вашимъ попамъ дѣтей вѣрныхъ, безъ укоризны въ блудѣ? Дочери ваши года два, три, четыре и болѣе блудятъ съ женихомъ прежде брака, и какъ забеременѣетъ дѣвица, тогда и заключаютъ бракъ, а не будетъ чревата,

скверпится долгое время, въ поискѣ жениховъ; вдова проживетъ дѣтей отъ какого-нибудь женатаго мужа, за это ей нѣтъ у васъ ни срама, ни наказанія. Гдѣ же пріискать чистую дѣву, не говоря уже простымъ людямъ, но и самимъ попамъ? Между тѣмъ Моисеевымъ закономъ и апостольскими правилами (прав. св. Апостолъ 17—18) воспрещается быть священниками двоеженцамъ и женатымъ на вдовахъ и блудницахъ. У васъ же не только простые люди, а и попы, епископы и архіепископы сами сквернятся и другихъ сквернятъ, вопреки апостольскому правилу (63) ѣдятъ всякое животное живущее на сушѣ, въ водѣ и воздухѣ и удавленину, и пьютъ всякую кровь (гл. 16).

„А что̀ сказать о храмахъ лютеранскихъ? Лютеранская ересь здѣсь согласна съ латинской и кальвинской, но хуже латинской. Когда входятъ во время службы въ мнимыя свои церкви, т.-е. въ ропату, костелы и кирки, то вводятъ съ собою псовъ и не препятствуютъ ходить тамъ. Дѣлать такую скверну лютеры и кальвинцы изобрѣли не отъ божественныхъ устъ, не отъ апостольскаго и святыхъ отецъ преданія, но научились тому у латинянъ. Къ той скверпѣ у лютеръ и кальвинцевъ прибавлена еще другая: въ киркахъ ихъ попы и пономари лазятъ на престолъ и стоятъ ногами гдѣ приносятъ опрѣсночную жертву. Кирокъ и ропатъ своихъ, случится ли въ полдень или ночью и вечеромъ, обыкновенно не запираютъ, потому что онѣ у нихъ огорожены каменными оградами, на подобіе монастырскихъ, ходъ въ ограду сдѣланъ въ родѣ воротъ, но безъ запору, лишь выкопана яма четвероугольная, точно колодезь, въ иныхъ мѣстахъ выложенная камнемъ, въ иныхъ съ врѣзаннымъ въ нее срубомъ, на ямѣ желѣзная рѣшетка, но она въ немногихъ мѣстахъ. Сдѣлано это для того чтобы никакая животина не входила въ ропату; но собаки легко перебѣгаютъ чрезъ желѣзныя рѣшетки, входятъ со своими хозяевами въ кирки, лазаютъ на престолы и повсюду гадятъ, а лютеране и кальвины выметаютъ; а если нѣтъ рѣшетокъ, то лазитъ всякая животина. А у Датскаго короля даже тамъ гдѣ живетъ архіепископъ („арцибискупъ“) и стоятъ большія соборныя кирки, также все не затворено и по обоимъ сторонамъ кирокъ, у дверей, люди гадятъ, и въ киркахъ старое все жидовство: на престолѣ поставлены двѣ Моисеевы скрижали съ десятословіемъ написаннымъ на нихъ большими золотыми буквами, въ сторонѣ органы, трубы и свирѣли многія, подъ игру на нихъ поютъ Псалтирь. Кажденія

кадиломъ у лютеранъ и кальвинъ нѣтъ, во время пѣнія мало кто стоитъ, всѣ сидятъ, иные лежатъ на локтяхъ. Послѣ пѣнія, случится ли въ полдни, къ вечеру или ночью, иные заходятъ въ кирку и, зайдя за западныя двери, блудятъ съ женками и дѣвками, только боятся блудники подходить къ престолу, а того за грѣхъ не считаютъ, оправдываясь: „святыня де Божія не сквернится, но Божія церковь сама всѣхъ освящаетъ; отъ Бога де не утаишься, Онъ вездѣ видитъ грѣхъ, тайный или явный, на дому или въ церкви, нигдѣ нельзя скрыться"; и въ этой скверне они походятъ на Персовъ и Татаръ. У Датскаго же короля поставлено въ киркахъ много ратныхъ литавръ, знаменъ и копій и инаго кроваваго оружія взятаго на бояхъ и поставленнаго по жидовскому обычаю, и это ведется у всѣхъ Нѣмцевъ для ихъ славы; у нихъ же въ киркахъ продаютъ всякіе товары. Кромѣ того, у Датскаго короля въ потѣшномъ городѣ Христіанборгѣ („Христьборѣ") сдѣлана палата, украшенная многою великою красотой, внизу у нея помостъ и на верху кровъ весьма и весьма добръ, юнымъ же и блудникамъ ей-ей поистинѣ геенскій гробъ."

Здѣсь, въ изображеніи христіанборгской храмины, сатира достигаетъ даже какъ бы поэзіи, въ описаніи соблюдается риѳма:

„Дива убо есть велика та палата видѣти,
Христіаномъ же истиннымъ зѣло ю достоитъ ненавидѣти;
Златомъ убо и сребромъ много устроена тѣлеснаго та,
Въ нихъ же тайна блудная вся открыта срамота,
Ихъ же блуднымъ рачителемъ въ видѣ зрѣти утѣшно,
Конецъ же зрѣнія есть мученіе вѣчно безутѣшно.
Въ толику убо гордость король онъ, Христіанусъ, произыде,
Яко же и сатана на сѣверныя горы мыслію взыде:
Горѣ убо устроилъ двоекровную палату,
Долу же подъ нею двоеимянную ропату,
И по-лютерски нарицаютъ ихъ двѣ кирки,
По-русски же видимъ ихъ отворены люторемъ во адъ двѣ дирки;
Горѣ убо устроенъ въ палатѣ блуда и піанства столъ,
Долу же подъ нимъ приношенія ласенія ихъ не Божій престолъ;
Горѣ бо въ палатѣ бѣсованіе земское,
Долу же въ киркѣ приношеніе, но ихъ, небное.
Многихъ же вводятъ въ кирку ту смыслу королевску дивитися,
Велеумнымъ же мужемъ не подобаетъ безумію ихъ дивитися:
Явный бо той есть врагъ Божій,
Иже возвысился на образъ Божій:
Нигдѣ убо въ нихъ и индѣ не видѣти написанныхъ образовъ Божіихъ,

Якоже дивнымъ письмомъ въ тѣхъ дву киркахъ не Божіихъ,
И не на поклоненіе святыя иконы добротою въ нихъ воображены,
Но въ укоръ христіаномъ святыхъ иконъ поклонникомъ предложены,
Понеже въ выспрь убо надъ самѣмъ тѣмъ престоломъ королевское мѣсто,
Долу же подъ нимъ образу Божію отнюдь быти не мѣсто.
Аще бо горѣ бѣсованію быти пиршественному,
То отнюдь невозможно быти долѣ возхотенію небожественному,
И естествомъ Благій вся терпитъ до конца,
Не кающихся же о семъ имать мучити безъ конца.
И о семъ не бывшимъ тамо православнымъ христіаномъ греческаго закона нѣсть вѣдомо,
Нынѣ же буди всѣмъ православнымъ христіаномъ о ихъ злочестіи свѣдомо,
Яко во всемъ Господне ученіе отвергоша."

Отношеніе лютеранъ и кальвинистовъ ко своимъ храмамъ, разсуждаетъ далѣе полемистъ, находитъ прямое изобличеніе въ Писаніи и Новаго и Ветхаго Завѣта. Іисусъ Христосъ изгналъ изъ Іерусалимскаго храма торгующихъ, сказавъ имъ: „не дѣлайте дома Отца Моего домомъ торговли"; повелѣвая Моисею войти на гору Синай, Господь заповѣдалъ чтобы никто, пока онъ находится тамъ, не подходилъ къ горѣ; всякій, человѣкъ, или скотъ, или звѣрь, кто ни прикоснется къ ней, долженъ умереть; Кіотъ Завѣта хранился со всѣмъ благоговѣніемъ; Озонъ, осмѣлившійся прикоснуться къ нему во время перенесенія его изъ плѣна при царѣ Давидѣ, былъ пораженъ отъ Господа смертью. Церковь христіанская еще честнѣе Кіота Завѣта. Въ Кіотѣ были богописанныя скрижали данныя Моисею въ завѣтъ роду Израилеву; въ церкви же всегда закалается единородный Сынъ Божій за избавленіе отъ грѣховъ всего міра. „Какъ же не устрашатся лютеране и кальвины въ такую свою мнимую святыню вводить псовъ скверныхъ и безпрепятственно даютъ имъ входить во всѣ церковныя и алтарныя мѣста? Явно что это не отъ преданія божественнаго и апостольскаго, не отъ ученія богоносныхъ отцовъ лютеры и кальвины съ латины мудрствуютъ, но отъ своихъ нечестивыхъ размышленій."

Такъ характеризуются протестанты, ихъ ученіе и обычаи въ излагаемомъ нами сборникѣ. О Лютерѣ и его послѣдователяхъ во всѣхъ добавочныхъ главахъ выражается мнѣніе самое невыгодное для нихъ.

Кто же могъ тогда такъ писать у насъ? На одномъ сорокасемиглавомъ экземплярѣ его находится слѣдующая приписка: „Славу Богу, въ Троицы пѣваемому! Аминь. Совершена же бысть сія книга въ лѣто 7150 (1642) года, іюля въ 14 день (рукою) многогрѣшнаго и непотребнаго раба, попа Іоанна.“ * Здѣсь опять встрѣчаемся съ извѣстнымъ уже намъ именемъ, и это даетъ ключъ къ разгадкѣ составителя и отчасти автора даннаго сборника, по крайней мѣрѣ въ 47 главъ. Подъ „попомъ Іоанномъ“ некого болѣе разумѣть кромѣ ключаря Успенскаго Собора, священника Ивана Насѣдки, въ чемъ убѣждаютъ всѣ біографическія данныя о немъ.

Иванъ Насѣдка всю свою жизнь провелъ въ непосредственномъ соприкосновеніи съ рѣшеніемъ важныхъ вопросовъ въ сферѣ церковно-религіозной и отчасти гражданской, и постоянно находился при книжномъ дѣлѣ. Первоначально онъ служилъ священникомъ, вѣроятно, въ Москвѣ, но послѣ пожара 1611 года укрылся въ Троице-Сергіевскій монастырь, куда бѣжали тогда громадныя массы. Архимандритъ Діонисій поручилъ ему совершать службу и требы для мірянъ въ церкви преподобнаго Сергія надъ монастырскими воротами и отвелъ келью въ монастырѣ. Находясь въ постоянномъ общеніи съ этимъ горячимъ патріотомъ, онъ часто и подолгу бесѣдовалъ съ нимъ и помогалъ ему въ составленіи и распространеніи пламенныхъ воззваній объ изгнаніи враговъ и, по его порученію, обходилъ окрестности съ цѣлію духовной помощи страждущимъ. Понятно, какія чувства должны были укрѣпиться въ немъ по отношенію къ иновѣрцамъ. Хотя главными врагами, свирѣпствовавшими около Москвы и Троицкой Лавры, были католики, Поляки, однако, гдѣ могли, не отставали въ нанесеніи вреда православнымъ и кощунствѣ надъ святынями и протестанты. Находившійся въ добрыхъ отношеніяхъ къ Насѣдкѣ, Авраамій Палицынъ, писалъ потомъ что „содружество съ лютеранами и кальвинами достойно посмѣянія всѣхъ языковъ“. ** Насѣдка не могъ, конечно, держаться иного взгляда.

* Рукопись Царскаго, № 394, л. 503 (Строевъ, *Описаніе*, 461). Соколовъ (прим. стр. 20), приводя данную замѣтку, утверждаетъ что ею заканчиваются „многія рукописи“. Какія еще? Мы пересмотрѣли всѣ рукописи и описанія ихъ какія указаны у него и многія другія, но тамъ ея не повторяется.

** Авраамій Палицынъ, *Сказаніе объ осадѣ Троицкаго монастыря* М. 1822, 44.

Опредѣленный затѣмъ во священника подмонастырскаго села Клементьевскаго и узнавъ о порученіи (1615 года) правительства нѣкоторымъ старцамъ Троице-Сергіева монастыря исправить и приготовить къ печати Требникъ, Насѣдка явился въ Москву и чрезъ боярина Бориса Михайловича Салтыкова добился того что, по государеву указу (6 ноября 1616 года), дѣло исправленія было переведено въ лавру и поручено архимандриту Діонисію съ приставленными къ нему помощниками, имъ, попомъ Иваномъ, и старцами Арсеніемъ и Антоніемъ. О переводѣ исправленія въ лавру и порученіи его Діонисію Насѣдка хлопоталъ, конечно, потому что рядомъ, въ Клементьевскомъ, жили его жена и дѣти, и что у Діонисія онъ пользовался полнымъ расположеніемъ. Не трудно было предвидѣть опасности соединенныя съ возложеннымъ дѣломъ, и Арсеній убѣждалъ сотрудниковъ добиться сначала того чтобъ оно было взято подъ непосредственное наблюденіе завѣдывавшаго патріаршествомъ митрополита Іоны; но энергичный священникъ Иванъ побуждалъ не медлить съ началомъ дѣла. Діонисій принялъ совѣтъ Насѣдки.

Вполнѣ извѣстно какъ тяжело оправдались опасенія Арсенія и какія ошибки были исправлены этими справщиками. *

Когда Діонисій представилъ исправленный Потребникъ Іонѣ, митрополитъ, предубѣжденный уже противъ справщиковъ, а можетъ-быть и обиженный что они указывали недостатки въ книгахъ изданныхъ въ періодъ его управленія патріаршествомъ, собралъ (18 іюля 1618 года) изъ московскаго духовенства небольшой соборъ для суда надъ справщиками. Напрасно обвиняемые оправдывали законность своихъ исправленій, и особенно Насѣдка, который въ жару спора, по выраженію Арсенія, своимъ обвинителямъ даже „очи слюнами запрыскалъ". Было рѣшено „архимандрита Діонисія и попа Ивана" отлучить отъ церкви и запретить имъ священнодѣйствовать; Діонисія заключили въ Новоспасскій монастырь, Арсенія на Кирилловскомъ подворьѣ, и оба подверглись тяжкимъ наказаніямъ и униженіямъ; Насѣдка отъ заключенія какимъ-то образомъ уклонился и жилъ на свободѣ, хотя и не священнодѣйствовалъ; объ Антоніи ничего неизвѣстно.

* Объ этомъ подробно сказано въ *Чтен. Общ. Ист. и Др. Рос.* 1848, кн. VIII, отд. 1, *Правосл. Собесѣд.* 1862, кн. II; *Чтен. въ Моск. Общ. Любит. Духов. Просвѣщ.* 1865, и др.

Обвиненные не переставали оправдываться. Въ свою защиту они писали особыя посланія или „Рѣчи“: Діонисій ко всѣмъ православнымъ христіанамъ, Арсеній одну къ Салтыкову, другую къ близкому къ Іовѣ протопопу Ивану Лукьянову. Со своей стороны не молчали и ихъ враги. Самымъ виднымъ обвинителемъ явился Антоній Подольскій, судя по фамиліи, изъ Подоліи. Кичась своимъ образованіемъ, которое однако у него было не велико, онъ рѣзко нападалъ на справщиковъ и всего болѣе на Насѣдку, который, находясь на свободѣ, легко могъ изобличать обвинителей. Антоній ославлялъ ихъ и въ частныхъ домахъ, и на рынкахъ, и написалъ противъ нихъ цѣлую книгу. Въ опроверженіе его, Насѣдка тоже написалъ значительное сочиненіе, изъ 35 главъ, гдѣ собралъ соотвѣтствующія слова Писанія, толковаго Евангелія и Апостола, писаній св. отцевъ, Кормчей, церковныхъ службъ, сопровождая свои выписки и указанія соображеніями противъ Антонія, нерѣдко самыми рѣзкими и безпощадными. Борьба толкаетъ, такимъ образомъ, Насѣдку въ область церковно-богословской полемики, сообщая послѣдней особенный тонъ и характеръ.

Защита справщиковъ была безуспѣшна, пока не занялъ патріаршій престолъ воротившійся изъ плѣна Филаретъ Никитичъ. Насѣдка подалъ ему свое сочиненіе противъ Антонія и новую обширную „Рѣчь“, въ 30 главъ, изъ которыхъ въ первыхъ 12 оправдывалъ опущеніе въ молитвѣ на Богоявленіе прибавки „и огнемъ“, въ остальныхъ исправленія окончаній нѣкоторыхъ молитвъ. Въ ней онъ помѣстилъ посланіе Діонисія къ православнымъ христіанамъ и Арсенія къ боярину Салтыкову, лишь съ небольшими измѣненіями и нѣсколько въ иномъ порядкѣ, безъ означенія откуда взялъ, и отъ себя прибавилъ нѣсколько вставочныхъ замѣчаній и новыхъ примѣровъ. На соборѣ (2 іюля 1619 года) бывшемъ подъ предсѣдательствомъ вновь поставленнаго патріарха Филарета и заѣхавшаго къ намъ патріарха Іерусалимскаго Θеофана, въ присутствіи государя, обвиняемые были оправданы и разрѣшены. Діонисій послѣ того съ честью былъ отпущенъ въ лавру; Арсенія снова приставили въ справщики печатающихся книгъ, а Иванъ Насѣдка, бывшій дотолѣ священникомъ захолустнаго села Клементьевскаго, опредѣленъ былъ во священника и ключаря Московскаго каѳедральнаго Успенскаго собора. Для разъясненія паствѣ, Насѣдка, съ благосло-

венія и даже, можетъ-быть, по порученію Филарета, написалъ новое сочиненіе въ оправданіе поправокъ. Сочиненіе составлено изъ сорока съ небольшимъ главъ и уже сравнительно спокойнѣе чѣмъ направленное противъ Антонія. *

На Филарета способный и энергичный Насѣдка произвелъ весьма благопріятное впечатлѣніе. Патріархъ постоянно пользовался его услугами. Приставилъ его къ печатанію богослужебныхъ книгъ, которое теперь двигалось несравненно успѣшнѣе прежняго; вскорѣ „попа Ивана", конечно именно его, Насѣдку, какъ довѣренное лицо, патріархъ отправилъ (1621 года) въ Данію къ Христіану IV при посольствѣ князя Алексѣя Михайловича Львова. Вмѣстѣ съ явнымъ порученіемъ объявить королю объ освобожденіи Москвы отъ Поляковъ и возвращеніи отца государева, Филарета Никитича, посольство имѣло тайное порученіе, интимнаго для царской семьи характера: сватовство Михаила Θеодоровича за одну изъ королевскихъ племянницъ. **

Исполненіе порученія поставило Насѣдку лицомъ къ лицу съ протестантствомъ и дало ему долю цѣннаго матеріала для его полемики. Непремѣннымъ условіемъ для брака послы должны были ставить крещеніе принцессы въ православіе; на характерѣ даннаго имъ въ руководство наказа видно отраженіе состоявшагося незадолго до ихъ отправленія изъ Москвы соборнаго опредѣленія (осенью 1620 года) о перекрещиваніи католиковъ. Сватовство, впрочемъ, не спорилось, главнымъ образомъ потому что оно не казалось въ Даніи выгоднымъ. Смутная эпоха была свѣжа въ памяти; съ Польшей прочнаго мира у Россіи не было, Владиславъ не отказался отъ своихъ притязаній на Московскій престолъ, и въ Даніи, повидимому, еще вѣрили въ возможность новаго переворота въ Москвѣ. Но чтобы смягчить непріятное впеча-

* Рукописи Троице-Сергіевской лавры, № 700, Моск. Синод. Библіот. №№ 46 и 822 по прежн. каталогу. Акт. экеп. III, № 329. Житіе архим. Діонисія. М. 1824. А. Смирновъ, *Святѣйшій патр. Филаретъ Никитичъ*. М. 1874, ч. II, гл. 3; пр. Макарій, *Исторія Русской церкви*. Спб. 1881, т. X, гл. IV, 1882, т. XI, гл. 1.

** Моск. Гл. Архивъ М. Ин. Дѣлъ, Датскія дѣла 1621 года, св. 5, № 2: „Статейный списокъ бытности въ Даніи пословъ дворянина князя Алексѣя Львова и дьяка Ждана Шипова". Объ этомъ посольствѣ см. наше изслѣдованіе: *Изъ исторіи брачныхъ дѣлъ въ царской семьѣ*, глав. IV.

тлѣніе отказа, Христіанъ устраивалъ въ честь пословъ обѣдъ за обѣдомъ и въ Копенгагенѣ, и въ подъ-столичномъ Христіанборгѣ, въ новомъ красивомъ дворцѣ. Къ столу приглашались вмѣстѣ съ послами бывшіе съ ними дворяне, переводчики, подъячіе и священникъ Иванъ. Пилось по 4 чаши: за здоровье царя, короля, патріарха и королевича; во время обѣда играла музыка; послѣ стола всѣ наши, въ томъ числѣ и посольскій священникъ, иногда подходили къ королевской рукѣ. За обѣдомъ 28 апрѣля 1621 года въ Христіанборгѣ „королевскіе думные люди подчуя говорили посламъ, чтобы они приняли то въ честь и добро отъ королевскаго величества, самые хоромы въ которыхъ они обѣдаютъ лишь только отдѣланы, въ нихъ едва начали селиться, а дѣлаетъ хоромы самъ король, своими замыслами, не совѣтуясь ни съ кѣмъ изъ мастеровъ; въ этомъ мѣстѣ онъ любитъ строиться потому что здѣсь родился; нравомъ онъ добръ и къ своимъ людямъ милостивъ, съ иноземными государствами ссоры не ищетъ". Наши отвѣчали: „вѣдаемъ мы и сами что государя вашего, его королевское величество, Богъ родилъ разумна и изрядна всякою добротою, и ему можно и безъ мастеровъ разумѣть, а хотя бы хоромы у королевскаго величества и не таковы были, только братская любовь и дружба къ великому государю нашему, его царскому величеству, пріятна", и затѣмъ хвалили также своего государя. Послѣ обѣда главные королевскіе думные люди отъ имени короля пригласили пословъ прогуляться по королевскому дворцу. Ходили они по палатамъ, были и въ тамошней лютеранской церкви. Наши замѣтили что въ палатахъ стѣны обиты золотными и цвѣтными бархатными и фряжскими шелковыми коврами, на потолкѣ вырѣзаны различные люди, звѣри, травы; потолки были рѣзаны и золочены по камню и въ киркѣ. * На слѣдующій день (29 апрѣля)

* „Царскаго величества послы королевскимъ думнымъ людемъ говорили: „„гдѣ насъ зовете гулять?"" И королевскіе думные люди царскаго величества посломъ говорили: „„Здѣсь де на королевскомъ дворѣ, по палатамъ погулять, чтобъ вамъ, царскаго величества посламъ, было не скучно."" И царскаго величества послы съ королевскими думными людьми пошли, и королевскіе дворяне шли передъ послы, снявъ шляпы, и въ палатахъ и въ киркѣ ходили; и въ палатахъ стѣны обиты бархаты золотными и цвѣтными и ковры шолковыми фряскими, а на подволокахъ рѣзаны люди, и звѣри, и птицы, и травы золочены, а дѣланы разными образцы; и прошли сквозь кирку, а на ней полата, а въ киркѣ подволока рѣзана, по каменю золочена." Указанный выше статейн. списокъ.

наши опять получили приглашеніе къ королевскому столу. Обѣдъ былъ торжественный, съ тостами, музыкой и пѣніемъ. Стѣны столовой были расписаны, потолокъ съ разными фигурами, въ углу билъ красивый фонтанъ. * За столомъ король спрашивалъ пословъ какъ далеко лежитъ Московское государство отъ Турціи и Персіи, какъ въ немъ поставляютъ на іерархическія духовныя должности, не ѣздятъ ли за этимъ въ Грецію, сколько духовныхъ чиновъ и какіе они, гдѣ родился патріархъ, умѣетъ ли онъ по-гречески и бывалъ ли въ Греціи, кто вѣдаетъ духовными дѣлами, въ какія страны ѣздятъ Москвитяне и т. п. О всемъ этомъ послы давали довольно обстоятельные отвѣты.

Теперь понятно откуда взялась сатира на датскія кирки и христіанборгскую „палату", заключающаяся во второй половинѣ 47й главы „Изложенія на лютеры". **

---

* Тамъ же. „А передъ столомъ, и передъ ѣствами, и передъ овощи били по литаврамъ и играли въ трубки. А въ столъ играли въ музыку и припѣвали разными голосы, а игрецовъ было человѣкъ съ тридцать. А полата обита обыты стѣнными, писана, а подволока рѣзана, люди и звѣри, золочена. А какъ король съ послы сѣли, и въ палатѣ въ углу приведена вода въ колодезь, за рѣшетками мѣдяными здѣланъ мужикъ серебрянъ, позолоченъ, литой, а изъ него вода пущена, бѣжитъ изъ глазъ и изъ перста, и изъ грудей, да птички и звѣри и змѣйки къ нему придѣланы, а изъ нихъ вода жъ пущена и изо рта, и изъ глазъ, и изъ локтей струйкою невеликою."

** Не зная о миссіи „попа Ивана" въ Данію, Никольскій (*Матеріалы для исторіи противолютеранской богословской полемики*, въ *Труд. Кіевск. Дух. Акад.* 1864. I, 164) считалъ эту главу непосильною для московскаго богослова и думалъ что она написана кѣмъ-либо изъ богослововъ южнорусскихъ. Южнорусскаго происхожденія могла быть одна первая половина 47 главы, отвѣчающая на часто слышавшійся въ югозападной Россіи вопросъ: „чего ради восточныхъ церквей слушати, или убо апостоли восточныхъ людей однихъ научили, а прочихъ языкъ не онѣ ли учили?" Во второй же половинѣ, та часть гдѣ говорится о перекрещиваніи протестантовъ есть не что иное какъ незначительная передѣлка и примѣненіе къ протестантамъ соборнаго опредѣленія 1620 года о перекрещиваніи латинъ, а часть о датскихъ киркахъ могла быть написана однимъ „попомъ Иваномъ". Не безъ причины въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, какъ видѣли, вторая часть главы стоитъ отдѣльно отъ первой, и между ними находятся бѣлые листы; въ рукописи Царскаго она представляетъ даже особыя главы.

По возвращеніи въ Москву, Насѣдка, очевидно, усердно занялся изученіемъ протестантскаго вѣроученія, имѣя подъ рукой не одни полемическія сочиненія, но и самый лютеранскій Катихизисъ въ русскомъ переводѣ. Въ послѣдствіи, во время своего спора съ пасторомъ Матвѣемъ Фильгоберомъ, онъ писалъ (1644): „я, попъ Иванъ, знаю что Мартинъ въ Катихизисѣ ихъ о Десятословіи къ Моисею все развелъ на укоризну и Грекамъ, и намъ; и тотъ разводъ Мартинова ученія у меня, грѣшнаго, есть, и патріарху государю про то извѣстно, да въ люди ту книгу казать мнѣ не для чего, а буде положитъ Матвей то ученіе явно, и той всей вражьей книгѣ готовый отвѣтъ у меня есть.“ * Хотя на поляхъ имѣвшагося у него экземпляра Катихизиса Лютера онъ и дѣлалъ различныя критическія замѣтки **, но подъ „готовымъ отвѣтомъ“ всего естественнѣе подразумѣвать „Изложеніе на лютеры“, гдѣ видимъ извѣстный уже намъ его литературный пріемъ. Какъ прежде въ „Рѣчи“ къ патріарху Филарету, онъ и здѣсь пользовался уже готовымъ, составляя изъ него цѣлый богословско-полемическій противопротестантскій сборникъ, съ прибавкой по мѣстамъ своихъ вставокъ, а можетъ-быть и цѣлыхъ главъ. Въ сатирѣ на лютеранскія кирки и нравы протестантовъ виденъ авторъ сочиненія противъ Антонія Подольскаго. Весьма вѣроятно что ему же принадлежитъ переводъ съ бѣлорусскаго сочиненія *О образѣхъ*, легшаго въ основу „Изложенія на лютеры“: недолго спустя онъ, по порученію Филарета, разсматривалъ „Учительное евангеліе“ Транквилліона, написанное на бѣлорусскомъ нарѣчіи.

Изъ скольких сочиненій составился новый сборникъ опредѣлить нельзя. Первыя 12 главъ, какъ мы видѣли, представляютъ

* Рукопись Моск. Син. Библ., № 279 нов. кат. л. 255.

** Въ библ. Моск. Дух. Ак. есть копія 1665 (҂зрог) года съ этого экземпляра (рукоп. № 213; что это копія, видно изъ замѣтки на 149 л. об.: „Сія припись была на подлинной книгѣ, которую давалъ Іванъ Насѣдка“. Въ началѣ ея, предъ предисловіемъ, читаемъ: „Книгу богохулну еретику Мартину Лютеру, ею жъ прельсти многихъ языкъ, намъ же христіаномъ православнымъ ничто же ино у ней, развѣ на обличеніе ихъ богохулнаго закону; понеже еретикомъ обычай: начинаетъ благочестіемъ, а все даетъ еретическое свое ученіе, якожь среди пшеницы плевела; и кто не наученъ до конца православія догматъ, и тотъ спросту и безъ хитрости почитаетъ еретическія плевелы за пшеницу. Сего ради здѣ на сей книгѣ по полемъ намѣчены обличенія на еретическая его злоумышленныя собранія.“

прямой переводъ съ бѣлорусскаго сочиненія *О образѣхъ*; судя по тому что въ послѣдующей части сборника нѣкоторыя главы слишкомъ не сходны между собою по характеру изложенія (напримѣръ, 14 и 21, 18, 24 и 25 въ сравненіи съ остальными), и въ виду того что главы говорящія объ одномъ и томъ же предметѣ иногда не стоятъ рядомъ, можно предположить что и вторая часть сборника составлена изъ нѣсколькихъ сочиненій, которыя, по мѣрѣ нахожденія и изготовленія, авторъ присоединялъ одно къ другому, хотя, въ большинствѣ случаевъ, и нѣтъ возможности указать какими сочиненіями онъ пользовался *, какъ и самое время написанія ихъ **. Несомнѣнно одно что сорокасемиглавый сборникъ былъ оконченъ не позднѣе начала сороковыхъ годовъ ***. Это была пора когда въ Москвѣ

* Католическіе монахи и польскіе католическіе паны слишкомъ много прилагали старанія объ истребленіи и скрытіи православно-русской и особенно богословской литературы. См., напримѣръ, *Акт. Зап. Россіи*, IV, 204.

** О времени написанія первыхъ 12 главъ мы уже говорили. Въ 18 главѣ есть такое указаніе времени. „У васъ убо“, возражали лютеране православнымъ, „нынѣ лѣто пишется ҂ѯ҃рл, у насъ же еще шестая тысяща идетъ; и у васъ убо въ книгахъ вашихъ написано, яко Христосъ родился въ лѣто ҂е҃ф, у насъ же не въ шестой тысящѣ родился Христосъ, но въ четвертой... а отъ Рождества Христова по се время ҂ах҃ка» (Рук. Син. Библ. въ 47 главъ, № 274, л. 237 об.; въ 49ти главыхъ рукописяхъ, синодальной № 275, л. 219, С.-Петерб. Духовной Академіи, л. 110 об., Барсова, л. 131—132, вмѣсто «҂ѯ҃рл» года стоитъ впрочемъ «҂ѯ҃рмѯ» годъ, но «҂ах҃ка» годъ отъ Рождества Христова остается не измѣннымъ). Отсюда видно что 18 глава явилась въ 1622 году, но упоминаемый 1621 годъ относится ли къ появленію южнорусскаго подлинника, или славянорусскаго перевода, сказать нельзя; судя по тому что эта дата не измѣняется въ различныхъ рукописяхъ, можно думать всего скорѣе что къ подлиннику.

*** Подъ рукописью Царскаго, № 394, л. 503 об. (Строевъ, *Описаніе*, 461), какъ уже видѣли, означено: „Совершена бысть сія книга въ лѣта 7150 (1642) года іюля въ 14 день“. На экземплярѣ рукописи Моск. Дух. Акад., № 178, находится припись: „Рнд года маія въ ѕ день списывана сія книга, отвѣты и обличенія на различные еретическіе вѣры люторскіе и римскіе и латынскіе и иныхъ, въ Якутскомъ острогѣ съ книги, которая куплена на Москвѣ въ прошломъ въ рмѳ (1641) году съ Покровки отъ Пречистыя исъ Кожевниковъ у пономаря Ивана Иванова.“

поднималась сильная агитація противъ протестантовъ и ихъ кирокъ, причинявшихъ православно-русскому населенію различные матеріальные убытки и оскорблявшихъ его религіозно-нравственное чувство; * тогда же возобновлялся вопросъ о бракѣ въ царской семьѣ съ нѣмецко-протестантскимъ принцемъ подъ условіемъ перекрещиванія иновѣрнаго лица. Отсюда—своевременность даннаго полемическаго сочиненія. Если оно и не представляло всей противопротестантской системы, вопросы отвлеченные едва, можно сказать, затрогивались, а основнаго протестантскаго догмата, объ оправданіи, совсѣмъ не касалось, да и весь споръ вращается преимущественно около внѣшнихъ сторонъ разбираемыхъ предметовъ; хотя въ расположеніи статей и главъ оно болѣе походило на простой, довольно механическій сборникъ богословско - полемическихъ противопротестантскихъ статей чѣмъ на особое систематически-цѣльное сочиненіе, а въ доказательствахъ встрѣчаются иногда не оправдываемыя историческою критикой: монашество, напримѣръ, будто бы уже во времена апостоловъ существовало въ томъ видѣ въ какомъ оно было при жизни автора; иные доказательства отличаются наивно - казуистическимъ характеромъ, таковы доказательства о крещеніи апостоловъ; такія главы, какъ 18я, о лѣтосчисленіи, не могли быть понятны многимъ читателямъ; но все же это былъ трудъ тогда весьма полезный. Помимо уже его содержательности, сочиненіе было важно тѣмъ что опровергаемыя возраженія были взяты изъ жизни, хотя по преимуществу южно-русской, но отсюда, въ силу извѣстнаго сходства въ положеніи, отчасти и сѣверно-русской; по мѣстамъ оно являло плодъ устной бесѣды, по мѣстамъ опровергало писанныя сочиненія, иныя главы составлены были на тотъ разъ еслибы православнымъ случилось завести съ протестантомъ бесѣду о томъ. Православный читатель могъ запастись здѣсь готовымъ и довольно вѣскимъ отвѣтомъ на кругъ наиболѣе распространенныхъ возраженій противниковъ и обоснованнымъ взглядомъ на протестантство. Его должно было привлекать богатство доказательствъ изъ Св. Писанія, наиболѣе въ данномъ случаѣ убѣдительныхъ, такъ какъ протестанты любили ссылаться именно на Св. Писаніе. Важно также что авторъ не ограничился защитой православнаго ученія, но иногда пере-

* См. наше изслѣдованіе *Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ.* М., 1886, гл. I.

ходитъ въ прямое наступленіе, разоблачаетъ и изобличаетъ протестантовъ, ихъ образъ жизни и ихъ мысли. Рѣзкій тонъ изобличеній, которымъ вообще отличается большинство дополнительныхъ главъ, не только не ослаблялъ впечатлѣнія, но, соотвѣтствуя тогдашнему настроенію и взгляду на формы борьбы, еще усиливалъ его. Съ другой стороны, если сами противники допускали прямое глумленіе, если они выставляли такія возраженія что подвижнику Пахомію являлся не ангелъ, но бѣсъ въ одеждѣ чернеца: то что же удивительнаго если и нашими, въ пылу обоюднаго спора, первая правдоподобная догадка выдается за несомнѣнное доказательство, и опроверженія ихъ вращаются по преимуществу въ средѣ тѣхъ же внѣшнихъ сторонъ, въ которой держатся противники? Главныя же теоретическія, оспариваемыя врагами, православныя истины указаны прочно; всюду, въ вопросахъ вѣроученія, высказывается вѣрный православный взглядъ. Замѣтки на нѣкоторыхъ рукописяхъ сборника, въ родѣ „книга мудра и удобна", * и, судя по количеству сохранившихся экземпляровъ, необыкновенно широкое распространеніе его, указываютъ на тотъ авторитетъ какимъ пользовалось данное сочиненіе у своихъ современниковъ. Въ немъ они въ одномъ мѣстѣ находили почти все наиболѣе цѣнное бывшее тогда въ обращеніи противъ протестантовъ. Такъ-называемый „Просвѣтитель литовскій" ** и другіе извѣстные полемическіе сборники направлялись не столько противъ протестантскихъ сектъ сколько противъ латинянъ *** и обыкновенно содержатъ по частямъ тѣ же главы что и въ разсмотрѣнномъ нами сборникѣ; особенно часто встрѣчаются первыя 12 главъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

ДМ. ЦВѢТАЕВЪ.

---

* Такая подпись находится, напримѣръ, на рукописи Моск. Синод. Библіотеки, № 274, л. 506.

** Подробно описанъ въ описаніяхъ рукописей Царскаго, № 461, Ундольскаго, № 426, Каз. Дух. Акад. №№ 317—319 воск. кат., и др. На экземплярѣ Каз. Дух. Ак. № 319, носящемъ заглавіе: „Изложеніе о вѣрѣ", есть помѣта указывающая на 1658 годъ.

*** Замѣчательно что противъ Латинянъ и уніатовъ у насъ съ южно-русской литературы переводились и составлялись тогда не только сборники, но переводились и такія большія спеціальныя сочиненія какъ Апокрисисъ Христофора Филарета (изслѣдов. о немъ проф. Скабаллановича). Экземпляръ такой рукописи хранится въ собраніи Барсова; на первыхъ листахъ ея читается помѣта: „сія книга глаголемая [illegible] Григорья Карповича Богданова Апокрисисъ."

ДѢТИ СОЛНЦЕВЫХЪ *

Изъ записокъ институтки двадцатыхъ годовъ.

Blonde enfant qui deviendras femme,
Pauvre ange qui perdra ton ciel.
Las comte de Lisle.

IV.

— Прочти вотъ это сама, дѣточка, сказала Катя, подавая Линѣ небольшую, въ роскошномъ переплетѣ книжку съ выбитыми на корешкѣ, золотомъ, начальными буквами Лины.— Вотъ мы остановились здѣсь: „Prascovie marchait un soir le long des maisons d'un village и до сихъ поръ Dès qu'ils la crurent endormie.“ Только это, не больше, и разкажи мнѣ.

— Нѣ-ѣтъ! Вы обѣщали сами читать; а что̀ вы говорите? когда обѣщаешь.... начала Лина.

— Надо исполнять. Да я и буду тебѣ читать; дай мнѣ только написать нѣсколько строкъ домой. Мнѣ бы хотѣлось сдѣлать это сегодня... Впрочемъ, я могу написать и вечеромъ, когда ты ляжешь спать, вдругъ точно одумавшись сказала Катя.

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 1, 2, 3 и 4.

— Нѣтъ, нѣтъ, душечка, если вамъ надо, пишите теперь. Я буду читать, дѣлать нечего.—Лина взяла книгу и отходя отъ Кати сказала вздыхая:—Слушать когда читаютъ я люблю, но читать.... скажите вашей maman отъ меня что я васъ очень, очень люблю, добавила она чрезъ минуту.

Катя встала со своего мѣста, подошла къ Линѣ, обняла ее и крѣпко поцѣловала.

— Это я за себя, а вотъ и за нихъ, сказала она, еще разъ цѣлуя ее.—Непремѣнно напишу; это такъ порадуетъ мою дорогую, бѣдную маму....

Лина стала читать, а Катя писать свои, какъ она думала, нѣсколько строкъ; но позвонили къ обѣду, а письмо Кати еще не было окончено. Она писала, писала, и чѣмъ болѣе писала, тѣмъ болѣе находилось у ней мыслей и чувствъ, которыя надо было высказать. Въ этотъ день на душѣ Кати было такъ хорошо, такъ радостно. Она чувствовала такую признательность и къ Павлу Михайловичу, который наконецъ сталъ говорить съ ней какъ съ существомъ разумнымъ (потому что до сихъ поръ онъ или не обращалъ на нее никакого вниманія, или поддразнивалъ ее, разказывая самые глупые, безсмысленные анекдоты, въ большей части которыхъ институтки, и непремѣнно идіотки, играла роль посмѣшища), и къ Софьѣ Григорьевнѣ, которая, хотя и оскорбила ее, даже сегодня, но за то потомъ, несмотря на ея, Катинъ, порывъ, такъ ласково, съ такою добротой посмотрѣла на нее, и чувствуя эту признательность, Катя думала: „вѣрно и *она*, Mme Вадимова, теперь перемѣнится ко мнѣ и будетъ съ этого дня добрѣе, справедливѣе,“ и думая это чувствовала себя не такою одинокою, какъ до этого дня; ей казалось что она счастлива, и каждая фраза ея письма дышала дѣйствительно и счастьемъ, и такою теплотой, такою вѣрой и надеждой въ будущее, что она сама, пробѣгая дописанное письмо, сказала себѣ: „Теперь они, мои дорогіе, совсѣмъ успокоятся, а то хотя я и ничего не писала имъ *объ этомъ*, но мои письма были такія... „неопредѣленныя“, рѣшила она, подумавъ немного. „Теперь, если только Господь благословитъ, и я останусь здѣсь, мамѣ будетъ гораздо легче жить; ей не придется отказывать себѣ во всемъ, и Лёву можно будетъ отдать на полный пенсіонъ, и Александрѣ Семеновнѣ и Андрею Петровичу ихъ подвигъ будетъ не такъ труденъ.“

Сознаніе что она, Катя, можетъ быть помощницей въ

семьѣ наполняло ея душу такимъ счастіемъ что ей хотѣлось обнять весь Божій міръ. На радости она осчастливила Меланью, подаривъ ей изъ своего богатства новенькую синенькую бумажку.

Меланья разчувствовалась до слезъ, долго причитала, поясняя, какъ въ крестьянствѣ деньги дороги, и какъ ихъ трудно добыть, и кончила тѣмъ что пожелала Катѣ жениха хорошаго.

Пока Лина одѣвалась, Катя торопливо дописала письмо, заклеила его и, надписавъ конвертъ, вложила въ него двѣсти пятьдесятъ рублей.

Дней черезъ шесть послѣ отправки Катей денегъ, за утреннимъ чаемъ, Павелъ Михайловичъ, разбирая почту, подалъ Катѣ два письма.

— Какія, почтенныя! сказалъ онъ, взвѣшивая письма на ладони,—листковъ по шести въ каждомъ не меньше. Вѣрно отъ институтокъ! сказалъ онъ, улыбаясь.

— Нѣтъ, это навѣрное не отъ институтокъ. Вотъ это изъ дому, сказала Катя, взглянувъ на конвертъ,—а это отъ Марины Ѳедоровны Милькѣевой.

Катя положила письма подлѣ своего прибора и стала завтракать, но на этотъ разъ завтракъ показался ей еще длиннѣе обыкновеннаго. Когда же наконецъ, послѣ долгаго ожиданія, она получила разрѣшеніе встать изъ-за стола и надѣялась пойти сейчасъ же читать письма, лакей доложилъ что пріѣхали господа Туговицкіе съ дѣтьми. Катя положила оба письма за корсажъ и пошла съ Линой на встрѣчу буйной командѣ, состоявшей изъ четырехъ мальчиковъ, которыхъ родной отецъ никогда иначе не называлъ какъ „мои головорѣзы", и одной дѣвочки Лининыхъ лѣтъ, хорошенькой, зеленоглазой, съ длинными черными рѣсницами блондинки, которая по шаловливости и живости стоила всѣхъ четырехъ братьевъ, взятыхъ вмѣстѣ.

Такъ письма и остались непрочитанными утромъ.

Придя наконецъ вечеромъ къ себѣ въ комнату, уже въ исходѣ десятаго, Катя передала Лину Меланьѣ. „Вотъ вѣдь опять не удалось намъ заняться сегодня; и твой разказъ, и мое чтеніе опять приходится отложить до завтра. Хорошо если завтра намъ никто не помѣшаетъ!" сказала она, прощаясь съ дѣвочкой. „Будь умница, засыпай скорѣе, а я теперь прочту свои письма", добавила она, и несмотря на то что

[illegible] стала не раздѣваясь читать письма. Она читала [illegible] одно за другимъ: сначала письмо матери, потомъ Александры Семеновны съ припиской Андрея Петровича, потомъ [illegible] написанную записочку Вари и наконецъ [illegible] строки каракулей Лёвы.

[illegible] эти письма, она медленно перенеслась въ Петербургъ, въ [illegible], [illegible], уютную, дышащую спокойствіемъ, дружбой и скромнымъ довольствомъ квартиру [illegible] [illegible] покорное, но все еще [illegible] видъ матери. Увидѣла милое, [illegible] Александры Семеновны [illegible]

[illegible]

бы и гораздо интереснѣе, но Авдотья Егоровна строго-настрого запретила ей говорить объ этомъ „барышнѣ на сонъ грядущій; какъ проснется дитя, ну и чеши языкъ тогда, коли молчать не въ моготу“, сказала ей старушка очень строго, „а на ночь—нельзя“...

— Въ Покровское?! Въ четвергъ?! спросила Катя.

— Въ четвергъ, матушка, въ четвергъ. Лошади къ шести часамъ заказаны. Выѣдутъ въ сумерки, какъ жаръ спадетъ. По холодку-то легче, да, сказала Меланья нагибаясь и прикладывая руку къ своему лицу.—Такъ ничего не нужно? спросила она, не двигаясь съ мѣста.

— Ничего, голубушка, спасибо. Покойной ночи, отвѣчала Катя.

„Ну, развѣ не счастливый день? Въ четвергъ въ Покровское!“ думала Катя, доставая изъ втораго конверта нѣсколько листковъ мелко исписанной почтовой бумаги. Она посмотрѣла подписи, улыбнулась, отложила три листочка въ сторону и стала читать четвертый.

„Долго же ты, Катюша, разбираешься въ своихъ мысляхъ,“ читала она. „Не похоже это что-то на тебя. Признаюсь, меня начинаетъ это не на шутку безпокоить. Вчера была здѣсь твоя сестра, она привозила мнѣ твои письма для прочтенія. Я прочла ихъ и о тебѣ изъ нихъ ничего не узнала, кромѣ, впрочемъ, того что ты все такая же добрая, заботливая и любящая дочь и сестра какою я тебя знаю съ дѣтства. Узнала еще что домъ Вадимовыхъ—дворецъ изъ „тысячи и одной ночи“, точно также какъ и ихъ садъ, паркъ и оранжереи. Узнала что у нихъ съ утра до ночи гости и суматоха, которые очень и очень утомляютъ мою бѣдную, не привыкшую къ свѣтской жизни институтку. Узнала еще кое-какія подробности о милой, симпатичной дѣвочкѣ, твоей воспитанницѣ, но не узнала ничего касающагося тебя лично, твоего духовнаго состоянія и того положенія которое ты заняла въ семьѣ Вадимовыхъ. А это самое главное и единственно для меня важное. Читая между строкъ, я вижу что у тебя на сердцѣ есть что-то тяжелое, что ты съ перваго же шага въ жизни встрѣтила какія-то огорченія, боюсь чтобы не было чего хуже... и потому прошу тебя, мое милое дитя, не разбирайся далѣе въ мысляхъ, а свали ихъ въ конвертъ въ томъ хаосѣ какъ есть и перешли мнѣ по почтѣ. Авось разборка пойдетъ легче и успѣшнѣе, когда мы вдвоемъ примемся за нее. Буду съ нетерпѣніемъ ждать твоего письма...“

Дочитавъ письмо Марины Ѳедоровны, писавшей болѣе о воспитанницахъ, объ институтѣ, о Варѣ, и пр., и пр., и пр., Катя прочла письма подругъ. Всѣ три письма были полны описаніями побѣдъ которыя дѣлаетъ Варя, описаніями платьевъ въ которыхъ она пріѣзжала въ институтъ, ея разговоровъ и всевозможныхъ толковъ о ней. Въ одномъ письмѣ говорилось, между прочимъ, что Варя „ужасно похорошѣла“, что ей уже два раза дѣлали предложеніе, что одному „prétendant“ она отказала, другому еще не дала положительнаго отвѣта, потому что Александра Семеновна и слышать не „захочетъ“ объ этомъ женихѣ, такъ какъ у ней, Александры Семеновны, есть свои какіе-то планы, пока еще неизвѣстные ей, барышнѣ писавшей письмо.

Изъ письма Александры Семеновны Катя знала уже о какихъ планахъ шла рѣчь. „Да,“ думала она, „чѣмъ-то это у нихъ все кончится? Не рано ли задумали? Варя ни на что еще не умѣетъ смотрѣть серіозно: и на замужество, конечно, будетъ смотрѣть какъ на новое развлеченіе. Врядъ ли она и полюбить серіозно можетъ, въ особенности если, какъ пишетъ Александра Семеновна, *онъ* человѣкъ солидный, не первой молодости, очень уменъ, серіозенъ и обладаетъ качествами, по понятіямъ Вари, все отрицательными. Варѣ нуженъ блескъ, шумъ“, думала Катя. „Она тогда, еще до выпуска, какъ-то говорила: „„мой мужъ будетъ непремѣнно красавецъ, высокій, „съ длинными черными усами, черными *какъ ночь* глазами; „мы съ нимъ будемъ ѣздить въ театръ и на балы каждый день; „когда мы будемъ входить въ ложу или подъ ручку въ залу, „онъ, въ мундирѣ съ иголочки, я, разодѣтая, въ цвѣтахъ, всѣ, „всѣ будутъ спрашивать другъ друга: кто это? кто этотъ красавецъ?...““

Катя улыбнулась при этихъ воспоминаніяхъ и, представивъ себѣ Варю солидною дамой, въ чепцѣ, она взяла карандашъ и стала чертить женскія головки въ разныхъ поворотахъ. Она уже нарисовала болѣе дюжины и нѣкоторыя изъ нихъ были очень похожи на Варю, но какъ только она прибавляла къ головѣ чепецъ, выходили каррикатуры.

„Какъ-то она сама пишетъ объ этомъ!“ подумала Катя и, доставъ изъ конверта записочку Вари, она прочла ее еще разъ.

„Душка Катя!

...а рѣшится моя судьба. Какъ? Я тебѣ тогда напишу.

Пока еще сама не знаю. Писать не могу, ужасно тороплюсь. Въ два часа за мной пріѣдетъ Аркадій Васильевичъ; ты его не знаешь, впрочемъ, это Брадке, мужъ Эмиліи Даниловны, которая... которая... хлопочетъ обо мнѣ, какъ мать родная. Онъ ждать не станетъ, а у меня дѣла по горло!"

„У Вари дѣла! Варя занимается дѣлами! Какъ это не похоже на нее," подумала Катя: „Александра Семеновна особенно желаетъ этой свадьбы, дай Богъ!" продолжала она размышлять потомъ. „Конечно она лучше знаетъ; и что правда, то правда; Варѣ надо мужа разумнаго, съ характеромъ, такого который бы любилъ ее, но который бы могъ держать ее въ рукахъ, и котораго бы она непремѣнно любила, а то ничего хорошаго изъ этого не выйдетъ."

Мысли о Варѣ и ея предстоящемъ замужествѣ такъ заняли и развлекли Катю что она не могла думать о себѣ самой. Катя сидѣла съ перомъ въ рукахъ передъ тетрадкой почтовой бумаги и думала, думала... и подъ ладъ своимъ думамъ чертила разныя фигуры... Такъ въ этотъ вечеръ письмо Маринѣ Ѳедоровнѣ и не написалось.

На слѣдующій день Катю разбудилъ, ранѣе обыкновеннаго, веселый голосъ Лины.

— Катерина Дмитріевна, душечка, вы знаете? Мы въ четвергъ уѣзжаемъ къ дядѣ Сережѣ. Вставайте, пожалуста, идемте скорѣе чай пить! говорила Лина.

— А ты любишь ѣздить къ дядѣ Сережѣ? спросила Катя, садясь на постель! потягиваясь и зѣвая во весь ротъ.

— Еще бы! Тамъ „ужасно" весело, отвѣчала Лина.—Когда мы пріѣхали туда послѣдній разъ, дядя устроилъ намъ иллюминацію. Мы ѣдемъ, а по всей аллеѣ разноцвѣтные фонари горятъ; такъ красиво! чудо! а у подъѣзда съ обѣихъ сторонъ много, много фонарей, все розовые и темнозеленые, такъ поставлены: все выше, выше...

Дѣвочка нагнулась къ полу, подняла сначала руку на пол-аршина отъ него, потомъ выше, выше и наконецъ вытянула руку сколько могла надъ своею головой.

— Точно огромнѣйшіе кусты розъ, а за этими кустами играла музыка, продолжала она оживленно, и личико ее свѣтилось радостью.—Дядя ужасно любитъ музыку, сказала она, тряхнувъ головой.—А вы играете? спросила она вдругъ Катю.

— Немножко, отвѣчала Катя, поспѣшно расчесывая свою длинную косу.

— Готовы? спросила Лина черезъ нѣсколько минутъ, видя что Катя задвигаетъ ящикъ своего стола.

Катя отвѣчала утвердительно.

— Вы опять разсердитесь, Катерина Дмитріевна, сказала Лина, когда они пошли къ чаю; дѣвочка была видимо сконфужена, хотя старалась быть смѣлою,—а все-таки нельзя говорить, продолжала она запинаясь,—что̀ мы знаемъ... объ нашемъ отъѣздѣ.

— Нельзя? хорошо что сказала; а то я первымъ дѣломъ заговорила бы, сказала Катя, и первый разъ не спросила почему нельзя.

Столовая въ этотъ день была, какъ показалось и Катѣ, и Линѣ, какъ-то особенно непривѣтлива. Столъ былъ накрытъ какъ всегда, какъ всегда были на немъ наставлены разныя вкусныя съѣдобныя вещи, но кресло Павла Михайловича было пусто, а Софья Григорьевна, откинувшись на спинку высокаго рѣзнаго стула, внимательно читала какую-то книгу.

Лина, подойдя къ матери, нагнулась и поцѣловала ея руку.

Софья Григорьевна, не глядя на дѣвочку, угломъ губъ прикоснулась къ ея щекѣ и, поднявъ изъ-за книги глаза на Катю, почти незамѣтнымъ кивкомъ едва отвѣтила на ея поклонъ. Затѣмъ, сложивъ книгу, она заложила открытую страницу пальцемъ и держа книгу въ рукѣ, другою рукою, видимо чтобы скорѣе отдѣлаться, налила чашку чаю. Передавая ее лакею, она показала головой на Катю, и, тотчасъ откинувшись попрежнему, стала читать и читала до тѣхъ поръ, пока Лина и Катя скорѣе обыкновеннаго позавтракавъ и выпивъ Катя свою совершенно остывшую чашку чая, а Лина чашку парнаго молока, подошли благодарить ее.

— Nous avons du monde à diner. Il faut que Лина fasse toilette, сказала Софья Григорьевна, не поднимая глазъ отъ книги, и замолчала.

Катя постояла предъ Софьей Григорьевной съ минуту, ожидая дальнѣйшихъ распоряженій.

— Nous dinons plus tard aujourd'hui. Vous descendrez, quan d on viendra vous l'annoncer, прибавила Софья Григорьевна и, видя что Катя все еще продолжаетъ стоять, нетерпѣливо поправившись на стулѣ, вскинула на Катю глаза. Ея сдвинутыя брови и серіозный, вопросительный взглядъ ясно говорили: „Чего стоите? Уходите же!"

Катя покраснѣла до слезъ и, медленно повернувшись, по- ...изъ столовой.

„Кто ихъ знаетъ, какіе у нихъ здѣсь порядки!“ думала она. „Лина doit faire toilette, а я? остаться такъ? пожалуй разсердятся, скажутъ: вѣдь вы знали что будутъ гости. Надѣть бѣлое платье?... Нѣтъ,“ подумала она тотчасъ же. „Еслибы мнѣ надо было faire toilette, Софья Григорьевна сказала бы. А можетъ-быть Софья Григорьевна думаетъ что я сама должна понимать чего требуетъ приличіе?“ вдругъ подумала она. „Можетъ-быть она хочетъ испытать, есть ли у меня врожденный тактъ. Ахъ Господи! Господи! Какіе все это трудные вопросы!.... Надѣну свое mille-fleurs. Оно и простенькое и нарядное,“ рѣшила она наконецъ и успокоилась.

Къ обѣду собралось человѣкъ тридцать гостей,—все почти богатые помѣщики уѣзда. Дамъ было немного, дѣтей на этотъ разъ вовсе не было. Катя и Лина, одѣтая въ бѣленькое, вышитое гладью нарядное платьице, съ широкимъ пестрымъ поясомъ, спускавшимся длинными петлями съ лѣваго бока, вышли въ столовую въ то время когда гости, громко о чемъ-то споря, уже толпились вокругъ стола заставленнаго всевозможными закусками и водками.

— А вотъ и незваный гость! сказалъ вдругъ весело Павелъ Михайловичъ, не бывшій въ столовой, показываясь въ дверяхъ ея и вводя подъ руку упиравшагося и что-то живо говорившаго пожилаго человѣка.—Извините за костюмъ! продолжалъ онъ, быстро поворачивая гостя во всѣ стороны.

— Егоръ Константиновичъ! Горушка! послышались веселые голоса, и многіе изъ стоявшихъ вокругъ стола обернулись и дружелюбно закивали сконфуженному, извинявшемуся за свой лѣтній костюмъ, насильно введенному хозяиномъ гостю.

— Григорій Петровичъ, пропусти-ка вотъ этой! сказалъ громкимъ груднымъ голосомъ высокій, полный красавецъ съ длиннѣйшими черными усами и безпокойными, какъ у буйнаго заводскаго жеребца, глазами, протягивая одною рукой граненый графинчикъ съ какою-то зеленоватою настойкой маленькому человѣчку съ непомѣрно большою головой, насаженною на широкія плечи, а другою рукой, пухлою и бѣлою какъ пшеничное тѣсто, проводя вдоль груди.—Superflu délicatesse! Настоящая „живая вода“!

Красавецъ чмокнулъ сложенные вмѣстѣ кончики пальцевъ лѣвой руки и вдругъ распустилъ ихъ.

— Позвольте и мнѣ рюмочку, сказалъ вновь введенный гость, худой, небольшаго роста, съ темнымъ, почти кирпич-

наго цвѣта лицомъ и густыми, покрашенными въ черную краску волосами пожилой человѣкъ, робко заглядывая въ лицо красавца и протягивая къ нему рюмку.—Юрій Александровичъ, позвольте и мнѣ, повторилъ онъ.—Это листа черной смородины настойка или березовка?

Юрій Александровичъ подмигнулъ Павлу Михайловичу стоявшему противъ него, и налилъ протянутую къ нему пожилымъ человѣкомъ рюмку.

Павелъ Михайловичъ сдѣлалъ шагъ впередъ, живо выхватилъ изъ руки пожилаго человѣка рюмку, выпилъ ее залпомъ и сказавъ: „за твое здоровье Горушка!“ громко засмѣялся и поставилъ рюмку на столъ.

Пожилой человѣкъ, не ожидавшій этого, быстро обернулся.

— Павелъ Михайловичъ! увидѣвъ хозяина протянулъ онъ, какъ будто удивившись и чему-то обрадовавшись.—Тамъ другія есть! прибавилъ онъ, повернувшись къ столу и протягивая руку къ поставцу.

— Есть, да не про твою честь! Такъ, кажется, говорятъ? сказалъ Павелъ Михайловичъ, отодвинувъ какъ можно далѣе поставецъ съ рюмками и продолжая смѣяться.

Пожилой человѣкъ поднялъ взглядъ на хозяина. Въ его жалкихъ, маленькихъ, безцвѣтныхъ, обрамленныхъ воспаленными, безволосыми вѣками глазахъ можно было прочесть и укоръ, и искательство, и томящую тоску.

Павелъ Михайловичъ отвѣтилъ на этотъ взглядъ широкою улыбкой и, сдѣлавъ знакъ Григорію Петровичу, чтобъ онъ отвлекъ вниманіе старичка, взялъ со стола большую рюмку, живо насыпалъ въ нее соли, сыпнулъ безъ мѣры толченаго перцу и, хлопнувъ Егора Константиновича по плечу, протянулъ ему рюмку.

Егоръ Константиновичъ поклонился и уже хотѣлъ взять ее, но Павелъ Михайловичъ вдругъ отдернулъ и сказавъ: „постой, впрочемъ“, взялъ изъ рукъ Юрія Александровича графинчикъ, налилъ рюмку верхомъ и передавая ее въ руки старичка спросилъ: „А отчего онъ умеръ?“

Егоръ Константиновичъ повернулся къ хозяину и сталъ подробно отвѣчать на вопросъ слишкомъ ему близкій, но вдругъ замолчалъ и, подержавъ передъ собою рюмку, машинально, не посмотрѣвъ въ нее, поднесъ ее къ губамъ, опрокинулъ въ ротъ и проглотилъ смѣсь. Въ одно мгновеніе глаза его испуганно остановились, лицо побагровѣло, и онъ сильно *закашлялся.*

— Ничего, ничего, заѣшь грибками, заѣшь, заговорилъ хозяинъ заливаясь также какъ и гость громкимъ смѣхомъ и протягивая старичку тарелку съ мариноваными грибами.

— Позвольте, проговорилъ сквозь удушающій кашель Егоръ Константиновичъ, порываясь уйдти.—Поозвооль-те!

— Э-э, нѣтъ! шутишь! Уговоръ лучше денегъ! Сказано долженъ отобѣдать! сказалъ Павелъ Михайловичъ, удерживая старичка за плечо,—а тамъ и ступай, просить никто не станетъ.

Катя и Лина стояли передъ своими приборами какъ разъ противъ стола съ закуской и видѣли всю эту сцену. Лина видимо принимала живое участіе во всѣхъ подробностяхъ и отъ души разсмѣялась когда Егоръ Константиновичъ, проглотивъ водку, замеръ на минуту съ открытымъ ртомъ и выпученными глазами и вдругъ раскашлялся такъ что слезы градомъ потекли изъ его затуманенныхъ глазъ.

„Чтò же это такое?“ увидя то же самое подумала Катя, мѣняясь въ лицѣ. „Неужели это Павелъ Михайловичъ? Павелъ Михайловичъ Вадимовъ, серіозный, образованный человѣкъ, богачъ, помѣщикъ, отецъ семейства?! У себя въ домѣ, въ присутствіи жены, дочери, дамъ, цѣлаго собранія почтенныхъ людей, своихъ знакомыхъ! И неужели такія сцены возможны въ порядочномъ обществѣ? Неужели этотъ старичекъ не уйдетъ отсюда? Неужели онъ послѣ этого еще останется обѣдать? Неужели онъ не пойметъ что надъ нимъ издѣваются?“ продолжала она думать, блѣдная отъ волненія, съ холодными какъ ледъ руками...

— А правда, хороша? услышала она вдругъ за спиной чей-то пониженный мужской баритонъ.—Лакомый кусочекъ, ma foi! Потрудиться стóитъ! Юрочка, ты какъ думаешь?

— Если хозяинъ разрѣшитъ, не очень громко отвѣчалъ другой голосъ. Павелъ Михайловичъ, qu'en dira tu? Не приревнуешь?

— Bonne chance, mon cher! услышала она голосъ Павла Михайловича.

Голоса смолкли. Говорившіе прошли.

Стали садиться за столъ. Катя сѣла на обыкновенное свое мѣсто рядомъ съ Линой. По другую ея сторону остановился тотъ красавецъ котораго, какъ слышала Катя, называли Юріемъ Александровичемъ. Онъ положилъ одну руку на спинку стула, другою сталъ вытягивать и закручивать кончики своихъ длинныхъ усовъ.

— Все растете, барышня! вдругъ сказалъ онъ, перегнувшись предъ Катей и протягивая Линѣ свою руку.—Совсѣмъ невѣста! Не оглянетесь какъ мы васъ къ вѣнцу повеземъ.

Лина покраснѣла и присѣвъ молча положила свою руку въ его.

— Что? учитесь? Или у васъ тоже, какъ ихъ называютъ, Hundstage? А? такъ я говорю? Hundstage?

— Такъ, но я учусь, хотя теперь немного, сказала Лина, еще болѣе краснѣя.

— И хорошо учится ваша воспитанница? спросилъ Юрій Александровичъ, повернувъ свое красивое лицо къ Катѣ и смотря прямо въ ея глаза большими, карими, смѣлыми глазами.

— Хорошо, насколько можно отъ нея требовать отвѣчала Катя.

— А англійскихъ королей знаете? Можете назвать ихъ всѣхъ по порядку? спросилъ Юрій Александровичъ опять нагибаясь къ Линѣ.

Лина сконфузилась и ничего не отвѣтила.

— Вотъ у моей дочери, сказалъ Юрій Александровичъ, вдругъ выпрямляясь и опять уставивъ глаза на Катю,—замѣчательная страсть, положительно страсть къ исторіи. И память—поразительная! Англійскихъ королей, напримѣръ, какъ начнетъ, такъ безъ запинки трррр... до послѣдняго, сказалъ онъ громко.

Юрій Александровичъ всегда говорилъ очень скоро, очень ясно и имѣлъ обыкновеніе никогда не выслушивать ни отвѣтовъ, ни возраженій, ни объясненій.

Задвигали стульями, стали садиться.

Mademoiselle, me permettez vous d'être votre cavalier servant? спросилъ онъ, расправляя салфетку, закладывая конецъ ея себѣ за воротъ рубашки и нагибая голову въ сторону Кати. Юрій Александровичъ нагнулся такъ близко что коснулся усомъ плеча Кати.

Брови Кати сдвинулись; она незамѣтно, чуть подвинулась къ Линѣ и, сказавъ спокойнымъ голосомъ: „Merci, Monsieur, j'ai l'habitude de me passer de tout service", заговорила о чемъ-то съ дѣвочкой.

— Какъ вамъ нравится Затишье? спросилъ Юрій Александровичъ, сѣвъ за столъ.—Я думаю, раемъ показалось послѣ институтской тюрьмы? Мм?

— Почему вы думаете что институтъ—тюрьма? спросила Катя, взглянувъ на него.

— Почему?! Потому что оно такъ есть.

— Напрасно вы такъ думаете. Я бы въ этой тюрьмѣ всю жизнь осталась и считала бы себя счастливою.

— Вотъ какъ?! Не вѣрю. Вы были бы ужь слишкомъ не взыскательны. Впрочемъ, есть натуры которыя привыкаютъ ко всему, даже къ тюрьмѣ. Э-э! да не оставили ли вы тамъ своего сердечка? Признайтесь, я никому не скажу, вдругъ произнесъ, точно сообразивъ что-то Юрій Александровичъ, понижая голосъ, и нагнулся къ самому уху Кати.

Катя живо отстранилась.

— Вы отгадали, сказала она просто.—Часть моего сердца, бо́льшая, осталась дома, а меньшая въ институтѣ.

— Ооо! А сюда-то съ чѣмъ же вы пріѣхали? Барышня съ такими глазками и безъ сердца! Э, это невозможно. Laissez moi vous dire à l'oreille... сказалъ Юрій Александровичъ, опять нагибаясь.

— Сюда я привезла то чему научилась въ институтѣ и что̀ должна передать своей ученицѣ, сказала Катя волнуясь, и придвинувшись насколько было возможно къ Линѣ, она стала очень живо разговаривать съ ней.

Юрій Александровичъ началъ ѣсть супъ съ завиднымъ аппетитомъ, отправляя въ ротъ одинъ за другимъ маленькіе пирожки (которыхъ онъ ссыпалъ себѣ полную тарелочку), цѣликомъ, не разрѣзая ихъ.

— Посмотрите какъ Юрій Александровичъ ѣстъ, сказала вдругъ Лина, смѣясь и, сдѣлавъ видъ что кладетъ себѣ въ ротъ пирожокъ, она открыла ротъ сколько могла и закрывая его произнесла довольно громко:—Хапъ!—и повторивъ рукой жестъ, повторила еще разъ—хапъ! „Моя Леночка... хапъ! какъ начнетъ англійскихъ королей... хапъ! такъ трррр... безъ остановки“ сказала она, надувъ щеки и стараясь говорить грубымъ голосомъ.

— Полно, Лина! Это неприлично, замѣтятъ... остановила ее Катя.

— Никто не замѣтитъ! До насъ теперь никому дѣла нѣтъ, отвѣчала дѣвочка, прищуривъ глаза и весело смотря на Катю.

— Катерина Дмитріевна, черезъ мгновеніе, шепнула она, взявъ Катю за руку,—знаете что̀ я вамъ скажу?... Вы такая хорошенькая сегодня, прелесть! Послѣ обѣда я вамъ принесу

вѣтку вербены въ волосы, тогда вы будете совсѣмъ такая какъ на картинѣ у папà „красавица“.

— Не шали, дитя, сказала Катя, и оглянувшись на лакея, дотронулась рукой до своего стакана.

Лакей протянулъ руку къ графину, но Юрій Александровичъ, нахмуривъ брови, остановилъ его.

— Чего, братецъ, суешься не въ свое дѣло! сказалъ онъ, взявъ изъ рукъ лакея графинъ и, приблизивъ свое лицо къ Катѣ, произнесъ, стараясь поймать ее взглядъ.—За чтò вы оскорбляете вашего cavaliere servente, который жаждетъ чести служить вамъ?

— Благодарю васъ, сказала Катя придерживая стаканъ рукой, пока Юрій Александровичъ наливалъ ей воду.

— Oh, mon Dieu! невольно прошептала она, обернувшись къ Линѣ.

— Il est insupportable, n'est ce pas? Mais savez vous, il se croit непобѣдимымъ, сказала Лина серіозно.

— Непобѣдимымъ? повторила Катя.—Какъ непобѣдимымъ?

— Oui, il est sûr que toutes les femmes sont amoureuses de lui, пояснила дѣвочка.

— Лина! Гдѣ ты слышишь такія вещи, скажи пожалуста? спросила Катя, сдвинувъ брови.

— Гдѣ?! И папа, и maman, и всѣ такъ говорятъ. Mademoiselle сколько разъ говорила что онъ...

— Не повторяй, дитя, глупостей, сказала Катя, инстинктивно придвигая свой стулъ ближе къ Линѣ.

Лакей, замѣтивъ ея движеніе, подошелъ поправить стулъ.

— Оставьте! прошептала Катя, начавъ что-то очень живо разказывать дѣвочкѣ.

Софья Григорьевна безпрестанно посматривала на Катю и Юрія Александровича. Она видѣла что Юрій Александровичъ интересовался Катей, видѣла что Катя, напротивъ, не только равнодушно, но съ нетерпѣніемъ отвѣчала ему и вообще старалась избѣгать разговора съ нимъ.

„И чтò всѣ они въ ней находятъ, не могу понять!“ думала Софья Григорьевна. „Полнѣйшее отсутствіе кокетства, женственности, умѣнья поддерживать разговоръ и несмотря на то—всѣ какъ сумашедшіе. Павелъ Михайловичъ засматривался на нее, Патоновъ, теперь этотъ еще“...

Обѣдъ между тѣмъ тянулся, и съ каждою минутой становился оживленнѣе и шумнѣе. Отрывочныя фразы, которыя

слышались за суломъ только между сосѣдями, перешли постепенно сначала въ жужжанье, въ которомъ, при стукѣ ножей и тарелокъ, ничего нельзя было разобрать издали, потомъ въ общій громкій говоръ, по временамъ покрываемый двумя-тремя особенно отчетливыми голосами; затѣмъ то тутъ, то тамъ сталъ раздаваться короткій смѣхъ, скоро перешедшій на мужскомъ концѣ стола, центромъ котораго былъ хозяинъ дома, въ дружный, неудержимый хохотъ.

— Regardez, regardez, Катерина Дмитріевна! сказала вдругъ Лина, начиная теребить Катю за руку,—что̀ они съ нимъ дѣлаютъ!

Катя подняла голову. Всѣ лица были обращены въ сторону гдѣ сидѣлъ хозяинъ дома. Павелъ Михайловичъ, красный, смѣющійся, весело что-то говоря наливалъ въ большой стаканъ вѝна изъ разныхъ бутылокъ. Егоръ Константиновичъ, сидѣвшій вторымъ отъ конца, на противуположной отъ Кати и Лины сторонѣ, былъ имъ отлично виденъ. Онъ сидѣлъ какъ-то съежившись. Его маленькое, худое, кирпичнаго цвѣта лицо сдѣлалось желто-краснымъ, губы изображали улыбку, но въ глазахъ было такое жалкое, отчаянное и вмѣстѣ боязливое выраженіе что Катя, поблѣднѣвъ, крѣпко сжала руку Лины въ своей и не выпуская ее прошептала: „Стыдно, Лина, смѣяться надъ несчастіемъ, надъ бѣдностію, надъ слабостію и надъ всякимъ уродствомъ; стыдно, гадко и грѣшно!“

— Ну, amicus, пей для храбрости! сказалъ Павелъ Михайловичъ, съ шумомъ поставивъ до верху налитый виномъ стаканъ на столъ.—И вотъ тебѣ мое слово: экспромтъ на смерть родителя, и ты тотчасъ же, послѣ обѣда получаешь тѣ двѣ тысячи рублей за которыми пріѣхалъ сюда. Получаешь ихъ безъ отдачи. Ну, безъ отговорокъ! слышишь? прибавилъ онъ громко и съ удареніемъ.

Егоръ Константиновичъ взялъ стаканъ смѣси въ лѣвую руку, правою облокотился объ столъ, опустилъ на нее свою голову, посидѣлъ такъ съ минуту, потомъ, встряхнувъ головой, поднесъ стаканъ къ губамъ, выпилъ его залпомъ, всталъ и, замѣтно сдерживая нервную дрожь, проговорилъ твердымъ голосомъ:

Наконецъ, мой отецъ заключенъ ужь въ ларецъ.
Злая смерть и козла на тотъ свѣтъ увезла.

Проговоривъ этотъ экспромтъ, Егоръ Константиновичъ опустился на стулъ, провелъ рукой по лицу, протеръ глаза какъ

вѣтку вербены въ волосы, тогда вы будете совсѣмъ такая какъ на картинѣ у папà „красавица".

— Не шали, дитя, сказала Катя, и оглянувшись на лакея, дотронулась рукой до своего стакана.

Лакей протянулъ руку къ графину, но Юрій Александровичъ, нахмуривъ брови, остановилъ его.

— Чего, братецъ, суешься не въ свое дѣло! сказалъ онъ, взявъ изъ рукъ лакея графинъ и, приблизивъ свое лицо къ Катѣ, произнесъ, стараясь поймать ее взглядъ.—За чтò вы оскорбляете вашего cavaliere servente, который жаждетъ чести служить вамъ?

— Благодарю васъ, сказала Катя придерживая стаканъ рукой, пока Юрій Александровичъ наливалъ ей воду.

— Oh, mon Dieu! невольно прошептала она, обернувшись къ Линѣ.

— Il est insupportable, n'est ce pas? Mais savez vous, il se croit непобѣдимымъ, сказала Лина серіозно.

— Непобѣдимымъ? повторила Катя.—Какъ непобѣдимымъ?

— Oui, il est sûr que toutes les femmes sont amoureuses de lui, пояснила дѣвочка.

— Лина! Гдѣ ты слышишь такія вещи, скажи пожалуста? спросила Катя, сдвинувъ брови.

— Гдѣ?! И папа, и maman, и всѣ такъ говорятъ. Mademoiselle сколько разъ говорила что онъ...

— Не повторяй, дитя, глупостей, сказала Катя, инстинктивно придвигая свой стулъ ближе къ Линѣ.

Лакей, замѣтивъ ея движеніе, подошелъ поправить стулъ.

— Оставьте! прошептала Катя, начавъ что-то очень живо разказывать дѣвочкѣ.

Софья Григорьевна безпрестанно посматривала на Катю и Юрія Александровича. Она видѣла что Юрій Александровичъ интересовался Катей, видѣла что Катя, напротивъ, не только равнодушно, но съ нетерпѣніемъ отвѣчала ему и вообще старалась избѣгать разговора съ нимъ.

„И чтò всѣ они въ ней находятъ, не могу понять!" думала Софья Григорьевна. „Полнѣйшее отсутствіе кокетства, женственности, умѣнья поддерживать разговоръ и несмотря на то—всѣ какъ сумашедшіе. Павелъ Михайловичъ засматривался на нее, Патоновъ, теперь этотъ еще"...

Обѣдъ между тѣмъ тянулся, и съ каждою минутой становился оживленнѣе и шумнѣе. Отрывочныя фразы, которыя

слышались за суломъ только между сосѣдями, перешли постепенно сначала въ жужжанье, въ которомъ, при стукѣ ножей и тарелокъ, ничего нельзя было разобрать издали, потомъ въ общій громкій говоръ, по временамъ покрываемый двумя-тремя особенно отчетливыми голосами; затѣмъ то тутъ, то тамъ сталъ раздаваться короткій смѣхъ, скоро перешедшій на мужскомъ концѣ стола, центромъ котораго былъ хозяинъ дома, въ дружный, неудержимый хохотъ.

— Regardez, regardez, Катерина Дмитріевна! сказала вдругъ Лина, начиная теребить Катю за руку,—что̀ они съ нимъ дѣлаютъ!

Катя подняла голову. Всѣ лица были обращены въ сторону гдѣ сидѣлъ хозяинъ дома. Павелъ Михайловичъ, красный, смѣющійся, весело что-то говоря наливалъ въ большой стаканъ вйна изъ разныхъ бутылокъ. Егоръ Константиновичъ, сидѣвшій вторымъ отъ конца, на противуположной отъ Кати и Лины сторонѣ, былъ имъ отлично виденъ. Онъ сидѣлъ какъ-то съежившись. Его маленькое, худое, кирпичнаго цвѣта лицо сдѣлалось желто-краснымъ, губы изображали улыбку, но въ глазахъ было такое жалкое, отчаянное и вмѣстѣ боязливое выраженіе что Катя, поблѣднѣвъ, крѣпко сжала руку Лины въ своей и не выпуская ее прошептала: „Стыдно, Лина, смѣяться надъ несчастіемъ, надъ бѣдностію, надъ слабостію и надъ всякимъ уродствомъ; стыдно, гадко и грѣшно!“

— Ну, amicus, пей для храбрости! сказалъ Павелъ Михайловичъ, съ шумомъ поставивъ до верху налитый виномъ стаканъ на столъ.—И вотъ тебѣ мое слово: экспромтъ на смерть родителя, и ты тотчасъ же, послѣ обѣда получаешь тѣ двѣ тысячи рублей за которыми пріѣхалъ сюда. Получаешь ихъ безъ отдачи. Ну, безъ отговорокъ! слышишь? прибавилъ онъ громко и съ удареніемъ.

Егоръ Константиновичъ взялъ стаканъ смѣси въ лѣвую руку, правою облокотился объ столъ, опустилъ на нее свою голову, посидѣлъ такъ съ минуту, потомъ, встряхнувъ головой, поднесъ стаканъ къ губамъ, выпилъ его залпомъ, всталъ и, замѣтно сдерживая нервную дрожь, проговорилъ твердымъ голосомъ:

Наконецъ, мой отецъ заключенъ ужь въ ларецъ.
Злая смерть и козла на тотъ свѣтъ увезла.

Проговоривъ этотъ экспромтъ, Егоръ Константиновичъ опустился на стулъ, провелъ рукой по лицу, протеръ глаза какъ

бы стараясь разогнать туманъ застилавшій все предъ нимъ, и, съежившись еще болѣе, остался неподвиженъ, ни на кого не глядя.

— Il est sublime! помолчавъ немного произнесъ громко Юрій Александровичъ, окидывая взоромъ все общество.

Никто не отвѣтилъ. Всѣ какъ-то притихли. Всѣмъ, даже самому Павлу Михайловичу, зачинщику потѣхи, было видимо не по себѣ.

— Incomparable! N'est-ce pas? обратился онъ къ Катѣ.

Катя сидѣла блѣдная, серіозная, взволнованная.

— Что съ вами? спросилъ Юрій Александровичъ, живо и съ безпокойствомъ.

— Ужасно что человѣкъ можетъ довести себя до этого, но еще ужаснѣе что его могутъ доводить до этого, и могутъ смѣяться надъ униженіемъ человѣческаго достоинства, сказала Катя съ такою душевною болью въ голосѣ и съ такимъ выраженіемъ страданія въ лицѣ что Юрій Александровичъ посмотрѣлъ на нее въ упоръ, нахмурился, готовъ уже былъ сказать что-то не совсѣмъ лестное насчетъ ея сентиментальности, но удержался и, желая поддержать шутливое настроеніе, сказалъ.

— Pourquoi prendre ces choses au serieux, mademoiselle? Человѣческое достоинство! Il n'en a pas, je vous répond. Il l'a enterré bien avant son estimable pére.

Катя въ отвѣтъ только молча покачала головой...

— Юрочка! окликнулъ Павелъ Михайловичъ Юрія Александровича, когда онъ вслѣдъ за другими мущинами переходилъ послѣ обѣда изъ столовой въ кабинетъ,—какъ это мы съ тобой учили въ дѣтствѣ?

> Autant vaudrait perdre son temps
> A tenter d'attraper la lune avec les dents...

Такъ? Павелъ Михайловичъ хитро и насмѣшливо подмигнулъ вслѣдъ Юрію Александровичу.

— А ты по опыту? спросилъ Юрій Александровичъ, вдругъ обернувшись и поймавъ взглядъ Павла Михайловича...

— Вы думаете онъ, этотъ Егоръ Константиновичъ, обидѣлся? говорила Лина, спускаясь подъ руку съ Катей въ садъ.— Нѣ-ѣтъ, душечка, нисколько, говорила она стараясь успокоить Катю.—Съ нимъ еще не то дѣлаютъ. Когда онъ былъ у насъ послѣдній разъ, совсѣмъ передъ вашимъ пріѣздомъ, его ужасно дразнили за обѣдомъ, онъ все ничего. Только подъ конецъ

обѣда у него разболѣлась голова, онъ и спрашиваетъ: „могу я попросить немножко одеколону?“—Папа говоритъ: „пойдемъ ко мнѣ, я тебѣ дамъ“. А ему не хотѣлось выйти изо-стола, пока обѣдъ не кончится. „Нѣтъ,“ говоритъ „потомъ“ и сидитъ, а самъ ничего не ѣстъ. Папа подозвалъ Ивана и сказалъ ему что-то тихонько. Послѣ обѣда мы пошли гулять, а папа уговорилъ Егора Константиновича лечь отдохнуть, и самъ повелъ его въ комнату. Тамъ приготовили ему постель, закрыли ставни, все какъ слѣдуетъ. Егоръ Константиновичъ, очень довольный, собирается уже лечь, а папа и говоритъ Ивану: „Подай Егору Константиновичу одеколонъ съ моего стола, французскій, въ плетеной банкѣ.“ Иванъ принесъ и говоритъ: „позвольте я вамъ налью.“ Егоръ Константиновичъ подставилъ руки, онъ налилъ. Егоръ Константиновичъ помочилъ голову, виски, за ушами, а папа и говоритъ: „да ты не жалѣй! Дай я тебѣ самъ полью.“ И полилъ его такъ что у него пошли потеки по лицу, по шеѣ, въ рукава... Послѣ этого онъ легъ и уснулъ. Его разбудили уже къ ужину. Онъ всталъ и началъ прихорашиваться. Вынулъ изъ кармана гребеночку, хотѣлъ волосы причесать, подошелъ къ зеркалу и всплеснулъ руками. Что̀ такое! Онъ весь черный; голова, лицо, рубашка, его сѣренькій сюртучокъ, все, все черное... А это папа велѣлъ Ивану чернила съ одеколономъ смѣшать, сказала Лина смѣясь.—Онъ сталъ вытираться, отмывать, не отходитъ. Тогда онъ обидѣлся. Иванъ говорилъ что онъ даже плакалъ; а вотъ же пріѣхалъ опять... Впрочемъ, у него вѣдь отецъ умеръ, продолжала дѣвочка,—старый-старый былъ, а денегъ у нихъ ни копѣечки нѣтъ, такъ онъ пріѣхалъ у папа денегъ просить. Вы слышали?

Лина разказывала все это очень весело.

— Не смѣйся, Лина, никогда, милая, не смѣйся, надъ такими несчастными, сказала Катя, остановившись передъ дѣвочкой, глядя на нее и взявъ ее за руку.—Тутъ нѣтъ ничего смѣшнаго... Тутъ должно быть какое-нибудь страшное горе, такое горе, о которомъ не дай Богъ ни тебѣ, ни мнѣ и понятія имѣть.

Въ этотъ вечеръ Катя, ложась спать, чувствовала себя совсѣмъ больною. Необыкновенная усталость, тяжесть въ головѣ, недовольство собой и какое-то необъяснимое томительное, гнетущее чувство одолѣвали ее.

„Точно я сдѣлала что-нибудь гадкое, ужасное, позорное,

заѣ точно меня ожидаетъ какое-нибудь большое несчастіе", думала она ложась.

Черезъ полчаса она встала съ постели, выпила сахарной воды, походила, опять легла. Нѣтъ, не спится... и все чудится ей громкій говоръ, стукъ серебра и фарфора, смѣхъ, но не тотъ веселый, хорошій смѣхъ, отъ котораго у каждаго слушателя, какъ говорится, уста расходятся, а смѣхъ изъ-за котораго слышатся стоны отчаянія... Чудится ей этотъ смѣхъ, а исхудалое, красновато-кирпичное лицо Егора Константиновича, лицо съ сухими, безпокойными глазами и воспаленными вѣками, неотступно становится предъ ней, заслоняя собой смѣющееся, здоровое, красивое, но „противное" лицо Юрія Александровича, нагибающагося къ ея плечу.

На слѣдующій день къ чайному столу собрались всѣ оставшіеся ночевать гости. Ихъ было человѣкъ шесть. Тутъ же за чаемъ было рѣшено устроить до обѣда прогулку, но куда? Одинъ предлагалъ катанье, другой осмотръ ткацкой, третій хотѣлъ непремѣнно полюбоваться на „образцовое" хозяйство Павла Михайловича. Толковали съ полчаса и согласились на предложеніе сдѣланное въ самомъ началѣ хозяиномъ, идти всѣмъ обществомъ на пасѣку, пробовать медъ. По дорогѣ, проходя лѣскомъ предполагалось собирать грибы, которыхъ была „сила", какъ объявила барынѣ Авдотья Егоровна еще третьяго дня.

Принесли чистенькія, новенькія лукошки и вся компанія, за исключеніемъ Софьи Григорьевны, которая не любила прогулокъ, пѣшкомъ, шутя и смѣясь, вышла въ садъ. У каждаго на рукѣ висѣло лукошко. Кто-то, подражая визгливому бабьему голосу, затянулъ: „Пошли дѣвки по грибы". Кто-то, снявъ фуражку и держа ее въ рукахъ, накрылъ голову носовымъ платкомъ и смѣясь старался завязать кончики его у подбородка....

Катя и Лина шли впереди всѣхъ. Павелъ Михайловичъ то окликалъ ихъ и, заставивъ обернуться, дѣлалъ видъ что очень занятъ разговоромъ и что звалъ ихъ не онъ, то начиналъ поддразнивать что Лина не найдетъ ни одного боровика, а Катерина Дмитріевна непремѣнно наберетъ мухоморовъ.

Вообще, Павелъ Михайловичъ былъ какъ-то особенно „не складно" веселъ, казалось Катѣ, и ей со вчерашняго дня почему-то было совѣстно за хозяина дома.

Первый крѣпкій, чистый, небольшой боровикъ нашла Ка-

Катя и, торжественно показавъ его всему обществу, она бережно положила его на выложенное свѣжимъ мохомъ дно лукошка.

— Катерина Дмитріевна—счастливица! сказалъ Павелъ Михайловичъ, посмотрѣвъ грибъ, и тутъ же разказалъ о томъ какъ Катѣ само счастіе въ руки давалось, а она съ пренебреженіемъ бросила его подъ колеса кабріолета.

— Вы знаете что это не совсѣмъ такъ! сказала Катя остановившись.

— Катерина Дмитріевна! Два, два! крикнула въ эту минуту Лина, высоко поднявъ руку съ двумя молоденькими боровиками.—Посмотрите, ихъ вѣрно много здѣсь.

Катя тотчасъ охотно поспѣшила на зовъ Лины, но по дорогѣ нашла грибъ и пошла отъ Лины въ сторону.

Дѣвушки стали сходиться, расходиться, перекликаться и самымъ добросовѣстнымъ образомъ заниматься набираніемъ грибовъ. Онѣ намного опередили остальное общество.

Когда же всѣ пришли на пасѣку, оказалось что только онѣ, Лина и Катя, принесли свои лукошки почти до верху наполненныя самыми отборными, молодыми грибами, бережно прикрытыми толстымъ слоемъ свѣжаго, свѣтло-зеленаго мха, остальные пришли съ пустыми руками. Кто бросилъ свое лукошко не дойдя до лѣса, кто въ лѣсу, а кто уже на полянкѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пасѣки.

Павелъ Михайловичъ, издали увидѣвъ какую-то бѣлую фигуру, то двигавшуюся въ травѣ, то нагибавшуюся и подолгу остававшуюся въ наклоненномъ положеніи, крикнулъ: „Лукьянъ! а Лукьянъ!"

Фигура не шевелилась.

— Оглохъ, бестія! проговорилъ Павелъ Михайловичъ, насупившись.—Экое пекло! продолжалъ онъ, подходя къ избѣ,—знай я это, меня бы никакими калачами сюда не заманили!

Казалось, всѣ мущины были одного мнѣнія съ хозяиномъ. Дойдя до тѣни, одни, вытирая носовыми платками вспотѣвшіе лбы, головы и шеи, молча стали отдуваться; другіе, жалуясь на жару, дружно пріютились на узкой лавкѣ подъ навѣсомъ и на крылечкѣ избы. Всѣ сидѣли, снявъ фуражки и повѣся головы. Только Лина и Катя бодро и весело обходили вокругъ избы, заглядывая въ окна и въ полуотворенную дверь.

— Экъ! любопытство какое! сказалъ Павелъ Михайловичъ,

глядя на дѣвушекъ.—Чѣмъ такъ сновать изъ угла въ уголъ, бѣги-ка, Лина, къ Лукьяну, пошли его сюда, добавилъ онъ.

Лина и Катя, пристроивъ свои грибы въ защищенный отъ солнца уголокъ, побѣжали къ копошившейся не вдалекѣ бѣлой фигурѣ. Подбѣжавъ довольно близко, онѣ пошли шагомъ, съ любопытствомъ вглядываясь въ нее. Это былъ худой старикъ, съ бѣлыми, длинными, рѣдкими, прямыми, серебристыми волосами, длинною, бѣлою бородой, загорѣлымъ морщинистымъ лицомъ и маленькими, живыми глазами. Одѣтъ былъ старикъ съ головы до ногъ въ бѣлый холстъ. Когда дѣвушки подошли къ нему, онъ, присѣвъ на корточки, вытиралъ объ траву лезвіе ножа. Предъ нимъ на травѣ стояла большая, бѣлая, долбленая чашка, накрытая чистымъ холстомъ.

— Лукьянъ, мы къ тебѣ въ гости! сказала Лина.—И папа, и чужіе тамъ.

Она протянула руку въ сторону избы.

Старикъ поднялъ глаза и, приложивъ руку ко лбу въ видѣ козырька, прищурился и долго всматривался, точно не узнавая стоявшихъ предъ нимъ.

— Барышня! сказалъ онъ вдругъ удивленно и, торопливо вытеревъ ножъ, поднялся на ноги, низко поклонился и, пристально вглядываясь въ лицо Кати, сказалъ.—Милости просимъ! Милости просимъ, барышни! А я какъ-разъ и медкомъ свѣженькимъ могу угостить. Вотъ отвѣдайте, отвѣдайте, родимыя.

Длинная, худая фигура старика пригнулась къ землѣ. Онъ приподнялъ халатъ, взялъ на конецъ ножа кусочекъ сотовъ, приподнялъ руку и, видимо любуясь на медленно слускавшуюся съ ножа густую, желтую струю, заговорилъ:—Чистъ какъ слеза, а ужь духъ какой, что̀ твои цвѣты! Покушайте, покушайте, родныя, добавилъ онъ ласково.

Барышни попробовали.

— Чудесно! сказала Катя, облизываясь, и поговоривъ съ минуту о медѣ и пчелахъ, попросила старика показать ей улей.

Старикъ неохотно приподнялъ крышку ближайшаго улья, молча далъ барышнямъ заглянуть въ него и тотчасъ же поторопился накрыть; но Катя остановившись предъ ульемъ стала разспрашивать старика о томъ какъ устроены улья, какъ онъ сажаетъ туда пчелъ, какъ ловитъ ихъ и о томъ

что̀, какъ и изъ чего образуется. Старикъ, добродушно посмѣиваясь надъ смѣшными вопросами барышни, вдругъ оживился и, переведя гостей къ другому улью, сталъ разказывать какъ много ума и сообразительности у пчелокъ, какъ, изъ чего и какими пчелами дѣлается воскъ и медъ. Говоря это онъ безцеремонно ловилъ то одну, изъ суетливо влетавшихъ въ улей пчелъ, то другую, сжавъ пальцами спинку насѣкомаго, показывалъ микроскопическіе клубочки, которые оно держало въ заднихъ лапкахъ, и объяснялъ на какое дѣло пойдетъ принесенный ею матеріалъ или, запустивъ руку въ улей, вытаскивалъ оттуда пчелу и говорилъ:—вотъ, вотъ, эта—рабочая, а эта—нянька; смотрите, смотрите, барышня, какъ она ловко держитъ яйцо...

Пока старикъ шамкая, но совершенно ясно и толково разказывалъ о порядкахъ и дѣятельности въ ульѣ, Павелъ Михайловичъ, потерявъ терпѣніе, рѣшился, несмотря на томившую его жару, идти посмотрѣть что̀ могло заинтересовать барышень настолько чтобъ онѣ забыли о томъ зачѣмъ были посланы.

— Катерина Дмитріевна, вы насъ уморить собрались! крикнулъ онъ издали.

Катя, заслушавшаяся старика, встрепенулась и подозвавъ Лину живо пошла на встрѣчу Павлу Михайловичу.

Простите, пожалуста, сказала она путаясь...—Это такъ интересно; я никогда не думала чтобы можно было забыться до того, чтобы не помнить даже зачѣмъ пришелъ, а я совсѣмъ забыла... Какъ жаль что мы не приходили сюда раньше! Вѣдь это такое чудо!.. Прелесть! сказала она оживленно.

— Простить, потому что вы заглядѣлись на прелесть? А вы мнѣ простите если я тоже буду заглядываться на прелесть? сказалъ Павелъ Михайловичъ, смотря на Катю блестящими глазами.

— Очень буду рада, отвѣчала Катя весело,—потому-что это дастъ мнѣ самой возможность еще посмотрѣть на нихъ.

— Такъ вы разрѣшаете? Серіозно? Вашу руку! сказалъ Павелъ Михайловичъ и, не дожидаясь отвѣта Кати, онъ схватилъ ея руку, крѣпко сжалъ въ своихъ и порывисто поднеся къ губамъ нѣсколько разъ поцѣловалъ.

Лицо Кати вдругъ мгновенно преобразилось. Брови ея сдвинулись, она недоумѣвающе, съ какимъ-то болѣзненнымъ, жалобнымъ выраженіемъ посмотрѣла на Павла Михайловича и, высвободивъ свою руку, отошла.

Павелъ Михайловичъ постоялъ съ минуту не шевелясь, потомъ, проведя рукой по лбу, точно поправивъ мѣшавшіе ему волосы, обратился къ Лукьяну:—Ну, старикъ, я привелъ къ тебѣ гостей, сказалъ онъ, стараясь говорить равнодушнымъ тономъ.—Не ударь лицомъ въ грязь. Угости ихъ медкомъ, да дай имъ чего-нибудь напиться; дьявольская жара! прибавилъ онъ, нетерпѣливымъ движеніемъ поправляя воротъ рубашки, точно что-нибудь мѣшало ему.—Катерина Дмитріевна! Лина! Идите-ка назадъ! Пора. Я ухожу безъ васъ. Прощайте! крикнулъ онъ уже издали.

Катя, подойдя къ Линѣ, взяла ее за руку.

Линѣ показалось что Катя плакала. Она подняла на нее удивленное личико и долгимъ, вопросительнымъ взглядомъ посмотрѣла на нее.

— Papa vous a grondé? спросила она, не спуская съ Кати глазъ.—Ужь онъ всегда! Не обижайтесь, душечка, Катерина Дмитріевна. Cela ne vaut pas la peine. Право!

Лина вдругъ нагнулась къ рукѣ Кати и крѣпко прижалась къ ней губами.

— Лина, милая, что̀ ты дѣлаешь? сказала Катя, стараясь удержать слезы, которыя, подступивъ въ горлу, душили ее.— Милая, добрая, хорошая дѣвочка, говорила она, цѣлуя лобъ, губы и голову Лины...

Когда черезъ нѣсколько минутъ Катя и Лина, разговаривая и срывая цвѣты, медленно подходили къ избушкѣ, онѣ увидѣли что передъ ней на тѣневой сторонѣ стоялъ бѣлый березовый столъ, окруженный незатѣйливо сбитыми лавками. На этихъ лавкахъ сидѣло все общество. Одинъ изъ молодыхъ людей, весело чему-то смѣясь, рѣзалъ хлѣбъ; другой, высоко поднимая большую бѣлую деревянную ложку, лилъ съ нея въ глиняную съ синими разводами тарелку чистый, прозрачный, янтарный медъ.

— Лина! крикнулъ Павелъ Михайловичъ, завидя дочь.—Бѣги сюда. Скорѣе! скорѣе!

Лина подбѣжала къ отцу.

— Войди въ избу. Скажи Лукьяну чтобъ онъ далъ еще тарелку, если есть.

— Одну? спросила Лина, оборачиваясь на бѣгу.

— Одну, а есть двѣ, такъ двѣ. Чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

Катя, увидя что Лина побѣжала къ избѣ, торопливо послѣдовала за ней, но не успѣла она дойти до крыльца, какъ раздался короткій, отрывистый, пронзительный крикъ.

Катя остановилась, напрягая слухъ, но ничего не было слышно.

— Тихо... Господи! Что̀ такое? черезъ мгновеніе прошептала она, крестясь и чувствуя какъ сердце ея сжималось. Вся кровь отхлынула отъ ея лица, и Катя блѣдная, дрожащая, вбѣжала въ избу и остановилась.

Изъ-подъ полу вылѣзалъ старикъ, крѣпко держа непривыкшими къ такой ношѣ руками Лину.

— Ничего, ничего, пусти, говорила дѣвочка барахтаясь.—Катерина Дмитріевна, ce n'est rien. Я не видала этой дыры, разбѣжалась и бухъ туда... лепетала очень живо дѣвочка, стараясь вырваться изъ рукъ старика, голова и руки котораго тряслись отъ старости и отъ испуга.

Павелъ Михайловичъ и всѣ гости, тоже слышавшіе крикъ и вошедшіе вслѣдъ за Катей въ избу, обступили Лину.

— Да ничего, право ничего, увѣряла дѣвочка, наклоняясь и потирая колѣнки.

Одинъ изъ молодыхъ людей прыгнулъ въ подвалъ.

— Не высоко, крикнулъ онъ оттуда весело,—и сажени не будетъ, но какъ тутъ у дѣдушки хорошо, прохладно, чисто...

— Можно ли быть такою разиней! сказалъ Павелъ Михайловичъ, хлопая Лину по щекѣ.—Что̀ еслибы ты ноги сломала? Напугала только всѣхъ, шалунья. Идите медъ кушать. Скоро и домой пора, добавилъ онъ.

Лина, кушая медъ, не переставала увѣрять Катю что „тамъ" и ушибиться нельзя, „тамъ" мягко, право; тамъ земля или песокъ у него насыпанъ, не знаю, но мягко.—И я „нисколечка" не испугалась, увѣряю васъ, говорила дѣвочка; она вставала и прохаживалась, нарочно твердо ступая ногами, но Катѣ было ужь не до меду и не до прогулки. Она убѣдительно просила Павла Михайловича не позволять Линѣ идти пѣшкомъ.

— Вѣдь она можетъ-быть только сгоряча не чувствуетъ боли, говорила Катя.—Это почти всегда такъ бываетъ. А что̀ если, сохрани Богъ, потомъ окажется сотрясеніе мозга?

— Какая же вы трусиха! Я этого не подозрѣвалъ, сказалъ Павелъ Михайловичъ, и рѣшилъ что Лина не пойдетъ пѣшкомъ, „такъ какъ Катерина Дмитріевна этого не желаетъ", но ее донесутъ до дому.

— Какъ вернемся домой, надо сейчасъ же сказать maman, слышишь, Лина, говорила Линѣ Катя.—Этимъ шутить нельзя.

Maman пошлетъ за докторомъ, онъ осмотритъ тебя, и мы по крайней мѣрѣ будемъ покойны.

Вернулись домой. Лина, которую, къ немалому ея удовольствію, всю дорогу несли на рукахъ мущины, очередуясь попарно, весело вбѣжала на лѣстницу, и взявъ свою и Катину корзинку съ грибами, побѣжала похвастать своимъ сборомъ предъ Авдотьей Егоровной. Катя прошла прямо къ Софьѣ Григорьевнѣ. Не найдя Софьи Григорьевны въ маленькой гостиной, гдѣ она имѣла обыкновеніе сидѣть въ это время, она осталась дожидаться ее. Софья Григорьевна, между тѣмъ, встрѣтивъ Лину одну въ корридорѣ, спросила съ удивленіемъ: „Et Mademoiselle? Où est-elle?

— Катерина Дмитріевна къ вамъ пошла сказать что я упала, начала дѣвочка.—Папа велѣлъ чтобы Лукьянъ далъ еще тарелокъ, продолжала она, волнуясь и торопясь;—я побѣжала, не замѣтила что люкъ поднятъ, разлетѣлась и упала въ подвалъ... Но я ни капельки не ушиблась... Катерина Дмитріевна...

Софья Григорьевна покраснѣла, крикнула Авдотью Егоровну, приказала ей остаться съ Линой, а сама, не взглянувъ на дочь, скорою, безпокойною походкой направилась въ свой будуаръ.

Катя, поджидая Софью Григорьевну, ходила взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Прекрасно! крикнула Софья Григорьевна, входя въ комнату и увидѣвъ Катю.—Прекрасно! Честь вамъ дѣлаетъ! Затѣмъ васъ взяли сюда чтобы вы глазки дѣлали, шуры-муры въ домѣ затѣвали, головы кружили?...

Катя въ одну минуту поблѣднѣла и покраснѣла.

— Софья Григорьевна, начала она дрожащимъ голосомъ.

— Молчать! Когда съ вами говорятъ, вы должны слушать! крикнула Софья Григорьевна, топнувъ ногой.

Катя взглянула въ лицо Софьи Григорьевны и замерла отъ страха. Въ злыхъ, блестящихъ, остановившихся на ней, Катѣ, глазахъ, въ дрожавшихъ, какъ-то расплывшихся губахъ, въ побагровѣвшемъ, судорожно подергивавшемся лицѣ не было возможности признать того красиваго, моложаваго, породистаго, всегда спокойнаго, съ достоинствомъ, надменно смотрящаго лица которое Катя привыкла видѣть.

Катя отступила на нѣсколько шаговъ.

Софья Григорьевна, схватившись обѣими руками за спинку

перваго попавшагося ей подъ руку стула, стуча имъ объ полъ продолжала между тѣмъ кричать, стиснувъ зубы и потрясая головой.

— Завтра же вонъ отсюда! туда откуда пришли! Вамъ не за то деньги платятъ чтобы вы дѣтей калѣчили....

Павелъ Михайловичъ, пришедшій-было на крикъ жены, остановился на порогѣ, взялъ себя за голову и, всплеснувъ отчаянно руками и жалобно посмотрѣвъ на Катю, махнулъ рукой и вышелъ изъ комнаты.

— Вы думаете я не замѣчаю, не знаю какъ вы себя ведете' какъ стараетесь голову кружить? Все, все знаю и сегодня же обо всемъ напишу вашей начальницѣ. Поблагодарю ее за прекрасную рекомендацію! кричала Софья Григорьевна, задыхаясь.

Катя все время въ испугѣ стояла молча, дрожащая, растерянная, но при послѣднихъ словахъ Софьи Григорьевны ее вдругъ оставилъ страхъ, и она, не сказавъ ни слова, ни взглянувъ болѣе на продолжавшую что-то кричать Софью Григорьевну, стараясь держаться какъ можно далѣе отъ потерявшей самообладаніе женщины, вышла изъ комнаты.

За дверью она увидѣла тѣсно толпившихся и черезъ плечи другъ-друга смотрѣвшихъ въ комнату женщинъ и мущинъ изъ прислуги. Всѣ они, увидѣвъ вышедшую Катю, тотчасъ же отхлынули отъ двери и разбрелись въ разсыпную.

Катя вошла въ дѣтскую, осмотрѣлась: Лины не было. Она подошла къ своему столику, неестественно спокойно вынула портфель, достала бумагу и, подперевъ лѣвою рукой голову, стала быстро писать.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вбѣжала Лина. Не подозрѣвая о случившемся, она стала спокойно одѣваться къ обѣду; но когда она, совсѣмъ одѣтая, подошла напомнить Катѣ о томъ что уже звонили, и Катя сказала, цѣлуя ее: „Я обѣдать не пойду. Постой, дружочекъ, я тебѣ поправлю бантикъ“ и, повернувъ дѣвочку, осмотрѣла ея платье со всѣхъ сторонъ, распустила конецъ ея косы, вплела иначе ленту, завязавъ ее красивымъ бантомъ,—Лина инстинктомъ поняла что случилось что-то недоброе, что уговаривать Катю идти къ столу нельзя. Она поняла можетъ-быть и болѣе того, потому что молча, обвивъ шею Кати рукой, стала цѣловать ее, прибирая всѣ ласкательныя слова, которыя могла пріискать въ своемъ дѣтскомъ словарѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ одинъ изъ лакеевъ, заглянувъ въ дѣтскую, доложилъ что господа уже въ столовой.

— Ступай, крошка! повторяла Катя, приглаживая рукой волосы Лины.

Лина вздохнула и пошла вслѣдъ за лакеемъ. Войдя въ столовую, она искоса посмотрѣла на мать, тоже безпокойно взглянувшую въ ея сторону, и на отца, сидѣвшаго съ покраснѣвшимъ лицомъ и рѣзко выдавшимися морщинками между бровей. Гости, повидимому тоже смущенные и желавшіе скрыть смущеніе, усердно занимали другъ друга. Лина сѣла на свое мѣсто. Подошелъ Евсѣй, молча принялъ пустой стулъ, стоявшій рядомъ съ ней, и, собравъ ненужный приборъ, пододвинулъ немного Лину, сидѣвшую на стулѣ, ея тарелку и весь приборъ, для сохраненія надлежащей симметріи. Линѣ хотѣлось заплакать, и она, чтобы развлечь себя, стала думать о той повѣсти которую читала съ Катей. Она заставляла себя вспоминать подробности приключеній бѣдной Prascovie, которая идетъ изъ Сибири въ Петербургъ, ставила себя на ея мѣсто, думала о Prascovie, а ей противъ ея воли думалось о Катѣ, о матери, объ отцѣ, и совсѣмъ не хотѣлось ѣсть.

— Ты вѣрно слишкомъ много меду съѣла, сказала Софья Григорьевна,—и теперь у тебя нѣтъ аппетита. Сколько разъ я говорила что этого не слѣдуетъ дѣлать!

Лина молчала.

— Или ты нездорова? Болитъ у тебя что-нибудь?

— Нѣтъ, сказала Лина, конфузясь и начиная шалить ногами.

Софья Григорьевна не находила что̀ еще сказать дочери. Лина вообще рѣдко говорила съ матерью и отцомъ или „со взрослыми“, какъ она выражалась, и обѣ замолчали.

Пока тянулся обѣдъ, Катя писала и писала. Мысли и слова выливались свободно въ ея письмѣ къ Маринѣ Ѳедоровнѣ, которой она разказывала подробно все что̀ огорчило и смутило ее въ день пріѣзда въ Затишье и все что̀ поражало ее въ послѣдствіи.

„Я никогда не могла себѣ представить такого полнаго разъединенія семьи“, писала она между прочимъ. „Иначе я не умѣю назвать того положенія какое занимаютъ по отношенію другъ къ другу члены дома Вадимовыхъ. Ребенокъ смотритъ на своихъ родителей не съ довѣріемъ и любовью, какъ мы привыкли смотрѣть на нашего отца и мать, но съ

какимъ-то необъяснимымъ равнодушіемъ, какимъ-то недоброжелательствомъ и страхомъ. Родители какъ бы чужіе люди. Они не принимали никакого участія ни въ физическомъ, ни въ духовномъ развитіи своей дѣвочки. Они сдали ее сначала нянюшкѣ изъ крѣпостныхъ. Ей предоставили они вести и развивать ихъ ребенка какъ она хотѣла и умѣла. Потомъ передали шестилѣтнюю дѣвочку гувернанткѣ или гувернанткамъ. Имъ передали они и право дѣлать изъ нея все что тѣ желаютъ. Эти гувернантки, надо имъ отдать справедливость, мало, или, правильнѣе сказать, ничего не прибавили къ духовному развитію ребенка. По крайней мѣрѣ онѣ, кромѣ двухъ трехъ анекдотовъ оставшихся въ памяти Лины, не оставили въ ней никакого о себѣ воспоминанія. Теперь Вадимовы передали ее мнѣ. Послѣ меня передадутъ еще и еще кому-нибудь. Они совершенно не знаютъ своей дочери и не желаютъ взять на себя трудъ узнать ее. А еслибы вы видѣли что это за дѣвочка! Богомъ ей дано все. Лицомъ она не хороша, правда, если разбирать черты лица отдѣльно, но въ ея глазахъ столько доброты, кротости, чистоты; въ каждомъ поступкѣ такое проявленіе души что нельзя не находить ее „красотой", какъ называла мнѣ ее старушка-няня когда говорила о ней въ дорогѣ. Не любить ее нельзя. Это понимаютъ всѣ здѣсь: и ея няня, и вся прислуга, не понимаютъ только ея родители которые души ея, внутренняго ея міра вовсе не знаютъ, не интересуются имъ, да весьма вѣроятно и не признаютъ его. Здѣсь, въ домѣ, они добровольно отказались ото всего что составляетъ или должно составлять радость и счастіе родителей. Они, отдавъ новорожденное дитя въ руки крѣпостной прислуги, поручили ей блюсти душу его, а себѣ оставили заботу объ ея платьяхъ, бантахъ и то впрочемъ настолько насколько это можетъ тѣшить ихъ. Дитя видитъ своихъ родителей три раза въ день: за утреннимъ чаемъ-завтракомъ, за обѣдомъ и за ужиномъ. И это время,—вы конечно не повѣрите, подумаете что я несправедлива, предубѣждена или увлекаюсь,—это время, повторяю, самое тяжелое, самое непріятное время дня для ребенка, должна сознаться—и для гувернантки, по крайней мѣрѣ для меня. Дѣвочка воспріимчива, чутка; она видитъ, понимаетъ и запоминаетъ положительно все. Она теперь уже судитъ и осуждаетъ своихъ родителей. Воспитанная прислугой, она привязана къ ней всею душой. Она, какъ говорится, души

не слышитъ въ своей нянѣ, любитъ всѣхъ дѣвушекъ прислуживавшихъ ей, любитъ всѣхъ Евсѣевъ и Ивановъ, жалѣетъ ихъ; когда „имъ достается", всегда держитъ ихъ сторону противъ родителей и не стѣсняясь говоритъ объ этомъ всѣмъ, кромѣ отца и матери, которымъ она вообще ничего не говоритъ, потому что къ нимъ она, по милости этой самой прислуги начиная отъ няни, имѣетъ непобѣдимый страхъ и недовѣріе.

„Въ первые же дни, всмотрѣвшись во все, я положила себѣ задачей побѣдить въ Линѣ это неестественное чувство къ родителямъ, пріучить ее смотрѣть на нихъ какъ на лучшихъ друзей и единственныхъ, послѣ Бога, вѣрныхъ покровителей и такихъ людей которымъ ея счастіе дороже ихъ собственнаго. Рѣшилась мало-по-малу пріучить и ихъ, самихъ родителей, принимать участіе въ духовномъ развитіи ихъ прекраснаго ребенка. Я не обманывала себя тѣмъ что это задача легкая, нѣтъ, но я надѣялась съ помощью Божіей достигнуть этого...

„Теперь, странно сказать, вѣдь и разумомъ понимаю", писала Катя далѣе, „что это дитя чужое, что правъ я на нее никакихъ не имѣю, что я не должна даже порицать взгляда родителей на воспитаніе ихъ „„собственнаго дитяти"", что мѣсяцъ тому назадъ меня здѣсь не было и дитя жило и развивалось такъ или иначе, что черезъ нѣсколько дней меня здѣсь не будетъ и она опять-таки будетъ жить и развиваться... Какое мнѣ собственно дѣло до взглядовъ и поступковъ этихъ чужихъ для меня людей? Но душой... мнѣ такъ жаль, такъ жаль милую, хорошую, умную, сердечную, богато одаренную Богомъ дѣвочку, когда я подумаю что ложь, скрытность, хитрость, къ которымъ ее пріучаютъ съ пеленокъ, развиваясь и вкореняясь въ нее, заглушатъ со временемъ все доброе, прирожденное ей... У меня сердце болитъ почти также какъ въ тотъ день когда я должна была отказаться отъ своего роднаго дома и идти въ чужой...

Катя закончила свое длинное письмо слѣдующими строками:

„И для чего я теперь пишу вамъ все это, дорогая Марина Ѳедоровна, сама не знаю. Пишу не для того чтобы просить вашего совѣта какъ поступить въ томъ что̀ еще не доступно моему пониманію, надъ чѣмъ я цѣлыми часами иногда напрасно ломала свою голову, потому что все это теперь, въ этомъ домѣ, съ этимъ ребенкомъ, для меня уже не нужно...

Пишу для того чтобъ излить вамъ свою наболѣвшую за этотъ мѣсяцъ душу, для того чтобы, когда вы узнаете о моемъ возвращеніи, вы не подумали что я забыла ваши уроки и съ перваго шага убоялась трудности избраннаго вами для меня пути; для того чтобы вы знали, сколько за этотъ мѣсяцъ прибавилось во мнѣ опытности, чтобы вы знали что я скоро поняла ваши слова: „дѣти съ вами не будутъ стѣсняться"; да, отецъ семейства, человѣкъ солидный, пожилой, который долженъ, по смыслу, быть покровителемъ той дѣвушки которой онъ ввѣряетъ воспитаніе своей дочери, этотъ человѣкъ... не только позволяетъ своимъ гостямъ неприличное съ ней обращеніе, но даже самъ... Богъ съ ними!.. Вы теперь все знаете такъ какъ знаетъ Самъ Господь, и вы не осудите

„глубоко васъ уважающую Е. С."

Запечатавъ письмо, Катя сама отнесла его въ контору.

— Въ самый разъ, барышня, сказалъ ей конторщикъ.— Ефимка сейчасъ за сумкой придетъ.

Обѣдъ между тѣмъ кончился. Лина, поблагодаривъ родителей, выбѣжала изъ столовой и бѣгомъ направилась въ свою комнату. Въ корридорѣ на пути ее остановила Авдотья Егоровна, нетерпѣливо поджидавшая ее.

— Безстыдница! Бога вы не боитесь! начала старушка схватывая Лину за руку,—И за что̀ это? За то что она тебя любитъ, добру учитъ! Стыдись, сударыня! Радуйся теперь! Что̀ жь, лучшую найдутъ! Вотъ ужь не ждала я отъ васъ этого, Александра Павловна!

Авдотья Егоровна сердито мотнула головой, выпустила руку Лины и пошла въ свою комнату.

— Что̀ я сдѣлала? спросила Лина, опережая старушку и становясь предъ ней,—что̀?

— Что-о-о̀? протянула Авдотья Егоровна.—Да вы съ чего вздумали маменькѣ на Катерину Дмитріевну наговаривать? Жаловаться на нее?

— Я?! наговаривать?! жаловаться?! Что̀ ты врешь! сказала Лина обиженнымъ, взволнованнымъ и разсерженнымъ голосомъ.

— Врешь! повторила Авдотья Егоровна съ досадой,—врешь! Люди слышали, какъ и за что̀ маменька ее выгнали; завтра же, говорятъ, уѣзжайте—откуда пріѣхали.

Лина испуганно посмотрѣла въ лицо Авдотьи Евгоровны.

— Не правда! Ты все выдумала! Не можетъ быть! произнесла она, задыхаясь.

— Не правда?!.. Нѣтъ, сударыня, правда! сказала старушка сердито.—Нравъ-то маменькинъ вѣдь знаете кажется. Расходятся такъ Святыхъ выноси, а вы науськивать еще вздумали!.. Стыдно! грѣшно! да!.. Она вѣдь и сама теперь не останется. Свѣтъ, вы думаете, клиномъ сошелся? Авось и безъ насъ ей мѣсто найдется, продолжала Авдотья Егоровна инымъ голосомъ, но который какъ ножомъ рѣзалъ слушавшую его Лину. Она долго молча стояла, слушая Авдотью Егоровну, не сводя съ нея глазъ, и вдругъ со всѣхъ ногъ бросилась въ дѣтскую.

— Катерина Дмитріевна, душечка, скажите, вѣдь не правда? она вретъ? Вы не уѣдете отъ насъ? говорила она визгливымъ, не своимъ голоскомъ, бросаясь къ Катѣ на шею.—Вѣдь не правда? Голубушка, милая! продолжала она задыхаясь.

Катя не знала что̀ сказать. Ей не хотѣлось обманывать дѣвочку, не хотѣлось и огорчить ее. Она взяла ея руку въ свою.

— Подожди, начала она.—Ты прежде отдохни, успокойся, смотри какъ ты запыхалась; потомъ мы поговоримъ. Садись вотъ тутъ, передай мнѣ *La jeune Sibirienne*, вѣдь за мной еще съ третьяго дня обѣщанное чтеніе. Садись, я теперь свободна и могу тебѣ почитать.

— Нѣтъ, вы прежде скажите, а потомъ будемъ дѣлать все, все что̀ вы захотите, заговорила опять Лина, ласкаясь къ Катѣ.

— Не потомъ, перебила ее Катя,—а если хочешь, будемъ читать теперь.

Катя старалась говорить шутливо.

Лина посмотрѣла на Катю подозрительно и вдругъ, точно сообразивъ что-то, сказала:

— Хорошо, почитайте, пожалуста; но потомъ вы скажете?

— Хорошо, отвѣчала Катя;—давай книгу, а сама возьми что-нибудь, хоть черти карандашемъ, не сиди сложа руки.

Черезъ нѣсколько минутъ Лина, сидя предъ Катей у стола, чертила на листѣ бумаги съ помощію сложенной линейкой бумажки домики съ кривыми окнами и непомѣрно высокими трубами и внимательно слушала чтеніе Кати, часто взглядывая на нее. Катя читала... Вдругъ обѣ обернулись. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ стоялъ Павелъ Михайловичъ.

— Катерина Дмитріевна, сказалъ онъ, приближаясь къ столику за которымъ сидѣли Лина и Катя,—я пришелъ извиниться предъ вами за жену....

Павелъ Михайловичъ видимо стѣснялся говорить.

— Мнѣ это очень непріятно, очень, вѣрьте... Но у Софьи Григорьевны, несмотря на ея доброту, несчастный характеръ. Когда она вспылитъ, она ничего не помнитъ, положительно ничего. На нее находитъ... Она... Ей самой очень тяжело...

Павелъ Михайловичъ не зналъ что̀ и какъ сказать. Онъ чувствовалъ и понималъ что Катя была оскорблена, не подавъ къ тому ни малѣйшаго повода, и сознавалъ что оставить такъ, будто ничего не зная, было бы не честно, а ждать чтобы все само собой уладилось—рискованно... „А что̀ если она и въ самомъ дѣлѣ уѣдетъ?“ думалъ онъ, „уѣдетъ и придется опять искать гувернантку, и опять, пожалуй, напасть на такую какъ Бюффа̀... Но извиняться предъ дѣвочкой и гуверванткой!!...“

— А ты, обратился онъ вдругъ къ Линѣ съ сердитымъ, нахмуреннымъ лицомъ,—попробуй у меня другой разъ сплетничать... Я тебя такъ высѣку что ты своихъ не узнаешь!..

Лина поблѣднѣла, опустила глаза и, стараясь удержать слезы, закусила губу.

Катя живо поднялась со стула.

— Павелъ Михайловичъ, сказала она,—пожалуста, не браните Лину. Она нисколько не виновата...

— Какъ не виновата, прервалъ Катю Павелъ Михайловичъ,—когда вся эта исторія вышла по ея милости... Для чего ей понадобилось доносить матери о томъ что она упала? Важная штука! Скажите пожалуста! Сколько же разъ прежде она падала, а ей и въ голову никогда не приходило сплетничать...

— Увѣряю васъ, сказала Катя, глядя на Павла Михайловича,—что во всей этой исторіи виновата я. Я ей сказала что Софья Григорьевна должна знать о ея паденіи; для того чтобъ, если когда-нибудь въ послѣдствіи у нея оказались какія-нибудь болѣзненныя явленія, Софья Григорьевна была бы въ состояніи объяснить доктору причину ихъ. Я сама ждала Софью Григорьевну въ маленькой гостиной для того чтобъ объяснить ей какъ что̀ было. Къ сожалѣнію, она встрѣтилась ранѣе съ Линой... Въ этомъ ужь никто не виноватъ...

Катя замолчала. Павелъ Михайловичъ стоялъ тоже молча и барабанилъ по столу пальцами.

— Катерина Дмитріевна, вдругъ сказалъ онъ, нахмурившись,—не будьте на нее въ претензіи. Она женщина болѣз-

нервная... Эта вспыльчивость—болѣзнь, временное помѣшательство. Я такъ на это и смотрю, увѣряю васъ.

Павелъ Михайловичъ замолчалъ.

Катѣ было очень неловко. Она не знала что̀ отвѣтить Павлу Михайловичу и, опустивъ глаза, стояла предъ нимъ. Лина тоже молчала. Вдругъ Павелъ Михайловичъ взялъ дѣвочку за плечо и заставилъ ее встать со стула.

— Проси у Катерины Дмитріевны прощенія. Скажи ей что никогда болѣе ничего подобнаго не будетъ. Слышишь?! сказалъ онъ громко и нетерпѣливо.

Онъ потянулъ Лину съ мѣста и, поставивъ ее предъ Катей, повторилъ: слышишь?!

Лина стояла предъ Катей и молчала.

— Павелъ Михайловичъ, увѣряю васъ, заговорила Катя,—это несправедливо... Лина, милая, ты не виновата ни въ чемъ, ты сама это отлично знаешь, и я знаю. Папа твой не могъ знать этого, онъ думалъ... Извиняться тебѣ не въ чемъ и огорчаться не слѣдуетъ. Я все объясню папа и маман, сказала Катя, волнуясь.

— Балуете вы ее! произнесъ Павелъ Михайловичъ и вдругъ, глядя прямо въ глаза Катѣ, онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ.—Я извиняюсь за жену и за дочь; надѣюсь, вы забудете все случившееся, сказалъ онъ тихо.

— Не могу ли я, прежде нежели на что-нибудь рѣшусь, поговорить съ Софьей Григорьевной въ вашемъ присутствіи? спросила Катя взволнованная, сконфуженная и растроганная.

— Я не знаю... теперь...

Павелъ Михайловичъ замялся.

— Я сейчасъ... Она кажется еще не вернулась...

Павелъ Михайловичъ вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ Авдотья Егоровна принесла отвѣтъ что баринъ приказывалъ [illegible] сказать Катеринѣ Дмитріевнѣ что барыня скоро часъ какъ уѣхала.

— Катерина Дмитріевна, скажите теперь, при мнѣ, что это неправда, что вы не уѣдете, сказала Лина, умоляюще глядя на Катю.

— Я ничего еще не могу сказать, дружочекъ, потому что сама не знаю, уѣду я или останусь, отвѣчала Катя.

Лина бросилась на шею Катѣ и заплакала.

— И-и-и матушки! Господь съ вами, зачѣмъ вамъ уѣзжать! заговорила Авдотья Егоровна.—Что Софья-то Григорьевна на

васъ посердились напрасно? Такъ что жь за бѣда! Что онѣ невѣсть чего наговорили вамъ? Такъ онѣ и сами теперь не ради! Ей Богу! Развѣ онѣ виноваты что у нихъ характеръ такой? Э-э-э, голубушка, то ли еще бываетъ. Развѣ можно каждое лыко въ строку ставить? Знаете, милая, надъ всѣмъ убиваться— жизни не хватитъ.

— А вотъ, помните, продолжала старушка,—вѣдь вы также обидѣли меня тогда. „Портить ребенка", сказали. „Надо пріучать чтобы за всѣмъ къ маменькѣ, да папенькѣ ходила!" То-то, милая, сунься-ка она со всякимъ дѣломъ къ маменькѣ...... Умны-то вы умны, голубушка, слова нѣтъ, а какъ жить—вамъ еще поучиться, да поучиться надо! Д-да... Послушайте вы меня, старуху, право, спасибо скажете. Мы въ книжкахъ вашихъ не читали, за то всему научила насъ нужда-горюшка. Всю науку собственною шеей превзошли, сказа Авдотья Егоровна.—Дальше отъ грѣха, матушка, какъ своимъ умомъ все обдумаешь. Что къ нимъ, къ господамъ-то, безъ пути на глаза соваться!.. И себѣ, и имъ одинъ грѣхъ. Господа любятъ покой. Что хорошо—на то имъ и укажите, а чуть что не ладно и безпокоить ихъ нечего. Такъ-то, милая!

Старушка говорила съ такимъ убѣжденіемъ что нечего было и пытаться поколебать ея теорію. Катя и не пыталась...

— Пойду-ка я принесу вамъ покушать. Можно? спросила Авдотья Егоровна, наклонившись надъ Катей и поглаживая рукой ея плечо.

Авдотья Егоровна вышла и вернулась чрезъ нѣсколько минутъ съ чаемъ и цѣлымъ обѣдомъ.

Лина, взобравшись между тѣмъ на колѣни Кати, полулежала, положивъ голову на ея плечо. Катя, покачивая дѣвочку, старалась разными шутками развеселить ее.

— Послушайте, Катерина Дмитріевна, сказала вдругъ Лина, вскакивая съ колѣнъ Кати,—зачѣмъ же вы теперь хотите уѣхать? Вѣдь папа такъ извинялся предъ вами и меня заставлялъ!

— Ахъ, да сиди смирно, сказала Катя, насильно усаживая Лину.—Вотъ послушай...

— Нѣтъ ужь, матушка, перебила Катю Авдотья Григорьевна,—вы покушайте, а Линочка пусть посмотритъ на васъ, сказала она, накидывая салфетку на придвинутый ею къ Катѣ маленькій столикъ.

„Какъ это написать?" думала Катя уже поздно вечеромъ, ходя

взадъ и впередъ по комнатѣ. „И какъ рѣшить? Голову потеряешь. Вернуться... На сорокъ рублей не доѣдешь, а они не захотятъ отправить на свой счетъ, да и понятно за одинъ мѣсяцъ такіе расходы!.. Мама, Александра Семеновна и Андрей Петровичъ будутъ очень довольны, я знаю, они такъ не хотѣли этого...“

Катя прошлась нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

„Если Софья Григорьевна,“ продолжала она думать, „дѣйствительно сама сознаетъ что наговорила все это такъ, по вспыльчивости, теперь когда Павелъ Михайловичъ разказалъ ей какъ все было... Конечно, она позоветъ меня и скажетъ что ей очень жаль что она въ испугѣ за Лину, въ волненіи... Только нѣтъ... какой испугъ!.. Она даже не осмотрѣла, не разспросила Лину... Удивительно! Пожалуй, Авдотья Егоровна и права, но не учиться же мнѣ у Авдотьи Егоровны, не примѣнять же ея теорію... Остаться?.. А то? Можетъ-быть даже Софья Григорьевна видѣла какъ онъ смотритъ, „вдругъ пришло ей въ голову,“ и думаетъ что я сама... И конечно видѣла, не могла не видѣть... И когда этотъ противный красавецъ, этотъ Юрій Александровичъ... Она видѣла какъ онъ нагибался, шепталъ на ухо. Она можетъ-быть воображаетъ что я подала поводъ... Противный! Чѣмъ же я виновата?“

Катя нахмурилась точно отъ боли и опять прошлась.

„Теперь уѣхать?.. Уѣхать черезъ мѣсяцъ... Марина Ѳедоровна пойметъ почему и повѣритъ если я ей скажу что они просили меня остаться, но я сама не осталась, не могла остаться... Но всѣ другія... Онѣ невѣсть чтò подумаютъ... Когда Смѣлова вернулась съ мѣста чрезъ полтора мѣсяца, чтò тогда говорили? И потомъ всѣ планы насчетъ Лёвы... Бѣдная, бѣдная, дорогая моя мама!“

Катя остановилась предъ окномъ и разсѣянно глядя предъ собой, стала водить пальцемъ по своимъ губамъ и подбородку.

— Чтò это? вдругъ вздрогнувъ спросила она себя.

Она живо повернулась къ двери и пошла было къ корридору, но дойдя до средины комнаты, остановилась и стала прислушиваться.

Кто-то съ шумомъ пробѣжалъ по корридору, крикнулъ что-то непонятное задыхающимся голосомъ... На секунду все смолкло... Хлопнула дверь... по корридору, удаляясь, побѣжали шаги не одного человѣка, а двухъ... можетъ-быть и трехъ.

„Не пожаръ ли?“ подумала Катя и бросившись къ окну она стала смотрѣть во всѣ стороны... Ничего... Нигдѣ ничего не видно и вездѣ тихо.

Она вышла въ корридоръ... никого и тоже ничего... Прошла къ комнатѣ Авдотьи Егоровны. Дверь отперта настежь. Катя вошла въ комнату, окликнула старушку... Нѣтъ отвѣта. Окно отворено, постель смята, но никого нѣтъ.

Катя остановилась у открытаго окна, выходившаго во дворъ, высунулась, посмотрѣла, никого не видно. Вдали какой-то неясный шумъ... голоса... безпокойный говоръ. Что̀ говорилось, она, несмотря на все напряженіе слуха, не могла разобрать. Послышались издали раздѣльные удары, точно лошадиныхъ подковъ о сухую землю.

„Вывели лошадь зачѣмъ-то“, подумала Катя.

Въ ту же минуту этотъ шумъ, но уже громкій, частый, раздался по всему двору, и мимо окна, у котораго стояла Катя, проскакалъ во весь опоръ на неосѣдланной лошади какой-то человѣкъ въ темной, Катѣ показалось красной, рубашкѣ.

Катя ясно видѣла это при полномъ свѣтѣ луны, глядѣвшей съ чистаго синяго, усыланнаго звѣздами неба прямо въ ея окно. Она видѣла какъ этотъ человѣкъ, разводя локтями, дергалъ лошадь, какъ билъ ее ногами въ широкихъ сапогахъ, видѣла какъ лошадь задирала голову и безпокойно трясла ею.

— Тпрруую! пронесся опять чей-то голосъ издали.—Ѳедька! Сбѣгай къ Авдотьѣ Егоровнѣ, спроси огарочковъ въ фонари, духомъ, слышь!

— Господи, что̀ тамъ такое! произнесла Катя вслухъ.

Невольный ужасъ напалъ на нее, и она почти выбѣжала чрезъ корридоръ на крыльцо и во дворъ.

— Чтобы бинты были! Льду, льду побольше наколоть! Конону сказать чтобы торопился... къ плотинѣ ѣхать, услышала она.

„Кто это?“ подумала Катя. „Точно знакомый голосъ и вмѣстѣ съ тѣмъ совсѣмъ чужой, какой-то горловой. Павелъ Михайловичъ,“ мелькнуло ей въ отвѣтъ. „Голосъ Павла Михайловича? Этотъ хриплый, сдавленный голосъ?..“

Катя сдѣлала еще нѣсколько шаговъ впередъ и увидѣла поспѣшно удаляющуюся отъ дома группу людей, и въ тотъ же мигъ услышала за собой неровный топотъ лошадей. Она обернулась. Какъ разъ на нее ѣхала коляска парой.

Катя посторонилась.

— Екатерина Дмитріевна! голубушка! вотъ бѣда-то! Вѣдь убилась, говорятъ, на смерть убилась ваша Софья Григорьевна, заговорила вдругъ Авдотья Егоровна, выходя изъ дому, приближаясь къ Катѣ и заливаясь слезами.—Чуяло, давно чуяло мое сердце: что ей не сдобровать съ этою проклятою ѣздой...

Катя дрожала всѣмъ тѣломъ и крестясь отрывисто стала спрашивать:

— Какъ убилась? гдѣ? И гдѣ же она теперь?

— Лежитъ, сердечная, на дорогѣ, тамъ, не доѣзжая плотины...

— Какъ же узнали? спросила Катя.

— Да спасибо мужичку проѣзжему, а то такъ бы ей, нашей голубушкѣ, тамъ бы до утра и лежать.

Авдотья Егоровна стала подробно разсказывать что знала о происшествіи, повторяя слова мужичка.

— „Проѣхалъ плотину," говоритъ мужичекъ, „хочу ужъ свернуть на проселокъ", а мужичекъ-то не нашъ, пояснила Авдотья Егоровна Катѣ,—чужой, изъ Дубковъ, онъ изъ города домой возвращался. „Хочу, говоритъ, свернуть, а лошаденка вдругъ стала, ни тпру, ни ну. Что, думаю, за сказія? Слѣзъ, а на дорогѣ, вотъ такъ, поперекъ, лежитъ что-то. Нагнулся, смотрю, батюшки мои, да это, кажись, затишьевская барыня... Она! и вправду она. Лицо все разбито, кровь запеклась уже, не дышетъ... Дай, думаю, заѣду скажу"... Доложили барину, а баринъ-то ужъ безпокоились; нѣсколько разъ спрашивали, не вернулась ли барыня. Они какъ схватятся за голову и говорятъ: „Вѣдь говорилъ, сколько разъ говорилъ, чтобы не ѣздила одна!" А потомъ и стали приказывать: за докторомъ Трошку велѣли послать, коляску велѣли чтобы Сергѣичъ заложилъ и за ними слѣдовалъ. Тутъ приказали все приготовить. Мужичка дубовскаго съ собою взяли чтобы мѣсто указать, чтобы такъ попусту не плутать.

— И что за страсть это у барыни была, вздыхая продолжала Авдотья Егоровна.—Вѣдь съ самаго съ молоду, и сколько ихъ люди осуждали, сколько баринъ бывало говорить, даже сердятся, ничего не внемлетъ. Сейчасъ говорятъ, а черезъ минуту смотришь онѣ приказываютъ ихъ любимую, вороную, безъ отмѣтинки, красавицу лошадь осѣдлать... Выйдутъ... въ длинномъ платьѣ, съ хлыстомъ, въ мужской шляпѣ, подсадятъ ихъ на лошадь—и пошли носиться! Сначала по двору взадъ

и впередъ скачатъ, да все скорѣе, скорѣе, точно барина поддразниваютъ, а тамъ смотришь улетѣли и слѣдъ простылъ...

Старушка махнула рукой точно вслѣдъ улетѣвшей барыни. Она говорила, видимо наслаждаясь восломинаніемъ описываемой картины, и совсѣмъ забыла о томъ несчастіи которое вызвало у нея это воспоминаніе.

— А готово у васъ все что̀ приказывалъ Павелъ Михайловичъ? спросила Катя, съ безпокойствомъ все время прислушивавшаяся и присматривавшаяся къ тому что̀ дѣлалось вокругъ и вдали, по дорогѣ, по которой ушелъ Павелъ Михайловичъ съ какими-то людьми и уѣхала коляска...

— Сейчасъ, у меня мигомъ все готово, отвѣчала Авдотья Егоровна.—Ледъ ужь принесли,—видѣли?—цѣлую лоханку, а лѣкарства всѣ въ одномъ мѣстѣ собраны, весь ящикъ туда и поставятъ; какъ знать, что̀ имъ понадобится; бѣлье, бинты, корпію сейчасъ принесу. Да... вѣрно имъ такъ на роду было написано, прибавила грустно старушка и, вздохнувъ, пошла къ дому.

Прошло много времени прежде нежели послышался шумъ колесъ медленно приближавшейся къ дому коляски. Катя успѣла пройти къ себѣ въ комнату, посмотрѣть на спящую Лиму; успѣла пройти къ Авдотьѣ Егоровнѣ чтобы напомнить ей о нашатырномъ спиртѣ, который „вѣрно тотчасъ же понадобится,“ сказала она ей; успѣла, вернувшись во дворъ, постоять нѣсколько минутъ, прислушиваясь сначала къ чуть слышному, потомъ дѣлавшемуся все яснѣе и яснѣе мѣрному стуку лошадиныхъ подковъ и мягкому звуку шагомъ катившаго экипажа. Наконецъ коляска приблизилась къ дому. Глаза всѣхъ собравшихся впились въ блѣдное лицо барина, прямо сидѣвшаго въ ней и заботливо поддерживавшаго безжизненное тѣло Софьи Григорьевны, лежавшей на подушкахъ поперекъ экипажа. Цѣлая гурьба народа слѣдовала за коляской въ глубокомъ молчаніи. У подъѣзда толпился неизвѣстно откуда взявшійся народъ. Коляска остановилась. Тотчасъ нѣсколько человѣкъ, молча отдѣлившись отъ толпы, подошли къ дверкѣ, приняли изъ рукъ Павла Михайловича тѣло своей барыни, бережно и въ совершенномъ молчаніи внесли его въ домъ и положили на приготовленную постель въ спальной.

Многіе изъ прислуги, при видѣ блѣднаго, изуродованнаго лица съ кровяными подтеками и толстыми слоями запекшейся на губахъ, на лбу и вискѣ крови, прослезились;

женщины стали причитать, громко плача. Павелъ Михайловичъ, блѣдный, какъ-то вдругъ осунувшійся, пока вносили въ домъ Софью Григорьевну, шелъ сбоку, поддерживая рукой ея свѣсившуюся голову съ массой слутанныхъ, сѣрыхъ отъ набившейся въ нихъ пыли и земли волосъ. Онъ казался спокойнымъ, но руки его такъ дрожали что когда Софью Григорьевну опустили на постель, онъ никакъ не могъ положить голову жены такъ чтобы голова лежала правильно, и то приподнималъ ее слишкомъ высоко, то опускалъ ниже туловища.

Катя подошла къ постели; положивъ подъ спину Софьи Григорьевны руку, она помогла Павлу Михайловичу приподнять тяжелое безжизненное тѣло и, живо подсунувъ подъ голову обезпамятѣвшей или умершей—они еще не знали—подушку, оправила ее и стала разстегивать и развязывать дрожавшими руками безчисленные крючки, пуговки и тесемки сложнаго дамскаго туалета...

Не дожидаясь врача, стали прикладывать ледъ, давали нюхать соли, растирали Софью Григорьевну, обложили ее горчичниками, дѣлали все что̀ умѣли и что̀ могли придумать: Софья Григорьевна не подавала признаковъ жизни.

Пріѣхалъ докторъ, открылъ вену, кровь не пошла, не пошла и при второмъ опытѣ. Наконецъ уже при третьемъ—капнула черная капля крови, другая, третья и полилась струйкой.

— Слава Богу! вырвалось вздохомъ у Павла Михайловича.

По дому, какъ электричествомъ, пронеслось: ожила!.. Скоро въ самыхъ дальнихъ уголкахъ барской усадьбы стало извѣстно что барыня ожила. И дѣйствительно, къ утру Софья Григорьевна, обложенная льдомъ и компрессами, лежала, жалобно стоная при малѣйшемъ движеніи въ комнатѣ. Темныя сторы и драпировки на окнахъ были спущены. Авдотья Егоровна, неслышно ступая ногами обутыми въ одни чулки, безпрестанно переходила отъ умывальника къ постели и молча, не касаясь больнаго тѣла руками, осторожно мѣняла то одинъ, то другой изъ быстро нагрѣвавшихся компрессовъ.

V.

— Варя, Варя, тебѣ все шутки! Подумай, вѣдь чрезъ нѣсколько часовъ твоя судьба рѣшается, говорила Анна Францевна Варѣ, торопливо рѣзавшей красную ленту и состав-

лявшей изъ ея ровно нарѣзанныхъ, небольшихъ кусочковъ, сложенныхъ петельками, прилаженныхъ и прикрѣпленныхъ другъ къ другу, красивые бантики.

— Мамочка, милая, ужъ я подумала и рѣшила „безповоротно“, сказала Варя, шутливо и отдѣляя каждый слогъ.—Вы только не безпокойтесь. Алексѣй Игнатьевичъ мнѣ, право, нравится, продолжала она, дѣлая серіозное лицо.—Онъ, правда, ужь немножко, какъ бы это сказать, „старенькій“...

Варя засмѣялась, показавъ два ряда бѣлыхъ красивыхъ зубовъ.

— Ну да это ничего, сойдетъ и такъ. Мы взобьемъ повыше „кокъ“; его старитъ больше всего то что онъ гладко причесываетъ свои волосы и начесываетъ ихъ такъ непоэтично на виски. Мы ихъ зачешемъ назадъ, надѣнемъ самый модный фракъ и будемъ не только молоды, но даже красивы. Право; вотъ увидите, какъ еще позавидуютъ намъ!

— Варя, не шали, будь серіозна хоть разъ въ жизни. Право, даже больно, точно я тебѣ не мать, точно ты думаешь что я...

— Не кончайте! не кончайте!... Я задумала, закричала Варя, поцѣлуями зажимая ротъ матери. „Думаешь!“ повторила она.—Вы знаете, и мнѣ нечего васъ увѣрять, отлично знаете что̀ я думаю: „какая у меня дорогая, заботливая, ненаглядная мама!“

— Да, но если ты скажешь ему теперь: „да!“ а потомъ...

— Ничего, родная, ничего дурнаго, по крайней мѣрѣ, потомъ не будетъ, ужь вѣрьте. Потомъ сдѣлаютъ мнѣ подвѣнечное платье и флеръ-д'оранжевый вѣнокъ на голову, бѣлый утренній капотъ на розовомъ шелковомъ чехлѣ, съ кружевомъ и множествомъ бантовъ спереди, къ нему маленькій чепчикъ съ розовыми лентами—конфетка!—да еще тамъ разныя разности, и повезутъ насъ въ церковь. Народу будетъ много, много. Всѣ будутъ смотрѣть на насъ, всѣ будутъ шептаться: „Какая парочка! какой онъ-то красивый!“ Право, мамочка, вы не думайте. Онъ *будетъ* въ этотъ день красивый.

Анна Францевна вздохнула и, откинувъ голову назадъ, закрыла глаза.

Варя присмирѣла и съ участіемъ посмотрѣла на мать.

— Ты не умѣешь слушать, и у тебя только шутки на умѣ, сказала утомленнымъ голосомъ Анна Францевна,—а я совсѣмъ не умѣю говорить, разучилась; но Варя, повѣрь мнѣ, еще разъ повторяю, если ты не любишь его, не губи себя и его. *Какая ты жена?* А онъ, говорятъ, такой хорошій человѣкъ...

— Оттого-то, мамочка, я и рѣшилась за него выйти что всѣ говорятъ: онъ хорошій человѣкъ. Подумайте, хорошій, добрый, меня любитъ и богатый... Чего же намъ еще? У насъ будетъ своя дача, свои лошади, зимой будемъ каждый день въ театръ ѣздить...

— Не въ томъ дѣло, Варя, начала опять Анна Францевна.— Важно тутъ только одно: полюбишь ли ты его настолько чтобы быть ему помощницей, другомъ, чтобъ отдать ему всю свою жизнь, жить его жизнью, худо ли, хорошо ли будетъ...

— Это мы, мамочка, еще тогда посмотримъ, сказала Варя, подымая голову.—Если худо будетъ... ну ужь нѣтъ, пусть лучше будетъ хорошо. Я соглашаюсь только на хорошее... добавила она, улыбнувшись.

— Рано тебѣ еще о замужествѣ думать. Рано!

Анна Францевна замолчала.

— Отчего же рано? Сколько же людей шестнадцати лѣтъ замужъ выходятъ, а мнѣ ужь скоро семнадцать, сказала Варя.

— Людей? да; но люди-то людямъ рознь. Одни люди въ двѣнадцать лѣтъ гораздо положительнѣе нежели другіе въ семнадцать, отвѣчала тяжело вздохнувъ Анна Францевна.

Обѣ замолчали. Анна Францевна сидѣла полулежа, съ закрытыми глазами, въ вольтеровскомъ креслѣ; Варя продолжала искусно складывать петельками нарѣзанную ленту и изъ петелекъ сшивать бантики.

— Брадке вѣдь для насъ сегодня вечеръ устраиваютъ, сказала она помолчавъ немного,—и я обѣщала дать...

Варя весело улыбнулась, приподнялась со стула и, ставъ предъ матерью на колѣни, взяла ея руки и закрывая ими свое лицо, договорила:—„утвердительный отвѣтъ“. Теперь уже все кончено. Онъ чрезъ Эмилію Даниловну знаетъ что „да“.

— По крайней мѣрѣ не торопитесь свадьбой. Отложите до зимы, проговорила Анна Францевна.—Ты успѣешь къ нему привыкнуть, онъ узнаетъ какого ребенка беретъ.

— Нѣтъ, ужь что откладывать, мамочка, сказала Варя, мотнувъ головой.—Начнешь думать, да передумывать, хуже выйдетъ... какъ съ этимъ противнымъ поясомъ. Простить себѣ не могу, такъ теперь каюсь! Александра Семеновна говорила: „бери розовый“, я ужь совсѣмъ было согласилась, а потомъ передумала. „Красный, думаю, выгоднѣе будетъ. И

къ моему сѣренькому подойдетъ, и къ синему платью,“ взяла красный. Такъ теперь досадно, а ужь не поправишь.

Варя развела руками.

Анна Францевна покачала головой, вздохнула и ничего не отвѣтила.

— Мамочка, я думаю сегодня надѣть бѣлое, продолжала Варя,—знаете, mousseline d'Inde, то которое вы мнѣ подарили, волосы распустить локонами, черепаховыя гребеночки Александра Семеновна обѣщала мнѣ привезти сегодня, а на шею надѣть корольки, которые Андрей Петровичъ мнѣ подарилъ въ день выпуска. Какъ вы думаете, хорошо?

— Хорошо, отвѣтила коротко Анна Францевна.

Варѣ показалось что Анна Францевна и не слышала о чемъ шла рѣчь и отвѣчала ей машинально.

— Хорошо? повторила она заглядывая въ глаза матери.

— Хорошо, хорошо, сказала Анна Францевна.

— Мамочка, а вы въ какомъ платьѣ были когда вамъ папа предложеніе сдѣлалъ? спросила Варя.

Анна Францевна открыла глаза, безпокойно посмотрѣла на дочь и вдругъ стала скоро и безсвязно что-то говорить.

„Вотъ опять! Вѣдь всякій разъ. Право, надо себѣ языкъ откусить“, подумала Варя, взявъ руки матери въ свои и цѣлуя ихъ нѣсколько разъ.

— Мамочка, что̀ мнѣ сверху надѣть? спросила она, поднявъ голову и глядя въ глаза матери.

Анна Францевна не слышала вопроса и продолжала говорить очень быстро и убѣдительно, но совершенно безсвязно.

Варя встала съ колѣнъ и пробѣжавъ въ кухню, крикнула Маришу.

— Мариша! ради Бога иди скорѣе! Я опять надѣлала бѣдъ. Спросила маму въ какомъ она была платьѣ въ тотъ день когда папа сдѣлалъ ей предложеніе. Она и пошла, и пошла...

Варя отчаянно махнула рукой.

— Я право совсѣмъ сумашедшая... Ужь не сердись, Мариша, и пойдемъ туда скорѣе, продолжала она жалобнымъ голосомъ.

Мариша торопливо обдернула фартукъ, вытерла о висѣвшій на веревкѣ рушникъ свои руки и поспѣшно пошла въ комнату Анны Францевны.

Успокоить Анну Францевну умѣла только она одна.

— И чего только эту егозу оставляютъ съ барыней! ворчала

— Оттого-то, мамочка, я и рѣшилась за него выйти что всѣ говорятъ: онъ хорошій человѣкъ. Подумайте, хорошій, добрый, меня любитъ и богатый... Чего же намъ еще? У насъ будетъ своя дача, свои лошади, зимой будемъ каждый день въ театръ ѣздить...

— Не въ томъ дѣло, Варя, начала опять Анна Францевна.— Важно тутъ только одно: полюбишь ли ты его настолько чтобы быть ему помощницей, другомъ, чтобъ отдать ему всю свою жизнь, жить его жизнью, худо ли, хорошо ли будетъ...

— Это мы, мамочка, еще тогда посмотримъ, сказала Варя, подымая голову.—Если худо будетъ... ну ужь нѣтъ, пусть лучше будетъ хорошо. Я соглашаюсь только на хорошее... добавила она, улыбнувшись.

— Рано тебѣ еще о замужествѣ думать. Рано!

Анна Францевна замолчала.

— Отчего же рано? Сколько же людей шестнадцати лѣтъ замужъ выходятъ, а мнѣ ужь скоро семнадцать, сказала Варя.

— Людей? да; но люди-то людямъ рознь. Одни люди въ двѣнадцать лѣтъ гораздо положительнѣе нежели другіе въ семнадцать, отвѣчала тяжело вздохнувъ Анна Францевна.

Обѣ замолчали. Анна Францевна сидѣла полулежа, съ закрытыми глазами, въ вольтеровскомъ креслѣ; Варя продолжала искусно складывать петельками нарѣзанную ленту и изъ петелекъ сшивать бантики.

— Брадке вѣдь для насъ сегодня вечеръ устраиваютъ, сказала она помолчавъ немного,—и я обѣщала дать...

Варя весело улыбнулась, приподнялась со стула и, ставъ предъ матерью на колѣни, взяла ея руки и закрывая ими свое лицо, договорила:—„утвердительный отвѣтъ". Теперь уже все кончено. Онъ чрезъ Эмилію Даниловну знаетъ что „да".

— По крайней мѣрѣ не торопитесь свадьбой. Отложите до зимы, проговорила Анна Францевна.—Ты успѣешь къ нему привыкнуть, онъ узнаетъ какого ребенка беретъ.

— Нѣтъ, ужь что откладывать, мамочка, сказала Варя, мотнувъ головой.—Начнешь думать, да передумывать, хуже выйдетъ... какъ съ этимъ противнымъ поясомъ. Простить себѣ не могу, такъ теперь каюсь! Александра Семеновна говорила: „бери розовый", я ужь совсѣмъ было согласилась, а потомъ передумала. „Красный, думаю, выгоднѣе будетъ. И

къ моему сѣренькому подойдетъ, и къ синему платью," взяла красный. Такъ теперь досадно, а ужь не поправишь.

Варя развела руками.

Анна Францевна покачала головой, вздохнула и ничего не отвѣтила.

— Мамочка, я думаю сегодня надѣть бѣлое, продолжала Варя,—знаете, mousseline d'Inde, то которое вы мнѣ подарили, волосы распустить локонами, черепаховыя гребеночки Александра Семеновна обѣщала мнѣ привезти сегодня, а на шею надѣть корольки, которые Андрей Петровичъ мнѣ подарилъ въ день выпуска. Какъ вы думаете, хорошо?

— Хорошо, отвѣтила коротко Анна Францевна.

Варѣ показалось что Анна Францевна и не слышала о чемъ шла рѣчь и отвѣчала ей машинально.

— Хорошо? повторила она заглядывая въ глаза матери.

— Хорошо, хорошо, сказала Анна Францевна.

— Мамочка, а вы въ какомъ платьѣ были когда вамъ папа предложеніе сдѣлалъ? спросила Варя.

Анна Францевна открыла глаза, безпокойно посмотрѣла на дочь и вдругъ стала скоро и безсвязно что-то говорить.

„Вотъ опять! Вѣдь всякій разъ. Право, надо себѣ языкъ откусить", подумала Варя, взявъ руки матери въ свои и цѣлуя ихъ нѣсколько разъ.

— Мамочка, что̀ мнѣ сверху надѣть? спросила она, поднявъ голову и глядя въ глаза матери.

Анна Францевна не слышала вопроса и продолжала говорить очень быстро и убѣдительно, но совершенно безсвязно.

Варя встала съ колѣнъ и пробѣжавъ въ кухню, крикнула Маришу.

— Мариша! ради Бога иди скорѣе! Я опять надѣлала бѣдъ. Спросила маму въ какомъ она была платьѣ въ тотъ день когда папа сдѣлалъ ей предложеніе. Она и пошла, и пошла...

Варя отчаянно махнула рукой.

— Я право совсѣмъ сумашедшая... Ужь не сердись, Мариша, и пойдемъ туда скорѣе, продолжала она жалобнымъ голосомъ.

Мариша торопливо обдернула фартукъ, вытерла о висѣвшій на веревкѣ рушникъ свои руки и поспѣшно пошла въ комнату Анны Францевны.

Успокоить Анну Францевну умѣла только она одна.

— И чего только эту егозу оставляютъ съ барыней! ворчала

Мариша по дорогѣ.—Всякій разъ накуралеситъ что-нибудь точно маленькая, прости Господи. Лёвушка на шесть слишкомъ лѣтъ моложе, а куда умнѣе...

— Не сердись Мариша, голубушка... Я, право, не знаю какъ это у меня вылетѣло, говорила Варя, едва поспѣвая за Маришей.

— Вылетѣло! повторила Мариша укоризненно, и вдругъ, обернувшись къ Варѣ, указала рукой на отворенную невдалекѣ дверь и приложила палецъ къ губамъ.

Варя замолчала.

Мариша, подходя къ двери, убавила шагу и вошла въ комнату Анны Францевны спокойно и тихо, точно зашла такъ мимоходомъ или по своему дѣлу.

Въ этотъ вечеръ, какъ говорила Варя, должна была рѣшиться ея судьба. Жена одного изъ сослуживцевъ Андрея Петровича, Эмилія Даниловна Брадке, очень пожилая и очень добрая женщина, никогда не имѣвшая собственныхъ дѣтей и съ давнихъ уже поръ извѣстная своею страстью женить и выдавать замужъ всѣхъ знакомыхъ мущинъ и барышень, почувствовала къ Варѣ съ перваго знакомства особенную слабость, и съ первыхъ же дней по выходѣ ея изъ института стала заботиться о томъ чтобъ ее выгодно пристроить.

Эмилія Даниловна была главою въ своемъ домѣ. Мужъ ея, Аркадій Васильевичъ, отдавшись съ первыхъ дней женитьбы въ руки хорошенькой молоденькой жены, отказался въ пользу ея ото всякой власти въ домѣ, и если случалось что къ нему зачѣмъ-нибудь обращались, онъ всегда добродушнѣйшимъ образомъ отвѣчалъ: „спросите начальство, я ничего не могу; какъ рѣшатъ, такъ и будетъ". Такъ въ домѣ Эмиліи Даниловны, любительницы общества и веселья, несмотря на то что Аркадію Васильевичу теперь было уже семьдесятъ, а самой Эмиліи Даниловнѣ шестьдесятъ съ небольшимъ лѣтъ, постоянно были гости. Знакомство у старичковъ было огромное, средства порядочныя, энергіи настолько что суетня, хлопотня, уборка послѣ кончившагося завтрака, обѣда или вечера и приготовленіе къ новому завтраку, обѣду или вечеру не утомляли, а доставляли развлеченіе и Аркадію Васильевичу и Эмиліи Даниловнѣ, и потому домъ ихъ былъ съ утра до вечера полонъ гостей, и всегда кто-нибудь изъ этихъ гостей былъ „на примѣтѣ" у Эмиліи Даниловны, до поры до времени тщательно отъ всѣхъ, иногда даже отъ самого Аркадія Васильевича, скрывавшей намѣченную ею жертву.

За послѣдніе полтора мѣсяца все вниманіе Эмиліи Даниловны было обращено на Алексѣя Игнатьевича Мейзеръ, съ матерью котораго она была дружна и которую знала съ дѣтства.

Алексѣй Игнатьевичъ былъ Нѣмецъ только по фамиліи. Не только онъ, но и отецъ его и, кажется, даже дѣдъ, родились въ Россіи и въ Россіи получили образованіе. Они считали себя Русскими и были „ярыми патріотами". Алексѣй Игнатьевичъ, умный по природѣ, получилъ прекрасное образованіе и воспитаніе, которое выпадаетъ на долю не многихъ людей. Въ высшей степени добрый, честный, справедливый, строгій къ себѣ самому, онъ былъ довѣрчивъ и снисходителенъ къ другимъ. Въ дѣтствѣ и юности окруженный заботами родителей, посвятившихъ себя воспитанію его и двухъ его сестеръ, выданныхъ уже много лѣтъ тому назадъ замужъ, Алексѣй Игнатьевичъ мало зналъ людей и былъ удивительно робокъ въ женскомъ обществѣ. Состояніе онъ имѣлъ хорошее, шестьсотъ незаложенныхъ душъ, домъ въ Петербургѣ и прекрасный загородный домъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ столицы.

Эмилія Даниловна, страстная охотница до устройства судебъ молодежи, каждый годъ устраивавшая болѣе дюжины свадебъ, до этого года никогда еще не рѣшалась посягнуть на свободу Алексѣя Игнатьевича. Напротивъ, если и случалось что какая-нибудь заботливая и благоразумная маменька издалека забрасывала словечко насчетъ молодаго Мейзера, Эмилія Даниловна какъ сына роднаго отстаивала его.

— Нѣтъ, мой другъ, говорила она обыкновенно самымъ убѣдительнымъ тономъ,—онъ не женится. Его надо въ покоѣ оставить. Ему надо жену серіозную, ученую, такую которая не соскучилась бы глазъ на глазъ съ нимъ цѣлые дни, дома, за книгами проводить, да и барышнѣ вашей онъ не понравится. Чтò онъ? бука, зарылся въ книгахъ. Онъ и комплимента-то простаго сказать не сумѣетъ.

Такъ и прослылъ Алексѣй Игнатьевичъ въ обществѣ Эмиліи Даниловны за „буку"; такъ смотрѣли на него и маменьки, и сами барышни. Что же касается самого Алексѣя Игнатьевича, онъ, казалось, никогда и не помышлялъ о женитьбѣ.

Александра Семеновна, дѣлая съ Варей визиты и представляя ее въ дома своихъ знакомыхъ, не преминула познакомить ее и съ Брадке. Аркадій Васильевичъ пришелъ отъ Вари въ неописанный восторгъ. Проводивъ гостей, онъ вернулся въ гостиную, потирая руки.

— А знаешь, Миля, кого напоминаетъ мнѣ Варенька Солнцева? спросилъ онъ жену, весело улыбаясь и хитро прищуривая глаза.

— Кого?

— Эмилію Даниловну, когда ей было восемнадцать - девятнадцать лѣтъ!

Эмилія Даниловна покраснѣла и, весело разсмѣявшись, сказала:—Съ кѣмъ, съ кѣмъ только я не имѣла въ молодости сходства. Какъ какая-нибудь красавица, такъ непремѣнно мой портретъ, или я въ молодости. Хорошо что провѣрить и уличить Аркадія Васильевича нельзя.

— Вѣдь сама знаешь что была красавица, сказалъ Аркадій Васильевичъ, смотря блаженными, смѣющимися глазами на жену,—и какая еще красавица! лучше Вареньки Солнцевой, право.

Оттого ли что Варя дѣйствительно напомнила Эмиліи Даниловнѣ ея молодые годы, или просто красивое лицо молодой дѣвушки, къ тому же, сироты, безъ состоянія, вызвало въ старушкѣ особенную симпатію, но она приняла Варю подъ свое особое покровительство, и съ перваго же дня знакомства съ ней она, какъ ни странно это было, въ воображеніи своемъ соединила ее съ Алексѣемъ Игнатьевичемъ.

Варѣ, въ свою очередь, домъ Брадке особенно понравился, и не прошло двухъ недѣль, какъ она сдѣлалась въ немъ своею.

Эмилія Даниловна, отдавая Александрѣ Семеновнѣ визитъ, упросила ее отпустить къ ней Варю на цѣлый день. Въ этотъ день, проведенный на дачѣ у Брадке, Варя окончательно побѣдила старушку, и старушка въ глубинѣ души своей рѣшила что не пройдетъ трехъ мѣсяцевъ, какъ она, Эмилія Даниловна, въ качествѣ посаженой матери повезетъ своего любимца Алексѣя Игнатьевича въ церковь. Она въ мечтахъ своихъ рѣшила даже какое платье и какой чепецъ сдѣлаетъ себѣ для этого торжественнаго случая.

Взялась за это дѣло Эмилія Даниловна, не теряя времени. Аркадію Васильевичу вдругъ встрѣтилась такая неотложная надобность въ V томѣ *Академическаго Словаря*, который былъ взятъ у него Алексѣемъ Игнатьевичемъ на время, что онъ, обыкновенно очень тяжелый на подъемъ, ѣздилъ два раза за этимъ томомъ къ Алексѣю Игнатьевичу въ Петербургъ. Первый разъ онъ не засталъ его въ городѣ; во второй, явившись

раннимъ утромъ, нашелъ Алексѣя Игнатьевича еще въ постели. Объяснивъ ему зачѣмъ пріѣхалъ въ городъ и къ нему, Аркадій Васильевичъ кстати передалъ что Эмилія Даниловна очень обижена его къ ней невниманіемъ.

— Да, братъ, вѣдь вотъ говорятъ что ты вездѣ бываешь. То тутъ, то тамъ тебя видѣли; а что̀ бы къ намъ старикамъ заглянуть, старыхъ утѣшить? Впрочемъ, сказалъ Аркадій Васильевичъ, глубоко вздохнувъ,—и то сказать? Что̀ за радость молодому человѣку съ нами, вѣдь мы люди отжившіе.

Алексѣй Игнатьевичъ призналъ себя безъ вины виноватымъ, извинялся и обѣщалъ быть очень скоро. Боясь, чтобы какая-нибудь непредвидѣнная случайность не помѣшала ему сдержать данное слово, онъ тотчасъ же по отъѣздѣ Аркадія Васильевича заказалъ почтовыхъ лошадей и на слѣдующій день до полудня былъ уже въ Царскомъ Селѣ, гдѣ его никакъ такъ скоро не ожидали. Въ два часа также неожиданно пріѣхала къ Эмиліи Даниловнѣ Варя. Ея красота, веселость, наивность и вмѣстѣ съ тѣмъ находчивость въ разговорѣ, произвели на Алексѣя Игнатьевича именно то впечатлѣніе котораго могла желать Эмилія Даниловна.

— Какъ-то моложе себя чувствуешь въ обществѣ такого существа, сказалъ Алексѣй Игнатьевичъ по отъѣздѣ Вари.

Аркадій Васильевичъ разсыпался въ восторженныхъ похвалахъ Варѣ, сталъ припоминать ея разумныя возраженія и мѣткія замѣчанія. Черезъ часъ Алексѣй Игнатьевичъ зналъ уже до мельчайшихъ подробностей все касавшееся семейства Солнцевыхъ; зналъ изъ какого они рода, какъ жили въ дѣтствѣ, какъ воспитались, чѣмъ и какъ живутъ теперь, и все что̀ онъ узнавалъ о нихъ особенно трогало его и нравилось ему.

Когда Алексѣй Игнатьевичъ по наступленіи вечера собрался уѣзжать, Аркадій Васильевичъ не пустилъ его и убѣдилъ остаться погостить нѣсколько дней въ Царскомъ. Алексѣй Игнатьевичъ согласился воспользоваться гостепріимствомъ старичковъ и остался у нихъ на недѣлю.

Эмилія Даниловна съѣздила въ Петербургъ и очень любезно объявила Аннѣ Францевнѣ что она увозитъ Варю на нѣсколько дней къ себѣ въ Царское Село, что молоденькой дѣвушкѣ сидѣть цѣлое лѣто въ городѣ немыслимо, что молодость требуетъ развлеченій, простора, воздуха, свѣта и солнца, а не душныхъ комнатъ и пыльныхъ городскихъ улицъ. Я буду

беречь ее какъ дочь родную, можете быть увѣрены, сказала Эмилія Даниловна прощаясь, улыбаясь и увозя съ собой Варю.

Варѣ было очень весело въ Царскомъ. Она была съ утра до вечера въ обществѣ сверстницъ, гуляла съ ними, каталась, шалила и смѣялась, но главное что̀ доставляло ей особенное удовольствіе, просто приводило ее въ восторгъ, это сознаніе что ее замѣчаютъ.

Проходя въ толпѣ или встрѣчаясь съ гуляющими, она ловила каждый взглядъ, каждое замѣчаніе сдѣланное на ея счетъ, гордилась тѣмъ впечатлѣніемъ которое производила, и чувствовала такой приливъ радости что вся сіяла счастіемъ и дѣлалась съ каждымъ днемъ красивѣе.

Погода стояла всю недѣлю прекрасная. Гости Эмиліи Даниловны были неутомимы. Съ вечера обыкновенно придумывалась и составлялась программа на весь слѣдующій день, и хотя каждый вечеръ находились скептики увѣрявшіе что исполненіе всего задуманнаго невозможно, что придется сократить программу по меньшей мѣрѣ на половину, но программа не сокращалась, и молодежь, успѣвъ побывать вездѣ гдѣ предполагалось, со смѣхомъ и шутками изощрялись въ придумываніи труднѣйшей программы на завтра.

Варя пробыла около недѣли въ Царскомъ. Наконецъ наступилъ день ея отъѣзда. Поутру всѣ, собравшись по обыкновенію гулять предъ завтракомъ въ паркѣ, вышли изъ дачи занимаемой Брадке. День былъ довольно ясный, но не успѣло общество отойти и ста шаговъ отъ дома, какъ подулъ вѣтерокъ, упала, какъ будто съ дерева, одна крупная капля, другая, третья, и пошелъ проливной дождь. Барышни, увѣрявшія что дождя не будетъ, остановились, стали шутя и смѣясь упрекать другъ друга и вдругъ, открывъ зонтики, бѣгомъ бросились домой. Старички, между ними и Алексѣй Игнатьевичъ, тоже ускоривъ шаги, послѣдовали за ними. Молодежь вернувшись на дачу расположилась въ гостиной. Столпившись у зеркала, нѣсколько молоденькихъ головокъ, выглядывая другъ изъ-за друга, стали торопливо оправлять спутавшіеся волосы. Варя, снявъ шляпу и навивая на пальцы распустившійся длинный локонъ, весело смѣялась. Вдругъ, скорчивъ грустное лицо и вздохнувъ, она заговорила съ чувствомъ: „Да....

Было время—былъ день ясный,
Были пышны берега,

Были рощи сладкогласны,
Были зелены луга.
И за ней вились толпою
Свѣтлокрылые друзья:
Юность легкая съ мечтою
И живыхъ надеждъ семья.

— Варвара Дмитріевна! Варвара Дмитріевна! Да какая же вы мастерица стихи говорить!.. сказалъ Аркадій Васильевичъ неслышно подходя къ барышнямъ.—Я еще этого таланта за вами не зналъ! скажите пожалуста сначала. Я очень люблю это стихотвореніе. Это очень граціозная вещичка, прибавилъ онъ серіозно и съ чувствомъ.

Варя не заставила себя просить и, улыбнувшись, начала декламировать стихотвореніе сначала. Когда она договорила послѣднія строки:

Будь сіянье, будь ненастье;
Будь что̀ надобно судьбѣ;
Все для жизни будетъ счастье,
Милый спутникъ, при тебѣ.

Эмилія Даниловна подошла къ ней, нѣжно поцѣловала ее въ лобъ и, переглянувшись съ Аркадіемъ Васильевичемъ, сказала:—да, да, дай Богъ, дай Богъ, чтобы для васъ это было такъ.... да и будетъ, нѣтъ сомнѣнія!...

— Я всегда слышалъ что институтки манерничаютъ, ломаются, сказалъ Алексѣй Игнатьевичъ, придя въ кабинетъ Аркадія Васильевича,—но мнѣ кажется, судя по Варварѣ Дмитріевнѣ, конечно, что естественнѣе, проще и вмѣстѣ съ тѣмъ изящнѣе, граціознѣе нельзя быть.

— Да, и при этомъ, милѣе, добрѣе, сердечнѣе этой дѣвочки, сказалъ Аркадій Васильевичъ. — Будь у меня сынъ, не упустилъ бы я такой невѣстки.

Аркадій Васильевичъ сидѣлъ на кончикѣ дивана, опершись локтями о колѣни, и, согнувшись, смотрѣлъ на табатерку, которую то вертѣлъ въ рукахъ, то, хлопнувъ по крышкѣ пальцемъ, открывалъ и, не взявъ табаку, съ шумомъ закрывалъ.

— Только франтъ какой-нибудь ей бы не годился, продолжалъ онъ, помолчавъ немного,—нѣтъ... для того чтобъ изъ нея вышла женщина, такая же прелестная, какъ она теперь дѣвушка, надо чтобы мужъ ея былъ куда умнѣе ее, чтобъ это былъ не шаркунъ, а человѣкъ солидный который бы

могъ развить ее, продолжить ея образованіе... Да!.. а выйдетъ замужъ за мальчишку—ни за что пропадетъ... попадется ей дуракъ, будетъ за носъ водить...

Аркадій Васильевичъ махнулъ рукой и изъ-подлобья взглянулъ на Алексѣя Игнатьевича.

— Будь она моя дочь, я бы заперъ ее годика на два, на три еще, а то не увидишь какъ какой-нибудь молокососъ вскружитъ ей голову и выйдетъ дѣло дрянь, сказалъ онъ, потряхивая головой.—А жаль!... Такая одаренная Богомъ натура...

Варя уѣхала. Съ ея отъѣздомъ точно домъ опустѣлъ.

— Одной только не стало, сказала Эмилія Даниловна, разливая вечеромъ чай,—а какая пустота, удивительно!

Алексѣй Игнатьевичъ тоже ощущалъ эту пустоту, но изъ деликатности къ хозяевамъ промолчалъ.

„Какъ много можетъ внести въ жизнь человѣка умная, хорошая женщина!“ думалъ Алексѣй Игнатьевичъ сидя поздно ночью въ своей комнатѣ. „Какъ много! Да... какая страшная пустота оказалась у насъ въ домѣ послѣ кончины матушки!.. отчаянная пустота“...

Алексѣй Игнатьевичъ провелъ рукой по лицу, точно желая отогнать тяжелыя мысли.

— Отецъ не перенесъ потери, да и понятно!.. Имѣть и потерять... нѣтъ... лучше никогда не имѣть...

Онъ всталъ, набилъ себѣ трубку, закурилъ, сѣлъ и опять задумался... Вдругъ увидѣлъ онъ себя въ своемъ кабинетѣ въ деревнѣ. Онъ сидитъ у стола предъ открытою книгой, но не читаетъ; онъ вслушивается... Въ комнатѣ никого нѣтъ, но онъ чувствуетъ, — не слышитъ, а именно чувствуетъ, — что вотъ, вотъ, она сейчасъ войдетъ, присядетъ на локотникъ его кресла, обовьетъ его шею рукой и, коснувшись своей теплою, гладкою щекой его щеки, нагнется вмѣстѣ съ нимъ, заглянетъ въ открытую страничку книги и скажетъ своимъ мягкимъ, груднымъ голосомъ: „опять *le Pour и le Contre*, какъ это тебѣ не надоѣстъ!“ Онъ подымаетъ голову...

Алексѣй Игнатьевичъ такъ замечтался что дѣйствительно поднялъ и очнулся. Онъ былъ одинъ какъ всегда.

Съ этого дня Алексѣй Игнатьевичъ сталъ не на шутку задумываться о своемъ одиночествѣ. „Для кого и для чего я живу?“ думалъ онъ. „И развѣ моя жизнь можетъ назваться жизнью? Я ѣмъ, пью, стараюсь убить время, развлекая себя на всѣ лады—и только... Каждый человѣкъ живетъ для чего-

нибудь. Одинъ посвящаетъ себя наукѣ, другой искусству, третій идеѣ,—это все мечтатели... четвертый опять семьѣ... Жизнь этого четвертаго полна. У него, правда, много заботъ, много горя, много такихъ тяжелыхъ минутъ о которыхъ свободному человѣку и понятія не придется имѣть... и сколько мелкихъ непріятностей! Тутъ неудача, тамъ не такъ идетъ, какъ бы хотѣлось... Тяжело!.. Правда, многимъ тяжело, а поди-ка отними у нихъ всю эту тяжесть... и жену, и дѣтей, и заботы о нихъ, возврати имъ ихъ свободу... много ли найдется такихъ которые бы не сказали: „нѣтъ, въ этихъ заботахъ—моя жизнь, мое счастіе, и добровольно я не разстанусь со своими заботами, огорченіями и жертвами,“ да, жертвами... Человѣкъ который любитъ—жертвуетъ собою каждую минуту... Развѣ онъ думаетъ о себѣ, о своихъ личныхъ удобствахъ отдѣльныхъ отъ любимаго человѣка, развѣ онъ можетъ не отрѣшиться отъ себя, развѣ его счастіе не въ сознаніи того что любимому имъ существу хорошо...

И Алексѣю Игнатьевичу всею душой хотѣлось этихъ заботъ о любимомъ существѣ которое наполнило бы его жизнь, хотѣлось этихъ жертвъ, которыя, какъ ему въ то время казалось, составили бы его счастіе... И существо которому онъ бы принесъ себя въ жертву было не въ воображеніи его только... Оно жило и было назначено судьбой составить чье-нибудь счастіе.

Не прошло недѣли какъ Алексѣй Игнатьевичъ, уѣхавъ въ Петербургъ, собрался въ Царское Село. Эмилія Даниловна и Аркадій Васильевичъ обрадовались ему и встрѣтили его съ распростертыми объятіями. У нихъ по обыкновенію было нѣсколько человѣкъ гостей, были и молодыя барышни, но Вари между ними не было, и о ней ни разу въ теченіе дня не упомянули.

Уже вечеромъ, сидя вдвоемъ въ кабинетѣ, Алексѣй Игнатьевичъ спросилъ Аркадія Васильевича какъ бы мимоходомъ:

— А была у васъ эти дни Варвара Дмитріевна?

— Нѣтъ, не была. Нельзя такъ часто, не отпустятъ, отвѣчалъ Аркадій Васильевичъ.—Вѣдь ея мать—больная женщина. Она требуетъ постояннаго ухода. Потомъ, опять, вѣдь эти поѣздки чего-нибудь да стоятъ, а вѣдь Солнцевы люди безо всякихъ средствъ.

— Кто это безо всякихъ средствъ? спросила Эмилія Даниловна, входя въ кабинетъ.

— Я говорю Солнцевы не имѣютъ средствъ, отвѣчалъ Аркадій Васильевичъ.

— Да, бѣдные! сказала Эмилія Даниловна, помолчавъ въ раздумьѣ.—Лишь бы Господь привелъ Анну Францевну при жизни пристроить которую-нибудь изъ дѣвочекъ, какъ слѣдуетъ, конечно, продолжала она.—Кое-какъ-то не мудро спихнуть. А придется пожалуй отдать Варю за одного изъ этихъ молокососовъ безъ средствъ, безъ будущаго, которые осаждаютъ ее... Или, право ужь и не знаешь что̀ хуже, придется ей, по примѣру старшей сестры, поступить гувернанткой, а съ этихъ лѣтъ по чужимъ домамъ ходить не легко. Да еще какой домъ попадется!...

Эмилія Даниловна вздохнула.

Слова Эмиліи Даниловны какъ ножомъ полоснули по сердцу Алексѣя Игнатьевича.

Варенька Солнцева, этотъ идеалъ дѣвушки, въ чужой домъ... гувернанткой... Нѣтъ, этого не можетъ, не должно быть. Онъ, Алексѣй Игнатьевичъ, этого не допуститъ, если только это будетъ въ его волѣ...

Аркадій Васильевичъ, докуривъ свою трубку, вышелъ изъ кабинета, посвистывая.

— Пойду-ка, посмотрю что̀ тамъ молодежь подѣлываетъ, сказалъ онъ.

Эмилія Даниловна и Алексѣй Игнатьевичъ остались вдвоемъ, и оба долгое время не прерывали наступившаго по уходѣ хозяина молчанія, хотя и той и другому хотѣлось заговорить.

„Пусть лучше самъ заговоритъ,“ думала Эмилія Даниловна. „Вѣдь она ему нравится, это видно.“

Алексѣй Игнатьевичъ водилъ большимъ разрѣзательнымъ ножомъ изъ слоновой кости по своей ладони и, глядя предъ собою, молчалъ.

— Не пойти ли и намъ туда? сказала наконецъ Эмилія Даниловна, вставая.

Алексѣй Игнатьевичъ, замѣтивъ что Эмилія Даниловна встаетъ, тоже поднялся съ кресла.

Эмилія Даниловна рѣшительно пошла къ двери.

„Не скажетъ ничего“, подумала она, придется иначе повернуть, дѣлать нечего!“..

— Эмилія Даниловна! вдругъ проговорилъ Алексѣй Игнатьевичъ не совсѣмъ спокойнымъ голосомъ.

„Ага!“ подумала старушка и, остановившись, самымъ невиннымъ образомъ, молча, вопросительно посмотрѣла въ лицо Алексѣя Игнатьевича.

— Эмилія Даниловна, повторилъ Алексѣй Игнатьевичъ, дѣлая шагъ впередъ, нагибаясь и цѣлуя пухлую руку старушки,—я рѣшаюсь... обратиться къ вамъ, какъ къ другу моей матери... Вы конечно не найдете въ этомъ ничего страннаго... Наконецъ... вы мнѣ скажете откровенно... Это ужасно непріятное положеніе, тѣмъ болѣе...

Алексѣй Игнатьевичъ остановился.

— Да въ чемъ дѣло, голубчикъ? сказала Эмилія Даниловна съ участіемъ,—говори просто, прямо. Я твою мать какъ сестру родную любила, а тебя какъ дорогаго сына, ты самъ это знаешь, и потому со мной тебѣ стѣсняться даже грѣшно, сказала она убѣдительнымъ голосомъ.—Ну, въ чемъ же дѣло? Право, будь это не ты, а кто-нибудь другой, я бы подумала что денегъ собираешься взаймы просить. Но тебѣ ихъ не нужно; самъ можешь гораздо больше дать... Или полно, ужь не задумалъ ли ты жениться и меня свахой выбираешь? проговорила вдругъ Эмилія Даниловна, подмигивая, и засмѣялась.

Алексѣя Игнатьевича передернуло. Ему было непріятно шуточное отношеніе Эмиліи Даниловны къ дѣлу которое было такъ важно для него.

— Да? отгадала? спросила она, понявъ по серіозному, строгому лицу Алексѣя Игнатьевича что онъ чѣмъ-то недоволенъ и тотчасъ же перемѣнила тонъ.—Послушай, Алеша, ужь не Варя ли Солнцева тебѣ понравилась? проговорила она серіозно.

Алешей Эмилія Даниловна въ рѣдкихъ, особенныхъ случаяхъ называла Алексѣя Игнатьевича.

— Я хотѣлъ спросить васъ, Эмилія Даниловна, могу ли я... началъ Алексѣй Игнатьевичъ, но вдругъ брови его сдвинулись, на лицѣ его выразилось болѣзненное нетерпѣніе. — Въ мои лѣта... началъ онъ опять, помолчавъ немного.

— Да ты отвѣчай просто, перебила его вдругъ Эмилія Даниловна,—тебѣ Варенька нравится; да?.. Да или нѣтъ?

— Варвара Дмитріевна такъ молода, а мнѣ ужь тридцать пять лѣтъ...

— Ну что жь что тридцать пять! Гдѣ же она другаго такого жениха найдетъ? не давая кончить Алексѣю Игнатьевичу заговорила Эмилія Даниловна, обидѣвшись на Солнцевыхъ

при одномъ предположеніи что они, Солнцевы, могутъ найти Алексѣя Игнатьевича не подходящимъ женихомъ.—Онѣ должны Бога благодарить за такое счастіе...

— Эмилія Даниловна, остановилъ ее Алексѣй Игнатьевичъ,— вы съѣздите къ нимъ?.. Узнаете что̀ думаетъ обо мнѣ Варвара Дмитріевна? Спросите ее, можетъ ли она полюбить меня?..

— Съѣзжу, съѣзжу, голубчикъ, завтра же! Будь покоенъ, заговорила снова старушка.—Оставайся здѣсь и жди отвѣта. Я заранѣе увѣрена въ утвердительномъ. Иначе и быть не можетъ...

Эмилія Даниловна замолчала, взяла своими руками голову Алексѣя Игнатьевича, поцѣловала ее, взглянула ему въ лицо, поцѣловала его лобъ и крестя его проговорила съ волненіемъ:

— Благослови Господи! Благослови Господи! Хорошее дѣло! Что̀ такъ-то жить!..

На слѣдующій день Эмилія Даниловна проснулась „ни свѣтъ ни заря“, какъ говорится, а въ девять часовъ утра она уже катила по Царскосельскому шоссе. Сидя въ каретѣ и глядя на дорогу, она мечтала, представляя себѣ удивленіе, радость и благодарность Талызиныхъ, Анны Францевны и самой Вари. Старушка даже какъ-то помолодѣла съ вечера и, въ нетерпѣніи, нѣсколько разъ опуская стекло, кричала кучеру: „да ступай же скорѣе! Что̀ ты вздумалъ сегодня, точно нарочно, шагомъ плестись!“

На лѣстницу къ Талызинымъ Эмилія Даниловна взошла ни разу не отдохнувъ. Она торопливо, нѣсколько разъ потянула колокольчикъ и, услышавъ его громкій, неровный звонъ, стала, чтобъ отдышаться, медленно ходить взадъ и впередъ по площадкѣ.

Дверь отворилась.

— Дома барыня?.. Александра Семеновна? пояснила Эмилія Даниловна, вспомнивъ объ Аннѣ Францевнѣ.

— Чай кушаютъ, пожалуйте въ столовую, всѣ тамъ, сказала горничная, отворяя одну изъ дверей которая изъ передней вела въ жилыя комнаты.

— Эмилія Даниловна, послышался при появленіи ея общій возгласъ.

Стулья съ шумомъ отодвинулись, и всѣ сидѣвшіе за столомъ встали на встрѣчу гостьѣ.

— Что? Удивила васъ своимъ раннимъ визитомъ? спросила она, обводя все общество веселыми глазами, добродушнымъ кивкомъ отвѣчая на привѣтствія и подавая руку хозяйкѣ.

— Здравствуйте, душечка. Я къ вамъ по очень серіозному дѣлу, шепнула она, не утерпѣвъ, и значительно пожимая руку Александры Семеновны, живо прибавила:—секретъ.

— Здравствуйте, Андрей Петровичъ, грѣшно старыхъ друзей забывать, сказала она, нагибаясь къ цѣловавшему ея руку Андрею Петровичу и цѣлуя его въ лобъ. — Какъ ваше здоровье? обращаясь къ Аннѣ Францевнѣ, спросила она голосомъ въ каждой ноткѣ котораго слышалось участіе и жалость.—Какъ вы себя чувствуете послѣднее время?

Эмилія Даниловна протянула обѣ руки Аннѣ Францевнѣ.

— Благодарю васъ, отвѣчала Анна Францевна грустно.— Благодарю васъ за мою Варю, прибавила она тотчасъ же съ жаромъ и крѣпко пожимая руки Эмиліи Даниловны.—Она совсѣмъ голову потеряла, бредитъ Царскимъ, вашею добротой и разными удовольствіями которыя вы ей доставляли.

Эмилія Даниловна обернулась къ стоявшей возлѣ нея Варѣ и, взявъ обѣими руками ея голову, поцѣловала ее въ лобъ и въ оба глаза и, весело посмотрѣвъ на нее, сказала:

— А эти звѣздочки и не подозрѣваютъ кому онѣ свѣтятъ въ настоящее время!

Варя, тронутая лаской старушки, живо подняла голову и поцѣловала ладонь ея руки.

Эмилія Даниловна совсѣмъ растаяла, даже прослезилась.

„Такую жену ему и надо,“ подумала она. „Она будетъ его цѣнить.“

— Эмилія Даниловна, чашку чая, можно? спросила Александра Семеновна.

— Попрошу, но я бы прежде хотѣла сказать вамъ два слова.

Старушки переглянулись, и Эмилія Даниловна тотчасъ же вышла вмѣстѣ съ Александрой Семеновной изъ комнаты.

— Варя! раздалось черезъ нѣсколько минутъ,—не помнишь ли, куда я положила бѣлый крэпоновый шарфъ.

— Его Марѳуша прятала, не знаю! отвѣчала Варя, не вставая съ мѣста.

— Какое Марѳуша! послышался досадливый голосъ Александры Семеновны.—Поди сюда скорѣе!

За дверью столовой послышались мягкіе, но не легкіе шаги.

— Иду! крикнула Варя, и съ шумомъ отодвинувъ стулъ, бросилась на встрѣчу Александры Семеновны.

Прошло болѣе часу, а два слова, на которыя Эмилія Даниловна увела Александру Семеновну, еще не были высказаны. Андрей Петровичъ прочелъ Аннѣ Францевнѣ вслухъ все интересное изъ *Сѣверной Пчелы*. Оба съ удивленіемъ поговорили о выпавшемъ гдѣ-то градѣ въ куриное яйцо, поохали надъ убитымъ грозой пастухомъ, а никто изъ ушедшихъ не возвращался.

— Однако мнѣ пора, сказалъ наконецъ Андрей Петровичъ, посмотрѣвъ на часы.

Анна Францевна осталась одна въ столовой.

— Что жь вы сердитесь, Эмилія Даниловна, говорила Варя капризнымъ голосомъ.—Я только говорю что это ужасно смѣшно, такой *папаша* и вдругъ женихъ!—Варя тряхнула своими длинными локонами и глаза ея блеснули весельемъ.—И я вдругъ—Варвара Дмитріевна Мейзеръ. Вотъ удивятся-то всѣ!

— Послушай, Варя, сказала Александра Семеновна серіозно,—ты не дура, не маленькая, слава Богу, и съ тобой не шутятъ. Эмилія Даниловна такъ добра, принимаетъ въ тебѣ такое участіе, и на твою долю выпадаетъ такое счастіе на которое мы, вѣрь мнѣ, мой другъ, никогда и разсчитывать не могли...

— Я-а-а! Я и не разсчитываю, сказала Варя, скорчивъ презрительную мину и поворачивая голову изъ стороны въ сторону.

— То-то не разсчитываю! повторила Александра Семеновна.—А даетъ тебѣ Господь счастіе, не отворачивайся, благослови судьбу и успокой бѣдную, больную мать.

— Ахъ, Александра Семеновна, дорогая, я вѣдь ничего и не сказала, вы сами слышали, а Эмилія Даниловна разсердилась, начала Варя.—Ну, Эмилія Даниловна, душечка, скажите, развѣ не правда? Всѣ они тогда смѣялись, называли его „папахенъ" и вдругъ узнаютъ что я выхожу за „папахенъ" замужъ. Развѣ это не умора? сказала Варя улыбаясь.

— Кто называлъ его такъ? спросила Эмилія Даниловна, насупивъ брови.

— Да всѣ, и Соня, и Саша, и Владиміръ Ивановичъ, и Бѣжецкій. Я хотѣла его пригласить играть съ нами въ

sécretaire, а онп говорятъ: „что вы? зачѣмъ? Не пойдетъ *папахенъ*! гдѣ ему!“

— Всѣ? то-то всѣ! проговорила съ неудовольствіемъ Эмилія Даниловна.—А сдѣлай Алексѣй Игнатьевичъ предложеніе этой самой Сонѣ или Сашѣ, онѣ бы обѣими руками перекрестились и на шею ему бросились... да не женится онъ на такихъ сорокахъ, сказала она съ досадой.—А ты не забудь, онѣ невѣсты богатыя, а у тебя вѣдь ничего нѣтъ.

— Ничего нѣтъ?! повторила Варя обиженнымъ тономъ.—Я знаю что ничего нѣтъ, потому и не выйду замужъ.

— Ну ужь это ты врешь! сказала Александра Семеновна.—Какъ не выйдешь замужъ? Чѣмъ же ты жить будешь, позволь узнать. Мы вѣдь не вѣчные. Представь себѣ что мы съ Андрей Петровичемъ сегодня умерли, куда ты пойдешь съ больною матерью и маленькимъ братомъ?

— Зачѣмъ вы говорите такія гадости! заговорила Варя, обнимая и цѣлуя Александру Семеновну.—Вы не умрете, и Андрей Петровичъ будетъ жить долго, долго. Онъ вовсе еще не старый.

— Не старый?! повторила Александра Семеновна съ напускною досадой.—По твоему тридцать пять лѣтъ старость, а семьдесятъ молодость. Такимъ-то молодцомъ твой мужъ еще чрезъ тридцать пять лѣтъ будетъ.

— Мой мужъ! повторила Варя и засмѣялась такъ отъ души, такъ весело что обѣ старушки, несмотря на всѣ усилія сохранить серіозныя и сердитыя лица, переглянулись между собой и улыбнулись.

— Отлично, сказала Эмилія Даниловна, вставая чрезъ минуту съ козёзки.—Такъ я ему и скажу что Варвара Дмитріевна благодаритъ васъ за честь, но она находитъ васъ—слишкомъ старымъ, себя—слишкомъ дорогою невѣстой для такого маленькаго человѣка.

— Эмилія Даниловна, ну чего же вы сердитесь? Зачѣмъ такъ говорите, вѣдь это даже обидно. Развѣ я вамъ сказала что-нибудь подобное?... заговорила Варя.—Маленькій... на котораго надо вотъ такъ смотрѣть!...

Варя отступила на шагъ и, поднявъ голову, посмотрѣла въ потолокъ.

— Прощайте, до свиданья, сказала, не слушая ее, Эмилія Даниловна, протянувъ Александрѣ Семеновнѣ руку.—Я къ Аннѣ Францевнѣ не зайду, не стану ее безпокоить, добавила она.

Эмилія Даниловна, не взглянувъ на Варю, направилась къ передней. Каждый ея тяжелый шагъ отдавался въ сердцѣ Вари.

„Какъ же! Такъ-таки она теперь и уѣдетъ? А я-то что же? А Алексѣй Игнатьевичъ?“ думала она.

Эмилія Даниловна вышла въ переднюю. Александра Семеновна провожала ее, прося поклониться Аркадію Васильевичу. Варя, какъ виноватая, слѣдовала за ними.

— Эмилія Даниловна, вы не скажете такъ Алексѣю Игнатьевичу? вдругъ прошептала она.

— Ка́къ не скажете? спросила Эмилія Даниловна, остановившись на секунду и въ полоборота посмотрѣвъ на Варю.

— Та́къ, какъ вы сейчасъ говорили. Я этого не говорила, Эмилія Даниловна, вы сами... Алексѣй Игнатьевичъ, кажется, такой хорошій, такой умный... Мнѣ бы вовсе не хотѣлось чтобъ онъ былъ обо мнѣ дурнаго мнѣнія.

— Мнѣнія! Много вы о чьемъ-нибудь мнѣніи заботитесь! сказала Эмилія Даниловна съ досадой.—Да впрочемъ, какое вамъ дѣло до его мнѣнія, разъ вы его болѣе не увидите? Впрочемъ, успокойтесь, моя милая, онъ и мнѣнія о васъ составлять не станетъ... Мало вашего брата-то, такъ обо всѣхъ и мнѣніе составлять?...

Александра Семеновна хотѣла было крикнуть горничную, но раздумала, сама накинула Эмиліи Даниловнѣ на плечи турецкую шаль и, взявшись за ручку двери, другою рукой повернула ключъ.

— Эмилія Даниловна! почти крикнула Варя.—Эмилія Даниловна, подождите пожалуста. Дайте мнѣ опомниться, вѣдь такъ нельзя. Какъ я могу знать, можетъ-быть...

Она не договорила.

— Мнѣ такъ жаль Алексѣя Игнатьевича... Точно онъ... точно я не одну недѣлю его знаю.

— Съ этого надо было начать, я думаю, а не лаясничать, сказала Эмилія Даниловна.

Ея нахмуренное, недовольное лицо сдѣлалось почти сердитымъ.

— Такія штуки будете еще съ мужемъ выдѣлывать, такъ знаете, милая, лучше вовремя подальше...

— Какія же штуки? Что̀ я сдѣлала? сказала Варя умоляющимъ тономъ.—Я увѣрена что вы бы сами сдѣлали то же самое. Скажите, развѣ вы бы не удивились еслибы вамъ вдругъ, когда вы и думать не думаете объ этомъ, Алексѣй Игнатьевичъ сдѣлалъ предложеніе?...

Варя остановилась.

Эмилія Даниловна не выдержала.

— У-мо-ритъ, хоть кого уморитъ эта шалунья! вдругъ проговорила она, затрясшись отъ смѣха, и стала утирать глаза, изъ которыхъ текли слезы.

Александра Семеновна тоже смѣялась.

Варя, видя что туча разразилась дождемъ, сквозь который такъ и свѣтитъ яркое солнце, остановилась предъ Эмиліей Даниловной и стояла не улыбнувшись, съ самымъ невиннымъ видомъ.

— Чтò жь, говорите толкомъ, нравится вамъ Алексѣй Игнатьевичъ? Намѣрены вы выйти за него замужъ или нѣтъ? спросила наконецъ Эмилія Даниловна.

— Эмилія Даниловна, голубушка, право, клянусь вамъ, я объ этомъ никогда не думала, отвѣчала Варя.—Алексѣй Игнатьевичъ былъ такъ далеко отъ насъ, такъ далеко что мнѣ и въ голову не приходило спросить себя объ этомъ. Еслибы вы спросили меня нравится ли мнѣ Владиміръ Ивановичъ? Я бы сказала: „нѣтъ“ онъ такой пошлый, такой не comme il faut, а Бѣжецкій? да, немножко. Но Алексѣй Игнатьевичъ... душечка, снимите шаль, останьтесь часокъ, я подумаю и тогда честное слово скажу вамъ все чтò вы захотите.

Эмилія Даниловна молча растегнула и сняла шаль, Варя приняла ее и, не сказавъ болѣе ни слова, сложила, повѣсила шаль и, поцѣловавъ Эмилію Даниловну въ щеку, ушла въ свою комнату. Лицо ея горѣло, сердце билось сильнѣе обыкновеннаго, незнакомое ей до сихъ поръ чувство радости и гордости захватывало ея дыханіе. Ей хотѣлось и плакать и смѣяться, хотѣлось сейчасъ же увидѣть Алексѣя Игнатьевича, не прежняго, чужаго ей, а новаго, того о любви котораго Эмилія Даниловна только-что говорила ей, и она боялась и какъ-то стыдилась этого свиданія.... Она не спрашивала себя чтò она скажетъ, какъ рѣшитъ, не спрашивала себя полюбитъ ли она этого, еще часъ тому назадъ чужаго ей человѣка, но въ глубинѣ души ея уже зарождался страхъ потерять его, потерять его любовь и то счастіе которое вдругъ какъ яркимъ свѣтомъ освѣтило ея душу.

Александра Семеновна и Эмилія Даниловна вернулись въ столовую.

— Душечка, Анна Францевна, начала Александра Семеновна мягкимъ, ласкающимъ голосомъ, какимъ говорятъ съ

дѣтьми и съ безнадежно больными.—Богъ посылаетъ Варѣ счастіе. Одинъ очень хорошій и очень богатый человѣкъ влюбился въ нее и дѣлаетъ ей предложеніе. Благословите ее.

Кровь вдругъ прилила къ лицу Анны Францевны и, мгновенно отхлынувъ, оставило его блѣднымъ какъ мраморъ.

— Варѣ?! спросила Анна Францевна нетвердымъ голосомъ.—Не можетъ быть!

— Отчего же не можетъ быть? Она такъ хороша что на нее всѣ обращаютъ вниманіе. Я знаю двухъ молодыхъ людей, которые имѣютъ на нее виды, но это такое ничтожество во всѣхъ отношеніяхъ, куда имъ на ней жениться! Только грѣхъ распложать.

— Но Варѣ думать о замужествѣ еще слишкомъ рано. Какая она жена! сказала почти шепотомъ Анна Францевна, съ укоризной въ голосѣ.

— Не хуже другихъ, вѣрьте, вставила свое слово Эмилія Даниловна.—У ней столько души, столько любви ко всѣмъ и ко всему что мужа своего, въ особенности такого мужа какъ Алексѣй Игнатьевичъ, она полюбитъ, а полюбитъ, такъ будетъ хорошею женой.

— Не хуже другихъ, повторила Анна Францевна упавшимъ голосомъ.—Это еще немного!

Александра Семеновна переглянулась съ Эмиліей Даниловной и взглядъ ея сказалъ: „Бѣдная женщина, лучше ее и не тревожить...“ Наступило молчаніе.

— А что̀ же Варя! Знала она объ этомъ? спросила Анна Францевна послѣ длинной паузы.

— Варя тоже только сейчасъ узнала. Она подумаетъ, потомъ вашего совѣта и благословенія спроситъ, отвѣчала Александра Семеновна.

— Вамъ нечего безпокоиться, Анна Францевна, заговорила снова Эмилія Даниловна,—Алексѣй Игнатьевичъ Мейзеръ такой хорошій человѣкъ какіе не часто встрѣчаются. Онъ изъ очень хорошой, высоконравственной семьи, уменъ, образованъ, доброты ангельской и никогда никого не любилъ, то-есть, живо поправилась Эмилія Даниловна,—онъ любилъ и любитъ всѣхъ по христіански, но никогда не помышлялъ о женитьбѣ, никогда и не думалъ что можетъ такъ влюбиться...

— Во всемъ воля Божія, сказала Анна Францевна.—Я бы хотѣла только прежде поговорить съ ней.

Анна Францевна встала, съ чувствомъ пожала руки обѣимъ старушкамъ и съ дрожащими отъ волненія и сдерживаемыхъ слезъ губами вышла изъ столовой.

Дверь въ комнату Вари была заперта. Анна Францевна подойдя къ ней взялась за ручку, попробовала отворить ее, заперта на ключъ.

— Варя! сказала она, возвысивъ голосъ.—Варя!

Варя, услышавъ слабый, взволнованный голосъ матери, распахнула дверь и взглянувъ на мать вдругъ бросилась къ ней на шею и заговорила шепотомъ:

— Мама, милая моя, дорогая, благословите меня. Я такъ счастлива. Мнѣ теперь, какъ я подумаю, кажется что иначе и быть не могло. Кажется что я знала объ этомъ давно, сама любила его, право!..

Анна Францевна не вымолвила ни слова. Она стояла на порогѣ двери, по лицу ея текли слезы, а она, не замѣчая ихъ, цѣловала и цѣловала голову, лобъ и шею своей дѣвочки...

....

— Варя, милая, если это правда, если ты дѣйствительно любишь его или чувствуешь что можешь его полюбить, выходи за него, да благословитъ тебя Господь, черезъ нѣкоторое время, сидя уже въ комнатѣ дочери, говорила Анна Францевна,—но... если тебѣ это только такъ кажется, если ты говоришь это подъ минутнымъ впечатлѣніемъ, а я боюсь что это именно такъ, не губи себя и его. Ты всегда, съ дѣтства легко поддавалась всякому впечатлѣнію; сколько изъ этого выходило для тебя горя, сколько потомъ было душевнаго мученія, сколько раскаянія!.. Припомни что̀ ты сама мнѣ недавно говорила и повѣрь, голубка моя, всѣ тѣ горести вмѣстѣ взятыя ничто въ сравненіи съ тѣмъ горемъ которое ты приготовишь себѣ и мужу твоему, если онъ хорошій человѣкъ. Скажи, подумала ли ты хоть разъ о томъ что̀ такое замужество.

— Мамочка, что̀ же думать! начала Варя, цѣлуя мать.

— Постой, не перебивай, сказала Анна Францевна, взявшись за голову.—Выслушай. Ты теперь думаешь: всѣ узнаютъ что я выхожу замужъ, пойдутъ толки. Варя, Варя невѣста, Варя замужъ выходитъ, за кого? какъ? когда? Начнутся поздравленія, празднества, веселье, покупки, шитье, примѣрки, дѣвичникъ и наконецъ свадьба... сколько радости! А тамъ? Тамъ чепецъ, роль дамы, новое веселье... А знаешь

ли ты, что̀ въ дѣйствительности тамъ?.. Сегодня ты выходишь замужъ, ты отрекаешься навсегда отъ своей воли, смотришь глазами того человѣка которому отдала себя, свою душу, свои помыслы, свою жизнь, дѣлаешь то что̀ онъ хочетъ, принимаешь заботы, болѣзни и жертвы о которыхъ не имѣешь и не можешь теперь имѣть понятія. Если ты любишь своего мужа, все это придетъ само собой и не будетъ для тебя жертвой, такъ какъ его счастіе будетъ твоимъ счастіемъ, его радость твоею радостью... Выходить замужъ такъ, не любя, изъ-за какихъ-нибудь соображеній—и грѣшно и гадко.

— Мамочка, родная, отчего вы непремѣнно думаете что я его не люблю? спросила Варя, поднявъ на мать лицо, которое она прятала въ ея колѣнахъ.

— Отчего?—Анна Францевна взяла лицо Вари своими руками и нѣсколько секундъ смотрѣла въ ея глаза.—Ты спрашиваешь *отчего*, а сама знаешь что это такъ, сказала она грустно и серіозно.

— Нѣтъ, нѣтъ, не такъ, право! отвѣчала Варя!—Пока я не думала о немъ, я не любила его, это правда, но теперь... мамочка... клянусь что я говорю правду.........................

Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ разговора съ матерью Варя, обнимая Эмилію Даниловну, сказала ей что она любитъ Алексѣя Игнатьевича, и что мама благословила ее.

Эмилія Даниловна поздравила ее, поздравила ее и Александра Семеновна.

— Такъ завтра вы будете у насъ къ шести часамъ? просидѣвъ еще много времени у Талызиныхъ, сказала наконецъ Эмилія Даниловна, прощаясь.—Андрея Петровича будемъ ждать тоже, пожалуста, передайте ему.

— Непремѣнно, непремѣнно. Аркадію Васильевичу мой поклонъ, отвѣчала Александра Семеновна, цѣлуя Эмилію Даниловну.

— Смотрите, Варинька, быть такою же хорошенькою какъ всегда, лучше если можно. Надѣньте ваше палевенькое, вы въ немъ—конфетка, или бѣлое. Завтра у насъ танцы, многіе и отсюда пріѣдутъ, сказала Эмилія Даниловна, выходя на лѣстницу...

Во дворѣ дома Брадке было особое оживленіе: бѣгала прислуга, расхаживали музыканты въ военной формѣ, подъѣзжали и отъѣзжали кареты, дрожки, почтовые экипажи тройками. Пріѣхали и Талызины съ Варей.

„Что же это?“ думала Варя, выйдя изъ экипажа, поздоровавшись съ хозяевами и войдя въ одну изъ комнатъ дачи Брадке, превращенную на этотъ день въ уборную. „Что же это такое?“ Она остановилась и, глядя какъ двѣ незнакомыя ей, очень молоденькія барышни въ одинаковыхъ свѣтло-голубыхъ платьяхъ оправляли другъ друга, продолжала думать: „Никто изъ нихъ ничего и не знаетъ! И Эмилія Даниловна, какъ ни въ чемъ ни бывало, и онъ! Только поклонился издали, даже не подошелъ... Уже не пошутила ли Эмилія Даниловна... Только нѣтъ, вѣдь такими вещами не шутятъ, но странно“?..

— Варенька! вдругъ услышала она и, обернувшись, увидѣла маленькую, черненькую съ острымъ носикомъ барышню, которая, взявъ ее руками за талію, повернулась съ ней два раза на мѣстѣ.

— Ахъ, Софи, какъ вы меня испугали! сказала Варя, насупившись.

— Неужели? А васъ тамъ ищутъ. Нѣсколько разъ уже спрашивали, пріѣхали ли вы, а вы здѣсь. О чемъ это вы мечтали? позвольте узнать.

— Кто обо мнѣ спрашивалъ? сказала Варя.

— Гм!... Какое любопытство! Такъ я и скажу! поддразнила Варю барышня, отбѣгая отъ нея къ туалету.—Mesdames, есть булавочки? прибавила она.—Вотъ этотъ непослушный бантъ надо приколоть, все отпадаетъ.

Барышня взяла булавку и убѣжала.

„Вѣрно онъ меня искалъ,“ подумала Варя. „Хоть бы скорѣе!... Только, какъ это будетъ? Какъ онъ скажетъ? И что мнѣ ему тогда отвѣчать?“

— Mesdames, идите скорѣе. Что же вы, Варенька? Ужь тамъ, кажется, играютъ, крикнула Софи, вдругъ опять подбѣгая къ двери уборной и тотчасъ же скрываясь за ней.

Черезъ минуту голубенькія барышни и Варя не торопясь вышли изъ уборной. Войдя вмѣстѣ въ довольно большую комнату у двери которой толпилось нѣсколько военныхъ и статскихъ, а далѣе въ глубинѣ стояли небольшими группами барышни въ легкихъ платьяхъ всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ, онѣ тотчасъ же потеряли другъ-друга изъ виду: барышни смѣшались съ толпой, а Варю остановила хозяйка.

— Вы полонезъ съ Алексѣй Игнатьевичемъ? спросила она.

— Не знаю, отвѣтила Варя, смущенно оглядывая комнату.—Его здѣсь нѣтъ, прибавила она въ замѣшательствѣ.

Эмилія Даниловна осмотрѣлась, и дѣйствительно не видя Алексѣя Игнатьевича въ числѣ гостей, прошла торопливыми шажками чрезъ всю комнату и скрылась за одною изъ дверей. Между тѣмъ раздались звуки полонеза, дверь въ залу отворилась, толпившаяся у двери молодежь суетливо разсыпалась по комнатѣ и, увлекая барышень, стала скрываться за дверью. Комната почти уже опустѣла, а Варя все еще стояла одна и съ томленіемъ въ сердцѣ ждала...

Вдругъ на порогѣ двери, ведшей въ кабинетъ Аркадія Васильевича, показалась высокая, плотная фигура Алексѣя Игнатьевича. Его здоровое, полное лицо было, какъ показалось Варѣ, немного блѣднѣе обыкновеннаго, онъ шелъ, не глядя по сторонамъ, и, направляясь прямо къ Варѣ, казалось, не смотрѣлъ и на нее.

— Варвара Дмитріевна, сказалъ онъ, подойдя къ Варѣ и протягивая ей руку.

Варя, молча, положила свою руку въ его и, думая что онъ приглашаетъ ее на полонезъ, приготовилась ступить подъ тактъ.

— Варвара Дмитріевна, повторилъ Алексѣй Игнатьевичъ,— мы туда не пойдемъ, да? То что̀ я хочу сказать вамъ и то что̀ вы мнѣ скажете такъ важно для насъ обоихъ что говорить объ этомъ тамъ нельзя!

Варя растерянно осмотрѣлась. Въ комнатѣ были они одни.

— Вы знаете отъ Эмиліи Даниловны что я просилъ вашей руки? спросилъ Алексѣй Игнатьевичъ, поднявъ на Варю свои умные, каріе, ласкающіе глаза.

Варя ничего не отвѣтила. Она смотрѣла мимо глазъ Алексѣя Игнатьевича и думала: „отчего это мнѣ казалось что у него мало волосъ, что они у него свѣтлые и такъ некрасиво начесаны на виски, а у него ихъ масса, вовсе не свѣтлые, а каштановые, и лобъ такой умный какъ у Байрона.

— Варвара Дмитріевна, что̀ жь вы мнѣ скажете? Согласны вы быть моею женой? тихо сказалъ Алексѣй Игнатьевичъ.

Варя молчала.

Алексѣй Игнатьевичъ слегка сжалъ въ своей рукѣ пальцы Вариной руки.

Варя медленно отвела глаза отъ лба Алексѣя Игнатьевича, опустила ихъ, встрѣтилась съ его глазами, точно замерла въ долгомъ, глубокомъ взглядѣ и вдругъ, положивъ обѣ руки на его плечи, склонила на нихъ свою голову.

— Благодарю васъ за то счастіе, которое вы мнѣ даете, говорилъ Алексѣй Игнатьевичъ взволнованнымъ голосомъ.— Благослови васъ за него Богъ! Вся жизнь моя принадлежитъ вамъ. Я сдѣлаю все что только въ моихъ силахъ, чтобы вы были счастливы...

„Милая Катя,“ писала въ этотъ же вечеръ Варя сестрѣ. „Я обѣщала написать тебѣ тотчасъ же какъ рѣшится моя судьба. Сейчасъ вернулись отъ Брадке. Дорогая моя, я счастлива, такъ счастлива, какъ только можетъ быть счастливъ человѣкъ на землѣ. Я его люблю всѣмъ существомъ своимъ, хотя мама и не хочетъ почему-то вѣрить этому. Завтра онъ будетъ у насъ, у мамы то-есть. Цѣлую тебя крѣпко, крѣпко.

„Твоя сестра В. С.

„P. S. Чуть не запечатала письма такъ. Вотъ взбалмошная, право! Совсѣмъ забыла сказать. Зовутъ его Алексѣй Игнатьевичъ Мейзеръ. Онъ высокаго роста, такъ что я ему чуть чуть выше подбородка, шатэнъ, почти брюнетъ; лицо у него некрасивое, но умное, доброе, серіозное, совсѣмъ въ твоемъ вкусѣ.“

VI.

Съ конца іюля въ домѣ Талызиныхъ началась невообразимая суетня. Александра Семеновна то и дѣло уѣзжала и пріѣзжала, и послѣ каждой поѣздки ея появлялись на стульяхъ, столахъ и диванахъ свертки, коробки и картонки всевозможной величины. Всѣ эти свертки, коробки и картонки развертывались, осматривались при радостныхъ возгласахъ Вари, затѣмъ или раздавались на руки взятымъ поденно въ домъ для работы женщинамъ, или отдавались изъ дому портнихамъ.

Варя то мѣрила что-нибудь, то ждала примѣрки, или надѣвъ какую-нибудь обновку, бѣгала отъ матери къ Александрѣ Семеновнѣ, отъ Александры Семеновны къ Андрею Петровичу, отъ него къ Маришѣ, заглядывая по дорогѣ въ каждое встрѣтившееся зеркало.

Алексѣй Игнатьевичъ пріѣхалъ къ Талызинымъ на слѣдующій день послѣ сдѣланнаго имъ Варѣ предложенія и отнесся съ такимъ уваженіемъ и участіемъ къ Аннѣ Францевнѣ что она была тронута до глубины души; Лёва пришелъ въ восторгъ отъ будущаго зятя, Александра Семеновна и

Андрей Петровичъ не могли нахвалиться имъ, а Мариша, которую онъ щедро „благодарилъ“ за то что она вынянчила ему такую невѣсту, въ тотъ день попросила Александру Семеновну вписать имя раба Божія Алексія въ заздравную книжку, которую она во всѣ большіе праздники подавала въ церкви для вынутія части на проскомидіи.

Послѣ перваго визита Алексѣй Игнатьевичъ сталъ бывать у Талызиныхъ почти каждый день. Онъ или заѣзжалъ въ коляскѣ поутру и уговаривалъ Анну Францевну, Александру Семеновну и Варю ѣхать за городъ подышать чистымъ воздухомъ и увозилъ ихъ на бо́льшую часть дня; или, пріѣхавъ часовъ въ шесть вечера, просиживалъ до поздней ночи въ уютной незатѣйливой гостиной Талызиныхъ, съ улыбкой слушая болтовню Вари и любуясь ею или читая вслухъ какое-нибудь изъ послѣднихъ произведеній русской или иностранной литературы. Иногда онъ нарочно затѣвалъ какой-нибудь серіозный разговоръ съ Андреемъ Петровичемъ и радостно вслушивался въ мѣткія, хотя часто наивныя замѣчанія Вари.

Анна Францевна начинала вѣрить въ то что Господь за ея страданія послалъ счастіе ея дочери и часто, благословляя Варю, говорила съ ней объ Алексѣѣ Игнатьевичѣ.

— Молись, дорогая, говорила она,—молись чтобы Господь вложилъ въ твою душу чистую горячую любовь къ твоему будущему мужу. Молись чтобъ Онъ научилъ тебя сохранить его любовь и всегда быть достойною ея.

— А что̀, мама, вѣрите вы теперь что я могу его любить? спросила ее разъ Варя.

— Дай Богъ, дай Богъ чтобы ты любила его! Дай Богъ чтобы ты сумѣла сохранить счастіе которое Господь милосердый посылаетъ тебѣ, отвѣчала Анна Францевна съ безпокойствомъ.

Въ началѣ сентября, несмотря на то что работа въ домѣ Талызиныхъ кипѣла, приданое Вари еще не было готово, и день свадьбы еще не былъ окончательно назначенъ. Сначала предполагалось сыграть свадьбу въ началѣ октября и молодымъ остаться въ Петербургѣ. Алексѣй Игнатьевичъ уже сталъ заново отдѣлывать и устраивать одну изъ большихъ квартиръ въ своемъ домѣ, но вдругъ, вслѣдствіе случайно высказанной Варею мысли что было бы „чудно“ пожить въ деревнѣ, Алексѣй Игнатьевичъ рѣшилъ съѣздить въ свое имѣніе въ К—ю губернію и тамъ поставить домъ, давно уже запу-

щенный, на такую ногу, чтобы можно было достойно принять молодую жену.

— Трехъ недѣль, надѣюсь, будетъ совершенно достаточно сказалъ онъ, объявляя о своемъ рѣшеніи,—да дней десять надо на дорогу положить, къ половинѣ октября буду во всякомъ случаѣ назадъ.

Анна Францевна, узнавъ о рѣшеніи Алексѣя Игнатьевича, ничего не сказала; но съ этой минуты безпокойство, которое она испытывала по временамъ, стало одолѣвать ее. „И что готовить?" думала она. „Лучше бы они обвѣнчались и потомъ вмѣстѣ устраивали."

Анна Францевна такъ привыкла къ своему будущему зятю, такъ дорожила его постояннымъ вниманіемъ и предупредительностью, такъ была увѣрена что съ нимъ только ея Варя можетъ быть вполнѣ счастлива что въ глубинѣ души она мучилась предчувствіемъ что бракъ этотъ не состоится.

„Это было бы слишкомъ хорошо", думала она, „слишкомъ хорошо, не бывать этому!" и тотчасъ же она торопилась отогнать отъ себя мучительныя мысли;„ какая непослѣдовательность!" урезонивала она себя,„ что за вздоръ! И для чего себя постоянно чѣмъ-нибудь мучить? все это отъ болѣзни вѣрно. Давно ли я сама уговаривала Варю не спѣшить свадьбой, а теперь?.... теперь, кажется, сегодня же обвѣнчали бы ее и тогда, тогда умерла бы спокойно!"....

— Завтра я уѣзжаю, сказалъ Алексѣй Игнатьевичъ, входя однажды въ комнату Анны Францевны,—и потому если вы позволите, мы проведемъ весь послѣдній день вмѣстѣ.

И этотъ послѣдній день былъ проведенъ вмѣстѣ, но въ такихъ хлопотахъ что никто другъ друга и не видѣлъ. Утромъ ѣздили покупать ковры, матеріи для обивки мебели и разныя разности, понадобившіеся Алексѣю Игнатьевичу для деревенскаго дома. Покупали разныя крупныя и мелкія вещи, дѣлали заказы по магазинамъ. Александра Семеновна очень утомилась и была недовольна тѣмъ что опоздала на два часа къ обѣду. Варя была, какъ сама говорила, „на седьмомъ небѣ". Андрей Петровичъ терпѣливо ждалъ обѣда, съ участіемъ выслушивалъ за нимъ разказы Вари о разныхъ купленныхъ прелестяхъ, добродушно посмѣивался и потиралъ руки.

Будь Варя родная дочь Талызиныхъ, они не могли бы сдѣлать для нея болѣе. Александра Семеновна хлопотала, не жалѣя ни себя, ни завѣтныхъ своихъ вещей. Къ десяти тыся-

чамъ которыя Алексѣй Игнатьевичъ привезъ ей послѣ сватовства, прося ее сдѣлать Варѣ приданое, она прибавила три, четыре сотни и изъ своихъ завѣтныхъ, отложенныхъ на черный день денегъ. Послѣ того она отдала Варѣ все то столовое бѣлье и тѣ мѣха которые берегла, не рѣшаясь употреблять какъ слишкомъ цѣнныя дорогія вещи. Она готовила Варѣ такое приданое, о какомъ сама и помечтать не смѣла.

Андрей Петровичъ не разъ покачивалъ головой и говорилъ:—охъ, Саша, не слишкомъ ли много этой баловницѣ, надо вѣдь и Катѣ что-нибудь оставить, за что̀ же ее обдѣлять!

— Ничего, будетъ, Богъ дастъ, и Катѣ, когда понадобится, отвѣчала весело Александра Семеновна и продолжала опустошать свои сундуки и ящики.

Послѣ обѣда, наканунѣ отъѣзда Алексѣя Игнатьевича, къ Талызинымъ принесли изъ магазина прекрасную шкатулку съ врѣзанными бронзовыми углами и вонзелемъ Вари посрединѣ.

Алексѣй Игнатьевичъ подарилъ шкатулку Варѣ и, передавая ей ключикъ, сказалъ: „откроете, когда я уѣду!“

Варѣ очень хотѣлось посмотрѣть что̀ тамъ „теперь же“, но она сдержала себя и, спрятавъ шкатулку, казалось, ни разу не вспомнила о ней.

Была уже глубокая ночь, когда Алексѣй Игнатьевичъ, распростившись наконецъ со всѣми и выслушавъ всевозможныя пожеланія и благословенія, сталъ въ послѣдній разъ прощаться съ Варей.

— Я буду писать изъ Москвы, потомъ изъ деревни, сказалъ онъ, смотря въ глаза Вари.—Не забудьте, вы обѣщали писать часто. Я буду ждать вашихъ писемъ...

— Оставайтесь лучше, не уѣзжайте, зачѣмъ? сказала Варя и, вдругъ поблѣднѣвъ, она обвила шею Алексѣя Игнатьевича руками и заплакала.

Алексѣй Игнатьевичъ прижалъ ее къ своей груди.

— Зачѣмъ? прошепталъ онъ,—затѣмъ чтобы потомъ вернуться, взять мою радость, мою жизнь себѣ и уже никогда болѣе съ ней не разставаться...

„Разставанье всегда тяжелая вещь,“ думалъ Алексѣй Игнатьевичъ, отъѣзжая отъ подъѣзда. „Ужасно непріятная вещь!“

На слѣдующій день въ девятомъ часу утра Алексѣй Игнатьевичъ заѣхалъ еще разъ проститься со своею невѣстой...

Весь этотъ день, по отъѣздѣ жениха, Варя была не въ духѣ, скучала, никуда, несмотря на убѣжденіе Андрея Петровича, не хотѣла выѣхать и такъ капризничала, примѣряя какія-то кофточки, принесенныя ей Маришей, что старая няня совсѣмъ потеряла терпѣніе.

— Поблагодаритъ насъ Алексѣй Игнатьевичъ за такое нещечко, сказала она съ досадой, и, выйдя изъ комнаты, хлопнула дверью.

Варя заплакала.

— Всѣ точно сговорились дѣлать мнѣ непріятности, думала она.—Вмѣсто того чтобы пожалѣть или хоть въ покоѣ оставить, онѣ всѣ какъ нарочно пристаютъ...

— Александра Семеновна, дорогая, простите, я сегодня такая злая, говорила Варя позднѣе, вдоволь наплакавшись,— такая злая что сама отъ себя бы ушла...

— Помолись Богу, милая, отвѣчала старушка, гладя Варю по головѣ,—и поѣдемъ немножко прокатиться. Все пройдетъ, и время скоро пройдетъ, такъ скоро что ты и оглянуться не успѣешь. Вотъ ты и выросте успѣла, и замужъ собираешься, а мнѣ иногда кажется что вчера только и наводненіе было, и вы пришли къ намъ.

Черезъ два-три дня Варя попрежнему бѣгала, суетилась, ѣздила по лавкамъ съ Александрой Семеновной, навѣщала подругъ, принимала ихъ къ себѣ, хвастала передъ ними, показывая имъ свои обновы, накидывала на себя разные шарфики и мантильки, красовалась въ нихъ, радуясь какъ дитя; по нѣскольку разъ на день открывала и закрывала шкатулочку подаренную ей Алексѣй Игнатьевичемъ, наканунѣ отъѣзда, доставала изъ нея то однѣ серьги, то другія, надѣвала браслеты, восхищалась и вещами, и самою собой и была совершенно счастлива. Александра Семеновна и Анна Францевна были тоже заняты съ утра до вечера; для нихъ дни проходили незамѣтно. Незамѣтно наступилъ и октябрь.

Опустѣвшій на лѣтніе мѣсяцы Петербургъ сталъ уже съ конца сентября наполняться возвращавшимся отовсюду. Аркадій Васильевичъ и Эмилія Даниловна все еще жили на дачѣ, и по разъ заведенному порядку возвращаться съ дачи въ Петербургъ не иначе какъ въ послѣдній день сентября, въ этотъ годъ сдѣлали тоже. Эмилія Даниловна, тотчасъ по

возвращенія всегда объѣзжавшая всѣхъ своихъ семейныхъ знакомыхъ, Аркадій Васильевичъ всѣхъ одинокихъ, почтенныхъ по лѣтамъ и положенію (молодымъ, перваго или втораго октября, разсылались любезныя записочки съ просьбой не забывать стариковъ), не пропустилъ, какъ всегда, и въ этомъ году своихъ визитовъ.

— Какъ бы намъ не забыть четвертое, сказалъ Андрей Петровичъ женѣ послѣ посѣщенія Эмиліи Даниловны, которая въ этотъ годъ, въ знакъ особаго расположенія къ Варѣ, привезла ей огромный букетъ „послѣднихъ цвѣтовъ" съ дачи.

— Не забудемъ, отвѣчала улыбаясь Александра Семеновна то что неизмѣнно отвѣчала мужу каждый годъ.—Не забудемъ.

Варя прощалась съ Эмиліей Даниловной въ передней, когда вошелъ почтальйонъ и подалъ письмо.

— Это отъ Алексѣя Игнатьевича, сказала она, бросивъ взглядъ на конвертъ.

Письмо было дѣйствительно отъ Алексѣя Игнатьевича. Проводивъ старушку Брадке, Варя стала читать письмо. Алексѣй Игнатьевичъ, обыкновенно писавшій длинныя задушевныя письма, въ этотъ разъ писалъ видимо съ болью душевною, между прочимъ и то что сильно боится чтобъ ему не пришлось остаться въ деревнѣ гораздо долѣе, нежели онъ предполагалъ, просилъ Варю писать ему чаще, описывалъ то чувство одиночества которое испыталъ и испытываетъ съ минуты разлуки и то счастье которое наполняетъ радостью все существо его при мысли о томъ что скоро въ „этотъ" давно опустѣвшій, дорогой по воспоминаніямъ для него домъ, опять вселится душа, оживитъ его, и жизнь счастливая, спокойная, полезная, по милости ея, Вари, потечетъ опять тамъ гдѣ смерть много лѣтъ тому назадъ поселила отчаяніе, горе и запустѣніе.

„Я не хочу оторвать васъ ото всего что̀ вамъ дорого, писалъ онъ, не хочу чтобы моя радость была причиной хотя бы минутнаго горя тѣхъ людей которые вамъ дороги, не хочу чтобы вы изъ-за меня пролили хотя бы одну слезу и надѣюсь что матушка ваша, которая только и живетъ своими дѣтьми и для своихъ дѣтей, не оставитъ насъ, и мы пріѣдемъ сюда не вдвоемъ, а вчетверомъ. Лёва найдетъ здѣсь всѣ тѣ радости которыя наполняли моё счастливое дѣтство.... Потомъ пріѣдетъ къ вамъ и сестра ваша. Мы уговоримъ ее...

„Въ полуверстѣ отъ большаго дома, писалъ онъ далѣе, на холмѣ стоитъ небольшой, окруженный фруктовымъ садомъ домикъ, замѣчательно хорошо сохранившійся. Этотъ домикъ былъ выстроенъ отцомъ для моей старшей сестры, ежегодно пріѣзжавшей домой съ мужемъ и дѣтьми на три и четыре мѣсяца. Этотъ домъ я приготовилъ для Александры Семеновны и Андрея Петровича, расчищу садъ, насажаю цвѣтовъ, возобновлю всѣ хозяйственныя приспособленія, населю всѣ сараи и клѣтки попрежнему всякими четвероногими и пернатыми обывателями. Ваше дѣло уже будетъ упросить вашихъ вторыхъ родителей пріѣзжать къ вамъ на лѣто, въ глушь, отдыхать отъ зимней, столичной жизни."

Варя читала длинное письмо Алексѣя Игнатьевича безпрестанно восклицая: „вотъ умникъ-то! Ахъ, какъ отлично! И какъ онъ чудно это придумалъ! Мамочка, да? вы съ нами? Александра Семеновна, я могу написать ему что и вы и Андрей Петровичъ согласны? да, пожалуста.

Старички, тронутые вниманіемъ Алексѣя Игнатьевича, ласково и съ любовью смотрѣли на Варю, а Анна Францевна, старавшаяся скрыть свое волненіе, то и дѣло украдкой смахивала непослушныя слезинки, помимо ея воли катившіяся изъ ея глазъ.

— Да, но онъ пишетъ что останется долѣе нежели предполагалъ. Это ужь совсѣмъ не дѣло! сказала Варя, дочитавъ письмо и передавая его матери.—Посмотрите, какая у него некрасивая рука, говорила она. Много-много можно двойку за чистописаніе поставить.

— Варя! почти вскрикнула Анна Францевна, и въ голосѣ ея послышалось и огорченіе, и укоръ, и недоумѣніе.

— Только-то! произнесла въ то же время Александра Семеновна, качая головой и смотря съ неудовольствіемъ на Варю.

— Варенька, это говоритъ вашъ глазъ, привыкшій искать во всемъ красоту, а что̀ говоритъ сердечко? спросилъ Андрей Петровичъ, приходя какъ всегда на выручку своей любимицы.

— Сердечка-то тамъ вѣрно и нѣтъ, сказала Александра Семеновна.

Варя вспыхнула, хотѣла что-то отвѣтить, но увидѣвъ вокругъ себя только изумленныя, недовольныя лица, сконфузилась и, нагнувъ голову, стала разсматривать гербъ на красной печати конверта.

Въ этотъ вечеръ Анна Францевна, благословляя Варю на ночь, сказала ей: „И ты послѣ этого скажешь что любишь его?“

— Люблю какъ умѣю, мамочка. Не могутъ же всѣ по вашему любить! отвѣчала Варя съ досадой, но тотчасъ же, живо опустившись передъ матерью на колѣни и цѣлуя ея руки, заговорила:—Не сердитесь, родная, что́ жь дѣлать? Вѣдь я не виновата что такая родилась. Я бы можетъ-быть и хотѣла быть такою „особенною“ какъ вы и Александра Семеновна, а нѣтъ во мнѣ этого чего-то что́ въ васъ есть, надо мириться съ тѣмъ что́ есть. Я философъ въ этомъ случаѣ...

Четвертое число не было, конечно, забыто, и Андрей Петровичъ, отказавшись въ этотъ день отъ чая дома, пилъ его къ удовольствію Эмиліи Даниловны за столомъ именинника.

Въ началѣ втораго, въ этотъ же день, Александра Семеновна и Варя, одѣтая первый разъ въ жизни въ шелковое платье, подъѣхали къ дому Брадке. Варя съ гордостію прислушивалась къ скрипу шелковаго лифа, туго стягивавшаго ея талію, тому особенному скрипу шелковой матеріи который ясно слышался ей при малѣйшемъ ея движеніи; прислушивалась къ шелесту юбки, шуршавшей при каждомъ прикосновеніи къ ступенькамъ лѣстницы; прислушивалась и думала о зависти съ которою Соня, Саша, Милочка и многія другія барышни изъ ея знакомыхъ посмотрятъ на ея богатое „дамское“ платье цвѣта резеды, на ея шляпку такого же цвѣта съ пучкомъ разноцвѣтной, точно живой герани, на ея часы, брошку и браслетъ—змѣю, держащую во рту бриллiантъ (прощальный подарокъ Алексѣя Игнатьевича), думала и радостно улыбалась себѣ.

„Вѣдь какая прелесть это платье! Теперь онѣ сами согласились что оно чудесно, а еслибы не Андрей Петровичъ и не Алексѣй Игнатьевичъ—сдѣлали бы непремѣнно розовое... Ну, и было бы вовсе не то,“ думала она, уже стоя предъ зеркаломъ въ передней Брадке.

— Кто это? Ахъ, какая красавица! услышала она за собой шепотомъ сказанныя слова и, обернувшись, какъ отъ электрическаго толчка, встрѣтилась съ восторженнымъ взглядомъ черныхъ глазъ неизвѣстнаго ей еще молодаго человѣка съ матовымъ лицомъ, черными усами и волнистыми, черными какъ вороново крыло волосами.

„Какой онъ самъ красавецъ, совсѣмъ картинное лицо!“ подумала Варя. Ей хотѣлось обернуться чтобъ еще разъ посмотрѣть на красавца, но ее удержало какое-то внутреннее чувство, и черезъ минуту она степенно вошла вслѣдъ за Александрой Семеновной въ гостиную. Тамъ было человѣкъ пятнадцать почти все ей знакомыхъ и полузнакомыхъ людей. Варя стала поздравлять, здороваться, выслушивать поздравленія и пожеланія, но украдкой осматривала всѣ углы,—красавца въ гостиной не было.

„Это можетъ-быть было во снѣ или въ моемъ воображеніи,“ подумала она наконецъ, стараясь стряхнуть съ себя впечатлѣніе произведенное на нее красивымъ лицомъ молодаго человѣка. „Не подъ столъ же онъ спрятался. Всѣ здѣсь, и Эмилія Даниловна, и Аркадій Васильевичъ; не сидитъ же онъ одинъ, какъ отверженный, въ кабинетѣ...“

Варя улыбнулась, провела рукой по складкамъ своего новаго красиваго платья, подняла голову и, увидѣвъ вдали мелькнувшее ей въ простѣночномъ трюмо знакомое ей лицо съ пучкомъ розовой, малиновой и красной герани, такъ прекрасно гармонировавшемъ съ темнымъ цвѣтомъ шелковистыхъ локоновъ, стала весело разговаривать; но молодой человѣкъ, поразившій ее, неотвязно представлялся ей.

„Даже смѣшно,“ думала она, подъѣзжая часа черезъ полтора къ дому. „Думаю о сегодняшнемъ балѣ, о башмакахъ, которые ужасно жмутъ, о мамѣ, которая сердилась на меня, объ Алексѣѣ Игнатьевичѣ, о письмѣ за которое мнѣ ужь вчера ото всѣхъ по очереди досталось, а передъ глазами торчитъ это красивое лицо!“ Варя закрыла глаза и улыбнулась.

— Чтò съ тобой? спросила Александра Семеновна удивленно.

— Съ закрытыми—еще яснѣе, сказала Варя, какъ бы въ забытьѣ.

— Что-о-ò? удивленно протянула Александра Семеновна.— Ты сегодня точно сумашедшая. Устала ты что-ли? Отчего глаза закрываешь? добавила она.

Варя ничего не отвѣтила.

— Чего же ты смѣешься? спросила Александра Семеновна съ нетерпѣніемъ.

— Мнѣ башмакъ жметъ ужасно, сказала Варя, нагибаясь и сжимая въ рукѣ носокъ своей маленькой ноги.

— Башмакъ жметъ, поздравляю! произнесла Александра Семеновна. Это всякій разъ! Принесутъ—„прекрасно, отлично,

божественно", заговорила она голосомъ Вари, — „совсѣмъ впору," а какъ надѣнешь—узко, жмутъ! Теперь и носи узкіе, сама виновата."

— Я и не говорю ничего. Я такъ! Растянутся!... отвѣчала Варя разсѣянно.

....

— Александра Семеновна, могу я надѣть сегодня на вечеръ розовое платье? спросила она не совсѣмъ рѣшительно, услышавъ что Александра Семеновна вернувшись домой приказывала дѣвушкѣ достать для нея бѣлое платье.

— Зачѣмъ розовое? Вѣдь было рѣшено что ты надѣнешь бѣлое... Что за пустяки, бѣлое будетъ очень хорошо, отвѣчала Александра Семеновна.

— Боже?! Въ бѣломъ я уже была у нихъ, неловко, сказала Варя сдвинувъ брови.—Нѣтъ, Александра Семеновна, право, подумаютъ что я съ тѣхъ поръ не раздѣвалась.

— Кто же подумаетъ? что̀ ты вздоръ городишь! Никто и не догадается что оно не первый разъ надѣто, тѣмъ болѣе что ты надѣнешь голубой поясъ и другіе банты, сказала старушка.

— Душечка, Александра Семеновна, дорогая, мнѣ бы такъ хотѣлось быть очень, очень хорошенькою сегодня, вдругъ заговорила Варя пѣвучимъ голосомъ,—а бѣлое что̀!

Она махнула рукой.

— Позвольте, вѣдь вамъ право все равно, а розовое—такое прелестное, его какъ увидятъ—такъ и ахнутъ всѣ. Александра Семеновна, да? можно? пожалуста!

Варя стала цѣловать Александру Семеновну.

— Нельзя, Варя, не идетъ, эти платья... начала было Александра Семеновна.

— Ну, Саша, отчего не позволить? вступился Андрей Петровичъ.—Потѣшь дѣвочку; вѣдь не долго ей съ нами оставаться.

— Пусть спроситъ Анну Францевну, сказала наконецъ Александра Семеновна, желая отдѣлаться отъ объясненій Вари, душившей ее поцѣлуями.—Какъ мать скажетъ, такъ пусть и дѣлаетъ.

Варя, услышавъ слова старушки, побѣжала къ матери, но почти сейчасъ же вернулась назадъ. Александра Семеновна взглянула на нее и по ея нахмуреннымъ бровямъ и недовольному лицу тотчасъ поняла, какой отвѣтъ дала Анна Францевна.

— Ну что? спросилъ Андрей Петровичъ.

— У мамы всегда какія-нибудь удивительныя фантазіи, сказала Варя, капризно тряхнувъ головой. — Она обидѣлась на меня и говоритъ что, по ея понятіямъ, мнѣ не только о розовомъ платьѣ думать, но вовсе и ѣхать туда не слѣдовало бы.

— Почему же? спросилъ Андрей Петровичъ, подойдя къ Варѣ.

— Потому, видите ли, сказала Варя съ досадой,—что Алексѣя Игнатьевича тамъ не будетъ.

— Я съ твоею мамой вполнѣ согласна, милая, сказала Александра Семеновна серіозно,—хотя не ѣхать къ Брадке было бы неловко. Эмилія Даниловна можетъ обидѣться. Она къ тебѣ такъ добра. Розовое же платье надѣвать тебѣ не къ чему, а думать о томъ чтобы быть очень хорошенькою ужь и вовсе не подобаетъ.

— Отчего же это? спросила Варя съ удивленіемъ.

— Отчего? Да ты для кого хочешь быть хорошенькою, кому хочешь нравиться, скажи на милость? спросила Александра Семеновна.

— Для кого? какъ для кого? Для всѣхъ, я думаю. .

— Гадко же ты думаешь, если только на себя не выдумываешь, сказала Александра Семеновна съ неудовольствіемъ.

— Нисколько не выдумываю! произнесла Варя, потряхивая головой,—нисколько, что жь тутъ гадкаго?

— Гадко уже то что ты невѣста, жениха твоего здѣсь нѣтъ, а ты думаешь о томъ какъ бы тебѣ нравиться *всѣмъ*, видите ли чего захотѣла, всѣмъ! повторила старушка,—куда какъ хорошо! Хочу быть хорошенькою!

— Вотъ удивительно! прошептала Варя, и, поведя плечами, повернулась къ Андрею Петровичу. — Что жь тутъ гадкаго? проговорила она.—Гадкаго въ этомъ я ничего не вижу. Здѣсь ли мой женихъ, нѣтъ ли его, это мнѣ все равно, я хочу быть хорошенькою прежде всего для себя самой, а потомъ уже для него и для всѣхъ безъ исключенія.

— А когда ты замужъ выйдешь, ты тоже будешь думать о томъ чтобы быть хорошенькою?

— Еще бы! Тогда еще больше чѣмъ когда-нибудь.

— Ну, напрасно, и я думаю что Алексѣю Игнатьевичу это не очень понравится. Спроси его какъ онъ пріѣдетъ... сказала Александра Семеновна.

— Варенька, а письмо ваше написано? спросилъ Андрей Петровичъ чтобъ измѣнить разговоръ. — Я бы завезъ его на почту. Я сейчасъ ѣду въ ту сторону за перчатками.

— Нѣтъ еще, отвѣчала Варя неохотно.—Я вечеромъ напишу.

Александра Семеновна покачала головой.

— Долго же ты собираешься, нечего сказать, сказала она укоризненно.—То съ ума сходила, на другой же день по отъѣздѣ его вздумала писать, то три дня на его письмо отвѣтить не соберешься. Лучше бы вмѣсто розоваго платья о письмѣ подумала.

Варя ничего не отвѣтила. Александра Семеновна вышла, недружелюбно посмотрѣвъ на нее.

— Я ужь лучше вовсе не поѣду, сказала Варя Андрею Петровичу, помолчавъ немного,—а Сандрильйоной не буду.

— Ну, ну, зачѣмъ безпокоиться, зачѣмъ сердиться? „Сандрильйоной не буду.“ Кто жь допуститъ это? Не надо только капризничать, все уладится, и розовое платье выпросимъ. Надо только хорошенько попросить, а если мы захотимъ чего-нибудь выпросить, мы вѣдь сумѣемъ, сказалъ Андрей Петровичъ, поглаживая руку Вари.

— Андрей Петровичъ, попросите вы сами, заговорила Варя умоляющимъ голосомъ.

Она сдѣлала печальное лицо, и жалобно смотря въ его глаза, продолжала:

— Ну, не все ли имъ равно, подумайте, теперь ли я надѣну платье или немножко позже? Вѣдь что̀ жь ему сдѣлается? Развѣ я и потомъ не могу также отлично надѣвать его?...

Андрей Петровичъ добродушно улыбнулся.

— Хорошо, хорошо, сейчасъ принесу разрѣшеніе, только куксить не надо, сказалъ онъ, и пошелъ разыскивать Александру Семеновну.

Александра Семеновна была у себя въ спальной. Увидѣвъ мужа и догадавшись зачѣмъ онъ пришелъ, она съ недовольнымъ лицомъ отвернулась отъ него. Андрей Петровичъ смущенно кашлянулъ. Взявшись быть заступникомъ Вари, онъ и не воображалъ какое трудное дѣло предстояло ему.

Заговоривъ съ женой, онъ сначала просто попросилъ ее позволить Варѣ надѣть то платье которое ей хочется. Александра Семеновна взглянула хмурясь на мужа и сказала что „этого нельзя“. Получивъ отказъ, Андрей Петровичъ

попробовалъ подѣйствовать на нѣжныя струны жены, Александра Семеновна даже обидѣлась.

— Да что жь ты въ самомъ дѣлѣ думаешь что я изъ пустаго каприза, или такъ чтобы непріятность ей сдѣлать? Стыдись, Андрей Петровичъ, не первый день кажется меня знаешь, сказала старушка дрожащимъ, взволнованнымъ голосомъ.

— Саша, милая, ну разсуди по справедливости, заговорилъ Андрей Петровичъ самымъ убѣдительнымъ тономъ:—вѣдь платье ее, ты для нея его купила. Не все ли тебѣ равно, когда она его въ первый разъ надѣнетъ, сегодня или черезъ мѣсяцъ? если ей такъ ужь хочется нарядиться сегодня, пусть...

— Не все равно, перебила его Александра Семеновна,—не все равно по многимъ причинамъ. Вопервыхъ, что она за манеру взяла: захотѣла Варвара Дмитріевна, вынь да положь чтобы было. Нраву моему не прелятствуй! Вовторыхъ, не все равно потому что таскать до замужества тѣ вещи которыя приготовлены для приданаго... не слѣдуетъ...

Александра Семеновна покраснѣла отъ досады.

— Но это, положимъ, послѣднее дѣло, продолжала она.— Главное тутъ, и самое гадкое, это ея тщеславіе и какое-то бездушіе. Для чего ей вдругъ понадобилось это розовое платье? кого она хочетъ прельщать въ немъ? ей хочется быть очень хорошенькою, скажите пожалуста?!.. Да ни одной мало-мальски порядочной, съ сердцемъ дѣвушкѣ этого и въ голову не придетъ! Она только-что сдѣлалась невѣстой, увѣряетъ что любитъ своего жениха, знаетъ что женихъ ея теперь хлопочетъ, трудится, тратится для нея, а она хочетъ для чего-то быть очень хорошенькою сегодня; фи, какая гадость! Она мечтаетъ о розовомъ платьѣ, капризничаетъ, сидитъ сложа руки и третій день не можетъ на письмо Алексѣя Игнатьевича отвѣтить. Какъ ты назовешь это?

Александра Семеновна остановилась, съ пылающимъ лицомъ и блестящими глазами посмотрѣла на Андрея Петровича.

— Она такое дитя, Саша, строго судить ее право нельзя, началъ Андрей Петровичъ.

— Нельзя строго судить за какую-нибудь глупую фантазію, согласна, отвѣчала старушка,—но за бездушіе, тщеславіе, упрямство, не судить нельзя, и потакать капризамъ не только взрослой дѣвушки невѣсты, но даже ребенка—не слѣдъ, какъ хочешь! Пусть надѣваетъ бѣлое, оно и очень хорошо, и ей идетъ...

— Бѣлое, Саша, бѣлое ей почему-то ни за что не хочетъ надѣть, перебилъ жену Андрей Петровичъ.—Ну, я тебѣ скажу по секрету... Она мнѣ рѣшительно сказала: „Я лучше вовсе не поѣду, но моего бѣлаго не надѣну.“

Александра Семеновна подошла къ комоду, съ шумомъ выдвинула одинъ изъ его ящиковъ и молча стала рыться въ немъ.

– Какъ хочетъ, продолжала она наконецъ сердито, но вдругъ лицо ея измѣнилось.—Д-да, сказала она точно въ раздумьи, самой себѣ,—я и не подумала, можетъ-быть... какъ знать? Только глупо, отчего бы ей прямо не сказать намъ этого, продолжала она, повертываясь къ мужу.—И Анна Францевна отлично бы поняла ея чувство, и *я*, надѣюсь... Хорошо еще что я догадалась...

Андрей Петровичъ посмотрѣлъ удивленно на жену. Она молчала, очевидно что-то соображая.

— Ну, и я тебѣ скажу по секрету, черезъ минуту заговорила старушка съ совсѣмъ прояснившимся лицомъ,—понятно, почему она не хочетъ надѣть бѣлаго, вѣдь бѣлое ея „завѣтное“ платье! Она была въ немъ когда Алексѣй Игнатьевичъ сдѣлалъ ей предложеніе и говорилъ ей о своей любви. Да, продолжала старушка съ умиленіемъ,—въ немъ она, вернувшись съ бала, счастливая, обливаясь слезами, на колѣнахъ передъ матерью, молилась съ ней вмѣстѣ и повторяла каждое слово сказанное ей ея женихомъ... Понятно, понятно!.... А я и не догадалась сначала.... Надо пойти къ Аннѣ Францевнѣ, утѣшить бѣдную, добавила Александра Семеновна и сдѣлала нѣсколько шаговъ къ двери, но вдругъ остановилась и, понизивъ голосъ, сказала: —а она мнѣ сейчасъ просто съ отчаяніемъ говорила: „И въ кого только она такая бездушная и вѣтряная!“ Знаешь, она увѣрена что Варя вовсе не любитъ Алексѣя Игнатьевича. „Какая, говоритъ, это любовь! развѣ она думаетъ о немъ когда-нибудь, о немъ самомъ, объ его чувствѣ, объ его душѣ? Она думаетъ только о перемѣнѣ которая съ замужествомъ произойдетъ въ ея жизни, она мечтаетъ о каретѣ, о своихъ лошадяхъ, о театрѣ и удовольствіяхъ.....“ И это вѣдь правда, сказала Александра Семеновна, смотря въ лицо мужа,—а? Андрей Петровичъ?!...

Старушка махнула рукой.

— И отчего это судьба почти всегда такъ устраиваетъ! Хорошему, любящему человѣку, умному, сердечному, навяжетъ или пустую, или негодную жену; хорошей, развитой, настоящей женщинѣ, женѣ и матери—дурака или безпутнаго мужа...

— Ну, ну, ну! остановилъ Александру Семеновну Андрей Петровичъ.—Это кто же говоритъ? ты? или Анна Францевна?

Александра Семеновна подняла на мужа глаза:

— И я, и она, и ты; да всѣ, я думаю, скажутъ то же, начала она.

Андрей Петровичъ провелъ рукой по головѣ, глядя на жену серіознымъ лицомъ, но смѣющимися глазами.

— Я?! нѣтъ, сказалъ онъ, качая отрицательно головой.—Да наконецъ, позвольте узнать, кто изъ насъ двухъ негоденъ?...

— Ты отъ Вари заразился; съ тобой послѣднее время совсѣмъ говорить нельзя: у тебя, какъ у нея, все шутки, произнесла Александра Семеновна съ легкою досадой.

— Шутки?! А у васъ не шутки? Вы вотъ самое хорошее, самое естественное чувство дѣвушки, чувство о которомъ она молчитъ по дѣтской, какъ бы сказать, стыдливости что-ли? вы перетолковываете его невѣсть какъ!... Ну что жь, положили гнѣвъ на милость? Разрѣшаете намъ надѣть розовое платье? сказалъ Андрей Петровичъ, улыбаясь.

— Подожди, надо Анну Францевну спросить. Я пойду, первымъ дѣломъ, утѣшу ее, а потомъ спрошу. Она конечно позволитъ.

Александра Семеновна вышла, а Андрей Петровичъ, заложа руки въ карманы и посвистывая, сталъ ходить мелкими шагами взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Пусть надѣваетъ розовое, сказала Александра Семеновна, возвращаясь черезъ нѣсколько минутъ.

Андрей Петровичъ посмотрѣлъ на жену. Въ лицѣ ея уже не было той живости которая появилась на немъ съ той минуты какъ она „открыла“ причину нежеланія Вари надѣть бѣлое платье.

— Что жь она? сказалъ Андрей Петровичъ.

— Говоритъ: дай Богъ чтобъ это было такъ, но не вѣритъ и очень разстроена.

— Нездоровится ей опять больше, бѣдная женщина! Пойду-ка я почитаю ей. Кстати, я еще и самъ сегодня газетъ не прочелъ, сказалъ Андрей Петровичъ, помолчавъ съ минуту,

вздыхая, подходя къ женѣ и цѣлуя ее въ лобъ.—Только прежде Варю утѣшу!

Старикъ взглянулъ еще разъ на жену и вышелъ изъ комнаты.

Не прошло и пяти минутъ, какъ въ комнату Александры Семеновны ураганомъ влетѣла Варя и, бросившись къ ней на шею, стала цѣловать ее.

— Полно, полно, Варя, не за что благодарить, говорила Александра Семеновна, отстраняя Варю.—Напрасно только ты сразу не сказала почему тебѣ не хочется бѣлое платье надѣть: и маму бы не огорчила, и меня тоже, и самой не пришлось бы плакать. Ступай къ матери; она совсѣмъ больна опять, добавила грустно старушка.

Варя вышла изъ комнаты и, остановившись за дверью, открыла большіе глаза, приподняла плечи и разведя руками осталась недвижимою минуту, изображая недоумѣніе.

„Почему не хотѣла? гм!“... Вотъ штуки-то! Легко сказать почему!“ подумала она, „что они тамъ придумали?.. Вѣрно Андрей Петровичъ!... какой онъ славный!..“

Варя пошла было къ матери, но не доходя до ея комнаты остановилась. „Опять мама про письмо начнетъ,“ подумала она. „Что я въ самомъ дѣлѣ напишу?.. Я уже четыре раза писала ему... А надо, нельзя...“

Она повернулась и медленно, еле передвигая ноги, пошла обратно, дошла до своей комнаты, подошла къ столику, нагнулась надъ нимъ и поискала глазами. „Нѣтъ“, произнесла она, сморщивъ брови, не найдя того что искала и стала рыться въ письмахъ и конвертахъ собранныхъ въ клювъ бронзоваго ястреба, стоявшаго на ея столѣ. Порывшись съ минуту и все же не найдя письма, котораго искала, она вдругъ вспомнила что не взяла его у матери.

— Вотъ тебѣ и на! произнесла она вслухъ.—Что тутъ подѣлаешь!... чему быть—того не миновать! Безъ гонки вѣрно сегодня не обойдется, черезъ мановеніе рѣшила она и, напѣвая: „Fais ce que doit, advienne que pourra“, пошла въ комнату матери.

„И за письмо и за бѣлое платье достанется,“ думала она подходя къ комнатѣ. „Скучно все это! Да теперь скоро конецъ! Скоро ужь я буду сама себѣ барыня, и некому будетъ меня бранить...“

Отворивъ дверь въ комнату матери, она остановилась... Ни на диванѣ, ни въ креслѣ, въ которомъ Анна Францевна имѣла обыкновеніе сидѣть, Анны Францевны не было. Варя тихо вошла въ комнату, посмотрѣла на столѣ и на рабочемъ столикѣ и, найдя письмо въ рабочей корзинкѣ матери, взяла его и вышла. „Варя!“ слабымъ голосомъ позвала Анна Францевна дочь, но Варя не слышала. Вернувшись къ себѣ, она поспѣшно пробѣжала письмо Алексѣя Игнатьевича, положила его открытымъ предъ собой и стала писать. Письмо было скоро готово, конвертъ надписанъ, и она съ легкимъ сердцемъ понесла его къ матери.

Анна Францевна лежала за ширмами на постели. Варя вошла въ комнату на цыпочкахъ, положила на рабочій столикъ написанное ею жениху письмо и неслышно вышла. „Слава Богу! свалила!“ думала она и, вернувшись къ себѣ почти бѣгомъ, стала торопливо готовить все необходимое для прически.

— Засидимся за столомъ, говорила она себѣ, доставая то то, то другое,—а Глафира Ивановна придетъ ровно въ четыре. Сама я не могу такъ хорошо причесаться, а въ локонахъ, какъ дѣвчонка, ѣхать не хочу!...

Она насупилась, подошла къ туалету, сѣла на табуретку и поднявъ свои волосы, закрутила ихъ и положила очень высоко на макушкѣ. „Такъ было бы оригинально!“ подумала она, улыбнулась и полюбовавшись на себя распустила локоны и стала пробовать какой родъ прически ей болѣе всего пойдетъ...

Вдругъ позвали обѣдать. Варя, замечтавшаяся и не ожидавшая обѣда „такъ скоро,“ живо пригладила волосы, подвила нѣсколько локоновъ и побѣжала въ столовую.

Александра Семеновна и Андрей Петровичъ были уже тамъ, Лёва тоже, но Анна Францевна въ этотъ день къ обѣду не вышла, и обѣдъ, къ особенному удовольствію Вари, окончился скорѣе чѣмъ обыкновенно, хотя она почти ничего не ѣла и сильно волновалась. Послѣ обѣда она живо встала, поблагодарила Александру Семеновну и побѣжала къ себѣ въ комнату, гдѣ застала уже ожидавшую ее Глафиру Ивановну.

— Душечка, причешите меня какъ можно скорѣе, шепотомъ сказала Варя, обращаясь къ дѣвушкѣ.—Это разъ; вѣдь никто не знаетъ что я васъ пригласила. Имъ будетъ сюрпризъ. Потомъ... причешите такъ чтобъ я была душка.

Варя улыбнулась и сѣла предъ зеркаломъ. Глафира Ивановна подошла къ ней, взяла щетку и начала съ того что стала восхищаться прелестью ея локоновъ, густотой, мягкостью и блескомъ волосъ, но какъ ни льстило это самолюбію вѣтреной дѣвушки, она, боясь что Анна Францевна или Александра Семеновна, узнавъ о ея затѣѣ, прикажутъ ей распустить локоны какъ всегда, то и дѣло понукала словоохотливую Глафиру Ивановну и упрашивала ее причесать какъ можно скорѣе.

Глафира Ивановна стала наконецъ причесывать или, какъ она говорила, убирать голову, но дѣлала это очень долго. Сначала она расчесывала волосы щеткой, потомъ слегка намочила ихъ и начала опять расчесывать, потомъ напомадила ихъ и опять расчесывала, наконецъ подняла съ затылка волосы и гладко, гладко причесавъ ихъ, закрутила ихъ крѣпко и начала устраивать на макушкѣ Вари красивый бантъ. Затѣмъ пригладила волнистые отъ природы передніе волосы, потомъ опять стала поправлять что-то сзади и наконецъ, къ удовольствію Вари, отошла и сказала съ восхищеніемъ:

— Богиня, настоящая богиня! Варвара Дмитріевна, право эта прическа для васъ придумана. Постойте я подержу зеркало за вами. Вотъ такъ, сидите смирно не двигайтесь.

Глафира Ивановна взяла зеркало, навела его и, держа за нимъ распущенное полотенце, сказала, заглядывая въ него черезъ плечо Вари.

— Такъ виднѣе, на бѣломъ фонѣ: смотрите какой красивый профиль, а затылокъ, чудо! И какъ къ лицу вамъ.

Глафира Ивановна стала передъ Варей и, смотря ей въ лицо, поправила нѣсколько выбившихся на лбу волосковъ.

— Дайте я вамъ вдѣну въ уши серьги, сказала она.

Варя, свѣтясь улыбкой, достала бриллiантовыя сережки изъ шкатулочки подаренной ей Алексѣемъ Игнатьевичемъ и подала Глафирѣ Ивановнѣ.

Глафира Ивановна вдѣла серьги въ уши Вари и отойдя отъ нея на нѣсколько шаговъ, стала, какъ художникъ окончившій свою картину, осматривать ее со всѣхъ сторонъ, затушевывая и прибавляя то тутъ, то тамъ легкій штришекъ.

— Съ ума сведешь не одну голову сегодня, сказала она прощаясь.

Варя радостно посмотрѣла на себя, потомъ на часы.

„Еще пяти нѣтъ, вотъ долго-то ждать! Еслибы только показаться имъ во всемъ парадѣ, не ранѣе, а то непремѣнно достанется. Хотя такъ, право, лучше!" сказала она себѣ съ легкимъ безпокойствомъ.

Вошла Мариша съ юбками, положила ихъ на диванъ, вышла и черезъ нѣсколько минутъ вернулась, бережно держа въ рукахъ блѣдно-розовое тюлевое платье на шелковомъ чехлѣ.

— Ты мнѣ какіе чулки достала? спросила Варя.

Мариша подошла къ постели и, взявъ изъ приготовленныхъ ею Варѣ вещей чулки, молча подала ихъ Варѣ.

— А! эти?! протянула Варя. Нѣтъ, Мариша, дай ажурные. Сегодня все должно быть самое, самое красивое!

Варя тихо засмѣялась.

— Эхъ вы, прокуратница! сказала Мариша, добродушно посмѣиваясь.—Какъ-то мы на свадьбу васъ снаряжать будемъ. То-то мудрить будете!

— Нѣтъ, сказала Варя.—Тогда я вотъ сяду....

Она бросилась въ кресло, вытянула такъ далеко какъ могла свои скрещенныя ноги, подняла, широко открывъ, какъ для объятія руки, и потягиваясь продолжала.

— Сяду и скажу: дѣлайте со мной что̀ хотите и какъ хотите!

— Какъ разъ! Такъ отъ васъ этого и дождешься! сказала Мариша, осторожно оправляя разложенное ею на креслѣ платье.

Половина восьмаго еще не пробило когда Варя, совсѣмъ одѣтая, счастливая своею красотой и своимъ воздушнымъ платьемъ, вошла въ гостиную. Не найдя въ ней никого, она прошла въ кабинетъ Андрея Петровича.

Вдругъ раздались два восклицанія. Восклицанія эти, одинакія по звуку, были совершенно различны по тону.

— Ахъ! вскрикнулъ Андрей Петровичъ съ восхищеніемъ, и разведя руками всталъ на встрѣчу Вари.

— А-а-ахъ! произнесла съ укоромъ и удивленіемъ Варя, и веселое, самодовольное выраженіе ея лица замѣнилось досадливымъ и недовольнымъ.

— Э-этого я ужь никакъ не ожидала! сказала она.—Андрей Петровичъ! вѣдь скоро *восемь*.

— Не можетъ быть! произнесъ съ безпокойствомъ Андрей Петровичъ. — Сейчасъ только половина била.... Я вѣдь

мигомъ.... За мной остановки не будетъ, продолжалъ онъ, будто извиняясь.

Варя, сдѣлавъ печальное лицо, махнула рукой и, сказавъ: „Знаю я!“ повернулась на каблучкахъ своихъ бѣлыхъ атласныхъ башмачковъ привязанныхъ къ ногѣ узенькою бѣлою ленточкой скрещенною на серединѣ и завязанною вокругъ щиколотки бантикомъ, и пошла къ двери.

— Постойте! Дайте на себя посмотрѣть! Кто это васъ такою Діаной причесалъ? спросилъ Андрей Петровичъ, съ восторгомъ глядя на Варю.

— Сама, отвѣтила неохотно Варя и вышла изъ комнаты.

— Вотъ! теперь онъ еще копаться будетъ! прошептала она съ досадой...

Сдвинутыя брови Вари еще не расправились и въ глазахъ не потухъ сердитый огонекъ, когда она, войдя въ гостиную, столкнулась съ Александрой Семеновной.

Старушка, повернувъ голову назадъ и смотря на подолъ платья, равняла блондовую шаль, конецъ которой никакъ не хотѣлъ держаться на серединѣ ея длиннаго шелковаго, цвѣта prune, платья.

— Ахъ, Варя, надо смотрѣть, произнесла Александра Семеновна съ досадой, но взглянувъ на Варю она вдругъ замолчала, остановилась, окинула ее глазами съ головы до ногъ и съ нескрываемымъ удовольствіемъ сказала:—О-очень мило, очень! Кто тебя такъ прелестно причесалъ? А я только сейчасъ надѣваю наколку и думаю что̀ мы будемъ дѣлать съ твоими волосами? Вѣдь нельзя же тебѣ всегда въ локонахъ, какъ дѣвочкѣ ходить.

„Александра Семеновна готова, Андрей Петровичъ ужь не замѣшкается теперь; прическа понравилась, слѣдовательно не достанется; прошло лучше нежели ожидала, и сейчасъ поѣдемъ“, мелькнуло у Вари въ головѣ, и она вдругъ повеселѣла.

— Александра Семеновна, дорогая, хорошо? спросила она.

— Прекрасно. Тебя мама видѣла?

— Нѣтъ еще. Я шла вамъ показаться, а теперь къ ней пойду.

Александра Семеновна стала тщательно осматривать Варю.

— Твои олеандры—живые, сказала она приравнивая маленькую вѣточку прекрасно сдѣланныхъ французскихъ цвѣтовъ кокетливо положенныхъ на груди Вари,—такъ и кажется, вотъ эти листочки сейчасъ обсыпятся.

Александра Семеновна приподняла пальцемъ головку цвѣтка.

— И какъ это мило, продолжала она,—небрежно сорванная вѣтка, одна, и больше ничего. Мастерица эта Girard. Надо ей отдать полную справедливость: хоть дорого возьметъ, но ужь за то сдѣлаетъ... Ступай же къ мамѣ.

„Всѣмъ понравилось, слава Богу. Теперь послѣднее испытаніе“, думала Варя выходя изъ гостиной. „Безъ десяти восемь... Сейчасъ поѣдемъ.“

— Мамочка! сказала она войдя въ комнату Анны Францевны, и, не видя какъ и утромъ матери на ея обычныхъ мѣстахъ, повторила громче:—Мамочка!

Отвѣта не было.

Варя прошла чрезъ комнату къ ширмамъ и заглянула за нихъ.

Анна Францевна лежала въ постели съ закрытыми глазами.

— Мамочка, до свиданія, сказала Варя громко.

Анна Францевна открыла глаза и остановила ихъ на лицѣ Вари. Взглядъ ея не выразилъ ни удивленія, ни одобренія, ни неудовольствія.

— Мамочка, хорошо такъ? спросила Варя, оправляясь и становясь предъ матерью такъ чтобъ она могла ее видѣть.

— Варя, могла бы ты принести для меня жертву? спросила Анна Францевна слабымъ голосомъ, смотря на дочь жалкими, молящими глазами.

— Еще бы, мамочка! сказала Варя, нагибаясь и цѣлуя руку матери,—но какую?

— Останься со мной сегодня. Мнѣ такъ не хорошо, прошептала Анна Францевна.

Варя измѣнилась въ лицѣ, отпустила руку матери, выпрямилась и безпокойно осмотрѣлась, точно ища чьей-нибудь защиты и поддержки.

Никого не было.

— Если вы этого непремѣнно хотите, сказала она послѣ доброй минуты молчанія,—но...

Варя не договорила; она думала: „но вамъ такъ давно не хорошо и неизвѣстно какъ долго еще будетъ не хорошо... это безжалостно, это эгоизмъ“...

Анна Францевна смотрѣла на дочь, читала,—ясно читала въ ея мысляхъ,—прощала ей ото всей души и безъ словъ говорила ей: „пожалѣй меня, останься, пожалѣй!“

Варя отвела свои глаза отъ лица матери и, глядя въ пространство, сказала наконецъ тономъ вынужденной покорности:

— Что жь, я сейчасъ раздѣнусь, надо только Александрѣ Семеновнѣ и Андрею Петровичу сказать, а то они вѣдь ждутъ...

Варя говорила это; а сама думала: „Мама не захочетъ этой жертвы. Она только испытываетъ меня. Не захочетъ она лишить меня удовольствія....“ и замолчавъ она продолжала стоять молча не двигаясь съ мѣста, ожидая что мать отпуститъ ее, но Анна Францевна протянула къ ней руку и, смотря на нее съ благодарностію, прошептала: „Слава Богу, слава Богу. Останься, дорогая моя...“

Варя вышла изъ комнаты.

„Что же это такое? Для чего это мамѣ понадобилось? Неужели все это напрасно, и я не буду тамъ, а тамъ всѣ будутъ, будетъ и онъ“... думала Варя, возвращаясь въ гостиную опустивъ руки и съ такимъ несчастнымъ лицомъ что Александра Семеновна и Андрей Петровичъ, издали увидѣвъ ее, спросили въ одинъ голосъ: „Варя, что случилось?... мама?... да?...“ Александра Семеновна даже встала со своего мѣста.

— Я не ѣду туда, мама не хочетъ, я съ ней остаюсь, сказала Варя, чуть не плача и, не взглянувъ на удивленныхъ стариковъ, прошла въ свою комнату.

Александра Семеновна и Андрей Петровичъ переглянулись.

— Сейчасъ я все устрою, пройду къ ней, узнаю въ чемъ дѣло, заговорила Александра Семеновна, торопливо направляясь къ комнатѣ Анны Францевны,—а ты пройди скажи Варѣ чтобъ она не капризничала и не раздѣвалась, добавила она, выходя изъ гостиной.

Александра Семеновна быстро прошла корридоръ, вошла въ комнату больной и осторожно подойдя къ ея постели, нагнулась и взяла ея руку въ свою.

— Анна Францевна, душечка, тихо, мягкимъ голосомъ начала она,—почему вы не хотите чтобы Варя ѣхала сегодня къ Брадке?

Александра Семеновна говорила особенно ласковымъ, участливымъ тономъ.

— Я боюсь этого бала, произнесла Анна Францевна съ особенною живостью и, сжимая руку Александры Семеновны въ своихъ, повторила:—боюсь!

— Чего же вы можете бояться, сказала Александра Семеновна,—вѣдь не первый разъ она туда ѣдетъ, и это такой

порядочный домъ, къ тому же Эмилія Даниловна такъ искренно полюбила Варю и такъ всегда добра и внимательна къ ней. Право, родная, не о чемъ безпокоиться, увѣряю васъ.

— Все это я знаю, и я вовсе не о томъ... Александра Семеновна... душечка... у меня такая, такая тоска...

Анна Францевна приподнялась съ подушки и, сѣвъ на постели, прижала къ груди свои скрещенныя руки.

— Такая тоска, продолжала она,—точно... быть бѣдѣ, страшной, непоправимой бѣдѣ...

Она перевела духъ.

— Развѣ я для себя ее прошу, Боже мой! Александра Семеновна, не берите ея, уговорите ее остаться для меня!...

Анна Францевна взяла пухлую, теплую, слегка надушеную руку Александры Семеновны въ свою худую, сухую и, сжимая ее, умоляющимъ голосомъ повторила: „Уговорите ее, уговорите...“

Александра Семеновна участливо, съ какимъ-то болѣзненнымъ чувствомъ посмотрѣла на бѣдную женщину.

— Голубушка, вы нездоровы, вамъ успокоиться надо, начала она.

— Господи! произнесла всхлипнувъ Анна Францевна, закрывъ лицо руками,—Господи!

„Надо Андрею Петровичу сказать“, подумала Александра Семеновна, и тихонько отошла отъ постели.

— Александра Семеновна! вскрикнула Анна Францевна,— Александра Семеновна, не уходите!

Анна Францевна заговорила скоро, скоро, какъ въ бреду:

— Тогда я умоляла Дмитрія Ѳедоровича не ѣздить... Я знала, гдѣ-то тамъ, въ душѣ...

Она прижала къ груди руки.

— У меня уже за нѣсколько дней было сознаніе что Дмитрій Ѳедоровичъ... Я просила его... молила... онъ... онъ... Теперь Варя .. ради Бога... Александра Семеновна... это не бредъ... увѣряю васъ... Я всегда знала когда дѣти были маленькія, всегда, точно кто предупреждалъ меня, всегда знала который когда заболѣетъ... заранѣе... всегда. Можетъ-быть всѣ матери также знаютъ, но... я увѣряю... я никогда не ошибалась... Теперь... теперь... который день... Варя... не пускайте ея... уговорите.

— Такъ и есть, бредитъ, бѣдная! рѣшила Александра Семеновна.

— Душенька, Анна Францевна, пусть они ѣдутъ вдвоемъ, я останусь дома съ вами, сказала она успокоительнымъ голосомъ, опять близко подходя къ больной.

Анна Францевна испуганно посмотрѣла на Александру Семеновну.

— Вамъ? остаться? проговорила она задыхаясь. — Нѣтъ! Сохрани Богъ! Поѣзжайте... Мнѣ ничего не надо, черезъ минуту прибавила она жалкимъ голосомъ. — Во всемъ воля Божія! прошептала она, глубоко вздохнувъ.

— Она совсѣмъ больна. У ней такой жалкій, страдальческій видъ, она бредитъ... Я ее никогда такою не видѣла, сказала Александра Семеновна, возвращаясь къ нетерпѣливо ожидавшимъ ее Андрею Петровичу и Варѣ.

— Ужь я тогда лучше останусь, помолчавъ немного сказала Варя рѣшительно.—Я пойду, скажу мамѣ что остаюсь.

— Постой! крикнула Александра Семеновна.—Куда летишь сломя голову. Скажешь остаюсь, а черезъ четверть часа расплачешься и еще больше растревожишь ее. Пусть Мариша войдетъ сюда, позови ее.

Варя взглянула на Александру Семеновну, побѣжала въ людскую комнату и живо вернулась съ Маришей.

— Мариша, ты не оставляй барыню ни на минуту, сказала Александра Семеновна,—слышишь. Я велю Пашѣ сидѣть въ сосѣдней комнатѣ на случай если тебѣ что̀ понадобится. Если ты замѣтишь что Аннѣ Францевнѣ хуже, пришли тотчасъ же сказать. Пришли вотъ этотъ конвертъ, сказала Александра Семеновна, взявъ со стола конвертикъ и поспѣшно надписывая на немъ карандашемъ свое имя, фамилію и адресъ Брадке.

— Слушаю, не извольте безпокоиться, отвѣчала Мариша.— Это пройдетъ. Теперь вѣдь время подходитъ, сказала она нагибаясь къ Александрѣ Семеновнѣ и для чего-то понижая голосъ,—несчастіе-то съ покойнымъ бариномъ; годовщина имъ вѣдь въ томъ мѣсяцѣ. Такъ онѣ всегда къ этому времени больше тревожатся...

— Да, дѣйствительно, сказалъ Андрей Петровичъ.—Десять лѣтъ однако, прибавилъ онъ вздыхая.—Ѣдемте, ѣдемте, пора.

Андрей Петровичъ посмотрѣлъ на часы.—Сорокъ минутъ девятаго, ай-ай-ай. Смотри же, сказалъ онъ обернувшись къ Маришѣ,—чуть что̀—пришли за нами.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

В. Авторъ повѣсти *Отчего?*)

АХАЛЪ-ТЕКИНСКІЙ ОАЗИСЪ

ЕГО ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

ОЧЕРКИ

Гдѣ нѣкогда, въ эпоху доисторическую, бушевали волны Гиперборейскаго моря, гдѣ позднѣе, во времена Александра Македонскаго, процвѣтали густо населенные города, тамъ нынѣ бушуетъ не менѣе грозное море, но море безводное, море песковъ. Не малое пространство заняли эти пески извѣстные подъ именемъ Ахалъ-Текинскаго оазиса у туземцевъ и Закаспійской области у насъ, пески простирающіеся до береговъ Аму-Дарьи, захватывающіе части Хивы и Бухары съ одной стороны и доходящіе до границъ Афганистана и плодоносной Персіи съ другой. Песочныя волны ведутъ постоянную, упорную борьбу съ Мервомъ, врѣзавшимся въ нихъ въ видѣ полуострова. На югѣ песковъ, у подошвы горъ Копетъ-Дага, на сравнительно узкой полосѣ земли, мало-мальски годной для обработки, поселился человѣкъ, загнанный сюда безпощаднымъ песочнымъ моремъ, грозно, незамѣтно и медленно подвигающимся все впередъ и впередъ. Дальше бѣжать ему ужь некуда, и здѣсь-то, на обездоленной полосѣ, принужденъ Текинецъ влачить жалкую полуосѣдлую, полу-кочевую жизнь полу-дикаго пахаря.

Не веселую картину представляетъ собою Ахалъ-Текинскій оазисъ, далеко не сходящійся съ тѣмъ понятіемъ которое сложилось у насъ объ оазисахъ пустыни, какъ о мѣстностяхъ изобилующихъ водой и растительностью. Если узкая полоса земли идущая параллельно персидской границѣ и сколько-нибудь годная для обработки и именуется оазисомъ, то лишь по отношенію къ Кара-Кумской пустынѣ, лишенной не только растительности и орошенія, но даже жалкихъ колодцевъ. Закаспійская область, образовавшаяся вслѣдствіе дѣйствія подземныхъ вулканическихъ силъ изъ дна морскаго, о чемъ на каждомъ шагу говорятъ почва и уцѣлѣвшіе остатки свойственныхъ морю растеній, животныхъ и минераловъ, представляла нѣкогда плодоносную страну, въ которой могли возникнуть города и большія поселенія, но современемъ, подвергаясь разрушительному нашествію переносныхъ песковъ, она мало-по-малу обращалась въ пустыню, чему не мало способствовало палящее солнце, выжигавшее растительность, изсушавшее источники. Но это было такъ давно что памятники былой культуры, свидѣтельствующіе о былой жизни народовъ, попадаются рѣдко, хотя и служатъ живымъ доказательствомъ справедливости вышесказаннаго. Такъ, напримѣръ, въ аулахъ Дурунѣ и Анау уцѣлѣли развалины мечетей, развалины грандіозныя, говорящія о вкусѣ и культурѣ строителей; въ послѣдней мечеть стоитъ болѣе 600 лѣтъ.

Закаспійская область, простираясь почти на тысячу верстъ отъ восточныхъ береговъ Каспійскаго моря къ юго-востоку, хотя и имѣетъ повсемѣстно одинаковый климатъ и одинаковую среднюю температуру, тѣмъ не менѣе представляетъ во многихъ мѣстахъ рѣзкіе контрасты во флорѣ и фаунѣ, а также и въ царствѣ минеральномъ. Главною причиной такихъ контрастовъ является бо́льшая или меньшая степень орошенія, служащаго здѣсь важнымъ факторомъ жизненной дѣятельности страны и размѣщенія ея населенія, которое скучилось на узкой полосѣ идущей у подножія горъ Коппетъ-Дага, представляющихъ собою отроги Парапамиза и большею частію извѣстныхъ подъ названіемъ Балхановъ. Полоса эта, къ сѣверо-востоку гранича съ Кара-Кумскою пустыней, сама начинается у Каспійскаго моря на протяженіи тридцати верстъ сыпучими песками, переходитъ затѣмъ въ суглинокъ настолько твердый что, еслибы не степной

ковыль и кусты молочая, то его можно было бы принять за грунтъ вполнѣ окаменѣвшій, и идя параллельно Персидской границѣ, доходитъ до предѣловъ Бухары и Афганистана. Полоса эта и есть такъ-называемый Ахалъ-Текинскій и далѣе Мервскій оазисъ. Повторяю еще разъ, горько ошибся бы путешественникъ еслибы думалъ отыскать себѣ здѣсь полное отдохновеніе, встрѣтить то что̀ обыкновенно соединяется съ понятіемъ объ оазисѣ. Отъ береговъ Каспійскаго моря на разстояніи 100 верстъ до аула „Казанджикъ" не встрѣтишь нигдѣ ни жилья, ни воды, и только отъ этого аула по направленію къ Кизилъ-Арвату и Асхабаду черезъ шесть, семь верстъ попадаются небольшіе источники, именуемые арыками; но эти арыки бѣдны водой, мелководны, грязны и во время жаровъ совсѣмъ высыхаютъ. Не веселую картину представляетъ тогда выжженная солнцемъ степь, съ ея сѣрою окраской, окаймленная цѣлью такихъ же сѣрыхъ, скалистыхъ горъ. Тяжело становится на душѣ у непривычнаго Европейца-путешественника; солнце немилосердно палитъ голову, жгучій вѣтеръ проникаетъ черезъ платье, раскаленный воздухъ затрудняетъ дыханіе; жажда становится невыносимою; путникъ ждетъ, жаждетъ источника, чтобъ освѣжить пылающій лобъ, промочить пересохшее горло... вотъ показался источникъ, но и онъ не особенно радуетъ: та же сѣрая степь, тѣ же кусты ковыля; умирающій арыкъ тихо̀ катитъ маленькія воды свои, до того маленькія что долго приходится выбирать мѣстечко чтобы почерпнуть воды не набравъ грязи. Жутко становится въ этомъ царствѣ окаменѣнія и полнѣйшаго безмолвія. Только мальчикъ пастухъ изъ Текинцевъ нарушаетъ подчасъ молчаніе; не обращая вниманія ни на жару, ни на солнце, ни на бѣдность окружающей природы, онъ распѣваетъ свои заунывныя пѣсни, въ конецъ разстраивающія и безъ того напряженные нервы.

Но вотъ вы прибыли въ аулъ; сотни кибитокъ сѣраго цвѣта въ безпорядкѣ лѣпятся другъ возлѣ друга; слышно блеяніе овецъ, ревъ верблюдовъ. Мущинъ въ аулѣ не много—они въ степи, женщины же заняты домашними работами: пекутъ чурекъ (хлѣбъ), ткутъ ковры, дубятъ бараньи кожи. Проголодавшагося путника принимаютъ очень любезно: угощаютъ кальяномъ, съютомъ (верблюжьимъ молокомъ), финиками, арбузами; но долго оставаться въ аулѣ онъ не можетъ, не будучи въ состояніи побороть чувство брезгливости при видѣ

грязной и неряшливой обстановки; онъ спѣшитъ въ укрѣпленіе, гдѣ его ожидаетъ болѣе или менѣе сносный комфортъ.

Вотъ вамъ въ общихъ чертахъ понятіе объ Ахалъ-Текинскомъ оазисѣ. Самъ собою напрашивается вопросъ: что побудило человѣка поселиться въ столь негостепріимной странѣ? зачѣмъ онъ не покинетъ ея, если она, бывши прежде плодородною, въ послѣдствіи обратилась въ такую? И оказывается что онъ не покидаетъ ея потому что пришелъ сюда загнанный силою обстоятельствъ. Если всмотрѣться внимательно въ жизнь и обычаи Текинца, въ его обстановку, то нельзя не замѣтить что все это представляетъ у него компиляцію отдѣльныхъ чертъ различныхъ народностей населяющихъ странами Центральной Азіи; и поневолѣ приходишь къ тому заключенію что Текинское племя не есть племя самостоятельно, естественно развившееся подобно другимъ кровнымъ горскимъ племенамъ, въ родѣ Нухурскаго, но есть племя происшедшее отъ смѣшенія. Между обычаями религіозными и житейскими вы замѣчаете у Текинца многіе обычаи иныхъ народностей. Наряду съ обычаемъ Перса встрѣчается здѣсь обычай Хивинца, Бухарца, Киргиза и др. То же самое замѣчается и въ нарѣчіи. Языкъ Текинца, не будучи тождественнымъ съ какимъ-либо другимъ языкомъ, напоминаетъ собою всѣ азіятскія нарѣчія вмѣстѣ и сталъ какъ бы языкомъ международнымъ, вслѣдствіе легкости пониманія его и Персомъ, и Узбекомъ. Если же принять во вниманіе русскій переводъ имени этого племени (Ахалъ-Теке въ переводѣ означаетъ: новое племя), то должно придти къ заключенію что оно появилось недавно, не болѣе 300 лѣтъ назадъ, чему имѣются ясныя доказательства, о которыхъ скажу ниже. Если вы углубитесь къ сѣверу въ Кара-Кумскіе пески, то можете замѣтить путь по которому подвигалось въ оазисъ это племя, или, вѣрнѣе сказать, банды изъ которыхъ оно въ послѣдствіи составилось. Путь этотъ обозначенъ цѣлыми рядами колодцевъ, изрытыхъ въ различныхъ направленіяхъ, сообразно съ тѣмъ какъ двигались кочевники. Колодцы эти стоятъ теперь безводными.

Образованіе Текинскаго племени въ Закаспійской области много напоминаетъ собою образованіе Сѣчи и Донскаго казачества. Формированіе этого племени и дальнѣйшая его жизнь сложились подъ вліяніемъ тѣхъ же условій благодаря которымъ нѣкогда возникла у насъ Сѣчь, долгое

время бывшая страшилищемъ для Поляковъ, Татаръ и Турокъ. Какъ у насъ въ былое время всякій недовольный своею судьбой бѣжалъ въ Сѣчь или на Донъ, бѣжали туда рабъ и господинъ, преступникъ и монахъ, молодой и старый, точно также было и здѣсь. Тотъ кого ужъ очень прижала судьба, уходилъ въ пески. Бѣжалъ туда Хивинецъ, Афганецъ, Бухарецъ, рабъ и Узбекъ (свободный человѣкъ; князь), преступникъ избѣгающій кары и несчастный не сносившій рабской доли. Все это бѣжало въ пустыню, рѣшаясь переносить всѣ невзгоды и подвергаться всѣмъ опасностямъ, лишь бы отстоять свою личную независимость. Многіе бѣглецы погибали, настигнутые ураганомъ, погребенные песчаными заносами, но многіе и спасались; мало-по-малу они сплачивались и составляли банды, для которыхъ средствомъ жизни явились аламаны (набѣги съ цѣлью грабежа) предпринимаемые на мирныхъ Персовъ, обитавшихъ осѣдло у сѣверныхъ подножій Коппетъ-Дага и занимавшихся, насколько позволяла мало плодородная почва, земледѣліемъ и скотоводствомъ. Банды эти, не имѣя сперва строгой организаціи, не зная старшинства одного надъ другимъ, принимали въ свой составъ всякаго безъ отказа, требуя лишь, подобно Запорожцамъ, удали и молодечества. Здѣсь были всѣ равны: и бывшій рабъ, и богатый Узбекъ; уважались лишь по заслугамъ оказаннымъ въ походахъ. Героевъ своихъ, какъ они называли, богатырей, уважали, повиновались имъ безпрекословно, о нихъ слагались пѣсни, ихъ память чтилась, ихъ могилы считались священными. Существенное различіе ихъ принциповъ отъ принциповъ сѣчевиковъ заключалось въ томъ что у нихъ не было какъ у послѣднихъ въ девизѣ „война за вѣру"; хотя и магометане, они чужды фанатизма свойственнаго другимъ мусульманамъ Востока, къ религіи относятся индифферентно, можно даже сказать что они не исповѣдуютъ никакой отдѣльной религіи, признавая лишь единаго Бога, творца вселенной, который для всѣхъ единъ. Во всякомъ случаѣ, къ воинскому девизу ихъ не примѣшивались никакія религіозныя тенденціи, воевали же они и погибали въ борьбѣ за существованіе, за независимость. Другое, не менѣе важное различіе между этимъ племенемъ и Сѣчью было во взглядѣ на женщину. Въ Сѣчи она не признавалась, присутствіе ея не терпѣлось; здѣсь же, при неизвѣстности строгихъ монашескихъ правилъ, присутствіе женщины было желательно, и если ея не было

среди мусульманской вольницы, то лишь на первыхъ порахъ, благодаря трудностямъ бѣгства чрезъ песчаную, безводную пустыню, трудностямъ непреодолимымъ для женщины. Но новообразовавшееся племя, какъ я уже сказалъ, не пользовалось обществомъ женщинъ только въ первое время. Въ послѣдствіи Текинцы добыли себѣ женъ.

Подобно первымъ гражданамъ древняго Рима, они позаимствовали себѣ женъ у сосѣдей, Персовъ, но не хитростію, а огнемъ и мечомъ. Взявъ себѣ въ жены женщинъ изъ другаго племени, они начали размножаться уже путемъ естественнымъ. Въ скоромъ времени, суровая природа и безплодіе песковъ, не давая возможности обитать въ нихъ и дѣлать быстрые переходы во время набѣговъ, понудили молодое племя передвинуться къ югу. Они покорили обитавшихъ тамъ Персовъ, разрушили ихъ города, и затѣмъ слились съ ними въ одно цѣлое, образовавъ такимъ образомъ ту народность которую мы видимъ теперь въ оазисѣ и которая въ то время впервые получила отъ бывшихъ жителей названіе Ахалъ-Теке, что̀ означаетъ „Новое племя“. Побѣдители освоились съ этимъ именемъ и удержали его за собой по настоящее время. Съ переселеніемъ Текинцевъ на болѣе плодородную почву, Кара-Кумскіе пески вновь опустѣли, сдѣлавшись достояніемъ дикихъ лошадей и шакаловъ.

Новое племя зажило новою жизнью. Впрочемъ, новизна эта сказалась только въ присоединеніи къ аламанамъ хлѣбопашества и скотоводства; аламаны не были забыты, продолжались съ прежнею силой, только арена ихъ нѣсколько расширилась, будучи перенесена черезъ горы въ Персію. Да и прекратиться они не могли, такъ какъ при несовершенствѣ земледѣлія и скотоводства, при скудости продуктовъ добываемыхъ этимъ путемъ, аламаны служили главнымъ средствомъ къ жизни, имѣя за собой, въ видѣ подспорья, хозяйство.

Переселеніе и образованіе племени совершилось, какъ надо полагать, недавно, не болѣе 300 лѣтъ тому назадъ, подтвержденіемъ чему служатъ развалины персидской мечети въ Дурунѣ, разрушенной Текинцами при нашествіи. Мечеть эта, какъ гласитъ сохранившаяся на персидскомъ языкѣ надпись на мраморной доскѣ вдѣланной въ стѣну, была возобновлена, по нашему счисленію, за 375 лѣтъ. Слѣдовательно въ то время Текинцы не могли владѣть этою полосой, а завладѣли ею позже.

Поселившись здѣсь и занявшись, хотя и въ малыхъ размѣрахъ, земледѣліемъ, Текинецъ долженъ былъ неминуемо вступить въ борьбу съ природой. Хотя, собственно говоря, борьба эта является у него одностороннею, но тѣмъ не менѣе далеко не легкою. Видя и сознавая все важное значеніе воды, видя въ ней жизнь, онъ твердо, упорно пошелъ наперекоръ природѣ, заставляя ее подчиниться и служить ему; во всемъ остальномъ онъ рабъ природы; отстаивая одну воду, во всемъ остальномъ онъ и не думаетъ бороться съ природой, заботясь лишь о томъ какъ бы сообразовать съ нею свой образъ жизни, свою одежду, свое жилище и обстановку. Природа-то и помѣшала ему бросить кочевую жизнь и начать осѣдлую, она-то и наложила на него, на его домашній бытъ, на весь его нравственный строй особую печать, рѣзко выдѣляющую его изъ толпы азіятскихъ народовъ.

Приспособленіе къ условіямъ поставленнымъ природой, такъ-сказать стремленіе поддѣлываться къ природѣ, видно на каждомъ шагу. Климатъ страны, отличающійся рѣзкостью перемѣнъ, до невозможности жаркій въ одно время, жестоко холодный въ другое, создалъ для туземца особый типъ одежды, который покажется можетъ-быть крайне смѣшнымъ и на первое время не цѣлесообразнымъ въ глазахъ Европейца, не знакомаго съ условіями азіятской жизни. Дѣйствительно, въ шестидесятиградусную жару, когда васъ тяготитъ даже холщевый китель, когда вы ищете спасенія подъ легкимъ бедуиномъ (туземная бѣлая одежда въ видѣ плаща), на первый взглядъ кажется страннымъ встрѣтить Текинца обряженнаго въ два ваточные халата поверхъ верхней одежды, подпоясаннаго большимъ холщевымъ поясомъ, въ громадной бараньей шапкѣ, обливающагося обильнымъ потомъ. Въ этой же самой одеждѣ, и въ рѣдкихъ случаяхъ въ легкомъ нагольномъ тулупѣ, вы встрѣтите его и въ студеную зиму при 25° мороза. Но если принять во вниманіе рѣзкіе и быстрые переходы въ температурѣ отъ плюса къ минусу и обратно, если вы увидите какъ быстро и легко подготовляетъ раскаленный воздухъ почву для всевозможныхъ заболѣваній, то легко поймете почему этотъ полудикарь, незнакомый съ самыми элементарными понятіями по части гигіены и медицины, находитъ спасеніе отъ заболѣваній въ этомъ оригинальномъ костюмѣ, способствующемъ выпотѣнію, а слѣдовательно и предохраняющемъ здоровье. Холщевая, а подчасъ и ситцевая рубаха,

такіе же холщевые широкіе шаровары, остроконечныя сафьянныя туфли, расшитыя шелкомъ или шерстью, на высокихъ и узкихъ каблукахъ, съ загнутыми кверху носками, носимые лѣтомъ поверхъ шерстяныхъ чулокъ, и нечищенныя, желтой кожи, на такихъ же высокихъ и остроконечныхъ каблукахъ сапоги, замѣняющіе собою на зиму туфли, завершаютъ незатѣйливый уборъ Текинца.

Тотъ же самый климатъ, который заставилъ туземца носить вышеописанную одежду, выработалъ для него и особый видъ жилья, незнакомый осѣдлому обывателю цивилизованныхъ странъ. Слишкомъ рѣзкіе переходы отъ знойнаго лѣта къ суровой зимѣ, быстрое изсушеніе почвы подъ вліяніемъ жгучихъ лучей солнца и выгораніе полей годныхъ для пастбищъ, заставляютъ его переходить съ мѣста на мѣсто, сообразуясь со временемъ года и годностью почвы. Уходя на зиму въ пески, гдѣ холодъ менѣе ощутителенъ, онъ къ лѣту снова появляется у подножія горъ, для посѣва хлѣба. Понятно что при подобномъ образѣ жизни онъ не можетъ имѣть постояннаго жилья, требуется переносное, каковымъ и является кибитка, не мудреная по своему построенію, удобная для жилья и легкая при перевозкѣ. Кибитка представляетъ собою круглую, около $2^1/_2$ саженъ въ діаметрѣ рѣшетчатую основу, въ родѣ нашихъ бесѣдокъ крытыхъ вьющимися растеніями, высотой не превышающую $2^1/_2$ аршинъ. Стѣнка-рѣшетка, состоя изъ отдѣльныхъ связываемыхъ между собою частей, будучи сдѣлана изъ деревянныхъ прутьевъ соединенныхъ не гвоздями, а ремешками замѣняющими шарниры, легка и можетъ складываться не занимая много мѣста при перевозкѣ. Верхняя часть жилья состоитъ изъ такого же рѣшетчатаго круга, соединеннаго съ основой помощью нѣсколько выгнутыхъ въ наружную сторону жердей. Въ общемъ, кибитка имѣетъ куполообразный видъ, будучи же обтянута съ наружной стороны въ одинъ или два ряда сѣрыми кошмами (войлокомъ), походитъ издали на копну стараго сѣна. Это незатѣйливое жилье, помимо удобной перевозки, обладаетъ еще тѣми достоинствами что хотя во время жаровъ и не даетъ прохлады, но гарантируетъ отъ прониканія вертикально падающихъ лучей солнца, зимой же, будучи обложена, вокругъ основанія, землей, достаточно ограждаетъ отъ стужи, дѣлая жизнь въ ней сносною при самыхъ лютыхъ морозахъ.

Обстановка кибитки не богата, собственно говоря, этой обстановки и совсѣмъ нѣтъ, если не считать развѣшанныхъ по стѣнамъ ковровъ и паласовъ, да цѣновокъ связанныхъ изъ горнаго тростника и раздробленнаго на мелкія трости бамбука, служащихъ ложемъ для всей семьи. Даже сундуковъ и ящиковъ не увидите, ибо таковые затруднили бы перекочевку при отсутствіи телѣгъ: вмѣсто послѣднихъ, у туземцевъ въ употребленіи переметныя сумы, приспособляемыя къ верблюжьимъ и конскимъ сѣдламъ. Кибитка перевозится на вьюкѣ, требуя подъ себя двухъ верблюдовъ; времени для сборки и постановки ея вновь требуется не болѣе получаса, и исполняется это женщинами. Посуды вы увидите въ ней не много, и то самую необходимую, какъ-то: большой желѣзный котелокъ для варки пищи, деревянную миску, мѣдный чайникъ для кипяченія чаю, до котораго Текинцы большіе охотники. Что же касается ножа и вилки, то употребленіе послѣдней туземцу неизвѣстно, складной же ножъ, а равно и фаянсовая чашка въ кожаномъ футлярѣ, носимые на поясѣ, составляютъ необходимую принадлежность каждаго. Кибитки по своему внѣшнему и внутреннему виду въ большинствѣ случаевъ одинаковы, такъ что непривычный человѣкъ не отличитъ богатаго отъ бѣднаго, чему не мало помогаетъ однообразіе какъ въ одеждѣ, такъ и въ обстановкѣ. Да обстановка-то, собственно говоря, и не нужна Текинцу, она стѣсняла бы его свободу дѣйствій, служила бы лишнею обузой. Ему не нужно много посуды, потому что непривѣтливая природа не избаловала его обиліемъ и изяществомъ кушаній.

Обычную пищу туземца составляетъ похлебка приготовленная изъ хлѣба свареннаго или въ верблюжьемъ молокѣ, или же въ кипяткѣ съ бараньимъ жиромъ, каши изъ джугурмы, приправленной тѣмъ же жиромъ или же сютомъ (верблюжьимъ молокомъ), чурека (хлѣба) и чаю. Лѣтомъ къ этому присоединяются арбузы, дыни и другіе овощи, но они являются не десертомъ, а средствомъ къ питанію. Мясо Текинецъ ѣстъ очень рѣдко, преимущественно въ дни праздника байрама: для него дорогъ каждый баранъ, дающій доходъ своею шерстью, дороги и верблюдъ и лошадь, служащіе средствомъ къ передвиженію. Коровъ же въ оазисѣ мало, онѣ съ большимъ трудомъ акклиматизовываются, да и прокормленіе ихъ затруднительно при ограниченномъ количествѣ собираемаго въ странѣ

клевернаго сѣна, употребляемаго исключительно для лошадей. Пищу приготовляетъ себѣ Текинецъ и лечетъ хлѣбъ первобытнымъ способомъ, не прибѣгая къ помощи печей. Для варки пищи выкапывается въ землѣ небольшая ямка, замѣняющая очагъ, съ наклонною канавкой, служащею поддуваломъ; поверхъ ямы утверждается котелокъ, а подъ нимъ разводится огонь изъ степнаго ковыля или кусковъ саксаула. Приспособленія для печенія хлѣба нѣсколько сложнѣе; тутъ тоже выкапывается яма, но глубже, горшкообразной формы, стѣны ея смазываются глиной, на днѣ же разводится огонь изъ саксаула. Пока накаливаются стѣнки, замѣняющія при хлѣбопеченіи подъ нашихъ печей, Текинка занимается приготовленіемъ тѣста; разведя водой муку въ деревянной мискѣ и вымѣсивъ, она раскатываетъ тѣсто на разостланномъ халатѣ въ лепешки не болѣе полувершка толщиной. Лепешки эти она прикладываетъ къ успѣвшимъ уже накалиться щекамъ ямы, тыча въ нихъ пальцами; верхнее отверстіе закрывается, и черезъ четверть часа чурекъ (хлѣбъ) отовъ. Нельзя отказать ему въ хорошемъ вкусѣ, но видѣвшій какъ его приготовляютъ врядъ ли согласился бы его ѣсть: такою неряшливостью и неопрятностью сопровождается это приготовленіе. Да и вообще въ домашней жизни Текинца трудно встрѣтить опрятность, такъ какъ кибитка, доставляя ему и семьѣ жилище, служитъ въ то же время зачастую хлѣвомъ для ягнятъ и телятъ; пыль же и песокъ, въ большомъ количествѣ попадающіе въ нее, дѣлаютъ соблюденіе опрятности невозможнымъ, несмотря на желаніе. Не имѣя печей, импровизованное жилье это согрѣвается зимой при помощи костра, раскладываемаго посрединѣ; трубою служитъ верхнее отверстіе, на этотъ разъ освобождаемое отъ войлока; оно же служитъ окномъ и вентиляторомъ, такъ какъ другихъ оконъ не имѣется.

Вся обширная страна извѣстная подъ именемъ Закаспійской области, заключенная между границами Хивы съ сѣвера и сѣверо-востока, Бухары и Афганистана съ востока и юго-востока, Персіи съ юга и Каспійскаго моря съ запада, занимая собою около тысячи верстъ въ длину и столько же въ ширину, омывается лишь тремя небольшими рѣчками, сгруппировавшимися въ Мервскомъ оазисѣ, Кушкою, Мургабомъ и Теджентомъ, причемъ послѣдній лѣтомъ высыхаетъ. Въ остальной части страны попадаются лишь небольшіе

источники (арыки) не болѣе $2^{1}/_{2}$ аршинъ шириной и полуаршина глубиной. И то ихъ можно встрѣтить только въ южной части области, въ сѣверной же нѣтъ даже мало-мальски сносныхъ колодцевъ. Въ такой-то странѣ, гдѣ 60градусные жары не рѣдкость, принужденъ былъ Текинецъ положить начало земледѣлію и скотоводству. Удивляешься какъ хватило силы воли, энергіи и твердости этому народу начать борьбу изъ-за воды съ почвой и солнцемъ и выйти изъ нея побѣдителемъ. Человѣкъ стоящій на низкой степени умственнаго развитія можетъ въ данномъ случаѣ служить образцомъ для цивилизованнаго Европейца. Онъ не только озаботился добыть себѣ воду тамъ гдѣ ея нѣтъ, но и предохранилъ ее отъ вліянія все изсушающихъ солнечныхъ лучей. Сооруженія сдѣланныя для добыванія воды и предохраненія ея отъ солнца и раскаленнаго воздуха поистинѣ изумительны. Они просты и однообразны, какъ и все окружающее Текинца, но въ то же время грандіозны, цѣлесообразны и представляютъ гигантскую работу.

Такъ какъ въ юго-восточной части оазиса, кромѣ небольшихъ арыковъ, не могущихъ орошать необходимое количество пашень, другихъ источниковъ не имѣется, то явилась потребность провести воду изъ горъ, гдѣ попадаются озера и обильные источники. Но проводя ее въ видѣ ручьевъ, приходилось озаботиться чтобы солнце не уничтожило трудовъ, изсушивъ воду прежде чѣмъ она достигнетъ мѣста своего назначенія. Невольно поражаешься при видѣ приноровленныхъ къ этой цѣли приспособленій, называемыхъ *карызами.* Карызъ, это не что̀ иное какъ подземная галлерея идущая на протяженіи 15, 20 и болѣе верстъ, которую проводятъ отъ озера или источника въ то мѣсто гдѣ является настоятельная потребность въ водѣ. Эта подземная галлерея служитъ русломъ ручью, искусственно выпускаемому изъ озера или горнаго источника. Подземный сводъ долженъ служить щитомъ отъ солнца и препятствовать испаренію и высыханію. Трудная работа этимъ не ограничилась; устроивъ русло для новаго ручья или заставивъ повернуть въ него одинъ изъ старыхъ, нужно еще оградить его отъ засоренія, что̀ тоже не было забыто и составило не легкій трудъ. Въ видѣ средства отъ засоренія появились въ галлереѣ колодцы, выкапываемые чрезъ каждыя 15 или 20 саженъ, причемъ у верховья карыза

выкалывался одинъ большой, глубиною доходящій до 20 саженъ, глубина же послѣдующихъ постепенно уменьшается, но не опускается ниже десяти саженъ. Дойдя до пашень нуждающихся въ орошеніи, галлерея или карызъ прекращается, вода освобождается изъ своего заточенія и выпускается наружу, имѣя по обоимъ своимъ берегамъ пашни, отдѣленныя одна отъ другой не межами, какъ у насъ, а небольшими глинобитными стѣнками полуторафутовой высоты. Такъ какъ при жаркомъ климатѣ и затвердѣвшей почвѣ одна лишь близость воды не можетъ имѣть орошающаго значенія, то явилась потребность производить орошеніе посредствомъ заливанія пашенъ на нѣкоторое время водой. Такъ какъ одновременное орошеніе всѣхъ полей истощило бы источникъ и было бы дѣломъ невозможнымъ, то поля орошаются поочередно, какъ бы по расписанію. Вода, помощью небольшихъ приспособленныхъ для того шлюзовъ, напускается сперва въ одинъ участокъ, состоящій изъ нѣсколькихъ пашень; простоявъ здѣсь часа три или четыре, вода переводится въ русло посредствомъ запиранія боковаго шлюза и открытія поперечнаго *, чтобы сейчасъ быть пущенною на слѣдующіе участки. Точно также поступаютъ и съ арыками. Это, такъ-сказать, первый видъ карыза; второй же его видъ нѣсколько сложнѣе и требуетъ большей степени ума и развитія въ строителѣ. Мы имѣемъ тутъ ту же самую подземную галлерею, также идущую зачастую на большомъ разстояніи, съ тѣми же очистительными колодцами, но съ тою разницей что назначеніе ея быть водопроводомъ не изъ надземнаго, а изъ подземнаго источника.

Въ мѣстахъ гдѣ нѣтъ озеръ или видимой воды, Текинцы, Богъ ихъ вѣдаетъ какъ, какимъ-то инстинктивнымъ чутьемъ, находили подпочвенную воду и, случалось, на весьма значительной глубинѣ. Отыскавъ такую воду, они рыли колодезь, отъ стѣнъ котораго начинали вести карызъ. Нечего и говорить сколько требовалось ума, энергіи и смѣлости при подобныхъ работахъ, сколько гибло людей зада-

* Весь ручей обыкновенно покрытъ шлюзами. Около каждаго участка таковыхъ два: одинъ поперекъ русла, другой поперекъ канавки ведущей отъ русла къ пашнѣ. Закрывая первый и открывая второй, заставляютъ воду разливаться по полю.

вленныхъ обвалившимися сводами, убитыхъ сорвавшимися бадьями.

И что всего страннѣе и поразительнѣе, это что люди не имѣющіе понятія о нивеллированіи провели галлереи съ требуемымъ уклономъ, безъ помощи инструментовъ придавая имъ прямолинейность. При всемъ этомъ они въ своихъ работахъ достигли того чего не достигаетъ человѣкъ образованный.

Въ Европѣ всѣ существующіе водопроводы доставляютъ воду изъ надземныхъ источниковъ; здѣсь же эксплуатируются и подземные источники, что незнакомо Европейцу. Подобные карызы существуютъ до настоящаго времени, ими пользуются и теперь. Болѣе грандіозные изъ нихъ можно встрѣтить въ аулѣ Кара-Бендъ и около Асхабада, причемъ послѣдній, начиная на Персидской территоріи, въ долинѣ Алла-Дага, у кишлака (поселеніе) Рышганъ, тянется на 25 верстъ. Карызъ этотъ представляетъ собою исключеніе между другими, такъ какъ онъ состоитъ изъ двухъ галлерей, изъ которыхъ одна предназначается собственно для Рышгана и его мельницы. Путешественника удивляетъ грандіозность этихъ сооруженій; но если онъ обратитъ вниманіе на инструменты которыми располагаетъ Текинецъ, то будетъ пораженъ окончательно. Ведро, веревка, ломъ, лопата—и ничего больше! Не знаю какъ производились эти работы, но если судить о нихъ по способамъ рытья колодцевъ въ настоящее время, то нельзя не назвать этотъ способъ оригинальнымъ. Колодцы, какъ бы глубоки они ни были, имѣя круглую форму, безъ сруба, никогда не дѣлаются болѣе полутора аршина въ діаметрѣ; выкапываемая земля устраняется помощью ведра подымаемаго веревкой; самъ же землекопъ, спускаясь и подымаясь, обходится безъ веревки, двигаясь единственно съ помощью спины и ногъ. Упираясь спиною въ одинъ бортъ колодца, ногами же въ другой, онъ какъ бы пресмыкается, что не мало смѣшитъ непривычнаго зрителя.

Не менѣе искусно устроены и мельницы. Вѣтряныхъ здѣсь нѣтъ совершенно, такъ какъ чрезвычайно сильные вѣтры ломали бы ихъ; встрѣчаются исключительно водяныя, причемъ строятся онѣ въ горахъ, гдѣ есть источники падающіе съ высоты, какъ, напримѣръ, въ Кизилъ-Арватскомъ ущельѣ, или же по близости горъ, и въ такомъ случаѣ

вода изъ озера или источника переводится въ искусственно приготовленное русло, находящееся на специально устроенной для того насыпи, тянущейся на нѣсколько верстъ уступами, причемъ каждый нижній уступъ не служитъ продолженіемъ верхняго, такъ что въ общемъ линія эта имѣетъ видъ ломаной и въ горизонтальной и въ вертикальной проэкціи. Въ углахъ, гдѣ образуется переломъ, воду заставляютъ, поворотивъ, падать въ ниже лежащее русло, и при паденіи своемъ она приводитъ въ движеніе колесо устроенной здѣсь мельницы; дальше повторяется то же самое, такъ что получается цѣлый рядъ мельницъ слѣдующихъ въ нисходящемъ порядкѣ.

Недостатокъ воды въ этой мѣстности и трудность ея добыванія поставили ее выше денегъ, сдѣлали предметомъ высокой цѣнности, мѣриломъ достаточности, а въ послѣдствіи и общественнаго значенія человѣка, такъ какъ оно опредѣляется здѣсь не количествомъ скота или земли, которыми владѣетъ тотъ или другой, а правомъ его на воду, ибо не всѣ пользуются ею одинаково: одни имѣютъ право напускать ее на поля, другіе только поить перевозочный скотъ, третьи удовлетворять лишь домашнія потребности. Да, не дешево досталась туземцу побѣда надъ природой, если она повела къ установленію градаціи въ правѣ владѣнія такимъ насущнымъ предметомъ какъ вода. Эта вѣковая борьба не могла пройти безслѣдно, не наложивъ на Текинца особой печати выдѣляющей его изъ другихъ сродственныхъ племенъ. Особенность эта рѣзко проглядываетъ, между прочимъ, въ отношеніи Текинца къ женщинѣ и во взглядѣ на нее.

Текинка не похожа на другихъ мусульманокъ, не имѣющихъ права показаться постороннему мущинѣ, не знакомыхъ съ иною жизнью кромѣ жизни гарема, но не похожа, по своему общественному положенію, и на европейскую женщину. Она равноправна; Текинецъ не смотритъ на свою жену, какъ на наложницу или только какъ на рабочую силу въ хозяйствѣ, а видитъ въ ней жену и друга, человѣка себѣ равнаго; онъ не постыдится признать надъ собою умственное и нравственное превосходство женщины и подчинится ему, если таковое за ней имѣется. За примѣрами ходить не далеко: еще недавно правителями у нихъ являлись женщины, предъ волей которыхъ склонялись, но склонялись какъ предъ неоспоримымъ авторитетомъ ума и добродѣтели. Такъ, въ 1884 году

по одному слову Мервской ханши цѣлое племя приняло подданство Россіи; ея примѣру послѣдовали и другіе вассальные ханы.

Подобные взгляды на женщину и отношенія къ ней, столь противорѣчащіе духу магометанства и религіознымъ его воззрѣніемъ, выработались въ Текинцѣ подъ вліяніемъ той же мачихи - природы, которая принудила, въ борьбѣ съ нею, дружно сплотиться мущину и женщину, заставивъ ихъ искать другъ въ другѣ опоры и поддержки.

Текинецъ не могъ обречь свою жену на жизнь наложницы, подчинивъ ее правиламъ гаремной жизни, не могъ уже потому что не справился бы самъ со своимъ полемъ: волей или неволей, жена должна была явиться его помощницей; не могъ также обратить ее и въ рабыню, взваливъ на ея плечи всѣ тягости работъ, самъ предаваясь кейфу, ибо онъ дорого бы поплатился за свою лѣность: раскаленный воздухъ и жгучее солнце не даютъ возможности продержать хлѣбъ лишній день на корню. Въ данномъ случаѣ онъ былъ бы принужденъ обратиться въ помощника своей жены, а равномѣрный трудъ уравниваетъ и людей. Наконецъ, женщина, работая на ряду съ мущиной, имѣя возможность выказать свои способности, не уступающія его способностямъ, могла во очію убѣдить его въ справедливости того что „умъ—хорошо, а два—лучше". Ко всему этому, совмѣстное жительство въ одной кибиткѣ и нахожденіе послѣдней въ общемъ аулѣ, слишкомъ скученномъ, не могли развить гаремной жизни. Мало того, осенью, кончивъ свои полевыя работы, Текинецъ отправляется на аламанъ, оставляя домъ и все хозяйство на рукахъ жены. Будь она созданіе воспитанное для развлеченія, или загнанное, забитое существо, привыкшее только безпрекословно исполнять прихоти и приказанія мужа, а не равноправный членъ семьи, плохо бы пришлось тогда оставленному у нея на рукахъ дому. Песокъ, пустыня, нескончаемая, ожесточенная борьба съ нею и окружающими людьми, потребовали полнаго развитія всѣхъ силъ человѣческихъ и уравняли женщину и мущину. Женщина мало-по-малу отвоевывала себѣ мѣсто, сдѣлавшись сперва помощницей мужа, затѣмъ его совѣтницей и наконецъ другомъ. Всему этому не мало способствовалъ полнѣйшій индифферентизмъ туземца къ магометанской религіи, освобождающій его

отъ множества религіозныхъ предразсудковъ. Хотя въ бракѣ Текинца и сохранились нѣкоторые обычаи магометанства, такъ, напримѣръ, онъ долженъ покупать себѣ жену, внося за нее калымъ (наше древнее вѣно), но и калымъ, съ каждымъ годомъ уменьшаясь въ цѣнности, сталъ теперь выводиться.

Только при такихъ установившихся отношеніяхъ двухъ половъ и могъ Текинецъ, одержавъ побѣду надъ природой, отстоявъ воду, положить начало земледѣлію и скотоводству. Тѣмъ не менѣе, продуктовъ этой промышленности было для него недостаточно, и этотъ недостатокъ онъ съ избыткомъ пополнялъ грабежомъ сосѣднихъ персидскихъ провинцій, отличавшихся бо́льшимъ плодородіемъ почвы и относительною зажиточностью осѣдлыхъ Персовъ. Грабежи эти, или аламаны, съ поселеніемъ Текинцевъ у подножія Коппетъ-Дага развились въ большихъ размѣрахъ, благодаря сравнительной скученности племени, близости къ границѣ, хорошему знакомству съ горами, ихъ тропинками и проходами. Съ этого времени среди Текинцевъ начинаетъ появляться бо́льшая и болѣе правильная организація, являются ханы или сердари. Впрочемъ, ханы эти въ дѣлѣ управленія народомъ имѣли мало значенія. Въ ханы избирались люди составившіе себѣ хорошую боевую репутацію, знакомые съ пограничною мѣстностью, которые должны были руководить аламанами. Управленіе же и судъ были общественные. Въ дѣлежѣ добычи ханы не пользовались преимуществами, все дѣлилось между членами шайки поровну. При этомъ набѣги производились не цѣлымъ племенемъ, а частями, небольшими бандами, не превышавшими численностью 1.000 человѣкъ, по иниціативѣ то одного, то другаго хана, не приказывавшихъ, однако, тѣмъ или другимъ лицамъ принимать участіе въ предпріятіи, а вызывавшихъ охотниковъ. Какъ разказываетъ Французъ Фурье, долгое время служившій въ Персіи, вызовъ этотъ дѣлался слѣдующимъ образомъ: ханъ желавшій предпринять походъ выставлялъ возлѣ своей кибитки копье съ прикрѣпленною къ острію горящею паклей, а по ауламъ разъѣзжали глашатые, громко возвѣщавшіе о предстоящемъ аламанѣ. Желающіе принять въ немъ участіе втыкали свои копья рядомъ съ копьемъ хана. Черезъ нѣсколько времени, когда собиралось достаточное количество копій свидѣтельствующихъ о числѣ желающихъ, дѣлались пригото-

вленія къ выступленію. Смотря по степени популярности хана собиралась и болѣе или менѣе многолюдная банда охотниковъ готовыхъ идти съ нимъ на аламанъ. Уходя въ Персію, Текинцы веденіе всего хозяйства, какъ я уже сказалъ, возлагали на женъ.

Врываясь въ сосѣднюю страну, разбивая иногда на голову десятитысячныя арміи, предавая все огню и мечу, наводя панику на далекія окрестности, грабя имущество, Текинцы уводили съ собою въ плѣнъ населеніе, и поработивъ его, обращали на тяжелыя работы. Доставалось при этомъ и хорошо вооруженнымъ пограничнымъ персидскимъ крѣпостямъ, которыя нерѣдко обращались въ развалины, подобно разрушеннымъ до тла укрѣпленіямъ въ Анау и Лютфабадѣ.

Эти аламаны развили воинственный духъ у Текинцевъ, вселили въ нихъ вѣру въ свою непобѣдимость, что̀ такъ дорого обошлось намъ въ послѣдствіи и такъ пригодилось теперь Они породили среди туземцевъ героевъ, память о которыхъ переходитъ изъ рода въ родъ, и имя коихъ служитъ символомъ гражданской доблести. О нихъ слагались пѣсни, въ родѣ нашихъ былинъ, и теперь распѣваемыя народомъ; могилы ихъ и теперь, отличаясь своимъ наружнымъ видомъ отъ прочихъ, считаются священными и содержатся въ исправности. Могилы эти бываютъ двухъ родовъ: или въ видѣ большихъ насыпныхъ кургановъ, подобныхъ тѣмъ что̀ встрѣчаются у насъ въ Малороссіи, или же въ видѣ склеповъ, то-есть небольшихъ глинобитныхъ домиковъ съ куполообразною крышей, поставленныхъ надъ могилой; домики эти безъ оконъ, съ одною узкою стрѣльчатою дверью. Крыши бываютъ объ одномъ, двухъ и трехъ куполахъ, смотря по заслугамъ покойнаго. Такими могилами усѣяна дорога отъ Кизилъ-Арвата до Мерва; курганы же можно встрѣтить въ Бами, Арчманкѣ, Беурмѣ, Дурунѣ и Геокъ-Тепе.

Съ окончаніемъ аламановъ, Текинцы перекочевывали на зиму въ пески, гдѣ отдохнувъ, возвращались весной къ горамъ для работы до осени и для грабежа до зимы. Но въ мірѣ нѣтъ ничего вѣчнаго, насталъ конецъ и аламанамъ, давшій Персамъ возможность вздохнуть свободною грудью, благословляя русское имя. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ разбойничью свободу Текинцевъ начало стѣснять появленіе Русскихъ на ихъ территоріи, а въ 1881 году этой свободѣ

былъ совсѣмъ положенъ конецъ. Съ той поры Текинцы были вынуждены забыть аламаны и исключительно трудомъ добывать себѣ пропитаніе.

II.

Умиротвореніе и покореніе Ахалъ-Текинскаго оазиса произошло не сразу, а постепенно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Долгое время, кромѣ траты людей, денегъ, и притомъ не малыхъ, мы не имѣли никакихъ результатовъ. Такая длинная проволочка происходила отъ полнѣйшаго незнанія и народа съ которымъ мы имѣли дѣло, и страны въ которой приходилось оперировать. Мы слишкомъ понадѣялись на себя, на свою боевую опытность, на обученное и дисциплинованное войско, пренебрегая Текинцами, считая ихъ простыми халатниками, видя въ нихъ нестройную азіятскую толпу которая при первомъ же орудійномъ выстрѣлѣ разсѣется вмѣстѣ съ дымомъ; мы посылали сначала незначительные отряды, упуская изъ виду то обстоятельство что непривычный нашимъ солдатамъ климатъ разрѣдитъ ихъ ряды на половину. Въ послѣдствіи мы разочаровались на горькомъ опытѣ и понесли не малыя потери.

Не говоря уже о мелкихъ экспедиціяхъ, достаточно указать на то что и послѣдняя экспедиція 1880 и 81 годовъ, имѣвшая въ своемъ распоряженіи несравненно большее количество войскъ чѣмъ предыдущія и значительную артиллерію, при вполнѣ обезпеченномъ тылѣ, съ опорными пунктами и съ заранѣе наполненными складами продовольствія, наглядно доказала что Текинцы непріятель серіозный, и что ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя приравнивать къ другимъ среднеазіятскимъ народамъ. Воспитанный на грабежѣ, взросшій на разбоѣ, съ молокомъ матери всосавшій убѣжденіе что убійство для защиты своей независимости есть великая добродѣтель, съ презрѣніемъ относящійся къ жизни себѣ подобныхъ, да и къ своей собственной, терпѣливо переносящій физическую боль, привыкшій къ лишеніямъ всякаго рода, прекрасно владѣющій холоднымъ оружіемъ и считающій себя непобѣдимымъ—каждый Текинецъ представлялъ собою типъ непобѣдимаго воина.

Не буду подробно описывать каждую экспедицію въ отдѣльности; это не входитъ въ планъ моего очерка, и подобныя

описанія умѣстнѣе въ трудахъ спеціально имъ посвященныхъ. Ограничусь краткимъ обзоромъ этихъ экспедицій съ цѣлью указать какъ трудно далось намъ завоеваніе оазиса и какъ энергично отстаивалъ Текинецъ свою независимость, и отмѣчу при этомъ нѣкоторые отдѣльные факты обрисовывающіе нравственную физіономію туземца.

Въ 1869 году, на восточномъ берегу Каспійскаго моря, въ Красноводскомъ заливѣ, впервые высадился небольшой русскій отрядъ и основалъ поселеніе, которое обратилось въ послѣдствіи въ городъ Красноводскъ, сдѣлавшійся базой для операцій мелкихъ отрядовъ. Позднѣе, базою для болѣе крупныхъ отрядовъ сдѣлался городъ Чикишляръ, такъ какъ переходъ изъ этого пункта въ Ахалъ-Текинскій оазисъ менѣе затруднителенъ чѣмъ отъ Красноводска, отдѣленнаго отъ оазиса полуторастоверстною безводною пустыней.

Небольшой отрядъ высадившійся въ Красноводскѣ, вслѣдствіе своей малочисленности и недостаточности артиллеріи и перевозочныхъ средствъ, при сравнительно маломъ санитарномъ составѣ, не могъ переносить театра своихъ дѣйствій далеко отъ опорнаго пункта, а потому задача его ограничилась защитой мирныхъ Туркменъ обитавшихъ по восточному берегу Каспійскаго моря отъ набѣговъ разорявшихъ ихъ Текинцевъ. Послѣдніе, оставивъ въ покоѣ Туркменъ и лишь изрѣдка появляясь въ ихъ земляхъ, не переставали грабить Персію, гдѣ наводили панику и уныніе; не забывали также Хивы и Бухары. Солоно приходилось отъ нихъ сосѣдямъ, но бороться съ Текинцами они не могли.

Нѣсколько разъ пробовали Русскіе увѣщевать Текинцевъ, уговаривая ихъ бросить аламаны, но это ни къ чему не вело. Даже позднѣе, въ 1879 году, когда генералъ Ломакинъ, явившись со внушительными силами, потребовалъ покорности, Текинцы, подобно древнимъ Спартанцамъ защищавшимъ Өермопилы, отвѣчали лаконически: „приди и покори."

Пришлось перейти отъ словъ къ дѣлу, но это оказалось не легко. Для того чтобы покорить Текинцевъ, мало было разбить и разсѣять двѣ, три шайки, надо было уничтожить хищничество въ корнѣ, а это возможно было только въ его гнѣздѣ, для этого нужно было проникнуть въ самый оазисъ, такъ тщательно ими оберегаемый, окруженный самою природой такими трудно преодолимыми преградами.

Переходъ во 101 версту до аула Молла-Кары и въ 50 верстъ къ юго-востоку до аула Казанджикъ по безводнымъ пустынямъ лѣтомъ, когда жары достигаютъ своего апогея, порождая въ изобиліи солнечные удары и развивая всевозможнаго рода заболѣванія, отъ простой лихорадки до тифа и воспаленія легкихъ, — переходъ этотъ просто немыслимъ. Не менѣе труденъ онъ и зимой, когда лютые морозы оковываютъ льдомъ берега Каспійскаго моря, дѣлая доставку боевыхъ и жизненныхъ припасовъ затруднительною, а иногда на мѣсяцъ и на два совершенно невозможною. Оставались свободными для операцій лишь сравнительно короткая весна и осень, да и послѣдняя, съ ея тропическими ливнями, растворяющими почву оазиса до невозможности маневрировать, доставляла не мало возни и хлопотъ не только обозамъ и артиллеріи, но даже войскамъ, какъ коннымъ, такъ и пѣшимъ. Если же ко всему этому прибавить цѣлый рядъ, хотя и своеобразныхъ, тѣмъ не менѣе сильныхъ крѣпостей или *калъ*, какъ называютъ ихъ туземцы, то сдѣлается вполнѣ ясною вся трудность задачи возложенной на крошечный отрядъ, долженствовавшій бороться чуть не съ полумилліоннымъ населеніемъ вооруженнымъ отъ мала до велика.

Небольшая по ширинѣ полоса населенной страны, не давая тому или другому пункту значенія середины или предѣла, въ стратегическомъ смыслѣ, дала Текинцу возможность, гдѣ бы онъ ни поставилъ крѣпость, защищать ею входъ въ оазисъ. Цѣлый рядъ такихъ крѣпостей, какъ-то: Коджь, Бами, Сунга, Арчепакъ, Беурма, Бехарденъ, Дурунъ, Мурча, Келятэ, Караганъ, Яраджи, Карызъ, Яги-Кала, Бабарабъ, Акба, Актезапакъ, Кипчакъ, Мирава, Геокъ-Теле, Ашкабацъ, Анау и Гяурсъ, не считая мелкихъ укрѣпленій именуемыхъ калами и массы разбросанныхъ по степи сторожевыхъ башень, защищаютъ оазисъ со стороны Персіи, равно и отъ нашествія Русскихъ, избравшихъ мѣстомъ десанта Чикишляръ, такъ какъ путь изъ него лежитъ чрезъ второй водораздѣльный хребетъ Коппетъ-Дага, Бендесенскимъ ущельемъ, по выходѣ изъ котораго развѣтвляется: двѣ дороги ведутъ на Беурму и одна на Бами, отстоящій отъ ущелья въ 23½ верстахъ. Со стороны же красноводской базы доступъ въ оазисъ защищали Казанджикъ и Кизилъ-Арватъ. Впрочемъ, еслибы даже и были устранены эти укрѣпленія, отряду немицемо пришлось бы имѣть дѣло съ вышепоименованными.

Всѣ эти крѣпости, не хитрыя съ виду, не представляющія повидимому ничего не только грознаго, но мало-мальски серіознаго, обманываютъ, подобно замаскированному морскому корсару, даже опытный взглядъ регулярнаго солдата. Обманываетъ неправильная форма укрѣпленій, противная самымъ элементарнымъ правиламъ фортификаціи, форма допускающая большія мертвыя пространства, изобилующая необороненными секторами. Но нужно принять во вниманіе что строители этихъ крѣпостей, незнакомые съ такимъ видомъ оружія какъ артиллерія, не допускали его и у непріятеля, и потому могли не стѣсняясь придавать калѣ подобныя формы, такъ какъ при ружейномъ огнѣ, который безъ особаго затрудненія можно направлять въ различныя стороны, ни мертваго пространства, кромѣ неизбѣжно вытекающаго изъ свойствъ оружія, ни необороненныхъ секторовъ, при самыхъ разнообразныхъ исходящихъ углахъ, не получалось. Но что̀ всего страннѣе, такъ это то что стѣны, предназначавшіяся для защиты отъ штурма и ружейнаго огня, выдерживали въ послѣдствіи съ успѣхомъ и артиллерійскій огонь. Крѣпости эти имѣли большею частію видъ правильнаго четырехъугольника, въ рѣдкихъ случаяхъ многоугольника, обнесеннаго вокругъ глинобитною стѣною около трехъ саженъ высоты и наружнымъ, не превышавшимъ полуторасаженной глубины, съ $2^1/_2$саженною шириной, рвомъ. Внутренній же видъ крѣпости невольно поражаетъ зрителя, такъ противорѣчитъ онъ неправильному внѣшнему. Внутреннее устройство крѣпости отчасти, разумѣется только въ идеѣ, напоминаетъ собою устройство европейскихъ крѣпостей; здѣсь вы встрѣтите и цитадель, и валгангъ у бруствера съ банкетомъ, и блиндажи, причемъ не только цитадель со внутренностью, но и валгангъ фронтовъ не были лишены траверсовъ, прикрывающихъ отъ огня какъ демонтирнаго, такъ и амфиладнаго; точно также были снабжены траверсами и всѣ выходы изъ крѣпости, которыхъ было по одному на каждомъ фронтѣ.

Стѣны крѣпости, а равно и цитадели, были сложены изъ саманнаго кирпича, то-есть не обоженнаго (сырца), смѣшаннаго съ саманомъ (разновидность клевера), и смазаны толстымъ слоемъ глины. Представляя въ своемъ основаніи трехъ и четырехсаженную ширину, кверху онѣ сужи-

ваются до двухаршинной толщины надъ банкетомъ, гдѣ находятся зубчатыя бойницы. Подъ валгангомъ же расположены блиндажи, имѣющіе видъ нашихъ казематированныхъ построекъ. Во внутренности цитадели точно также настроены глинобитныя сакли куполообразной и пирамидальной формы, предназначавшіяся какъ для жилья, такъ и для храненія боевыхъ и жизненныхъ припасовъ; во дворѣ помѣщался во время осады весь скотъ, какъ вьючный, такъ и домашній, тамъ же были выкопаны ямы, замѣнявшія собою интендантскіе склады. Эти глиняныя стѣны, окрѣпнувъ отъ дѣйствія солнца, такъ отвердѣли что большинство нашихъ артиллерійскихъ снарядовъ не были въ состояніи проникать и до половины ихъ толщи. Пришлось пустить въ ходъ навѣсную стрѣльбу, что̀, при отсутствіи мортиръ, съ одними полевыми орудіями было дѣломъ не легкимъ.

Крѣпости эти обыкновенно стояли пустыми, имѣя лишь небольшой караулъ, на обязанности котораго лежалъ и ремонтъ; собирались же туда всѣ жители со скотомъ и имуществомъ лишь когда угрожала опасность извнѣ.

Съ такими-то крѣпостями, перешедши пустыню, приходилось имѣть дѣло небольшому отряду, почти лишенному артиллеріи. Понятно что долгое время всякія попытки были безуспѣшны, войскамъ не всегда даже приходилось проникать въ оазисъ; на половину порѣдѣвшія отъ всевозможныхъ болѣзней и нечаянныхъ нападеній, съ недостаточными перевозочными средствами, они должны были возвращаться ко своимъ базисамъ.

Въ 1876 году, нашимъ войскамъ впервые удалось проникнуть въ оазисъ и дойти до Кизиль-Арвата, но разрушивъ его, они должны были снова отступить, не будучи въ состояніи удерживать натискъ вдесятеро сильнѣйшаго противника, лишившись притомъ въ пескахъ большей половины верблюдовъ и истощивъ боевые и жизненные припасы. Отступленіе это подняло духъ Текинцевъ, возвратило имъ самоувѣренность и сдѣлало немыслимымъ какое-либо миролюбивое соглашеніе. Пришлось послать болѣе значительныя силы чтобы разгромить эту орду въ ея гнѣздѣ. Послѣдующія экспедиціи генераловъ Лазарева и Ломакина, имѣвшія въ своемъ распоряженіи значительно бо́льшія силы, пѣшія и конныя, а также и артиллерію, избрали своею базой укрѣпленіе Чики-

шляръ, отстоящій отъ Красноводска на сутки морскаго пути. Пунктъ этотъ представлялъ собою больше удобствъ чѣмъ Красноводскъ уже потому что переходъ изъ него въ оазисъ менѣе затруднителенъ, хотя въ одномъ мѣстѣ представлялъ также полосу песковъ на протяженіи 37 верстъ. Тѣмъ не менѣе и эти экспедиціи были неудачны; такъ, напримѣръ, въ 1878 году не пришлось даже проникнуть въ оазисъ. Много способствовало этому незнаніе мѣстности и отсутствіе картъ; приходилось дѣлать переходы относительно разстоянія гадательно, двигаться по разспроснымъ картамъ, а насколько послѣднія удовлетворяли своему назначенію можно было видѣть по ходу кампаніи; лазутчиковъ нельзя было отыскать ни за какія деньги, ни одинъ Текинецъ не хотѣлъ продавать интересы своей страны; кромѣ того, для перевозки грузовъ въ нѣсколько сотъ тысячъ пудовъ требовалось имѣть верблюдовъ minimum 15.000, а удалось достать не болѣе трети, такъ какъ въ Персіи они въ весьма маломъ употребленіи, Бухара же, отрѣзанная отъ насъ непріятелемъ, не могла доставить своихъ; приходилось довольствоваться небольшимъ количествомъ верблюдовъ съ трудомъ добытыхъ изъ Оренбургскаго округа и нанятыми у мѣстныхъ Туркменъ, но послѣдніе шли не особенно охотно и вскорѣ покидали отрядъ. Виною тому были интендантскіе подрядчики (по большей части изъ Армянъ), какъ прежнихъ, такъ и послѣдующихъ экспедицій, немилосердно обиравшіе Туркменъ. Они ихъ обсчитывали, кормили въ проголодь и всячески обижали.

При такихъ-то обстоятельствахъ, въ 1879 году, войска подъ начальствомъ генерала Ломакина, истощенныя и изнуренныя жарами, проникли чрезъ Бендесенское ущелье въ оазисъ и достигли главной крѣпости, Геокъ-Тепе, но потерпѣвъ при штурмѣ ея страшную неудачу, принуждены были отступить. Хорошо еще что Текинцы, незнакомые съ порядками регулярныхъ армій, видя въ отступленіи, совершаемомъ въ порядкѣ, только маневръ, не рѣшились преслѣдовать, боясь засады. Иначе небольшое количество войскъ, которое рѣшилось показаться у грозныхъ стѣнъ Геокъ-Тепе и вступить въ бой со многотысячною толпой, неминуемо было бы истреблено въ Келятинскомъ ущельѣ. Отрядъ возвратился въ Чикишляръ. Впрочемъ, результатомъ этого похода было очищеніе Бами и изъявленіи покорности Кизилъ - Арват-

скимъ ханомъ и населеніемъ. Въ послѣдующее время, кромѣ небольшихъ стычекъ, не происходило ничего особеннаго. Такъ длилось до 1880 года, когда начальство надъ войсками принялъ покойный генералъ Скобелевъ. Прибывъ къ отряду, онъ прежде всего озаботился улучшеніемъ санитарной части и полеваго интендантства, для чего сдѣлалъ еще весною распоряженіе о покупкѣ и наймѣ верблюдовъ. Въ Мангишлакскомъ приставствѣ (въ Киргизскихъ степяхъ) приставу, полковнику Навроцкому, было поручено пріобрѣсти 5.000 головъ; въ Оренбургскомъ округѣ 5.500, остальное количество должно было быть нанято подполковникомъ Щербиною у мѣстныхъ Туркменъ. Всего слѣдовало добыть 15.000, но добыли, какъ и надо было ожидать, лишь половину, да и та была доставлена только въ концѣ лѣта. Отъ прежнихъ же экспедицій осталось только 1.000 головъ, притомъ на половину больныхъ и изнуренныхъ. Только осенью 1880 года отрядъ, составивъ кое-какъ транспортъ, могъ двинуться въ путь. Переходъ песчаною пустыней въ 37 верстъ до Бендесена былъ ничто въ сравненіи съ тѣмъ что̀ пришлось ему испытать въ оазисѣ.

Съ половины сентября безпрерывные ливни превратили почву въ море жидкой и клейкой грязи, обладающей свойствомъ втягивать въ себя всѣ попадающіе въ нее предметы. Съ трудомъ можно было вытаскивать ноги, на которыя глина налипала фунтами... Отрядъ изнемогалъ, изнемогали также лошади и верблюды. На четырнадцатый день похода верблюды были уже неузнаваемы, представляя изъ себя страшное зрѣлище: горбовъ не было, на ихъ мѣстѣ зіяли громадныя раны, наполненныя темною кровью и гноемъ. Фуражировка была затруднительна, животныя падали отъ голода и истощенія; для того чтобы заставить легшаго на землю верблюда подняться и продолжать путь приходилось прибѣгать къ варварскимъ средствамъ. Вокругъ несчастнаго животнаго раскладывали сухой ковыль и поджигали, желая огнемъ сдвинуть его съ мѣста, но тотъ издыхалъ, а дальше не двигался. Къ тому же не мало безпокоили отрядъ налетавшія шайки джигитовъ, производившія въ рядахъ переполохъ и затѣмъ скрывавшіяся. Не мало также переносили офицеры и солдаты отъ недостатка пищи, вслѣдствіе отсутствія маркитанта, явившагося только въ срединѣ

экспедиціи. Но несмотря на такое бѣдственное положеніе отряда, не предвѣщавшее, повидимому, ничего хорошаго, солдаты и офицеры не унывали, не падали духомъ, бодро подвигаясь къ Геокъ-Тепе. Они знали что съ ними Скобелевъ, что сталобыть побѣда обезпечена.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ, появившись подъ стѣнами Геокъ-Тепе, куда собралось все населеніе оазиса, войска остановились, построили укрѣпленія, вырыли ложементы и начали осаду, подготовляя штурмъ. Не дешево онъ намъ обошелся, вырвавъ изъ строя генерала Петрусевича, убитаго на поваль, массу офицеровъ и нижнихъ чиновъ, и образовавъ по близости громадное кладбище. До 11 января 1881 года все время проходило въ болѣе или менѣе крупныхъ схваткахъ съ дѣлавшими вылазки Текинцами. Наконецъ, къ 12 января, была готова проведенная отъ Великокняжеской калы минная галлерея, сдѣланная инженеромъ капитаномъ Масловымъ, предназначавшаяся для взрыва юго-восточной части стѣны, куда заранѣе были направлены штурмующія колонны. 12го числа ожидался штурмъ, и чтобы навести панику, генералъ Скобелевъ приказалъ сдѣлать наканунѣ два взрыва по сосѣдству, съ помощью динамита и пироксилина. Охотниками произвести взрывы вызвались поручикъ (нынѣ штабсъ-капитанъ) 1го Закаспійскаго желѣзнодорожнаго баталіона Остолоповъ, съ десятью нижними чинами того же баталіона, и гардемаринъ (нынѣ мичманъ) Каспійскаго экипажа Майеръ, съ четырнадцатью матросами. Пользуясь темнотой ночи съ 11 на 12 января, захвативъ съ собою полтора пуда динамита и столько же пироксилина, они спустились въ непріятельскій ровъ. Несмотря на то что камеры выдѣлывались стамесками, во избѣжаніе шума, осажденные все-таки услышали стуки, рѣшили что Русскіе дѣлаютъ подкопъ подъ стѣну, чрезъ который думаютъ проникнуть въ крѣпость, но не захотѣли мѣшать намъ, а собрались въ большомъ количествѣ на валгангѣ минируемой стѣны съ цѣлью убивать по одиночкѣ всѣхъ кто только будетъ выходить изъ подкопа. Эта простодушность жестоко покарала ихъ; въ скоромъ времени камеры были готовы, заряжены, фитиль зажженъ, и чрезъ двѣ минуты, съ оглушительнымъ трескомъ, глыбы земли взлетѣли на воздухъ, увлекая за собой тысячи наивныхъ простаковъ. При взрывѣ пострадалъ немного и Майеръ, не успѣвшій

выскочить изо рва и подброшенный на воздухъ. Но онъ отдѣлался ушибами, судьба пощадила его до слѣдующаго дня, когда онъ, обливаясь кровью, упалъ, тяжело израненный, * во главѣ своихъ храбрыхъ матросовъ. На другой день, прежде чѣмъ Текинцы могли опомниться, былъ произведенъ новый взрывъ (капитана Маслова), образовавшій обвалъ, по которому ворвались въ крѣпость штурмующія колонны... Закипѣлъ страшный, ожесточенный рукопашный бой, въ которомъ приняли участіе и женщины, и подростки. Каждую канавку, каждую кибитку приходилось брать штурмомъ, земля была усѣяна человѣчьими и лошадиными трупами, въ лужахъ крови плавали умирающіе... Чрезъ нѣсколько времени все стихло, и на стѣнахъ взвилось русское знамя, замѣненное вскорѣ Императорскимъ штандартомъ. Текинцы бѣжали въ Асхабадъ, чтобы заявить затѣмъ свою покорность Русскому Царю.

Штурмъ 12 января, уничтоживъ независимость Ахалъ-Текинцевъ, положилъ конецъ и аламанамъ.

Геройская защита Геокъ-Теле и безусловное самопожертвованіе рельефно охарактеризовали Текинца, умѣющаго такъ доблестно, такъ рыцарски умирать за свою свободу. Тамъ не было отличавшихся храбростью: всѣ были равны, всѣ соревновали въ любви къ родинѣ, въ пренебреженіи къ жизни; женщины не были исключеніемъ. Факты изумительнаго хладнокровія и мужества текинской женщины встрѣчались на каждомъ шагу. Такъ, напримѣръ, у аула Арчманъ поручикъ Ханъ-Нахичеванскій, увидѣвъ что женщину ведущую верблюда съ навьюченнымъ имуществомъ окружаютъ нѣсколько человѣкъ нашихъ конно-иррегулярцевъ, обратился къ ней, конечно по-татарски, со словами: „Не бойся, они тебѣ ничего не сдѣлаютъ, тебя не тронутъ.“ Женщина, гордо поднявъ голову, отвѣтила на это: „Да я и не боюсь, вотъ ты-то смотри не трусь нашихъ, а мнѣ чего бояться?!“ Другая Текинка, сидя на краю канавы съ кускомъ ноги оторваннымъ нашею гранатой, стрѣляла изъ револьвера по проходившимъ мимо драгунамъ. Нѣсколько другихъ женщинъ принесли на рукахъ къ Дагестанской сотнѣ отдѣлившагося отъ нея всадника, попавшаго въ аулъ и убитаго тамъ Текинцами. Болѣе эффектную картину какъ

* Пуля, прострѣливъ лѣвую щеку и языкъ, засѣла подъ ключицей.

выносъ тѣла убитаго врага группой женщинъ, трудно себѣ представить.

Какъ я уже сказалъ, удачнымъ штурмомъ Геокъ-Тепе закончился рядъ экспедицій, а въ 1884 году поручику, нынѣ подполковнику, Алиханову удалось повліять на Мервскую ханшу, склонившую жителей принять подданство Россіи. Текинецъ, такъ упорно отстаивавшій свою свободу, легко свыкся теперь съ долей побѣжденнаго. Разъ покорившись и поселившись на прежнихъ мѣстахъ, крайне разбросанно по оазису, не имѣя ни общей связующей идеи, ни хановъ, ни властителей, онъ только въ такомъ случаѣ могъ бы возстать противъ Русскаго правительства еслибъ оно давило его. Но Текинцамъ оставлены ихъ собственный судъ и самоуправленіе, семействамъ разоренымъ во время войны оказано денежное вспоможеніе, и благодаря всему этому, въ новомъ своемъ подданномъ Россія имѣетъ теперь честнаго и спокойнаго человѣка.

Конечно, многіе спросятъ: зачѣмъ понадобилась намъ эта непривѣтливая страна съ ея жарами, съ ея сыпучими песками? зачѣмъ истрачено столько денегъ и людей на ея пріобрѣтеніе?

Отвѣтъ на эти вопросы очень простъ. Разъ мы имѣемъ въ своемъ подданствѣ мирныхъ жителей въ азіатскихъ владѣніяхъ, мы должны были озаботиться и объ огражденіи ихъ отъ хищныхъ сосѣдей, а единственнымъ средствомъ къ этому являлось покореніе Текинцевъ, подчиненіе ихъ своей волѣ, своимъ законамъ. Притомъ и страну эту далеко нельзя назвать бѣдною.

Бѣдна она для дикаря, могущаго эксплуатировать только внѣшность, но быть-можетъ не окажется бѣдною для человѣка цивилизованнаго, при эксплуатаціи ея нѣдръ.

III.

Еще не такъ давно, при взглядѣ на карту Европейской Россіи испещренную городами и селами, дорогами и рѣками, взоръ нашъ, переходя на восточное побережье Каспійскаго моря, отдыхалъ на бѣломъ полѣ, гласившемъ только: „Туркмены“. Прошло пять лѣтъ. Взгляните снова на карту, и

увидите какъ испещрилось это поле, покрытое новыми городами, изборожденное дорогами, свидѣтельствующими что и сюда по этимъ дорогамъ, хотя медленно, но неизмѣнно, шагъ за шагомъ подвигается впередъ и впередъ цивилизація. Прошло пять лѣтъ со времени присоединенія этого края, а между тѣмъ онъ преобразился до неузнаваемости. Гдѣ прежде Текинецъ чинилъ аламаны, наводя панику на все окружающее, тамъ теперь онъ, поселившись, въ потѣ лица добываетъ хлѣбъ, все болѣе расширяя кругъ своей полезной мирной дѣятельности. Недостатокъ воды является ему не малою преградой на пути культурнаго движенія, но и съ этимъ онъ продолжаетъ вести упорную борьбу, каждую каплю воды обращая себѣ на пользу.

Текинцы, послѣ покоренія, остались жить у подножія Копетъ-Дага; по сосѣдству съ ними поселились и Русскіе, основавъ цѣлый рядъ городовъ, или, вѣрнѣе сказать, поселеній, около тѣхъ мѣстъ гдѣ прежде были туземныя укрѣпленія. Первое время контингентъ Русскихъ былъ чисто военный, кромѣ необходимаго, сравнительно малаго, числа торговцевъ и маркитантовъ; но мало-по-малу начали появляться и частныя лица: мастеровые, ремесленники, аферисты, предприниматели; съ проведеніемъ желѣзной дороги до Асхабада и продленіемъ ея на Мервъ и Самаркандъ, появились фабриканты, горнопромышленники, представители различныхъ фирмъ завязавшихъ сношенія съ Центральною Азіей, такъ что въ настоящее время нѣкоторые города уже представляютъ собою оживленные пункты. Здѣсь можно встрѣтить представителей всѣхъ европейскихъ націй (только Евреевъ сравнительно мало, и тѣ—ремесленники).

Поселившись на прежнихъ мѣстахъ и прекративъ аламаны, Текинцы должны были не только обратить свой трудъ и вниманіе на хлѣбопашество и скотоводство, но изыскивать и другіе поддерживающіе существованіе способы, въ силу чего земледѣліе неминуемо должно было не только расширяться, но и разнообразиться. Помимо хлѣбныхъ злаковъ, на поляхъ появились хлопокъ и другія растенія, ранѣе неизвѣстныя. Съ появленіемъ же въ области Русскихъ, туземное населеніе начало мало-по-малу сближаться съ ними, брать примѣры осѣдлости; такъ, напримѣръ, теперь можно встрѣтить не мало ауловъ бросившихъ свои кочевья, хотя не отка-

экспедиціи. Но несмотря на такое бѣдственное положеніе отряда, не предвѣщавшее, повидимому, ничего хорошаго, солдаты и офицеры не унывали, не падали духомъ, бодро подвигаясь къ Геокъ-Тепе. Они знали что съ ними Скобелевъ, что стало-быть побѣда обезпечена.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ, появившись подъ стѣнами Геокъ-Тепе, куда собралось все населеніе оазиса, войска остановились, построили укрѣпленія, вырыли ложементы и начали осаду, подготовляя штурмъ. Не дешево онъ намъ обошелся, вырвавъ изъ строя генерала Петрусевича, убитаго на поваль, массу офицеровъ и нижнихъ чиновъ, и образовавъ по близости громадное кладбище. До 11 января 1881 года все время проходило въ болѣе или менѣе крупныхъ схваткахъ съ дѣлавшими вылазки Текинцами. Наконецъ, къ 12 января, была готова проведенная отъ Великокняжеской калы минная галлерея, сдѣланная инженеромъ капитаномъ Масловымъ, предназначавшаяся для взрыва юго-восточной части стѣны, куда заранѣе были направлены штурмующія колонны. 12го числа ожидался штурмъ, и чтобы навести панику, генералъ Скобелевъ приказалъ сдѣлать наканунѣ два взрыва по сосѣдству, съ помощью динамита и пироксилина. Охотниками произвести взрывы вызвались поручикъ (нынѣ штабсъ-капитанъ) 1го Закаспійскаго желѣзнодорожнаго баталіона Остолоповъ, съ десятью нижними чинами того же баталіона, и гардемаринъ (нынѣ мичманъ) Каспійскаго экипажа Майеръ, съ четырнадцатью матросами. Пользуясь темнотой ночи съ 11 на 12 января, захвативъ съ собою полтора пуда динамита и столько же пироксилина, они спустились въ непріятельскій ровъ. Несмотря на то что камеры выдѣлывались стамесками, во избѣжаніе шума, осажденные все-таки услышали стуки, рѣшили что Русскіе дѣлаютъ подкопъ подъ стѣну, чрезъ который думаютъ проникнуть въ крѣпость, но не захотѣли мѣшать намъ, а собрались въ большомъ количествѣ на валгангѣ минируемой стѣны съ цѣлью убивать по одиночкѣ всѣхъ кто только будетъ выходить изъ подкопа. Эта простодушность жестоко покарала ихъ; въ скоромъ времени камеры были готовы, заряжены, фитиль зажженъ, и чрезъ двѣ минуты, съ оглушительнымъ трескомъ, глыбы земли взлетѣли на воздухъ, увлекая за собой тысячи наивныхъ простаковъ. При взрывѣ пострадалъ немного и Майеръ, не успѣвшій

увидите какъ испещрилось это поле, покрытое новыми городами, изборожденное дорогами, свидѣтельствующими что и сюда по этимъ дорогамъ, хотя медленно, но неизмѣнно, шагъ за шагомъ подвигается впередъ и впередъ цивилизація. Прошло пять лѣтъ со времени присоединенія этого края, а между тѣмъ онъ преобразился до неузнаваемости. Гдѣ прежде Текинецъ чинилъ аламаны, наводя панику на все окружающее, тамъ теперь онъ, поселившись, въ потѣ лица добываетъ хлѣбъ, все болѣе расширяя кругъ своей полезной мирной дѣятельности. Недостатокъ воды является ему не малою преградой на пути культурнаго движенія, но и съ этимъ онъ продолжаетъ вести упорную борьбу, каждую каплю воды обращая себѣ на пользу.

Текинцы, послѣ покоренія, остались жить у подножія Копетъ-Дага; по сосѣдству съ ними поселились и Русскіе, основавъ цѣлый рядъ городовъ, или, вѣрнѣе сказать, поселеній, около тѣхъ мѣстъ гдѣ прежде были туземныя укрѣпленія. Первое время контингентъ Русскихъ былъ чисто военный, кромѣ необходимаго, сравнительно малаго, числа торговцевъ и маркитантовъ; но мало-по-малу начали появляться и частныя лица: мастеровые, ремесленники, аферисты, предприниматели; съ проведеніемъ желѣзной дороги до Асхабада и продленіемъ ея на Мервъ и Самаркандъ, появились фабриканты, горнопромышленники, представители различныхъ фирмъ завязавшихъ сношенія съ Центральною Азіей, такъ что въ настоящее время нѣкоторые города уже представляютъ собою оживленные пункты. Здѣсь можно встрѣтить представителей всѣхъ европейскихъ націй (только Евреевъ сравнительно мало, и тѣ—ремесленники).

Поселившись на прежнихъ мѣстахъ и прекративъ аламаны, Текинцы должны были не только обратить свой трудъ и вниманіе на хлѣбопашество и скотоводство, но изыскивать и другіе поддерживающіе существованіе способы, въ силу чего земледѣліе неминуемо должно было не только расширяться, но и разнообразиться. Помимо хлѣбныхъ злаковъ, на поляхъ появились хлопокъ и другія растенія, ранѣе неизвѣстныя. Съ появленіемъ же въ области Русскихъ, туземное населеніе начало мало-по-малу сближаться съ ними, брать примѣры осѣдлости; такъ, напримѣръ, теперь можно встрѣтить не мало ауловъ бросившихъ свои кочевья, хотя не отка-

завшихся еще отъ кибитокъ. Аулы эти преимущественно осѣдаютъ возлѣ русскихъ поселеній, центромъ которыхъ служитъ Асхабадъ, въ 402 верстахъ отъ берега Каспійскаго моря. Къ западу отъ Асхабада, по направленію къ морю, расположены укрѣпленія: Геокъ-Тепе у аула того же имени, въ 40 верстахъ отъ Асхабада, Бами во 110 верстахъ отъ Геокъ-Тепе, чрезъ 50 верстъ Кизилъ-Арватъ, стоящій на полупути между моремъ и Асхабадомъ, далѣе Михайловскъ, Красноводскъ и Чикишляръ, расположенные по восточному берегу моря. Послѣдніе два города обладаютъ хорошими, вмѣстительными бухтами. Къ юго-востоку отъ Асхабада идутъ: Каахка (во 125 верстахъ), Кары-Бендъ (195 верстъ), Куйма-Аджаръ (250 верстъ), Мервъ (333 версты), Ташкепри и Пендэ (въ 40 верстахъ отъ Мерва) и Серахсъ въ углу Персидской и Афганской границъ.

Къ сожалѣнію, для всѣхъ вышеприведенныхъ поселеній, кромѣ приморскихъ, именуемыхъ городами, Русскіе выбрали очень неудобныя мѣста вблизи подошвы горъ (Копетъ-Дага), мѣста нездоровыя сравнительно съ другими частями Ахала, почему въ нѣкоторыхъ изъ нихъ свирѣпствуютъ тяжелыя малярійныя лихорадки. Геокъ-Тепе, напримѣръ, считается колыбелью всевозможныхъ болѣзней.

Въ административномъ отношеніи вся область раздѣлена на округа: Красноводскій, Чикишлярскій, Асхабадскій, Мервскій и Серахскій, во главѣ коихъ стоятъ окружные начальники, непосредственно подчиняющіеся начальнику области (онъ же командующій войсками), который, въ свою очередь, находится въ административной зависимости отъ главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ.

Новыя реформы въ область еще не проникли, да и не могутъ проникнуть еще долгое время по причинѣ разбросанности населенія и незнанія имъ русскаго языка, такъ что власть полицейская и судебная всецѣло принадлежитъ воинскимъ начальникамъ и ихъ помощникамъ, подчиняющимся начальникамъ округовъ. Хотя Закаспійская область въ судебномъ отношеніи и причислена въ Бакинскому судебному округу, тѣмъ не менѣе до сихъ поръ въ судебной практикѣ не было ни одного примѣра чтобы туземецъ судился Бакинскимъ окружнымъ судомъ.

Ко вмѣшательству окружнаго суда могли бы повести только уголовныя преступленія, потому что дѣла разбираемыя обы

новенно мировыми судьями разбираются мѣстнымъ военнымъ начальствомъ, причемъ аппелляціонныя жалобы дальше начальника области не идутъ. Помимо того, разные проступки преступленія, совершенныя въ ихъ средѣ, Текинцы предпочитаютъ, не доводя до окружнаго суда, разбирать своимъ общественнымъ судомъ, налагая взысканія по собственному, своеобразному, но очень практичному кодексу, не писанному, однакоже въ цѣлости и неприкосновенности переходящему изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Кромѣ того, есть масса наказаній не вошедшихъ въ этотъ кодексъ, но избираемыхъ и примѣняемыхъ судомъ смотря по обстоятельствамъ, причемъ, въ дѣлѣ наложеніи такихъ взысканій, руководятся индивидуальными особенностями подсудимаго, его привычками, слабостями и т. п. * Преступленія же уголовныя, какъ-то: убійство, грабежъ, возмущеніе (впрочемъ, примѣровъ послѣдняго не было), караются судомъ военнымъ, въ большинствѣ случаевъ полевымъ.

Вообще въ Закаспійской области чиновничьяго элемента пока мало, за исключеніемъ самаго необходимаго, какъ, напримѣръ, почтовыхъ, телеграфныхъ, интендантскихъ и казначейскихъ чиновниковъ.

Будучи лишена чиновничьяго духа, настоящая организація областнаго управленія, очень не хитрая, вполнѣ удовлетворяетъ потребностямъ и нуждамъ края; относясь въ высшей степени справедливо и гуманно къ населенію, она вселила въ туземцевъ уваженіе къ русской власти, къ русскимъ законамъ, вселила въ каждаго Текинца глубокое убѣжденіе въ томъ что онъ самъ и его собственность вполнѣ гарантированы законами, преступленіе которыхъ кѣмъ бы ни было, не исключая самихъ начальниковъ, не можетъ оставаться безнаказаннымъ. Администрація области пріучила туземцевъ смотрѣть на себя не какъ на страшилище, карающее и за что слѣдуетъ и за что не слѣдуетъ, а какъ на защитника и покровителя, всегда готоваго помочь и словомъ и дѣломъ. Все

---

* Въ лѣто 1885 года, во время натянутыхъ отношеній нашихъ съ Англіей, пришлось строить плотину. Собранные Текинцы работали лѣниво; ханъ Махтумъ-Кули-Ханъ приказалъ раздѣть ихъ и поставить нагими на берегу Теджента, отдавъ на съѣденіе комарамъ: черезъ полчаса работа закипѣла.

это вмѣстѣ взятое уже вселило въ нихъ глубокую преданность къ Акъ-Падишаху (Бѣлому Царю) и Его слугамъ, правящимъ отъ Его имени. Слово Бѣлаго Падишаха столь же священно для Текинца какъ и слово Корана, за то какъ же и гордится онъ бешкешемъ (подаркомъ) Русскаго Царя! Такъ они называютъ медали, кресты, даже значекъ разсыльнаго. Такимъ подаркомъ Туркменъ дорожитъ больше чѣмъ священнымъ амулетомъ. Амулетъ, говоритъ онъ, можно купить за 2 крана (персидская монета=70 коп.), а бешкешъ Падишаха можно пріобрѣсти только заслугой.

Человѣка побывавшаго въ городахъ и весяхъ нашего обширнаго отечества, когда онъ попадаетъ сюда, въ эту дальнюю окраину Имперіи, гдѣ, повидимому, есть полнѣйшая возможность ловить рыбу въ мутной водѣ, невольно поражаютъ здѣшніе порядки, отношенія общественныхъ дѣятелей къ ихъ дѣлу, долгу и службѣ. И не одна только администрація здѣсь достойна уваженія. Человѣкъ знающій хорошо армейскую среду нашей Имперіи, ознакомившись съ военнымъ обществомъ области, не можетъ не воздать ему должнаго. Тамъ гдѣ, повидимому, можно было бы встрѣтить людей отупѣвшихъ, такъ-называемыхъ „бурбоновъ", смотрящихъ только въ рюмку, вы встрѣчаете разумную, хорошую, честную молодежь, съ отчетливымъ понятіемъ о своихъ обязанностяхъ. Составу офицеровъ каждаго изъ Закаспійскихъ баталіоновъ можетъ позавидовать любая часть войскъ внутреннихъ губерній Имперіи. Я до сихъ поръ съ удовольствіемъ вспоминаю объ обществѣ офицеровъ 5го (нынѣ 1го) Закаспійскаго стрѣлковаго баталіона, въ средѣ которыхъ мнѣ приходилось вращаться, и которые извѣстны тамъ подъ именемъ „Закаспійской гвардіи". Понятно что подобная среда, выдѣляя изъ себя должностныхъ лицъ, какъ напримѣръ полицеймейстеровъ, воинскихъ начальниковъ, ихъ помощниковъ, и другихъ, не могла не дать честныхъ и хорошихъ людей, сумѣвшихъ такъ высоко поднять русскій престижъ.

Вліяніе этой среды, благотворно отзывающееся на общественной (служебной) дѣятельности, не могло остаться безслѣднымъ и въ частной жизни общества, исключивъ изъ нея цинизмъ, грязь и пошлость свойственные не только дальнимъ окраинамъ, но и захолустнымъ городкамъ внутренней Россіи, вдвинувъ эту жизнь въ рамки приличія

и благопристойности, внеся въ нее цивилизующіе элементы. Это вліяніе создало общую тѣсную, семейную жизнь, если не оградивъ ея окончательно отъ провинціальныхъ дрязгъ и сплетень, то на половину уменьшивъ и смягчивъ послѣдніе. Въ области появились библіотеки и клубы, въ которыхъ устраиваются спектакли, литературные и музыкальные вечера. Въ общемъ жизнь здѣсь, въ столь непривѣтливой странѣ, сложилась не только сносно, но и симпатично. Съ появленіемъ русскаго населенія и приращеніемъ его, во всѣхъ укрѣпленіяхъ появились школы, которыя обставлены несравненно лучше нашихъ сельскихъ школъ и оказываютъ не малую услугу населенію отдѣленному отъ коренной Россіи такимъ большимъ разстояніемъ. Одна изъ безспорно лучшихъ школъ въ области, Асхабадская, обязана своимъ благосостояніемъ и успѣхами А. А. Комаровой (дочери командующаго войсками), а равно и учительницѣ Вѣсичъ. Заботы г-жи Комаровой по отношенію къ школѣ сказываются не только въ ея попечительствѣ надъ нею, но и въ непосредственномъ ея участіи въ дѣлѣ преподаванія; она приняла на себя безвозмездно обязанности учительницы.

Вообще появленіе Русскихъ въ краѣ оказало хорошее дѣйствіе на туземцевъ, обратившихъ нынѣ вниманіе исключительно на трудовую дѣятельность, которая съ нѣкотораго времени начала разнообразиться, представляя въ разныхъ районахъ особыя спеціальности; такъ, напримѣръ, если проѣхать отъ Каспійскаго моря до Афганской границы, можно замѣтить какъ подѣлились различные виды промышленности между аулами, собразно почвѣ, количеству воды и условіямъ мѣстной жизни.

Племена кочующія вдоль восточныхъ береговъ Каспійскаго моря, не имѣющія, кромѣ одежды и религіи, ничего общаго съ Текинцами (обитающими отъ аула Молла-Кары вглубь страны), подраздѣляются на отдѣльныя, родственныя между собою группы. Сѣверо-восточный берегъ Каспійскаго моря занятъ Киргизами, юго-восточный — разновидными племенами, подъ общимъ наименовіемъ Туркменъ; самое многочисленное изъ нихъ и наименѣе симпатичное, это—Юмуды; небольшаго роста, коренастые, юркіе, съ маленькими глазами, они много напоминаютъ своихъ сородичей Киргизовъ. Единственный видъ промышленности у нихъ скотоводство, за отсутствіемъ плодородной почвы, и подчасъ

набѣги на персидскую территорію, если только это можно назвать промышленностью. Затѣмъ, отъ аула Молла-Кары начинается племя Текэ, уже своимъ внѣшнимъ видомъ рѣзко отличающееся отъ Киргизовъ и Юмудовъ. Такого рослаго и прекрасно сложеннаго народа въ Азіи я еще не видывалъ. Безспорно, кавказскіе горцы болѣе граціозны и ловки, но по физическому развитію Текинцы стоятъ выше, хотя народъ этотъ нельзя назвать красивымъ вообще, а его женщинъ въ особенности; только ослѣпительно бѣлые зубы и глубокіе добрые и умные глаза придаютъ ему симпатичный и добродушный видъ. Я говорилъ уже о костюмѣ Текинца; женскій костюмъ еще менѣе красивъ и состоитъ изъ трехъ частей: сорочки, кумачевыхъ, по большей части, красныхъ шальваръ (шароваръ) и синей съ красными полосками блузы, съ небольшимъ шлейфомъ; туфли тѣ же что̀ и у мущины. Въ видѣ украшенія, въ жидкую черную косу вплетаются иногда персидскія серебряныя монеты. На ряду со внѣшнею разницей между этимъ племенемъ и племенами упомянутыми выше, является разница и въ дѣятельности; такъ, напримѣръ, аулы Молла-Кары, Яшакъ, Ахча-Куйма, Казанджикъ, вплоть до самаго Кизилъ-Арвата занимаются скотоводствомъ и въ небольшомъ размѣрѣ земледѣліемъ, а также охотой на газелей, дикихъ барановъ и туровъ, попадающихся въ горахъ въ большомъ изобиліи. Отъ Кизилъ-Арвата и дальше хлѣбопашество увеличивается въ ущербъ скотоводству, кромѣ того, къ нему присоединяется небольшое огородничество и травосѣяніе, главнымъ видомъ котораго является посѣвъ *юнжи* (разновидность клевера). Преобладающіе виды хлѣбныхъ злаковъ—пшеница и ячмень, замѣняющій здѣсь овесъ. Сѣно же бываетъ двухъ родовъ: вопервыхъ, горное, или саманъ, назначеніе котораго служить не только кормомъ скоту, но и строительнымъ матеріаломъ или, вѣрнѣе сказать, составною частью послѣдняго *, вовторыхъ, юнжа. Посѣянная весной, юнжа вскорѣ даетъ первый сборъ прекрасной сочной травы, часть которой идетъ на текущій годъ, другая же часть заготовляется на зиму, для чего ее скручиваютъ въ толстые жгуты и затѣмъ сушатъ; послѣ перваго сбора, поля, уже безъ посѣва,

* Сырцовый кирпичъ приготовляется изъ сырой глины смѣшанной съ саманомъ и носитъ названіе саманнаго кирпича.

покрываются снова зеленью, и такимъ образомъ бываетъ съ поля до трехъ сборовъ въ теченіе года.

Во 130 верстахъ отъ Кизилъ-Арвата, у аула Келятэ, огородничество стоитъ уже на ряду съ хлѣбопашествомъ, давая въ лѣто по три и по четыре сбора хорошихъ арбузовъ, тыквъ, дынь и огурцовъ. Бахчи служатъ большимъ подспорьемъ въ жизни жителей, несмотря на низкія цѣны ихъ продуктовъ, гораздо болѣе низкія чѣмъ у насъ въ степныхъ губерніяхъ. Огурцы, которые по вкусу не уступаютъ малороссійскимъ и во всякомъ случаѣ лучше великороссійскихъ, также не дороги. Къ хлѣбнымъ злакамъ прибавляется здѣсь воздѣлываніе джугурмы (сорго), растенія съ вида похожаго на нашу кукурузу (кромѣ устройства плода; у джугурмы плодъ представляетъ собою гроздь въ видѣ винограднаго, съ тою только разницей что его твердыя зерна мелки, бѣло-грязнаго цвѣта и имѣютъ вкусъ крупы). Джугурма растетъ густо, высоко поднявъ переполненные зерномъ гроздья, послѣ сбора коихъ стебли и листья доставляютъ прекрасный кормъ лошадямъ, домашнему скоту и верблюдамъ. Зерно же, обращенное въ крупу или муку, составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ продовольствія жителей.

Здѣсь же, около этого аула, начинается приготовленіе ковровъ и паласовъ, которое, затѣмъ, расширяясь, концентрируется въ Мервѣ, занимая почти каждую кибитку ткачихами. Ковры эти, имѣя шерстяную основу и будучи коротко острижены и окрашены растительными красками, несравненно лучше, прочнѣе и дороже прославляемыхъ персидскихъ, имѣющихъ основу бумажную и окрашенныхъ минеральными красками. Если текинскіе ковры до сихъ поръ не были у насъ въ употребленіи, то лишь благодаря отсутствію путей сообщенія и замкнутой жизни Туркменъ; теперь же, съ проведеніемъ желѣзной дороги, они не замедлятъ появиться на европейскихъ рынкахъ. Рисунокъ ковра отличается строгостью и простотой; онъ состоитъ изъ прямолинейныхъ фигуръ, чрезвычайно искусно расположенныхъ. Въ Келятэ уже попадаются туговыя деревья, но тѣмъ не менѣе шелководство здѣсь еще въ зародышѣ. За Келятэ слѣдуютъ аулы окруженные садами; лучшіе изъ нихъ Безмеинъ, Кани и Асхабадъ. Здѣсь развито садоводство, дающее персики, урюкъ, финики, миндаль, грецкіе орѣхи. Въ 40 верстахъ за Асхабадомъ, отъ аула Гяурсъ, на первый планъ выступаетъ

скотоводство и служитъ главнымъ видомъ промышленности вплоть до самой границы, гдѣ, у Мерва, снова начинается садоводство и разведеніе винограда, чему не мало способствуетъ почва, обильно орошаемая тремя рѣками: Теджентомъ, Мургабомъ и Кушкой. Скотоводство юго-восточной части Ахала съ успѣхомъ можетъ конкуррировать съ нашими степными губерніями; это сказывается и въ цѣнахъ на его продукты; такъ, напримѣръ, баранья шуба, которую у насъ нельзя купить дешевле 25 руб., не идетъ тамъ дороже 8 руб. Кромѣ садоводства, въ окрестностяхъ Мерва сѣютъ хлопокъ, а подъ Зульфагоромъ можно встрѣтить даже цѣлыя хлопчатобумажныя плантаціи; по дорогѣ же къ Серахсу, у Руфъ-Набата попадаются уже не малые строевые лѣса, гдѣ преобладаютъ кипарисъ, орѣхъ и дубъ.

Горы Коппетъ-Дагъ, состоя изъ пяти параллельныхъ цѣпей, съ виду кажутся пустынными и безплодными; но если углубиться въ нихъ дальше, то неожиданно открываются очень живописныя картины; такими картинами изобилуетъ долина Алла-Дагъ, находящаяся между третьимъ и четвертымъ водораздѣльными хребтами; здѣсь попадаются орѣховыя и лимонныя рощи, быстрые ручьи и роскошная растительность. Въ этихъ-то горныхъ мѣстахъ и лежитъ центръ садоводства всего Ахала; въ особенности славится имъ горный аулъ Нухуръ, находящійся въ 12 верстахъ отъ Арчмана и слѣдовательно во 102 верстахъ отъ Кизилъ-Арвата. Нухуръ населенъ Евреями магометанскаго вѣроисповѣданія, извѣстными подъ именемъ Нухурскаго племени, которое, въ силу своего географическаго положенія, успѣло сохранить независимость при самомъ мирномъ образѣ жизни.

Внѣшнимъ своимъ видомъ и костюмомъ Нухурцы не отличаются отъ Текинцевъ, но гораздо красивѣе ихъ и ведутъ уже вполнѣ осѣдлую жизнь, давно замѣнивъ кибитку глинобитными двухъэтажными домами, гдѣ нижній этажъ всегда служитъ конюшней, сараемъ и кладовой; въ окнахъ, вмѣсто стекла, натягивается бычачій пузырь. Аулъ Нухуръ служитъ центромъ винодѣлія, появившагося съ приходомъ Русскихъ.

Итакъ, мы видимъ что даже при бѣдномъ орошеніи, при невыносимо жаркой температурѣ, туземцы сумѣли отыскать себѣ средства для безбѣдной жизни, а что было бы еслибы датъ имъ воду?... Между тѣмъ нельзя сказать чтобы воды н[illegible] она есть, только нужно поискать ее, она скрыта по[illegible]

На такую подпочвенную воду уже наталкивались въ Арчманѣ, Сунчѣ и Дурунѣ. Кромѣ того, въ Келятэ имѣется большое подземное озеро. Замѣчательную картину представляетъ это озеро, именуемое Голубинымъ *. Въ восьми верстахъ отъ аула, въ горахъ, футовъ на тридцать отъ подошвы, имѣются три отверстія; спустившись въ большее изъ нихъ футовъ на 20, вы попадаете въ обширный природный залъ, своды котораго поддерживаются массивными, словно человѣкомъ построенными колоннами; пройдя нѣсколько шаговъ, вы слышите плескъ волнъ. Термометръ здѣсь даже зимой указываетъ +22 по Р. Какъ обширно озеро не могу сказать; при обширности пещеры, свѣтъ моихъ шестнадцати свѣчей разсѣевался въ пространствѣ, не достигая береговъ; но надо полагать что озеро большое, о чемъ свидѣтельствуетъ плескъ воды. Озеро это, находясь на 20 футовъ ниже отверстія, лежитъ, слѣдовательно, на 10 футовъ выше подошвы; еслибы пробить тонкую стѣну, воды его могли бы быть выпущены наружу въ видѣ ручья, даже рѣки.

Помимо обыкновенной подпочвенной воды, въ области попадаются минеральные источники, а именно: въ Арчманѣ сѣрные, издали по цвѣту похожіе на молочные, и въ Анау тождественные по вкусу и дѣйствію воды съ эмсскими, что̀ и подтвердилось опытомъ. При лѣченіи докторомъ П—ко катарровъ и вообще желудочныхъ болѣзней анаускою водой, результаты получились такіе же какъ и при лѣченіи эмсскою.

Такимъ образомъ оказывается что Закаспійскую область и по отношенію къ водѣ нельзя назвать окончательно бѣдною; по крайней мѣрѣ имѣются положительныя данныя что въ будущемъ можно будетъ добыть воду. Но еслибъ усовершенствованіе орошенія и не подвинулось впередъ, то помимо земледѣлія и скотоводства въ краѣ имѣются данныя для развитія иныхъ видовъ промышленности, которые если не были извѣстны прежде, по отсутствію путей сообщенія и невысокому развитію народа, то теперь, съ проведеніемъ желѣзной дороги, навѣрно появятся. До сихъ поръ на горы не обращали никакого вниманія, а между тѣмъ онѣ вполнѣ его заслуживаютъ. Къ намъ привозятъ мраморъ изъ Каррары, а свой, мало уступающій каррарскому, обростаетъ мхомъ въ

* Голубинымъ называется оно благодаря обилію голубиныхъ гнѣздъ въ пещерѣ.

Бендесенскомъ ущельѣ; сѣрой снабжаетъ насъ Сицилія, а между тѣмъ своя сѣра цѣлыми залежами покоится въ Закаспійской области. Впрочемъ, теперь небольшая компанія Армянъ уже занялась съ успѣхомъ разработкой сѣры во 100 верстахъ отъ Геокъ-Тепе и снабжаетъ ею Бакинскій сѣрно-кислый заводъ. Помимо мрамора и сѣры, въ горахъ отыскивается не мало бирюзы. Мѣдь сама просится наружу: осадки мѣднаго купороса на каждомъ шагу. Кромѣ всего этого, врядъ ли какая страна изобилуетъ такими массами гипса какъ Красноводскія возвышенности, причемъ гипсъ попадается всевозможныхъ цвѣтовъ и тѣней, но никѣмъ не разрабатывается. Придется, пожалуй, ждать еще не мало лѣтъ, но надо надѣяться что все это добро не останется подъ спудомъ и что, по выраженію Лермонтова,

Желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь.

Сказавъ о царствахъ растительномъ и минеральномъ, мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о царствѣ животномъ. Помимо домашнихъ животныхъ, какъ-то: лошадей, коровъ, верблюдовъ и собакъ, есть здѣсь не мало дикихъ животныхъ, служащихъ для туземцевъ предметомъ охоты. Горы изобилуютъ тиграми, барсами, турами, газелями и леопардами, равнина же дикими лошадьми (въ Каракумскихъ пескахъ), дикими кабанами и шакалами. Къ царству пернатыхъ принадлежатъ: орлы, дрофы, фазаны, утки, дикія куры и голуби. Фазановъ подъ Кары-Бендомъ такъ много что пара битыхъ стоитъ 17 копѣекъ.

Насѣкомыми область не богата, но за то здѣсь есть такія страшилища какъ скорпіонъ и фаланга. Фаланга—это родъ паука съ большимъ наливнымъ брюхомъ грязно желтаго цвѣта; скорпіонъ сноснѣе фаланги уже потому что его укушеніе хотя и вредно, но не смертельно, тогда какъ укушеніе фаланги угрожаетъ смертью. Туземцы употребляютъ противъ ея укушенія такое средство: весной, когда фаланга болѣе ядовита, кладутъ ее въ деревянное масло и настаиваютъ въ теченіе 22 дней; затѣмъ устраняютъ органическія части насѣкомаго, и этимъ масломъ смазываютъ укушенное мѣсто. Пузырекъ такой настойки каждый туземецъ всегда носитъ при себѣ.

П. ВАСИЛЬЕВЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ПРИРОДѢ.

Когда измученный житейскою борьбой,
Къ тебѣ, природа мать, я взоръ свой обращаю,
Твой образъ дорогъ мнѣ безмолвный, но родной;
Я чувствую тебя, тебя я понимаю.

Какъ я люблю тогда глубокое молчанье
Твоихъ полей и дремлющихъ высотъ,
И величавое, но краткое сіянье
Твоихъ незыблемыхъ, зиждительныхъ красотъ!

Когда-жь прошедшихъ дней, невозвратимыхъ дней
Въ душѣ моей возстанетъ образъ нѣжный
И жду отвѣта я на скорбь души моей—
И тотъ же видъ встрѣчаю безмятежный,

Какъ ненавистно мнѣ безстрастное молчанье,
Какъ я кляну твой мертвенный покой!...
И вызвать бы хотѣлось громъ среди тиши нѣмой
Чтобъ заглушить въ груди безумное рыданье.

ПРОБУЖДЕНІЕ.

Умчалась ночи тѣнь;
Дремота отлетаетъ,
Проснулся ясный день
И радостно сіяетъ,

И снова жизнь манитъ,
И съ высоты въ оконце
Такъ ласково глядитъ
Смѣющееся солнце.

Поспѣшно ложе сна
Я, вставши, покидаю
И вотъ я у окна
И взоромъ обнимаю

Луга, поля и лѣсъ,
Покрытые росою,
Кусты, листву древесъ
И день съ прозрачной мглою.

Въ восторгѣ взоръ летитъ
Туда гдѣ такъ широко
И блещетъ, и манитъ
Лазури сводъ глубокой,

Гдѣ жаворонка трель
Съ высотъ на нивы льется,
Какъ звучная свирѣль...
И взоръ во слѣдъ несется,

И вся душа моя
Летитъ на голосъ милый...
О, радость бытія!
О, свѣтъ! О, жизни силы!

БИБЛІОГРАФІЯ

Книги вышедшія въ свѣтъ за послѣдній мѣсяцъ.

Въ С.-Петербургѣ:

Исторія Россійской Академіи. М. И. Сухомлинова. V + 493 стр. 8 д. л.

Изслѣдованія по соціальной исторіи Англіи въ Средніе Вѣка. П. Виноградова. 259 стр. 8 д. л.

Матеріалы для исторіи инородцевъ юго-западнаго Китая. Т. I, часть первая. Первый періодъ. А. Ивановскаго. XVII + 214 стр. 8 д. л.

Сборникъ указовъ по монетному и медальному дѣлу въ Россіи помѣщенныхъ въ Полномъ Собраніи Законовъ съ 1649 по 1881 годъ. Составлено М. Деммени. Изданіе Великаго Князя Георгія Михаиловича. Выпускъ III. 619 + 127 стр. 8 д. л.

Къ вопросу о Кириллахъ авторахъ въ древней русской литературѣ. Е. Пѣтухова. 33 стр. 8 д. л.

Военные законы Петра Великаго въ рукописяхъ и первопечатныхъ изданіяхъ. Историко-юридическое изслѣдованіе П. О. Бобровскаго. Съ приложеніемъ снимковъ подлинной рукописи Артикула Воинскаго. V + 96 стр. 8 д. л.

Война Россіи съ Турціей 1806—1812 года. Томъ III. 1810, 1811 и 1812 годы. Составлена по Высочайшему повелѣнію генеральнаго штаба генералъ-майоромъ А. Н. Петровымъ. II + 468 стр. 8 д. л.

Императорскій Эрмитажъ. *Каталогъ картинной галлереи.* Второе изданіе. Второй томъ. Германскія школы. VIII+336 стр. 8 д. л.

Изъ Румеліи. Архимандрита Антонина, почетнаго члена Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. 650 стр. XVIII плановъ. 4 д. л.

Путеводитель по Финляндіи, съ картой. Составилъ В. Майковъ. 154 стр. 8 д. л.

Иртышъ. Гидрографическо-навигаціонный очеркъ. Составилъ инженеръ М. С. Чернышевъ. (Съ двумя листами чертежей.) 126 стр. 8 д. л.

О чертѣ осѣдлости для Евреевъ. 20 стр. 2 д. л.

Н. Таганцевъ. *Лекціи по русскому уголовному праву.* Часть общая. Выпускъ первый. XIV+380 стр. 8 д. л.

Руководство особенной части русскаго уголовнаго права. Издано по лекціямъ читаннымъ въ Военно-Юридической Академіи профессоромъ уголовнаго права докторомъ правъ Н. А. Неклюдовымъ. Издатель капитанъ К. Л. Харченко. XVI+773 стр. 8 д. л.

Судебные Уставы Императора Александра II съ законодательными мотивами и разъясненіями. *Уставъ Уголовнаго Судопроизводства.* Третье, исправленное, дополненное и переработанное изданіе С. Г. Щегловитова. 1.143 стр. 8 д. л.

Статистическій временникъ Россійской Имперіи. Серія III. Выпускъ 17. *Пожары въ Россійской Имперіи въ 1875—82 годахъ.* 31+200 стр. Выпуск. 18. *Монастыри въ Россійской Имперіи.* 106 стр. Изданіе центральнаго статистическаго комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 106 стр. 8 д. л.

Свѣдѣнія о привозѣ изъ-за границы иностранныхъ товаровъ за 1869—86 годы. Печатано по распоряженію Департамента Таможенныхъ Сборовъ. 528 стр. 8 д. л.

Свѣдѣнія объ отпускѣ за границу россійскихъ товаровъ за 1869—86 годы. Печатано по распоряженію Департамента Таможенныхъ Сборовъ. 222 стр. 8 д. л.

Статистическій Сборникъ Министерства Путей Сообщенія. Выпускъ четырнадцатый. Свѣдѣнія о движеніи товаровъ по желѣзнымъ и внутреннимъ воднымъ путямъ сообщенія въ 1884 году. 4 д. л.

Поземельный кредитъ, его [illegible] *настоящее и будущее.* Я. А. Сербиновича. IV+18[illegible]

В. А. Добролюбовъ. *О положеніи каменно-угольной промышленности въ Донецкомъ бассейнѣ.* 160 стр. 8 д. л.

Mémoires sur les lépidoptères redigés par N. M. Romanoff. Tome III. Avec 17 planches coloriées et 2 cartes. 419 p. in 8°.

Пчела, ея жизнь и главныя правила толковаго пчеловодства. Краткое руководство для пчеляковъ. Составилъ А. Бутлеровъ. Съ рисунками въ текстѣ. VI изданіе. V+141+10 стр. 8 д. л.

И. Мещерскій. *Сводъ опытовъ и наблюденій хозяевъ по разведенію кукурузы и силосованію зеленыхъ и другихъ кормовъ.* 239 стр. 8 д. л.

Литературный чтецъ. Художественный сборникъ стихотвореній для чтенія на литературныхъ вечерахъ, драматическихъ курсахъ, въ концертахъ и театральныхъ дивертисментахъ. Составилъ Иванъ Щегловъ. 568+VII стр. 8 д. л.

Фр. Шпильгагенъ. *Впередъ.* Романъ въ двухъ частяхъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Второе изданіе. 468 стр. 8 д. л.

Гуслярь. Сборникъ стиховъ. 176 стр. 8 д. л.

А. Соколовъ. *По локоть въ золотѣ, по локоть въ крови.* Романъ въ двухъ частяхъ. 364 стр. 8 д. л.

І. Ясинскій. *Повѣсти и разказы.* 243 стр. 8 д. л.

Ев. Тург. *Послѣдніе дни Помпеи.* Передѣлано для отроческаго возраста. 2е изданіе. 183 стр. и 4 рис. 8 д. л.

Стихотворенія крестьянина Спиридона Васильевича Денисова. 20 стр. 8 д. л.

Русская историческая христоматія. Составилъ примѣнительно къ учебнымъ планамъ 1877 года и къ исторіи русской словесности А. Д. Галахова, К. П. Петровъ. Изданіе второе исправленное. VII+645 стр. 8 д. л.

Сборникъ статей по классической филологіи. 1887. Выпускъ I. 314 стр. 8 д. л.

Алфавитный указатель словъ и выраженій, имѣющихъ неправильности или особенности при переводѣ на греческій языкъ. Составилъ Н. И. Кашкадамовъ. 38 стр. 32 д. л.

А. И. Гольденбергъ. *Методика начальной ариѳметики.* 4е изданіе. 192 ст. 8 д. л.

Опытъ рѣшенія численныхъ уравненій высшихъ степеней безъ помощи высшаго анализа. Изслѣдованіе Олимпія Аванчевскаго. VI+132 стр. 8 д. л.

Конспектъ стратегіи. Составленъ офицерами старшаго класса Николаевской Академіи генеральнаго штаба. 149 стр. 8 д. л.

Подробный конспектъ. Война 1805 года. Ульмская операція. Составилъ генералъ-лейтенантъ Лееръ. 71 стр. 8 д. л.

Мысли о кавалерійской службѣ. Сочиненіе фонъ-Розенберга, бывшаго командира Цитенскаго гусарскаго полка. Переводъ со втораго изданія. VIII + 204 стр. 8 д. л.

О самой частой глазной болѣзни у солдатъ и какъ уберегаться отъ нея. Составилъ Dr Рейхъ. 26 стр. 8 д. л.

О вліяніи антипирина на животный организмъ. Диссертація на степень доктора медицины И. Г. Завадовскаго. 122 стр. 8 д. л.

Къ изученію въ медико-топографическомъ и статистическомъ отношеніи губернскаго города Могилева. Диссертація на степень доктора медицины Л. Голынца. 61 стр. 8 д. л.

Къ вопросу о кастраціи при фиброміомахъ матки. Лѣкаря Зворыкина. 91 стр. 8 д. л.

И. Яковлевъ. *Къ вопросу объ обуви.* Матеріалъ для опредѣленія среднихъ размѣровъ колодокъ. Диссертація на степень доктора медицины. 52 стр. 8 д. л.

Н. Батуевъ. *Аналитическія и хирургическія изслѣдованія мочеваго пузыря и мочеиспускательнаго канала.* Диссертація на степень доктора медицины. 52 стр. 8 д. л.

Матеріалы для эпидеміологіи. *Сыпной тифъ въ войскахъ Кавказской арміи въ 1880—1882 годахъ.* (Статистика по этіологіи.) Диссертація на степень доктора медицины И. Взорова. 222 стр. 8 д. л.

О дѣйствіи молока на мочеотдѣленіе и кожно-легочныя потери. Диссертація на степень доктора медицины К. Ф. Закржевскаго. 62 стр. 8 д. л.

О патолого-анатомическихъ измѣненіяхъ элементовъ головнаго мозга въ зависимости отъ искусственно вызваннаго малокровія. Диссертація на степень доктора медицины Владиміра Пекёръ. 120 стр. 8 д. л.

Матеріалы къ вопросу о вліяніи гидро-электрическихъ ваннъ на кожную чувствительность и на артеріальное кровяное давленіе у человѣка. Диссертація на степень доктора медицины А. П. Бабаева-Бабаянъ. 99 стр. 8 д. л.

Записки по клинической хирургіи профессора Богдановскаго, составленныя студентами 5го курса Военно-медицинской академіи. Выпускъ I. Записки 1876 года. 160 стр. 8 д. л.

Въ Москвѣ:

Сочиненія Ю. Ө. Самарина. Томъ шестой. Іезуиты и статьи богословско-философскаго содержанія. Изданіе Д. Самарина. XI+562 стр. 8 д. л.

В. Н. Татищева разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ. Съ предисловіемъ и указаніями Нила Попова. XXVI+171 стр. 8 д. л.

Матеріалы для исторіи Московскаго купечества. Томъ V. 414 стр. 4 д. л.

Сергѣй Алексѣевичъ Усовъ. М. Мензбиръ. 15 стр. 8 д. л.

Московскій пасторъ А. И. Фехнеръ. Дм. Цвѣтаева. 12 стр. 8 д. л.

Альбомъ Московской Пушкинской выставки 1880 года. Второе изданіе Общества Любителей Россійской Словесности, подъ редакціей дѣйствительнаго члена Льва Поливанова. 1) Біографическій очеркъ А. С. Пушкина. Составилъ А. А. Венкстернъ. 2) 62 фотогравюры и фотолитографіи художника М. М. Панова и три политипажа. VI+163 стр. 4 д. л.

Полное изданіе сочиненій А. С. Пушкина, состоящее изъ 12 частей. Съ приложеніемъ біографіи поэта, торжества открытія ему памятника въ Москвѣ и юбилея пятидесятилѣтія. Изданіе С. И. Леухина. 8 д. л.

Евгеній Онѣгинъ. Романъ въ стихахъ А. С. Пушкина. Изданіе Общества Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, подъ редакціей дѣйствительнаго члена В. Е. Якушкина. 306 стр. 8 д. л.

Московскій сборникъ изъ произведеній М. Д. Скобелева, И. С. Аксакова, В. С. Соловьева, О. Ө. Миллера, А. А. Кирѣева, А. М. Колловича, П. И. Аристова и др. Подъ редакціей Сергѣя Шарапова. XXXII+292 стр. 8 д. л.

Сборникъ пѣсенъ русскаго народнаго пѣвца Дмитрія Александровича Агренева-Славянскаго, съ приложеніемъ его портрета и факсимиле. V+156 стр. 8 д. л.

Супружескія тайны. Юмористическій романъ со 100 рисунк. В. Буша. 2е изданіе. 74 стр. 8 д. л.

Семь противъ Ѳивъ. Трагедія Эсхила. Перевелъ В. Г. Аппельротъ. 50 стр. 8 д. л.

Г. Веллеръ. *Латинскій Геродотъ.* Для II класса гимназіи обработалъ С. Любомудровъ. VIII+102 стр. 8 д. л.

Латинская грамматика преимущественно по руководствамъ Dr Фердинанда Шульца, обработанная для русскихъ Юріемъ

Ходобаемъ. Курсъ гимназическій. Изданіе седьмое, вновь просмотрѣнное и дополненное. II + 308 стр. 8 д. л.

Учебникъ русской грамматики. *Русская и церковно-славянская этимологія для среднихъ учебныхъ заведеній.* Составилъ Левъ Поливановъ. Изданіе 9е, исправленное. XV+124+20+29+28+6 стр. 8 д. л.

Новая исторія. Д. И. Иловайскаго. Средній курсъ. Въ переводѣ на французскій и нѣмецкій языки. Съ подробнымъ подстрочнымъ словаремъ и примѣчаніями. Пособіе при занятіяхъ новыми языками въ среднихъ и старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній и для самообученія. VIII + 368 стр. 8д. л.

Учебникъ педагогики. Основанія психологіи и логики въ связи съ педагогическими примѣненіями. Для средне-учебныхъ заведеній. Сост. Т. Докучаевъ. X + 378 стр. 8 д. л.

Курсъ линейной перспективы. Съ приложеніемъ 15 листовъ чертежей. Составили А. Павловъ и Ивановъ. 70 стр. 8 д. л.

Водяныя растенія для акваріумовъ комнатныхъ, садовыхъ и оранжерейныхъ. Руководство къ уходу, воспитанію и размноженію этихъ растеній. Н. Ѳ. Золотницкаго. Съ 53 политипажами. IV + 279 стр. 8 д. л.

Объ алкогольномъ параличѣ. Сергѣя Корсакова. Диссертація на степень доктора медицины. 462 и 16 рис. 8 д. л.

О патолого-анатомическихъ измѣненіяхъ селезенки при возвратной горячкѣ. Диссертація на степень доктора медицины, лѣкаря М. Никифорова. 90 стр. и 2 табл. 8 д. л.

Молоко петербургскихъ коровъ и условія его контроля на рынкахъ. Диссертація на степень доктора медицины Святослава Розанова. 96 стр. 8 д. л.

Матеріалы для изслѣдованія вліянія учебныхъ заведеній на физическое развитіе учащихся. Диссертація на степень доктора медицины, А. В. Бѣляева. 178 стр. 8 д. л.

J. Dejerine. *Наслѣдственность и болѣзни нервной системы.* 69 генеалогическихъ таблицъ; изъ нихъ 4 внѣ текста. Переводъ съ французскаго, врача Н. Савельева. 209 стр. 8 д. л.

О сухихъ и горячихъ ваннахъ при сифилисѣ. Dr А. Д. Степанова. 70 стр. 8 д. л.

—

Въ Кіевѣ.

Гербертъ или папа Сильвестръ II. Сочиненіе студента А.Ороваго, удостоенное историко-филологическимъ факультетомъ золотой медали. 199 стр. 8 д. л.

[illegible]

[illegible]

[illegible] *Дифференціальныя уравненія перваго порядка съ двумя перемѣнными.* [illegible] 174 + II стр. 8 д. л.

[illegible] Статистическія и историческія [illegible] мѣстностяхъ въ этихъ [illegible] подробными картами ихъ. Собралъ Лаврентій [illegible] IX + [illegible] стр. 8 д. л.

[illegible] Руководство для студентовъ и [illegible] А. [illegible] Третье исправленное изданіе со 157 [illegible] VIII + 810 стр. 8 д. л.

[illegible]

[illegible] *сочиненіямъ Филарета митрополита* [illegible] А. Городковъ. 8 д. л.

[illegible] Е. А. Нефедьева [illegible] изданіе. 170 стр. 8 д. л.

[illegible] Морфологія и систематика растеній. Проф. [illegible] III + 464 + IV стр. 8 д. л.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Самоучитель геометріи для ремесленниковъ. Часть первая. Издали М. А. Тюфилинъ и Г. Б. Рушъ. II+80 стр. 8 д. л.

Систематическій курсъ ариѳметики, приспособленный къ наглядному преподаванію, съ задачами, составленный Д. Адамантовымъ и В. Владимірской. Выпускъ I. 391 стр. 8 д. л.

В. М. Ключниковъ. *Три разказа.* 449 стр. 8 д. л.

Драматическій геній А. С. Пушкина. А. Н. Кремлева. 61 стр. 8 д. л.

—

Въ Харьковѣ:

Проф. В. К. Надлеръ. *Миѳическій элементъ въ исторіи.* Публичная лекція.

Dr Jreland. *Психозы въ исторіи.* Переводы М. С. Буба. Подъ редакціей проф. П. И. Ковалевскаго. Изданіе 2е, дополненное. 172 стр. 8 д. л.

Императоръ Александръ I и идея Священнаго Союза. Профессора В. К. Надлера. Томъ III. V+IV+432 стр. 8 д. л.

H. V. Ziemssen. Руководство къ частной патологіи и терапіи. Второе, вновь обработанное изданіе. Томъ десятый. *Болѣзни женскихъ половыхъ органовъ.* Покойнаго Dr C. Schröder'a, профессора въ Берлинѣ. Переводъ съ седьмаго изданія. Д. Фридберга и Б. Хавкина. Со 185 рисунками. VIII+543 стр. 8 д. л.

—

Въ Дерптѣ:

Русская христоматія для эстонскихъ начальныхъ училищъ съ приложеніемъ русско-эстонскаго словаря. Составилъ М. Поска. 136 стр. 8 д. л.

—

Въ Варшавѣ:

Уставъ о нак. налаг. мир. судьями. Руководство для мировой юстиціи царства Польскаго. В. П. Ломновскаго. II+620 стр. 8 д. л.

Въ Нижнемъ Новгородѣ:

Нижегородскій сборникъ издаваемый Статистическимъ Комитетомъ подъ редакціей дѣйствительнаго члена и секретаря комитета А. С. Гацискаго. Томъ VII. XIV+590 стр. 8 д. л.

—

Въ Ригѣ:

Краткіе очерки исторіи Россіи. Составилъ А. Мосговскій. Изданіе второе. 50 стр. 8 д. л.

Исторія Ливоніи съ древнѣйшихъ временъ. Т. II, стр. 257—462, 8 д. л.

Въ Ярославлѣ:

Евгеній Онѣгинъ А. С. Пушкина. Разборъ романа. Составилъ Е. Воскресенскій. 54 стр. 8 д. л.

—

Въ Тифлисѣ:

Научныя бесѣды врачей Закавказскаго повивальнаго института, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Ольги Θеодоровны. Годъ второй. II+VIII+412 стр. 8 д. л.

—

Въ Житомірѣ:

Справочная книжка Житомірской городской полиціи составленная житомірскимъ полицеймейстеромъ Т. I. Вержбицкимъ. 109+30 стр. 8 д. л.

—

Въ Могилевѣ-на-Днѣпрѣ:

Математическая теорія Еврейскаго календаря. Изслѣдованья Іосифа Лурье. IX+152 стр. 8 д. л.

—

Въ Плоцкѣ:

Военно-историческій очеркъ 22го пѣхотнаго Нижегородскаго Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Вѣры Константиновны полка. Составлено командиромъ полка полковникомъ Кирсановымъ при содѣйствіи поручика Выржисовскаго. VII+50 стр. 8 д. л.

—

Во Владикавказѣ:

Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи отъ Судебниковъ до настоящаго времени. Михаила Ступина. 143 стр. 8 д. л.

—

Въ Кишиневѣ:

Практическое руководство къ употребленію способа координатъ при землемѣрныхъ дѣйствіяхъ. Съ прибавленіемъ практическихъ совѣтовъ относительно съемокъ посредствомъ астролябіи для полученія по возможности болѣе вѣрныхъ результатовъ. Составлено для землемѣровъ не ознакомленныхъ съ теоріей координатъ бессарабскимъ губернскимъ землемѣромъ А. Пожарискимъ. VII+384 стр. 8 д. л.

—

Въ Вяткѣ:

О жестокословныхъ порицаніяхъ на нѣкоторые именуемые старые обряды, содержащихся въ полемическихъ противо-раскольническихъ сочиненіяхъ нашего времени. Составилъ Ст. Немерцаевъ. 42 стр. 8 д. л.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

I.

Торжество на Дону.

Моск. Вѣд. № 131, 13 мая.

6 мая, въ Новочеркаскѣ, „въ кругу доблестныхъ Донцовъ“ Государь Императоръ „вручилъ перначъ Наслѣднику Цесаревичу“, пріявшему новыя обязанности „на службу дорогому Отечеству“. „Трогательно и радостно“ было торжество принятія регалій, символовъ этой „службы“, „юному Атаману“, какъ сказано въ Царской грамотѣ, „вѣрнаго и доблестнаго Войска“, „начавшаго свое служеніе Россіи въ періодъ зараждавшагося развитія ея могущества“ и въ теченіе болѣе трехъ столѣтій продолжавшаго „ревностно служить Престолу и Отечеству“ съ „безпредѣльною преданностью“, „стоя передовымъ оплотомъ на рубежахъ государства, окруженное со всѣхъ сторонъ сильнымъ непріятелемъ“. „Могучею грудью Войско Донское“, а съ нимъ и все казачество, „охраняло эти рубежи и содѣйствовало расширенію предѣловъ Царства Русскаго“. И этого мало. „Знаменитое казацкое войско, въ годины тяжкихъ испытаній“ ниспосылавшихся нашему отечеству, „съ самоотверженіемъ“ посылало своихъ „храбрыхъ“ сыновъ въ ряды арміи „всюду гдѣ того требовали нужды и

пользы государства“, и всюду „доблестное“ воинство „совершало блистательные подвиги“, покрывъ русскія знамена „всемірною славой“ и „пріобрѣтя себѣ признательность благодарнаго отечества“.

Таковы заслуги и преданія стараго казачества, таковъ данный имъ потомству завѣтъ, блюсти который Державною волей призванъ „Юный Атаманъ“. „Трогательно и радостно“ было Ему принятіе этого завѣта. Въ этихъ чувствахъ слилось съ нимъ все казачество, весь Русскій народъ, всегда готовый „могучею грудью“ и „съ безпредѣльною преданностью“ служить Престолу и Отечеству.

Казачество всегда было, есть и пребудетъ выраженіемъ народной мощи и разума. „Въ воздаяніе вѣковыхъ заслугъ“ казачества, Войску Донскому подтверждена „нерушимость настоящаго образа его служенія“ и выражена Царская увѣренность что „сыны Дона потщатся и впредь сохранить славное и почетное званіе преданныхъ слугъ и охранителей Престола и Отечества“.

Царская грамота, вспоминая прошлое и подтверждая „нерушимость настоящаго образа служенія“ казачества, указываетъ что его призваніе и историческая задача „стоять оплотомъ на рубежахъ“, „охранять эти рубежи“ и „содѣйствовать расширенію предѣловъ Царства Русскаго“ не кончены, что къ славному прошлому казачество призвано стяжать славное будущее, служа „развитію могущества“ Россіи.

Россія не знаетъ колоній и растетъ не скачками, а естественнымъ, здоровымъ ростомъ, могучею рукой шагъ за шагомъ расширяя свои предѣлы и вмѣстѣ съ тѣмъ внося во вновь приставшія страны свою гражданственность: казакъ является и воиномъ, и колонизаторомъ. Такъ въ лицѣ казачества прошелъ Русскій народъ Сибирью, Кавказомъ, такъ идетъ онъ теперь степями и песками Средней Азіи.

Были, пожалуй и есть, *невѣгласи*, мнившіе что казачество отжило свое время и искавшіе замѣнить его историческую роль другою... Но событія показали ложь такихъ мнѣній. Зародился вольный казакъ, и зародился именно тамъ гдѣ ему быть слѣдуетъ. Расширялись границы Россіи, умножалось и ея казачество, и шло туда куда было нужно, шло всегда, какъ теперь, „вольнымъ казакомъ“ самоотверженно служить Престолу и Отечеству, внося въ страны далекія Вѣру Отцовъ и славу русскаго имени. Служило казачество

и пѣшимъ, и коннымъ, и въ легкихъ стругахъ по морямъ плавало. Тучею надвинулось оно къ морю Черному, „еже море словеть Руское“, и неизбѣжно должно пройти всѣмъ его берегомъ, сѣсть и служить „оплотомъ“ тамъ куда тщетно было бы стараться призвать какое-либо другое населеніе. Войско Донское—колыбель казачества. Царская грамота подтверждаетъ „неприкосновенность всѣхъ выгодъ, угодій и окружности владѣній его, пріобрѣтенныхъ трудами, заслугами и кровію и утвержденныхъ за войскомъ Монаршими грамотами“. „Трудами, заслугами и кровью“ пройдетъ казачество и далѣе, пріобрѣтая, какъ и прежде, новыя выгоды, угодія и новыя земли. Обширна „окружность владѣній“ казачества, но растетъ и оно само, и естественнымъ своимъ ростомъ, и стороннею прибылью, „вольнымъ казачествомъ“. Служба казачества нуждается въ просторѣ и вольныхъ угодьяхъ. На Дону и „на линіи“ казачеству давно уже становится тѣсно; но въ Россіи есть земли „не дѣленыя“, есть границы, есть рубежи которые придется „охранять могучею грудью“. Вотъ куда долженъ направиться казачій потокъ, избытокъ жизненныхъ силъ казачьяго войска.

Казачество, говорили иные, отжило свое время, казаки потеряли свою „естественную воинственность“, переходившую наслѣдственно отъ отцовъ къ дѣтямъ... Служа внутри и на границахъ, въ мирное время и въ войнѣ по всему лицу земли Русской, могъ ли казакъ утратить сознаніе народной мощи и разума русской жизни? Могъ ли онъ утратить и свою „естественную“ воинственность, способность и силу стоять грудью и лечь костьми „за землю Русскую“? Пока Царская грамота будетъ охранять „ненарушимость настоящаго образа служенія“ казачества, дотолѣ имя казака какъ воина останется грознымъ для всѣхъ сущихъ и будущихъ недруговъ Россіи.

Предъ „юнымъ Атаманомъ“ 6 мая стройною бригадой прошли на коняхъ казачьи,—не малолѣтки, нѣтъ,—прошли дѣти, отъ одиннадцати и даже десяти лѣтъ, до четырнадцати. „На коняхъ, говоритъ очевидецъ, мальчики сидѣли какъ настоящіе наѣздники, казаки.“ Это было особенностью, *новинкой* парада 6 мая и вмѣстѣ доказательствомъ что въ казачествѣ изъ роду въ родъ передаются любовь къ службѣ и воинскіе навыки. Казачье войско не сторонится, но, какъ и прежде, ищетъ службы, готовясь къ ней съ нѣжнаго возраста. На Дону и

въ другихъ казачьихъ земляхъ, за военнымъ дѣломъ и его развитіемъ слѣдятъ болѣе нежели гдѣ бы то ни было. Это тоже дѣло привычное. Мѣнялись военныя требованія, мѣнялись и казачьи сноровки, точно такъ же какъ искони иначе дѣйствовалъ казакъ въ Сибири, на Кавказѣ и „въ степяхъ". Умѣлъ мѣняться казакъ въ своей боевой службѣ, умѣлъ онъ и приноравливаться къ разнообразнымъ условіямъ своей „мирной службы", къ новымъ условіямъ жизни и климату тѣхъ странъ гдѣ онъ селился. Всегда и вездѣ казакъ былъ грознымъ воиномъ и прочнымъ колонизаторомъ, котораго не смущали ни снѣга Сибири, ни „пески" степей, ни горы Дагестана, ни лѣса Чечни. Колонизаторъ-казакъ стяжалъ такую же „всемірную славу" какъ и казакъ-воинъ. Въ этомъ его сила, его историческая особенность, *его культура*, залогъ успѣховъ его грядущей службы Престолу и Отечеству.

II.

Балканскія дѣла.

Моск. Вѣд. № 122, 4 мая.

Министерскій кризисъ въ Сербіи продолжается уже болѣе мѣсяца. Въ чемъ собственно заключается этотъ „кризисъ", оказалось ли что кто-либо изъ теперешнихъ министровъ не оправдалъ довѣрія короля Милана, или же тотъ или другой изъ нихъ, а можетъ-быть и всѣ вмѣстѣ, оказались неспособными къ управленію страной,—мы этого не знаемъ. Режимъ кабинета Гарашанина именно въ томъ и выражается и потому только цѣнится среднеевропейскими политиками что онъ долженъ довести Сербію, страну населенную народомъ единоплеменнымъ и единовѣрнымъ съ Русскимъ народомъ, до полнаго отчужденія отъ Россіи. Режимъ этотъ практикуется ужь въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ, и бѣлградское правительство успѣло вполнѣ подчиниться „сферѣ мощи" сосѣдней, чуждой Сербскому народу, Габсбургской монархіи. Все это, если и не подорвало глубокихъ симпатій Россіи къ Сербскому народу, успѣло однако вызвать въ ея общественномъ мнѣніи нѣкоторое равнодушіе къ общему ходу сербскихъ дѣлъ, направляемыхъ по иниціативѣ короля Милана министрами въ родѣ Гарашанина и Міятовича. Въ

то время какъ въ Вѣнѣ и Пештѣ тревожно слѣдятъ за всякою личною перемѣной въ составѣ Сербскаго кабинета, въ Россіи подобныя, чаемыя или дѣйствительно наступившія, перемѣны не производятъ уже никакого впечатлѣнія. Доколѣ общее направленіе политики Сербіи продолжаетъ быть противнымъ народному духу, въ Россіи не интересуются вопросомъ кому изъ своихъ лже-совѣтниковъ король Миланъ предоставитъ тотъ или другой портфель. Въ Россіи не сомнѣваются что всѣ эти фальшивыя комбинаціи не въ состояніи совратить Сербскій народъ съ пути предопредѣленнаго исторіей.

О ходѣ теперешняго „кризиса" мы освѣдомляемся большею частію изъ свѣдѣній вѣнскихъ и пештскихъ газетъ. Затѣмъ, между прочимъ, вотъ что̀ пишетъ, отъ 7 мая, вѣнскій корреспондентъ *Кельнской Газеты*, несомнѣнно сочувствующей направленію политики кабинета Гарашанина: „Съ того времени какъ изъ Сербіи изгнаны всѣ безпристрастные корреспонденты, приходится довольствоваться свѣдѣніями о ходѣ дѣлъ при Бѣлградскомъ дворѣ, добытыми изъ вторыхъ рукъ и передаваемыми большею частью устно, такъ какъ всѣ сколько-нибудь подозрительныя письма сданныя на почту въ Бѣлградѣ безцеремонно вскрываются и уничтожаются. Вчера я, въ мѣстности между Землиномъ и Новымъ-Садомъ, очутился въ обществѣ Сербовъ изъ Венгріи, отъ которыхъ слышалъ только тревожныя вѣсти о положеніи Сербіи. Король Миланъ потерялъ де всякую популярность вслѣдствіе своей расточительности, повлекшей за собою неблаговидныя финансовыя траты. Управленіе государствомъ вполнѣ де расшатано. Генералъ Хорватовичъ, человѣкъ не поступающійся своею честью, вынужденъ былъ оставить постъ военнаго министра, такъ какъ онъ не могъ помириться съ теперешними порядками и отчаивается въ будущности страны. Если что̀ еще можетъ спасти Сербскую династію и самую страну отъ страшнаго переворота, то развѣ министерство г. Ристича, съ мыслію о которомъ помирились уже, какъ увѣряютъ, даже въ Вѣнѣ. Но печальнѣе всего представляется внутреннее положеніе страны, главнымъ образомъ ея финансовое разореніе. Государственныя кассы пусты, новыхъ налоговъ не придумаешь, еще менѣе возможно возвысить существующіе. Между тѣмъ расходы все растутъ вслѣдствіе возрастающаго итога процентовъ по государственнымъ займамъ сдѣланнымъ

для усиленія арміи. О новыхъ займахъ и помышлять нельзя скорѣе приходится думать о нѣкоей реформѣ, которую въ Сербіи именуютъ консолидированіемъ государственнаго долга съ цѣлію пониженія размѣра уплачиваемыхъ процентовъ, но которая на общечеловѣческомъ языкѣ называется государственнымъ банкротствомъ...“ Въ Берлинѣ тоже тревожатся теперешнимъ положеніемъ сербскихъ дѣлъ, и *Національная Газета* посвятила имъ 12 мая передовую статью, въ которой выводитъ что государственный долгъ Сербіи начиная съ восьмидесятыхъ годовъ возросъ непомѣрно. Этотъ долгъ, семь лѣтъ тому назадъ не превышавшій 8 милліоновъ, теперь простирается до 250 милліоновъ франковъ! „Соотвѣтственно этому увеличились число и тяжесть введенныхъ Гарашанинымъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ. Все это, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, отозвалось весьма неблагопріятно на настроеніи народныхъ массъ, выразившемся въ отчаянномъ революціонномъ движеніи среди сельскаго населенія, которое было подавлено лишь кровавою расправой. Нѣтъ сомнѣнія что причиной тому не одно только внутреннее управленіе страной, но и иностранная политика Гарашанина, направленная къ тѣсному сближенію съ Австро-Венгріей.“

Тревога овладѣвшая, въ виду этихъ свѣдѣній, политическими сферами Австро-Венгріи показываетъ что тамъ страшатся не личныхъ перемѣнъ въ составѣ Сербскаго правительства, а перемѣны самаго направленія бѣлградской политики, страшатся какъ бы въ Бѣлградѣ бразды правленія не попали въ руки лицъ извѣстныхъ своими симпатіями къ Россіи и способныхъ „привлечь къ себѣ расположеніе Сербскаго народа, *въ большинствѣ котораго найдется весьма мало элементовъ дружелюбно расположенныхъ къ Австро-Венгріи*“, какъ созналась на дняхъ одна вѣнская газета. Насколько основателенъ этотъ страхъ, мы оставляемъ судить австрійскимъ газетамъ. Насъ болѣе интересуетъ въ данномъ случаѣ причина вызвавшая этотъ страхъ,—призракъ котораго такъ испугались и на который такъ настойчиво указываютъ въ Вѣнѣ и Пештѣ.

Королева Сербская Наталія отправилась на нѣкоторое время въ Россію, и поѣхала къ намъ не одна; она взяла съ собой единственнаго сына своего Александра, одиннадцатилѣтняго наслѣдника сербскаго престола. Какъ было не испугаться мнимымъ друзьямъ Сербіи?

Врачи посовѣтовали королевѣ Наталіи, для возстановленія ея здоровья, пользоваться нѣкоторое время морскими купаньями. Можно ли удивляться что она, выросшая и разцвѣтшая близь береговъ Чернаго Моря въ Россіи, пожелала искать здоровья въ волнахъ именно этого моря? Можно ли удивляться что у матери явилось желаніе познакомить сына со своею родиной, со своимъ бывшимъ отечествомъ, съ которымъ она до сихъ поръ соединена близкими узами кровнаго родства. Всѣ недвижимыя имѣнія королевы Наталіи и ея двухъ сестеръ, рожденныхъ Кешко, находятся въ Бессарабской и Херсонской губерніяхъ. Въ Одессѣ до послѣдняго времени находилось еще учрежденное тамъ опекунское управленіе надъ имуществомъ наслѣдницъ Кешко, находящимся въ ихъ общемъ и нераздѣльномъ владѣніи.

Какъ же отнеслись въ Австро-Венгріи къ этой поѣздкѣ королевы Наталіи въ Россію? При первыхъ слухахъ о намѣреніи ея предпринять подобную поѣздку, въ Вѣнѣ объявили ихъ лишенными всякаго смысла и прямо заявили что подобный шагъ съ ея стороны равнялся бы измѣнѣ!! Сербская королева, предпочитающая поѣздкѣ въ Геркулесбадъ, для свиданія съ пребывающею тамъ императрицей Австрійскою, поѣздку на южный берегъ Крыма,—да это немыслимо, несообразно съ воззрѣніями короля Милана, „воля котораго одна еще управляетъ Сербіей"! Но когда слухи стали повторяться настойчивѣе, когда извѣстіе о поѣздкѣ королевы Наталіи въ Россію не могло болѣе подвергаться сомнѣнію, въ Вѣнѣ, а въ особенности въ Пештѣ, пустили въ ходъ инсинуаціи, клеветы, похожія болѣе на пошлую и низкую сплетню, отъ которыхъ сколько-нибудь уважающая себя печать обязана воздерживаться.

Мы вполнѣ понимаемъ какое чувство отвращенія должно было овладѣть королевой Наталіей отъ этой выходки австровенгерскихъ друзей Сербіи; мы понимаемъ почему она избѣгала выйти на территорію сосѣдней державы и изъ Турнъ-Северина, пограничнаго пункта Сербіи, до котораго она доѣхала на пароходѣ, избрала путь прямо въ Букурештъ чтобъ оттуда на Яссы, Кишиневъ и Одессу, все родныя ей мѣста, направиться въ Крымъ.

Будемъ надѣяться что королева Наталія на родинѣ своей не только возвратитъ себѣ физическія силы, но и возобновитъ въ себѣ чувство любви и привязанности къ своему прежнему отечеству, что она внушитъ ихъ и сыну своему...

Моск. Вѣд. № 126, 8 мая.

Болгарскій вопросъ, столь долго занимавшій политическіе умы „Европы“, недавно поднятая въ Берлинѣ полемика о томъ что̀ создало для Австро-Венгріи титулъ владѣнія Босніей и Герцеговиной, отдѣльное ли соглашеніе ея съ Россіей, состоявшееся будто въ 1877 году, или же постановленіе европейскаго ареопага въ 1878 году, въ предсѣдательствѣ князя Бисмарка,—все это отступило на задній планъ. Въ Австро-Венгріи объ одномъ только говорятъ, объ одномъ пишутъ, однимъ озабочены: какъ окончится министерскій кризисъ въ Сербіи, останется ли тамъ правительственная власть въ рукахъ кабинета Гарашанина, или же она перейдетъ въ руки г. Ристича и его партіи. Что̀ же вызвало тамъ такой переполохъ?

„Когда Берлинскій конгрессъ разрѣшилъ Австріи занять своими войсками Боснію и Герцеговину, говоритъ *Neue Freie Presse,* совершилось само собою раздѣленіе сферъ мощи на Балканскомъ полуостровѣ между этою державой и Россіей. Наша монархія, опасаясь вреднаго притяженія которое могла произвесть враждебная ей Сербія на вновь пріобрѣтенную провинцію, должна была немедленно подумать о моральныхъ завоеваніяхъ въ Сербіи, гдѣ въ то время преобладало могущественное вліяніе Россіи. Побѣда оказалась блестящею, поскольку она одержана была надъ королемъ Миланомъ и офиціальными сферами его правительства.“ Россія не могла де обижаться на такое вытѣсненіе ея вліянія изъ Сербіи, разсуждаетъ вѣнская газета, такъ какъ Австро-Венгрія предоставила ей исключительное вліяніе въ Болгаріи. Но Россія не сумѣла де воспользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ въ Софіи и, потерявъ по своей винѣ предоставленную ей тамъ позицію, помышляетъ теперь о реваншѣ въ другомъ мѣстѣ и обратила свои взоры на Сербію, гдѣ все еще имѣется весьма сильная партія питающая политическія симпатіи къ Россіи. Затѣмъ, приписывая непосредственнымъ интригамъ Россіи въ Бѣлградѣ внезапное рѣшеніе г. Гарашанина подать въ отставку, и упустивъ совершенно изъ виду печальное внутреннее положеніе до котораго довело Сербію управленіе этого министерства и о которомъ уже открыто говорятъ теперь и въ Австріи и въ Германіи, *Neue Freie Presse* приходитъ къ страннымъ выводамъ. По мнѣнію этого биржеваго листка, „поѣздка на воды королевы какой-либо страны

обыкновенно бываетъ внѣ всякой связи съ политикой этой страны, руководимою ея супругомъ, хотя бы и доказано было что королева ищетъ перемѣны мѣста вовсе не по совѣту врачей". Но бываютъ исключенія, и такимъ исключеніемъ является де предпринятая королевой Наталіей поѣздка въ Крымъ. Русская партія въ Сербіи всѣ де надежды свои полагаетъ на королеву Наталію, Русскую по происхожденію. Хотя король Миланъ до сихъ поръ и сумѣлъ дать отпоръ русской партіи и замышляемому ею перевороту, но теперешняя поѣздка королевы, состоящая де въ несомнѣнной связи съ возникшимъ въ Бѣлградѣ министерскимъ кризисомъ и указывающая что въ тамошнихъ руководящихъ сферахъ произошло шатаніе, должна неминуемо обратить на себя серіозное вниманіе. Послѣдній министерскій кризисъ даетъ де Австро-Венгріи предостереженіе чтобъ она не лишилась столь трудно доставшагося ей положенія въ Бѣлградѣ и употребила всѣ усилія удержать его за собою. „Наша политика обязана стремиться къ укрѣпленію своему въ Сербіи и не успокоиваться на томъ что г. Ристичъ располагаетъ незначительнымъ числомъ голосовъ въ скупщинѣ. Еслибъ и его приверженцы въ странѣ были малочисленны, тогда постъ нашего представителя въ Бѣлградѣ могъ бы считаться совершенно спокойнымъ. Но мы знаемъ какъ производятся выборы въ полуазіятскихъ странахъ и какъ легко тамъ правительству, если оно хоть сколько-нибудь обладаетъ ловкостію, составить себѣ большинство. Мы поэтому придаемъ важное значеніе симптомамъ проявляющимся теперь въ Бѣлградѣ, и надѣемся что наше правительство зорко будетъ наблюдать за всѣмъ что̀ тамъ происходитъ; ему нужно быть и осторожнымъ, и рѣшительнымъ, дабы въ одинъ прекрасный день не оказалось что единственное южно-дунайское государство которое мы считаемъ своимъ другомъ не отпало отъ насъ. *Мы много сдѣлали чтобы склонить на свою сторону короля и правительство Сербіи, постараемся же завербовать и Сербскій народъ.*"

Сколько въ этихъ фразахъ непритворной лжи, какая циническая откровенность!

Правда, въ Сербскомъ народѣ живетъ глубокая симпатія къ народу Русскому, правда, что политическіе дѣятели мечтающіе о возстановленіи въ Сербіи вліянія русской политики насчитываютъ множество приверженцевъ въ народной средѣ. Но что̀ изъ этого? *Полуазіятское* управленіе (такъ величается

управленіе любезнаго Австріи г. Гарашанина), къ счастію, обладаетъ де достаточною ловкостію и заручилось нужнымъ ему большинствомъ въ скупщинѣ. Этимъ слѣдуетъ воспользоваться, не для блага Сербскаго народа разумѣется, во враждебныхъ ему интересахъ Австро-Венгріи и поддерживать это фальшивое большинство всѣми неправдами.

Государственные люди стоящіе во главѣ правительства Австро-Венгріи, доказываетъ другая газета, *Пештскій Ллойдъ*, считаютъ своею обязанностію „не вмѣшиваться непріятнымъ образомъ, in unliebsamer Weise, во внутреннія дѣла Сербіи". Если голосъ Австро-Венгріи и раздается въ Бѣлградѣ, то лишь въ видѣ дружелюбнаго совѣта, преисполненнаго де заботливости о благополучіи сосѣдняго королевства, и нѣтъ де сомнѣнія что „развитіе и благосостояніе Сербіи, замѣчаемыя въ послѣднее время, доказываютъ что эта страна не должна раскаиваться въ своей дружбѣ и тѣсномъ сближеніи съ Австро-Венгріей". Такъ утверждаетъ мадьярскій листокъ, въ то время какъ въ Берлинѣ также боятся перемѣны въ направленіи иностранной политики Сербіи и съ этой точки зрѣнія тревожатся за кабинетъ Гарашанина, причину же нежелательнаго кризиса видятъ въ бѣдственномъ положеніи до котораго доведена Сербія мадьярскою политикой. Венгрія, страна преимущественно земледѣльческая, такъ доказывала на дняхъ полуофиціозная *Національная Газета*, не можетъ никоимъ образомъ допустить чтобъ естественныя произведенія Сербіи, ея хлѣбъ и еще менѣе ея скотъ, имѣли свободный доступъ въ ея предѣлы или даже шли черезъ нее транзитомъ въ другія государства. Она достигаетъ этого не только высокими таможенными пошлинами, но главнымъ образомъ административными мѣрами, коими она почти запираетъ сербскую границу, какъ и съ другой стороны границу Румыніи, отъ перехода черезъ нее сербскаго скота, въ предупрежденіе будто заноса чумы въ свои предѣлы. Это де, по мнѣнію берлинской газеты, довело до угнетенія сельское хозяйство Сербіи и до разоренія жителей цѣлыхъ округовъ ея, и безъ того обремененныхъ тягостными налогами для уплаты процентовъ по займамъ заключеннымъ въ Австро-Венгріи на самыхъ невыгодныхъ условіяхъ и еще съ тѣмъ что лишь половина займовъ выдана была наличными суммами, другая же половина доставлена была, какъ увѣряетъ *Національная Газета*, въ видѣ не совсѣмъ доброкачественнаго военнаго матеріала.

При всемъ томъ *Пештскій Ллойдъ* нахально спрашиваетъ сербскихъ патріотовъ, что ожидаетъ ихъ отъ возстановленія въ ихъ странѣ вліянія Россіи? Доказано де что Россія варварски обходится со славянскими народностями, добровольно или въ силу обстоятельствъ попавшими въ сферу ея мощи, и въ доказательство ссылается на Болгарію, народъ которой, въ короткій періодъ времени, возненавидѣлъ де своихъ русскихъ освободителей хуже Турокъ.

Мы не станемъ спорить съ мадьярскимъ листкомъ о томъ, больше ли ненавидятъ Русскихъ въ Болгаріи чѣмъ Австрійцевъ и Мадьяръ въ Сербіи. Принимаемъ лишь къ свѣдѣнію что, по собственному сознанію нашихъ среднеевропейскихъ противниковъ, Болгарія успѣла де освободиться отъ вліянія Россіи. Стало-быть и Сербіи пора стряхнуть съ себя не мнимое, а дѣйствительное иго австро-мадьярское?

Моск. Вѣд. № 131, 13 мая.

Намъ пишутъ изъ Яссъ:

Третьяго числа текущаго мая Сербская королева прибыла въ Яссы и провела здѣсь сутки, въ теченіе которыхъ она была предметомъ настоящей оваціи со стороны всего населенія безъ различія классовъ. Хотя королева заявила о своемъ желаніи сохранить самое строгое инкогнито, такъ какъ она остановилась въ Яссахъ только для того чтобы посѣтить свою бабку, гжу Розновано, вся лучшая часть общества сочла за честь встрѣтить ея величество на вокзалѣ и засвидѣтельствовать ей свое уваженіе и сочувствіе. На пути своего слѣдованія по улицамъ города королева была встрѣчена восторженнымъ и искреннимъ *ура* народа, несмотря на то что полиція употребила всѣ старанія къ тому чтобъ удалить толпу, увѣряя ее что королева нездорова и что ее слѣдуетъ избавить ото всякаго утомленія, шума и *пріема,* хотя бы и не офиціальнаго. Но эта уловка не удалась. Народный инстинктъ сообразилъ вполнѣ что овація сдѣланная королевѣ Наталіи будетъ прямымъ ударомъ королю-Нѣмцу, вслѣдствіе контраста съ пріемомъ оказаннымъ ему въ томъ же городѣ всего за нѣсколько дней.

По прибытіи въ домъ гжи Розновано, въ которомъ королева и остановилась, она прежде всего посѣтила домовую церковь, гдѣ викаріемъ митрополита былъ отслуженъ молебенъ. Митрополитомъ былъ для службы присланъ его хоръ

пѣвчихъ. Затѣмъ королева посѣтила соборъ и отправилась въ него чрезъ площадь пѣшкомъ. (Домъ Розновано находится на соборной площади.) Ея величество прошла одна безо всякаго конвоя черезъ густую толпу, которая оглашала площадь громкими *ура*. Регентъ митрополичьяго хора прощаясь съ Г. Николаемъ Розновано, дядей королевы, сказалъ ему: „по крайней мѣрѣ мы молились за королеву *православную*." Въ разговорахъ со своими родными королева постоянно и съ волненіемъ упоминала о своей радости снова увидать Россію.

Моск. Вѣд. № 130, 12 мая.

По возвращеніи Румынскаго короля Карла изъ недавней поѣздки его въ Яссы на празднество освященія древне-православнаго храма, возобновленнаго въ столицѣ Молдавіи, кабинетъ г. Братіано разослалъ чрезъ вѣнское *Correspondenz-Bureau* напыщенную реляцію о торжественной встрѣчѣ, устроенной будто бы населеніемъ королю, и объ энтузіазмѣ охватившемъ при видѣ короля народныя массы, осчастливленныя де его правленіемъ. Среди трескучихъ фразъ, помѣщена была одна гласившая что въ Яссахъ отыскалось „нѣсколько безумныхъ головъ" дерзнувшихъ омрачить празднество въ Яссахъ дерзкою выходкой, тутъ же подавленною вѣрными подданными короля, поспѣшившими возстановить порядокъ.

Между тѣмъ, въ издающейся въ Букурештѣ газетѣ *Indépendance Roumaine*, отъ 25 апрѣля, напечатано было слѣдующее: „Мы не получили изъ Яссъ ни писемъ, ни газетъ. Такъ какъ правительство пожелало придать освященію собора въ Яссахъ характеръ частнаго событія, мы сочли необходимымъ воздержаться, и не получивъ никакого приглашенія, не посылали репортера на это празднество, которое должно было бы быть всеобщимъ. Между тѣмъ, въ празднествѣ этомъ никто не принималъ участія, и оно подало поводъ только къ самымъ прискорбнымъ случайностямъ. Прочтите телеграмму *Агентства Гаваса* касательно этого событія. На убранномъ по праздничному вокзалѣ, сообщаетъ она, были только власти и войска; близь вокзала устроена тріумфальная арка, весь городъ украшенъ флагами. Шествіе направляется къ собору, гдѣ совершается молебствіе, затѣмъ король возвращается въ свои покои. Нельзя бы иными словами описать посѣщеніе королемъ развалинъ Помпеи. А между тѣмъ на улицахъ толпился народъ, сторонники нынѣ существующаго

порядка вещей, любопытные, зѣваки и люди недовольные. Доказательствомъ этому служитъ то что королевское шествіе было встрѣчено свистками."

Другія румынскія газеты, *Lupta* и *Epoca*, получившія свѣдѣнія отъ очевидцевъ, вотъ какъ описывали въѣздъ короля въ Яссы:

„Дѣло шло вполнѣ благополучно до самой Академической улицы. Но какъ только карета короля проѣхала тріумфальную арку и повернула въ Академическую улицу, то со всѣхъ сторонъ раздались свистки и крики: *долой Братіано!* Барабаны бьютъ, трубы трубятъ, но они не въ состояніи заглушить пронзительнаго звука свистковъ. Въ то время какъ карета короля поравнялась съ гостиницей Траяна, у подъѣзда которой собрался народъ, свистки и крики раздались снова. Отрядъ жандармовъ бросился на толпу, началась давка, раздался женскій плачъ. Четырехъ человѣкъ арестуютъ. Между тѣмъ карета короля повертываетъ направо и направляется къ собору. Арестованы, между прочимъ, двое изъ самыхъ почетныхъ ясскихъ гражданъ, г. Бальшъ и г. Шендреа; по отзыву газетъ, съ ними обошлись грубо и оскорбительно."

По поводу обстоятельствъ которыми сопровождалось посѣщеніе города Яссъ королемъ Румынскимъ намъ писали изъ Унгенъ, пограничнаго съ Румыніей мѣстечка въ Бессарабіи: „Король былъ позорно освистанъ и ошиканъ народомъ. Кавалеріей были сдѣланы на толпу нѣсколько атакъ, произведено множество арестовъ. Нѣсколько человѣкъ ранено, и между ними г. Бальшъ довольно серіозно. Оппозиція издала манифестъ обращенный къ королю и правительству. Король-*католикъ* помазуетъ алтарь св. мѵромъ, совершая этимъ тяжкое кощунство. Православное населеніе вело себя чрезвычайно сдержанно, но отказалось присутствовать при освященіи храма, повинуясь голосу возмущенной совѣсти."

Какъ ни желательно было скрыть случившійся въ Яссахъ скандалъ, но и средне-европейскія газеты вынуждены были сообщить истину. Мало того, оказалось что печальная встрѣча короля въ Яссахъ не была случайностію, не была дѣломъ какой-либо политической или анархической клики: въ ней выразилось чувство представителей лучшаго общества и большинства молдавскихъ бояръ сокрушающихся объ участи родной страны, о будущей судьбѣ своего отечества, отрывае-

маго гогенцоллернскою политикой короля Карла отъ историческаго пути развитія своего, отъ его исконной вѣры, отъ его народныхъ влеченій и симпатій. Какъ только распространилось извѣстіе что король Карлъ намѣренъ поѣхать въ Яссы, съ цѣлью принять участіе въ освященіи новой митрополіи, всѣ члены соединенной оппозиціи собрались у князя Александра Кантакузена, и, въ предсѣдательствѣ князя Александра Маврокордато, постановили выпустить прокламацію къ народу, подъ которою подписались находившіяся на совѣщаніи выдающіяся личности страны: князья Гика и Стурдза, затѣмъ Когальничано, Бальшъ, Негруцца, Асланъ, Истуріано и многіе другіе. Прокламація эта была расклеена по улицамъ города Яссъ и заключала въ себѣ слѣдующее обращеніе къ народу:

„Граждане города Яссы!

„Король намѣревается прибыть въ Яссы, чтобъ участвовать въ освященіи каѳедральнаго собора. Согласно съ давними традиціями, мы всѣ, великъ и малъ, должны бы выйти съ хлѣбомъ солью встрѣчать того кто представитель національнаго могущества.

„Но при тѣхъ неестественныхъ отношеніяхъ въ которыхъ теперь государство находится, недостойно людямъ съ независимымъ образомъ мыслей спѣшить для встрѣчи короля.

„Эта страна имѣла свои привычки, различные классы имѣли въ ней свои привилегіи, а князь не имѣлъ никакого другаго контроля, какъ только контроль своей собственной совѣсти.

„Когда стремились къ тому чтобы реорганизовать эту страну на такихъ условіяхъ чтобъ они соотвѣтствовали идеаламъ нашего времени,—мы были готовы принести всякую жертву чтобы достичь этой цѣли, къ которой всѣ стремились.

„Теперь уже прошло болѣе 20 лѣтъ съ того времени какъ король Карлъ управляетъ Румыніей, и если мы осмотримся кругомъ, то мы ничего не увидимъ кромѣ развалинъ.

„Религія нашихъ отцевъ попрана вслѣдствіе невѣроятныхъ усилій католической пропаганды.

„Въ школѣ—своеволіе, въ арміи господствуютъ протекція и гоненіе, во внѣшней политикѣ—униженіе и насильственные союзы, о которыхъ страна подчасъ и не знаетъ.

„Важнѣйшіе законы вотируютъ безпрепятственно соединенныя камеры, въ то время какъ независимые представители народныхъ интересовъ не могутъ имѣть никакой силы. Изо дня въ день министры короля представляютъ собою печальное зрѣлище индивидуумовъ которые, подъ прикрытіемъ формальной законности, идутъ рѣшительно противъ всякой общественной совѣсти.

„Король же Карлъ, обязанность котораго охранять законное исполненіе конституціи, глядитъ преспокойно на всѣ беззаконія и молчитъ, какъ будто дѣйствія его министровъ, получающихъ санкцію отъ самого короля, совершенно его не касаются.

„Подъ прикрытіемъ конституціонной фикціи, вслѣдствіе которой отвѣтственность не поднимается до короля, послѣдній не чувствуетъ себя отвѣтственнымъ ни за паденіе, ни за анархію, которая напоминаетъ намъ самые худшіе дни изъ нашего прошлаго. Такимъ образомъ, король Карлъ пренебреженіемъ своихъ обязанностей привелъ къ тому что конституція стала пустымъ звукомъ. Онъ имѣетъ при себѣ министерство которое ни во что̀ не ставитъ народные интересы. Онъ медлитъ идти вмѣстѣ съ голосомъ народа.

„Страна должна поэтому показать королю что она желаетъ законности, что она рѣшилась не переносить больше господствующей въ ней анархіи, и что она, обманувшись во всѣхъ своихъ лучшихъ надеждахъ, стоитъ на томъ что намѣрена искать радикальное средство противъ опасности въ которую она впала благодаря настоящей правительственной системѣ.

„Поэтому не пойдемъ королю на встрѣчу и предоставимъ его оплаченнымъ наемнымъ слугамъ принести ему пожеланія. Кто независимый человѣкъ, тотъ пусть отступитъ отъ короля, чтобъ онъ зналъ что страна не желаетъ терпѣть долѣе униженіе своего достоинства, что она желаетъ имѣть короля для всѣхъ, а не короля для одного ограниченнаго класса. Итакъ, мы не пойдемъ на встрѣчу королю. Мы не имѣемъ теперь ничего что̀ мы могли бы предложить: Румынъ не имѣетъ въ своемъ карманѣ ни хлѣба, ни соли!“

Этотъ документъ ни единымъ словомъ не призываетъ народа къ какимъ-либо насильственныхъ дѣйствіямъ, это не революціонная прокламація, это протестъ патріотовъ противъ незаконныхъ дѣйствій чуждаго странѣ правительства, укрѣпившагося въ ней и удерживающаго свою власть силою внѣшнихъ политическихъ комбинацій, не соотвѣтствующихъ ни духу, ни симпатіямъ населенія Молдо-Валахіи, именуемаго теперь народомъ Румынскимъ.

Свистки раздавшіеся на улицахъ Яссъ во время въѣзда короля Карла забудутся, но не забудется горячій протестъ молдавскихъ нотаблей противъ правительства короля Карла. Его не заглушатъ ни аресты съ насиліемъ, ни офиціальныя реляціи издаваемыя г. Братіано, который благоразумно удержался, подъ предлогомъ нездоровья, отъ поѣздки съ королемъ въ Яссы.

Помѣщаемъ вслѣдъ за симъ только-что дошедшее до насъ изъ Букурешта письмо о Ясскомъ происшествіи со стороны вполнѣ свѣдущей:

„Наскоро пишу вамъ нѣсколько строкъ чтобъ исправить невольную ошибку въ которую ваша и всѣ прочія русскія газеты были вовлечены *Сѣвернымъ Телеграфнымъ Агентствомъ*.

„Въ Букурештской телеграммѣ (№ 114) сказано что „„никакихъ безпорядковъ въ Яссахъ не было, что никогда вторая „столица королевства не встрѣчала короля съ бо́льшимъ энтузіазмомъ““ и т. д.

„Вся эта телеграмма отъ перваго слова до послѣдняго— наглая ложь.

„Такъ какъ всѣ знали о готовившемся въ Яссахъ скандалѣ, оповѣщенномъ оппозиціей въ изданномъ ею манифестѣ, за подписью 50 лицъ изъ числа лучшихъ фамилій Молдавіи, то правительство отправило отсюда въ Яссы цѣлый транспортъ такъ-называемыхъ *батаушей* (здѣшняя палочная команда, состоящая въ распоряженіи полиціи г. Братіано). Тѣмъ не менѣе скандалъ былъ полный. Подробностей не описываю, ибо онѣ успѣли уже проскользнуть въ печать, а потому общеизвѣстны. При первыхъ же раздавшихся свисткахъ, коляска въ которой сидѣли король и г. Стурдза помчалась карьеромъ среди шпалеръ войскъ. Лица обоихъ сидѣвшихъ въ ней были блѣднѣе полотна, хотя никакого покушенія не предвидѣлось, и въ физическомъ смыслѣ демонстрація ограничилась нѣсколькими ничтожными предметами брошенными въ коляску. Это бѣгство по улицамъ было *очень* замѣчено и не произвело хорошаго впечатлѣнія. Арестованы были три лица, между коими самый выдающійся г. *Бальшъ* (имя Бальшъ одно изъ древнѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ въ Молдавіи). Полиція и батауши обошлись съ нимъ весьма грубо, такъ что пока онъ былъ доставленъ въ участокъ, вся голова его была изранена.

„Какимъ же образомъ появилось теперь полное, категорическое опроверженіе Ясскихъ событій, съ явнымъ оттѣнкомъ авторитетности? Это обстоятельство весьма куріозно.

„Нѣсколько дней тому назадъ аналогическое опроверженіе было отправлено во всѣ города Европы, за подписью *Havas*. Редакціи газетъ, не подозрѣвая обмана, слѣпо напечатали его. Но нынѣ оказывается что телеграмма эта была подложная, и министръ народнаго просвѣщенія и исповѣданія, г. Стурдза, тотъ самый который лучше кого-либо могъ знать что̀ именно происходило въ Яссахъ, имѣлъ неосторожность проговориться что авторомъ этого подлога былъ онъ. Группа

оппозиціи намѣревается не сегодня завтра привлечь г. Стурдзу къ суду за подлогъ и введеніе въ обманъ общественнаго мнѣнія. Всѣ знаютъ что процессъ выиграть нельзя: вопервыхъ, кромѣ личнаго признанія г. Стурдзы, иныхъ доказательствъ нѣтъ, а вовторыхъ, еслибы таковыя и были (оригинальный манускриптъ телеграммы), то телеграфное вѣдомство, какъ учрежденіе правительственное, никогда не выдастъ его. Но *успѣха* въ процессѣ оппозиція и не ищетъ. Ей важно компрометтировать г. Стурдзу и показать королю Карлу какими „искусными" министрами онъ окруженъ. Quos Jupiter perdere vult prius dementat. О вышеизложенномъ говорятъ на улицахъ Букурешта, и потому я полагаю что вы могли бы, если признаете это умѣстнымъ, напечатать вышеизложенное, само собою разумѣется, анонимно."

III.

Министерскій кризисъ во Франціи.

Моск. Вѣд. № 125, 7 мая.

Кабинетъ г. Гобле палъ, палъ изъ-за финансовыхъ вопросовъ. Но тѣмъ не менѣе дѣятельность его за послѣднее время не лишена интереса. Непосредственно послѣ успокоительныхъ рѣчей произнесенныхъ 7 мая въ Гаврѣ министрами Гобле и Локруа, 10 того же мая генералъ Буланже внесъ въ палату многозначительное требованіе кредитовъ на полную мобилизацію одного корпуса. Всѣ расходы по этой операціи исчислены въ 4.945.500 франковъ; но генералъ Буланже потребовалъ только 3.609.857 франковъ, заявивъ что остальное пополнитъ изъ смѣтныхъ суммъ. Онъ готовъ сдѣлать „экономію" и въ нормальномъ бюджетѣ на цѣлые 9.000.000 франковъ, но съ условіемъ—если изъ сверхсмѣтныхъ суммъ дана будетъ ему сумма гораздо бóльшая...

Интересна мотивировка послѣдняго требованія, сдѣланная въ объяснительной запискѣ.

Военному министерству необходимо убѣдиться насколько послѣднія мѣропріятія подняли боевую готовность французской арміи, включая всѣ связанныя съ этимъ учрежденія: воинскія присутствія, желѣзныя дороги, наборъ лошадей, провіантскую и санитарную части и пр. Опытъ мобилизаціи

лошадей былъ произведенъ въ 1880 году, и далъ весьма важныя указанія для будущаго. Опытъ полной мобилизаціи всѣхъ безъ исключенія частей корпуса долженъ дать еще болѣе цѣнныя указанія. Цѣль французскаго военнаго министерства состоитъ въ томъ чтобы въ послѣднюю минуту достаточно было сказать одну магическую фразу: „армія мобилизуется", чтобы вся машина тотчасъ же пошла въ ходъ съ математическою точностью. Условія при коихъ будетъ произведенъ этотъ опытъ еще интереснѣе. Генералъ Буланже не указываетъ какой именно корпусъ предполагается мобилизовать, прямо заявляя что это будетъ обозначено въ телеграммѣ съ приказомъ о мобилизаціи. Время опыта также обозначено весьма туманно: около осенняго созыва резервистовъ, то-есть около октября. Но это сказано лишь гадательно, и ничто не мѣшаетъ, въ случаѣ надобности, послать сказанную телеграмму когда военному министру заблагоразсудится. Достовѣрно онъ предупреждаетъ лишь объ одномъ—что мобилизація будетъ производиться совершенно такъ же какъ и въ военное время, и что, напримѣръ, движеніе поѣздовъ будетъ вполнѣ подчинено требованіямъ военнаго времени, а гражданскія власти должны будутъ безпрекословно исполнять всѣ требованія военныхъ.

Весьма любопытны замѣчанія дѣлаемыя по поводу этого требованія генерала Буланже *Сѣверо-Германскою Газетой*. Газета эта придаетъ сказанному предложенію „гораздо бо́льшую важность чѣмъ можетъ показаться съ перваго раза", по слѣдующимъ причинамъ. Такъ какъ не указано какой именно корпусъ предположено мобилизовать, то всѣ корпусные командиры неизбѣжно должны принять всевозможныя мѣры не зная на кого падетъ выборъ военнаго министра. Другими словами, военный министръ приказываетъ *всѣмъ* корпусамъ приготовиться къ мобилизаціи. Онъ обѣщаетъ, но не навѣрно, что приказъ о мобилизаціи получитъ который-либо изъ корпусовъ расположенныхъ на западѣ или югѣ Франціи. *Сѣверо-Германская Газета* и къ этому относится подозрительно. Вопервыхъ, это обѣщаніе не есть ручательство; вовторыхъ, войска расположенныя на сѣверѣ и востокѣ Франціи и безъ того постоянно держатся въ полной готовности къ мобилизаціи; надо было найти стимулъ который побудилъ бы и командировъ другихъ корпусовъ усилить бдительность и старанія, а именно такимъ стимуломъ и служитъ объявленіе мобилизаціи одного корпуса, безъ указанія какого именно.

Соображенія эти, быть-можетъ, не лишены основанія; нѣтъ ничего удивительнаго что французское военное министерство обращаетъ столь серіозное вниманіе на вопросъ о мобилизаціи. Знающій свое дѣло военный министръ не можетъ не придавать важнаго значенія этому вопросу. Въ настоящее время численность состоящихъ подъ ружьемъ войскъ во всѣхъ государствахъ составляетъ лишь 1/3 или 1/4, а то и еще меньшую часть всѣхъ боевыхъ силъ страны. Въ настоящее время полагаютъ что европейскія арміи могутъ начинать войну только по окончаніи мобилизаціи. Блистательный примѣръ—война 1870—71, гдѣ Германія выказала необычайную до того времени быстроту мобилизаціи. Приказъ о мобилизаціи былъ разосланъ изъ Берлина въ ночь на 15 іюля. 16 числа, всѣ воинскіе уѣздные, полковые и другіе начальники уже имѣли въ рукахъ телеграммы съ приказомъ кончить мобилизацію къ 26 іюля. Но бóльшая часть войскъ мобилизовалась уже къ 24 іюля. Между тѣмъ Французы одержали нѣсколько мелкихъ, дешевыхъ успѣховъ; но вдругъ прибыли подавляющія массы непріятеля, и Французы были раздавлены. Нѣтъ ничего удивительнаго что, послѣ столь тяжкаго урока, Французы усвоили себѣ эту науку; военныя силы ихъ въ настоящее время, по меньшей мѣрѣ, не слабѣе германскихъ. Это видно уже изъ цифръ военнаго бюджета. Въ Германіи этотъ бюджетъ составляетъ 468.654.267 франковъ, во Франціи же 555.934.529 франковъ. Стало-быть весь вопросъ въ мобилизаціи. Въ виду такой постановки вопроса, приглашеніе всѣмъ войскамъ быть наготовѣ къ мобилизаціи, дѣйствительно, получаетъ весьма серіозное значеніе. Это молчаливый, но внушительный отвѣтъ на все еще непрекращающіяся задиранія со стороны Нѣмцевъ. Парижскій корреспондентъ *Times* сообщаетъ что на дняхъ Французамъ готовится новое испытаніе. Въ Лейпцигѣ предстоитъ де разборъ огромнаго (въ обвинительномъ актѣ болѣе 500 страницъ) дѣла о государственной измѣнѣ, гдѣ, между прочимъ, будетъ де вполнѣ доказана и вина г. Шнебеле, также какъ вина г. Деруледа, мутившаго де, во время своей послѣдней поѣздки (лѣтомъ прошлаго года), сосѣдей Германіи, и другихъ лицъ агитировавшихъ въ Альзасъ-Лотарингіи. Эта *cause célèbre*, конечно, докажетъ что всѣ Французы измѣнники... Германіи. А для поддержанія патріотическаго духа, профессоръ Шнейблеръ увѣряетъ нѣмецкую публику что французскій мелинитъ вовсе не страшенъ, такъ

какъ онъ скоро де разлагается и переходитъ въ—*сахаръ*. Н[illegible] сладко ли будетъ на самомъ дѣлѣ угощеніе этимъ „са[illegible]ромъ“, это еще вопросъ; по крайней мѣрѣ, Французы ду[illegible]ютъ иначе. А у Французовъ есть химики не менѣе извѣс[illegible]ные чѣмъ у Нѣмцевъ, хотя бы, напримѣръ, бывшій министръ народнаго просвѣщенія, г. Бертело. Будемъ надѣяться что до серіозныхъ опытовъ дѣло недойдетъ, хотя перемѣна ка[illegible]бинета отнюдь не устраняетъ возможности подобныхъ „опы[illegible]товъ“. Что направленіе дѣятельности военнаго министерства останется одно и тоже, хотя генералъ Буланже и не будетъ министромъ; это почти несомнѣнно.

Моск. Вѣд. № 129, 11 мая.

Во Франціи министерскій кризисъ. Впрочемъ, это вовсе не неожиданное событіе, его всюду считали вѣроятнымъ еще недѣлю назадъ, судя по положенію въ которое кабинетъ Гобле сталъ къ парламентской бюджетной коммиссіи. Вотъ уже второй разъ въ теченіе одного парламентскаго года французскіе премьеры, столь осторожные въ дѣлахъ внѣшней политики, оказываются далеко не столь мягкими во внутреннихъ дѣлахъ. Кабинетъ Фрейсине въ концѣ прошлаго года палъ или, точнѣе, удалился изъ-за ничтожнаго вопроса о подпрефектахъ, и притомъ не въ силу необходимости, а лишь потому что ни за что не согласился уступить. Новый кабинетъ Гобле начинаетъ съ того что проводитъ въ палатѣ тотъ же самый вопросъ о подпрефектахъ, изъ-за коего палъ кабинетъ Фрейсине. Въ настоящемъ случаѣ, причины паденія кабинета Гобле также интересны. Министръ финансовъ, г. Дофенъ, выработалъ и представилъ бюджетъ на 1888 годъ. Парламентская бюджетная коммиссія изъ 33 нашла проектъ г. Дофена неудовлетворительнымъ. Прежде, въ такихъ случаяхъ, дѣло кончалось просто выходомъ въ отставку одного министра финансовъ. Но г. Гобле заявилъ что онъ дѣлаетъ этотъ вопросъ кабинетнымъ и поставилъ дѣло такъ: коммиссіи не нравится представленный проектъ бюджета,—пусть она укажетъ что̀, гдѣ и какъ надо исправить. Если исправленія будутъ къ лучшему, правительство готово принять ихъ. Сущность разногласій была въ томъ что бюджетная коммиссія считалась съ цифрами и, ставя вопросъ теоретически, указывала на необходимость уничтожить сверхсмѣтныя назначенія, не дѣлать новыхъ займовъ, не вводить новыхъ

налоговъ, добиться новыхъ сбереженій. Правительство, считаясь не съ отвлеченными цифрами, а съ обстоятельствами, притомъ далеко не успокоительными, держалось иного мнѣнія. Уничтоженіе сверхсмѣтныхъ назначеній принудило бы требовать у палатъ разрѣшенія и такихъ суммъ назначеніе коихъ не всегда удобно предавать гласности; кромѣ того, новые налоги, предлагавшіеся министромъ финансовъ, увеличивали доходы на многіе десятки милліоновъ франковъ. Вотумъ палаты въ данномъ случаѣ также не лишенъ значенія. За кабинетъ Гобле дано 257 голосовъ, противъ 275,—большинство всего въ 18 голосовъ. Это большинство ничтожное, особенно если принять въ разчетъ что въ голосованіи не участвовали 48 депутатовъ, присутствіе коихъ могло бы измѣнить результаты голосованія. Большинство состояло главнымъ образомъ изъ членовъ правой (165 голосовъ изо 178), которые побѣдили только благодаря поддержкѣ оппортунистовъ и крайней лѣвой. Тѣмъ не менѣе г. Гобле тотчасъ же удалился изъ залы засѣданій и подалъ въ отставку, слѣдуя высказанному имъ ранѣе положенію что въ настоящее время правительство можетъ оставаться у власти лишь пока можетъ дѣйствовать твердо и рѣшительно, имѣя прочную почву подъ ногами. До недавняго времени кабинеты во Франціи большею частью не падали, а „проваливались". Провалившіеся министры тутъ же въ палатѣ освистывались; на другой день послѣ паденія многіе стѣснялись подавать имъ руку, и они въ большинствѣ буквально „проваливались сквозь землю", не оставляя по себѣ „ни слуху, ни духу". Совсѣмъ не то нынѣ. Уходитъ г. Фрейсине,—его упрашиваютъ остаться. Онъ все-таки уходитъ, а новый премьеръ, г. Гобле, тотчасъ же по вступленіи въ должность публично заявляетъ что онъ есть *alter ego* г. Фрейсине и во всемъ будетъ слѣдовать политикѣ послѣдняго и пользоваться его совѣтами и указаніями. И всѣ находятъ это совершенно естественнымъ. Фактъ во всякомъ случаѣ заслуживающій быть отмѣченнымъ.

Мы уже неоднократно указывали на значеніе министерскихъ кризисовъ во Франціи: это лишь замѣна однихъ лицъ другими, при той же системѣ. Составъ палаты еще на три года останется тотъ же, а потому и крайности въ составѣ кабинетовъ невозможны. Общій духъ неизбѣжно будетъ одинъ и тотъ же, возможны лишь легкія колебанія вправо или влѣво, что̀ не существенно.

Въ данномъ случаѣ кризисъ имѣетъ нѣкоторыя особенности. Наиболѣе общаго значенія имѣютъ вопросы о новомъ премьерѣ и новыхъ министрахъ: иностранныхъ дѣлъ, военномъ и морскомъ. Всѣ остальныя министерства не имѣютъ значенія.

Наименьшую важность имѣетъ назначеніе на постъ морскаго министра, такъ какъ война, коей опасаются, будетъ сухопутная. Во всякомъ случаѣ, въ настоящее время французскій флотъ находится уже въ такомъ положеніи что еще нѣсколько лѣтъ можетъ сохранить первостепенное значеніе, какова бы ни была дѣятельность новаго морскаго министра. Но нѣтъ рѣшительно никакого основанія предполагать чтобы дѣятельность новаго министерства и въ этомъ отношеніи измѣнилась. Наоборотъ, всего вѣроятнѣе что если и послѣдуютъ какія-либо перемѣны, то къ лучшему.

Какъ передаютъ телеграммы, всѣ газеты „находятъ единственно возможнымъ кабинетъ Фрейсине“. Послѣднія газеты сообщаютъ что и г. Греви еще съ самаго начала кризиса, со своей стороны, намѣтилъ главнымъ образомъ г. Фрейсине, а всѣхъ другихъ лицъ рѣшилъ призывать лишь для совѣщаній. Стало-быть, если г. Фрейсине будетъ премьеромъ, онъ же будетъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ. Это значитъ что внѣшняя политика Франціи останется неизмѣнною.

Однако, оказывается что всюду заинтересованы болѣе всего не тѣмъ кто будетъ премьеромъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ или морскимъ. Всюду болѣе всего говорятъ не о томъ будетъ ли премьеромъ Фрейсине, Ферри, Клемансо, Рувье и т. д.,—этому вопросу нигдѣ не придаютъ первостепеннаго значенія,—а о томъ кто будетъ *военнымъ* министромъ; вотъ гдѣ „clou“. Послѣдне-полученныя англійскія газеты въ этомъ случаѣ даютъ не безынтересныя указанія. Берлинскій корреспондентъ газеты *Standard* телеграфируетъ что „вопросъ о томъ останется ли Буланже у власти всѣхъ одинаково *волнуетъ*, хотя никто не въ состояніи положительно на него отвѣтить“. Еще откровеннѣе высказывается *Pall Mall Gazette*, считающая настоящій кризисъ не кризисомъ министерства, а „кризисомъ Буланже“. Оказывается, далѣе, что въ Парижѣ этотъ вопросъ также волнуетъ всѣхъ. Нѣкоторыя, впрочемъ очень немногія и малоизвѣстныя, газеты потребовали удаленія Буланже отъ дѣлъ. Какой-то депутатъ „дѣлалъ попытки

склонить военнаго министра взять назадъ предложеніе о мобилизаціи одного армейскаго корпуса", пока онъ еще у дѣлъ, до назначенія новаго министра или его же. Но такъ какъ осталось невыясненнымъ, не имѣли ли помянутыя газеты и депутатъ какого-либо отношенія къ Reptilienfond'у, то Буланже напечаталъ опроверженіе, а на газеты никто не обратилъ вниманія. Напротивъ, изъ Франціи идутъ совсѣмъ другія вѣсти. Многіе муниципальные совѣты (Реймса, Ліона, Монпелье, Пюи и т. д.) постановили просить г. Греви чтобы Буланже остался въ новомъ кабинетѣ. Радикальныя газеты приглашаютъ къ демонстраціямъ въ честь Буланже. Рошфоръ, въ своемъ *Intransigeant*, прямо заявляетъ что, въ случаѣ окончательной отставки Буланже, „будутъ организованы уличные безпорядки въ большихъ размѣрахъ".

Такимъ образомъ настоящій кризисъ во Франціи имѣетъ весьма необычный характеръ. Оказывается что удалить Буланже не такъ-то просто. А что̀ если эта баталія противъ Буланже закончится тѣмъ что ему поручатъ составленіе новаго кабинета?... Вѣдь и это предположеніе не невѣроятно. Во Франціи огромное значеніе имѣетъ популярность. А Буланже самый популярный человѣкъ. Во всякомъ случаѣ, врядъ ли удастся удалить его изъ военнаго министерства..

Моск. Вѣд. № 141, 23 мая.

Министерскій кризисъ во Франціи на этотъ разъ длился долѣе обыкновеннаго, и составленіе новаго кабинета сопровождалось немалыми затрудненіями. Удачно ли настоящее рѣшеніе вопроса? Обѣщаетъ ли новый кабинетъ быть прочнымъ? Какихъ измѣненій надо ожидать во внутренней и внѣшней политикѣ Франціи при новомъ кабинетѣ, и ожидать ли? Вотъ вопросы.

Президентъ республики обращался ко многимъ лицамъ съ порученіемъ составить кабинетъ, и всѣ они отклонили это порученіе. Причины слѣдующія. За послѣднее время во Франціи все болѣе укореняется убѣжденіе что правительство должно имѣть твердую почву подъ ногами. Но удачному разрѣшенію этой задачи ставитъ почти непреодолимыя препятствія самый составъ палаты. Республиканцы составляютъ значительное большинство, но бѣда въ томъ что они раздѣлены. Эти-то раздоры и мѣшаютъ образовать прочное большинство, такъ что правительство постоянно должно имѣть въ виду

случайное отдѣленіе какой-либо партіи, образованіе оппозиціоннаго большинства и, вслѣдствіе того, кризисъ. А на частое повтореніе такихъ кризисовъ уже давно жалуется все населеніе. Составить при такомъ положеніи дѣлъ кабинетъ было, дѣйствительно, трудною задачей, и уже давно предлагались разныя мѣры противъ этого неудобства. До сихъ поръ преобладало мнѣніе что лучшимъ средствомъ для упроченія кабинетовъ служитъ система „объединенія", система „коалиціонныхъ кабинетовъ", такъ чтобъ отъ каждой партіи въ кабинетѣ были представители. Однако г. Фрейсине, взявшійся было за эту задачу, отказался исполнить ее, очевидно убѣдясь въ томъ что такая система имѣетъ важныя неудобства. Каждая партія требуетъ чтобъ именно ея мнѣнія преобладали во всемъ, а удовлетворить этому требованію невозможно. Кромѣ того, радикалы многократно доказали что они весьма плохіе союзники. Составляя менѣе пятой части палаты, они тѣмъ не менѣе требуютъ чтобы руководство дѣлами было оставлено за ними, что̀ невозможно и несправедливо. Кромѣ того, они постоянно выказывали удивительную придирчивость и непостоянство; сегодня они друзья, а завтра изъ-за пустаго дѣла дѣлаются врагами и вотируютъ противъ, поднимая при этомъ шумъ не только на всю Францію, но на всю Европу. Вслѣдствіе такого образа дѣйствій, радикалы естественно уронили себя же въ общемъ мнѣніи, и всѣ пришли къ мысли что ихъ надо поставить на соотвѣтствующее ихъ значенію мѣсто, не обращая вниманія на поднимаемый ими шумъ. Однако, этимъ вопросъ не рѣшался, такъ какъ и примиреніе съ правою было не менѣе трудно. Надо было найти такую почву на которой сходились бы благомыслящіе люди всѣхъ партій, словомъ, такую гдѣ была бы устранена „политика", или вѣрнѣе, политиканство, а особенно политиканство партій. Эта мысль высказывалась неоднократно за послѣднее время, даже при кабинетѣ Гобле. Такою почвой могла быть только одна задача: отрѣшиться отъ партійныхъ интересовъ и приняться за *дѣловую* политику. На этой почвѣ возможно сойтись людямъ всѣхъ партій и даже противоположныхъ политическихъ убѣжденій. 2×2=4, противъ этого трудно спорить, и никакой благомыслящій человѣкъ спорить не будетъ, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ. Еще до составленія новаго кабинета въ *Temps* (№ отъ 29 мая) писали: „Г. Рувье представляетъ только политику реформъ

финансовыхъ и административныхъ. Но знаетъ ли кто-либо другую программу которая могла бы получить искомое парламентское большинство?" Дѣйствительно, другую программу при настоящемъ составѣ палаты найти трудно, и вотъ почему составленіе новаго кабинета, въ концѣ концовъ, было поручено г. Рувье, извѣстному дѣльцу-финансисту, бывшему министромъ еще во времена Гамбетты, а въ послѣднее время предсѣдателемъ бюджетной коммиссіи. Г. Рувье числится въ „Союзѣ Лѣвой", но основа его политики, упорядоченіе финансовъ, улучшенія въ управленіи страной, не можетъ встрѣтить противодѣйствія даже и среди правой: это почва общая для всѣхъ, конечно за исключеніемъ немногихъ фанатиковъ. Замѣчательно стараніе съ какимъ г. Рувье стремился осуществить эту идею. Въ новомъ кабинетѣ все имена малоизвѣстныя, за исключеніемъ лишь одного г. Флуранса, министра иностранныхъ дѣлъ. Сюда не попалъ ни одинъ изъ людей чье имя могло бы возбудить недоразумѣнія, несмотря на ихъ извѣстность, каковы, напримѣръ, Жюль Ферри, Клемансо, Буланже и пр. Въ пользу Буланже была усиленная агитація. Говорятъ будто лица коимъ ранѣе г. Рувье поручалось составленіе кабинета отказывались отъ этого порученія главнымъ образомъ по вопросу изъ-за Буланже, въ настоящее время одного изъ популярнѣйшихъ во Франціи людей. Но имя Буланже сдѣлалось вывѣской, и стремясь къ осуществленію задачи составить кабинетъ чисто дѣловой, Рувье рѣшилъ обойтись безъ него. Однако это вовсе не значитъ чтобъ отъ этого пострадали Буланже или военное дѣло. Буланже можетъ вліять на дѣла и не будучи министромъ; во всякомъ случаѣ, когда понадобится, ему найдется соотвѣтствующее дѣло, не менѣе важное, такъ что и поднявшіе изъ-за него такой шумъ радикалы, быть-можетъ, будутъ довольны. На дняхъ, въ частномъ разговорѣ съ однимъ изъ сотрудниковъ газеты *Voltaire*, Буланже высказалъ что главною своею заслугой онъ считаетъ то что онъ поднялъ военный духъ Французовъ и поставилъ на высокую степень военное могущество Франціи. Но это программа, которую давалъ Французамъ еще въ 1875 году нашъ канцлеръ князь Горчаковъ, совѣтовавшій обратить особое вниманіе на то чтобы „снова стать сильными, очень сильными". Новый военный министръ, генералъ Ферронъ, очевидно, преслѣдуетъ тѣ же цѣли, что̀ видно изъ изданнаго имъ дневнаго приказа по арміи.

Новый военный министръ здѣсь прямо заявляетъ что ост-новиться въ военномъ развитіи Франціи было бы равносиль-но отступленію и тяжело повредило бы отечеству. „Какъ и предшественникъ мой, я непрестанно буду стремиться къ реформѣ нашего военнаго дѣла. Каждый день моей жизни долженъ быть посвященъ *увеличенію боевыхъ силъ* для обороны Франціи и республики“. Стало-быть, не имѣя популярности Буланже, новый военный министръ будетъ *дѣлать* то же что̀ и Буланже. Морское министерство, конечно, будетъ дѣлать то же самое. Въ теченіе лишь мая спущены на воду два новые огромные броненосца, сто̀ящіе оба болѣе 30 милліоновъ франковъ. Перемѣна министра будетъ не болѣе чѣмъ перемѣна вывѣски на хорошо устроенномъ магазинѣ. Нельзя не обратить вниманія на то что въ новомъ кабинетѣ остался только *одинъ* министръ изъ прежняго: г. Флурансъ, министръ иностранныхъ дѣлъ. Правда, это имя не громкое, но оно кое-что обозначаетъ.

Новый *дѣловой* кабинетъ уже выдержалъ первую кампанію: крайніе радикалы сдѣлали въ палатѣ запросъ, съ цѣлью выразить недовѣріе новому кабинету. Но палата, по предложенію новаго премьера, г. Рувье, приняла, большинствомъ 384 голосовъ противъ 156, простой переходъ къ очереднымъ дѣламъ, то-есть выразила довѣріе новому кабинету. Это, при указанномъ составѣ палаты, большинство *огромное*; особенное вниманіе обращаетъ на себя то обстоятельство что за кабинетъ вотировали и члены правой.

Это доказываетъ что принципъ дѣловитости и отреченіе отъ шумнаго политиканства, положенные въ основу новаго кабинета, дѣйствительно могутъ объединить, безъ различія партій, всѣхъ благомыслящихъ членовъ палаты на нейтральной почвѣ и образовать большинство невозможное при всякой другой комбинаціи. Но отреченіе отъ политиканства вовсе не значитъ отреченіе отъ политики, хотя бы для осуществленія этой важной цѣли и пришлось сдѣлать нѣкоторыя жертвы. Пріятнѣе всего видѣть именно отреченіе отъ политики партій, въ добавокъ имѣющей лишь чисто внутреннее, даже мѣстное, значеніе. Находка формулы обезпечивающей большинство въ палатѣ улучшаетъ европейское положеніе страны.

Въ этомъ отношеніи важное значеніе имѣетъ прочтенная предъ палатой министерская декларація. Новый премьеръ

заявляетъ въ ней что „внѣшняя политика останется вѣрна себѣ и будетъ *достойною, осторожною, твердою.* Правительство убѣждено что есть большинство способное поддержать *истинно практическую* политику“.

Здѣсь нѣтъ трескучихъ фразъ и избитыхъ мѣстъ, которыми нерѣдко министры прельщали во Франціи палату, вскорѣ же убѣждавшуюся что всѣ пышныя фразы были лишь „слова, слова, слова“. Меньше говорить и больше дѣлать, этотъ лозунгъ впервые появляется открыто въ министерской программѣ.

Итакъ, положеніе дѣлъ при новомъ кабинетѣ таково: внѣшняя политика остается прежняя, министерства военное и морское будутъ идти въ томъ же направленіи, усиливая военное могущество страны; во внутренней политикѣ на первый планъ выступаютъ финансовые вопросы, и за разрѣшеніе ихъ берется вполнѣ компетентное лицо, бывшій предсѣдатель бюджетной коммиссіи. Все это условія говорящія въ пользу новаго кабинета и обѣщающія ему бо́льшую устойчивость чѣмъ при всякой другой комбинаціи. Въ худшемъ случаѣ кабинетъ можетъ пасть не ранѣе конца этого года, такъ какъ скоро начинаются лѣтнія вакаціи палатъ. Осенью же главнымъ поводомъ къ кризису можетъ быть лишь бюджетъ. Но всѣ данныя говорятъ за то что и бюджетъ на этотъ разъ будетъ представленъ болѣе чѣмъ прежде удовлетворяющій требованіямъ бережливости, чего желаютъ населеніе и палаты...

IV.

Кампанія для уловленія „общественнаго мнѣнія въ Россіи.“

Моск. Вѣд. № 118, 30 апрѣля.

Считаемъ не лишнимъ резюмировать затѣянную германскимъ канцлеромъ кампанію для уловленія „общественнаго мнѣнія въ Россіи“.

Придравшись къ случайному выраженію въ столбцахъ *Варшавскаго Дневника*, органъ германскаго канцлера предпринялъ документальное доказательство что не Германія, а Россія доставила Австро-Венгріи обладаніе Босніей и Герцеговиной,

и что австро-русское соглашеніе, состоявшееся раньше Берлинскаго конгресса, безъ вѣдѣнія и согласія Германіи, не позволило князю Бисмарку оказать болѣе энергическую поддержку интересамъ Россіи, слабо защищаемымъ ея собственными представителями.

Нѣкоторыя изъ утвержденій *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты* встрѣтили рѣшительное противорѣчіе въ статьѣ *Пештскаго Ллойда*, приписываемой графу Андраши. Такъ, бывшимъ министромъ отвергается существованіе какого-либо соглашенія между Австро-Венгріей и Россіей; конгрессъ былъ созванъ не по желанію Петербургскаго кабинета, какъ утверждалъ органъ князя Бисмарка, а по иниціативѣ Вѣнскаго, и рѣшенія конгресса были приняты въ противность желаніямъ Россіи.

Несогласіе обоихъ основателей направленнаго противъ Россіи среднеевропейскаго союза относительно происхожденія босногерцеговинской оккупаціи объясняется различіемъ ихъ тогдашнихъ ролей, какъ и ихъ нынѣшняго положенія. Публикація князя Бисмарка обращена къ русскому обществу и именно къ національно думающимъ и чувствующимъ Русскимъ. Онъ какъ бы говоритъ имъ: я не причастенъ введенію Австро-Венгріи на Балканскій полуостровъ; это сдѣлали русскіе дипломаты, и ихъ вина что я не могъ предотвратить ущербъ нанесенный этимъ Россіи. Нравоученіе: пусть Русскіе довѣряютъ германскому канцлеру болѣе нежели русской дипломатіи, и онъ исправитъ, сколько это теперь возможно, ея ошибку.

Публикація графа Андраши назначена прежде всего для Мадьяръ, потомъ для Австро-Венгріи и для Западной Европы вообще. Вѣрный стражъ австро-венгерскихъ какъ и европейскихъ интересовъ, онъ не вступалъ де ни въ какія соглашенія съ заклятымъ врагомъ оныхъ; всѣмъ де чего онъ достигъ, онъ обязанъ де собственной ловкости, могуществу Габсбургской монархіи и поддержкѣ настоящихъ ея союзниковъ. Нравоученіе: графу Андраши слѣдуетъ опять стать главою австро-венгерскаго правительства и вести противъ Россіи коализованныя силы.

Переговоры между Вѣнскимъ и Петербургскимъ кабинетами, дѣйствительно, происходили во второй половинѣ 1876 года и началѣ 1877 года. Сперва они имѣли предметомъ „комбинированное“ или „параллельное“ дѣйствіе для принужденія

Порты къ исполненію обѣщанныхъ ею реформъ, а потомъ роль Австро-Венгріи во время войны Россіи съ Турціей. Переговоры первой категоріи не привели къ соглашенію; эвентуальное же соглашеніе, выяснившееся при послѣдующихъ переговорахъ, внушило различные взгляды на его примѣненіе, и въ моментъ Санъ-Стефанскаго мира уже потеряло свою силу если оно ее когда-либо имѣло.

На Берлинскій конгрессъ Россія, какъ и Австро-Венгрія, явились совершенно свободными отъ какихъ-либо относительно другъ друга обязательствъ, и на конгрессѣ не было принято или предложено ни одной мѣры которая вышла бы изъ какого-либо соглашенія этихъ двухъ державъ между собою. Предварительныхъ отдѣльныхъ соглашеній было всего три: англо-русское, содержаніе коего извѣстно; англотурецкое, изложенное въ опубликованной конвенціи и сопровождавшееся секретнымъ дополненіемъ; наконецъ, англо-австрійское, менѣе формальное, заключавшееся только въ обмѣнѣ нотъ, причемъ упоминалось и о занятіи Босніи и Герцеговины.

Германія не приступала ни къ одному изъ соглашеній; но знала о послѣднемъ и дѣятельно ему сочувствовала, что̀ явствуетъ уже изъ факта что европейскій мандатъ на оккупацію и администрацію двухъ турецкихъ провинцій былъ данъ конгрессомъ по предложенію Англіи, *поддержанному Германіей.*

Къ переговорамъ между русскою и австрійскою дипломатіей, германская относилась наружно безучастно, заявляя при каждомъ случаѣ о неимѣніи у Германіи интересовъ на Востокѣ и выражая только желаніе видѣть установленнымъ между своими обоими союзниками полное согласіе по интересующимъ ихъ вопросамъ. Ни на русской, ни конечно на австрійской сторонѣ никто не сомнѣвался, тѣмъ не менѣе, что безучастіе это было только наружное, и что изъ Берлина, напротивъ, съ живѣйшимъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ и направленіемъ австро-русскихъ сношеній. *Сношенія эти никогда не скрывались отъ Берлинскаго кабинета, и онъ былъ вполнѣ извѣщенъ о нихъ въ каждомъ ихъ фазисѣ.* Поэтому жалоба Бисмарковскаго органа на какія-то соглашенія заключенныя за спиной Германіи не имѣетъ ни малѣйшаго основанія.

Наконецъ, князь Бисмаркъ тѣмъ менѣе могъ игнорировать замыслы Австріи на Боснію и Герцеговину, какъ и вообще на балканскія земли, что *онъ первый указалъ ей на нихъ* какъ на вознагражденіе за утрату владѣній въ Италіи и преобладанія

въ Германіи. Перенесеніе центра тяжести Габсбургской монархіи изъ Вѣны въ Пештъ совѣтовалъ онъ ея правительству еще въ 1865 и потомъ опредѣленнѣе въ 1867 году, какъ въ личныхъ сношеніяхъ съ австрійскими дипломатами, такъ и въ офиціальныхъ депешахъ. Австрія, однако, не слушалась совѣтовъ и, вмѣсто новыхъ пріобрѣтеній на Востокѣ, искала возвратить себѣ утраченное положеніе на Западѣ. Извѣстно что угроза русскаго вмѣшательства въ пользу Пруссіи одна была въ состояніи удержать Австрію отъ подачи помощи Франціи въ 1870 году, и не менѣе извѣстно (между прочимъ изъ мемуаровъ Бейста) что нѣсколько мѣсяцевъ спустя по обезпеченіи Россіей побѣды за Пруссіей, князь Бисмаркъ въ Гастейнѣ, въ 1871, всею силой своего краснорѣчія убѣждалъ графа Бейста въ необходимости для Австріи, если она дорожитъ своимъ качествомъ великой державы, искать территоріальнаго увеличенія на Востокѣ. Бейстъ былъ нерѣшителенъ, онъ долженъ былъ уступить мѣсто Андраши, который только и дѣлалъ что исполнялъ предначертанія князя Бисмарка во всю свою карьеру министра и не перестаетъ дѣлать это и нынѣ.

Князь Бисмаркъ не могъ слѣдовательно не знать что всѣ переговоры Австріи и Россіи о Востокѣ вертѣлись около внушенныхъ имъ Австріи плановъ; Россія желала сдѣлать Боснію и Герцеговину автономными или соединить ихъ съ Сербіей и Черногоріей; Австрія противилась тому и другому, потому что—по мысли и совѣту князя Бисмарка—стремилась присвоить ихъ себѣ.

Берлинскому кабинету было бы, конечно, пріятнѣе еслибы, какъ силится нынѣ доказать его органъ, исполненіе его плана относительно Босніи произошло путемъ соглашенія Россіи съ Австріей, безъ видимаго участія Германіи. Это однако не удалось, и на конгрессѣ Германіи пришлось явно выступить заодно съ Англіей въ пользу доставленія Австріи оккупаціоннаго мандата.

Та же игра продолжалась и послѣ. Возобновляя трехъимперскій союзъ въ 1883 году, князь Бисмаркъ опять сталъ повторять свою стереотипную фразу о безучастіи Германіи къ Восточнымъ дѣламъ и о согласіи ея на всякое рѣшеніе на которомъ сойдутся Россія и Австро-Венгрія. Вмѣстѣ съ тѣмъ появилась теорія раздѣленія сферъ мощи на Балканскомъ полуостровѣ, причемъ къ австрійской причислялась

уже не одна Боснія, но и Сербія. На картѣ проводилась черта отъ Виддина до Кавалы... „Безучастная" Германія утверждала свое прямое вліяніе надъ Румыніей.

Но прежде чѣмъ это дѣленіе сферъ достигло полнаго примѣненія, оно было нарушено, въ сферѣ отведенной для Россіи, рукой не имѣвшею тутъ никакого интереса, Англіей, которая, точно также какъ и Австрія, служила орудіемъ германской политики противъ Россіи.

Политика эта удалась вполнѣ. Россія выпровожена изъ удобренныхъ ея кровью земель; на цѣломъ полуостровѣ господствуетъ прямое или посредственное вліяніе Германіи. И эту минуту выбираетъ князь Бисмаркъ чтобъ увѣрять что все это сдѣлалось безъ его согласія и вѣдома.

Нѣтъ, это уже слишкомъ много скромности; это новая продѣлка указывающая на существованіе новаго плана противъ Россіи, для котораго, какъ и для предыдущихъ, требуется ея собственное содѣйствіе...

V.

Вопросъ о натурализаціи иностранцевъ.

Моск. Вѣд. № 134, 16 мая.

Изъ Петербурга сообщаютъ что на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта вскорѣ поступитъ законопроектъ о натурализаціи въ Россіи иностранныхъ подданныхъ и объ оставленіи русскими подданными подданства Имперіи. Вопросъ о натурализаціи иностранцевъ особенно важенъ въ настоящее время, въ виду возрастающаго прилива къ намъ иностранцевъ, а потому правильная постановка его имѣетъ важное значеніе. Въ этомъ отношеніи, въ нашемъ законодательствѣ до сихъ поръ господствуетъ еще духъ временъ Петра Великаго. Въ свое время это оправдывалось желаніемъ привлечь въ Россію нужныхъ ей людей какихъ у насъ не имѣлось: учителей, инженеровъ и т. д. Но въ настоящее время эти условія радикально измѣнились. По всѣмъ спеціальностямъ, у насъ постоянно уже слышатся жалобы не на недостатокъ лицъ обладающихъ спеціальными знаніями, а наоборотъ, на избытокъ. Бо́льшая часть молодыхъ людей окончившихъ курсъ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заве-

деній по цѣлымъ годамъ ищутъ мѣста гдѣ могли бы приложить свои познанія къ дѣлу. Теперь вовсе не рѣдкость встрѣтить инженера въ качествѣ простаго машиниста на желѣзной дорогѣ; множество юристовъ, математиковъ, филологовъ, врачей или толкутся безъ дѣла, или же перебиваются грошовыми уроками и тому подобнымъ. Свидѣтельствуетъ ли это что въ Россіи излишекъ лицъ со спеціальнымъ образованіемъ, это другой вопросъ; во всякомъ случаѣ этотъ фактъ доказываетъ что въ данномъ случаѣ мы вполнѣ можемъ обойтись собственными силами, не прибѣгая къ помощи иностранцевъ.

Соотвѣтственно этимъ измѣнившимся условіямъ, необходимо сдѣлать измѣненія и въ законодательствѣ. Было время когда мы привлекали въ Россію заграничныхъ промышленниковъ и поощряли ихъ всевозможными льготами. Теперь русская промышленность окрѣпла, и льготы иностранцамъ мало-по-малу отмѣняются. Все болѣе входитъ въ силу то справедливое убѣжденіе что въ настоящее время эти льготы, въ свое время сослужившія свою службу, становятся уже тормазомъ нашей промышленности. Правда, и нынѣ есть еще люди полагающіе будто мы можемъ дать доказательства своей цивилизованности лишь точно копируя чуждыя намъ учрежденія и порядки, несогласные съ духомъ Русскаго народа и условіями нашей жизни.

Было бы крайне прискорбно еслибъ и въ вопросѣ о натурализаціи мы увлеклись неумѣстнымъ подражаніемъ. У насъ совершенно противоположныя условія. Недавно во Франціи принятъ новый законъ о натурализаціи иностранцевъ, весьма льготный для послѣднихъ. Но тамъ, равно какъ и во всей Западной Европѣ, совершенно другія условія, даже противоположныя нашимъ. Рѣдкій мѣсяцъ обходится безъ того чтобы безработица не вынуждала рабочихъ къ болѣе или менѣе крупнымъ стачкамъ, нерѣдко сопровождающимся убійствами и другими преступленіями (какъ теперь въ Бельгіи). Для рабочаго человѣка жизнь въ западной и средней Европѣ не представляетъ ничего привлекательнаго и было бы совершенно безразсудно идти туда искать работы, которой не достаетъ и для постоянныхъ жителей. Съ каждымъ годомъ, изо всѣхъ странъ Западной Европы усиливается эмиграція: жить на родинѣ тяжело, и бѣдный людъ бѣжитъ хоть на край свѣта, лишь бы получить тамъ вѣрный кусокъ хлѣба. Словомъ,

западныя и центральныя европейскія страны ограждены отъ опасности наплыва *нищихъ* иностранцевъ. Переселяясь туда, на время или на постоянное жительство, люди обыкновенно проживаются, а не наживаются. Ясно что тамъ весьма выгодно привлекать иностранцевъ, чтобъ они проживали скопленныя въ чужой странѣ деньги; разчетъ вѣрный: кончится запасъ денегъ, и иностранцы или добровольно уберутся во свояси, или умрутъ съ голоду. Совсѣмъ другія условія въ Россіи. Къ намъ пріѣзжаютъ не за тѣмъ чтобы проживать, но чтобы наживать деньги. Уже по одной этой причинѣ намъ слѣдуетъ быть крайне осторожными въ копированіи иностранныхъ законодательствъ по этой части, тѣмъ болѣе что бо́льшая часть сдѣланныхъ въ Россіи сбереженій высылаются за границу; весьма часто иностранцы, проживъ въ Россіи довольно долгое время и составивъ изрядный капиталъ, уѣзжаютъ обратно къ себѣ. Облегченіе натурализаціи въ данномъ случаѣ крайне вредно для насъ. Недавно, напримѣръ, на западныхъ дорогахъ воспрещено было служить иностраннымъ подданнымъ. Что̀ же оказалось? Почти всѣ они тотчасъ же перешли въ русское подданство. Пока выгодно, они будутъ состоять въ русскомъ подданствѣ, а затѣмъ, нагрѣвъ руки, переберутся въ Vaterland. А тамъ ихъ, конечно, примутъ обратно съ распростертыми объятіями, особенно если они будутъ возвращаться не съ пустыми руками; всѣ законодательства въ этомъ отношеніи проникнуты именно этимъ духомъ. Очевидно что *такіе* иностранцы прямой убытокъ для насъ, точно также какъ разныя фабрики принадлежащія иностранцамъ, имѣющія иностранныхъ рабочихъ, даже работающія на привозимыхъ изъ-за границы матеріалахъ и, въ сущности, представляющія лишь легальный видъ контрабанды.

Первый признакъ порядочной семьи состоитъ въ томъ что въ ней принимаются лица лишь съ выборомъ, а не первыя попавшіяся. Благоразумно ли слишкомъ поспѣшно равнять съ членами этой семьи, предки коихъ „выстрадали“ нынѣшнюю Россію, первыхъ встрѣчныхъ кто только натолкнется, не имѣя иныхъ гарантій благонадежности ихъ, кромѣ ихъ желанія принять наше подданство и получить соотвѣтственныя выгоды? Еще менѣе благоразумно торопиться давать имъ права въ томъ случаѣ если очевидною причиной ихъ перехода бываетъ выгода. Въ былую пору у насъ дѣлалось нѣчто большее. Иностраннымъ подданнымъ дозволялось,

напримѣръ, производить постройку русскихъ крѣпостей, портовъ и пр., лишь бы они предложили нѣсколько меньшую цѣну. Очень можетъ быть что въ иныхъ случаяхъ они работали даже въ убытокъ, покрывавшійся изъ другихъ источниковъ; но врядъ ли это составляетъ для насъ экономію. Даже во Франціи предполагается узаконить чтобы всѣ казенныя и общественныя работы исполнялись природными Французами, отъ подрядчика до послѣдняго рабочаго. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ постройка государственныхъ строеній не есть государственная служба; развѣ работа ихъ менѣе важна чѣмъ переписка бумагъ въ какой-либо канцеляріи? А между тѣмъ, при опредѣленіи даже на такія мелкія мѣста, производится тщательное разслѣдованіе насчетъ благонадежности природныхъ Русскихъ.

Какъ видно изъ нижеслѣдующаго сообщенія, составители новаго законопроекта принимаютъ строгія мѣры въ отношеніи къ Русскимъ. Такъ ли отнесутся въ Государственномъ Совѣтѣ и къ иностранцамъ?

—

Намъ пишутъ изъ Петербурга:

„Въ непродолжительномъ времени на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта поступитъ полный проектъ закона о натурализаціи въ Россіи иностранныхъ подданныхъ и объ оставленіи русскими подданными подданства Имперіи. Согласно вновь выработаннымъ даннымъ постановлено: а) русскимъ подданнымъ дозволяется безпрепятственно переходить въ иностранное подданство, если таковой переходъ не сопровождается нарушеніемъ какихъ-либо обязанностей въ отношеніи къ Россіи; б) русскіе подданные принятые въ иностранное подданство, въ случаѣ временнаго прибытія въ Россію, считаются иностранцами, но если они пребываютъ въ Россіи долѣе одного года, то они признаются возвратившимися въ русское подданство; в) тѣ изъ русскихъ подданныхъ которые отлучатся изъ отечества и не явятся обратно по вызову правительства въ назначенный срокъ, въ случаѣ возвращенія въ Россію, будутъ подлежать заключенію въ крѣпости на время отъ четырехъ недѣль до одного года; г) кто для избѣжанія военной службы отлучится за границу и не возвратится въ назначенный срокъ, тотъ при возвращеніи въ Россію будетъ подвергаться: если нарушеніе учинено въ мирное время—заключенію въ смирительномъ домѣ на время

отъ шести мѣсяцевъ до одного года и шести мѣсяцевъ съ потерею нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, а если упомянутое преступленіе совершено въ военное время— лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ отдаленныя, кромѣ Сибирскихъ, губерніи или заключенію въ рабочемъ домѣ по 1 степ. 33 ст. Улож. о Наказ.; д) если неявившійся по вызову правительства въ назначенный срокъ не представитъ въ тотъ же срокъ доказательства того что не явился по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ, то имѣніе его поступаетъ въ опекунское управленіе, примѣняясь къ правиламъ установленнымъ для безвѣстно-отсутствующихъ въ стт. 1.451—1.458 Уст. Гражд. Судопр., причемъ судъ обязанъ будетъ, не выжидая пятилѣтняго срока и не производя предварительныхъ публикацій, приступать къ постановленію опредѣленія, а опека останется въ своей силѣ до возвращенія отлучившагося въ Россію или до смерти его."

VI.

Опять финансовые доктринеры.

Моск. Вѣд. № 138, 20 мая.

Удивительные господа наши финансисты: какъ туго воспринимаются ими безспорныя, очевидныя для всѣхъ истины, основанныя на неопровержимыхъ данныхъ! Извѣстно что причина сильнаго паденія нашего вексельнаго курса послѣ Восточной войны была усмотрѣна нашими финансистами въ якобы чрезмѣрныхъ во время войны выпускахъ кредитныхъ билетовъ. Обиліе находящихся въ обращеніи денежныхъ знаковъ, вотъ корень зла, твердили наши финансисты, по настоянію коихъ и былъ открытъ походъ противъ кредитныхъ билетовъ съ преданіемъ ихъ аутодафе. Но истребленіе кредитныхъ билетовъ не улучшило, а значительно ухудшило состояніе нашего вексельнаго курса упавшаго послѣ сожженій до небывало низкаго уровня. Кажется, подобные результаты должны были бы побудить доктринеровъ-финансистовъ бросить свою теорію и подвергнуть вопросъ о причинахъ упадка нашего вексельнаго курса изслѣдованію. Но, вѣря въ непогрѣшимость своихъ мнѣній, финансисты наши продолжаютъ

упорствовать въ своихъ заблужденіяхъ, твердя non possumus на всѣ разоблаченія ихъ вымысловъ. Мало того, въ своемъ увлеченіи они доходятъ до глумленія надъ тою самою наукой, во имя коей они настаивали на обремененіи государственнаго бюджета массой платежей по новымъ займамъ, которые заключались, согласно ихъ доктринѣ, для уничтоженія кредитныхъ билетовъ. Съ тою же яростію, съ какою накидывались на насъ наши мнимо-ученые финансисты за посрамленіе ихъ доктрины, давшей столь печальные плоды, эти господа гнѣваются на насъ за указаніе одной изъ причинъ паденія вексельнаго курса, заключающейся въ обезцѣненіи серебра. Едва появилась наша статья по этому вопросу (*Моск. Вѣд.* 1887, № 108), какъ со всѣхъ сторонъ полился новый потокъ брани по нашему адресу, причемъ, однако, въ средѣ нашихъ финансистовъ произошелъ расколъ. Одни поспѣшили заявить что фактъ обезцѣненія серебра давно имъ извѣстенъ, но такъ какъ на кредитныхъ билетахъ „можно прочитать что и золото наша денежная единица", то слѣдовательно обезцѣненіе серебра не имѣло де вліянія на паденіе нашего вексельнаго курса. Другіе финансисты занялись составленіемъ *за два года* таблицы движенія вексельнаго курса и цѣнъ на золото и серебро, и взявъ изъ этихъ таблицъ нѣсколько примѣровъ случайнаго отклоненія цѣнъ отъ нормальнаго ихъ движенія, заявляютъ что „теорія *Московскихъ Вѣдомостей* не вѣрна, не вѣрно слѣдовательно и все построенное на ней".

Итакъ, одни отвергаютъ вліяніе обезцѣненія серебра на упадокъ нашего вексельнаго курса на томъ основаніи что они еще не рѣшили серебро ли составляетъ нашу денежную единицу, и не принадлежитъ ли Россія къ биметаллическимъ странамъ. Другіе финансисты не признаютъ дѣйствія обезцѣненія серебра на пониженіе нашего вексельнаго курса, въ силу того обстоятельства что въ составленныхъ ими *за два года* таблицахъ встрѣчаются иногда обусловливаемыя дѣйствіемъ иныхъ факторовъ уклоненія отъ указаннаго нами соотвѣтствія въ движеніи вексельнаго курса съ движеніемъ цѣнъ на серебро. Но этотъ образовавшійся въ средѣ нашихъ финансистовъ расколъ нисколько не помѣшалъ имъ лгать на *Московскія Вѣдомости*, заявляя что *Московскія Вѣдомости* якобы „рѣшительно поворачиваютъ фронтъ въ своемъ ученіи о деньгахъ". Смѣемъ увѣрить этихъ господъ что *Московскія Вѣдомости* не имѣютъ ни малѣйшаго повода мѣнять свои

воззрѣнія по вопросу о причинахъ паденія нашего вексельнаго курса; напротивъ, чѣмъ болѣе накапливается съ теченіемъ времени фактическій матеріалъ по данному вопросу, тѣмъ болѣе подтверждается мнѣніе *Московскихъ Вѣдомостей.* Вся вина *Московскихъ Вѣдомостей* въ томъ что онѣ осмѣливаются говорить правду нашимъ финансовымъ фантазерамъ, срывая съ нихъ мантію мнимой науки которою такъ любитъ прикрываться фальшивое доктринерство.

Мы замѣтили что одна изъ причинъ паденія нашего вексельнаго курса заключается въ обезцѣненіи серебра. Не причиняя никакого ущерба странамъ съ золотою валютой, обезцѣненіе серебра отражается вредно лишь на финансовомъ хозяйствѣ странъ съ серебряною денежною единицей. Такъ *Soetbeer* свидѣтельствуетъ что потеря Индіи (страны съ серебряною единицей) отъ обезцѣненія серебра была исчислена для бюджета 1881—1882 года, когда цѣна серебра стояла значительно выше настоящей, въ 3.798.506 фунтовъ стерлинговъ. Очевидно что при продолжающемся обезцѣненіи серебра бюджетъ Индіи несетъ съ каждымъ годомъ возрастающіе убытки. Что Индія страна безспорно съ серебряною денежною единицей, въ этомъ не усомнятся и финансисты *Русскихъ Вѣдомостей*, недоумѣвающіе нынѣ только относительно Россіи, „есть ли серебро наша денежная единица или нѣтъ“. Но если *Русскія Вѣдомости* сомнѣваются въ этомъ, то законы Россійской Имперіи ясно и опредѣленно гласятъ что „главною *непремѣняемою и законною* мѣрой (*монетною единицей*) всѣхъ монетъ обращающихся въ государствѣ есть серебряный рубль настоящаго достоинства, и именно вѣсомъ во стѣ рубляхъ пять фунтовъ и шесть золотниковъ лигатурнаго серебра $83^1/_3$ пробы, то-есть чистаго серебра въ рублѣ четыре золотника двадцать одна доля“ (Св. Зак. т. VII Уставъ Монет. ст. 66). Въ дальнѣйшемъ изложеніи Монетнаго Устава неоднократно подтверждается что „серебряный рубль есть главная непремѣняемая законная мѣра (монетная единица) обращающихся въ государствѣ денегъ.“ Столь ясными положеніями закона устраняется всякая возможность продолжать игру въ сомнѣніе относительно нашей денежной единицы, и если отъ обезцѣненія серебра терпитъ крупные убытки Индія, то пропорціонально участію въ международныхъ разчетахъ очевидно еще бо́льшія потери несетъ Россія. Объяснивъ нашимъ финансистамъ невѣдомый имъ доселѣ фактъ существованія въ Россіи

серебряной денежной единицы, не лишнимъ считаемъ для вразумленія ихъ сдѣлать новую справку о вліяніи обезцѣненія серебра на наше денежное обращеніе.

Нормальное отношеніе между цѣной серебра и золота опредѣляется по нашимъ законамъ въ $15,_{45}$ или почти тожественно съ отношеніемъ принятымъ Латинскимъ монетнымъ союзомъ ($15,_{5}$). До семидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія не замѣчалось на всемірныхъ денежныхъ рынкахъ рѣзкихъ отклоненій отъ принятаго въ нашей монетной системѣ отношенія между цѣнами этихъ драгоцѣнныхъ металловъ.

По изслѣдованію Неймана-Спалларта, среднее годичное отношеніе между цѣнами серебра и золота равнялось для десятилѣтія съ 1851—1860 годовъ $15,_{36}$; для десятилѣтія съ 1861—1870 годовъ $15,_{48}$, то-есть почти совпадало съ принятымъ для нашей монетной системы отношеніемъ. Съ семидесятыхъ годовъ начинается усиливающееся съ каждымъ годомъ обезцѣненіе серебра, достигающее нынѣ весьма крупныхъ размѣровъ. Приводимъ заимствованную у Неймана-Спалларта таблицу показывающую движеніе цѣнъ на серебро на Лондонскомъ рынкѣ и соотвѣтственно этому отношеніе цѣнъ серебра къ цѣнамъ золота:

ГОДЫ:	Цѣна серебра въ пенсахъ за станд. унцію.	Отношеніе къ цѣнѣ золота.
1871	$60^{9}/_{16}$	$15,_{57}$
1872	$60^{1}/_{4}$	$15,_{65}$
1873	$59^{1}/_{4}$	$15,_{93}$
1874	$58^{5}/_{16}$	$16,_{17}$
1875	$56^{7}/_{16}$	$16,_{59}$
1876	$52^{9}/_{16}$	$17,_{88}$
1877	$54^{9}/_{16}$	$17,_{22}$
1878	$52^{5}/_{8}$	$17,_{93}$
1879	$51^{1}/_{4}$	$18,_{40}$
1880	$52^{1}/_{4}$	$18,_{05}$
1881	$51^{11}/_{16}$	$18,_{24}$
1882	$51^{5}/_{8}$	$18,_{27}$
1883	$50^{9}/_{16}$	$18,_{65}$
1884	$50^{5}/_{8}$	$18,_{58}$
1885	$48^{5}/_{8}$	$19,_{42}$
1886	$45^{1}/_{4}$	$20,_{88}$

Очевидно что обезцѣненіе серебра на 26% должно было соотвѣтственно отразиться паденіемъ нашей серебряной денежной

валюты. Финансисты наши утверждают что обезцѣненіе серебра не имѣло вліянія на паденіе нашего вексельнаго курса и на утрату цѣнности кредитнымъ рублемъ. Но въ такомъ случаѣ нашъ кредитный рубль одинаково цѣнился бы какъ на золото, такъ и на серебро. Что же оказывается нынѣ? Кредитный рубль пріобрѣтается нынѣ за 74 серебряныя копѣйки, и тотъ же рубль пріобрѣтается за 56 золотыхъ копѣекъ, иначе говоря, 56 золотыхъ копѣекъ равноцѣнны нынѣ 74 серебрянымъ копѣйкамъ, то-есть нашъ *серебряный рубль* упалъ сравнительно съ золотомъ на 26%, именно насколько обезцѣнилось серебро. Фактъ этотъ неопровержимо доказываетъ ложность измышленій нашихъ финансистовъ, увѣряющихъ будто обезцѣненіе серебра не имѣло вліянія на обезцѣненіе нашего кредитнаго рубля. Вѣдь еслибы цѣна серебра поднялась нынѣ вновь до прежняго, принятаго нашею монетною системой, уровня и возстановилось бы прежнее нормальное отношеніе между цѣнами золота и серебра, то очевидно что какъ нашъ кредитный рубль на золото, такъ и соотвѣтственно этому вексельный курсъ поднялся бы до цѣны кредитнаго рубля на серебро. Иначе говоря, если кредитный рубль пріобрѣтается нынѣ за 74 серебряныя копѣйки, то съ возстановленіемъ цѣнности серебра кредитный рубль пріобрѣтался бы за столько же золотыхъ копѣекъ, полуимперіалъ покупался бы за 6 р. 95 к., и нашъ вексельный курсъ на Парижъ стоялъ бы на высотѣ около 300 сантимовъ. Вопросъ такъ ясенъ что остается лишь удивляться оцѣпенѣлости нашихъ доктринеровъ, которые не видятъ очевиднаго факта, что наша основная денежная единица обезцѣнилась на 26%, и продолжаютъ упорно твердить что вся наша бѣда въ избыткѣ находящихся въ обращеніи кредитныхъ билетовъ.

Нѣтъ, не обиліе кредитныхъ билетовъ уронило нашъ вексельный курсъ, а обезцѣненіе нашей основной серебряной денежной единицы, при дурномъ веденіи финансоваго хозяйства страны, отдавшемъ насъ въ полную зависимость отъ иностранной биржевой спекуляціи. Мы жалуемся на обиліе обращающихся у насъ денежныхъ знаковъ и рекомендуемъ сокращеніе ихъ количества. Но, по сравненію съ другими странами, у насъ и безъ сокращенія кредитныхъ билетовъ оказывается недостатокъ въ орудіяхъ денежнаго обращенія, крайне стѣсняющій развитіе производительности страны. Нейманъ-Спаллартъ даетъ слѣдующую таблицу денежнаго обращенія

для различныхъ странъ, въ которой количество денежныхъ знаковъ исчислено на единицу населенія. Такъ, на одного жителя приходилось денежныхъ знаковъ къ концу 1885 года (въ маркахъ):

Во Франціи	188
„ Австраліи	135,6
„ Голландіи	119
„ Бельгіи	114,4
„ Соед. Штатахъ Сѣв. Америки	90,4
„ Египтѣ	86,8
„ Великобританіи	79,8
„ Аргентин. республикѣ	77,6
„ Германіи	72,8
„ Испаніи	69,3
„ Швейцаріи	62,7
„ Канадѣ	61
„ Португаліи	59,5
„ Даніи	51,4
„ Италіи	46,6
„ Алжирѣ	37,2
„ Австро-Венгріи	33
„ Греціи	30,6
„ Швеціи	29,5
„ Румыніи	25,6
„ Норвегіи	23,8
„ Россіи	22

Приведенная таблица показываетъ что, по количеству приходящихся на единицу населенія денежныхъ знаковъ, Россія не только стоитъ далеко позади первостепенныхъ государствъ съ широко развитою промышленною дѣятельностью, но много уступаетъ странамъ второстепеннымъ съ весьма слабою торговопромышленною дѣятельностью. И при столь ограниченномъ количествѣ орудій денежнаго обращенія въ странѣ, обиліе коихъ составляетъ необходимое условіе развитія производительности, финансисты наши продолжаютъ усиленно твердить о необходимости сокращенія обращающихся въ странѣ денежныхъ знаковъ....

VII.

Измѣненіе пошлинъ на чугунъ, желѣзо и сталь.

Моск. Вѣд. № 119, 1 мая.

На дняхъ обнародовано съ нетерпѣніемъ ожидавшееся нашими промышленными классами Высочайшее повелѣніе „объ измѣненіи таможенныхъ пошлинъ на чугунъ, желѣзо и сталь не въ дѣлѣ и издѣлія изъ сихъ металловъ“. Привѣтствуя благія начинанія правительства въ дѣлѣ народнаго труда, не можемъ не отмѣтить особенностей этого Высочайшаго повелѣнія, доказывающихъ что нынѣ дѣло идетъ не о казовомъ, какъ практиковалось прежде, но о дѣйствительномъ покровительствѣ народному труду. Первая особенность нынѣшняго измѣненія тарифа заключается въ томъ что установленныя на чугунъ пошлины „не подлежатъ уменьшенію до 1 января 1898 года“. Предпринимателямъ дается Высочайшая гарантія въ успѣшной затратѣ ихъ труда и капитала на горнопромышленныя предпріятія. Вторая, въ высшей степени симпатичная, черта Высочайшаго повелѣнія заключается въ рѣшеніи „предоставить министрамъ Государственныхъ Имуществъ и Финансовъ, по взаимному соглашенію, сообразить и внести въ возможно непродолжительномъ времени на разсмотрѣніе въ установленномъ порядкѣ предположенія о мѣрахъ которыя должны быть приняты въ предѣлахъ западной пограничной полосы для предупрежденія тамъ дальнѣйшаго развитія существующихъ и возникновенія новыхъ чугуноплавильныхъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ работающихъ на иностранномъ матеріалѣ или при помощи иностранныхъ рабочихъ.“ Такое Высочайшее повелѣніе указываетъ на непреложную рѣшимость правительства упорядочить наше горное дѣло, освободивъ его отъ паразитовъ разъѣдающихъ хозяйственный организмъ страны.

Всѣмъ извѣстно обиліе нашихъ естественныхъ горныхъ богатствъ. Трудно указать такой металлъ или минералъ котораго не имѣлось бы въ русскихъ владѣніяхъ. Что касается важнѣйшихъ, наиболѣе употребительныхъ ископаемыхъ веществъ, какъ желѣзо и каменный уголь, то они не только имѣются у насъ въ громадномъ количествѣ, но разбросаны

по всей странѣ, представляя этимъ большія удобства къ удовлетворенію потребностей населенія. Такъ желѣзныя руды, не говоря уже о богатствахъ Урала снабжавшаго въ началѣ текущаго столѣтія своимъ желѣзомъ Англію, имѣются у насъ и на югѣ Россіи, у самаго Черноморскаго побережья, и въ Царствѣ Польскомъ близь западной границы, и въ центральныхъ подмосковныхъ мѣстностяхъ, и на сѣверной окраинѣ (въ Олонецкой губерніи). Почти одинаково съ желѣзомъ распредѣляются и залежи каменнаго угля, составляющаго необходимый элементъ для развитія промышленности. Совмѣстное обильное нахожденіе этихъ двухъ важнѣйшихъ элементовъ горнозаводской производительности представляетъ въ высшей степени благопріятное условіе для ея развитія, а между тѣмъ она не развивается, а чахнетъ: большинство ея предпріятій едва влачитъ свое существованіе. Чѣмъ объяснить это странное явленіе?

Причина столь печальной аномаліи въ важнѣйшей отрасли народнаго хозяйства заключается въ иностранной конкурренціи. Происшедшее въ пятидесятыхъ годахъ измѣненіе въ воззрѣніяхъ правительства на задачи нашей экономической политики, обращеніе отъ системы покровительства народному труду къ космополитическому фритредерству, нанесло тяжкій ударъ нашей горной промышленности, сосредоточивавшейся тогда предпочтительно на Уралѣ и, по отдаленности мѣстъ производства, при крайне неудовлетворительныхъ путяхъ сообщенія, не имѣвшей возможности успѣшно выдерживать конкурренцію съ иностранными горными продуктами, которые доставлялись дешевымъ морскимъ путемъ. Случившійся въ 1861 году неурожай въ сѣверо-восточной Россіи, совпавшій со временемъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, причинилъ громадныя затрудненія нашимъ горнопромышленникамъ, не обладавшимъ большими оборотными капиталами. Значительно повысивъ заработную плату и затративъ громадныя средства на закупки вздорожавшаго хлѣба для голодающаго населенія Урала, горнопромышленники, съ пятидесятыхъ годовъ, со времени введенія въ дѣйствіе фритредерскаго таможеннаго тарифа, не получавшіе выгодъ отъ своихъ предпріятій, оказались въ крайне затруднительномъ положеніи и думали уже не о развитіи своихъ производствъ, а о возможно менѣе убыточной ихъ ликвидаціи. Въ 1862 году новое тяжкое бѣдствіе постигло уральскую горнопромышлен-

ность. Отъ непрерывныхъ проливныхъ дождей, шедшихъ въ Уральскихъ горахъ 24 и 25 іюня 1862 года, вода въ рѣкахъ въ нѣсколько часовъ поднялась до того что, несмотря на всѣ принятыя заводоуправленіями мѣры къ отвращенію наводненія, 26 іюня было затоплено большинство уральскихъ заводовъ. Въ Оренбургской губерніи отъ этого наводненія очень пострадали наиболѣе значительные заводы, казенные: Саткинскій и Кусинскій, и частные: Юрезанскій, Катавъ-Ивановскій, Усть-Катавскій и Симскій. На этихъ заводахъ были разрушены плотины, снесены фабрики, заводскіе матеріалы и обывательскіе дома. Помимо Оренбургскаго края, это необычайное наводненіе 26 іюня обняло по протяженію Уральскаго хребта почти всю Пермскую губернію, занявъ огромнѣйшій районъ болѣе 750 верстъ въ длину и отъ 150 до 300 верстъ въ ширину по обѣ стороны Урала. Ко всѣмъ этимъ тяжкимъ бѣдствіямъ нашей горной промышленности присоединилась утрата ею кредита въ наиболѣе необходимое время. Мелкіе и крупные капиталы, усиленно предлагавшіеся до этого времени для помѣщенія въ горнозаводскія предпріятія, съ шестидесятыхъ годовъ отхлынули отъ нихъ, бросившись на обильно предлагавшіяся тогда процентныя бумаги, выпущенныя въ значительныхъ количествахъ какъ правительствомъ, такъ и частными обществами. Всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства, въ совокупности, имѣли своимъ послѣдствіемъ то что производство чугуна на Уралѣ, дававшее въ 1860 году 14.513.333 пудовъ, понижается въ 1862 году до 10.466.848 пудовъ. Оптовые покупатели, видя затрудненія заводчиковъ, поспѣшили закрѣпостить ихъ за собою, заставляя ихъ продавать свой товаръ по убыточной цѣнѣ. Дѣло дошло до того что, какъ гласитъ офиціальное изслѣдованіе, „многіе частные заводы, и въ числѣ ихъ весьма обширные по своему производству, истощивъ совершенно запасные и оборотные капиталы и исчерпавъ рессурсы частнаго кредита, пришли въ такое состояніе что не могли уже собственными силами продолжать заводское дѣйствіе“. Что же было сдѣлано для облегченія столь тяжкаго положенія горной промышленности? Съ одной стороны, разрѣшеніемъ безпошлиннаго привоза металлическихъ принадлежностей для строившейся въ то время обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ нанесенъ нашей горной промышленности окончательный ударъ, отъ котораго она до сихъ поръ не можетъ оправиться и теперь едва влачитъ свое

существованіе; съ другой стороны, для поддержки горнозаводской дѣятельности Урала были выданы изъ казны въ видѣ ссудъ десятки милліоновъ рублей. Послѣдствіемъ такой экономической политики, какъ гласитъ офиціальное изслѣдованіе, было то что „сдѣлавшіеся несостоятельными частные заводы, хотя и не всѣ, но тѣ которые болѣе другихъ были богаты природными средствами и лучше устроены въ техническомъ отношеніи, продолжали свое дѣйствіе; другіе же заводы съ помощью суммъ Государственнаго Казначейства хотя и протянули нѣсколько лѣтъ свое бѣдственное, ненормальное существованіе, но, доведенные до крайняго истощенія силъ, вынуждены были закрыть свое дѣйствіе, такъ какъ истрачивавшіеся на производство расходы далеко не окупались приготовленными металлами". Возникновеніе затѣмъ множества передѣлочныхъ заводовъ, получавшихъ за переработку дешевыхъ иностранныхъ продуктовъ крупныя преміи отъ правительства, создало для туземной горной промышленности новое препятствіе къ развитію: обремененныя крупными долгами, полуразоренныя туземныя предпріятія не могли конкуррировать съ пользовавшимися правительственною поддержкой полуиностранными передѣлочными заводами западной окраины, заручившимися къ тому же крупными по хорошей цѣнѣ правительственными заказами. Вотъ причина малоуспѣшнаго развитія туземной горнопромышленности, загубленной презрѣніемъ нашихъ финансистовъ къ національному и преклоненіемъ предъ иностраннымъ, доходившимъ до того что браковались лучшія туземныя издѣлія лишь изъ-за того чтобы взять худшія иностранныя, какъ было при заказѣ рельсовъ для желѣзныхъ дорогъ и орудій и снарядовъ для обороны страны.

Коснувшись вопроса о причинахъ упадка нашей горной промышленности и о мѣрахъ къ ея развитію, нельзя не указать также что, помимо предпочтенія иностраннаго національному, другимъ значительнымъ тормозомъ является неудовлетворительность нашего горнаго законодательства, основаннаго на устарѣвшихъ, не соотвѣтствующихъ обстоятельствамъ и времени законоположеніяхъ Петра Великаго и Екатерины Второй, сведенныхъ въ *Проектъ Горнаго Положенія 1806 года*, составившемъ въ послѣдствіи главную часть донынѣ дѣйствующаго Горнаго Устава Свода Законовъ. Хотя и не мало было издано за послѣднее тридцатилѣтіе отдѣль-

ныхъ постановленій по горной части, тѣмъ не менѣе пробѣлы и разрозненность горнаго законодательства являются немаловажнымъ препятствіемъ къ развитію національной промышленности. Такъ до сихъ поръ въ нашемъ законодательствѣ не выясненъ съ достаточною опредѣленностью первостепенной важности вопросъ о пользованіи нѣдрами земли, иначе сказать, вопросъ о „горной свободѣ", чѣмъ не мало затрудняется разработка нашихъ естественныхъ горныхъ богатствъ. Горная промышленность Царства Польскаго регулируется особыми узаконеніями. До сихъ поръ не выясненъ открывающій обширный просторъ къ злоупотребленіямъ вопросъ о подъѣздныхъ путяхъ къ горнопромышленнымъ предпріятіямъ и т. п. Не мало, кромѣ того, имѣется въ Горномъ Уставѣ устарѣвшихъ, утратившихъ всякое значеніе, постановленій, которыя, сохраняя однако силу закона, вносятъ лишь путаницу въ наше горное законодательство. При высказываемой нынѣ правительствомъ заботливости о развитіи горнаго дѣла путемъ огражденія его отъ иностранной конкурренціи, слѣдовало бы обратить вниманіе и на крайнюю необходимость измѣненія нашего обветшавшаго горнаго законодательства.

VIII.

Нѣмецкія сѣтованіе на русскую торговую политику.

Моск. Вѣд. № 123, 5 мая.

Не по сердцу Нѣмцамъ приходится опубликованное на дняхъ Высочайшее повелѣніе объ измѣненіи пошлинъ нашего таможеннаго тарифа на чугунъ, желѣзо, сталь и издѣлія изъ этихъ металловъ. Германскія газеты переполнены статьями по поводу этой мѣры и ихъ ламентаціи о причиняемыхъ де Россіей убыткахъ и разореніяхъ германской горнопромышленности являются лучшимъ подтвержденіемъ того въ какой мѣрѣ сдѣланный подъемъ пошлинъ на металлы полезенъ и необходимъ для развитія нашего національнаго горнаго дѣла. Достаточно прислушаться къ разсужденіямъ нѣмецкихъ газетъ чтобъ убѣдиться какіе громадные убытки терпѣла страна между прочимъ отъ массы понастроившихся

но ея западной границѣ передѣлочныхъ заводовъ приспособленныхъ иностранцами къ эксплуатаціи нашего отечества. Вотъ что̀, напримѣръ, говоритъ нынѣ *Силезская Газета*, обсуждая вопросъ объ измѣненіи пошлинъ нашего таможеннаго тарифа: „Этотъ законъ главнымъ образомъ представляетъ собой мѣру къ прекращенію развитія тѣхъ желѣзныхъ и чугунныхъ заводовъ которые открываются на сосѣдней съ Германіей границѣ Россіи и которые работаютъ на иностранномъ матеріалѣ и иностранными рабочими. *Этотъ матеріалъ былъ исключительно нѣмецкій и рабочіе почти все Нѣмцы.* Уже измѣненный тарифъ изданный въ Россіи 1 мая 1882 года, какъ видно изъ свѣдѣній опубликованныхъ торговою палатой въ Оппельнѣ, побудилъ многихъ германскихъ фабрикантовъ открыть отдѣленія своихъ фабрикъ на Русско-Германской границѣ, куда они перенесли нѣмецкую производительность и нѣмецкіе капиталы. Въ особенности же владѣльцы заводовъ въ Верхней Силезіи придвинули свое производство къ Русско-Германской границѣ, гдѣ они перерабатывали нѣмецкое сырье, употребляя на это и нѣмецкое топливо.“ Это интересное признаніе говоритъ само за себя.

Но если *Силезская Газета*, въ виду безповоротности Высочайшаго повелѣнія, сочла возможнымъ войти въ такія откровенныя признанія о дѣятельности иностранныхъ промышленныхъ предпріятій въ нашей западной окраинѣ, то другія германскія газеты и преимущественно офиціозы князя Бисмарка принимаютъ другой тонъ. Не ограничиваясь ламентаціями о судьбѣ германской горнопромышленности, лишающейся нынѣ столь выгоднаго рынка какъ Россія, эти газеты стараются убѣдить насъ въ воображаемой несправедливости принятой мѣры, во мнимомъ вредѣ ея будто бы для насъ самихъ, причемъ пытаются запугать насъ возмездіемъ со стороны Германіи. Вотъ что̀ говоритъ, напримѣръ, *Кельнская Газета*: „Повышеніе ввозныхъ пошлинъ на заграничные чугунъ, желѣзо и сталь, недавно проведенное въ Россіи министромъ Финансовъ Вышнеградскимъ, свидѣтельствуетъ что Катковъ (непремѣнно примѣшаютъ имя Каткова: это принятая политика) и защищаемые имъ интересы уральской горнозаводской промышленности одержали полную побѣду надъ западнорусскими заводчиками. Эту побѣду, долженствующую имѣть роковое значеніе для послѣдующаго экономическаго развитія сосѣдней съ нами русской окраины, предполагается

въ ближайшемъ будущемъ довершить новыми мѣропріятіями. Дальнѣйшему развитію нынѣ дѣйствующихъ и основанію новыхъ желѣзныхъ заводовъ которые работаютъ на заграничномъ матеріалѣ и съ помощью иностранныхъ рабочихъ долженъ быть положенъ предѣлъ. Другими словами, все желѣзное и стальное дѣло на западѣ Россіи уничтожается въ пользу уральской промышленности, представители которой, будучи теперь *въ случаѣ*, пользуются выпавшимъ на ихъ долю политическимъ (?) вліяніемъ чтобы по возможности набить себѣ карманъ.“ Понятно негодованіе *Кельнской Газеты* на то что набиваніе германскихъ кармановъ за нашъ счетъ должно прекратиться. Но какимъ куріозомъ являются эти нѣмецкія сѣтованія объ экономической судьбѣ „русской“ окраины, о западно-*русскихъ* заводчикахъ, хотя бы послѣ силезскихъ признаній о значеніи пограничныхъ заводовъ! Не меньшій куріозъ представляетъ и это нѣмецкое указаніе на стремленіе уральскихъ горнозаводчиковъ къ набиванію кармановъ! *Кельнская Газета* или не знаетъ, или притворяется незнающею что въ настоящее время наша горнопромышленность развивается не столько на Уралѣ сколько на югѣ Россіи, обладающемъ особенно благопріятными условіями къ развитію горной производительности; что уральскимъ заводчикамъ, вмѣсто того чтобы набивать карманы, приходится выдерживать сильную конкурренцію съ быстро развивающимися горнопромышленными предпріятіями черноморской окраины, получающими нынѣ, при повышеніи пошлинъ, новыя средства къ увеличенію своей производительности... Но оставимъ это и обратимся къ дальнѣйшему изложенію аргументаціи *Кельнской Газеты* по данному вопросу. Газета снисходительно замѣчаетъ: „у насъ, въ Германіи, слѣдуетъ отнестись къ этимъ мѣрамъ съ точки зрѣнія того руководящаго принципа что Россія у себя дома въ правѣ распоряжаться какъ ей благоугодно, хотя бы отъ этихъ распоряженій и пришлось сильно пострадать нашему собственному желѣзному дѣлу въ Верхней Силезіи. При этомъ мы исходимъ однако изъ предположенія что запретительныя пошлины на заграничныя желѣзо и сталь должны взиматься въ одинаковыхъ размѣрахъ, откуда бы товары эти ни привозились. Къ сожалѣнію, въ данномъ случаѣ означенное условіе, повидимому, не соблюдается. Если при нынѣшнемъ возвышеніи пошлинъ товары ввозимые сухимъ путемъ будутъ обложены болѣе высокою пошлиной

чѣмъ при ввозѣ ихъ моремъ (какъ это, между прочимъ, уже сдѣлано для каменнаго угля), то станетъ совершенно очевидно что такое неравномѣрное обложеніе направлено прямо въ ущербъ Германіи и противъ ея верхнесилезской желѣзной промышленности. Тогда верхнесилезская промышленность окажется поставленною въ худшія условія чѣмъ англійская, для которой разница въ тарифѣ составитъ прямое поощреніе въ ущербъ германскимъ заводчикамъ." Итакъ, газета протестуетъ противъ установленія у насъ двойной схемы таможенныхъ пошлинъ на чугунъ: по сухопутному и морскому привозу, и требуетъ уравненія интересовъ германской горнопромышленности съ англійскою. Но въ данномъ случаѣ не оказано никакого предпочтенія англійскимъ интересамъ предъ германскими, и неудовольствіе *Кельнской Газеты* по этому поводу объясняется единственно ея собственнымъ недосмотромъ, непринятіемъ во вниманіе условій доставки продуктовъ англійской и германской горнопромышленности на наши рынки. Верхнесилезскіе заводы находятся на самой нашей границѣ, англійскіе же заводы отстоятъ отъ насъ на тысячи миль, и если взять въ разчетъ разницу въ провозной платѣ до нашей границы съ верхне-силезскихъ и англійскихъ заводовъ, то окажется что разница въ сухопутной и морской пошлинѣ на чугунъ (5 копѣекъ съ пуда) отнюдь не ставитъ верхнесилезскую промышленность въ худшія условія сравнительно съ англійскою по сбыту продуктовъ на наши рынки: эта разница только уравниваетъ условія конкурренціи той и другой промышленности на нашихъ рынкахъ, чего именно и добивается *Кельнская Газета*.

Требуя совсѣмъ иного уравненія условій для германской и англійской горнопромышленности по сбыту ихъ продуктовъ на русскіе рынки,—уравненія которое было бы выгодно только для Германіи, *Кельнская Газета* съ достоинствомъ заявляетъ что „подобный фактъ несомнѣнно обусловливаетъ для Германскаго правительства право, даже обязанность обратить вниманіе на причины такого спеціально-враждебнаго Германіи образа дѣйствій и принять со своей стороны соотвѣтственныя мѣры возмездія. Германія легче чѣмъ какая-либо другая держава можетъ отплатить Россіи тою же монетой. Четвертая часть всего русскаго вывоза идетъ въ Германію, а за послѣдніе годы цѣнность его превышала среднимъ числомъ на 200 милліоновъ марокъ цѣнность ввоза

изъ Германіи въ Россію. Особенно чувствительно будетъ для Россіи когда Германія обложитъ русскіе сельскохозяйственные продукты болѣе высокою пошлиной чѣмъ, напримѣръ, таковые же продукты изъ Австро-Венгріи.“ Далѣе слѣдуетъ пространное разсужденіе о правѣ Германскаго правительства обложить усиленною пошлиной идущіе изъ Россіи товары, и статья оканчивается заявленіемъ что „еслибы можно было сообразоваться исключительно только съ интересами государственнаго хозяйства, то подобный декретъ оказался бы теперь, по нашему мнѣнію, какъ нельзя болѣе умѣстнымъ“.

По словамъ *Кельнской Газеты*, выходитъ будто не Германія эксплуатировала Россію, а Россія Германію, заполоняя ее своими товарами. Но *Кельнская Газета* очень ошибается. Развертываемъ *Обзоры Внѣшней Торговли*, и узнаемъ что за 21 годъ, съ 1866 по 1886 годъ включительно, нашъ вывозъ въ Германію опредѣлялся цифрой въ 2.542.858.867 р., а привозъ товаровъ изъ Германіи исчислялся за тотъ же періодъ времени въ 3.686.733.741 руб., т.-е. за 21 годъ торговли съ Германіей нами было приплачено послѣдней къ отпущеннымъ ей товарамъ 1.143.874.874 руб. или, иначе сказать, въ Германію ушло все золото добытое въ Россіи за этотъ періодъ времени. А Нѣмцы все еще выражаютъ неудовольствіе что мало получаютъ съ насъ и грозятъ воспретить нашему хлѣбу доступъ на германскіе рынки! Что̀ же? пусть воспрещаютъ. Только выгодно ли будетъ для Германіи замѣнять дешевую русскую *рожь* дорогою австро-венгерскою *пшеницей?* Нѣтъ, при такомъ балансѣ за двадцать лѣтъ какъ вышеприведенный, не Россіи страшиться экономическихъ возмездій со стороны Германіи. Германскіе публицисты поступятъ разсчетливѣе если прекратятъ всякую рѣчь о возмездіяхъ.

IX.

Конверсія закладныхъ листовъ Взаимнаго Поземельнаго Кредита.

Моск. Вѣд. № 137, 19 мая.

Въ послѣднее время въ печати, какъ русской такъ и заграничной, ходили смутные слухи о переговорахъ между управляющимъ Министерствомъ Финансовъ и представителями

извѣстныхъ иностранныхъ фирмъ касательно различныхъ операцій имѣющихъ цѣлію то повышеніе русской валюты, то конверсіи разныхъ русскихъ займовъ. Мы удерживались отъ передачи подобныхъ слуховъ, которые часто находятся въ сторонѣ отъ правды. Сегодня мы получаемъ изъ Петербурга извѣстіе что переговоры, которые велись секретно, привели наконецъ къ заключенію договора, который на дняхъ удостоился Высочайшаго утвержденія. Мы можемъ теперь, слѣдовательно, свободно говорить объ этомъ дѣлѣ.

Какъ часто случается, пущенные газетами слухи, хотя въ подробностяхъ и были совершенно ошибочны, въ сущности заключали въ себѣ и долю правды. Дѣло дѣйствительно шло о конверсіи и косвенно имѣло послѣдствіемъ довольно замѣтное повышеніе нашей валюты и всѣхъ нашихъ фондовъ. Конверсія касалась, однако, не русскихъ правительственныхъ займовъ, а закладныхъ листовъ Взаимнаго Поземельнаго Кредита; если наша валюта нѣсколько поднялась, то не вслѣдствіе какихъ-либо фантастическихъ искусственныхъ мѣръ; ея поднятіе было отчасти въ связи съ результатомъ договора заключеннаго по поводу этой конверсіи. Къ счастью, управляющій Министерствомъ Финансовъ избѣгаетъ искусственнаго повышенія нашей валюты, которое каждый разъ обходилось казнѣ весьма дорого и всегда приводило къ отрицательному результату. Поднять нашу валюту серіозно и безъ жертвъ со стороны казны можно только улучшивъ самый кредитъ Россіи за границей, улучшая нашъ разчетный балансъ, а затѣмъ уменьшая по возможности расходы казны и слѣдовательно дефицитъ.

Договоръ заключенный управляющимъ Министерствомъ Финансовъ съ синдикатомъ, во главѣ котораго стоятъ дома Ротшильдовъ въ Парижѣ и Франкфуртѣ, удовлетворяетъ нѣкоторымъ изъ этихъ требованій. Извѣстно что уже болѣе десяти лѣтъ Ротшильды уклонялись отъ всякихъ сдѣлокъ съ нашимъ Министерствомъ Финансовъ; всѣ попытки привлечь ихъ къ операціямъ нашей казны оказывались тщетными. Не менѣе извѣстно также какое вредное вліяніе это уклоненіе Ротшильдовъ имѣло на нашъ кредитъ. Фонды и валюта наша постоянно падали; Парижскій и Лондонскій рынки были нами совершенно утрачены. Наши фонды подпали подъ исключительную зависимость отъ берлинской биржи, и кому не извѣстно какъ разорительно это вассальство нашего Министва Финансовъ дѣйствовало на наши финансы.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ нашего новаго финансоваго управленія было положить конецъ этой исключительной зависимости нашего фондоваго рынка отъ Берлина и возобновить давно прерванныя связи съ парижскимъ финансовымъ міромъ. Еще весьма недавно берлинскія газеты громко предсказывали нашему министерству что попытки его въ этомъ направленіи будутъ тщетны, что на Парижской биржѣ главная сила домъ Ротшильдовъ, а Ротшильды никогда не пожелаютъ вновь сдѣлаться нашими банкирами. Предсказанія не сбылись. Теперь домъ Ротшильдовъ въ Парижѣ весьма охотно возобновилъ прежнія сношенія съ нашимъ Министерствомъ Финансовъ. Франція слишкомъ обязана Россіи за защиту оказанную ей въ послѣднихъ кризисахъ, и французскіе банкиры не колеблясь спѣшатъ содѣйствовать финансовымъ операціямъ нашего министерства. Операція предпринятая ими по поводу конверсіи закладныхъ листовъ Взаимнаго Поземельнаго Кредита есть только первое проявленіе завязавшихся сношеній, которыя, надѣемся, будутъ крѣпнуть и развиваться далѣе.

Мы уже намекнули что послѣднее повышеніе нашей валюты и нашихъ фондовъ было отчасти слѣдствіемъ заключеннаго договора. Дѣйствительно, какъ только на биржахъ стали распространяться слухи что наше министерство заключило операцію съ Ротшильдами, спросъ на русскіе фонды явился со всѣхъ сторонъ, и валюта стала повышаться. Даже въ Берлинѣ, Франкфуртѣ и на другихъ нѣмецкихъ биржахъ систематическіе игроки на пониженіе нашихъ фондовъ поколебались и начали отступать. Такимъ образомъ, не прибѣгая къ искусственнымъ, притомъ всегда столь убыточнымъ и рѣдко успѣшнымъ мѣрамъ, Министерство Финансовъ положило конецъ паденію нашихъ фондовъ и сразу улучшило нашъ заграничный кредитъ.

Что касается самой сущности договора заключеннаго съ разрѣшенія управляющаго Министерствомъ Финансовъ между Обществомъ Взаимнаго Поземельнаго Кредита и синдикатомъ изъ банкировъ, въ который, по настоянію управляющаго Министерствомъ Финансовъ, вошли и главные Петербургскіе банки, Учетный и Международный, то договоръ сей имѣетъ цѣлью конверсію 5% закладныхъ листовъ (металлическихъ) въ 4½%. Новые листы свободны отъ купоннаго налога, пользуются правительственною гарантіей, и ихъ купоны по

маются въ таможняхъ. Подробности заключеннаго договора сохраняются въ тайнѣ; но, какъ мы слышимъ, Общество дѣлаетъ на этой операціи довольно значительное сбереженіе въ суммахъ которыя ему приходится ежегодно расходовать на проценты и погашеніе своихъ металлическихъ займовъ,— сбереженіе около милліона кредитныхъ рублей въ годъ.

Что же касается владѣльцевъ 5% металлическихъ листовъ, то и для нихъ конверсія представляетъ весьма значительныя выгоды. Незначительная отсрочка погашенія и нѣкоторое уменьшеніе дохода болѣе чѣмъ вознаграждаются абсолютною правительственною гарантіей новыхъ $4^1/_2$% листовъ, свободою отъ обложенія ихъ купоновъ и пріемовъ послѣднихъ въ таможняхъ. Всѣ эти выгоды несомнѣнно окажутъ благопріятное дѣйствіе на биржевую стоимость новыхъ листовъ, которая вскорѣ несомнѣнно сравнится и даже превыситъ теперешнюю стоимость 5% листовъ.

Въ этомъ можно легко убѣдиться изъ слѣдующаго факта: до слуховъ о конверсіи пятипроцентныхъ закладныхъ листовъ, они котировались за границей въ $90_{,5}$ процентовъ ихъ нарицательной стоимости, а наши консоли 1875 года $4^1/_2$% всего ближе подходящіе по достоинству къ новымъ $4^1/_2$% листамъ стояли 88%. При первыхъ слухахъ о конверсіи, послѣдніе котировались уже 92%, то-есть на 2% выше курса 5% листовъ *до* слуховъ о конверсіи. Если курсъ послѣднихъ тоже поднялся, то опять-таки только въ виду ихъ предстоящей замѣны $4^1/_2$% листами. Нѣтъ сомнѣнія что послѣдніе листы будутъ стоять даже выше $4^1/_2$% консолей, такъ какъ они будутъ имѣть два преимущества: двойную гарантію, правительственную и поземельную, и болѣе короткій срокъ погашенія.

Въ добавокъ, владѣльцы 5% листовъ которые сдѣлаютъ конверсію въ первыя недѣли послѣ ея объявленія, какъ мы слышали изъ хорошихъ источниковъ, получатъ въ видѣ преміи довольно значительную наличную приплату.

Но, какъ мы уже сказали, главная выгода конверсіи заключается въ облегченіи тяжестей лежащихъ на самомъ Обществѣ Поземельнаго Кредита, слѣдовательно на заемщикахъ Общества, а тѣмъ самымъ и на правительствѣ обѣщавшемъ имъ облегчить ихъ положеніе.

Съ одной стороны, настоящее положеніе нашей валюты, а съ другой—недостатки устава Общества и нѣкоторые промахи сдѣланные при выпускѣ металлическихъ займовъ Обще-

ства, поставляли заемщиковъ въ весьма затруднительное положеніе и побудили правительство прійти Обществу на помощь.

Конверсія металлическихъ листовъ изъ 5% въ $4^1/_2$% есть только одна изъ мѣръ принятыхъ управляющимъ Министерствомъ Финансовъ для облегченія заемщиковъ. Установленіе средней нормы въ 6 руб. 90 k. кредитныхъ для уплаты процентовъ, совершенно независимо отъ колебанія нашей валюты, значительныя облегченія досрочнаго выкупа заложенныхъ имѣній по частямъ и въ цѣломъ, и наконецъ исправленіе важнѣйшихъ недостатковъ теперешняго устава Общества вотъ въ общихъ чертахъ главныя мѣры принимаемыя правительствомъ по отношенію къ Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита.

ВЪ КОНТОРѢ
ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ПОЛНЫЙ ЛАТИНСКІЙ СЛОВАРЬ, составленный по современнымъ латинскимъ словарямъ Ананьевымъ, Яснецкимъ и Лебединскимъ, изданный П. Леонтьевымъ. Ц. 4 р., пересылка за 5 фунтовъ.

СОКРАЩЕННЫЙ ЛАТИНСКІЙ СЛОВАРЬ, изданный П. М. Леонтьевымъ. Изданіе второе пересмотрѣнное. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 25 k.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧЕНІЕ ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрено для ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, а равно для учительскихъ и ученическихъ библіотекъ, учительскихъ семинарій, городскихъ и народныхъ училищъ. Изданіе 2е дополненное. Цѣна 50 коп., съ перес. 65 коп.

ИСТОРІЯ СЛАВЯНСКАГО ПЕРЕВОДА СИМВОЛОВЪ ВѢРЫ, А. М. ГЕЗЕНА. Критико-палеографическія замѣтки съ приложеніемъ четырехъ снимковъ. Цѣна 3 руб.

ТУРЕЦКІЕ АНЕКДОТЫ. Изъ тридцатилѣтнихъ воспоминаній Михаила Чайковскаго (Садыкъ-паши). Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 k.

НА ЗАПАДНОЙ ОКРАЙНѢ РОССІИ. И. Красковскаго. Ц. 1 р. 75 k., съ пер. 2 р.

ПЯТНАДЦАТЬ ЛѢТЪ РЕСПУБЛИКИ. Цѣна 1 р. 25 k.

ИЗЪ ПЕЩЕРЪ И ДЕБРЕЙ ИНДОСТАНА. Письма на родину. Радда-Бай. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 k.

ФЕРМА ШОКАРЪ. Романъ Шербюлье, пер. съ фран. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 k.

ПРОГУЛКА ПО СРЕДИЗЕМНОМУ МОРЮ. М. Верна. Ц. 1 р. 50 k., съ пер. 1 р. 75 k.

ПИСЬМА СВЯЩЕННИКА СЪ ПОХОДА 1877—78 гг. Вакха Гурьева. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ перес. 1 руб. 75 k.

УГРЫЗЕНІЕ СОВѢСТИ. Соч. Бензона, перев. съ фран. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 k.

РАЗСТРИГА. Романъ Эрнеста Доде. Ц. 1 руб., съ пер. 1 р. 25 k.

СЪ ТЕАТРА ВОЙНЫ (1877—78) ДВА ПОХОДА ЗА БАЛКАНЫ. Соч. кн. Л. В. Шаховскаго. Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, учительскихъ институтовъ и семинарій, а равно и для городскихъ уѣздныхъ училищъ. 1878. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 k.

ЛЕКЦІИ ФИЛОСОФІИ профессора М. Д. Академіи Ѳ. А. Голубинскаго. Выпуски 1й, 2й и 3й. Цѣна 2 р., съ пересылкой 2 р. 50 k.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО КИТАЮ. Доктора П. Я. Пясецкаго. 2 т. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 k.

